УДК 902/903 902.01 903.4 572.022 https://doi.org/10.24411/2587-6112-2021-10001

КАМЕННЫЙ ВЕК ЧУВАШСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2021 г. Н.С. Березина

Монография посвящена исследованию памятников каменного века Чувашского Поволжья, проведенных под руководством или при участии автора в 1990-х – начале 2000-х годов. В научный оборот вводятся новые материалы более 50 памятников, относящихся к финальному палеолиту, мезолиту, неолиту и энеолиту. Автором раскрыты основные методические походы в описании сложных многослойных и разрушающихся памятников, представлена история полевых исследований памятников каменного века в Чувашском Поволжье. На основании анализа палеогеографических данных, систематизации находок четвертичной фауны и месторождений каменного сырья сделаны палеоэкологические выводы относительно природного окружения древнего населения. В монографии обобщены результаты исследований опорных памятников каменного века региона и рассмотрены вопросы их хронологии и культурной принадлежности. Автором предлагается схема динамики культурно-хронологических процессов, происходивших в Чувашском Поволжье на протяжении начальных этапов эпохи первобытности.

Ключевые слова: археология, Чувашское Поволжье, финальный палеолит, мезолит, неолит, энеолит, стоянки, поселения, жилища, каменные орудия, керамика.

STONE AGE OF THE CHUVASH VOLGA REGION

N.S. Berezina

The monograph is dedicated to the study of the Stone Age sites of the Chuvash Volga region conducted under the supervision or with the participation of the author in the 1990s – early 2000s. New materials from more than 50 sites related to the Final Paleolithic, Mesolithic, Neolithic and Eneolithic are introduced into scientific discourse. The author reveals the main methodological approaches in the description of complex multilayer and decaying monuments, and presents the history of field studies of the Stone Age sites in the Chuvash Volga Region. Based on an analysis of paleogeographic data and systematization of the finds of the Quaternary fauna and deposits of stone raw materials, palaeoecological conclusions were drawn regarding the natural environment of the ancient population. The monograph summarizes the results of studies at the reference Stone Age sites in the region and addresses the issues of their chronology and cultural affiliation. The author suggests a scheme of the dynamics of cultural and chronological processes which occurred in the Chuvash Volga Region during the initial stages of the Primeval period.

Keywords: archaeology, Chuvash Volga Region, Final Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, sites, settlements, dwellings, stone tools, ceramics.

ВВЕДЕНИЕ

Памятники каменного века Чувашского Поволжья до конца 1990-х годов не становились предметом специального изучения, и знания археологов об этой эпохе носили поверхностный характер. Отсутствие фактического материала самого масштабного исторического периода не позволяло выявить направления историко-культурных процессов в регионе. Уникальность географического положения Чувашского Поволжья, в котором сочетаются разные природные зоны (южная тайга, лес и лесостепь), обусловила сложность и многофакторность процессов развития человеческих коллективов в древности. В последние годы здесь было открыто и исследовано более 50 новых стоянок и местонахождений, представляющих регион в широком хронологическом диапазоне от финального палеолита и мезолита до неолита и энеолита.

В основу данной монографии была положена диссертация "Каменный век Чувашского Поволжья", защищенная автором в 2011 г. (Березина, 2011) с дополнениями материалов исследований последах лет. Цель исследования – выявление закономерностей развития материальной культуры и определение культурно-хронологической позиции опорных комплексов каменного века Чувашского Поволжья.

Чувашское Поволжье находится в среднем течении Волги и занимает географическое положение между нижним течением рек Суры и Свияги, включает высокое правое нагорье (Чувашское плато), представляющее

северо-восточную часть Приволжской возвышенности и низменное левобережье (Марийская низина), в административном отношении находится в пределах Чувашской Республики. Хронологические рамки исследования охватывают период от позднеледниковья позднего плейстоцена (17–12,4 тыс. л.н.) до середины суббореального периода позднего голоцена (4 тыс. л.н.), что соответствует эпохам от верхнего (финального) палеолита до энеолита. Эпоха энеолита рассматривается нами в рамках каменного века, т.к. хозяйственно-экономическая основа деятельности племен этого времени лесной и лесостепной полосы мало изменилась по сравнению с эпохой неолита и в инвентаре, по-прежнему, преобладали каменные изделия.

Основными источниками исследования стали археологические коллекции, полученные в результате разведок и раскопок с 1999 по 2010 гг. в Чувашском Поволжье. Раскопками были исследованы 16 памятников археологии. Общая исследованная площадь составила более 1000 кв.м. Кроме того, проанализированы археологические коллекции подъемного материала с более чем 35 памятников Чувашского Поволжья. Для сравнений были привлечены археологические коллекции, хранившиеся в Институте истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстана (ныне хранятся в Музее археологии республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ), Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Краеведческом музее в г. Истра, Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» Московской области, Пензенском краеведческом музее, Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина.

Основные архивные материалы представлены документами научных архивов Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, Чувашского государственного института гуманитарных наук, в т.ч.: неопубликованные отчеты П.Н. Старостина о разведках в левобережье Волги и в бассейне Цивиля; неопубликованные материалы сборов подъемного материала и карты из архива Ю.Б. Новикова; неопубликованные материалы Средневолжской археологической экспедиции 1926–1927 гг.

Степень объективности и информативный уровень собственно археологических коллекций различны.

Во-первых, большая часть исследованных памятников являются многослойными поселениями, поэтому в качестве основной культурно-хронологической единицы мы будем рассматривать комплексы (керамические и/или каменные), полученные на одном памятнике, относящиеся к одной культурной группе или типу. Эти комплексы могут быть объединены сходством технологических, морфологических, технических и орнаментальных признаков. При невозможности соотнесения керамического комплекса с кремневым, последний нами не рассматривается. Так, на многослойном поселении Утюж I, где типологически выделены несколько культурно-хронологических комплексов керамики, кремневый инвентарь соотнести с ними не всегда возможно. Исключение составляют находки, залегавшие в не переотложенном состоянии, например, привязанные к полу выявленных жилых построек.

Во-вторых, несмотря на приуроченность левобережных памятников мезолита, исследованных раскопками, к песчаным отложениям, следует отметить уникальную сохранность и выраженность культурного слоя и его «чистоту», т.е. однослойность. При раскопках Мукшумской X, XIV и XVIII стоянок мы наблюдали сохранившиеся западины на дневной поверхности, точно повторявшие планиграфию жилищ, которая отлично выделялась по цвету (чёрному и серому углистому) и фактуре (плотной на полу и рыхлой за пределами жилища) культурного слоя. Единичные поздние включения в перекрывающих культурный слой отложениях не влияют на закрытый характер археологических коллекций этих памятников. О такой же сохранности памятников Марийского Поволжья пишет В.В. Никитин (2006).

В-третьих, в работу вовлечен обширный подъемный материал из разрушающихся Чебоксарским водохранилищем Мукшумских стоянок Заволжья, а также Сурмайданской стоянки Присурья. Полевые наблюдения (локальное распространение находок, его привязанность к разрушающемуся культурному слою, часто видимому в береговом обрыве, а также однородность каменного сырья) позволяют нам считать его относительно достоверным. Таким образом, выделены опорные памятники Чувашского Поволжья: для палеолита – финальнопалеолитическая стоянка Шолма I; для мезолита – исследованные раскопками стоянки Яндашевская, Мукшумская X, XIV и XVIII; для неолита – много-

слойное поселение Утюж I, стоянки Вьюново Озеро I, II, Чёрненькое озеро и Молёбное Озеро; для энеолита – многослойные поселения Утюж I, V и стоянка Новая Деревня.

Слова благодарности от автора

Данная монография – обобщенный результат многолетней работы, в которой автору помогали ее коллеги, соратники и ученики. Автор выражает глубокую благодарность своим учителям В.В. Никитину, Р.С. Габяшеву, М.Ш. Галимовой и Е.П. Михайлову, которые делились своим бесценным опытом, советами и наставлениями, помогали всегда держать высокую научную планку исследований. Автор особо благодарит своего супруга и коллегу А.Ю. Березина, который не просто оказывал поддержку на протяжении двадцати лет исследований, а был частью творческого процесса, и его идеи и взгляды оказали большое влияние на формирование взглядов автора и создание этой монографии. Автор благодарит своих коллег А.А. Выборнова, А.И. Королева, В.В. Ставицкого, В.В. Сидорова и А.В. Вискалина, совместная работа с которыми в Присурье в 2006-2012 гг., расширила научные горизонты, позволила открыть и исследовать новый уникальный материал. Всегда были рядом друзья и ученики, за что автор выражает им сердечную признательность, некоторые из них стали известными исследователями – Е.А. Петрова, О.В. Лоцманова и Н.С. Мясников. Автор благодарит всех рецензентов и редакторов коллегии журнала «Археология Евразийских степей» за помощь в подготовке монографии.

Часть рисунков утюжского комплекса памятников Среднего Присурья, используемых в монографии, выполнена А.В. Вискалиным, А.А. Ластовским, С.А. Кондратьевым, А.А. Шалапининым и К.М. Андреевым, за что автор выражает им благодарность.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Каменный век Чувашского Поволжья – это один из интереснейших и до сих пор мало изученных периодов в истории края, охватывающий самый большой промежуток времени от палеолита до энеолита. Ряд районов до последнего времени не был затронут археологическими исследованиями, а памятники каменного века, насчитывающие около десятка, не были исследованы стационарно, за исключением Яндашевской стоянки, раскопанной П.П. Ефименко в 1927 году и стоянок Челкасы I и Стемасы I, и раскопанных Каховским В.Ф. в 1967, 1968 и 1974 гг. А между тем, Чувашское Поволжье – это обширная область с благоприятной природной средой, которая уже с эпохи верхнего палеолита была заселена и включена в орбиту общего исторического процесса, протекавшего на огромных пространствах нашей страны.

Изучение памятников каменного века на территории Чувашского Поволжья имеет сравнительно короткую историю. Тем не менее, можно выделить четыре этапа:

начальный этап – с середины XIX в. до 1921 г.;

второй этап – с начала первых научно поставленных археологических работ (1921 г.) до 1956 г.;

третий этап – с начала создания Чувашской археологической экспедиции (1956 г) по конец 1990-х гг.;

четвертый этап – начиная с целенаправленного изучения памятников каменного века (с начала XXI в.).

Археологические исследования, проводившиеся здесь в дореволюционное время, носили эпизодический характер и, в основном, ограничивались сборами отдельных древних предметов и сведений об археологических памятниках. Первые сведения по археологическим памятникам и отдельным находкам появились во второй трети XIX века. О них в разное время сообщалось на страницах «Известий» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1877 году вышла в свет монография С.М. Шпилевского "Булгарские города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии" (Шпилевский, 1877), где значительное место занимает освещение археологических объектов Чувашии. Довольно подробные сведения об археологических памятниках содержатся в статьях Н.А. Архангельского (Архангельский, 1896; 1898; 1900; 1900а), И.А. Износкова (Износков, 1884), П.И. Кротова (Кротов, 1910), а также в работах С.И. Порфирьева (Порфирьев, 1904), В.К. Магницкого (Магницкий, 1866; 1874; 1896; 1891), М. Хомякова (Хомяков, 1909), А.А. Штукенберга (Штукенберг, 1901) и др. Отдельные предметы, находимые местными жителями при сельскохозяйственных и строительных работах или случайно, а также подъемный материал, полученный

при разведках, поступали в музейные коллекции. Таким образом, уже в дореволюционное время сложилось некоторое представление о древнейших памятниках Чувашского Поволжья. Но во всех этих сведениях этого периода памятники и находки каменного века не выделяются среди других.

Первые научно поставленные археологические работы на территории Чувашского Поволжья были предприняты в 1921 году Научным обществом, созданным Чувашским центральным музеем, которое организовало археологическую экспедицию в Чебоксарский и Цивильский уезды. Возглавил экспедицию проф. В.Ф. Смолин, в состав экспедиции вошли Л.К. Смолина и сотрудники Чувашского центрального музея А.В. Васильев, Е.И. Юровская, З.А. Иванов. Ими была проведена археологическая разведка. Краткий итог работы экспедиции 1921 г. подведен в отчете В.Ф. Смолина (Смолин, 1921).

В 1926 году в Чувашском Поволжье начал работу палеоэтнологический отряд Средне-Волжской экспедиции, организованной Академией Истории Материальной Культуры под руководством акад. Н.Я. Марра. Археологические работы возглавил проф. П.П. Ефименко. Отдельным археологическим отрядом под руководством В.Ф. Смолина была проведена разведка по нижнему течению реки Цивиль от г. Цивильска до впадения в Волгу. В ходе разведок было выявлено четыре неолитические стоянки: 1) у д. Яндашево, на левом берегу р. Цивиль, южнее переправы; 2) у д. Ивановой, на берегу р. Воложки, что отделяла о. Казин, западнее устья р. Цивиль; 3) у д. Атлашево, на северной окраине в районе бывшей Богдановской мельницы; 4) у д. Ердово, при впадении р. Рыкши в р. Цивиль. Краткие данные об археологической разведке: состав участников, маршрут, цели и описание открытых памятников, в том числе и ранненеолитическая стоянка у д. Яндашево, приводятся в статье В.Ф. Смолина (Смолин, 1927). Это были первые отмеченные памятники неолита в Чувашском Поволжье.

В 1927 году палеоэтнологический отряд Средне-Волжской экспедиции под руководством П.П. Ефименко продолжил работу, к экспедиции присоединился секретарь Чувашского Научного Общества К.В. Элле. Маршрут их экспедиции проходил с севера на юг, частично повторив прошлогодний – по Цивилю. Были проведены раскопки Яндашевской стоянки, расположенной на левом берегу р. Цивиль, примерно, в километре выше его впадения в Волгу. Было заложено три раскопа. Материал стоянки хранится в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (коллекция под № 1137).

Два других памятника, подвергшихся раскопкам в 1926-1927 гг., находятся около г. Цивильск в местности «Шелом» и «Близ старой пристани» (Ефименко, 1929). В обоих пунктах были найдены как каменные орудия, так и следы их изготовления в виде осколков кремня. Однако, культурного слоя тогда не было выявлено. П.П. Ефименко сообщал о стоянках, что: «они в значительной степени подверглись деструкции и определенного культурного горизонта не содержат» (Ефименко, 1929. С. 161). На вершине горы «Шолом» был заложен один раскоп размерами 6х1 м. На стоянке «Близ старой пристани» «в разных пунктах надлуговой террасы было заложено 13 пробных раскопов (Ефименко, Архив ИИМК РАН). В шурфах были обнаружены отдельные куски кремня и орудий, а также черепки лепной посуды. Этой же экспедицией также было обследовано побережье Суры между г. Ядрин и д. Иваньково. Далее работы были перенесены в Батыревский уезд. Таким образом, путь отряда отчасти совпадал с маршрутом, пройденным в 1926 г. В.Ф. Смолиным, и был построен в соответствии со сведениями из его отчета.

Большое значение для археологии Чувашии имели раскопки осенью 1936 года Улянкской палеолитической стоянки, которая являлась самой северной из всех известных к тому времени и самой восточной в Европейской части СССР. Еще в 1929 г. одним из жителей села Улянк Янтиковского района, П.М. Абу, учившимся тогда в Москве, были доставлены в Государственный исторический музей кости мамонта, найденные им в овраге Сель-Серми около села. Специалисты Государственного исторического музея А.Я. Брюсов и Г.А. Бонч-Осмоловский приехали в на место находок вблизи д. Улянк (Уразлино) для исследования местонахождений костей четвертичных животных вблизи. Они произвели раскопки и нашли следы верхнепалеолитической стоянки, обнаружив на глубине около шести метров слой кострища многочисленными обломками костей древних животных. Каменных или кремневых предметов исследователями обнаружено не было.

В 1956 году Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР при участи Чувашского краеведческо-

го музея, Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Государственного исторического музея была создана Чувашская археологическая экспедиция под руководством профессора А.П. Смирнова, положившая начало систематическому и планомерному выявлению и изучению археологических памятников в Чувашском крае.

В августе 1955 года Государственный исторический музей проводил археологические разведочные работы на территории Чувашии под руководством Н.В. Трубниковой. Позже, в 1956-1957 годах в составе Чувашской археологической экспедиции Н.В. Трубникова возглавила 2-ой археологический отряд. Она обнаружила в нижних слоях одного из раскопов на Криушинской дюне в Козловском районе неолитическую керамику (Трубникова, 1956; 1958). Найденные ею фрагменты с узорами отпечатков веревочного штампа были соотнесены и по типу орнамента и по фактуре поверхности с неолитической керамикой стоянок нижней Оки.

В июле 1957 г. в Чувашском Поволжье продолжаются поиски палеолита. Тогда начал свою работу палеолитический отряд Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.О. Бадера и В. Пушкарского. Целью экспедиции было уточнение старых неполных данных и выявление новых местонахождений палеолита на территории Чувашской АССР и Куйбышевской области в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Исследователями были обследованы Янтиковский и Урмарский районы Чувашской АССР. Орядом был пройден большой маршрут по рекам Аль, Норваш, Сугутка, Нижарка, Кубня, были обнаружены кости четвертичных животных, но памятники палеолита найдены не были. Тем не менее, Н.О. Бадер сделал вывод о том, что «...обследованный район заслуживает большого внимания, т.к. из всех осмотренных пунктов здесь находки фауны особенно обильны и залегают в интересных стратиграфических условиях и вероятность наткнутся на остатки палеолитического времени в этом месте больше всего» (Бадер, 1957, Л. 15).

В 1958-1959 годах IV (III) отряд Чувашской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Каховского проводил исследования в Чебоксарском и Марпосадском районах. Были обследованы берега р. Цивиль в нижнем ее течении. Описано несколько новых поселений, в том числе Яндашевская I стоянка, в нижних слоях которой была обнаружена керамика, отнесенная к неолиту. Также был проведен сбор подъемного материала и заложен разведочный раскоп площадью 36 кв. м. на Яндашевской стоянке (Яндашевском VIII поселении, по В.Ф. Каховскому), впервые описанной В.Ф. Смолиным в 1925 г. (Каховский В.Ф., 1964).

В 1960 г. территория волжского левобережья Чувашии обследовалась экспедицией Марийского республиканского краеведческого музея под руководством П.Н. Старостина (Старостин, 1961). Маршрут его экспедиции проходил по левобережью Волги от пос. Дубовский до с. Кокшамары, включая и территорию Чувашского Поволжья. На территории Чувашского Заволжья и прилегающих территориях было выявлено и описано 14 археологических памятников от эпохи неолита до средневековья, в том числе: 12 Чебоксарских стоянок и местонахождений, располагавшихся в пойме Волги напротив г. Чебоксар и два Кувшинских местонахождения, описанных рядом с Кувшинским домом престарелых. В этой группе памятников были отмечены четыре неолитические стоянки. Главное внимание П.Н. Старостиным было уделено обследованию надлуговой террасы, возвышающейся над уровнем Волги на 10-27 метров. Характерными элементами этой террасы являются очень удобные для жизни первобытного человека дюнные холмы и гривы, состоящие из песков, суглинков и супесей (к сожалению, все эти стоянки ныне затоплены Чебоксарским водохранилищем).

П.Н. Старостин продолжил исследование территории Чувашского Поволжья в июле-августе 1966 года. На территории Чувашской АССР под его руководством была проведена археологическая разведка Казанского ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, сотрудником которого он тогда являлся, с целью выявления новых археологических памятников (Старостин, 1966). Маршрут экспедиции проходил по правому берегу реки Малый Цивиль, от с. Шихазаны до д. Новая Деревня, а также по правому берегу реки Большой Цивиль, от г. Цивильск до устья реки Средний Цивиль и по берегу правого притока Среднего Цивиля, от устья до д. Волонтёр. Им была открыта новая мезолитическая стоянка на правом берегу р. Малый Цивиль, названная стоянка «Селекционная станция», а также «Цивильское место первичной обработки кремня» и Чиганарское местонахождение. Всего П.Н. Старостиным в результате этих разведок было выявлено семь стоянок эпохи камня.

В 1967-1968 гг. Чувашский археологический отряд под руководством В.Ф. Каховского проводил исследования булгарского селища близ д. Челкасы. Во время раскопок в нижнем слое селища были обнаружены фрагменты лепной керамики, определенной В.Ф. Каховским как керамика волосовской культуры (Каховский В.Ф., 1968).

В 1969 году создается новостроечная Чебоксарская экспедиция, в состав которой до 1972 года входила и Марийская археологическая экспедиция. В это время ведется активная работа, в основном марийскими археологами, по исследованию археологических памятников в ложе водохранилища Чебоксарской ГЭС.

В 1974, 1975, 1976 и 1977 гг. археологической экспедицией ЧНИИ под руководством В.Ф. Каховского были проведены стационарные и разведочные работы по обоим берегам реки Суры, от г. Алатырь до г. Ядрин (Каховский В.Ф., 1978). В итоге четырехлетних разведочных работ в Присурье было выявлено 13 неолитических стоянок: Стемасы I, II, III, группа стоянок на р. Утюж, Сурский Майдан III, поселение Мочкасы, стоянка близ д. Никитино. Большинство стоянок отнесено В.Ф. Каховским к балахнинской культуре неолита. Затем разведки Б.В Каховского в 1978 г. в бассейне р. Цивиль позволили ему описать три памятника в окрестностях г. Цивильска: стоянки Цивильск I, II и III. На стояке Цивильск I Б.В. Каховским было собрано несколько нуклеусов со следами обработки, но фрагментов керамики не обнаружено. На стоянке Цивильск II подъемный материал содержал кремневые отщепы и несколько фрагментов грубой толстостенной посуды с растительной примесью (Каховский Б.В., 1978).

В 1970-90-х годах Марийской археологической экспедицией Марийского научно - исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева под руководством В.В. Никитина проводились археологические разведки на территории Чувашии. Так, в 1989 году разведочным отрядом под руководством научного сотрудника МарНИИ А.И. Шадрина, обследовалось левобережье и островная часть долины Волги, в том числе и на территории Чувашского Заволжья, в районе устья р. Парат. А.И. Шадриным было выявлено четыре мезолитических памятника (на островах Чебоксарского водохранилища) – Паратское IV поселение, Паратская VI стоянка, Паратское XI поселение и Паратская XXI стоянка (Никитин, 1993). Раскопки на этих стоянках не проводились. В 1991 г. А. И. Шадрин провел раскопки на одном из островов в бывшем устье р. Парат на Паратской XI стоянке, где в береговом обрыве острова были видны котлованы полуземлянок.

В 1991 г. научным сотрудником Чувашского национального музея А.И. Соколовым была исследована западная часть побережья и острова Чебоксарского водохранилища. Им была описана неолитическая стоянка Мукшум. Позже исследователем неоднократно проводились разведки в этом районе, в результате были описаны еще пять неолитических стоянок: Черная речка, Мария, Мукшум II – IV (Соколов, 1991).

В результате исследований под руководством автора и А.Ю. Березина начиная с 1999 в левобережье Чувашской Республики было выявлено 34 стоянки и местонахождения эпохи камня и ранней бронзы (Березина, Березин, 2002а; 2003; Березина, 2009). Данные стоянки и местонахождения располагаются на левом берегу Волги и на песчаных островах – останцах первой надпойменной террасы. В 2002 г. под руководством автора, а в 2008 г. под руководством М.Ш. Галимовой были проведены раскопки на Мукшумской 14 стоянке, где были исследованы жилища №2 и №3 (Березина, 2006а). В целом, было вскрыто около 224 кв. м., выявлена планиграфические и конструктивные особенности жилищ, позволяющие реконструировать их устройство. В результате получена коллекция, состоящая из 16840 каменных предметов позднемезолитического облика. В 2003 г. было раскопано жилище № 8 Мукшумской 18 стоянки, исследованное площадью 215 кв. м (Березина, 2006). Кремневый инвентарь стоянки носит позднемезолитический облик.

В 2005 г. под руководством автора были проведены раскопки на многослойной стоянке Новая Деревня на р. Цивиль (Цивильский район) (Березина, Березин, Галимова, 2007). На площади 176 кв. м. были исследованы два жилища, сохранившиеся не полностью. Получена коллекция, насчитывающая 4250 каменных предметов, в их числе 436 орудий, среди которых серия наконечников стрел, скребков, ножей, лунница из кварцита и т.д. Также были найдены 1342 фрагмента керамики ямочно-гребенчатого неолита и энеолита волосовской культуры, а также обломок медного шила и янтарная подвеска. В тот же год, при осмотре окрестностей у подножья горы Шолма, в небольшом карьере был обнаружен культур-

ный слой с находками финальнопалеолитического облика (Березина, Березин, Галимова, 2006).

В 2007 году были проведены раскопки под руководством автора стоянки-мастерской Шолма 1 на р. Цивиль, при участии А.Ю. Березина, М.Ш. Галимовой и геоморфолога А.А. Хисяметдиновой (Березина, Березин, Галимова, 2007; Березина, Березин, Галимова, Хисяметдинова, 2008; 2009). На площади более 26 кв.м. была изучена часть культурного слоя стоянки, приуроченного к погребенной почве с палеомерзлотными деформациями. В результате раскопок получена коллекция находок, состоящая из 10380 единиц изделий из кремня, многочисленных фрагментов и целых костей и зубов дикой лошади. Кроме того, были проведены естественнонаучные исследования (Березина, Березин, Галимова, Хисяметдинова, Чурбанов, 2008). В том же году были проведен раскопки Мукшумской 10 стоянки, где на площади 52 кв.м. было изучено частично разрушенное жилище (Березина, 2012б). Была получена коллекция, состоящая из 2214 единиц находок. В раскопе были прослежены конструктивные элементы жилища, выявлены столбовые и хозяйственные ямы в полу, а также хозяйственные площадки за пределами жилища.

В 2006-2012 гг. в Среднем Присурье (окрестности г. Алатырь Чувашской Республики) работой совместной археологической экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук и Самарского государственного педагогического университета под руководством автора и А.А. Выборнова и при участии К.М. Андреева, Н.С. Березиной, А.Ю. Березина, А.В. Вискалина, С.А. Кондратьева, А.И. Королева, О.В. Лоцмановой, Е.П. Михайлова, В.В. Сидорова, В.В. Ставицкого, А.А. Шалапинина и других археологов Среднего Поволжья (в 2008 г. на базе экспедиции был проведен полевой семинар), было открыто и частично исследовано более 20 памятников каменного века Утюжского комплекса (Березина, Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2007; Березина, Выборнов, Кондратьев, Шалапинин, 2010). Полученные материалы позволяют пролить свет на этапы древнейшей истории региона. На многослойных поселениях Утюж I и V, стоянках Молёбное Озеро, Вьюново Озеро и Чёрненькое Озеро, жертвенном комплексе Утюжский Бугор были проведены археологические раскопки и получен уникальный материал по археологии каменного века, представляющий регион в широком хронологическим диапазоне от мезолита, раннего и развитого неолита, до энеолита и средневековья (Березина, Выборнов, Королёв, Сидоров, Ставицкий, 2014). Здесь впервые для большой территории Среднего и Нижнего Присурья были получены материалы ранненеолитической елшанской культуры, причем этот регион на сегодня является самой северной точкой ее распространения. Изучение явления древнейшей елшанской неолитической культуры дает пищу для размышлений о процессах неолитизации Поволжья, об источниках возникновения и путях распространения неолитических культур.

В Среднем Присурье также обнаружены остатки неолитической посуды с накольчатой орнаментацией, представленной как в ранних, так и в поздних ее формах, что позволяет пролить свет на вопросы распространения и взаимодействия племен с накольчатой керамикой в лесостепной полосе Европейской России в неолите. Раскопанные в окрестностях г. Алатырь стоянки позволяют говорить и о существовании здесь в неолите льяловских племен с ямочно-гребенчатой керамикой, выполненной в традициях неолитического населения лесного Марийско-Чувашского Поволжья.

На четвертом этапе исследований также были получены данные о том, что в эпоху раннего неолита в Чувашское Поволжье проникают степные племена энеолитической хвалынской культуры. Удалось обнаружить следы крупных жилищ этих племен, со специфическим набором орудий и керамикой. Кроме того, исследовано поселение волосовской культуры, в характерной керамике которого прослеживается отчетливое влияние южных степных культур. Проникновение носителей хвалынской культуры так далеко на север представляет собой уникальное явление, и было отмечено впервые, на сегодня Среднее Посурье – самый северный район их распространения. Таким образом, объединенные усилия археологов из городов Чебоксары, Самара, Ульяновск и Москва по изучению небольшой «археологической провинции» позволили в относительно короткие сроки достаточно полно представить основные вехи развития населения среднего течения р. Сура в каменном веке.

Подводя итог обзору истории полевых исследований памятников каменного века в Чувашском Поволжье, отметим, что на современном этапе сформирована доволь-

но широкая источниковая база, позволяющая представить особенности материальной культуры и историко-культурных процессов, протекавших в регионе на протяжении начальных этапов эпохи первобытности – от финального палеолита до энеолита. Изучение памятников каменного века, начавшееся с отдельных находок в середине XIX в., лишь в начале XXI в. (на четвертом этапе) стало целенаправленным и получило свое максимальное развитие, благодаря усилиям многих археологов.

ГЛАВА 2. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

2.1 Природно-географическая характеристика региона

Чувашское Поволжье находится в среднем течении Волги и занимает северо-восточную часть Приволжской возвышенности, называемую Чувашским плато, которое имеет общий уклон к северу, где обрывается крутым нагорным правым берегом Волги. На западе и юго-западе плато переходит в Сурский прогиб. Территория Чувашского Поволжья расположена между 54°38' и 56°20' северной широты и 46° и 48°27' восточной долготы. Самая северная и низкая часть территории (Заволжье) находится в левобережье Волги, в Марийской низине. Самая высокая точка располагается на юге в Алатырском Присурье и достигает 286 м над уровнем моря (рис. 1). Приволжская возвышенность занимает 97% территории Чувашии, а 3% территории республики располагается на Заволжской низменности, которая имеет высоту над уровнем моря 80-100 м и представлена широкой поймой с надпойменными террасами.

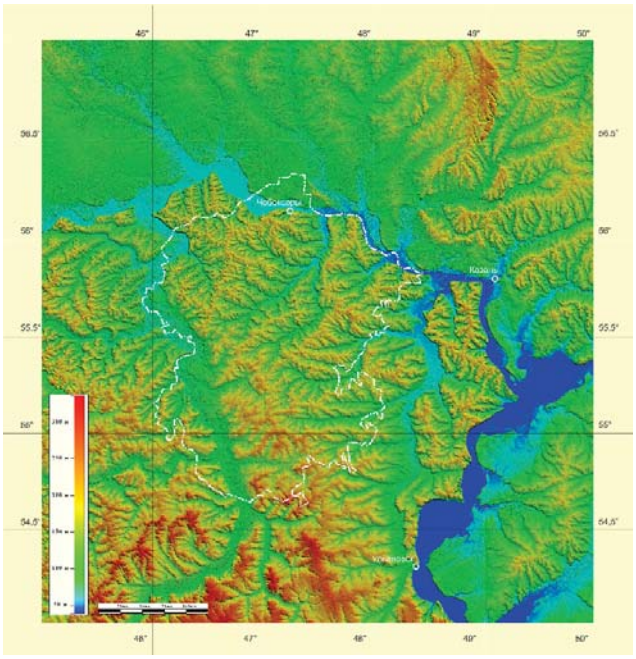


Рис. 1. Карта цифровой модели рельефа SRTM севера Среднего Поволжья с указанием границ Чувашской Республики (по данным сайта http://russia4d.ru/).

Fig. 1. Map of the SRTM digital elevation model of the north of the Middle Volga region indicating the boundaries of the Chuvash Republic (according to website http://russia4d.ru/).

Правобережная часть Чувашского Поволжья ограничена волжскими притоками – Сурой и Свиягой. Северная часть Чувашского плато сильно изрезана овражно-балочной сетью и долинами рек. Здесь расположены самые глубокие и длинные овраги. По мере удаления от Волги склоны оврагов становятся более пологими, а водоразделы расширяются.

Современный рельеф Чувашского Поволжья характеризуется большим количеством малых рек (более 2500) и ручьев. Все они относятся к волжскому бассейну. Все крупные реки имеют северное направление течения и впадают в Волгу. Малые реки, беря свое начало на водоразделах, являются притоками Суры, Свияги или Цивиля.

Поверхность юго-восточной части региона представляет собой чередование невысоких плоских асимметричных водоразделов и долин. Глубина эрозионного расчленения колеблется от 60 до 100 м. Почти повсеместно склоны долин расчленены оврагами, долинами речек и балками. Поверхность характеризуется сглаженностью и неглубокой расчлененностью. Долины рек имеют пологие склоны. К западу и юго-западу Чувашское плато постепенно опускается в так называемый Сурский прогиб с древней долиной р. Сура. Поверхность Присурского района представляет собой холмистую равнину, которая постепенно, а в отдельных местах уступами, опускается с востока на запад к долине р. Суры. Многочисленные долины правых притоков р. Суры расчленяют западный склон на ряд более мелких водоразделов. Наиболее значительными среди них являются водоразделы рек Киря и Люля, Люля и Бездна. Глубина вреза сети на северо-западе этого района составляет 25-60 м, а на юго-востоке достигает 110-170 м. Всю западную часть

Присурского района занимает асимметричная долина р. Суры. На поверхности поймы располагаются песчаные гривы, а понижения между ними нередко занимают старицы. Территория Засурского района представляет собой возвышенную равнину, наклоненную к западу. Водораздельные плато здесь приподняты в отношении речных долин, как базисов эрозии, на 140-160 м (Атлас ..., 2007; Арчиков, Трифонова, 2002).

До заселения территория современной Чувашии, за исключением юго-восточной части, была покрыта лесами. В лесах Чувашского Поволжья сегодня произрастает более 70 видов деревьев и кустарников. Наиболее распространенными древесными породами в лесах республики являются сосна, береза, липа, осина и ель.

Территория Чувашского Поволжья разделена на 6 лесорастительных районов (Атлас ..., 2007): Заволжский хвойный, Приволжский дубравно-лесостепной, Присурский хвойный, Присурский дубравный, Юго-восточный степной и Юго-западный степной (рис. 7).

В Заволжском хвойном районе преобладают хвойные леса с участием ели, березы и осины. На склонах песчаных холмов и на пониженных равнинах произрастают боры-зеленомошники с более разнообразной растительностью, а на вершинах песчаных дюн растут чистые сосновые леса. Понижения между песчаными буграми и дюнами заняты болотной растительностью и озёрами (Большое Лебединое, Изьяр, Малое Лебединое и др.). На западе района с более плодородными почвами встречаются дуб и липа.

Присурский лесной массив занимает обширную территорию к востоку от р. Суры и граничит с Юго-восточным степным районом. В поймах рек имеются обширные луга с разнообразной травянистой растительностью. В Присурском лесном массиве преобладают сосновые леса с участием березы, осины, липы, клена, ивы и кустарников.

Приволжский дубравно-лесостепной район располагается на правобережье р. Волги и занимает треть территории Чувашии. Чистые дубравы занимают небольшие площади на пологих склонах и водоразделах с дерново-подзолистыми и серыми лесными почвами. На более плодородных почвах произрастают смешанные леса с участием дуба, липы, клена, вяза обыкновенного, лещины и других пород. В западной части района в дубравах встречается ясень. В дубовых лесах обычно формируется густой подлесок из лещины, рябины, калины и черемухи. Хвойные деревья (ель, сосна) встречаются редко небольшими биоценозами.

В Юго-восточном и Юго-западном степном районах преобладают лугово-степные ассоциации травянистой растительности, которые сохранились лишь на участках, неудобных для распашки (склоны оврагов и балок и в поймах рек). На лугах доминируют злаковые виды (ковыль, тонконог и др.) с участием бобовых (эспарцет и др.). Они представлены суходольными, заливными и заболоченными лугами. На суходольных лугах травостой состоит обычно из мелких злаков и разнотравья. Для заливных лугов наиболее характерны: костёр безостый, овсяница луговая, мятлик луговой и болотный, полевица белая, тимофеевка луговая, пырей ползучий и другие виды (Атлас земель …, 2007, с. 38-46).

2.2 Изменение климата и ландшафта в конце позднего плейстоцена и в голоцене

Благодаря сочетанию литогенных и биоклиматических факторов, территория Чувашского Поволжья оказывается буквально на стыке трех физико-географических провинций Русской равнины (Мильков, Гвоздецкий, 1962). С севера в левобережной части Волги проходит полоса смешанных лесов низменного Заволжья, граничащая с провинцией Южной тайги. Смешанные леса Чувашского Заволжья представляют собой восточную окраину пояса заболоченных низин Мещерского типа, который включает: Мещеру, Верхне-Волжскую низину, Окско-Мокшинскую низину, Балахнинскую низину, Ветлужскую и Марийскую низину (Коломыц, 2005, с.17-26; Абатуров, 1968). Большая часть правобережья Чувашского Поволжья охвачена провинцией Широколиственных лесов с преобладанием нагорных дубрав с липой, кленом и ильмом. С юга и юго-востока сюда заходит провинция лесостепи Приволжской возвышенности, которая отдельными небольшими островками проникает с юга в левобережье Суры и вплоть до Волги по южным косогорам высоких тектонических складок (рис. 8).

Такое сочетание различных природно-климатических зон сказывалось во все времена на заселении территории племенами, осваивавшими разные ландшафты, что в свою

очередь формировало контактную историко-культурную область.

При создании исторических реконструкций необходимо учитывать специфику природно-климатических закономерностей различных уровней: глобального, регионального и локального. На протяжении конца позднего плейстоцена и голоцена определено семь климатических временных интервалов, проистекавших в течение 24–2,5 тыс. л.н., начиная с поздневалдайского ледникового максимума и заканчивая суббореальным периодом.

Поздний плейстоцен (неоплейстоцен)

1. Эпоха поздневалдайского ледникового максимума – 24–17 тыс. л.н. – является заключительным этапом позднего неоплейстоцена – времени с наиболее суровым климатом в течение всего четвертичного периода (Величко, 1973). Чувашское Поволжье оказалось в перигляциальной зоне и здесь в это время происходило лёссообразование и сплошное распространение мерзлоты, распространение кустарничковых тундр и тундро-лесостепи с участками степной и редкими «островами» березово-сосновой растительности (Палеогеография Европы…, 1982; Динамика…, 2002; Величко и др., 1983).

2. Позднеледниковье (17–12,4 тыс. л.н.) соответствует фазе отступания ледника и включает стадиальное похолодание раннего дриаса. По всей Европе в этот время происходили: деградация области распространения многолетней мерзлоты, усиление аридности климата, расширение площади песчаных массивов и лёссовых покровов. Отложения представлены осадками водно-ледникового и перигляциального происхождения – озерно-аллювиальными, озерно-болотными, песчаными и лёссово-почвенными образованиями. Чувашское Поволжье располагалось в области распространения перигляциальной лесостепи с сочетанием сосново-березовых редколесий и ассоциациями разнотравных и полынно-маревых степей, а также луговых и тундро-степных растительных сообществ (Эволюция экосистем…, 2008, с. 448–449).

Древний голоцен

3. В межстадиальном комплексе бёллинг-аллерёд (12,4–10,9 тыс. л.н.) выделяются межстадиальное потепление бёллинг (12,4–12,0 тыс. л.н.), похолодание среднего дриаса (12,0–11,8 тыс. л.н.) и потепление аллерёд (11,8–10,9 тыс. л.н.) (Хотинский, 1997). Для этого времени характерны интенсивное торфонакопление и развитие почвенного покрова, происходившие на значительной части Европы (Кременецкий и др., 1998). Межстадиальные потепления бёллинг и аллерёд были весьма значительными. В центре Русской равнины широколиственные леса с заметной ролью еловых расширяли свои ареалы. Тундровые и степные сообщества продолжали участвовать в составе перигляциальной флоры, сокращались степные сообщества. Исследователями отмечается заметное потепление и увлажнение климата (Эволюция экосистем.., 2008, с. 394). На востоке Русской равнины, в т.ч. и в Чувашском Поволжье, между 51° и 58° с. ш., ландшафты представляли собой комбинации разнотравных степей и тундровых ассоциаций с «островами» сосново-березовых лесов. По долинам рек произрастали ива, береза, сосна, ольха и облепиха (Эволюция экосистем.., 2008, с. 450).

4. Поздний дриас (10,9–10,2 тыс. л.н.) – относительно короткий интервал похолодания и возврата климатических условий, характерных для оледенения (Палеогеография Европы…, 1982). Перигляциальные явления были широко распространены в позднем дриасе. Ледяные клинья и морозобойные трещины в разрезах четвертичных отложений этого времени фиксируются и в Чувашском Поволжье. Активизировались эоловые процессы, которые привели к развитию дюнных полей и песчаных массивов на севере Европы (Климанов, 1994). В это время Чувашское Поволжье входило в зону распространения перигляциальных лесостепей, которая занимала среднеширотную полосу Европы от Атлантики до Предуралья (Гричук, 1982). В первой холодной фазе позднего (молодого) дриаса происходило существенное сокращение лесов и расширение площади открытых пространств, увеличилась доля растений темнохвойных таежных лесов и степных фитоценозов (Борисова, 1994; Симакова, 2008). Во второй половине молодого дриаса (после 10,3 тыс. л.н.) проявляется постепенное потепление климата. Увеличивается доля древесной растительности. Вместе с тем, роль перигляциальных элементов флоры на водораздельных участках оставалась еще высокой.

Ранний голоцен

5. Граница между поздним дриасом и пребореальным периодом голоцена, относящаяся к интервалу 12–9,9 тыс. л.н., была важнейшим палеогеографическим рубежом, отражающим значительное изменение физико-географической обстановки. В центральной части Русской равнины этот переход произошел в

Рис. 2. Карта распространения почв Чувашского Поволжья
(по данным сайта http://enc.cap.ru/?t=publ&hry=157&lnk=4219)
Fig. 2. Soil map of the Chuvash Volga region
(according to website http://enc.cap.ru/?t=publ&hry=157&lnk=4219)

результате всеобщего потепления и смягчения континентальности климата около 10,3 тыс. л.н. (Хотинский, 1977). С этим временем связано формирование лесного пояса.

К раннему голоцену относятся пребореальный (10,2–9,0 тыс. л.н.) и бореальный (9,0–8,0 тыс. л.н.) периоды, климатическая обстановка которых имела сложный и пульсирующий характер (Хотинский, 1977; Величко и др., 2002). Температуры июля были ниже современных на 3°С (Величко и др., 2002). В бореальном периоде растительный покров Чувашского Поволжья полностью приобретает лесной характер, с господством березовых лесов на моренных возвышенностях и сосняков на песчаных низменностях (Нейштадт, 1957; Хотинский, 1977). Отмечается также появление пыльцы широколиственных пород (вяза, липы) и ели. Вместе с тем, перигляциальные элементы растительности еще не исчезли полностью, для отложений этого времени характерно стабильное присутствие пыльцы кар-ликовой березки, маревых, полыней (Симакова, 2008).

В Чувашском Поволжье началась быстрая миграция сосны и более медленная миграция березы из речных долин на соседние водораздельные возвышенности и вытеснение ими ксерофильной степной растительности. В результате этой миграции водоразделы с глинистыми и суглинистыми почвами в течение короткого времени оказались занятыми сосново-березовыми лесами, причем в первое время наиболее возвышенные части их оказались заселенными абсолютно преобладающей сосной. Несколько позднее сосновыми лесами заселились все песчаные пространства. О таком запоздалом облесении этих пространств свидетельствует дюнный характер их поверхности. На понижениях речных пойм возникли новые болота, и началось образование лугового торфа. Болота начали возникать также в блюдцеобразных понижениях надпойменных террас (Андреев, 1971, с. 122–143).

Средний голоцен

6. Атлантический период охватывает интервал 8–4,6 тыс. л.н. Оптимум атлантического периода голоцена (6,0–4,8 тыс. л.н.) характеризуется максимальными температурными показателями современного межледниковья (Хотинский, 1977). В это время шло формирование аллювиальных, озерно-болотных, почвенных и балочных отложений. В Чувашском Поволжье атлантический период отличался широким распространением хвойно-широколиственных лесов. В их состав входили сосна, ель, широколиственные породы (дуб, вяз, липа, клен), береза, а на востоке (за Волгой) – пихта. Первые дубравы появились в юго-восточной и юго-западной части Чувашского Поволжья на территории распространения глинистых пород. Затем они возникли в междуречье Цивилей, и далее – по южную и восточную сторону р. Малый Цивиль и к северу от среднего и верхнего течения р. Большой Цивиль. В последнюю очередь дубравы возникли на суглинистых почвах Приволжской полосы и северо-западной части региона (Андреев, 1971, с. 122-143). Для территории Татарстана отмечается значительное распространение березово-сосново-широколиственных древостоев (Шаландина, 1981). Увеличение количества пыльцы широколиственных пород большинство авторов связывают с некоторым иссушением климата. Наряду с этим, граница леса и степи на юге Русской равнины оставалась относительно стабильной (рис. 9) (Коломыц, 2005).

7. Общее похолодание суббореального периода (4,5–2,5 тыс. л.н.) вызвало существенные изменения в структуре растительных формаций. В начальной фазе этого периода в средней полосе Русской равнины вплоть до Урала уменьшалась площадь распространения широколиственных лесов (Хотинский, 1977).

На среднюю теплую и сухую фазу суббореального периода (4–3,2 тыс. л.н.), который получил название "ксеротермического периода", приходится широкое развитие известных "доисторических степей" в южной полосе современной лесной зоны Западной и Восточной Европы. Вся широколиственно-лесная подзона волжского бассейна, а также камско-приуральский сектор подтайги оказались в гидротермических условиях не только южной лесостепи, но и северной разнотравно-типчаково-ковыльной степи (рис. 10). Многие геоботаники считают северные форпосты типичной лесостепи в Среднем Поволжье (например, Арзамасскую, Починковскую и Сергачскую лесостепь) сохранившимися реликтами этих "доисторических степей Танфильева" (Коломыц, 2005). В Чувашском Поволжье к таким реликтам можно отнести Порецкую лесостепь с разнотравно-типчаково-ковыльной степью по берегам рек Киша и Меня и Алатырскую лесостепь с степными участками на высоких склонах реки Елховка. Такие же реликтовые лесостепи широко распространенны в юго-восточных районах Чувашии (рис. 7).

В третьей фазе суббореального периода происходило массовое распространение еловых таежных лесов, что свидетельствует о прогрессирующем похолодании и увеличении увлажненности климата.

Наряду со всем этим, уже для начала суббореального периода многие палинологи фиксируют присутствие пыльцы сорных растений, распространение которых связано с деятельностью человека. Несомненно, преобразования растительного покрова в последние два-три тысячелетия были вызваны не только естественным изменением климатических условий, но и в немалой степени активизацией хозяйственной деятельности человека (Восточноевропейские широколиственные леса …, 1994). В суббореальный и субатлантический климатические периоды ландшафт Чувашского Поволжья изменился под влиянием хозяйственной деятельности человека (Андреев, 1971, с. 122-143).

Палеоклиматические реконструкции последних лет с помощью информационно-статистического метода позволили более детально проследить во времени изменения характеристик климата голоцена. С помощью предложенной методики на основе палинологических данных и абсолютных датировок были построены палеоклиматические кривые в шкале времени для Карелии, Эстонии, Беларуси, Украине, Казахстану, Башкирии, Центральной Сибири, Якутии и другим территориям (Таиров, 2003).

В итоге этих исследований экстремумы потеплений и похолоданий во времени совпали, и были сделаны выводы об однонаправленности изменений температурного режима, отличающегося в разных районах по амплитуде. Наибольшая амплитуда и динамичность в изменении температур наблюдается в северных районах. В отношении хода кривых палео-осадков такой закономерности нет, однако, в целом можно отметить, что в периоды потеплений было увеличение количества осадков, а в периоды похолоданий – их уменьшение.

В целом почти по всей территории Северной Евразии в раннем и среднем голоцене наблюдались следующие экстремумы потеплений разного ранга: около 12,7; 11,2; 10; 9; 8,5; 7,8; 7,1; 6,7; 6; 5,5; 5 тысяч лет назад. Основные экстремумы похолоданий были около 11,9; 10,5; 9,5; 8,7; 8,2; 7,3; 6,9; 6,4; 5,1 тысяч лет назад. Эти экстремумы были одновременными в пределах ошибки датирования C^{14} по всем равнинным районам Северной Евразии, отличаясь в разное время и в разных районах по амплитуде (Клименко и др., 1996; Климанов, 1996; Таиров, 2003).

Для территории Чувашского Поволжья пока не создана палеоклиматическая кривая (отклонения средних температур июля от современных значений и изменения увлажненности). Поэтому мы воспользуемся данными, полученными по Центральной Белоруссии и Башкирии, для которых уже получены палеоклиматические кривые (Таиров, 2003). Можно предположить, что палеоклиматические ритмы будут такими же и для Чувашского Поволжья, расположенного, примерно, на тех же широтах (55° с.ш.).

О широколиственных лесах, как наиболее древних сообществах в регионе, свидетельствуют многочисленные палеоботанические данные. Большинство авторов (Нейштадт, 1957; Хотинский, 1977 др.) склоняются к тому, что широколиственные породы (липа

и в меньшей степени вяз и дуб) входили в состав островных лесов юго-восточных районов Среднего Поволжья и центральной части Среднерусской возвышенности уже в конце раннего голоцена, по крайней мере, в бореальном периоде. Вполне вероятно, что эти широколиственные породы и некоторые их спутники с потеплением климата в голоцене рас¬пространились на территорию Приволжской возвышенности и Южного Предуралья, не бывших под ледником. Одним из таких районов, где островные широколиственные леса были распространенны уже с конца плейстоцена и продолжали распространяться в голоцене, является Чувашское Поволжье.

Во время климатического оптимума происходила все большая дифференциация растительного покрова, выражающаяся в усилении роли теплолюбивых элементов растительности и в сдвиге ландшафтных зон в северном и северо-восточном направлении (рис. 8, 9) (Коломыц, 2005).

На протяжении всего голоцена важную роль в распределении ландшафтов играли древние элементы литологии, рельефа и гидрологии. Например: на глинах формировались широколиственные леса, на песках – сосняки, во влажных понижениях – болота и ольховые леса.

2.3 Каменное сырье

На стоянках каменного века в Чувашском Поволжье встречаются орудия и отходы их производства из разных пород кремня, кварцитов, окремнелого известняка, опок, габбродиабазов и метаморфических сланцев (рис. 12). Каменная индустрия стоянок основывалась как на местном сырье, так и его импорте (рис. 11).

Кремень

На стоянке финального палеолита Шолма I А.А. Чурбановым были проведены минералогические исследования кремневого сырья (Березина и др., 2009). В результате исследования был сделан вывод, что на стоянке использовался местный кремень. Кремневые желваки и конкреции светло-серого, бледно-коричневого до бурого цвета, с темно-серыми пятнами с кварцитовыми и известковистыми включениями и мелкими жеодами из халцедона и аметистовидного кварца. Встречаются красновато-коричневые, сиреневые и черные цвета в разновидностях кремня (рис. 13: 1–3). Для производства каменных орудий чаще использовались коричневые разновидности кремней, содержащие большее количество карбонатного вещества, что делало кремень более пластичным (Березина и др. 2008, с. 251–308).

Были установлены месторождения кремня в непосредственной близости от стоянки Шолма 1 в антиклинальных складках пластов известняка татарского яруса пермской системы на горе Шолма в обрывах правого берега Малого Цивиля и Цивиля у Старой пристани (рис. 11: 3). Другие местонахождения подобного кремня отмечены в невысоких антиклинальных складках по правому берегу Малого Цивиля у д. Синьял Котяки (рис. 11: 4, 5). Одно из них было отмечено П.Н. Старостиным как стоянка Селекционная станция (Старостин, 1966). Месторождение такого же кремня было найдено В.Ф Каховским на правом берегу Цивиля рядом с мезолитической Яндашевской стоянкой (Каховский, 1964) (рис. 11: 6). Также к этому виду кремня можно отнести нахождение скоплений кремневых осколков на склоне оврага, среди известковистых пород татарского яруса, недалеко от палеолитической стоянки Уразлино (Улянк) (рис. 11: 9).

Шолминский кремень нами был отмечен на стоянке неолита и энеолита Новая Деревня, расположенной в 1 км севернее Шолминского месторождения кремня.

На Мукшумских стоянках мезолита и неолита встречается орудия и отходы их производства из разноцветного кремня, варьирующего от светлого до темно-коричневого и красно-коричневого цвета с темным и сиреневым рисунком (рис. 12: 2, 3). Этот кремень похож на кремневое сырье Цивильских месторождений, но еще большее сходство имеет с Шомиковским месторождением. Шомиковское месторождение кремня находится на правом берегу Волги напротив Мукшумских стоянок (рис. 11: 2). В обнажении высокого берега в крутой антиклинальной складке среди прослоя известняка татарского яруса пермской системы встречаются конкреции кремня. Кремень с белой тонкой коркой, коричневых оттенков, иногда в центре больших конкреций сиреневый и темный рисунок (рис. 3). Этот кремень несколько лучшего качества, чем Шолминский, его внутренняя структура более однородная и пластичная, конкреции крупные округлые, поверхность гладкая. Вероятнее всего, такой же кремень встречается выше по Волге в Юльяльском месторождении (рис. 11: 1) и по крутым берегам рек Сундыря и Юнги.

В северо-восточной части Чувашского Поволжья к большим антиклинальным поднятиям пермских пород приурочено Водолеевское месторождение пластового кремня казанского яруса (рис. 11: 7, 8). Кремень – двух основных цветов: серо-белый полосчатый и малиново-красный узорчатый, нередко с жеодами кварца и хальцедона (рис. 4: 1, 2). С большой долей уверенности можно предположить использование этого кремня на близко расположенной Криушинской стоянке неолита и на левобережных стоянках мезолита и неолита в устьях Большой Кокшаги, Малой Кокшаги и Илети. Не исключено, что кремень с Водолеевского месторождения использовался и на стоянках Мукшумского комплекса. Это предположение подкрепляется наличием на Мукшумских стоянках отщепов и орудий из окремнелого, часто полосчатого известняка, который встречается вместе с кремневыми пластами слоев казанского яруса отложений пермского периода.

В юго-восточной части Чувашского Поволжья в дислоцированных слоях карбона в известняках встречаются кремневые конкреции разных размеров. Самые крупные достигают 1,5 м в поперечнике. Нередко конкреции образуют отдельный пласт. Конкреции имеют белую корку. Цвет кремня – темно-серый, не прозрачный, с молочным оттенком. Многие конкреции пронизаны густой сетью трещин в результате давления во время значительных тектонических подвижек. В этом районе нами не обнаружены стоянки каменного века, на которых могли бы использовать этот кремень.

В юго-западной части Чувашского Поволжья очень широко распространены мезозойские отложения средней, поздней юры и раннего мела, не содержащие необходимого для производства орудий каменного сырья. Несмотря на это, Среднее Посурье в пределах Чувашского Поволжья постоянно заселялось людьми в каменном веке. Было установлено, что на Утюжских стоянках встречается несколько разновидностей кремня, которые различаются как по цвету, так и по происхождению. Геологические отложения, содержащие эти кремни, в окрестностях Алатырского Присурья не были найдены.

Анализ минералогического материала со стоянок неолита льяловской культуры и энеолита волосовской культуры Среднего Присурья утюжского комплекса, показал, что зеленовато-желто-бурый кремень имеет включения раковин моллюсков, которые принадлежат раннепермской фауне, имеющей распространения и естественные выходы по берегам реки и оврагов в среднем течении р. Алатырь. Так как в Среднем Присурье мы пока не выявили выходов кремневого сырья, то можно предположить, что кремень мог быть импортирован с запада, из района среднего течения р. Алатырь (рис. 11: г).

Кремни белые опаловые, черные и дымчатые прозрачные имеют общее происхождение и встречаются в одних кусках породы (рис. 6: 5). Распространение такого кремня отмечено на юге и юго-востоке, в верховьях Суры и в Ульяновском Поволжье в отложениях верхнемеловых пород, откуда он мог импортироваться (рис. 11: д). Такой кремень на Утюжских стоянках встречается вместе с елшанской, накольчатой и хвалынской керамикой.

Кварцит и другое каменное сырье

Орудия и отщепы из кварцита встречаются часто на Мукшумских и Утюжских памятниках. На Мукшумских стоянках кварцит – светлый прозрачный и розово-красный (шокшинский песчаник). Шокшинский песчаник использовался первобытными людьми в качестве абразивного камня и для изготовления шлифованных орудий. Среди деревообрабатывающих изделий часто встречаются шлифованные топоры, тесла и стамески, изготовленные из черных и зеленоватых габбро диабазов и метаморфических хлоритовых сланцев. Местонахождения ледниковых валунов из этих пород встречаются на противоположном левом берегу Волги от Шомиково до Ильинки (рис. 11: 11). Валуны оказались вымытыми из отложений древней айсберговой морены (рис. 5: 1–4).

На Утюжских и других стоянках каменного века среднего Посурья кварцитовые изделия и отщепы встречаются очень часто наряду с кремневыми (рис. 12: 6). Это объясняется дефицитом кремневого сырья в данной местности. Кварциты же встречаются на высотах левого берега Суры в виде полей галек или разрушающихся даек палеогеновой системы. Встречаются разные кварциты, высокого качества серого, зеленоватого, розового оттенков и более песчанистые серо-зеленые. Нами отмечены месторождения: Рындинское, Сурско-Майданское и Алатырское (рис. 11: 12–14).

2.4 Находки четвертичной фауны

Чувашское Поволжье давно приковывает к себе взгляды специалистов по палеолиту, т.к. здесь имелись благоприятные палеогеографические условия для обитания древнего человека (Ефименко, 1929, Бадер, 1957). Палеонтолог Н.М. Гарутт (1992), изучив изменчивость фауны шерстистого носорога в Среднем Поволжье, считает, что в плейстоцене эта область попадала на границу нескольких ландшафтных зон, где происходили динамические изменения климата, и именно здесь проходили древние миграционные пути с севера на юг таких животных как носороги, мамонты и др. Человек, являясь частью животного мира, вполне мог мигрировать вслед за животными, на которых он охотился.

Многочисленные ежегодные находки костей четвертичных животных в Чувашском Поволжье говорят о перспективности поиска следов палеолитического человека. Необходимость и перспективность поисков стоянок древнекаменного века в пределах Чувашского Поволжья также обусловлены значительной насыщенностью этой территории выходами кремневых пород и местонахождениями ископаемой четвертичной фауны. Еще в 1921 году проф. Смолин В.Ф. заметил, что «...Чувашская область богата палеонтологическими находками. Обвалы берегов, рек и речушек почти каждый год обнаруживают большие кости исчезнувших теперь животных. Чебоксарский и Цивильский музеи имеют богатую коллекцию этих костей, но места находок, к сожалению, и до сих пор еще не изучались. Система рек Большой и Малый Аниш, очевидно, также не бедна палеонтологическими находками. Нам удалось приобрести два мамонтовых зуба, часть бивня и рога оленя, все эти кости выкатились из обрывов берегов рек» (Смолин, 1921, л. 21). В 1929 г. П.П. Ефименко писал, что «Было бы заманчиво думать, что среди находок костей мамонта и других древнечетвертичных животных, которые постоянно отмечаются на территории Чувашского края, могут быть найдены следы обитания человека ледниковой эпохи, подобные открытой гр. А.С. Уваровым Карачаровской стоянки на Оке, или палеолитическим местонахождением Дона» (Ефименко, 1929, с. 172).

В 1957 г. палеолитический отряд Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.О. Бадера и В. Пушкарского начал свою работу по уточнению старых неполных данных и выявление новых местонахождений палеолита на территории Чувашской АССР и Куйбышевской области в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Ими были обследованы Янтиковский и Урмарский районы Чувашской АССР. По указанию А.Я. Брюсова были осмотрены старые местонахождения, а также выявлены новые (Бадер Н.О., 1957).

Была осмотрена стоянка у с. Улянк. Осмотр места, опрос местных жителей, поиски по всему оврагу Сель-Серми результатов не дали. Зачистки вновь обнажившейся со времени раскопок А.Я. Брюсова 1936 года погребенной почвы культурного горизонта не выявили. Учитывая все это, а так же большую глубину залегания культурного слоя, раскопки не производились. Всего в Янтиковском и Урмарском районах этой экспедицией было выявлено 12 местонахождений костей четвертичных животных: 1. у с. Улянк; 2. в овраге Сель - Серми, между с. Улянк и д. Большое Салагаево; 3. по ручьям Сугутке и Нижарке, д. Нижарово. В разное время школьниками были найдены зубы мамонта, плечевая кость носорога, кусок челюсти носорога, позвонки и кости конечности мамонта. Экспедицией Н.О. Бадера так же здесь были найдены обломки костей мамонта. Н.О. Бадер отмечает интересное строение береговых террас р. Сугутки и примыкающих к нему оврагов. Верхняя терраса имеет 10–15 м. в высоту и постепенно повышается до уровня плато. Нижняя 5-метровая терраса, сложена красной наносной глиной. Плоское задернованное дно оврага прорезано современным руслом ручья; 4. у д. Латышево. Овраг находится за деревней, по дороге из Латышево в Турмыши, длина его составляет 2–2,5 км, овраг впадает в долину реки Аль. Высота верхней террасы в средней его части равна 13–15 м. Высота нижней террасы составляет 5–7 м. Широкое древнее дно оврага прорезается на глубину 1–1,5 м ручьем, который не пересыхает и летом. В его русле на расстоянии около 1,5 км выше деревни экспедицией Н.О. Бадера были найдены часть тазовой кости и бивень мамонта и несколько трудноопределимых древних костей. Все находки залегали *in situ*. Культурный или костеносный слой не были обнаружены; 5. у д. Тегешево (Урмарский район); 6. у д. Яншихово - Норваши, в русле речки Норваш были найдены бивни мамонта.

По мнению Н.О. Бадера «...обследованный район заслуживает большого внимания, т.к. из всех осмотренных пунктов здесь находки фауны особенно обильны и залегают в интересных стратиграфических условиях и вероятность наткнутся на остатки палеолитического времени в этом месте больше всего» (Бадер Н.О., 1957, л.15).

Автором работы при содействии Михайлова Е.П. и Березина А.Ю. были собраны сведения о находках четвертичных животных на территории Чувашии по материалам Фондов Национального музея ЧР (с 1921 по 1941 гг.) и Естественно–исторического общества «Terra incognita». Всего выявлено 124 свидетельства находок костей четвертичных животных. В районе распространения флювиогляциальных отложений находок остатков четвертичных животных не отмечены. Можно предположить, что и палеолитические стоянки здесь найти не удастся, т.к. флювиогляциальные отложения были принесены водными потоками с тающих ледников в межледниковые периоды. В 1997 г. при участии автора было исследовано местонахождения практически полного скелета мамонта на правобережной высокой террасе Суры, около д. Хвадукасы Красночетайского района (Березин, Петрова, Березина, 2001). В 2001–2007 гг. на р. Хома Ибресинского района были собраны кости разрушающегося руслом реки скелета мамонта и отдельные кости представителей мамонтовой фауны (Петрова, 2009).

Наибольшая концентрация находок четвертичных животных оказалась связана с районами с резко выраженными эрозионными формами рельефа и в зоне наибольшей толщи распространения плейстоценовых лёссовидных глин и суглинков в Чебоксарском, Моргаушском, Аликовском, Ядринском, Марпосадском, Цивильском, Урмарском, Канашском, Яльчикском, Комсомольском и Батыревском районах. Основная толща этих пород слагает водоразделы рек и ее мощность достигает до 15 метров и более. Геологи эти слои, пылеватых желтовато-серых пород и нижележащие серо-голубые глины, на территории Чувашского Поволжья относят к нерасчленённым, проблематичным отложениям плейстоцена (Хайрутдинов, Малышева, Стрелков, Хайрутдинова, 1965). Известно, что лёссовидные породы распространены севернее линии Красные Четаи – Урмары (Андреев, 1971) и как выяснилось, именно с этими породами чаще всего связаны находки четвертичной фауны и палеолитических местонахождений. Вероятнее всего, все палеолитические памятники Чувашского Поволжья оказались скрытыми большой толщей глин, лессов и лессовидных суглинков. Перспективы поиска палеолита будут связаны с более детальным изучением многочисленных находок четвертичной фауны и разведками в восточных районах (басен рек системы Цивиля), где эта толща пород наименее мощная, что связано с палеогеографическими условиями осадконакопления.

Таким образом, палеогеографические условия позднего плейстоцена и голоцена отражали общую природно-климатическую динамику Восточной Европы. Естественные выходы кремня, выявленные в северной части Чувашского Поволжья, в основном по берегам Волги и ее притоков, делали перспективными заселение этих пространств древними людьми, а частые находки костей четвертичной фауны показывают перспективность обнаружения здесь палеолитических стоянок.

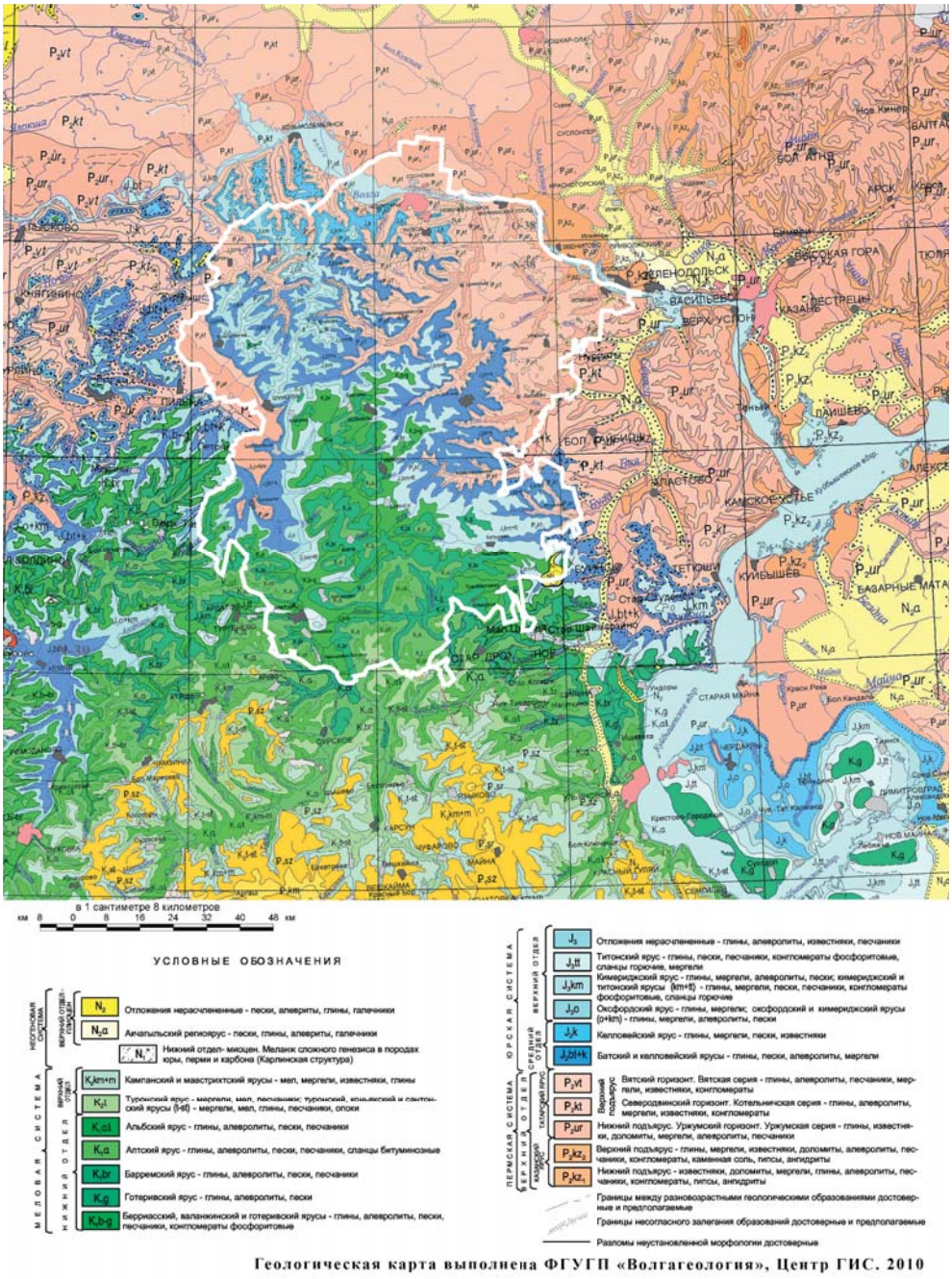


Рис. 6. Геологическая карта с указанием границ Чувашской Республики (по данным ФГУП "Волгагеология", Центр ГИС, 2010).
Fig. 6. Geological map indicating the boundaries of the Chuvash Republic (according to FGUP Volgageologia, GIS Center, 2010).

Рис. 7. Карта лесорастительных районов Чувашского Поволжья (Об охране окружающей среды ..., 2007).
Fig. 7. Map of the forest areas of the Chuvash Volga region (On environmental protection..., 2007).

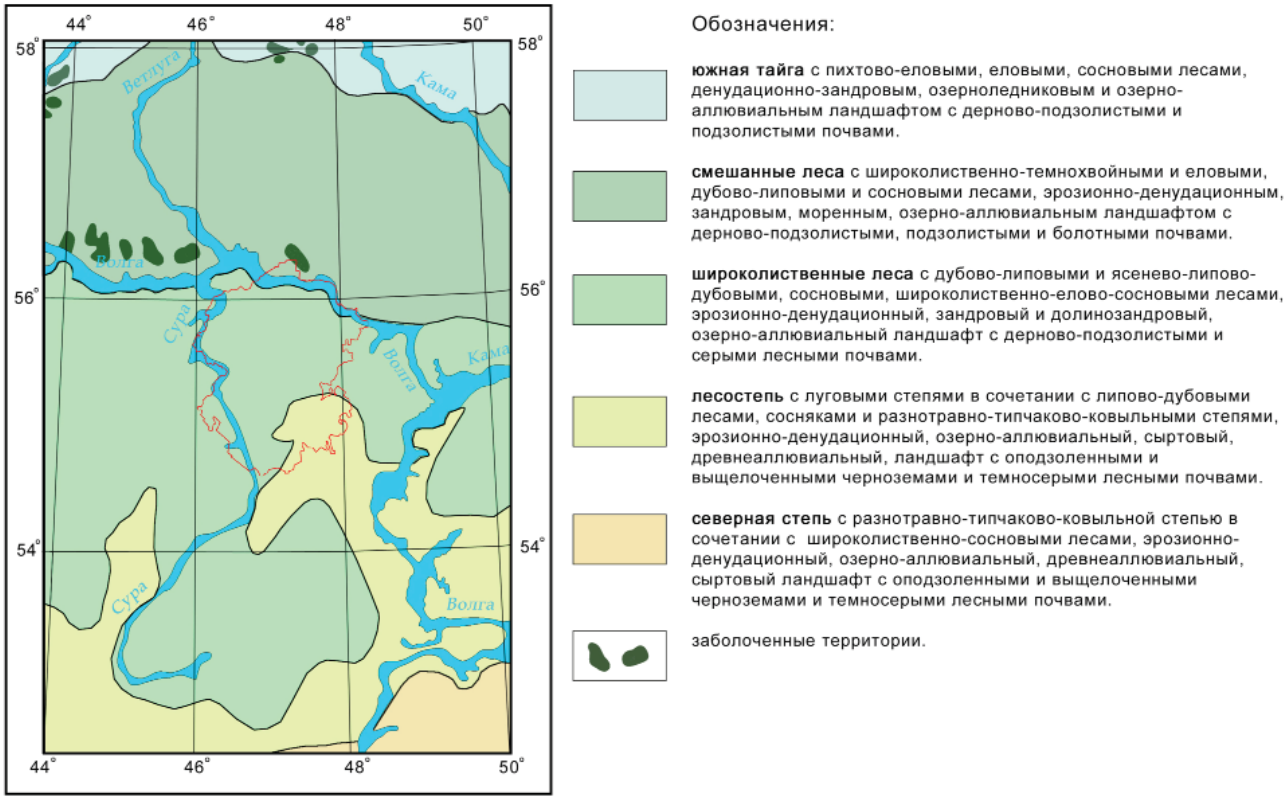


Рис. 8. Карта современного ланшафтно-зонального районирования территории Среднего Поволжья (по: Коломыц, 2005).
Fig. 8. Map of the contemporary landscape-areal zoning of the Middle Volga region (after: Kolomyts, 2005).

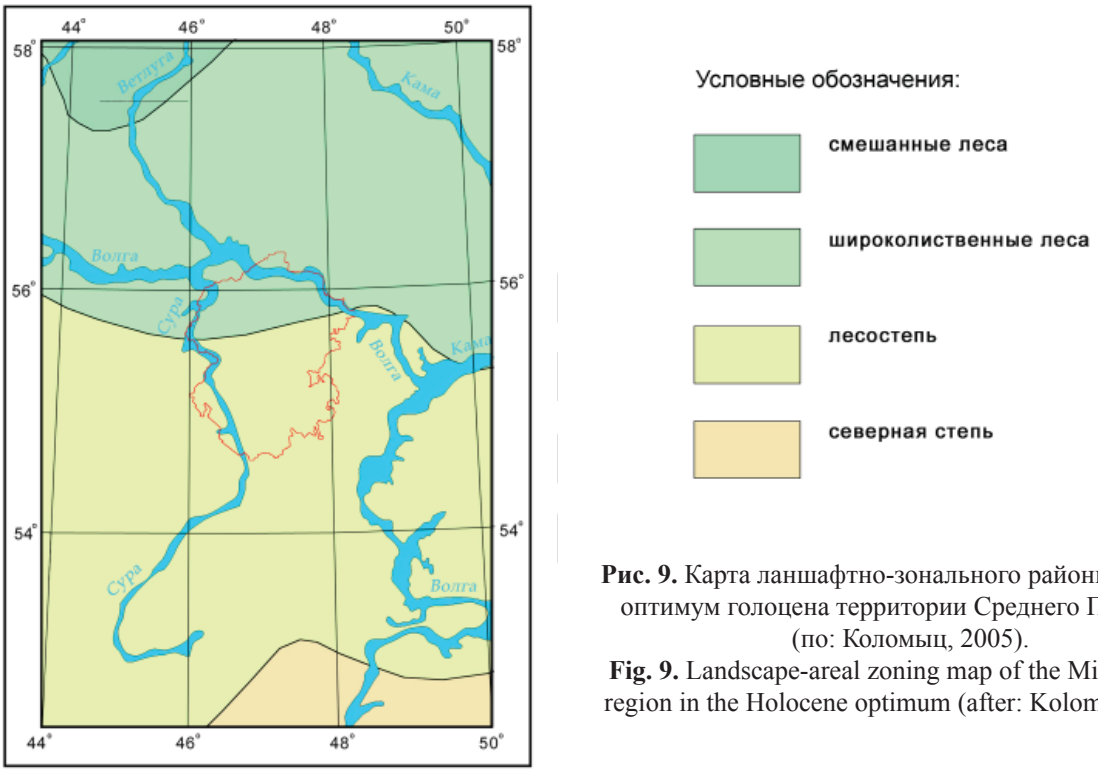


Рис. 9. Карта ланшафтно-зонального районирования в оптимум голоцена территории Среднего Поволжья (по: Коломыц, 2005).
Fig. 9. Landscape-areal zoning map of the Middle Volga region in the Holocene optimum (after: Kolomyts, 2005).

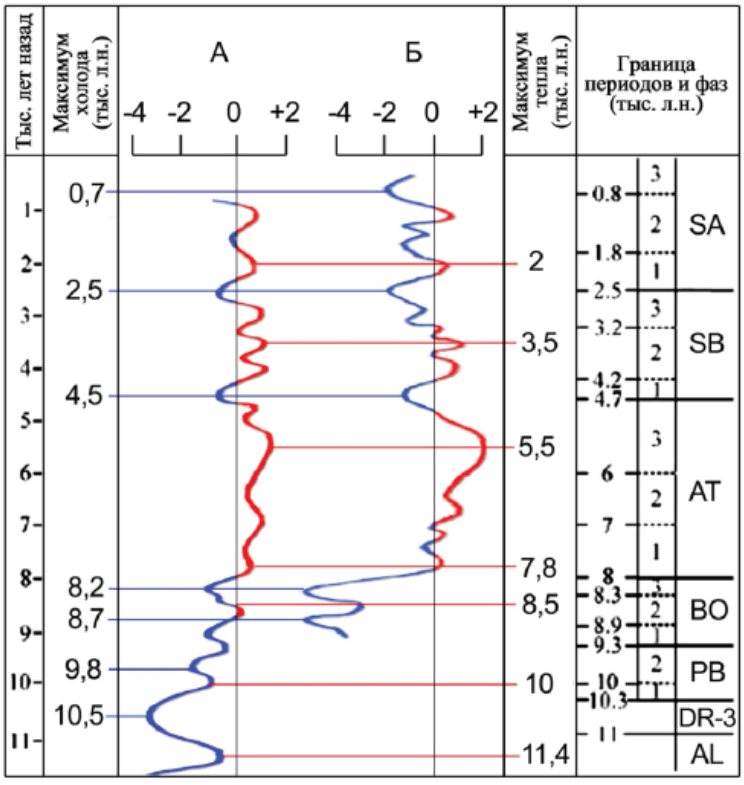
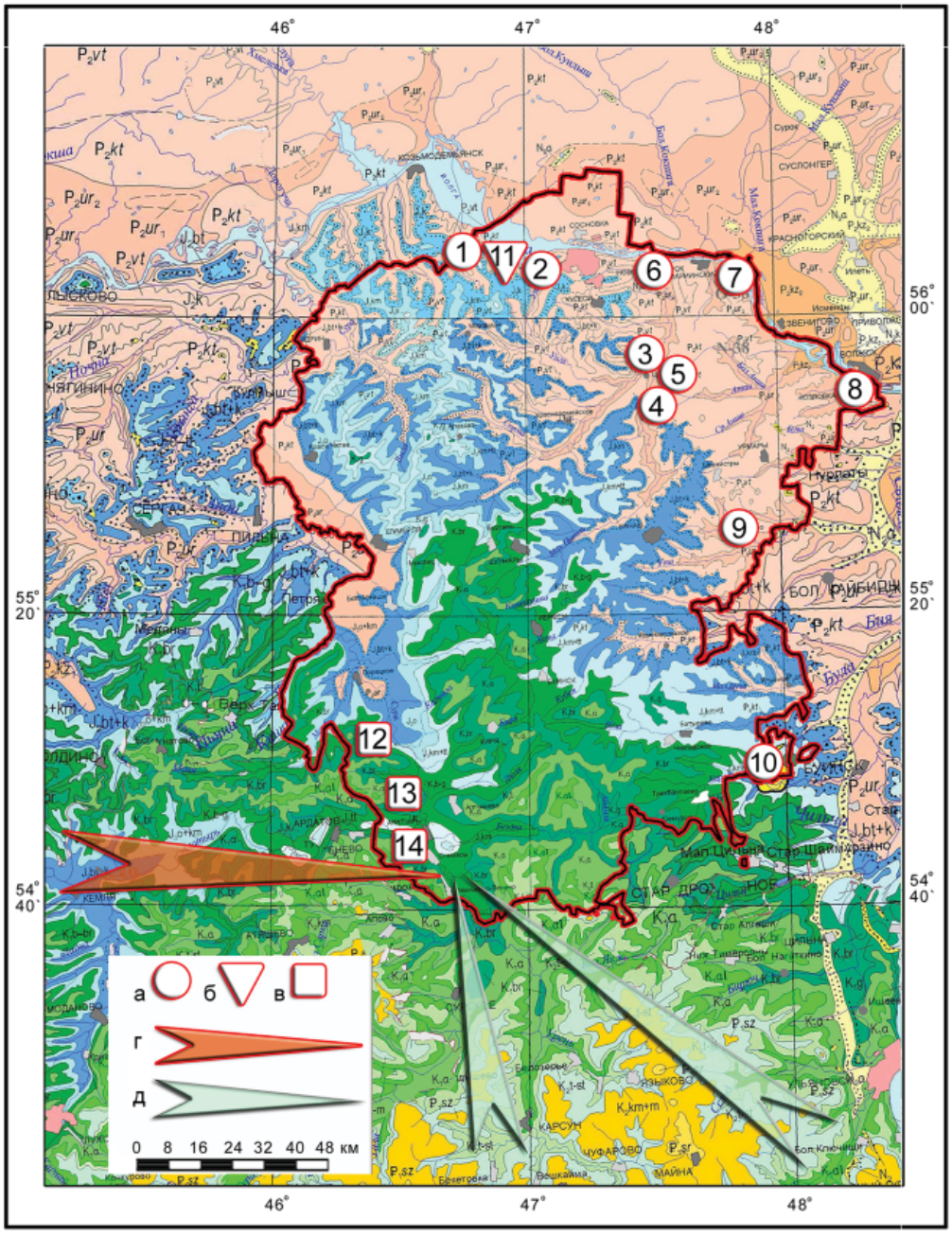


Рис. 10. Палеоклиматические кривые (по: Таиров, 2003).
Fig. 10. Palaeoclimatic curves (after: Tairov, 2003).

Условные обозначения:
Палеоклиматические кривые (отклонения средних температур июля от современных значений, С°) западнее и восточнее территории Чувашского Поволжья: А - центра Белоруссии 530 с.ш., Б - Башкирии 550 с.ш. (по Таиров, 2003).
Периоды: SA - субатлантический. SB - суббореальный, AT - атлантический, BO - бореальный, PB - пребореальный, DR - поздний дриас, AL - аллеред.



Условные обозначения:

Месторождния кремневого (а), кварцитового (в) и валунного кристаллического (б) сырья: 1 - Юльяльское, 2, 11 - Шомиково-Ильинское, 3 - р.Цивиль. у Старой пристани, 4 - Синьял-Котякское, 5 - Шолминское, 6 - Яндашевское, 7, 8 - Водолеевское, 9 - Уразлинское, 10 - Яманчуринское, 12 - Рындинское, 13 - Сурско-Майданское, 14 - Алатырское;
и возможные направления его импорта: с запада (г) и юго - юго-востока (д).

Рис. 11. Карта распространения месторождений каменного сырья в Чувашском Поволжье на геологической подоснове (см. рис. 2).

Fig. 11. Map stone raw material deposits in the Chuvash Volga region on a geological base (ref. Fig. 2).

Рис. 12. Образцы каменного сырья с разных археологических памятников: 1-5 – кремень, 6 – кварцит, 1 – стоянки финального палеолита Шолма, 2-3 – Мукшумского комплекса памятников меолита и неолита, 4-6 – Утюжского комплекса памятников неолита и энеолита.

Fig. 12. Samples of stone raw materials from various archaeological sites: 1-5 – flint, 6 – quartzite, 1 – Sholma final Paleolithic site, 2-3 – Mukshum complex of the Mesolithic and Neolithic sites, 4-6 – Utiuzh complex of the Neolithic and Eneolithic sites.

Рис. 13. Шолминское месторождение кремня: Н.С. Березина в старом карьере, на переднем плане – массив известняка с включениями кремня. Образцы кремня: 1-2 – нуклевидные куски со стоянки Шолма I, 3 – кремень из месторождения.

Fig. 13. Sholma flint deposit: N.S. Berezina in an old quarry, in the foreground - limestone with flint inclusions. Flint samples: 1-2 – nucleus-shaped fragments from Sholma I site, 3 – flint from the deposit.

ГЛАВА 3. СТОЯНКИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

Поиск стоянок палеолита в Чувашском Поволжье ведется давно (Брюсов, 1937; Бадер, 1957). Всеми исследователями отмечалась перспективность данной территории в этом плане. Большое количество четвертичной фауны, в том числе таких крупных находок, как относительно полные скелеты мамонтов, носорогов, а также многочисленные находки отдельных костей и зубов животных, говорит о богатстве палеоценозов, а также о наличии путей миграции этих животных по данной территории. Находки четвертичной фауны, а также геологические слои представляют все периоды плейстоцена и эоплейстоцена, однако не в равной степени. Сложность поиска палеолитических стоянок обусловлена мощными покровными отложениями лессов и лессовидных суглинков, что отмечалось всеми исследователями палеолита. Несмотря на целенаправленные поиски палеолитических памятников в Чувашском Поволжье, стоянок палеолита с каменным инвентарем до последнего времени известно не было. В 2005 г. экспедицией под руководством автора была обнаружена финальнопалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I с каменным и костяным инвентарем.

В данной главе будут также рассмотрены памятники мезолита, исследованные на территории Чувашского Поволжья (рис. 14). Степень презентативности их различна: часть памятников исследована раскопками, такие как Яндашевская стоянка, Мукшумская X, XIV и XVIII стоянки, поселение Утюж I. Другие памятники представлены достаточно представительными коллекциями подъемного материала, собранными на разрушающихся стоянках. Ниже приводятся описания этих памятников.

3.1 Памятники финального палеолита

Стоянка-мастерская Шолма I

Урочище Шолма расположено на правом берегу р. Малый Цивиль, в 1 км выше места ее слияния с р. Большой Цивиль, правого притока р. Волга; в 1 км к северо-северо-востоку от г. Цивильска Цивильского района Чувашской Республики (рис. 15). Местные жители называют эту гору и долину, образованную петлей Малого Цивиля, «Шолма» или «Шелом». Урочище Шолма имеет сложное геологическое строение и представляет собой тектоническое образование – выступающий С-образный западный край высокого поднятия, образованного мелкой складкой отложений пермской системы татарского яруса – правого коренного берега широкой долины реки Цивиль, и примыкающих к нему с северо-запада древних песчаных аллювиальных террас верхнего плейстоцена. На южном и западном склонах поднятия отмечены древние лессовые покровные образования. Отложения пермских пород содержат желваки и прослои кремня, имеются его естественные выходы по «макушкам» этого поднятия, к которым приурочены местонахождения обработанного кремня. В восточной части этого поднятия расположен небольшой карьер местного значения по добыче известняка. Карьер наполовину завален мусором и сейчас не эксплуатируется (рис. 16).

Впервые археологические памятники здесь были обнаружены в 1926 г. В.Ф. Смолиным (Смолин, 1927). В 1966 г. под руководством П.Н. Старостина (Старостин, 1966) была проведена археологическая разведка по р. Цивиль, в ходе которой были обнаружены кремневые сколы и орудия «древнего облика». Памятник получил название «Цивильское место первичной обработки кремня». В 2001 г. археологической разведкой под руководством Н.С. Березиной (Березина, 2001а) здесь были выявлены еще несколько пунктов нахождения кремневых орудий и отщепов, которые были названы «Цивильское место первичной обработки кремня 2 и 3». Тогда же были впервые сделаны предположения о палеолитическом возрасте памятников.

В 2005 г. участники раскопок стоянки Новая Деревня – автор, А.Ю. Березин и М.Ш. Галимова при осмотре окрестностей обнаружили небольшой карьер на южном склоне горы Шолма, который обнажил культурный слой с находками расщепленных кремней и костей верхнепалеолитического облика (Березина, Березин, Галимова, 2006; 2007). В 2007-2008 гг. были проведены комплексные исследования стоянки с участием ряда специалистов естественнонаучных направлений. Междисциплинарные изыскания включали: 1) геолого-геоморфологическое изучение разрезов

стоянки, горы Шолма и прилегающих ландшафтов реки Цивиль под руководством А.А. Хисяметдиновой; 2) минералого-петрографическое исследование образцов кремневого сырья из обнажений в окрестности стоянки и артефактов по руководством А.А. Чурбанова; 3) исследования палеоэкологии почвообразования погребенной криоморфной почвы стоянки под руководством Л.А. Гугалинской и В.М. Алифанова; 4) палеофаунистические исследования остатков млекопитающих из раскопа и анализ малакофауны, полученной путем промывки культурного слоя, под руководством А.Ю. Березина; 5) технологическое и трасологическое изучение каменного инвентаря под руководством М.Ш. Галимовой (Хисяметдинова, 2007; 2008; Березина, Березин, Галимова, Хисяметдинова, Чурбанов, 2008; Березина, Березин, 2008; Березин, Березина, 2009; Березина, Березин, Галимова, Хисяметдинова, 2009; 2009а; Хисяметдинова, Галимова, Гугалинская, Алифанов, Березина, Березин, Хисяметдинова, Попов, Вагапов, Овчинников, Кондрашин, Рапацкая, 2010).

Геологические и геоморфологические данные

С целью выяснения стратиграфических характеристик стоянки были проведены зачистки стенок карьера, непосредственно примыкавшие к раскопу. Работы эти проводились под руководством геоморфолога А.А. Хисяметдиновой. В результате зачистки стенки карьера расположенной выше по склону и примыкающей к раскопу с запада выявлена следующая общая стратиграфия (зачистки I–А и I–Б) колонка (снизу вверх) (рис. 17):

№ пач.	Мощность	Характеристика слоя
1	5-6 м	***Зеленовато – желтый (оливковый) лесс*** на крупнообломочном материале коренных пермских пород, не имеет генетической связи с коренными породами, лежит под большим углом, спадающим в юго-восточном направлении.
2	0,25-0,5 м	***Культурный слой («почвенно-культурный слой»)*** – сложная деформированная толща палеопочвенных образований, неоднородная по мощности и цвету – от светло-серого до темно-серого гумусированного. В слое встречаются отдельные темно окрашенные пятна с включением мелких угольков. Наблюдаются четкие макро-криогенные явления в виде полигональных растрескиваний и пучений.
3	0,7-1,0 м,	***Буровато-красные лессовидные суглинки*** делювиального происхождения с мелко- и крупнообломочным материалом коренных известняков и мергелей, пронизаны трещинами усыхания.
4	0,2 м	***Линза ярко-малинового суглинка*** тяжелого механического состава с плотным сложением, флювиального, образованного за счет размыва и переотложения коренных аргиллитов и мергелей.
5	0,2 м	***Линза желтого среднезернистого ожелезненного песка*** хорошей сортировки, окатанности и отмытости с включениями выветрелых развальцованных обломков светло-зеленых мергелей, связанная с переотложением террасовых песков
6	0,3-0,6 м	Коллювиальные щебни, состоящие из обломков светло-зеленого развальцованного мергеля.
7	0,2-0,7 м	***Буровато-розовые лессовидные суглинки***, в кровле сильно выветренные, раздробленные, имеют локальное распространение в стенке зачистки I–Б под современной почвой.
8	0,4-1,0 м	***Голоценовая почва с дерниной***, варьирующей от темно-серого до черного цвета, имеет облегающий характер и лежит на разных породах. В мысовой части раскопа входит в контакт с древней почвой.

Каждая из описанных в разрезе стоянки Шолма литологических пачек несёт в себе определённую палеоклиматическую и палеоэкологическую информацию.

Накопление оливкового лёсса пачки 1 происходило в холодных и сухих перигляциальных условиях за счёт дальнего приноса материла (эоловым или водным путём). Доказательством тому служат отличная от коренных пород окраска лёсса и полное отсутствие в нём обломочного материала. Осадконакопление оливкового лёсса завершилось образованием почвы (пачка 2), которая имела довольно ровную горизонтальную поверхность, примыкающую к коллювиальным отложениям склона.

Наличие палеопочвенного горизонта свидетельствует о значительной смене климатических условий. По всей совокупности данных, это был переход к более тёплым и влажным по сравнению с предыдущим этапом. Изучение малакофауны в палеопочве

выявило относительно большое количество раковин почвенных моллюсков одного вида *Vallonia costata Mull.*, которые обычно обитают в умерено теплых увлажненных местах (рис. 32: 13). Видимо, почва сформировалась в один из теплых периодов позднеледниковья. Об этом свидетельствуют и результаты изучения фауны из раскопа (рис. 31, 32). В этот период функционировала стоянка Шолма 1.

После того как люди покинули стоянку мерзлотные процессы преобразовали почвенно-культурный слой, изменив его морфологию, внутреннее строение и литологические свойства пород. Мерзлотные процессы происходили в два этапа. Это было связано с резкой сменой климата в сторону похолодания и новому восстановлению перигляциальных условий на этой территории.

На первом этапе почвенно-культурный слой оставался на дневной поверхности. В условиях еще влажного, но холодного климата возникли полигональные криогенные структуры, в которых кремневые и костяные артефакты оказались частично смещены в верхний горизонт почвы в форме плотных скоплений, образовав кольцевые структуры в виде «медальонов». Мерзлотное пучение грунта сопровождалось растрескиванием древней почвы, это растрескивание осложнялось и усиливалось в результате заполнения трещин льдом, а процессы солифлюкции из-за неравномерного промерзания и последующего оттаивания грунта определили направление смещения трещин на юг. В результате мерзлотных процессов многие кремневые находки и обломки костей оказались поставленными на ребро или легли под углом. Из-за пучения грунта глубокие полигональные жилы льда образовали структуры в виде клиньев или карманов.

На втором этапе климат стал более сухим и холодным, в результате чего усилились делювиальные процессы – эрозия и переработка местных горных пород и переотложение их по склонам в виде красноцветных суглинков. В это время древняя почва стала перекрываться красноцветным суглинком (пачка 3) и оказалась погребенной на некотором протяжении по склону горы. Криогенные процессы продолжались и ими были затронуты не только древние почвы, но и суглинки. В результате некоторых криотурбаций или по мере оттаивания некоторых ледяных жил порода красноцветного суглинка оказалась затянутой в нижние слои и заполнила тонкие трещины в верхней части древних почв. Глубокие полигональные жилы со временем заполнились, в основном, материалом нижнего горизонта погребенных почв. Нами также были отмечены глубокие большие трещины, идущие через толщу красных суглинков и погребенную почву в глубину оливковых лесов. В нижней части этих трещин нередко оказываются кремневые предметы, а само заполнение представляет собой перемятую мерзлотными явлениями породу красноцветных суглинков. В последствие красноцветные суглинки приобрели лессовое строение и при выветривании образовали столбчатую структуру.

Малиновые суглинки и желтые пески (пачки 4 и 5), залегающие с размывом и перерывом на буровато-красных суглинках, являются отложениями небольшого ручья или протоки, в русло которого осыпался коллювиальный материал коренного склона (пачка 6). Размыв и оживление водотоков было связано с улучшением климатических условий. В дальнейшем эти отложения также были подвержены мерзлотным процессам, о чём свидетельствуют инволюции (текстуры пучения). Последующее накопление малиновых лессовидных суглинков (пачки 7) оказалось связано с новым (и завершающим) восстановлением перигляциальных климатических условий.

Уточнение стратиграфической позиции шолмской погребенной почвы требует дополнительной корреляции с региональными стратиграфическими схемами. Сходные по геологическому строению разрезы были проанализированы Г.П. Бутакова в обобщающей работе по перигляциальным явлениям на востоке Русской равнины (Бутаков, 1986). Данные, полученные на сегодняшний день на стоянке Шолма, позволяют нам предположить, что погребенная почва, к которой приурочен культурный слой, имеет сложную структуру. Эта почва состоит из палеокриоморфной нижней погребенной почвы, вероятно, относящейся к теплому этапу древнего голоцена – бёллингу и маломощной палеокриоморфной верхней почвы последующего относительно теплого этапа – аллерёда (13–11 тыс. л.н.). Бёллинг и аллерёд были разделены этапом сравнительно небольшого похолодания, именуемого средний дриас. Палево-бурый суглинок, перекрывающий всю шолмскую погребенную почву, вероятно, отложился в позднем дриасе (11–10,3 тыс. л.н.) – финальном этапе ледниковья, который наступил после потепления аллерёд и отличался гораздо более суровым климатом, чем средний дриас (Хисяметдинова, Галимова,

Березина, Березин, 2008; Березина, Березин, Галимова, Хисяметдинова, 2009; 2009а; Гугалинская, Алифанов, Березина, Березин, Хисяметдинова, Попов, Вагапов, Овчинников, Кондрашин, Рапацкая, 2010).

Результаты воздействия на погребенную почву в процессе жизнедеятельности на стоянке и впоследствии

Жизнедеятельность древних людей повлияла на морфологию погребенной почвы. Грунт на месте стоянки имеет локально более черную окраску, что связано с большим содержанием гумуса и углистых частиц. Увеличение содержания гумуса было обусловлено хозяйственной деятельностью древнего человека. Об этом свидетельствуют факты наличия в породе включений растительных остатков, обломков костей и зубов лошадей и др.

В результате разнообразной деятельности обитателей стоянки в горизонте погребенной почвы на локальном участке образовалась порода с определенными физико-химическими свойствами. По внешним признакам грунт на этом участке обладает большей пластичностью, вязкостью, проницаемостью. Все эти свойства проявились в постседиментационных процессах, после того, как люди покинули это место, а почва перешла в погребенное состояние. В связи с этим мерзлотные процессы, происходившие во время накопления пачки 3, максимально проявились также над местом стоянки. Более того, трещины усыхания, пронизывающие пачки 3-7 и образовавшиеся после их накопления, по-разному проявились над местом поселения и за его пределами. Аналогичное закономерное усиление криогенных процессов в отложениях, непосредственно перекрывающих культурные слои стоянок палеолита Русской равнины, выявлено Ю.Н. Грибченко и Е.И. Куренковой (Грибченко, Куренкова, 2006; 2007).

Каменный инвентарь

В раскопе 2007 г. было найдено суммарно 10580 предметов: кремневые и кварцитовые предметы, кости и зубы животных. Около 9,5 тыс. предметов представляют собой отщепы, куски, осколки, сколы подправки нуклеусов и чешуйки. Подавляющее большинство изделий выполнено из кремня, единично – из кварцита (сливного песчаника).

На стоянке представлены все этапы первичного расщепления кремня: подготовка и утилизация нуклеусов с целью скалывания пластин и отщепов, пригодных для превращения их в орудия и предметы вооружения, либо для использования в трудовых операциях сразу, без дополнительной обработки. В коллекции представлено 102 экземпляра нуклеусов и нуклевидных кусков. Так как кремень оказался довольно низкого качества, то большая часть расколотых кремней была брошена на первой стадии подготовки пренуклесов и нуклеусов. Изделию оббивкой придавали подокруглую форму, уплощенную с тыльной стороны крупными сколами, при этом формировали продольное ребро. Площадка создавалась крупными поперечными сколами. Первый скол с нуклеуса, направленный на формирование призматического профиля поверхности скалывания, имел «ребристую» спинку (бифасиальную или одностороннюю). Таких ребристых сколов в коллекции имеется 19 экз. Снятие последующих сколов перемещалось к центральной, более плоской части поверхности скалывания, таким образом, на этой стадии получались крупные, широкие и относительно тонкие пластинчатые сколы с прямым профилем. На последующих стадиях расщепления нуклеусы становились меньше размером, приобретая коническую форму, и при удачном раскалывании сохраняли на тыльной стороне участки корки и первичных уплощающих сколов. По мере скалывания размеры пластинчатых сколов уменьшались до микропластинок. По сути, все нуклеусы данной коллекции представляют собой ту или иную стадию утилизации вышеописанной заготовки пренуклеуса для получения соответственно крупных, средних пластин и микропластин. Площадки нуклеусов подрабатывались небольшими сколами, карнизы подправлялись приемами редуцированием и абразивной пришлифовкой.

В целом для кремневой индустрии Шолмы характерен принцип параллельного скалывания, направленный на получение удлиненных сколов с одноплощадочных нуклеусов. На данном этапе изучения можно предположить, что пластины, в том числе и ножевидные, снимались при помощи удара отбойником. В составе коллекции присутствуют нуклеусы конусовидных и призматических форм. В особую форму можно выделить нуклеусы на массивных первичных сколах для получения укороченных узких пластин. Такие пластины служили, вероятно, вкладышами без дополнительного рассечения на части.

Отметим такую категорию изделий, как вторичные торцевые нуклеусы, которые могут одновременно рассматриваться и как массивные ретушные резцы. Можно сделать

выводы о применении на стоянке двух технологических линий, направленных на получение длинных и укороченных пластин. Первая линия заключалась в том, что изделию обивкой придавали подокруглую форму и формировали продольное ребро. С таких ядрищ отделялись как крупные пластины, так и микропластины. Также для получения длинных узких пластин подготавливались вторичные торцовые нуклеусы на массивных первичных сколах, которые одновременно могли служить ретушными резцами, как правило, по твердому материалу – кости. Вторая технологическая линия была направлена на получение коротких узких пластин. Для этого использовали пренуклеусы в форме скребков высокой формы со сколами по всему периметру. Сколы снимались при помощи удара жестким или мягким отбойником. Нами не обнаружено свидетельства применения техники отжима пластин на нуклеусах всех форм, присутствующих в коллекции.

Изделий с вторичной обработкой, которые были орудиями с выраженной морфологией, насчитывается около 60 экз. Вместе с тем, как показало трасологическое изучение отщепов и сколов, проведенное М.Ш. Галимовой, большая часть этих сколов без вторичной обработки имеет следы использования (утилизации), их насчитывается 385 экз.

Пластин, в том числе с правильной огранкой спинки, а также пластинчатых сколов, как целых, так и в фрагментированном виде, найдено 251 экз. Среди них отмечены целые пластины и их сечения: крупные и средние по ширине, а так и узкие пластины и микропластины. Их края имеют следы использования в качестве вкладышей строгальных ножей, ножей по мясу и т.д. (рис. 18: 25, 27, 29, 30, 33, 35, 37, 38). Тронкированных пластин и пластин с притупленным краем в коллекции нет.

В раскопе найдены 9 фрагментов пластин, имеющих форму трапеций с прямыми сторонами, оформленными фасетками ретуши. Все трапеции – симметричные, небольших размеров и низких пропорций (рис. 18: 1–9; 19: 1–12). Они выполнены на узких пластинах шириной от 7 до 14 мм, как с регулярной, так и нерегулярной огранкой спинки, в трех случаях – с неровными краями. На трапециях отмечены микроследы использования в качестве вкладышей метательного оружия.

Выразительную серию орудий представляют ретушные резцы – 10 экз. Большая их часть (6 изделий) выполнена на крупных массивных сколах (рис. 20: 5, 8, 11, 14). Они имеют слегка вогнутые широкие ретушированные площадки, с которых по краям были сняты резцовые сколы. Четыре таких изделия выполнены на удлиненных сколах, в том числе два скола с прямыми и два – со скошенными ретушированными площадками. Кроме ретушных резцов, в коллекции имеются резцы с резцовыми сколами, снятыми на углу заготовки (6 экз.) и на сломе заготовки (3 экз.) (рис. 18: 16, 17; 20: 2, 12, 13, 15, 16, 18; 23: 1, 2). Также выделяется группа резцевидных изделий.

Здесь же следует упомянуть большую группу резцов (44 экз.), собранную нами в разрушенной карьером части стоянки в 2005 г. (Березина, Березин, Галимова, 2006). Выделяется комбинированное орудие резец–скребок (рис. 22: 1) на крупной пластине из белого качественного кремня, а также концевой скребок, в дистальной части пластины оформленный крутой ретушью с брюшка и со следами сильной изношенности. На данном скребке с одной грани пластины был снят широкий длинный резцовый скол, практически перпендикулярный брюшку, проксимальный конец пластины усечен крутой ретушью с брюшка. Оба угла проксимала имеют крутые перпендикулярные резцовые грани, как показало трасологическое изучение, одна грань пластины использовалась в качестве скобеля и строгального ножа. Второй ретушный резец выполнен на нуклевидном куске светло-серого цвета, одна грань которого подправлена крутой ретушью, а с угла снят крутой резцовый скол (рис. 23: 1). Подавляющее большинство угловых резцов было оформлено на отщепах (рис. 22: 3), сколах и кусках (рис. 21: 3; 23: 5) (26 экз.), а также на нуклевидных кусках (рис. 22: 4; 23: 2) (5 экз.), среди них имеются полифункциональные орудия: скребок–резец (2 экз.) и скребок–скобель (2 экз.).

Были найдены выполненные на удлиненных сколах скребки разных типов: концевые (3 экз.), концевые–боковые и боковые (4 экз.) (рис. 25–27), а также скребло на крупном отщепе с желвачной коркой (1 экз.) и скобель (1 экз.).

В группе скребков девять экземпляров выполнены на отщепах и коротких сколах с параллельной огранкой спинки (рис. 26–27), это концевые скребки с широким и округлым рабочим краем, с вертикальной, крутой и полукрутой ретушью, иногда заходящей на боковые грани. Размеры скребков варьируют от 21×25 мм до 29×31 мм. Они представляют собой своеобразную серию небольших

округлых и подквадратных скребков, вставлявшихся в рукоять. Восемь концевых скребков выполнены на пластинах и пластинчатых сколах, их лезвия оформлены крутой и полукрутой ретушью. Три из них были сломаны в проксимальной части, видимо, в ходе работы. Четыре скребка оформлены на массивных продольных сколах с округлым слегка скошенным лезвием, они несут на боковых краях следы крутой ретуши. Один скребок имеет выемку на боковой грани, образующую острый угол.

Скребел в коллекции имеется четыре экземпляра, три из которых выполнены на крупных удлиненных сколах с продольно выпуклыми рабочими краями, оформленными неглубокой крутой и полукрутой ретушью. Одно изделие отличается конвергентно расположенными продольными рабочими краями, оформленными ретушью с брюшка и со спинки. Имеется орудие, выполненное на крупном округлом сколе с кварцитовой гальки с естественной коркой, рабочий край оформлен крутой и полукрутой ретушью на 2/3 периметра скола. Это орудие было найдено вместе с рядом зубов нижней челюсти лошади.

В категории зубчато-выемчатых изделий выделяется серия из пяти орудий вытянутых пропорций с высокой спинкой, выполненных на массивных сколах с коркой. Края этих сколов по всему периметру обработаны крупными и мелкими сколами, образующими зубчатые края, которые несут следы использования в качестве скребков или скобелей (рис. 24: 3, 4).

Следует отметить предположительный наконечник стрелы, представляющий собой проксимальный фрагмент крупного скола без следов вторичной обработки, обнаруженный нами в теле позвонка лошади. При функциональном анализе на этом фрагменте были обнаружены характерные микросколы метательного повреждения. По всей видимости, острая часть этого предмета была извлечена в древности, вероятно, при помощи кварцитового отщепа, располагавшегося рядом.

Отдельно отметим обломок крупного бифаса, сломанного в центральной части. Его размеры составляют 6×48 мм, сечение – линзовидное, максимальная ширина – 15 мм. Форма бифаса, вероятно, была вытянутых пропорций с сужающимися к основанию краями и с оформленным крупным уплощающим сколом обушком. Поверхность бифаса была сформирована крупными нерегулярными сколами, с последующей подправкой более мелкими сколами. На одной стороне бифаса сохранился участок естественной поверхности. После поломки это изделие было вторично использовано в качестве многофункционального орудия ножа–скребка–резчика (рис. 24: 10).

К рубящим изделиям можно отнести одно долотовидное бифасиальное изделие подквадратной формы, края которого выполнены небольшими сколами, местами края имеют выкрошенный характер (рис. 27: 10).

Следует отметить одно костяное изделие – обломок трубчатой кости с тремя прорезанными пазами (рис. 30: 2). Это изделие было разломано еще в древности на две части и выброшено. Вероятно, пазы служили разметками заготовок для выделки костяных игл. В 2009 г. в ходе палеопочвенных исследований на стоянке была проведена зачистка основного обнажения, которое находилось в законсервированном виде. В результате было обнаружено еще дно изделие из кости – наконечник метательного оружия. Длина наконечника составляет 170 мм, ширина – 35 мм, сделан он из расколотой вдоль трубчатой кости – метаподии. Часть наконечника ближе к эпифизу – желобчатая, она, очевидно, служила для прикрепления наконечника к древку. В этой части орудия по краям обеих сторон сделаны сколы в виде зазубрин, вероятно, для прочной связки копья с древком. Острие наконечника копья представляет собой скол кости в наиболее утолщенной диафизной части, с последующей подправкой и шлифовкой краев для придания симметрии. Острие наконечника копья имеет сильные следы износа, особенно в вершинной ее части (рис. 30: 1).

Всего на стоянке было найдено более 150 костей лошади, а также бизона, северного оленя, бобра, зайца, зубы мелкого хищника, возможно, куницы, хомяка и полевок. Лошади принадлежат, как минимум, трем особям разного возраста. Присутствуют кости задних конечностей, нижних челюстей, раздробленный череп, позвонки, а также 5 перерубленных лопаток т.д. Таким образом, в раскопанной части стоянки мы видим отсутствие анатомически связанных костей скелета лошади (за исключением двух позвонков). Все крупные трубчатые кости были расщеплены. Череп и нижние челюсти также подверглись в древности обработке, т.к. есть расколотые зубы нижних и верхних челюстей. Мы отметили, что рядом с костями располагались массивные орудия для обработки кости. Это была специализированная группа охотников на лошадей.

Результаты минералогического и трасологического изучения кремня

Поиску источников кремневого сырья стоянки Шолма 1 и сравнению его с артефактами со стоянки было посвящено специальное исследование. Были обследованы естественные обнажения по берегам р. Цивиль и обнажения в стенках старого карьера, расположенного рядом со стоянкой, и отобраны образцы кремневого сырья (Березина, Березин, Галимова, Хисяметдинова, Чурбанов, 2009). Одной из задач было сравнение минерального состава, структур и текстур кремнистых пород в шлифах из конкреций сырья и сколов–артефактов.

Собранные образцы кремневого сырья из карьера и речного аллювия в форме конкреций и кремневых отщепов и сколов из подъемного материала были разделены на группы по цвету, примесям и структуре. Кремневое сырье, собранное в конкрециях, варьирует по цвету от светло-серого, бледно-коричневого до бурого, в текстуре кремня встречаются тёмно-серые пятна, включения материнской породы. Размеры конкреций достигают нескольких десятков сантиметров, форма их – уплощённая вытянутая вдоль слоистости составляющих пород. Красновато-коричневые разновидности конкреций в своих краевых зонах имеют светлые полосы, розоватого до светло-кремового цвета. По техническим свойствам кремни плотные, но колкие, они легко расщепляются на мелкие сколы, светлые виды кремня более однородны и дают более крупные осколки. В кремневых конкрециях встречаются мелкие халцедоновые и аметистовидные кварцевые жеоды.

Подъемный материал – сколы и отщепы, в основном, выполнены из кремня коричневой цветовой гаммы (варьируют от кремового до бурого цвета), пятнистые и полосчатые, с мелкими жеодами, заполненными халцедоном и кварцем. У части изделий наблюдается своя, «новая» патина шириной до 2 мм. Артефакты из халцедона не встречаются, так как халцедоны имеют утолщенный неровный скол и не подходят для изготовления орудий.

Визуальной анализ показал, что кремневые отщепы на 95 % по окраске и на 100% по структурным и минералогическим характеристикам совпадают с кремневым материалом горных пород разреза в карьере у стоянки Шолма I. Вторичные изменения каменного сырья артефактов могут быть обусловлены как естественными причинами – образованим патины, так и искусственно наведёнными – термической обработкой заготовки при изготовлении орудий или случайном попадании осколков в костёр.

При изучении полученных шлифов было выявлено, что для производства орудий использовались коричневые разновидности кремней, причём более крупные артефакты получались из светлых его разновидностей, содержащих большее количество карбонатного вещества, что делает кремень более вязким и менее колким. Халцедоновое сырьё для производства орудий не использовалось, поскольку халцедоны, изученные из окрестностей, имеют неровный, занозистый скол и не подходят для изготовления орудий.

* * *

Характеризуя кремневую индустрию Шолмы 1, нужно отметить, что основными факторами жизнеобеспечения стали расположение стоянки рядом с естественными выходами сырья, а также специализированная охота на крупных копытных, главным образом, на лошадь. Невысокое качество кремня приводило к большому проценту брака при его раскалывании, а также определило обилие пренуклеусов и нуклеусов, брошенных в начальной стадии расщепления, большое количество первичных сколов и сколов подправки. Обилие сырья не требовало его экономии, что выразилось в «одноразовом» использовании многих сколов и пластин, без дополнительного формирования орудия. Часто использовались режущие края и острые кончики сколов без вторичной обработки. Обилие сырья привело и к высокой концентрации находок.

Специализированная охота на крупных копытных (лошадь) и разделка охотничьей добычи на стоянке в купе с неограниченным запасом кремневого сырья определила преобладание морфологически невыраженных орудий на стоянке. Для разделки туш использовались лишь режущие края сколов и острия, без таких орудий как бифасы, трудоемких в изготовлении.

Трасологический анализ, выявил значительное число массивных сколов-отходов, ребристых пластин и осколков, имеющих следы резания мяса, а также скобления по кости. Применявшаяся на стоянке обычная ударная техника расщепления кремня была направлена на получение крупных массивных пластин и особенно узких ножевидных пластин, в том числе и микропластин. Главное функциональное назначение пластин – резание, строгание, скобление твердых и мягких

материалов, к последним относятся шкура, мясо и дерево. Морфологически выражены две категории орудий – концевые и подокруглые скребки и массивные ретушные резцы.

Охота на крупных млекопитающих давала возможность использовать их длинные и прочные кости для изготовления основы для костяных оправ вкладышевых орудий. В качестве вкладышей режущих и метательных служили сечения средних и узких пластин, представленные на стоянке значительными сериями. Наличие вкладышевой техники также косвенно подтверждается обнаружением костяной пластины с прорезанными пазами. Большая серия резцов, найденная на стоянке, очевидно, служила для прорезывания пазов. Оригинальным технологическим приемом в изготовлении вкладышей на стоянке Шолма является подготовка к утилизации мелких ядрищ в форме крупных скребков высокой формы. Изучение под микроскопом кромки площадки этих изделий показало отсутствие следов работы в качестве скребков.

Рядом со стоянкой имеются каменистые перекаты, которые связаны с подвижками древнего разлома, образовавшего гору Шолма. Вероятно, древние люди знали и использовали эти перекаты. Южный склон горы и пологая, довольно ровная примыкающая к склону площадка, делали местоположение стоянки очень удобным. Защита от холодных северных ветров и источники каменного сырья, расположенные рядом, также делали очень выгодным и привлекательным это место. Через реку можно было переправляться по перекатам. Гора давала возможность обзора широкой пойменной долины пригодных для естественных пастбищ лошадей и склонов в радиусе 10–15 км. Район стоянки являлся настоящей экологической нишей для древних обитателей этого района.

Открытие и изучение уникального памятника финального палеолита севера Среднего Поволжья – стоянки-мастерской Шолма I, приуроченной к погребенной сложной палеокриоморфной шолмской почве, предоставило ученым широкие возможности для комплексного изучения адаптаций древнего человека, мигрировавшего вслед за стадами диких животных, продвигавшихся на север за отступающим ледником. Сохранность культурного слоя позволила обнаружить костные останки животных – объекта охоты и изделия из кости. Обилие кремневых изделий, обусловленное характером памятника – стоянки-мастерской на выходах кремня – позволили изучить минералогический состав каменного сырья, проследить технологические приемы изготовления, морфологические и трасологические особенности орудий.

3.2 Памятники мезолита правобережья Волги и Среднего Посурья

Яндашевская стоянка

Памятник располагался на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Цивиль, недалеко от ее впадения в Волгу. Высота террасы над уровнем реки составляла 10-11 м (рис. 33). Раскопками под руководством П.П. Ефименко в 1927 г. было вскрыто около 65 кв.м. Культурный слой, по наблюдению исследователя, «незначительный по мощности, лежит в плотном оподзоленном песке, никогда не подвергавшемся перевеванию» (Ефименко, Третьяков, 1968, с. 126). Находки залегали в песчаном слое под почвой. Отдельные изделия были встречены в почве и в подстилающем песок суглинке. Предпринятые автором в 2001 и 2009 гг. поиски месторасположения стоянки выявили ее разрушение из-за строительства Новочебоксарского химического завода. Вероятно, весь верхний грунт, включавший культурный, слой был срыт техникой.

Общая стратиграфия памятника (по Ефименко, Третьякову, 1968):

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	0,15-0,20 м	гумусный почвенный слой, песчаный мелкозернистый
2	0,15-0,20 м	темный и песчаный, но сравнительно крупнозернистый с ореховатой структурой слой со следами оподзоливания (культурный слой)
3	ниже	суглинок в кровле более темно-бурый, ниже – желтый (материк)

Основные находки были встречены в слое, залегавшем на глубине 0,2-0,3 м в темном, крупнозернистом и ореховатом слое со следами оподзоливания. Часть находок была встречена в почвенном слое и в материковом суглинке, что, по мнению исследователей, могло быть вызвано подчвенными процессам, в т.ч. деятельностью грызунов. Почвен-

ный гризонт был сформирован, как полагали исследователи, в последние 100 лет в результате распашки на соседних участках и смывов с высокой террасы (Ефименко, Третьяков, 1968, с. 128).

Раскопками 1927 г. был собран достаточно разнообразный каменный инвентарь. По данным П.Н. Третьякова, в коллекции имеется более 500 ножевидных пластин, 472 орудия и несколько тысяч отходов производства (отщепы, сколы и др.). Использовалось кремневое сырье пестрой разновидности, вместе с тем было найдено несколько орудий из темного мелового кремня.

В 1968 г. материалы стоянки и полевые наблюдения были обпубликованы в журнале «Советская археология» (Ефименко, Третьяков, 1968). Позднее, Л.В. Кольцовым при написании главы «Мезолит Среднего Поволжья» тома «Мезолит СССР» был проанализирован и опубликован каменный инвентарь стоянки в более широком варианте (Кольцов, 1989). По данным Л.В. Кольцова, нуклеусов и их обломков было найдено свыше 40. Большинство нуклеусов несли следы скалывания пластин и представлены двумя основными типами: призматическим и одно-двухплощадочными, с подработанными площадками (рис. 34: 1–4). В коллекции выявлено около 50 скребков, в том числе 10 концевых скребков на пластинах (рис. 34: 18-22; 35: 15, 16, 25, 29), остальные –скребки на отщепах, отнесенные к типам концевых и подокруглых, выполненных на фрагментах нуклеусов (рис. 35: 19-24, 27, 28, 31, 35). Более половины всех орудий было оформлено на пластинах. Множество сечений пластин имеют ровную прямоугольную форму. Они, по мнению Л.В. Кольцова, были изготовлены специально как вкладыши составных орудий (рис. 33: 7, 8, 9, 10–16). Резцы были подготовлены на пластинах и отщепах, они относятся к типам резцов на сломанном или естественном конце заготовки либо угловых резцов (рис. 35: 5–13). Однако встречены и резцы с ретушированной площадкой скола (скошенной, вогнутой или поперечной) (рис. 35: 14), а также поперечные и резцы срединного типа с асимметрично расположенным режущим лезвием.

Острия были сделаны на пластинах и отщепах. Преобладают формы со скошенным концом (рис. 35: 1–4), но есть и острия со сходящимися ретушированными краями (рис. 34: 34–39). Достаточно выразительны формы наконечников стрел, выполненные на пластинах и отщепах. Жало и насад их обработаны мелкой краевой ретушью. У части наконечников выделены плечики и имеется длинный насад. Найдены также наконечники с выделенным черешком, подработанным крутой или полукруглой ретушью на двух краях на спинке (рис. 34: 24,26,27,29,30–32), а также на двух краях на брюшке (рис. 34: 25, 33) и с противолежащей ретушью (рис. 34: 28). Также в коллекции есть наконечники ромбические и асимметричные (рис. 34: 23). Ножи изготавливались из пластинчатых отщепов, имели два ретушированных на спинке края. Скобели на пластинах имеют небольшие краевые выемки на отщепах. Они в большинстве своем симметричны, с четко выделенным жалом, оформленным ретушью по двум краям. Однако встречены и не симметричные проколки с обработкой жала по одному краю.

Яндашевская стоянка – интересный и важный памятник для понимания мезолита региона. До сих пор в правобережье Волги в исследованном регионе не так много выявленных и раскопанных памятников. Пластинчатая индустрия стоянки, широкое распространение вкладышевой техники в производстве орудий труда и оружия, не использование ретуши для подработки сечений пластин, наличие в инвентаре острий с подработкой жала и наконечников стрел на пастинах с мелкой краевой ретушью, в целом, позволяют включать Янлашевскую стоянку в круг мезолитических памятников Марийско-Чувашского Поволжья.

Поселение Утюж I

Поселение расположено в Среднем Присурье, в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на невысоком дюнном всхолмлении I надпойменной террасы правобережья Суры. Под террасой протекает небольшая речка Утюж, впадающая в Суру (рис. 36). Памятник открыт алатырским краеведом Ю.Б. Новиковым в начале 70-х гг. XX столетия (Березина, Березин, Коноваленко, 2010). В 1974 г. его, возможно, посетил В.Ф. Каховский, возглавлявший Чувашскую археологическую экспедицию в окрестностях г. Алатыря (Каховский, 1978).

В 2006 г. совместной археологической экспедицией (см. главу 1) были начаты раскопки многослойного поселения Утюж I (Березина, Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2007). Общая площадь раскопа составила 128 кв. м. В ходе вскрытия в пределах раскопа было выявлено следующее строение культурных отложений:

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	до 0,1 м	Дерновое покрытие
2	до 0,2 м	Плотный запесоченный чернозем – пахотный слой
3	0,2-0,3 м	Углистый песок от светло-серого до темно-серого оттенков
4	ниже	Светло-желтый рыхлый песок – материк

Верхняя часть культурного горизонта была сильно переработана в результате длительной распашки террасы в 1970-х гг. и разновременные материалы в пахотном слое мощностью 0,25-0,3 м залегают вперемежку. Памятник оказался многослойным – здесь последовательно сменяли друг друга поселения мезолита, раннего и развитого неолита, энеолита, раннего железного века и средневековья.

В результате исследования на памятнике был выделен кремневый микропластинчатый комплекс мезолитического облика, изготовленный из серого и дымчатого кремня, что выделяет его среди других кремневых комплексов. Данный комплекс был найден в самом основании культурных отложений, в светло-сером песке, перекрывающем материковый песок светло-желтого цвета. Однако основная часть мезолитической коллекции была выделена из находок заполнения поздних сооружений по цветовому соответствию кремневого сырья и технологическим особенностям изделий.

Мезолитический комплекс насчитывает около 130 находок – это отщепы, нуклеусы, микропластины и орудия с вторичной обработкой из качественного кремня дымчатого, серого, насыщенного серого и кремового цветов. Среди нуклеусов выделяются конические, призматические и торцевые (рис. 37: 1, 2). Все они сильно сработаны и несут на поверхности следы снятия микропластин. Орудия выполнены как на пластинах, так и на отщепах. Ретушь в основном невысокая краевая.

Пластины и их сечения служили вкладышами составных орудий, на части из них заметны характерные угловые микрорезцовые сколы (рис. 37: 4, 6, 7, 8). На пластинах выполнены наконечники стрел с подработкой жала и насада мелкой краевой ретушью (рис. 37: 3, 9, 13, 21).

Резцы представлены следующими типами: краевые на сломе пластин и отщепов, а также нуклевидные и ретушные резцы (рис. 37: 19, 20).

Скребки изготовлялись на пластинах и отщепах, с округлым рабочим краем, подработанным крутой ретушью, они относятся к следующим типам: концевые и боковые, совмещенные с угловыми резцами (рис. 37: 10–12, 14–17, 20, 26).

Имеющиеся в коллекции ножи выполнены на тонких отщепах (рис. 37: 18). Строгальные ножи сделаны из более массивных сколов (рис. 37: 25). Скобель выполнен на длинном сколе с вогнутым лезвием, обработанным крутой ретушью (рис. 37: 24)

Представленный комплекс каменных орудий немногочисленен, выделен типологически и его мезолитический возраст остается под вопросом, т.к. на памятнике присутствуют находки хвалынской культуры, каменная индустрия которой также была основана на пластинах. Однако, такие типы орудий, как острия и наконечники на пластинах, подработанные мелкой краевой ретушью, а также угловые резцы, мелкие округлые скребки, говорят в пользу мезолитического возраста этого комплекса.

Памятники, исследованные разведочными работами

Сурмайданская мезолитическая стоянка

Памятник располагается на большой песчаной дюне левобережья Суры, вытянувшейся вдоль ее русла, в 2,6 км северо-западнее с. Сурский Майдан. Стоянка была открыта алатырским краеведом Ю.Б. Новиковым в 1970-х гг. (Березина, Березин, Коноваленко, 2010). Им было отмечено, что песчаная дюна, на которой расположен памятник, разрушается. Находки мезолитического облика были собраны на поверхности развеянной дюны, они концентрировались в одном месте и не содержали керамических материалов.

В фондах Алатырского краеведческого музея хранятся коллекции, собранные Ю.Б. Новиковым. Среди них находится небольшая коллекция с Сурмайданской дюны. Она была исследована в 2007 г. В.В. Ставицким (Ставицкий, 2008а).

Каменное сырье, использовавшееся на стоянке – это кремень светлых оттенков, в основном белый, желтовато-белый и грязно-желтовато-серый. Кроме того, в коллекции

имеется несколько изделий из коричневатого прозрачного кремня. Коллекция каменных изделий состоит из 325 экземпляров. Группа сколов, отщепов, кусков и осколков составляет 265 экз. Среди них присутствуют пять ребристых сколов, семь поперечных сколов подправки нуклеусов, девять угловых сколов.

Нуклеусов и нуклевидных кусков насчитывается 31 экземпляр, это торцевые, призматические одноплощадочные и конусовидные формы. Найдено множество мелких нуклевидных кусков, размером 2-3 см (рис. 49). Имеются заготовки мелких торцевых нуклеусов, размером около 2 см, уплощенной формы, с оформленным ребром по всей или на 2/3 окружности, с подготовленной площадкой.

Группа пластин с правильной огранкой спинки составляет 20 экземпляров и три экземпляра представлены пластинами с неровными гранями и краями. На двух крупных пластинах изготовлены вкладыши. Один вкладыш несет следы микрорезцовых сколов на углу слома. Второй вкладыш на дистальном конце имеет подтеску с брюшка и спинки. Большая часть пластин без ретуши, но со следами утилизации (рис. 38).

Скребки представлены концевыми и боковыми типами на продольных сколах и отщепах с полукрутой ретушью (рис. 39: 1-6, 11; 40: 6-12).

Резцы немногочисленны, представлены типами: угловые и ретушные. Один ретушный резец с перпендикулярной площадкой был выполнен на отщепе с сохранившимся участком корки. Четыре резца относятся к типу на углу слома пластины или отщепа, причем один из них двойной (рис. 38: 16; 39: 7, 8).

Здесь найден фрагмент достаточно крупного тесла из окремнелого известняка прямоугольной формы с обломанным обухом. Брюшко и спинка орудия практически плоские, поперечное сечение – трапециевидно-прямоугольное, на спинке заметны ребра. Лезвие тесла округлое, хорошо пришлифованное (рис. 39: 12).

В целом, каменную индустрию стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую. Утилизация нуклеусов была направлена на получение микропластин и пластин средних размеров, а также пластинчатых сколов и отщепов. В приемах вторичной обработки использовались односторонняя краевая мелкая невысокая крутая и приостряющая ретушь, уплощающая подтеска, а также техника резцового скола. Резцы достаточно широко использовались обитателями этой стоянки.

3.3 Памятники левобережья Волги

Мукшумская X стоянка

Стоянка находится примерно в 9,5 км северо-западнее г. Чебоксары, в левобережье Волги, восточнее устья западной протоки полуострова Мукшум (рис. 41, 42). Стоянка располагается на высоком дюнном всхолмлении, на высоте 3 м от уреза Чебоксарского водохранилища. Стоянка является частью крупного археологического комплекса, состоящего из более чем 30 памятников эпохи камня, располагавшихся в широкой (до 6 км) пойме реки Волги и приуроченных к руслам бывших рек Черной и Чернушки, которые вытекали из торфяных болот и впадали в Волгу. Сейчас эта часть поймы Волги затоплена Чебоксарским водохранилищем, и лишь гряды песчаных островов выдают древние дюнные возвышения, на которых селились люди. Большая часть памятников разрушается водами водохранилища. Памятник был открыт и описан Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе разведки 1999 г. (Березина, Березин, 2003).

Площадка дюны открытая, с единично растущими соснами. С южной стороны дюна разрушена водами Чебоксарского водохранилища. Полуостров. Дюнное всхолмление, на котором расположен памятник является останцом второй надпойменной террасы. В основании останец сложен аллювиальными отложениями, макушка – перевеяна, покрыта слабым дерном. По итогам разведок 1999 г. на основании нахождения здесь фрагментов керамики памятник был отнесен к неолиту. Однако, последующие раскопки показали, что основной комплекс стоянки относится к мезолиту. Единичные неолитические находки были отмечены в перекрывающих культурный слой отложениях.

В 2007 г. здесь были проведены раскопки под руководством Н.С. Березиной (Березина, 2012). На поверхности визуально просматривались четыре округлые западины, расположенные в ряд с запада на восток. В береговом обнажении наблюдался культурный слой в виде темно-серого до черного углистого песка. Раскоп площадью 52 кв. м был заложен на западине №1, которая подвергалась разрушению, и примыкал к береговому обрыву. Западина округлой формы просматривалась

на поверхности, диаметр ее составлял 14 м, глубина по центру – 1,3 м.

На памятнике нами зафиксирована следующая общая стратиграфия:

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	до 0,1 м	дерн и поддерновый слой
2	до 1,15 м	слой темно-серого буроватого рыхлого песка с органикой и кусками древесины позднего происхождения
3	до 0,1 м	светлый рыхлый песок
4	до 0,25 м	слой, состоящий из чередования тонких прослоек темно-серого и светлого песка
5	до 0,5 м	тонкий слой черного углистого песка
6	до 0,35 м	бурый рыхлый песок
7	до 1,10 м	слой песка от светло-серого до черного углистого (культурный слой)
8	ниже	светло-желтый рыхлый песок с тонкими прослоями ожелезненного плотного песка (материк)

Дерн был везде развит достаточно хорошо, но со слабым гумусным поддерновым слоем. Слой 2 связан с позднейшей деятельностью людей, с хозяйственными постройками марийской деревни Мукшум. Слои 3 и 4 – это слои чередования погребенных почв с навеяными ветром эоловыми песками и углистыми слоями, возникшими, вероятно, в результате пожаров. Пятый стратиграфический слой – это бурый рыхлый песок, подстилающий один из погребенных почвенных горизонтов и, в свою очередь, перекрывающий культурный слой памятника. Этот бурый песок можно наблюдать во всем левобережье, что отражает определенный этап в региональных почвообразовательных и геологических процессах голоцена. Находки единично начали встречаться в слое бурого рыхлого песка, мощность которого не везде была одинакова. Основная же масса находок была сконцентрирована в пятом и шестом слоях, в пределах жилищного заполнения.

На глубине около 50-70 см от современной дневной поверхности под слоем бурого рыхлого песка зафиксирован уровень древней дневной поверхности стоянки. Это светло-серый слой небольшой мощности. Этот слой отчетливо «читался» за пределами жилища на всем протяжении раскопа. Слой располагался практически параллельно современному уровню дневной поверхности дюнного всхолмления и также имел небольшой уклон на юг в сторону водохранилища. В восточной части раскопа контур жилищной постройки проявился, примерно, на уровне 100 см от современной поверхности при разборе шестого горизонта и отчетливо «читался» на всем протяжении раскопа. На глубине около 130 см зафиксирован северный край жилища. Заполнение жилища выделялось на фоне бурого рыхлого песка и обозначилось пятном темно-серого плотного песка.

Планиграфия

Сохранившаяся часть жилища имела округлые очертания (рис. 43). После полного разбора культурного слоя наблюдался общий профиль котлована жилища с ямами в материке ниже уровня пола. Глубина самого котлована была около 1 м от уровня древней дневной поверхности, еще на 0,5 м были углублены ямы в полу. Диаметр котлована составил около 8 метров, площадь – 50 кв. м. Плечики котлована, практически вертикальные, вероятно, имели деревянную обкладку. Профиль жилища, его пол и ямы в материке были отлично видны на профилях стенок центральной бровки и профиле зачистки по береговому обрыву (рис. 44). Западный край жилища имел ступенчатый профиль и, вероятно, фиксирует пристенные земляные нары. С северо-запада отмечена длинная серая полоса – «дорожка», огибающая жилище с запада на север и уходящая под северную и восточную стенки. Вероятно, эта дорожка была связана в входом-выходом, бывшем в разрушенной части жилища. Пол жилища горизонтальный, хорошо выделяется по плотности и утрамбованности, по сравнению с заполнением ям и материковым песком.

Вдоль всего края жилищного котлована нами отмечены столбовые ямки. На сохранившемся участке жилой конструкции можно отметить некоторые закономерности расположения столбовых ям. Выделяется внешний ряд столбов, расположенных по кругу, примерно, в двух метрах от края котлована. Ряд столбов, расположенных по краю котлована, не образуют единой цепочки, но все же, создают определенную структуру. Они расположены группами по нескольку столбов

и появились либо в результате ремонта, либо для усиления конструкции. Также выделяется ряд столбовых ям, расположенных вдоль дорожки с северо-западной стороны. Отмечены отдельные столбы внутри жилищного котлована. На рисунках профилей ям видно, что все они неглубокие, часть из них наклонные, заполнены светло-серым песком, некоторые с более темным заполнением в центре (рис. 43).

У сохранившейся северной стенки жилища мы зафиксировали две углубленные в пол большие ямы, протянувшиеся вдоль стены. Одна из этих ям (№15) размером 1,2×3,5м характеризовалась пологими стенками и пологим дном, плавно углубляющимся к западу. Заполнение ямы имело слоистую структуру (видимо, яма неоднократно заполнялась) и углистый характер с включениями мелких угольков, жженых костей, фрагментов эмалевых пластинок зубов и небольшим количеством находок кремня. По краям этой ямы мы зафиксировали отчетливые очертания столбовых ям. Другая яма (№ 35) размером 0,8×2,8 м располагалась в окружении прочих ям, частично перекрывающих друг друга, что свидетельствует об их разновременности и/или неоднократных перекопах. Но все же, заполнение этой ямы было интенсивно углистым и выделялось на фоне других. В ней также зафиксировано множество мелких угольков размером 2-3 мм, реже до 1 см, а также мелкие жжёные фрагменты костей и несколько кремневых отщепов. Следов кострищ или прокала в жилище не отмечено. Подобные конструкции уже наблюдались нами при раскопках мезолитических жилищ на Мукшумской XIV и XVIII стоянках (Березина, 2006; 2006а). Автором было высказано мнение об их интерпретации как углублений под спальными лежаками, протянувшимися вдоль укрепленных стенок котлована, периодически заполняемых углем из кострищ для отопительных функций, чем объясняется большое количество угольков и жжёных костей и небольшого количества кремней. Вероятно, эти конструкции были обусловлены зимним характером жилищ. Купные и глубокие ямы, заполненные чёрным углистым песком с вертикальными стенками в центральной части пола, могли быть углубленными очагами с поддувом, а после сгорания угля могли служить и отопительным целям.

Таким образом, очевидно, что конструкция жилища была каркасная. В основе ее лежал котлован, углубленный на 1 м, стенки которого были укреплены вертикальными опорами. Форма крыши, как и всего жилища, вероятнее всего, была округлая. Перекрытие состояло из наклонных жердей, нижние концы которых на 2 метра выступали за края котлована. Эти жерди опирались на конструкцию из вертикальных столбов, врытых вдоль стен и в центре котлована. Для усиления этих опор иногда использовались спаренные столбы и наклонные опоры.

Каменный инвентарь

В результате раскопок было получено 2214 единиц находок, состоящих из кремня и других пород камня, фрагментов лепной (14 экз.) и гончарной керамики (1 экз.), кальцинированных фрагментов костей животных (8 экз.) и нескольких фрагментов эмали зубов животных. Керамические находки были отмечены в верхних слоях, перекрывающих жилище, и не была связана с основным мезолитическим слоем жилища. Фрагменты лепной керамики, вероятно, относились к неолитическим стоянкам, расположенным рядом, а фрагменты гончарной – к марийской деревне.

Среди всего каменного материала 1377 единиц находок составляют отщепы, сколы, осколки и чешуйки кремня. Нуклеусов и нуклевидных кусков насчитывается 110 экземпляров. Они, в основном, мелкие – высотой 2-3 см, одноплощадочной и конусовидной форм. В коллекции имеются четыре призматических нуклеуса небольшого размера (2-4 см). Торцевые нуклеусы представлены семью экземплярами, они выполнены на крупных и мелких сколах. Большая часть нуклеусов предназначалась для снятия микропластин и удлиненных микросколов (рис. 48). Нуклевидных кремней насчитывается 53 экземпляра, они изготовлены на кусках и осколках и имеют один-два негатива сколов. Имеются девять экземпляров «таблеток» – поперечных сколов подправки площадки нуклеусов. Один нуклеус, служивший для снятия микропластин, выполнен на небольшом пришлифованном тесле из окремнелого известняка (рис. 47: 17). Отдельно следует отметить один относительно крупный нуклеус для снятия пластин, найденный в заполнении жилища (рис. 48: 7). Он выполнен на небольшой овальной уплощенной конкреции окремнелого известняка с тонкой известковой коркой. На одной из уплощенных сторон конкреции бифасиальными сколами сформировано тыльное ребро, площадка оформлена крупным сколом с последующей подработкой мелкими сколами по краю. Угол скалывания составляет

около 60°. С противоположного уплощенного конца конкреции было произведено несколько пластинчатых снятий, видимо, без предварительной подготовки поверхности скалывания. Таким образом, была сформирована широкая и уплощенная поверхность скалывания.

Вызывает удивление столь большое количество мелких нуклеусов и большое обилие сколов и осколков кремня с попытками утилизации их в качестве нуклеусов. Есть конические нуклеусы размером около 1 см с ударной площадкой и негативами снятия микропластин на большей части периметра нуклеуса. Такая сильная утилизация кремня была возможна либо при большом его дефиците, например, в зимний период, либо при ученических упражнениях по его расщеплению. Вероятно, происходило и то, и другое.

Пластин и их обломков найдено 281 экземпляр. Целых пластин насчитывается 26 штук. Большинство целых пластин имеют ширину от 6 до 12 мм (рис. 45). На графике распределения пластин по ширине видно (рис. 50), что имеется две основные группы пластин – шириной 7-8 мм и 11 мм. Но из-за малой выборки (26 экз.) эти данные относительны. Целые пластины имеют слабый изгиб, который увеличивается в дистальной части. У большей части края и ребра неровные, волнистые. Большинство пластин снималось с подготовленной, подправленной ретушью кромки площадки нуклеуса. Кромка подправлялась в том числе и редуцированием – одним или несколькими мелкими сколами. Часть пластин снята без всякой подготовки. Пластины в индустрии этой стоянки производились ударным способом, о чем свидетельствуют пропорции пластин (рис. 50), а также выпуклый ударный бугорок и выраженные ударные волны. Найденные на стоянке четыре отбойника из кварцитовых галек отчасти подтверждают эти выводы. В целом кремневую индустрию стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую.

Ширина фрагментированных пластин распределяется так, что большая часть составляет от 6 до 11 мм, но на графике заметна основная группа пластин шириной 7–8 мм (рис. 39). Эта же тенденция характерна и для целых пластин. Большая часть сечений и фрагментированных пластин использовалась в качестве вкладышей, которые имеют характерную ретушь утилизации по одному или двум краям, иногда характерные микросколы по углам (рис. 45: 1-13,17,18,21,22).

Острия, имеющихся в коллекции, выполнены на пластинах и отщепах. Проколки оформлены мелкой краевой ретушью, в трех случаях жало оформлено дорсальной ретушью, распространяющейся на края (рис. 46: 1,4,5), в еще одном случае – жало оформлено противолежащей ретушью (рис. 46: 2). Одно острие служило ножом, острый конец и края которого заполированы от работы (рис. 46: 3).

Группа резцов представлена 14 экземплярами, они относятся к следующим типам: угловые на сколах и отщепах (рис. 46: 15–18) и на углу сломанной пластины (рис. 45: 14–16).

Ножи выполнены, в основном, на пластинах, реже на отщепах без вторичной обработки, но с характерными следами утилизации (рис. 46: 6–9), за исключением одного, правда, сломанного орудия с невысокой уплощающей регулярной ретушью (рис. 46: 11).

Самый массовый тип морфологически выраженных орудий – скребки, их в коллекции насчитывается 84 экземпляра. В большинстве своем это небольшие подокруглые скребки с крутой и полукрутой краевой ретушью на ½ и более периметра, выполненные на отщепах и сколах (рис. 47: 1–13). Выделяется один крупный скребок, сделанный на первичном сколе, рабочий край которого оформлен сколами, а затем подправлен ретушью с отчетливыми следами утилизации (рис. 47: 16). Имеется небольшая серия концевых скребков на удлиненных сколах с крутой ретушью, переходящей на края (рис. 47: 14, 15).

Скобелей найдено относительно немного, их начитывается 9 экземпляров. Они выполнены, в основном, на пластинах с вогнутыми участками лезвия (рис. 46: 10) с преднамеренной ретушью или со следами утилизации.

Выразительную группу представляют деревообрабатывающие орудия, в большинстве своем выполненные на окремнелом известняке, насчитывающие 46 изделий. Одно целое тесло с пришлифованным лезвием размером 84×38 мм выполнено из хлоритового сланца (рис. 47: 20). Его лезвие – прямое, чуть закругленное по краям, брюшко плоское, спинка невысокая (17 мм) в сечении подтрапециевидная, обух слегка заужен. Края орудия оформлены небольшими сколами с пришлифовкой. В коллекции также имеется серия из пяти небольших стамесок (целых и обломков), выполненных на отщепах, один край которых был пришлифован (рис. 47: 18, 19). Вероятно, эти небольшие стамески использовались в рукояти. Остальные деревообрабатывающие орудия представлены в крупных

и мелких обломках (28) или, как уже упоминалось, были переоформлены в нуклеусы (рис. 47: 17; 49: 13). Все они несут на поверхности следы пришлифовки.

Большую серию, состоящую из 73 экземпляров, образуют отщепы, сколы и осколки без вторичной обработки, но со следами использования в разных трудовых операциях. В коллекции присутствуют так же и обломки орудий с ретушью (18 экз.).

Стоянка представляла собой систему из нескольких, вероятно, зимних жилищ, существовавших один или несколько сезонов. Исследованные нами остатки жилища являлись углубленной полуземлянкой со столбовой конструкцией и наклонными перекрытиями. Каменная индустрия стоянки характеризуется как пластинчатая, основанная на средних по ширине пластинах и микропластинах. Большинство сечений пластин использовались в качестве вкладышей без вторичной обработки. Для деревообработки использовали широкий набор пришлифованных орудий.

Мукшумская XIV стоянка

Стоянка расположена на песчаной дюне – останце второй надпойменной террасы, в восточной части полуострова Мукшум. Открыта Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе проведения археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). На разрушающейся дюне, вытянувшейся вдоль линии СЗ-ЮВ, отмечены семь жилищных западин в два ряда. На протяжении нескольких лет шло наблюдение за памятником и сбор подъемного материала. С момента первого описания стоянки жилищная западина №1 почти полностью разрушилась обрывом берега (рис. 51).

Раскопки проводились в 2002 г. под руководством Н.С. Березиной и 2008 г. под руководством М.Ш. Галимовой (Березина, 2006б; Галимова, 2008). На жилищных западинах №2 и №3 были заложены раскопы общей площадью 211 кв. м, не считая неполных квадратов вдоль обрыва.

На стоянке зафиксирована следующая общая стратиграфия (сверху вниз):

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	до 0,2 м	дерн и поддерновый слой
2	до 0,35 м	слой переотложенного песка
3	до 0,3 м	темно-серый гумусированный слой (современная погребенная почва)
4	до 0,35 м	бурый рыхлый песок
5	до 1,10 м	слой песка от светло-серого до черного углистого (культурный слой)
6	ниже	светло-желтый рыхлый песок с тонкими прослоями ожелезненного плотного песка – материк

Находки начали встречаться в буром рыхлом слое песка, который был не везде одинаковой мощности. Большая часть находок располагалась в пределах жилищного заполнения. Основная масса находок была сконцентрирована в 4 и 5 слоях.

Планиграфия

Жилище № 2. Общий контур стал вырисовываться на уровне около 30 см от дневной поверхности, его очертания принципиально не менялись по всей глубине (рис. 52, 53). Жилище имело подквадратную форму. Раскопом зафиксированы три угла, четвертый – был разрушен берегом, также наблюдалось несколько входов-выходов. Западный вход вел в сторону жилища №3, восточный – в сторону жилища №1, северный был направлен в сторону северо-восточного края дюны, обращенного к лесу. Таким образом, было зафиксировано три входа-выхода, два из которых, восточный и западный, имели в заполнении черный плотный золистый песок, а северный – плотный светло-серый песок. Вероятно, это указывает на их разное назначение – входами пользовались не одновременно, может быть, в разное время года или по разным поводам (хозяйственное или ритуальное назначение).

На уровне около 90 см от дневной поверхности был зафиксирован пол жилища. Ниже уровня пола в материке были отмечены 82 ямы и шесть больших овальных траншей. Эти траншеи располагались вдоль западной, южной, восточной и северо-восточной стен. Они имели интенсивно черное заполнение с содержанием мелких угольков и кремня. Характер расположения этих траншей внутри жилища и их заполнение говорит о том, что это остатки отопительных углублений, заполнявшихся углем, которые устраивались под конструкциями лежаков, располагавшихся вдоль стен.

Кроме этого была выделена группа из 11 ям, которые интерпретированы как отопительные. К подобному выводу приводят их форма и заполнение. Они имеют центральное расположение и группируются вокруг одного

большого кострища, расположенного ближе к северному выходу. Отопительные ямы имели углистое заполнение с большим количеством мелких пережженных костей и кремней (отщепы, куски, орудия и их обломки). Это были достаточно крупные ямы в диаметре от 0,35 до 1 и глубиной от 0,3 до 1,1 метра, с вертикальными или чуть нависающими стенками, но никаких укреплений их не зафиксировано.

В расположении столбовых ям можно увидеть некоторую закономерность. По внешнему краю жилища идет ряд ям, образуя не всегда четкую линию. В центре ямы расположены иногда попарно, образуя внутренний прямоугольник. В профиле большинство этих ям имеют вертикальную ориентировку, а некоторые – наклонную. Таким образом, восстановив наклон столбовых конструкций, можно реконструировать шалашевидное перекрытие, укрепленное изнутри вертикальными и наклонными подпорками.

Столь большое количество отопительных ям и траншей под лежаками, заполнявшееся древесным и костным углем, свидетельствуют о зимнем использовании жилища, которое функционировало один или несколько сезонов, а возможно и круглый год. Все эти ямы и лежаки могли функционировать не одновременно, а последовательно.

Жилище №3. Раскопом 2008 года была исследована 1/2 часть жилища, имевшего округлые очертания. Зафиксирован уровень древней дневной поверхности. Глубина жилищного котлована составила около 0,5 м. Еще примерно на 0,5 м были углублены ямы в материке ниже пола. Стенки котлована – вертикальные или ступенчатые, поддерживаемые, вероятно, столбиками. Были зафиксированы столбовые и хозяйственные ямы. Заполнение котлована жилища на уровне пола имело насыщенный черный углистый цвет.

Каменный инвентарь

Обобщенная каменная коллекция (2002 и 2008 гг.) стоянки насчитывает 15629 предметов, из них 2644 экземпляра представлены подъемным материалом, 10751 экземпляр – это находки раскопок 2002 г. и 2234 экземпляра – находки раскопок 2008 г.

Каменное сырье, использовавшееся на стоянке, это желвачный кремень красноватых и коричневых оттенков, встречающийся в отложениях правобережья Волги. В единичных экземплярах найдены предметы из кварцита и дымчатого кремня.

Нуклеусов и нуклевидных кремней насчитывается 721 экземпляр. Часть нуклеусов была изготовлена на стоянке, т.к. здесь найдены осколки желвачных корок, но, в основном, на стоянке изготовлялись орудия, чему свидетельствует большое количество чешуек, отщепов и осколков. Нуклеусы преимущественно мелкие, сильно сработанные, они представлены разными типами: призматические одно- и двухплощадочные, конусовидные, многоплощадочные, единичны торцевые. Нуклеусы служили для скалывания отщепов и пластин (рис. 60: 13; 66: 4, 5, 8).

Пластин, их обломков и сечений насчитывается в коллекции 1872 экземпляра (12% от общего числа каменных изделий). Среди пластин большинство – микропластины шириной до 6 мм и средние пластины – до 12 мм (рис. 54–58). Значительная часть пластин (1266 экз.) не подверглась вторичной обработке. Целые пластины имеют слабый изгиб профиля, который увеличивается в дистальной части. У большей части пластин края и ребра неровные, волнистые. Большинство пластин снималось с подготовленной (подправленной ретушью) кромки площадки нуклеуса. Кромка нуклеуса подправлялась редуцированием – одним или несколькими мелкими сколами. Вероятно, большая часть пластин в каменной индустрии этой стоянки производились ударным способом, о чем свидетельствуют пропорции пластин, а также выпуклый ударный бугорок и выраженные ударные волны на брюшке. Найденные на стоянке отбойники в количестве 114 экземпляров были изготовлены из кварцитовых галек и песчаника, что отчасти подтверждает эти выводы. Вместе с тем, на стоянке, по всей видимости, практиковалась и техника отжима микропластин. В целом кремневую индустрию стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую.

В коллекции присутствуют вкладыши на пластинах и сечениях с обработкой или/и со следами износа. Имеется один вкладыш, обработанный мелкой крутой регулярной ретушью со спинки, в том числе с торцов и частично с брюшка (рис. 54: 26).

Группа острий включает 62 экземпляра, 50 из которых выполнены на пластинах и 12 – на отщепах. Выделяется серия острий на пластинах с выделенным мелкой односторонней краевой ретушью жалом, которые, вероятно, функционально являлись наконечниками стрел. Можно было бы предположить, что это проколки, но тонкие пластинки, на которых они оформлены, не выдержат и

легкого нажима (рис. 54: 2–22, 24, 25, 28–30; 57: 1–3, 5). У двух острий мелкой ретушью выделены жало и насад и они больше похожи на «классические» наконечники стрел, но, по сути, представляют собой те же тонкие пластинки с выделенным жалом (рис. 54: 14). Сверла изготовлены на массивных трехгранных удлиненных сколах, жало и боковые грани которых подправлены сколами и крутой ретушью (рис. 54: 27, 31).

Резцов насчитывается 87 экземпляров, все они представляют тип угловых резцов на сколах и отщепах (рис. 55: 11, 22, 31; 57: 11; 61: 4, 5; 60: 8). Представительную серию образуют резчики, представленные 72 экземплярами, изготовленные из мелких сколов и осколков, вставлявшихся в рукоять (рис. 61: 10). В коллекции имеется один резец, оформленный на нуклеусе.

Самый массовый тип морфологически выраженных орудий, насчитывающий 507 экз. – скребки. В большинстве своем это небольшие подокруглые скребки с крутой и полукрутой краевой ретушью на ½ и более периметра орудия (рис. 58–60), они выполнены на отщепах, сколах и кусках случайной формы. Реже – это концевые и боковые скребки на пластинах (26 экз.). Преобладают скребки мелких и средних размеров, концевых и боковых форм. Рабочий край скребков редко обработан регулярной ретушью, а если она имеется, то чаще крутая. Выделяется группа мелких скребков размером около 1 см, использовавшихся в рукояти (48 экземпляров).

Достаточно представительна группа скобелей, представленная 205 экземплярами. Они изготовлены на пластинах (52 экз.), осколках (82 экз.) и отщепах (20 экз.), имеют небольшую выемку или вогнутое лезвие, несущее фасетки ретуши либо следы износа (рис. 57: 15; 59: 9, 13, 17, 21, 24–26).

Имеется весьма представительная серия дублированных орудий. Это ножи–резчики, изготовленные на мелких осколках и сколах (3 экз.), а также скребки–скобели, выполненные на пластинах (4 экз.). Орудия, оформленные на отщепах, представлены следующими сочетаниями разных функций: скребки–скобели (8 экз.), скобели–резцы (2 экз.), скребки – угловые резцы (10 экз.) (рис. 59: 23), острия–скребки (2 экз.), долотца–скребки (3 экз.), долотца–провертки.

Группа ножей включает девять орудий, выполненных на плоских удлиненных отщепах с участками односторонней ретуши.

Деревообрабатывающих орудий и их обломков насчитывается 59 экземпляров, это стамески, тесла и долота. Большая часть этих изделий была пришлифована частично или полностью. Шесть орудий обработаны сколами по краям, без следов шлифования или заполированности (рис. 66: 3, 5). Большинство орудий выполнено из белого кремня или окремнелого известняка, за исключением восьми целых и обломков тесел и стамесок. Две небольшие отшлифованные стамески были изготовлены из алевролита. Первая стамеска имеет размеры 3×1,4×0,7 см, вторая – 4×1,6×0,9 см. Спинка и брюшко этих орудий – плоские, бока округленные, обушок округлен и заужен, лезвия прямые и чуть округлые (рис. 62: 7, 8). Одно целое тесло из хлоритового сланца было пришлифовано по лезвию и бокам (рис. 64: 3). Его лезвие слегка закруглено по краям, брюшко и спинка плоские, сечение прямоугольное, обух заужен. Второе целое тесло (рис. 64: 1) выполнено из габбродиабаза, лезвие прямое пришлифованное, спинка и брюшко уплощены и пришлифованы, края оформлены сколами, обух заужен и усечен торцевым сколом.

В коллекции имеются четыре целых тесла небольших размеров, имеющих зауженную форму и вытянутые пропорции. Их спинка и брюшко в сечении линзовидные выпуклые, и спинка, как правило, более высокая. Лезвия тесел округлые, обух их заужен и заострен. Рабочий край, часть спинки и брюшко хорошо отшлифованы (рис. 62: 3, 4; 64: 2). Также в коллекции имеется крупное тесло из окремнелого известняка с плоским брюшком и высокой трапециевидной спинкой. Тесло оформлено крупными и мелкими сколами без шлифовки (рис. 64: 7; 65: 8).

Интересна серия из восьми целых небольших стамесок, выполненных на отщепах и крупных удлиненных сколах. Стамески имеют подпрямоугольную форму, один край их пришлифован, лезвия прямые или чуть округлые, со следами заполированности (рис. 62: 5, 9; 64: 5). Вероятно, эти стамески использовались в рукояти.

Кроме целых орудий, найдено одиннадцать обломков тесел – лезвийные части, отшлифованные, с прямым или чуть округлым краем. Один обломок лезвийной части тесла имеет желобчатый край и происходит из верхних горизонтов стоянки. Он, вероятно, имеет более позднее происхождение, связанное с ямочно-гребенчатой керамикой. Два обломка лезвия тесел выполнены из кристаллической породы

темно-зеленого цвета (габбро-диабаз), одно из них заслуживает особого внимания. Это фрагмент крупного хорошо отшлифованного тесла или долота (рис. 50: 6). Подобный целый экземпляр нами был встречен на Мукшумской XIX стоянке, также датируемой эпохой мезолита. Судя по обломку лезвия и найденному ранее целому экземпляру, форма этого орудия повторяет формы тесел из этой стоянки, изготовленных из окремнелого известняка.

Остальные деревообрабатывающие орудия представлены в крупных и мелких обломках или были переоформлены в нуклеусы (рис. 64: 6). Все они демонстрируют следы пришлифовки.

Большую группу образуют орудия, представляющие собой отщепы, сколы и осколки без вторичной обработки, но со следами утилизации.

Индивидуальные находки

Среди немногочисленных находок кальцинированных костей одна вызывает интерес. Это небольшой хорошо отполированный фрагмент изделия, имеющий сечение овальной формы и продольные бороздки для вкладышей на поверхности.

Также интересны две находки, сделанные в переходе, ведущем в жилище №1. Это два амулета (возможно детали одежды). Одно изделие представляет собой тонкую, толщиной 4 мм ромбическую плитку из алевролита, размерами 52×30 мм, с подточенными краями и биконической сверлиной в центре. Второе изделие выполнено на плоской, толщиной 10 мм округлой гальке, размером 35×39 мм, также с биконической сверлиной по центру (рис. 66: 1, 2). Аналогии им можно найти в мезолите Онежского озера, для которого характерны сланцевые подвески и изделия из плоских галек со сверлиной в центре или на периферии (Ошибкина, 1983). Подобная находка, интерпретированная исследователем как амулет – тонкая сланцевая ромбическая плитка с подточенными краями и биконической сверлиной в центре, была сделана на мезолитической стоянке Васильево 1 на Валдайской возвышенности (Сидоров, 2000).

Интересна находка крупной гальки с гравированными пазами и знаками. Исследование этого предмета под бинокулярным микроскопом подтвердило преднамеренный характер гравировки и использование следов охры на поверхности гальки и в пазах. На всей поверхности гальки зафиксировано три выгравированных знака типа «А». Знаки разных размеров (рис. 61: 9).

Фаунистические остатки

В культурных слоях Мукшумской XIV стоянки нами было найдено небольшое количество мелких кальцинированных костей. Исследования кальцинированных фрагментов костей из раскопок 2001 г., проведенные к.б.н. И.В. Аськеевым, позволили определить следующий видовой состав животных.

Класс костные рыбы – *Osteichthyes*

Отряд сомообразные – *Siluriformes*

1. Об. Сом – *Siluris glanius* (туловищный позвонок – 1 экз.)

Класс птицы – *Aves*

Отряд гусеобразные - *Anseriformes*

1. Чирок-свистунок *Anas crecca* (шейный позвонок – 1 экз.)

Отряд соколообразные - *Foilconifomis*

2. Ястреб-тетеревятник *Accipiter gentilis* (когтевая фаланга – 1 экз.)

Класс млекопитающие

Отряд зайцеобразные – Lagomorfa

1. Заяц *Lepus sp.* (фрагменты лопатки, плечевой и бедренной кости – 3 экз.)

Отряд парнокопытные – *Artiodactula*

2. Северный олень *Rangifer tarandus* (фрагменты скуловой, лобной и плечевой костей – 4 экз.)

3. Лось *Alces alces* (фрагменты коронок зубов – 6 экз., фрагменты плечевой и большой берцовой костей и осевой части черепа – 7 экз.)

Общее количество идентифицированных остатков костей, принадлежащих шести видам животных – 23 фрагмента. Этот видовой состав отражает типично лесной ландшафт. Присутствие северного оленя говорит о таежном характере леса. Тетеревятник также является чисто лесным видом. Сом живет в крупных реках и часто заплывает в заводи, а чирок-свистунок обитает на пойменных озерах с зарослями. Таким образом, можно сделать вывод, что во время обитания стоянки ландшафт был похож на современный, распространенный в левобережье Волги: на высоких террасах росли хвойные леса, а в широкой пойме были небольшие речки, многочисленные озера и заводи, наполненные живностью.

Стоянка представляла собой систему из нескольких жилищ, существовавших в зимний период один или несколько сезонов. Раскопками изучены остатки двух углубленных полуземлянок с системой хозяйственных и отопительных ям, с шалашевидным перекрытием. Каменную индустрию стоянки

можно охарактеризовать как пластинчатую с преобладанием микропластин и пластин среднего размера. Большинство пластин снималось ударным способом. Основой изготовления оружия служила вкладышевая техника. Для обработки дерева применялся широкий набор орудий, обработанныхшлифовкой.

Мукшумская XVIII стоянка

Располагается на дюнном всхолмлении останца второй надпойменной террасы в центральной части полуострова Мукшум. Памятник был открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). В своем основании дюнное всхолмление имеет слоистую структуру, состоящую из чередующихся песчаных и глинистых аллювиальных отложений, в верхней части оно сложено переве-янными песками и довольно мощным почвенными слоем. Площадка дюны покрыта густым осиновым лесом и высокой травой. С южной стороны дюна разрушена водами Чебоксарского водохранилища, а с северной стороны ее окружает заболоченное озеро (до затопления водохранилища это было торфяное болото) (рис. 67).

На поверхности визуально просматривались девять округлых западин, расположенных тремя рядами с юго-запада на северо-восток. В ходе разведки в обнажении берега наблюдался культурный слой. Здесь была собрана коллекция подъемного материала, состоящая из 24 предметов, в их числе двух фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, семи отщепов, двух нуклевидных кусков, двух пластин, двух скребков и лавролистного наконечника. На основании неолитической керамики и лавролистного наконечника памятник был датирован эпохой неолита.

В 2003 г. под руководством Н.С. Березиной были проведены раскопки (Березина, 2006а). Раскоп заложен на разрушающейся западине №8. Западина округлой формы отчетливо просматривалась на поверхности, диаметр ее составил 14 м, глубина по центру – 1,3 м. Раскоп имел площадь около 200 кв. м. На исследованной площади были изучены остатки жилища с одним входом-лазом. Были зафиксированы конструктивные особенности, позволяющие восстановить устройство жилища и его пространственное использование.

Общая стратиграфия памятника:

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	до 30 см	дерн и поддерновый слой
2	до 80 см	бурый рыхлый песок
3	до 120 см	все оттенки от серого до черного песка: светлый серовато-бурый песок, светлый серовато-желтый песок, светло-серый песок, темный серовато-бурый песок, темный буро-коричневый песок, темно-серый песок, углистый черный песок
4	ниже	желтый рыхлый песок с прослоями ожелезненного плотного песка (материк)

Характер стратиграфических горизонтов отражает, по нашему мнению, процесс почвообразования в данной местности, исходя из условий стоянки. Ожелезненные прослойки характерны для пойменных отложений Поволжья. Стратиграфические данные и полевые наблюдения позволяют сделать вывод о закрытом характере сохранности культурного слоя жилища (рис. 69: А).

Находки в небольшом количестве начали встречаться в буром рыхлом слое песка. Дерн был везде плотным, с гумусным поддерновым слоем. Бурый слой рыхлого песка был не везде одинаковой мощности. Находки преимущественно располагались в пределах жилищного заполнения.

Планиграфия

На уровне 30 см от дневной поверхности наметился общий замкнутый конур жилища. Ниже, на глубине 50 см, общие контуры жилища приобрели округлые очертания и оставались, примерно, прежними до уровня дна. Заполнение жилища было плотным (утрамбованным), углистого интенсивно-черного цвета, насыщенным угольками и мелкими пережженными костями. На уровне 90 см от дневной поверхности зафиксирован пол жилища.

Большинство выявленных на уровне пола ям имело продолжение в материке. В итоге была зафиксирована 261 яма (рис. 69). Форма и заполнение (состав, окраска и плотность отложений) ям оказались различными, что послужило основой для их классификации. Каких-либо каменных или глиняных укреплений ям и очагов прослежено не было. Заполнение всех ям было песчаным, разной степени интенсивности окрашенности золистым и углистым компонентами, в иных случаях это был бурова-

тый оттенок песка, вероятно, органического происхождения.

Самая большая группа представлена столбовыми ямами, которых отмечено 164 штук. Большинство ям имело вертикальную ориентировку, часть – наклонную (рис. 70). Следующая группа – отопительно-очаговые ямы, их выявлено 67 штук. Это углубленные в материке ямы с отвесными или даже нависающими стенками, с плоским или овальным дном. В заполнении они имели черный, сильно золистый песок и содержали множество древесных угольков, мелких обломков жженых костей белого и темно-серого цветов, кремневые предметы. Располагались они в центре и по внутреннему кругу, но отсутствовали вдоль стен. Вероятнее всего, они использовались для приготовления пищи и/или для обогрева жилища, путем ссыпания туда углей из открытых очагов (часть которых могла быть вне жилища). Некоторые такие ямы перестраивались и использовались неоднократно.

Группа костровых ям насчитывает 10 штук. В жилище не было обнаружено очагов, отмеченных прокалом или укрепленных каменными обкладками или глиной. Костровые ямы здесь отличались небольшой глубиной, пологими стенками и округлым дном. В заполнении такие ямы имели серый золистый песок, иногда с находками кремневых предметов. Вероятно, костровые ямы внутри жилища были небольшими и использовались периодически, уголь из них вынимался и ссыпался в более глубокие отопительно-очаговые ямы.

Обращает на себя внимание большое количество столбовых ям, часть из которых перекрывается отопительными или хозяйственными ямами. Это свидетельствует о неоднократных перестройках или починках жилища. Отопительно-очаговые ямы также накладываются друг на друга, т.к. использовались неоднократно. Большое количество отопительных ям, заполнявшихся древесными углем с множеством мелких жженых косточек и отдельными находками кремневых предметов, свидетельствует о длительном зимнем использовании жилища. Судя по общему количеству находок (9076 предметов), мощности культурного слоя, количеству отопительно-очаговых, хозяйственных и иных ям, можно предположить, что жилище использовалось относительно длительное время, зимой или круглый год, возможно, даже несколько сезонов.

Жилище имело в плане подокруглую форму. На профилях хорошо виден котлован жилища, уровень пола, контуры столбовых конструкций и других ям. Размеры его по внешнему контуру опорных столбов составляли около 15 метров. Восстановив наклон столбовых конструкций, мы получили возможность реконструировать шалашевидное перекрытие, укрепленное изнутри вертикальными и наклонными подпорками, установленными по кругу и в центре. Вероятно, такое большое перекрытие нуждалось в дополнительных горизонтальных подпорках. В результате нами реконструирован многоугольный каркас, поддерживающий конусообразную крышу из длинных (около 7-8 м) жердей (рис. 71). Котлован жилища был углублен на 0,6–0,7 м, имел отвесные стенки (вероятно, укрепленные), которые хорошо прослеживаются на профилях, как в западной части – на профиле зачистки берегового обрыва, так и в северной и южной частях котлована – на зачистке западной стенки центральной бровки. Диаметр пола углубленного котлована жилища был около 8 метров. Пол был относительно ровным, и как уже отмечалось, более плотным и утрамбованным.

Раскопом зафиксированы восточный, северный и западный контуры жилища, южный был разрушен берегом. К северному краю жилища примыкал выход-лаз, который представлял собой перекрытый навесом туннель со ступенями. Относительно уровня пола жилища, лаз был заглублен примерно на 1 метр. В слоях темно-серого и буро-серого песка были отмечены многочисленные угольки.

Стратиграфия заполнения лаза такова:

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	до 38 см	дерн и поддерновый слой
2	до 70 см	бурый рыхлый песок
3	до 40 см	темно-серый углистый рыхлый песок с кусками углей
4	до 43 см	углистый черный песок
5	до 80 см	темный буро-коричневый песок
6	до 25 см	темный серовато-бурый песок

7	до 15 см	слой темно-серого песка
	ниже	светлый рыхлый песок (материк)

Вероятнее всего, лаз был перекрыт крышей, впоследствии сгоревшей и обвалившейся. Какое-то время на месте провалившегося перекрытия торчали обгоревшие остовы, а в центре находилась впадина, впоследствии заполнившаяся песком.

Каменный инвентарь

Археологическая коллекция стоянки насчитывает 9075 предметов. Из них 5624 экземпляра отнесены к дебитажу (чешуйки, отщепы, куски кремня, кварцита и др. пород). Орудия на отщепах и пластинах с вторичной обработкой насчитывают 1521 экземпляр.

Каменное сырье, использовавшееся на стоянке, представляет собой желвачный и пластовой кремень красноватых, коричневых, бурых и голубоватых оттенков, который встречается в отложениях правобережья Волги. В единичных экземплярах встречены дымчатый кремень, кварцит, а также породы из ледниковой морены.

На стоянке найдено большое количество нуклеусов, их заготовок и нуклевидных кремней, насчитывающее 729 экземпляров. Часть нуклеусов была изготовлена на стоянке, т.к. здесь найдены сколы и отщепы с желвачными корками. Но, в основном, на стоянке изготовлялись орудия, о чем свидетельствует большое количество чешуек и отщепов. Большая часть найденных нуклеусов – мелкие, сильно сработанные, многоплощадочные экземпляры, служившие для скалывания отщепов и микропластин (рис. 85). Выделяется серия, состоящая из 32 экземпляров небольших одноплощадочных нуклеусов с зауженным основанием с негативами от снятия микропластин. Присутствуют конические или призматические нуклеусы с зоной скалывания около 2/3 окружности, а также торцевые формы. Выделяется один нуклеус с перпендикулярными зонами скалывания (рис. 85: 5).

Пластин, в том числе обломков и сечений, насчитывается 1403 экземпляра (15,5% от общего числа кремневых предметов), среди них: микропластин (шириной до 6 мм) – 594 экземпляра, средних пластин (до 12 мм) – 703 экземпляра, крупных – 109 экземпляров. Значительная часть пластин, насчитывающая 825 экземпляров, не имеет признаков вторичной обработки. Мелкая регулярная ретушь и следы сработанности встречены на 578 экземплярах пластин и их сечений, они, вероятно, использовались в качестве вкладышей в составных орудиях (рис. 74–77).

Острия представлены 56 экземплярами, 35 из которых выполнены на пластинах. Выразительна группа острий, оформленных на пластинах и микропластинах с односторонней микроретушью по жалу с усеченным толстым проксимальным концом, они, вероятно, служили наконечниками стрел (рис. 72: 1–16). Сверла выполнены на массивных трехгранных сколах и отщепах (59: 1–9,11).

Многочисленная группа скребков насчитывает 230 экземпляров (рис. 78–81). Скребки выполнены преимущественно на ощепах и кусках случайной формы, за исключением 11 концевых скребков–скобелей, оформленных на пластинах. Среди морфологически выдержанных скребков можно выделить следующие типы: небольшие округлые скребки на отщепе, диаметром 16-20 мм, с ретушью более 2/3 периметра или по всей окружности, с крутой или полукрутой ретушью (19 экз.); скребки концевые на удлиненных отщепах (13 экз.); скребки концевые–боковые (11 экз.); скребки боковые 18 (экз.); скребки «перевертыши» по форме боковые, с противоположной ретушью по краям (9 экз.); крупные скребки на массивных отщепах с желвачной коркой, с неровным зубчатым рабочим краем с сильно сработанным, иногда заполированным лезвием (3 экз.); угловатый скребок с пологой ретушью.

Выделяется специфическая группа мелких скребков, насчитывающих 61 экземпляр, размером 1-2 см, очевидно, использовавшихся в рукояти (рис. 79: 1–25; 80: 9–13). По трасологическому определению М.Ш. Галимовой, среди них выделяются группа скребков по шкуре, состоящая из 20 экземпляров, и группа резчиков-скобелей по дереву, насчитывающая 27 экземпляров.

Значительна группа скребков (47 экз.), представляющих собой отщепы и осколки кремня без вторичной обработки рабочего края, но с ретушью утилизации на рабочих краях.

Скобелей определены в количестве 32 экземпляров. Они изготовлены на отщепах и осколках, имеют небольшую выемку или вогнутое лезвие, обработанные крутой ретушью или демонстрируют нерегулярные фасетки ретуши утилизации.

Группа резцов представлена 46 экземплярами. В основном, это угловые резцы, пред-

ставленные следующими типами: с резцовыми сколами, нанесенными от излома или угла, а также резцы на углу сломанной пластины или сечений (7 экз.) и на углу сломанного отщепа (рис. 72: 20–23, 26, 30). Часть резцов совмещена со строгальными ножами (3 экз.), скребками (2 экз.), скобелями (2 экз.).

Большая часть орудий, представленная 508 экземплярами, представлена отщепами, сколами и кусками кремня случайной формы без вторичной обработки, но со следами износа. Определение их назначения на основании морфологии затруднительно. Возможно, с помощью трасологического анализа удастся определить их функции.

Группа деревообрабатывающих орудий и их обломков представлена 35 экземплярами – это стамески и тесла. Пять целых форм и четыре фрагмента тесел были переоформлены из более крупных орудий (рис. 66). Двадцать шесть изделий, в том числе, и обломки имеют следы пришлифовки.

Отбойники и ретушеры изготовлялись из кварцитовых и гранитовых галек, они имеют характерные следы забитости по выступающим краям. На стоянке найдено 87 крупных галек из кристаллических пород камня (кварцит, гранит, габбро-диабаз и др.) и 232 их обломков и мелких галек.

Отметим изделие из плитки метафорического сланца, ромбовидной формы с биконической сверлиной в центре (рис. 84: 1). Аналогичное изделие было нами найдено в 2001 г. при раскопках Мукшумской XIV стоянки. Галька с вырезкой (рис. 84: 5), вероятно, естественного происхождения. Выделяется крупное орудие сигарообразной формы из кристаллической породы - пешня (рис. 84: 3).

В археологической коллекции имеются 57 мелких фрагментов керамики из перекрывающего культурный слой заполнения, но очевидно, что, они не соотносятся с основной коллекцией стоянки и имеют более позднее происхождение, и не влияют на "закрытый" закрытый характер культурного слоя исследованного жилища.

Естественнонаучное датирование

В 2008 г. Л.Д. Сулержицким и Н.Е. Зарецкой[1] в радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН были получены две даты для Мукшумской XVIII стоянки по углистому песку из заполнения ямы в материковом слое. Анализ был проведен по щелочной вытяжке и образцу (углю), в щелочи не растворимому. Дата второй половины VII тыс. до н.э. вполне согласуется с нашими представлениями о времени позднего мезолита. К тому же специалисты, работавшие с образцами, отметили, что калиброванная дата, полученная по углю, достовернее, поэтому мы будем опираться на нее: cal 8240+\-220 BP (ГИН-13635обр).

Номер образцов	Даты BP	Материал
ГИН-13635г	7060+\-100	щелочная вытяжка из углистого песка
ГИН-13635обр	8240+\-220	уголь

Таким образом, время существования Мукшумской XVIII стоянки относится к последней четверти VII тыс. до н.э. Исследованное жилище представляло собой полуземляное строение, с щалашевидным перекрытием и входом-выходом в виде лаза. Оно, вероятно, использовалось в зимнее время, один или несколько сезонов. Каменную индустрию стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую, с развитой вкладышевой техникой. Ее характеризует использование наконечников стрел на пластинах и микропластинах с подретушированным жалом, а также мелких скребков, закрепленных в рукояти, и серия шлифованных стамесок и тесел.

Памятники, исследованные разведочными работами

В ходе разведочных исследований в левобережной части Чебоксарского водохранилища были выявлены размываемые водами стоянки мезолита, расположенные как на полуострове Мукшум, так и на песчаных островах вододохранилища, некогда бывших песчаных дюнах надпойменной террасы (Березина, Березин, 2003). Культурный слой этих стоянок разрушался береговым обрывом или находился ниже уровня воды. Многолетние наблюдения позволили собрать крупные коллеции артефактов, которые делают эти памятники весомыми. Данные коллекции представляют большой научный интерес и расширяют наши

[1] Выражаем благодарность Л.Д. Сулержицкому и Н.Е. Зарецкой за помощь в проведении радиоуглеродного датирования.

представления о мезолитической эпохе, полученные в ходе археологических раскопок.

Мукшумская I стоянка

Стоянка расположена в западной части полуострова Мукшум, на второй надпойменной террасе левобережья, размываемой Чебоксарским водохранилищем (рис. 86). Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Культурный слой находится ниже уровня воды и просматривается на берегу в виде углистой размытой полосы.

На стоянке собрана большая коллекция каменных предметов, насчитывающая 4955 экземпляров, среди которых 3654 экземпляров – это технологические отходы: отщепы, сколы, нуклеусы и нуклевидные куски, желвачные корки. Наличие технологических отходов, кусков кремня с желвачной коркой, заготовок, а также отбойников и ретушеров свидетельствует о процессе расщепления камня и производстве орудий на поселении. Каменное сырье, использовавшееся на стоянке, достаточно разнообразно. Кроме кремня красновато-коричневого, серого и белого оттенков, месторождения которых известны в правобережье Волги, здесь использовался серый дымчатый кремень из конкреций с белой коркой, белый матовый кремень хорошего качества, а также серый метаморфический сланец, кварцит, габбро-диабаз, гранит, происходившие, вероятно, из моренных отложений.

Расщепление нуклеусов было направлено на изготовление как отщепов, так и пластин. Большинство нуклеусов сработано до предела. Отбойники и ретушеры изготовлены, в основном, из галечного материала, имеющего кристаллическое строение, а также из кусков кремня.

Группа пластин насчитывает 693 экземпляра. Среди них большой процент призматических пластин с четкими гранями, насчитывающих 583 экземпляра (84% от всех пластин). Призматические пластины имеют длину 1–10 см, ширину 0,2–1,8 см. В их числе отмечено 119 пластин с ретушью. Большая часть пластин и их сечений имеют фасетки ретуши или следы утилизации, указывающие на их использование в качестве вкладышей составных орудий – ножей, скобелей и т.д. (рис. 88; 89: 3, 5, 6, 10–12; 91: 1–3).

Достаточно многочисленная группа острий, насчитывающая 55 экземпляров. Среди них выделяются изделия на пластинах и микропластинах с жалом и боковыми гранями, оформленными мелкой краевой ретушью. Они, вероятно, служили наконечниками стрел (рис. 89: 1, 2). Сверла изготовлены на массивных отщепах.

Скребков в коллекции насчитывается 251 экземпляр. Концевые скребки изготавливались, в основном, их насчитывается 19 экземпляров (рис. 91: 11). Среди скребков, изготовленных на отщепах, можно выделить следующие типы: скребки на сколах с частичной ретушью по одному краю (70 экз.); дисковидные с ретушью на 2/3 периметра (25 экз.) (рис. 91: 14); концевые на удлиненных сколах (22 экз.) (рис. 91: 10,16); концевые со скошенным рабочим краем (2 экз.); с боковым лезвием (46 экз.) (рис. 91: 8,10,18); округлые с ретушью по всему периметру (3 экз.) (рис. 91: 17); с высокой спинкой (33 экз.) (рис. 91: 12,13,15).

Ножи представлены 55 экземплярами, они выполнены на пластинах и удлиненных сколах, их лезвие подработано невысокой уплощающей односторонней ретушью (рис. 89: 17, 18). Среди них отмечены ножи–ложкари (рис. 89: 13).

Скобелей насчитывается 78 экземпляров, они выполнены на пластинах и отщепах с небольшими провислыми лезвиями или выемками, оформленными мелкой ретушью (рис. 91: 6,7,9).

Резцы представлены 21 экземпляром и отнесены к следующим типам: на углу пластин, на нуклевидных кремнях, а также срединные и резцы, совмещенные со скребками (рис. 89: 8, 12, 14–16).

Группа деревообрабатывающих орудий насчитывает 44 целых экземпляра и 12 обломков. Они выполнены из окремнелого известняка, глинистого сланца, кремня и одно орудие – из плотного тяжелого песчаника (рис. 91: 19–22; 93). Тесла и топоры имеют, как правило, трапециевидную форму в сечении и зауженный обух. Рабочий край, а иногда и вся поверхность, были пришлифованы. Интересна группа небольших стамесок, представленная шестью целыми экземплярами. Длина их составляет 48–62 мм, ширина 15–25 мм. Пять из них выполнены на уплощенных заготовках и отщепах прямоугольной формы, рабочая часть была слегка отполирована. Рабочий край – прямой или округлый, заточен под углом от 15° до 45°. Вероятно, эти стамески использовались как вкладыши в составных орудиях.

К орудиям, при помощи которых происходила обработка кремневых изделий, относятся 27 ретушеров, изготовленных, в основном, из кусков кремня. Их рабочий край был слегка подправлен ретушью и имеет большое количество мелких занозистых выщербин.

На стоянке собрано 30 экземпляров мелких фрагментов кальцинированных обломков костей. Среди них выделяется одно изделие – фрагмент гарпуна. Гарпун был хорошо отполирован, сохранившийся зубец имеет клювовидную форму. На поверхности сохранился рисунок, представляющий собой 15 равномерных коротких поперечных насечек (рис. 89: 7).

В целом, подъемную коллекцию данного разрушающегося памятника можно охарактеризовать как достаточно полноценную и дающую представление о каменной индустрии стоянки. Она основана на пластинчатой технологии и представлена всеми типами орудий, характерных для эпохи мезолита: остриями и вкладышами на пластинах, угловыми резцами, скребками, шлифованными деревообрабатывающими орудиями. Стоянку отличает более низкое расположение по отношению к исследованным раскопками памятниками.

Мукшумская VII стоянка

Памятник расположен на песчаном острове – останце второй надпойменной террасы, возникшем после затопления Чебоксарского водохранилища. Остров находится в 1 км юго-восточнее полуострова Мукшум. Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Культурный слой наблюдается в обрыве берега под слоем дерна и бурого песка, там заметны незначительные светло-серые пятна с включениями кремня и угольков. Но большая часть памятника уже разрушена (рис. 94). Под обрывом и в воде на площади 25×8 м был собран подъемный материал, состоящий из 3064 предметов, из них 1968 отнесены к отходам производства, это отщепы, куски с желвачной и валунной коркой, нуклевидные кремни и др.

В коллекции имеется 26 нуклеусов и нуклевидных кремней. Они небольших размеров и сильно сработаны, служили для скалывания пластин и отщепов (рис. 97: 9). Многие нуклевидные кремни имеют ретушь и следы сработанности на гранях и выступающих частях, они использовались как ретушеры, отбойники и скребки.

На стоянке найдено 16 отбойников и их обломков. В качестве отбойников обычно использовались гальки или куски, сколотые с валунов из кристаллических пород, они имеют характерные следы сработанности на вершинах или плоских сторонах. В качестве ретушеров также использовались куски кремня различной формы, их обнаружено 14 экземпляров. Следует отметить два больших куска из кристаллических пород, имеющих трехгранную форму, которые были отбиты от больших валунов ледникового происхождения и, вероятно, являлись заготовками для изготовления орудий.

Группа пластин насчитывает 765 экземпляров, они являются самой многочисленной категорией кремневых изделий. Пластин призматических с четкими гранями представлено 567 экземпляров, они имеют длину от 9 до 80 мм, ширину – 2-16 мм. В их числе выявлено 112 пластин с ретушью. Пластины неправильной формы, с неровными краями насчитывают 198 экземпляров, из них 12 экземпляров имеют фасетки ретуши.

В коллекции представлены острия, выполненные на микропластинах и средних пластинах, жало и боковые грани которых подправлены мелкой краевой ретушью с усечением толстой проксимальной части. Эти орудия служили, вероятно, наконечниками стрел (рис. 95: 1–3, 30). Проколки и сверла были выполнены на массивных сколах (рис. 95: 4).

Ножи, найденные на стоянке (8 экз.), изготовлены на пластинах, удлиненных сколах и отщепах, их лезвие оформлено мелкой краевой ретушью (рис. 95: 5–9).

Скребков насчитывается 84 экземпляра, они выполнены преимущественно на отщепах. По форме и по характеру обработки рабочего края среди них можно выделить 7 групп: концевые скребки на удлиненных отщепах представлены 14 экземплярами; дисковидных насчитывается 10 экземпляров; мелкие скребки, обработанные ретушью по всему периметру, представлены двумя экземплярами; скребков с приостренным рабочим краем найдено два; боковые представлены 21 экземпляром; скребков с высокой спинкой найдено шесть штук; скребков на отщепах случайной формы отмечено 29 экземпляров (рис. 95: 14, 17, 20–28). Один концевой скребок выполнен на пластине (рис. 95: 29),

Скобели, представленные 12 экземплярами, выполнены на плоских и граненных отщепах, они имеют одну или две, редко больше,

сторон с небольшим прогибом, оформленных мелкой ретушью (рис. 95: 31–3).

Среди группы резцов, представленной 58 экземплярами, выделены следующие типы: на углу отщепов и нуклевидных кремней, совмещенные со скребками (рис. 95: 14, 16, 18, 19), угловые резцы на сломе пластины, а также срединные (рис. 95: 12, 13, 15).

Деревообрабатывающие орудия в коллекции насчитывают восемь целых форм и 18 обломков, выполненных из окремнелого известняка и диорита (рис. 97: 1–4, 6, 7; 98: 8–10). Среди них выделяется полностью отшлифованный топорик, изготовленный из диорита серо-голубого цвета, размером 47×30×9 мм (рис. 97: 1). Спинка и брюшко топорика симметрично выпуклые, линзовидные в сечении, бока плоские отшлифованные. Рабочий край острый, хорошо отшлифован. Обух уплощен и слегка заужен. Кроме этого найдены тесла с высокой подтрапециевидной спинкой и округлым лезвием (рис. 97: 3, 6–8) и стамески (97: 2, 4). Все изделия были полностью или частично пришлифованы.

Для окончательной шлифовки лезвий орудий и для первичной подправки их на стоянке использовали плотный мелкозернистый песчаник темно-зеленого цвета. В коллекции имеются четыре шлифовальные плитки со следами исчерченности на плоской поверхности. Одна плитка имеет по центру поперечный паз шириной 4 мм при глубине 1,5 мм. Форма паза овальная (рис. 97: 5).

В целом, подъемный материал стоянки, представлен большим количеством находок, отражающих все характерные группы орудий: острия, резцы, скребки и скобели, деревообрабатывабщие орудия, которые позволяют охарактеризовать стоянку как мезолитическую и дополнить наши знания об этой эпохе в регионе.

Мукшумская XIII стоянка

Памятник расположен на песчаном острове – останце дюнного всхолмления второй надпойменной террасы, в 200 метрах западнее от Мукшумской VII стоянки (рис. 99). Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Под обрывом берега и в воде на площади 25×9 метров было собрано 800 предметов, из них 389 экземпляров – это отходы производства: отщепы, чешуйки, нуклевидные кремни. Нуклеусов и нуклевидных кремней в коллекции имеется 62 экземпляра. Нуклеусы, в основном, мелкие, сработанные до предела, они служили для скалывания пластин и отщепов (рис. 100: 33). Отбойниками являлись гальки и сколы с валунов кристаллических пород, их насчитывается 8 экземпляров.

Пластин выявлено 229 экземпляров, из них правильных, призматических с четкими гранями – 159 экземпляров. Правильные пластины имеют длину 10–65 мм, ширину 3–25 мм, среди них были отретушированы 55 экземпляров. Пластин неправильных, с «рваными» гранями насчитывается 70 экземпляров, в том числе шесть штук с ретушью. На пластинах изготовлялись: острия, скребки, скобели, ножи на крупных пластинах, резцы на углу слома пластин (рис. 100: 7–13, 18, 23, 26, 27, 32; 102). Выделяется группа острий на пластинах с подработанным мелкой ретушью жалом и боковыми гранями, с усеченным проксимальным концом, служившими, вероятно, наконечниками стрел (рис. 100: 1–5). Большая часть пластин и сечений с ретушью и со следами утилизации служили вкладышами составных орудий (рис. 100: 8–13).

Самая многочисленная группа орудий – это скребки (69 экз.). Они, как правило, изготовлены на отщепах. По форме и характеру обработки рабочего края среди них можно выделить пять групп: на отщепах случайной формы (45 экз.), боковые (8 экз.), концевые на удлиненных сколах (12 экз.), с приостренным рабочим краем (1 экз.) (рис. 100: 19–21,24,25,28,30).

Скобелей в коллекции насчитывается 13 экземпляров. Они выполнены на плоских и граненных сколах. Ножи оформлены на крупных пластинах с обработкой односторонней ретушью по одному или двум краям (рис. 100: 8, 18, 19).

Группа резцов состоит из 26 экземпляров. Они представлены следующими типами: на углу отщепов, на углу слома пластин и на нуклевидных кремнях (рис. 100: 14, 22).

Следует отметить группу орудий из пяти изделий, выполненных на мелких чешуйках и сегментах. Они обработаны по нескольким граням мелкой односторонней ретушью и, возможно, служили вкладышами (рис. 100: 15–17).

Деревообрабатывающие орудия представлены целым экземпляром и тремя обломками. Они выполнены из окремнелого известняка (рис. 100: 29). Целое орудие – тесло с высокой подтрапециевидной спинкой с округлым лезвием и зауженным и приостренным обухом, выполнено сколами и пришлифовкой.

Обнаружено два фрагмента лепной керамики с накольчатым орнаментом, которые не

связаны с основной коллекцией. Памятники с накольчатой керамикой имеют низкое высотное расположение и, вероятно, находились где-то рядом, но оказались полностью затоплены и размыты (рис. 100: 34).

Мукшумская XVI стоянка

Памятник расположен на песчаном острове – останце дюнного всхолмления второй надпойменной террасы, в 100 метрах юго-западнее от Мукшумской XIII стоянки (рис. 75). Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки 1999 г. (Березина, Березин, 2003). На берегу визуально просматриваются три западины, расположенные в ряд с СЗ на ЮВ (рис. 75). В обрыве береговой линии отмечены пятна светло-серого песка на фоне желтого песка. Максимальная толщина светло-серого слоя составляет 8 см, в нем были заметны единичные кремни. Под обрывом берега и в воде на площади 14×5 м собраны 32 предмета, из них 19 отнесены к отходам производства. Кроме того, определено шесть пластин, два обломка деревообрабатывающих орудия из окремнелого известняка и пять скребков.

Мукшумская XIX стоянка

Памятник располагается на песчаном острове – останце дюнного всхолмления второй надпойменной террасы, размываемого Чебоксарским водохранилищем, в 300 м к северо-западу от Мукшумской XIII стоянки. Остров находится к юго-западу от полуострова Мукшум (рис. 102). Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки 1999 г. (Березина, Березин, 2003). На площади 50×20 м из-под воды собрана коллекция каменных предметов, состоящая из 1806 предметов. Из них 805 изделий отнесены к отходам производства, это, в основном, мелкие чешуйки, а также куски, отщепы и нуклевидные кремни. Из найденных пяти нуклеусов, три служили для скалывания пластин, негативы от них имеют длину 3–13 мм, ширину 1,5–8 мм, отличаются правильной призматической и конусовидной формой (рис. 103: 30–32; 105: 16–18).

Самой большой группой изделий являются пластины, представленные 950 экземплярами, из них 689 правильных призматических с четкими гранями, из которых с ретушью – 108 экземпляров. Неправильные пластины с «рванными» гранями представлены 261 экземпляром, из них с ретушью – 111 экземпляр. Большая часть орудий изготовлена на пластинах: все острия (22 экз.), часть скобелей (4 экз.) и скребков (10 экз.), все ножи (4 экз.), большая часть резцов (54 экз.) (рис. 103: 1, 2, 4, 5–11, 13–16, 19–22, 26, 27; 104).

Скребков на отщепах выявлено 24 экземпляра, по форме и характеру обработки рабочего края среди них можно выделить 7 групп: скребки на отщепах случайной формы (6 экз.), концевые на удлиненных отщепах (6 экз.), боковые (6 экз.), скребок с высокой спинкой (1 экз.), с приостренным рабочим краем (1 экз.) и дисковидный (1 экз.) (рис. 103: 16–18, 24).

Группа скобелей, выполненных на плоских и граненных отщепах, насчитывает 16 экземпляров. Они имеют небольшое провислое лезвие, оформленное мелкой ретушью (рис. 103: 25, 28).

Резцов, выполненных на углах сломанных отщепов и нуклевидных кусков, насчитывается 20 экземпляров (рис. 103: 10–12, 19–21, 23, 26, 27).

Деревообрабатывающих орудий найдено два целых и один обломок. Они выполнены из окремнелого известняка и диорита (рис. 103: 29; 105: 19–20). Целый топорик из диорита имеет линзовидное поперечное сечение, его лезвие слегка закруглено, обух чуть заужен. Поверхность орудия полностью отшлифована.

Найдено два мелких фрагмента лепной керамики с накольчатым орнаментом и фрагмент плоского дна горшка, которые, вероятно, связаны с разрушенной стоянкой неолита, расположенной ниже уровня водохранилища (рис. 103: 33).

Археологическая коллекция стоянки представлена достаточно большим количеством находок. Найдены все категории каменных орудий, позволяющие охарактеризовать каменную индустрию памятника. Основой заготовки являлась пластина, на которых выполнено подавляющее большинство орудий. На этой стоянке отмечен самый высокий процент пластин по отношению ко всем найденным изделиям. Отмечено относительно низкое высотное расположение памятника, такое же, как на Мукшумской I стоянке.

3.4. Вопросы культурной принадлежности и возраста памятников финального палеолита и мезолита

Финальный палеолит Чувашского Поволжья

Территория Чувашского Поволжья имеет благоприятные условия обнаружения памятников палеолита (наличие месторождений кремневого сырья и обилие находок костей четвертичной фауны). Попытки поисков следов палеолитического человека предпринимались разными исследователями. Однако, на современном этапе единственным достоверным археологическим памятником этой эпохи является стоянка–мастерская Шолма I, расположенная при слиянии рек Большой и Малый Цивиль. Уникальность этого памятника заключатся в его приуроченности к выраженной погребенной почве, обилии каменных артефактов и достаточной сохранности костного материала, как остатков животных – объекта охоты, так и изделий из кости. Все это в совокупности предоставляет исследователям возможность комплексного изучения материальной культуры древнего человека в изучаемом регионе, условий его жизни при заселении новых территорий, его ресурсной системы жизнеобеспечения и в целом механизмов адаптации.

Ключевые вопросы о возрасте и культурной принадлежности стоянки Шолма I пока остается в поле научных дискуссий. По двум костям лошади из культурного слоя в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н.Н. Ковалюхом и В.В. Скрипкиным были получены радиоуглеродные калиброванные даты: calBC 7550–6750 (Ki-15155) и calBC 8800–7600 (Ki-15156), что соответствует мезолитическому периоду в интервале от первой половины IX тыс. до VII тыс. до н.э. Развитая пластинчатая кремневая индустрия и многочисленный вкладышевый инвентарь (в особенности, серия трапеций) этому не противоречат.

Однако стратиграфические особенности стоянки Шолма I предполагают ее более древний возраст. Культурный слой памятника оказался приурочен к горизонту погребенных почв сложной структуры, состоящих из палеокриоморфной нижней погребенной почвы, вероятно, относящейся к теплому этапу древнего голоцена – бёллингу и маломощной палеокриоморфной верхней почвы последующего относительно теплого этапа – аллерёда (13–11 тыс. лет назад), которые были разделены небольшим похолоданием – этапа среднего дриаса. Перекрывающий всю шолмскую погребенную почву палево-бурый суглинок, вероятно, отложился в позднем дриасе (11–10,3 тыс. лет назад) (Хисяметдинова и др., 2008; Березина и др., 2009; 2009а). Исследования, проведенные палеопочвоведами на стоянке, подтверждают предположение финальноплейстоценовом о возрасте погребенных почв, сделанные нами ранее (Гугалинская, Алифанов и др., 2010).

Пластинчатая индустрия, типология трапециевидных вкладышей составных орудий, а также специализированная охота на лошадь населения стоянки Шолма I, приводят к выводам об определенном сходстве с финальнопалеолитическими стоянками Рогаликско-Передельского района, бытовавшими в лесостепях юго-востока Украины в аллерёде, например, со стоянкой Рогалик IIA (Горелик, 2001). На финальнопалеолитических стоянках Рогаликско-Передельского района основой кремневой индустрии была узкая и среднешироkая пластина, трапеции с прямыми ретушированными сторонами также имели с низкие пропорции.

Группа стоянок Рогалик II А, Рогалик XII, Передельское I, как отмечает А.Ф. Горелик, были сформированы в разных геоморфологических и стратиграфических условиях, но по результатам палинологического анализа и абсолютного датирования они имеют общее время образования в холодных условиях среднего дриаса, то есть несколько ранее аллерёда (Горелик, 2001). В частности, культурные слои стоянок Рогалика II А и XII были приурочены к границе между лессовидной толщей и основанием погребенной почвы аллерёдского возраста. Примечательно, что среди остатков костей охотничьей фауны, на стоянках этой культурно-хронологической группы, лошадь составляет от 70% до почти 100 %, хотя в составе фауны присутствуют также кости бизона и северного оленя.

В каменном инвентаре рогаликско-передельских стоянок преобладают ретушные резцы и разнообразные скребки на пластинах; присутствуют серии пластин с тупо скошенным концом (тронке) и с прямым ретушированным краем, многочисленны сечения пластин, в том числе с косо усеченным краем, единичны наконечники стрел на пластинах. Трасологический анализ кремневого инвентаря этой культурно-хронологической группы

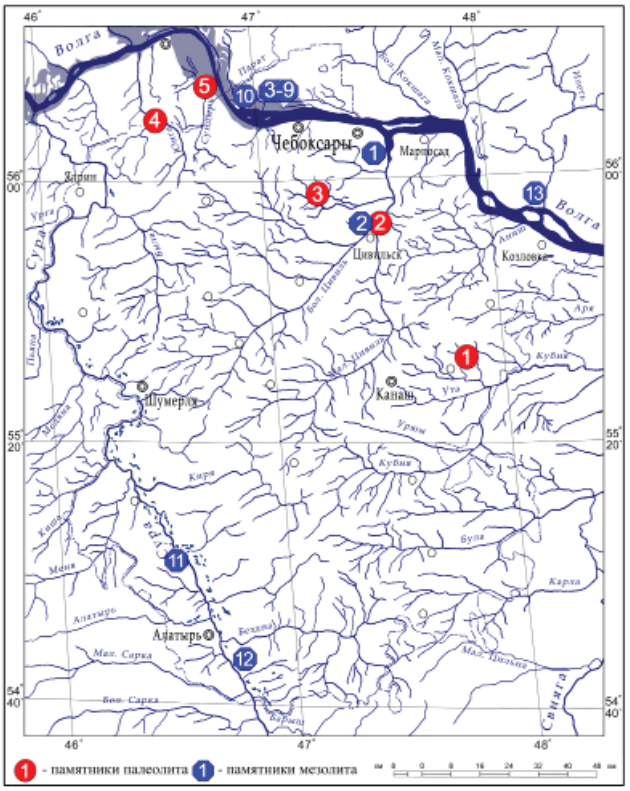


Рис. 14. Карта-схема памятников палеолита и мезолита Чувашского Поволжья.
Fig. 14. Schematic map of the Paleolithic and Mesolithic sites of in the Chuvash Volga region.

стоянок, проведенный В.В. Килейниковым, выявил большое разнообразие орудий, применявшихся в различных трудовых операциях по разным материалам. В Рогаликско-Передельском районе достоверных памятников более поздних этапов финального палеолита, бытовавших в аллерёде и позднем дриасе, не отмечено. Исследователь этих стоянок А.Ф. Горелик, высказал предположение, что значительные изменения в ландшафте и в составе фауны, сложившиеся в аллереде, вызвали смену биоценозов – вытеснение бизона и отчасти лошади лесными и лесостепными видами животных. В результате этой смены природного окружения произошел кризис системы жизнеобеспечения охотников финального палеолита Юго-Восточной Украины (Горелик, 2001, с. 338–341).

Исследовавший стоянку в Прикубанье стоянку рубежа плейстоцена и голоцена Сатанай (Губский навес 7) Х.А. Амирханов отмечает, что 97% всех костей животных относятся к лошади (Amirkhanov, 1993). Такое положение характерно для памятников финального палеолита – раннего мезолита юга Восточной Европы, когда лошадь часто была важным, а иногда и единственным объектом охоты. Сатанай (Губский навес 7) была специализированной стоянкой охотников на лошадь. На ней зафиксирована большая концентрация находок, близкая к шолмской – около 15 тысяч находок кремня и костей на небольшой площади раскопа (45 кв. м.) (Амирханов, 1986). Опираясь на результаты палеогеографических исследований, Х.А. Амирханов полагает, что основную роль в формировании локальных специфических черт в материальной культуре обитателей стоянки, относящейся к губской культуре, сыграли охотничья стратегия и специализация. Сходство между стоянками Сатанай и Шолма прослеживается в палеогеографических и палеоэкологических условиях, а также наличие в охотничьем инвентаре вкладышей и микролитов. Тем не менее, имеющиеся различия не позволяет напрямую проводить аналогии между ними. Вероятно, такое сходство возникло конвергентно и было вызвано близким временем и сходными природными (ландшафтными) условиями бытования, а также одним объектом охоты.

Погребенные почвы, к которым приурочены культурные слои верхнего палеолита, по мнению палеопочвоведов, нередко имеют локальное распространение, что во многом связано с жизнедеятельностью первобытных коллективов. Эти погребенные почвы зачастую стоят особняком и не вписываются в региональные и межрегиональные стратиграфические схемы. Поэтому соотнесение шолмской погребенной почвы с имеющимися стратиграфическими схемами позднего плейстоцена, составленными по данным хорошо датированных верхнепалеолитических стоянок Русской равнины, таких как Зарайская, Сунгирь, Каменная балка II, на данном уровне изучения затруднительно. Однако, проведенные на Шолме стратиграфические и палеоэкологические исследования почвенных разрезов (следы почвообразования, криогенеза и сидементации) позволили соотнести их с общей климатической шкалой.

Полученные данные по малакофауне из погребенных почв, а также результаты изучения остатков костей лошади (строение зубов и конечностей) указывают на лесостепной биотоп существования стоянки Шолма I (Березин, Березина, 2009).

Таким образом, абсолютные даты культурного слоя по костям из раскопа, относящие стоянку Шолма I к временному интервалу от первой половины IX тыс. до VII тыс. до н.э., в целом представляются омоложенными. Мы

считаем возможным предположить, что в связи с изменением климата в конце аллерёда и общим потеплением (13-11 тыс. л.н.), группа специализированных охотников на лошадь могла продвинуться вслед за стадами мигрировавших животных из района Среднего Дона-Северского Донца на северо-восток по плоскогорью Приволжской возвышенности. Дальнейшие судьбы этих охотников, вероятно, связаны с усть-камской археологической культурой.

Мезолит Чувашского Поволжья

Раскопки Яндашевской мезолитической стоянки в 1927 г. (Ефименко, 1926; 1929; Третьяков, Ефименко, 1868) всколыхнули интерес к изучению этого периода на Средней Волге. Через 30 лет, в 1956 г. А.Х. Халиков исследовал II Русско-Луговскую стоянку, расположенную в Марийском левобережье (Халиков, 1960). Раскопом 148 кв. м были исследованы остатки жилой постройки – полуземлянки. Стратиграфические наблюдения позволили выявить два горизонта с находками мезолитического облика. Жилище, по мнению его исследователя, соотносилось с нижним, более древним пластом находок. Подробное описание и реконструкция внешнего и внутреннего устройства полуземлянки стали важным шагом в эволюции представлений об этой эпохе. В Волго-Камском регионе 1960-1980-х гг. усилиями археологов А.Х. Халикова, П.Н. Старостина, Е.П. Казакова, Р.С. Габяшева, М.Г. Косменко, Е.П. Казакова были выявлены около 20 стоянок и местонахождений эпохи финального палеолита–мезолита (Косменко, 1971). С начала 1990-х годов работами М.Ш. Галимовой начато систематическое изучение памятников этого периода. Привлечение базы естественнонаучных методов позволило исследователю выйти на новый уровень исследований (Галимова, 1992; 1994; 1996; 2001; 2004). Работой археологов Марийской археологической экспедиции под руководством В.В. Никитина было открыто более 100 памятников эпохи мезолита, часть из них была исследована большими площадями (стоянки Удельный Шумец X и XII, Ясачное I, Нижняя Стрелка I и IV, Дубовские XI, XIII, XXIII и др.) (Никитин, 1996; 1984; 1988; 1989). Практически на всех из них были изучены жилые и хозяйственные постройки. В 1989 г. в коллективной монографии «Мезолит СССР» Л.В. Кольцов обобщил представления о мезолите Среднего Поволжья в отдельной главе. По мнению Л.В. Кольцова, Среднее Поволжье в эпоху мезолита представляла собой контактную зону, где сложилась культурная мозаика. Он выделял во второй половине бореального времени две культурные области: камскую и с наконечниками постсвидерского типа.

По мнению Л.В. Кольцова, Яндашевская стоянка относится к культурной группе с наконечниками на пластинах поствидерского типа и связана с позднебутовскими древностями (Кольцов, 1989, с. 90). Однако, свидерские наконечники стрел имеют не просто выделенный крутой ретушью черешок, но и подработку его уплощающей ретушью с брюшка, острие при этом, как правило, остается без подработки. Кроме этого для бутовской культуры характерны острия со скошенным и затупленным концами и микролиты с вогнутым концом. Такие орудия и приемы обработки не характерны для комплекса Яндашевской стоянки. Каменную индустрию этой стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую. Большое значение в инвентаре имели составные вкладышевые орудия. Трасологические исследования выявили использование сечений пластин с ретушью и без нее, а также мелких отщепов в качестве вкладышей, с характерными следами износа (Галимова, 2004). Этот памятник отличает серия небольших наконечников на пластинах, среди которых есть черешковые с мелкой крутой ретушью и острия на микропластинах с выделенным жалом и усеченным проксимальным концом. В целом, на наш взгляд, этот памятник не связан с постсвидерским миром и вписывается в круг памяников мезолита, выделенной недавно русско-луговской культуры севера Среднего Поволжья, а выявленные отличия, вероятно, отражает внетреннее хронологическое развитие этой культуры.

Русско-луговская культура позднего мезолита, существовавшая на рубеже бореала-атлантика, недавно была выделена В.В. Никитиным (Никитин, 2006). Она занимает территорию междуречья Унжи, Ветлуги, Вятки, и вероятно, доходит до Среднего Посурья, смыкаясь на востоке с усть-камской культурой, на севере – с камской, на западе – с бутовской, и занимает, в основном, таежную и лесную полосу северной части Среднего Поволжья. В качестве эталонного памятника предложено взять Русско-Луговскую стоянку, исследованную А.Х. Халиковым одной из первых (Никитин, 2006, с. 224-231). Этот подход был поддержан другими исследователями, в т.ч. и автором (Березина, 2011; 2015; Вискалин, 2011). Однако, вопросы происхождения, внутреннего развития и хронологии

русско-луговской культуры остаются недостаточно разработанными.

Все исследованные стоянки русско-луговской культуры имеют ряд общих черт. В их инвентаре широкое распространение получили серии шлифованных деревообрабатывающих орудий (тесла, стамески, долота, топоры). Наличие шлифованных деревообрабатывающих орудий характерно для культур мезолита таежной зоны – мезолита Карелии и центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части. В этой связи интересны находки на Мукшумской XIV и XVIII стоянках амулетов с биконическими сверлинами по центру, сделанные из плоских галек и тонкой ромбической плитки алевролита, аналогии которым находятся в онежском мезолите, для которого характерны сланцевые подвески и изделия из плоских галек со сверлиной (Ошибкина, 1983) и на Валдайской возвышенности на мезолитической стоянке Васильево 1 (Сидоров, 2000).

Для русско-луговских комплексов характерно отстутствие устойчивых форм морфологически выраженных наконечников стрел с выделенным черешком. На некоторых памятниках такие наконечники встречены, но они не представляют устойчивую технико-морфологическиую форму. Напротив, практически на всех памятниках выявлены острия на пластинах средней ширины и микропластинах с минимальной подретушевкой симметричного или слегка ассиметричного жала мелкой краевой ретушью и усеченным проксимальным концом, которые, вероятно, служили наконечниками стрел. Также наконечниками стрел, по мнению В.В. Никитина, преимущественно служили трапеции и трапециевидные изделия (Никитин, 2018, с. 110–112). Это вполне укладывается в рамках развития вкладышевой технологии. Орудийный набор культуры характеризуется большим количеством резцов, оформленных на углу сломанной пластины, отщепа либо нуклеуса, а также срединных резцов. Однако, ретушные резцы, распространенные, например, в бутовской культуре, практически отсутвуют. Среди скребков выделим особую, на наш взгляд, специфическую категорию орудий – мелкие сколы, размером около 1 см, использовавшиеся в рукояти, служившие скребками по шкуре и резчиками-скобелями по дереву.

Исследованная группа позднемезолитических стоянок в левобережье Чувашского Поволжья отличается уникальной сохранностью и выраженностью культурного слоя, что позволило провести реконструкцию древних жилищ. Следы жилищ, выявленных на Мукшумских X, XIV и XVIII стоянках, имели округлые и подквадратные очертания, с углубленными котлованами и системой столбовых ям. В полу жилищ отмечены большие ямы, протянувшиеся вдоль стен, имеющие углистое заполнение и включение мелких угольков, жженых костей, фрагментов эмалевых пластинок зубов и небольшое количество находок кремня. Было высказано предположение, что эти жилища были зимними и обогревались специальными отопительными ямами, расположенными вдоль края и в центре пола. Конструктивные особенности в строении каркасных жилищ – выход-лаз, большое количество очажных и столбовых ям – находят аналогии в поселениях мезолита Марийского Поволжья, в том числе на поселении Нижняя Стрелка VI (Никитин, 1996; 2006, с. 27–28; Березина, 2006; 2011; 2012). Кроме того, изучены коллекции, собранные в подъемном материале в левобережье Волги на разрушающихся Мукшумских I, VII, XIII, XVI и XIX стоянках.

Каменная индустрия этих стоянок имеет относительно высокий индекс пластинчатости и процент орудий на пластинах. Относительно высокий процент орудий на пластинах Мукшумской I, X, XIV, XVIII, XIX, составляющий соответственно 53%, 46%, 53%, 59%, 95%, а также наличие серии шлифованных рубящих орудий и обломков (тесел, стамесок, долот), группы дублированных орудий и микроострий на пластинах с подретушевкой жала и усеченным проксимальным концом показывают единство данной группы стоянок с мезолитом Марийского Поволжья. Ближайшие аналогии исследованным памятникам мы можем наблюдать в материалах Удельно-Шумецкого X поселения, а также поселений Нижняя Стрелка VI, Северные Выселки VI и Паратское XI. Основной заготовкой для изготовления орудий на всех вышеперечисленных памятниках была пластина.

На мезолитических памятниках Марийского Поволжья встречаются небольшие серии геометрических микролитов – трапеций, тогда как на памятниках мезолита, исследованных в Чувашском Поволжье, они пока не встречены. Трапеции обнаружены не на всех стоянках мезолита, распределение этих находок показывает их локализацию по берегам Волги, в устьях небольших рек (Никитин, 1996). Однако, вкладышевая техника была хорошо развита на всех стоянках мезолита. Иссле-

дованиями М.Ш. Галимовой установлено, что узкие пластины и микропластины и их сечения без дополнительной ретуши использовались в составных орудиях (наконечниках, пилках, проколках и т.д.) практически на всех исследованных ею памятниках мезолита рассматриваемого региона (Галимова, 2004). Таким образом, обнаружение трапеций на некоторых стоянках мезолита является, вероятно, закономерным, их происхождение можно связывать с развитием технологии производства составных орудий труда и оружия.

Исследованные коллекции мезолитического облика из Среднего Присурья, выделенные типологически на многослойных памятниках Молебное Озеро, Утюж I, а также собранные на разрушающейся Сурмайданской стоянке, в целом, вписываются в круг памятников русско-луговской культуры (Березина, 2011). Их объединяет пластинчатый характер каменной индустрии, применение вкладышевой технологии, использование наконечников стрел на пластинах с минимальной односторонней подретушевкой жала и насада и угловых резцов, а также наличие пришлифованного тесла. Однако, небольшие размеры коллекций ограничивают наше представление об этих памятниках. Для более точных выводов необходимы дополнительные исследования в Среднем Присурье.

Радиоуглеродная дата, полученная из углистого заполнения ям в полу жилища Мукшумской XVIII стоянки calBP 8240±220 (ГИН-13635), свидетельствует о существовании ее в бореальном периоде, в последней трети VII тыс. до н.э. и подтверждает позднемезолитический возраст русско-луговской культуры, существовавшей в бореальном – начале атлантического периодов.

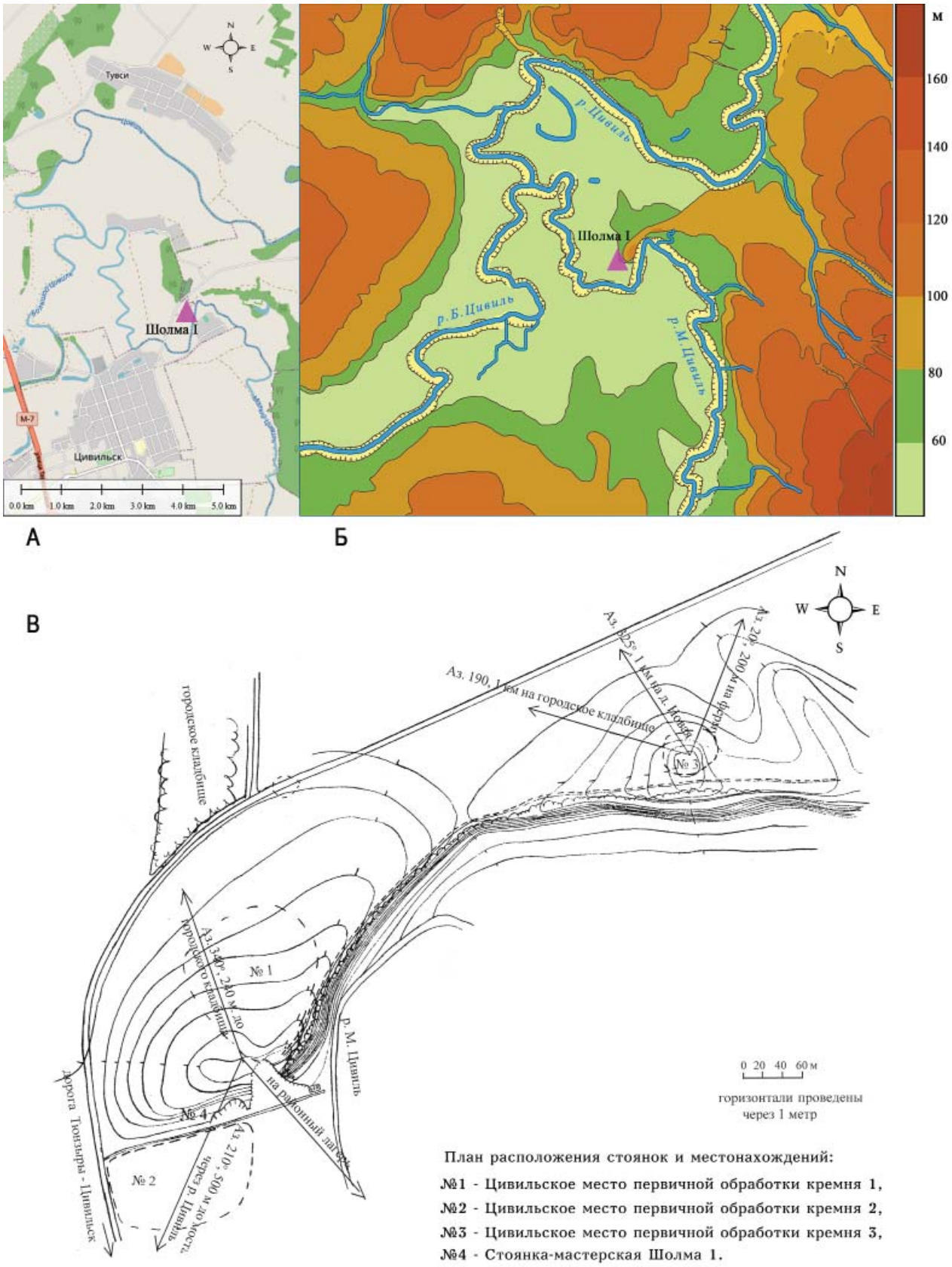


Рис. 15. Карта расположения финальнопалеолитической стоянки Шолма I: А – на топоснове, Б – на карте рельефа. В – план расположения стоянок и местонахождений.
Fig. 15. Location of the Sholma I final Paleolithic site: А – on a topographic base, Б – on a topographic map. В – layout of sites and locations.

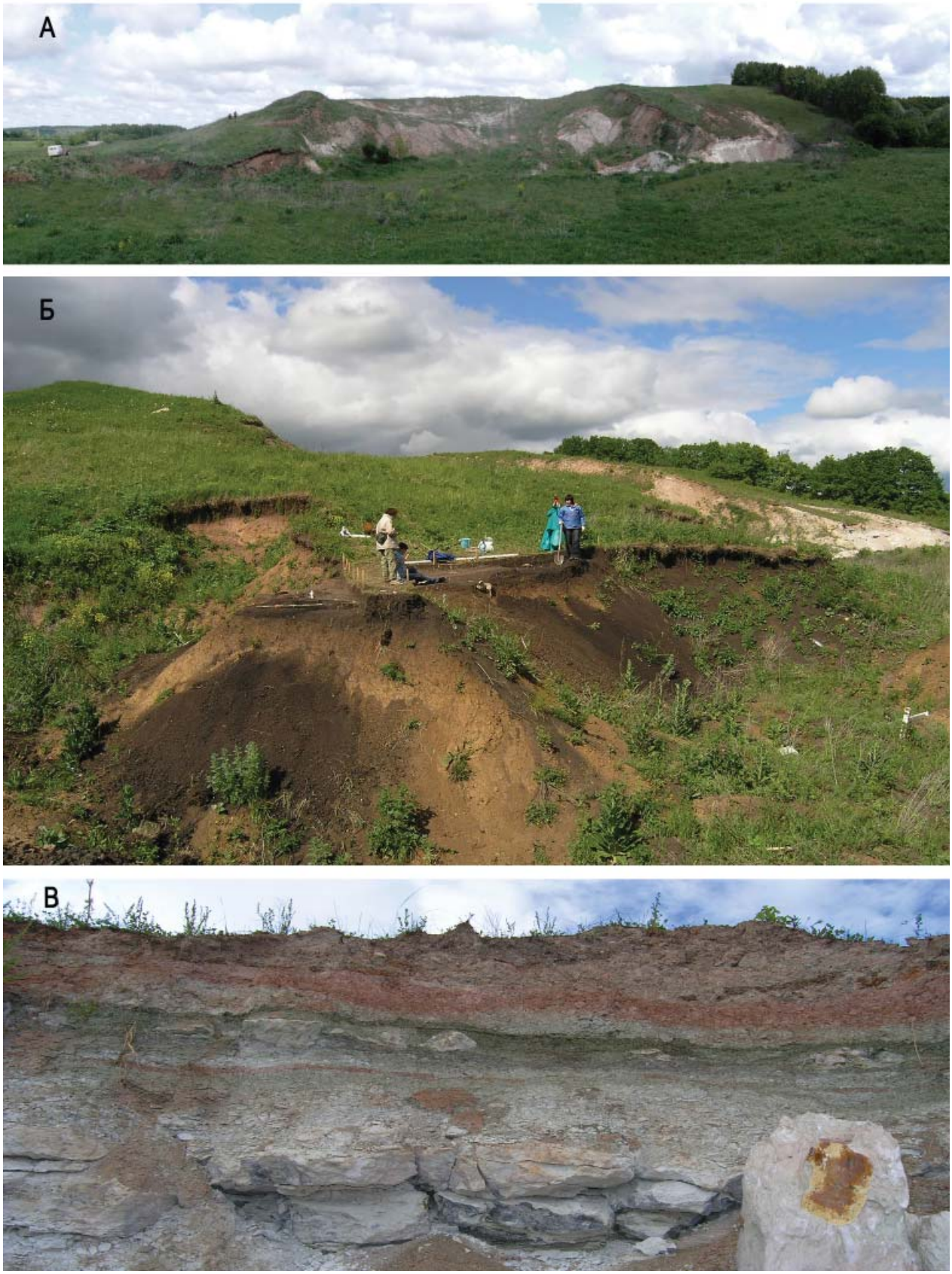


Рис. 16. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I: А – общий вид с юга на гору Шолма, Б – вид с юго-запада на раскоп 2007 г., В – обнажения пермских мергелей и известняков с включениями кремня в карьере, расположенном в центре горы Шолма.

Fig. 16. Sholma I final Paleolithic site: A – general view of Sholma mountain from the south, Б – view of the 2007 excavation from the south-west, B – outcrops of Permian marls and limestones with flint inclusions in a quarry in the center of Sholma mountain.

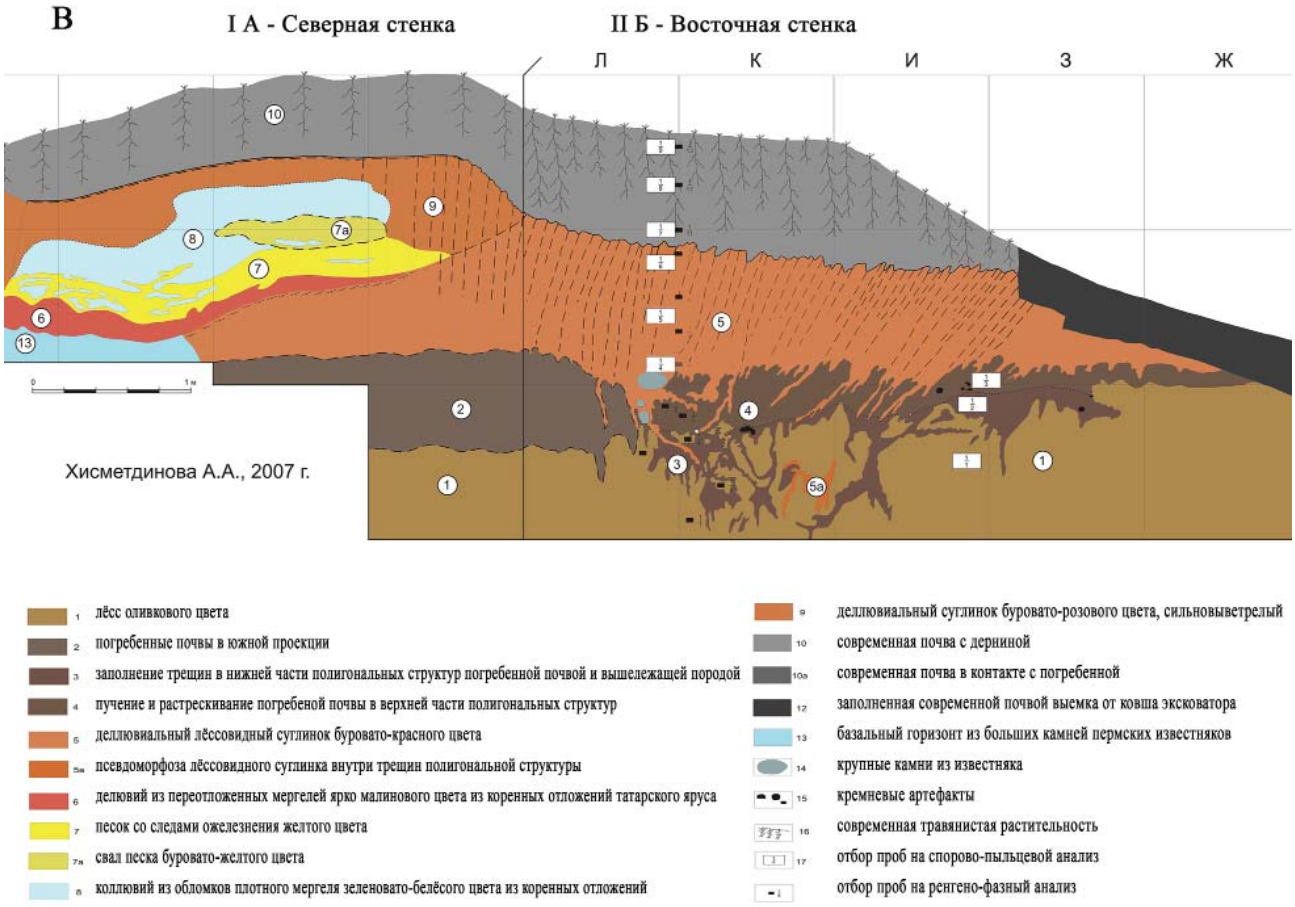


Рис. 17. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I: фото зачистки стенки раскопа (Б), увеличенный участок с криоморфными изменениями погребенной почвы (А), профиль северной и восточной стенок (В) раскопа 2007 г.
Fig. 17. Sholma I final Paleolithic site: photo of a cleared excavation wall (Б), an enlarged area with cryomorphic changes in buried soil (A), profile of the northern and eastern walls (B) of the excavation of 2007.

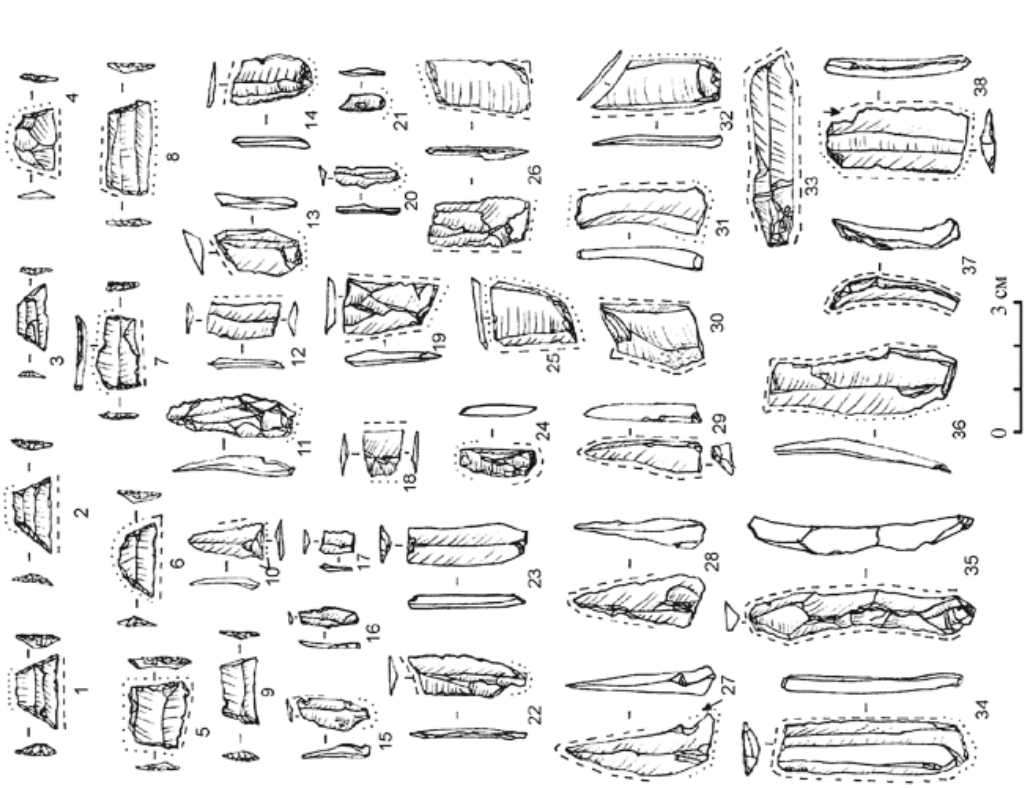


Рис. 18. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Кремневые орудия: трапеции, вкладыши на пластинах и отщепах, ножи, проверки, скребки и комбинированные орудия со схематическим указанием следов работы (рисунок выполнен М.Ш. Галимовой).

Fig. 18. Sholma I final Paleolithic site. Flint tools: trapezia, blade and flake inserts, knives, perforators, scrapers and multifunctional tools, with schematic indication of use wear (drawing by M.Sh. Galimova).

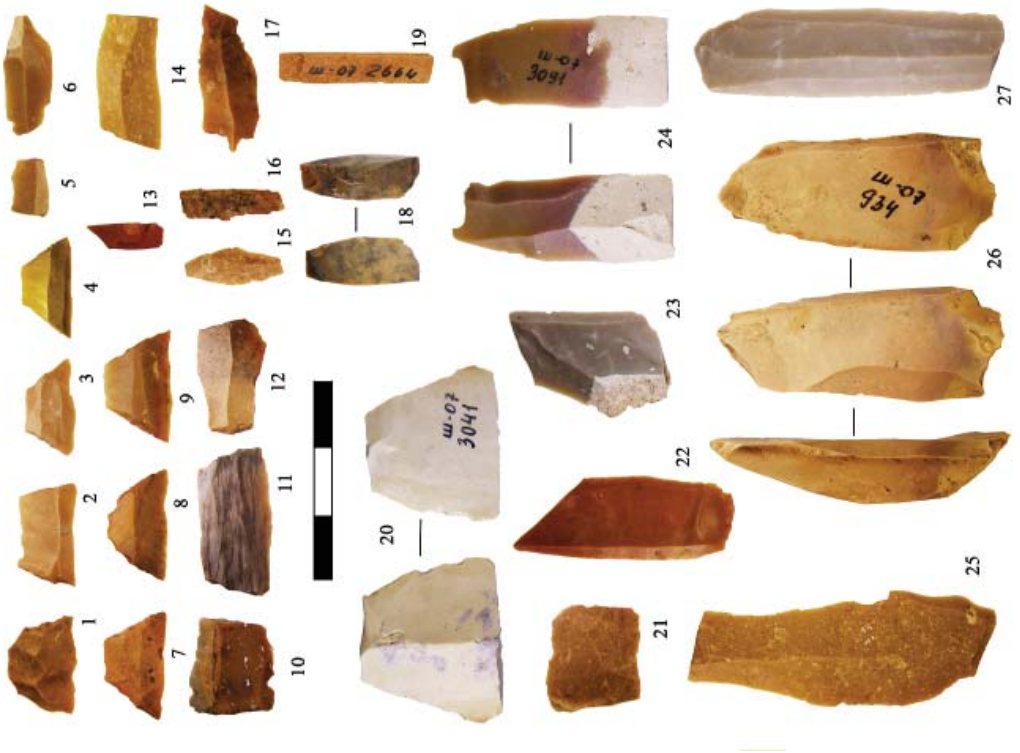


Рис. 19. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото кремневых орудий: трапеции, вкладыши на пластинах, ножи.

Fig. 19. Sholma I final Paleolithic site. Photos of flint tools: trapezia, blade inserts, knives.

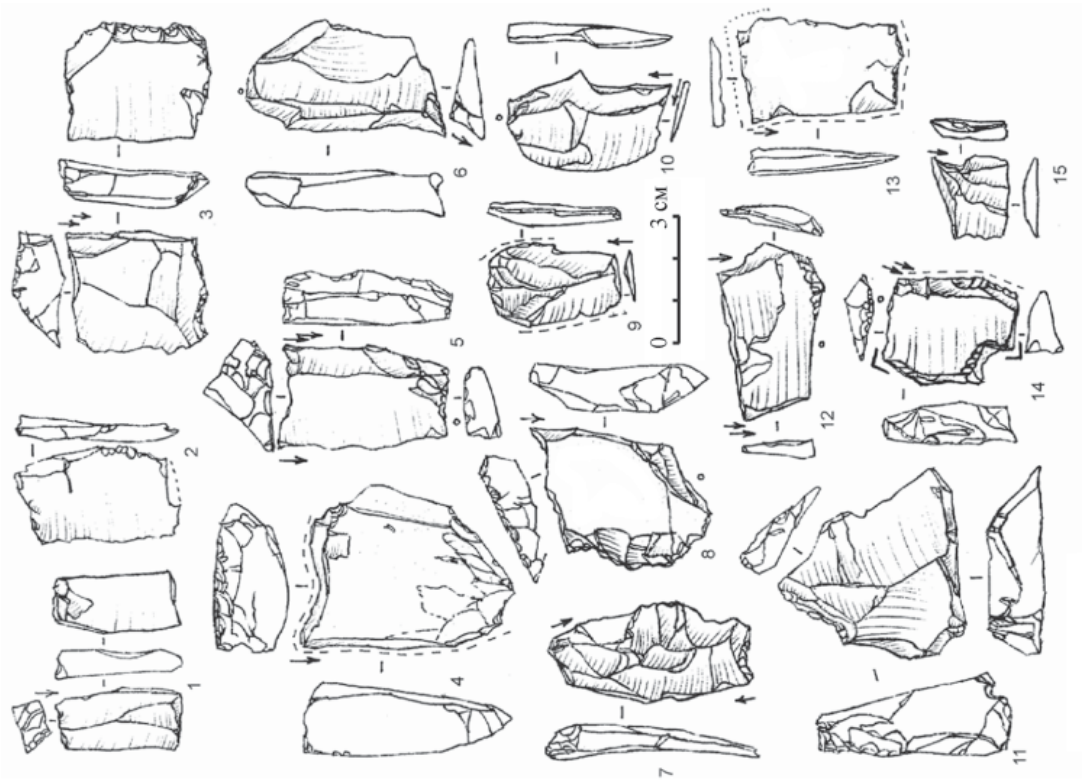


Рис. 20. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Кремневые орудия: резцы и комбинированные орудия с резцовыми сколами, скребки, скобели со схематическим указанием следов работы (рисунок выполнен М.Ш. Галимовой).

Fig. 20. Sholma I final Paleolithic site. Flint tools: burins and multifunctional tools with burin spalls, scrapers, side-scrapers, with schematic indication of use wear (drawing by M.Sh. Galimova).

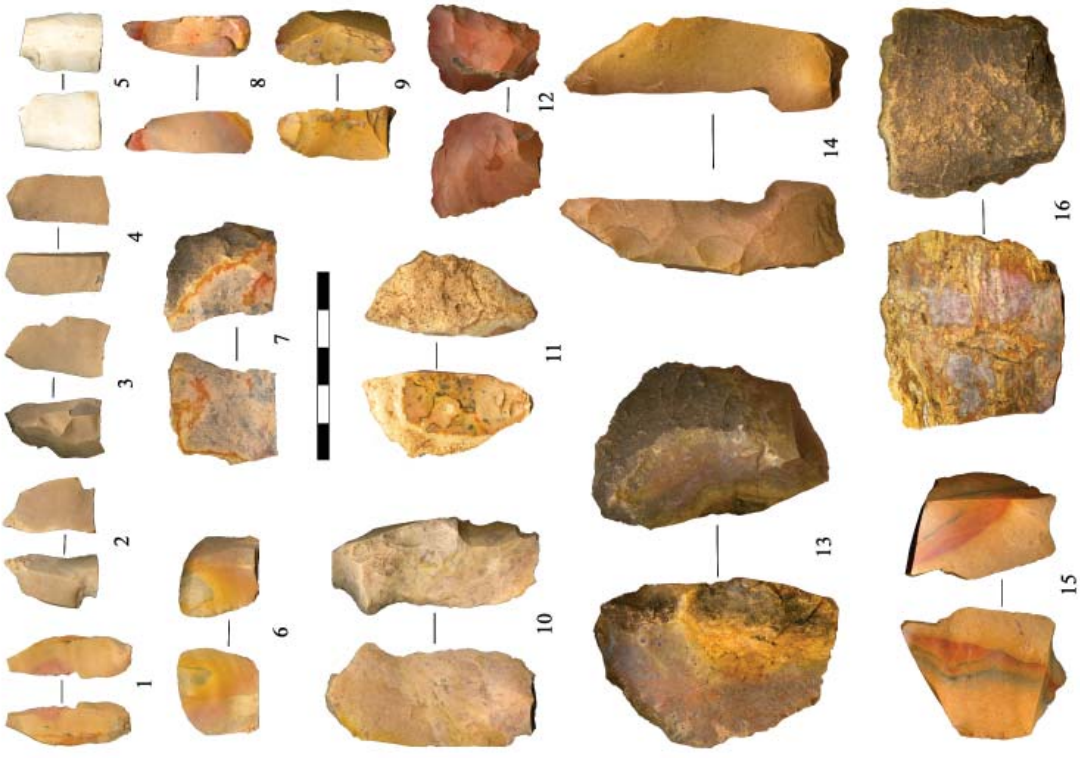


Рис. 21. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото кремневых орудий: вкладыши на пластинах, скребки, угловые резцы.

Fig. 21. Sholma I final Paleolithic site. Photos of flint tools: blade inserts, scrapers, angle burins.

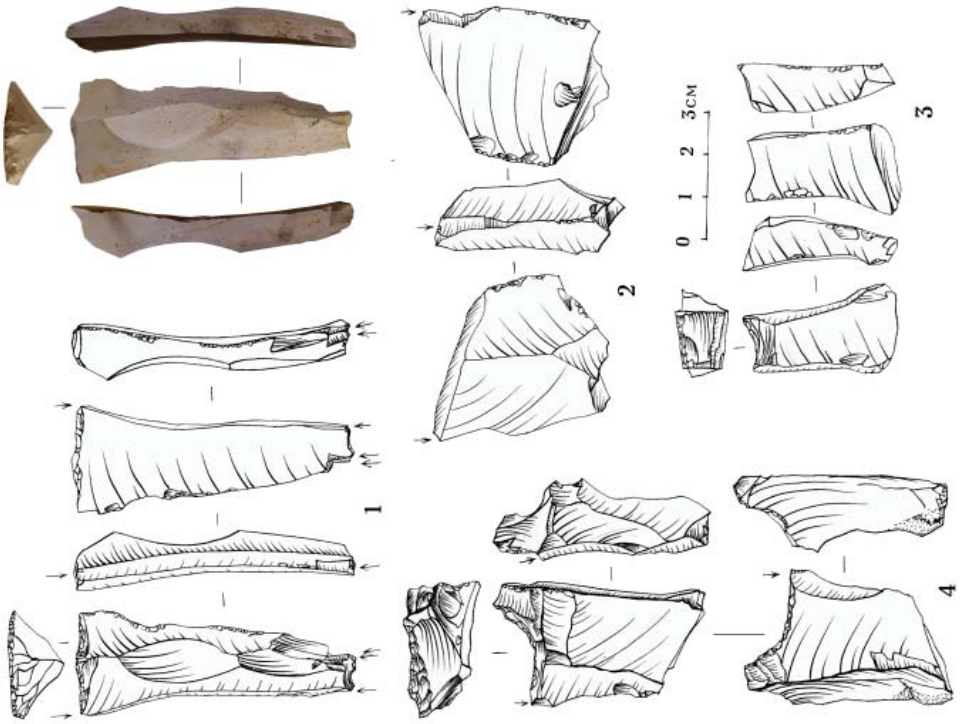


Рис. 22. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Кремневые орудия: ретушные и угловые резцы.
Fig. 22. Sholma I final Paleolithic site. Flint tools: retouched and angle burins.

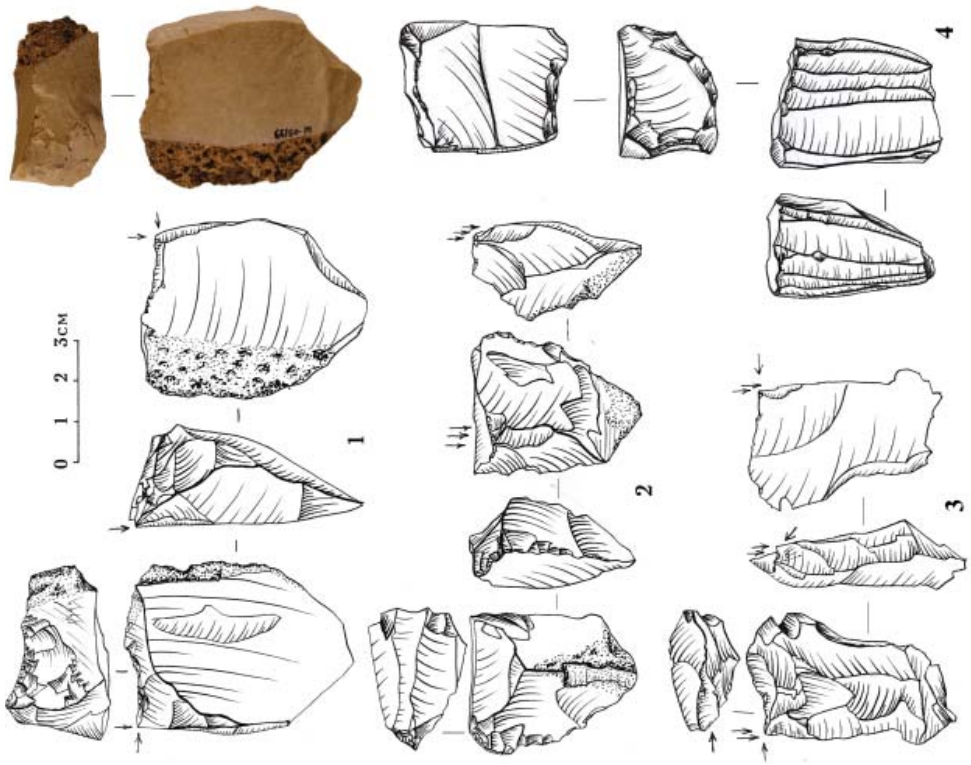


Рис. 23. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Кремневые орудия: резцы ретушные, резцы на нуклеусах, нуклеусы.
Fig. 23. Sholma I final Paleolithic site. Flint tools: retouched burins, burins on nuclei, nuclei.

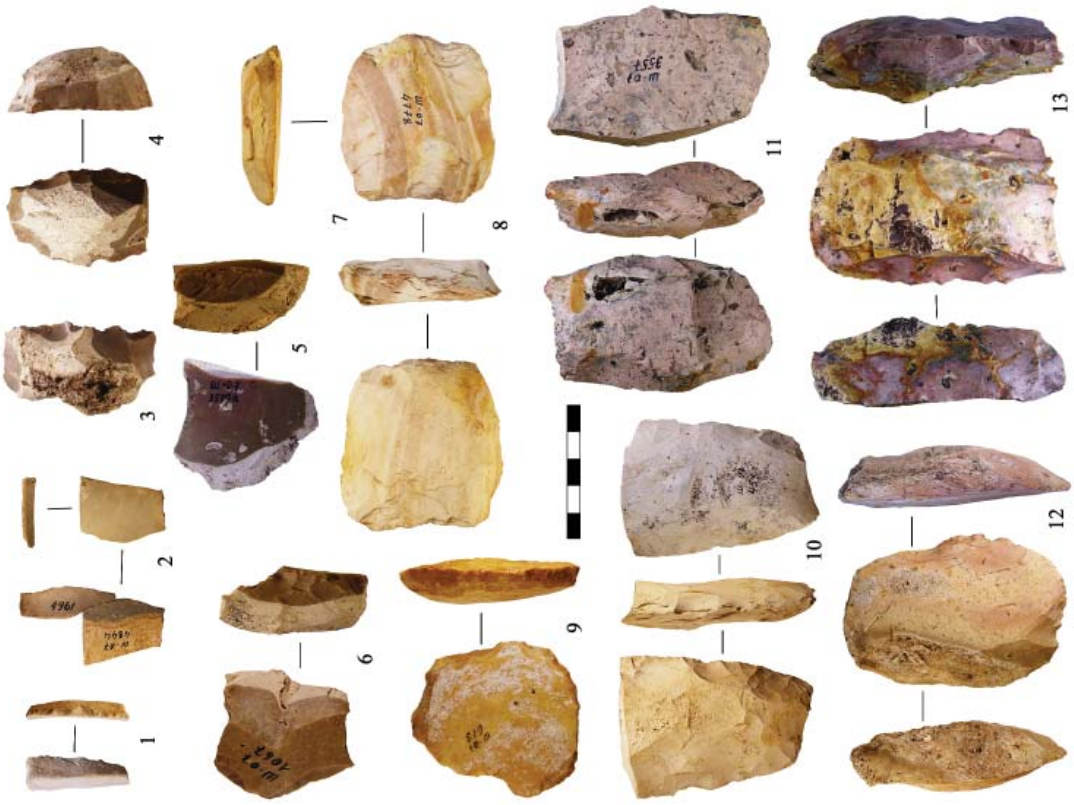


Рис. 24. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото орудий: 1-8, 9-13 – кремень, 9 – кварцит; вкладыши на пластинах, нуклеусы для коротких сколов, ретушные резцы, скребки, бифасы, торцевые пренуклеусы.

Fig. 24. Sholma I final Paleolithic site. Photos of tools: 1-8, 9-13 – flint, 9 – quartzite; blade inserts, nuclei for short flakes, retouched burins, scrapers, bifaces, pre-nuclei.

Рис. 25. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Кремневые орудия: скребки, угловые и ретушные резцы со схематическим указанием следов работы (рисунок выполнен М.Ш. Галимовой).

Fig. 25. Sholma I final Paleolithic site. Flint tools: scrapers, angle and retouched burins, with schematic indication of use wear (drawing by M.Sh. Galimova).

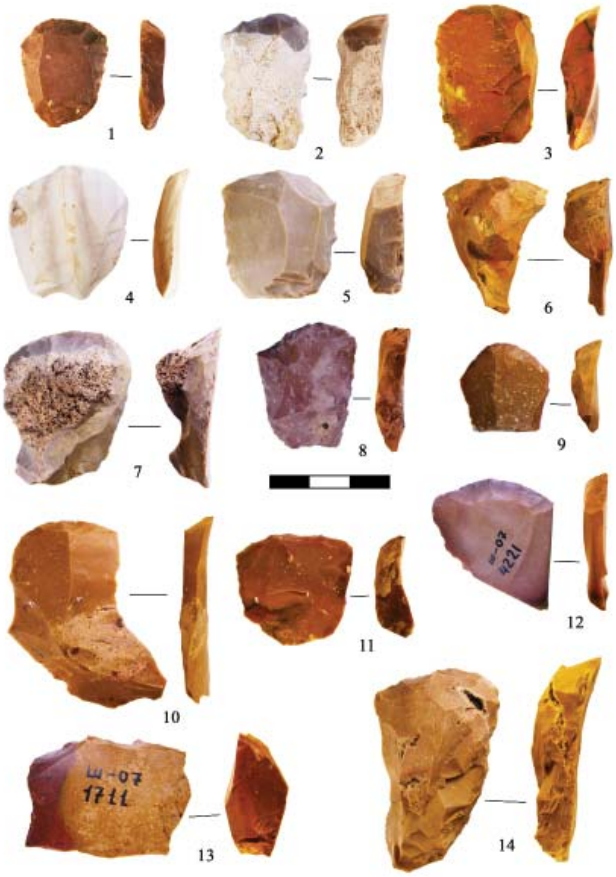


Рис. 28. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото кремневых орудий: нуклеусы.
Fig. 28. Sholma I final Paleolithic site. Photos of flint tools: nuclei.

Рис. 27. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Кремневые орудия: скребки, ножи, скребла, угловые и ретушные резцы со схематическим указанием следов работы (рисунок выполнен М.Ш. Галимовой).
Fig. 27. Sholma I final Paleolithic site. Flint tools: scrapers, knives, side-scrapers, angle and retouched burins, with schematic indication of use wear (drawing by M. Sh. Galimova).

Рис. 26. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото кремневых орудий: скребки.
Fig. 26. Sholma I final Paleolithic site. Photos of flint tools: scrapers.

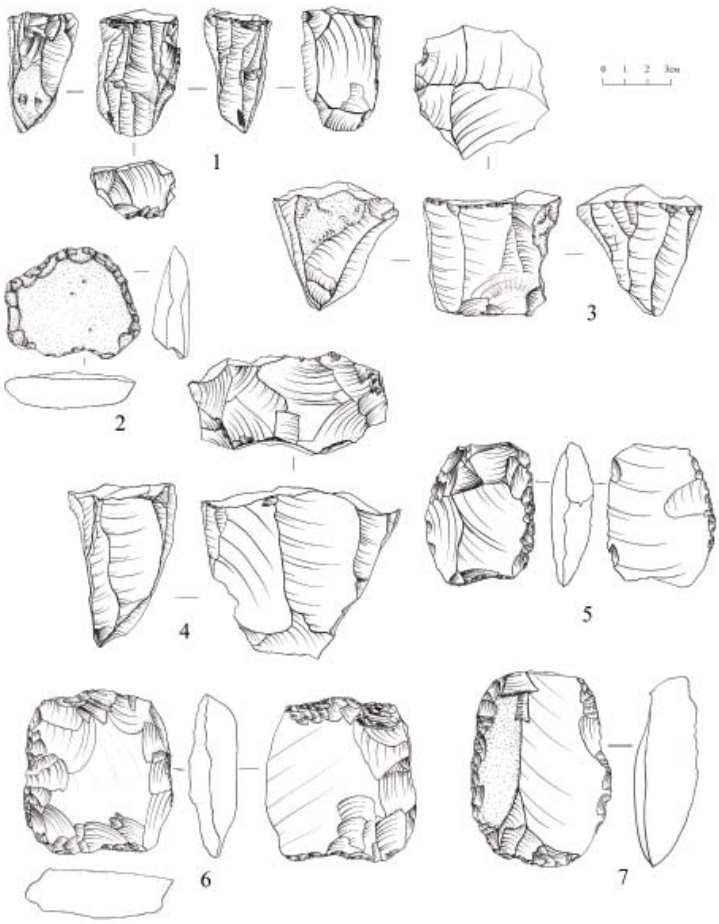


Рис. 29. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Орудия: 1, 3-7 – кремень, 2 – кварцит; нуклеусы, скребки и скребла.
Fig. 29. Sholma I final Paleolithic site. Tools: 1, 3-7 – flint, 2 – quartzite; nuclei, scrapers and side-scrapers.

Рис. 30. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото изделий из кости: 1 – двусторонне заостренный пришлифовкой наконечник дротика или кинжал, 2 – заготовка с прорезанными пазами.
Fig. 30. Sholma I final Paleolithic site. Photos of bone items: 1 - a dart tip or dagger sharpened on both sides by grinding, 2 - a blank with cut grooves.

Рис. 31. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото костей животных: 1-3, 8-11 – лошадь *Equus sp*., 4 – заяц *Lepus europaeus*, 5 – бобер *Castor fiber,* 6-7 – северный олень *Rangifer tarandus*, 12 – бизон *Bison priscus.*

Fig. 31. Sholma I final Paleolithic site. Photos of animal bones: 1-3, 8-11 – horse *Equus sp.*, 4 – hare *Lepus europaeus*, 5 – beaver *Castor fiber*, 6-7 –reindeer *Rangifer tarandus*, 12 – bison *Bison priscus.*

Рис. 32. Финальнопалеолитическая стоянка Шолма I. Фото костей животных: 1 – хомяк *Cricetinae sp*., 2-5 – узкочерепная полевка *Microtus gregalis* , 6-11 – водяная полевка *Arvicola amphibius*; микроостатки из погребенной почвы: 12 – муравей *Lasius niger*, 13 – раковины почвенных моллюсков *Vallonia costata*.

Fig. 32. Sholma I final Paleolithic site. Photos of animal bones: 1 – hamster *Cricetinae sp.*, 2-5 – narrow-headed vole *Microtus gregalis*, 6-11 – water vole *Arvicola amphibius*; micro-remains from buried soil: 12 – ant *Lasius niger*, 13 – shells of soil mollusks *Vallonia costata*.

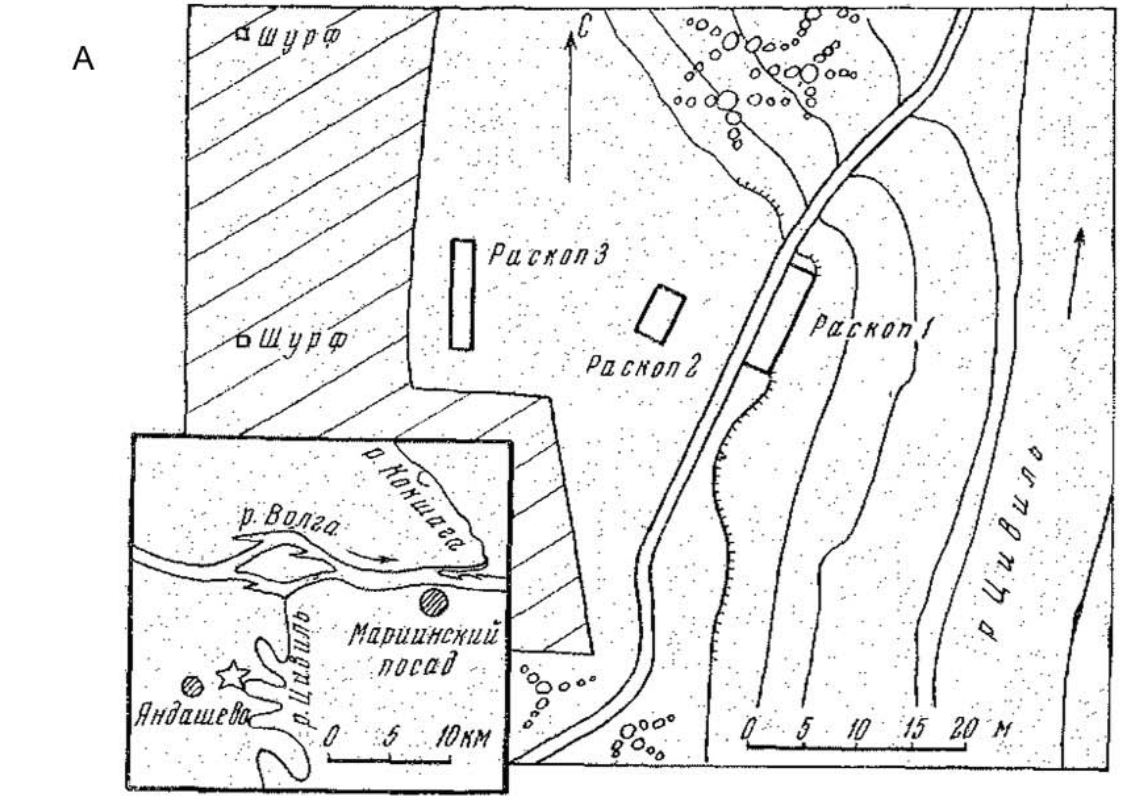


Рис. 33. Яндашевская стоянка: А – план расположения (по: Ефименко, Третьяков, 1968); Б – общий вид на террасу Цивиля, место расположения стоянки (фото 2009 г.).
Fig. 33. Yandashevo site: A - layout (after: Efimenko, Tretiakov, 1968); Б - general view of the Tsivil terrace, and site area (photo of 2009).

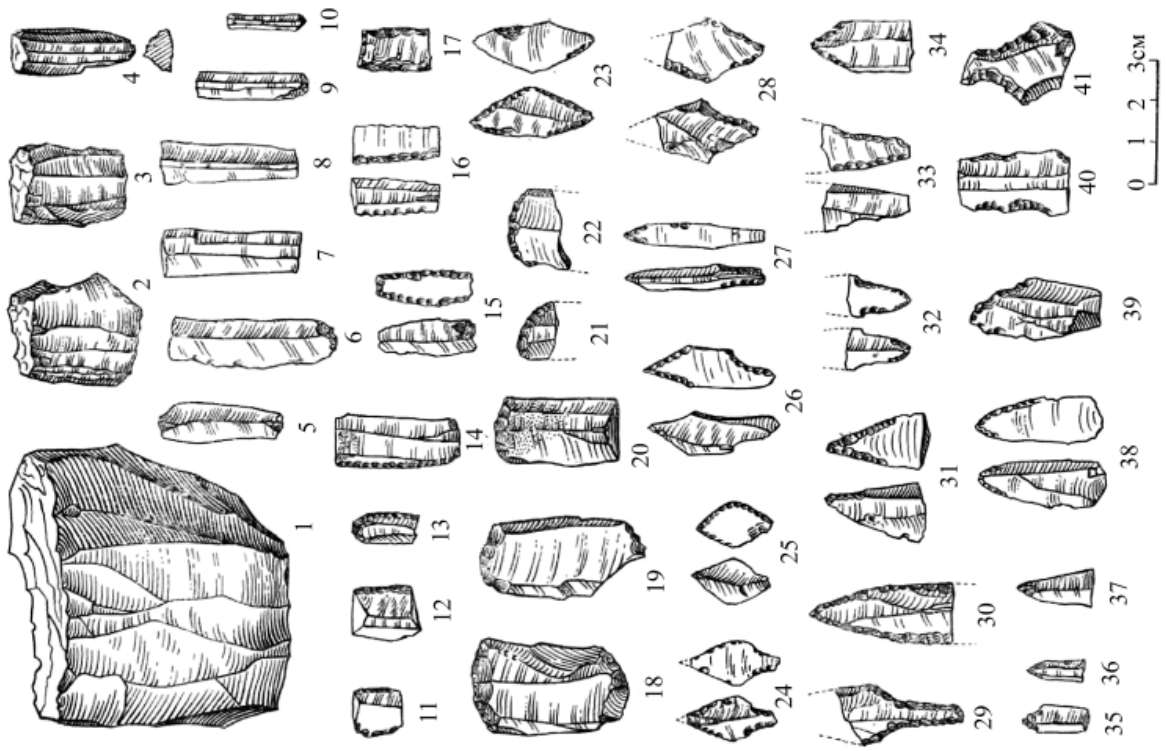


Рис. 34. Яндашевская стоянка. Кремневые орудия (по: Ефименко, Третьяков, 1968).

Fig. 34. Yandashevo site. Flint tools (after: Efimenko, Tretiakov, 1968).

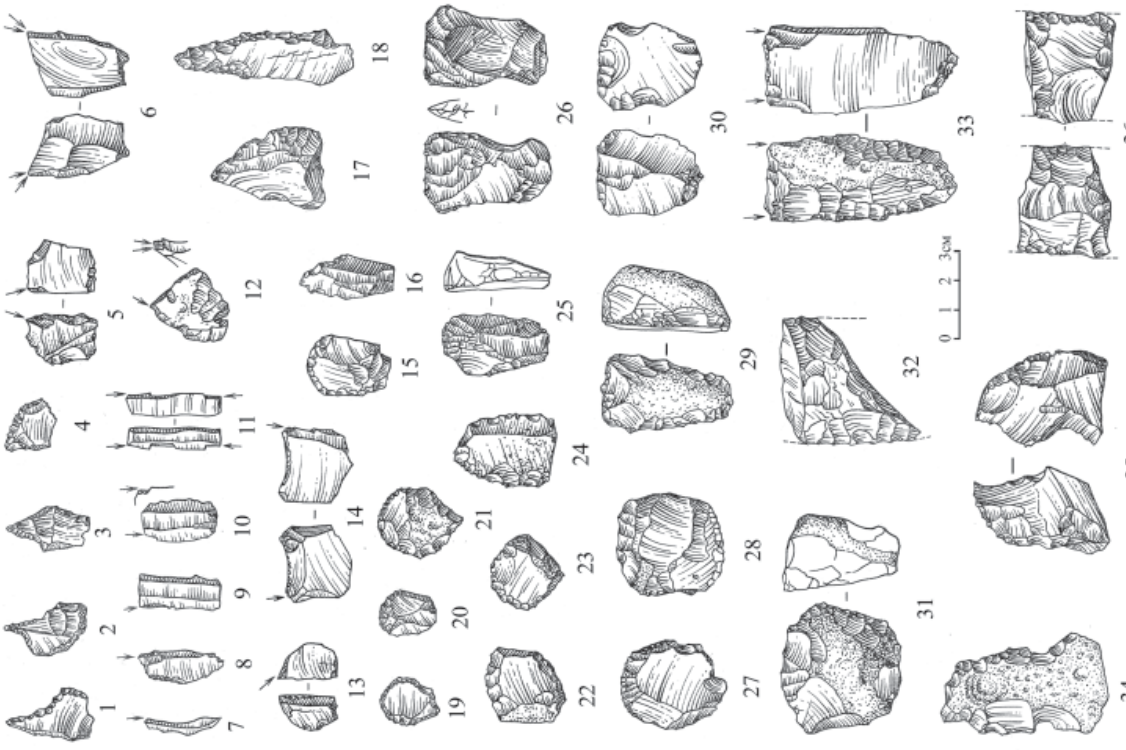


Рис. 35. Яндашевская стоянка. Кремневые орудия (по: Ефименко, Третьяков, 1968).

Fig. 35. Yandashevo site. Flint tools (after: Efimenko, Tretiakov, 1968).

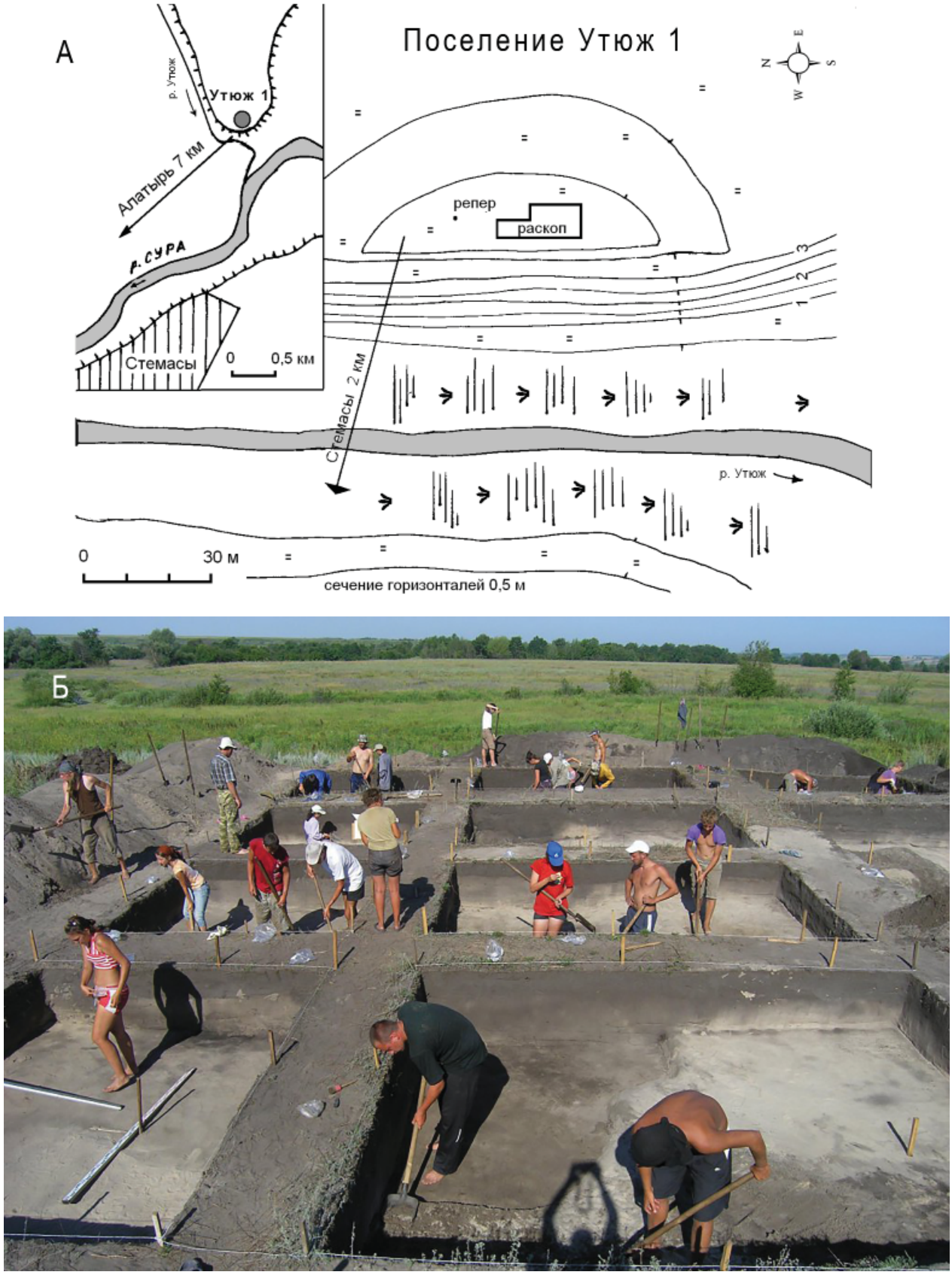


Рис. 36. Многослойное поселение Утюж I: А – план поселения (выполнен А.В. Вискалиным); Б – фото общего вида памятника с юго-востока и раскопок 2010 г.

Fig. 36. Utiuzh I multilayer settlement: A – settlement layout (made by A.V. Viskalin); B – general view photo of the site from the south-east, and excavations of 2010.

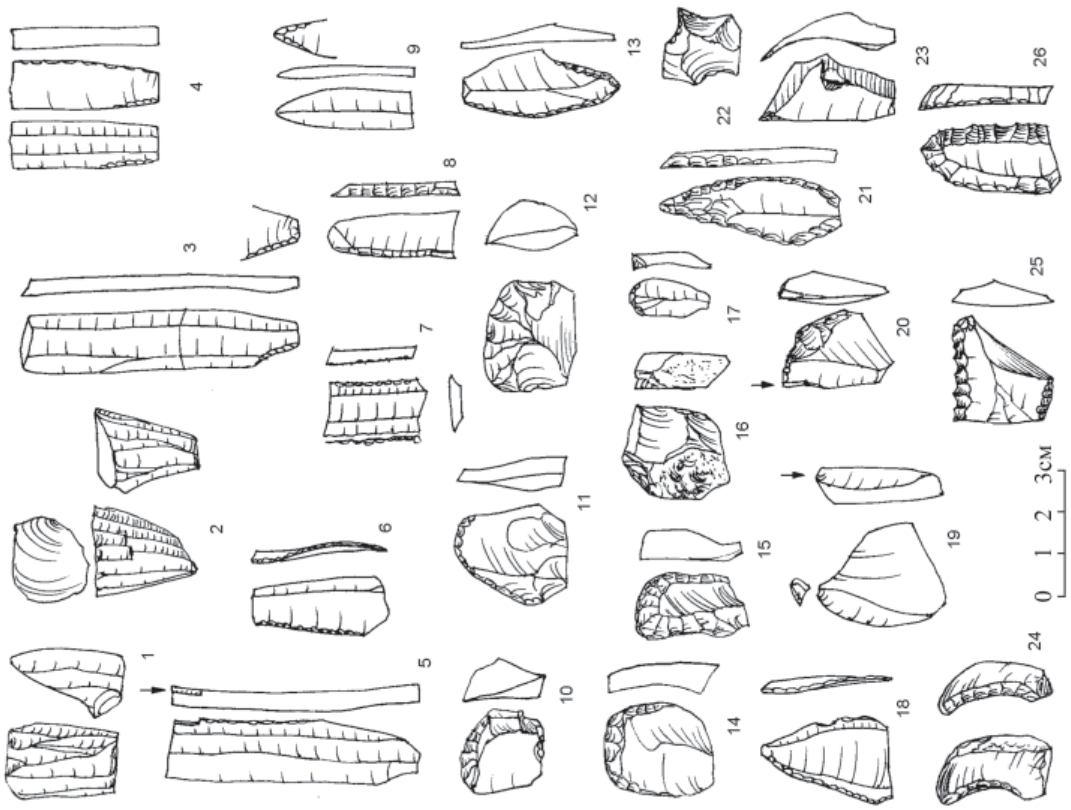


Рис. 37. Многослойное поселение Утюж I. Кремневый комплекс мезолитической стоянки (рисунки А.В. Вискалина).

Fig. 37. Utiuzh I multilayer settlement. Flint complex of the Mesolithic site (drawings by A.V. Viskalin).

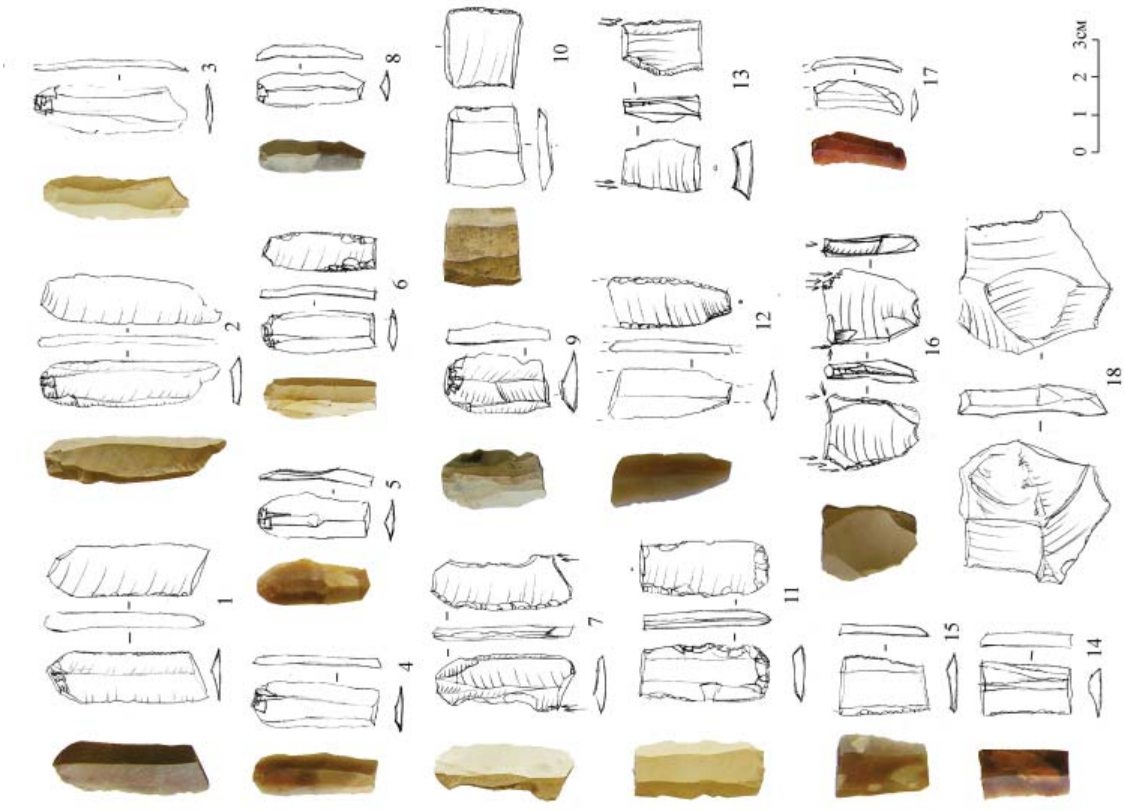


Рис. 38. Сурмайданская стоянка. Кремневые орудия: вкладыши на пластинах, ножи, угловой резец.

Fig. 38. Sursky Maidan site. Flint tools: blade inserts, knives, an angle burin.

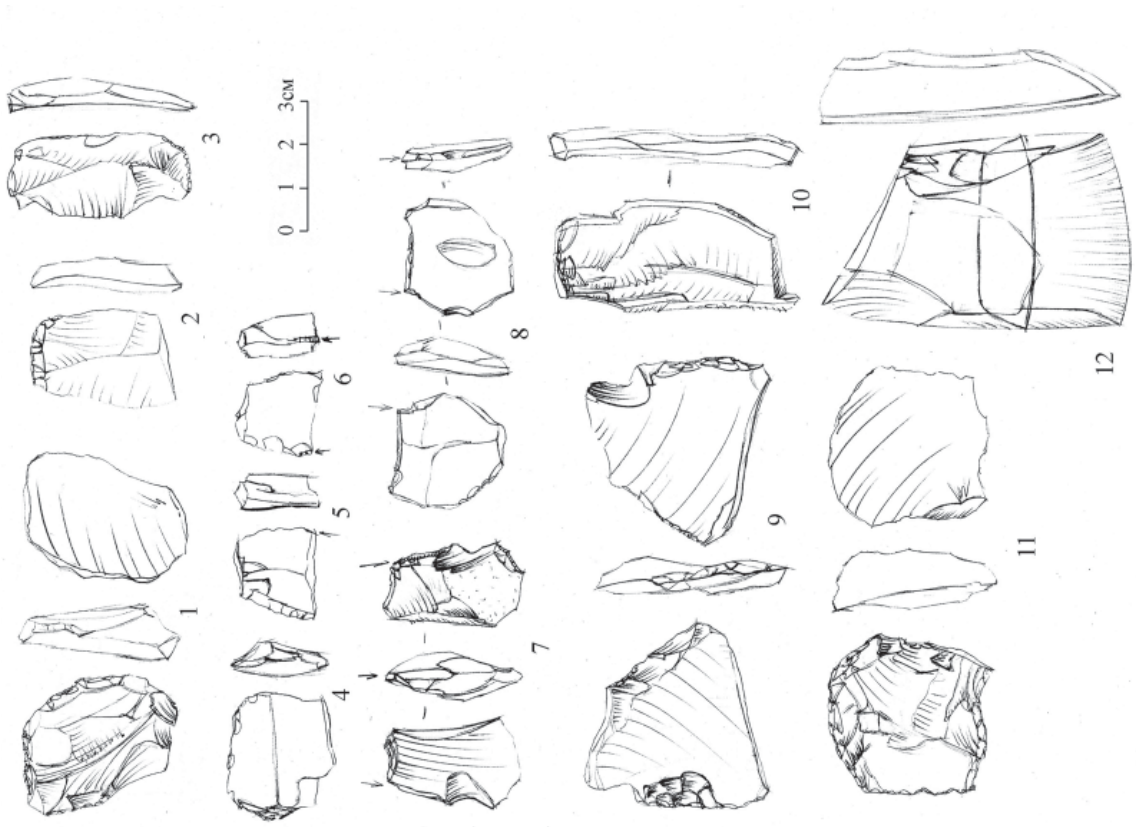


Рис. 39. Сурмайданская стоянка. Кремневые орудия: скребки, угловые и ретушные резцы, тесло.
Fig. 39. Sursky Maidan site. Flint tools: scrapers, angle and retouched burins, an adze.

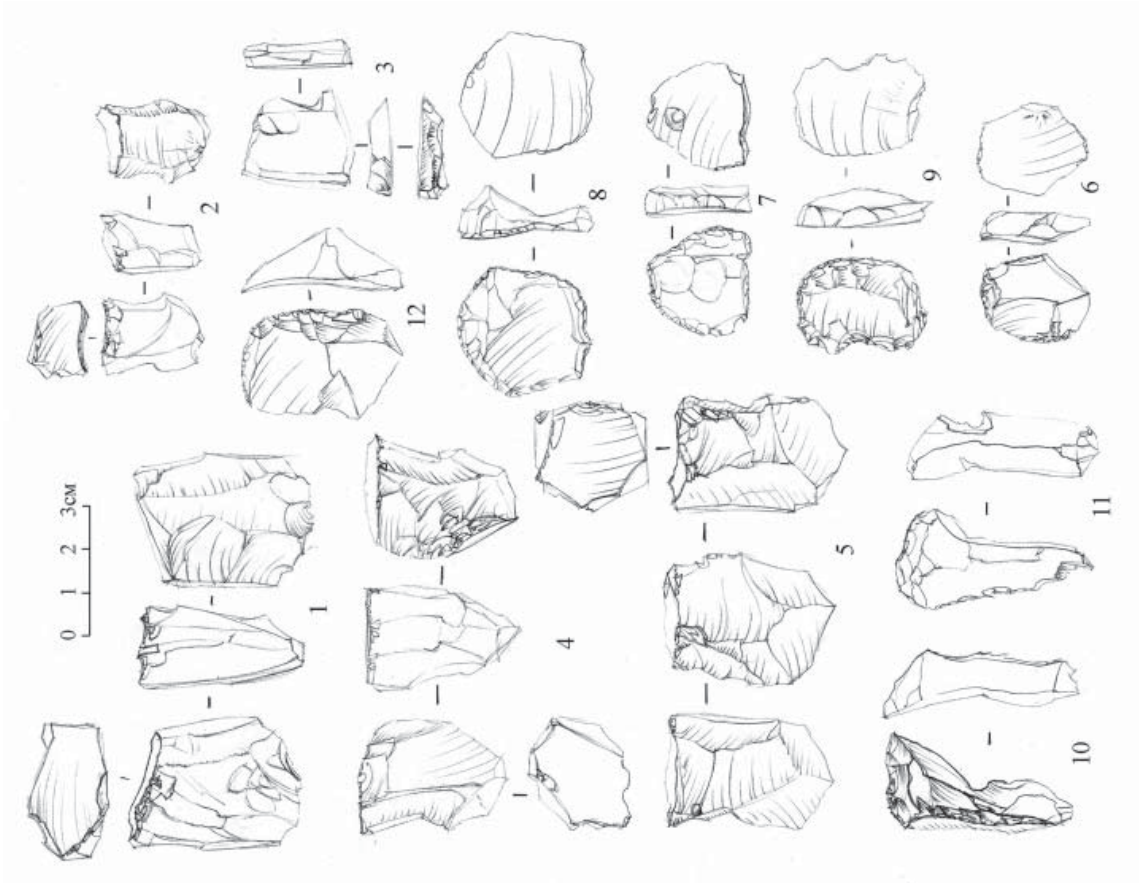


Рис. 40. Сурмайданская стоянка. Кремневые орудия: нуклеусы, скребки.
Fig. 40. Sursky Maidan site. Flint tools: nuclei, scrapers.

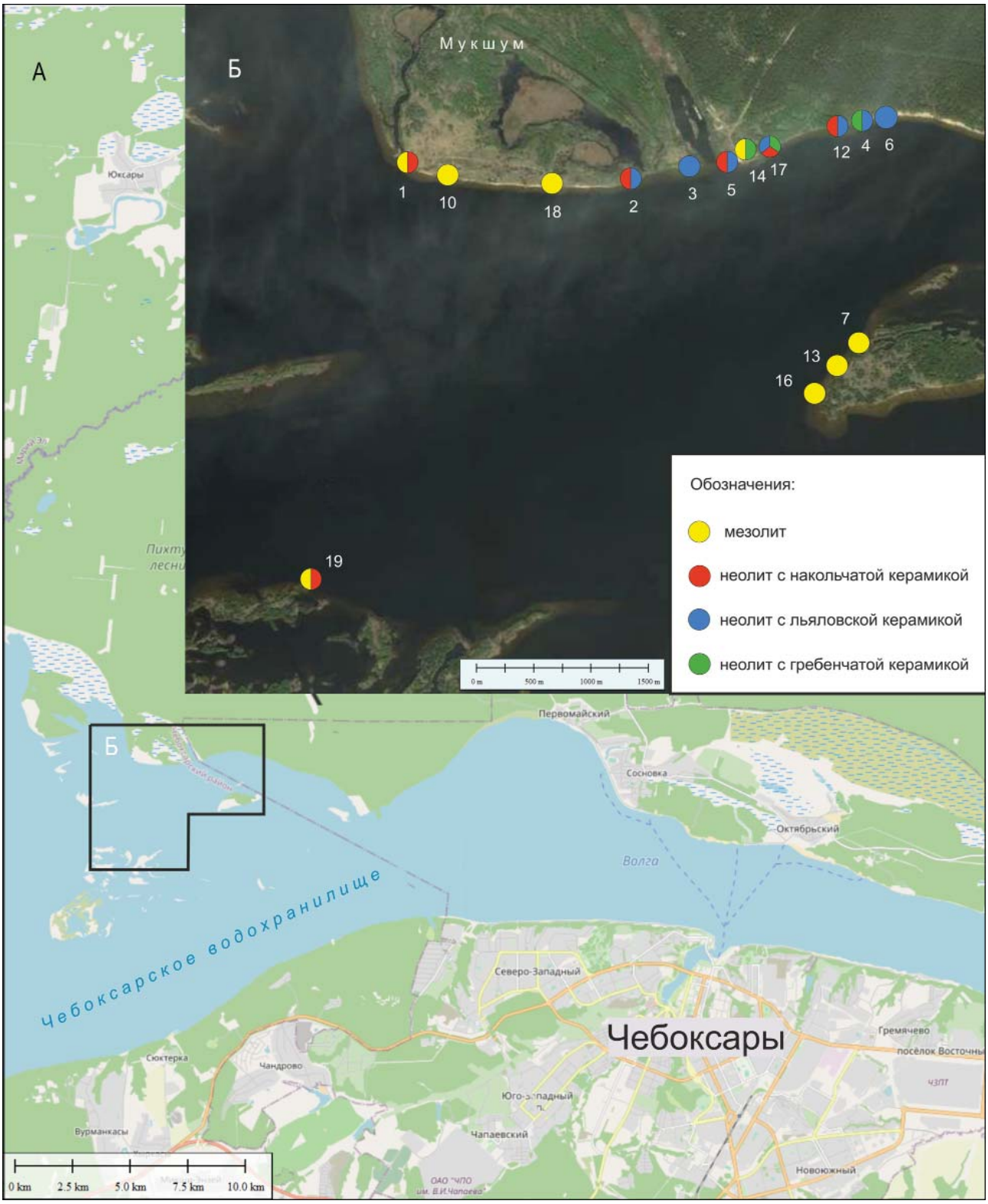


Рис. 41. Карта расположения Мукшумских стоянок в левобережье Волги: А – карта района расположения на топооснове, Б – увеличенный участок на космоснимке с указанием места расположения стоянок мезолита и неолита.

Fig. 41. Layout of Mukshum sites on the left bank of the Volga river: A – map of the area on a topographic base, Б – enlarged area on a satellite image indicating the Mesolithic and Neolithic site areas.

Рис. 42. Мукшумская X стоянка: А – топоплан расположения стоянки (съемка 2011 г. экспедиция совместно с ИА РАН); Б – фото общего вида на памятник с запада и раскопок 2007 г.

Fig. 42. Mukshum X site: A – topographic layout of the site (survey of 2011, joint expedition with the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences); B – general view photo of the site from the west, and the excavations of 2007.

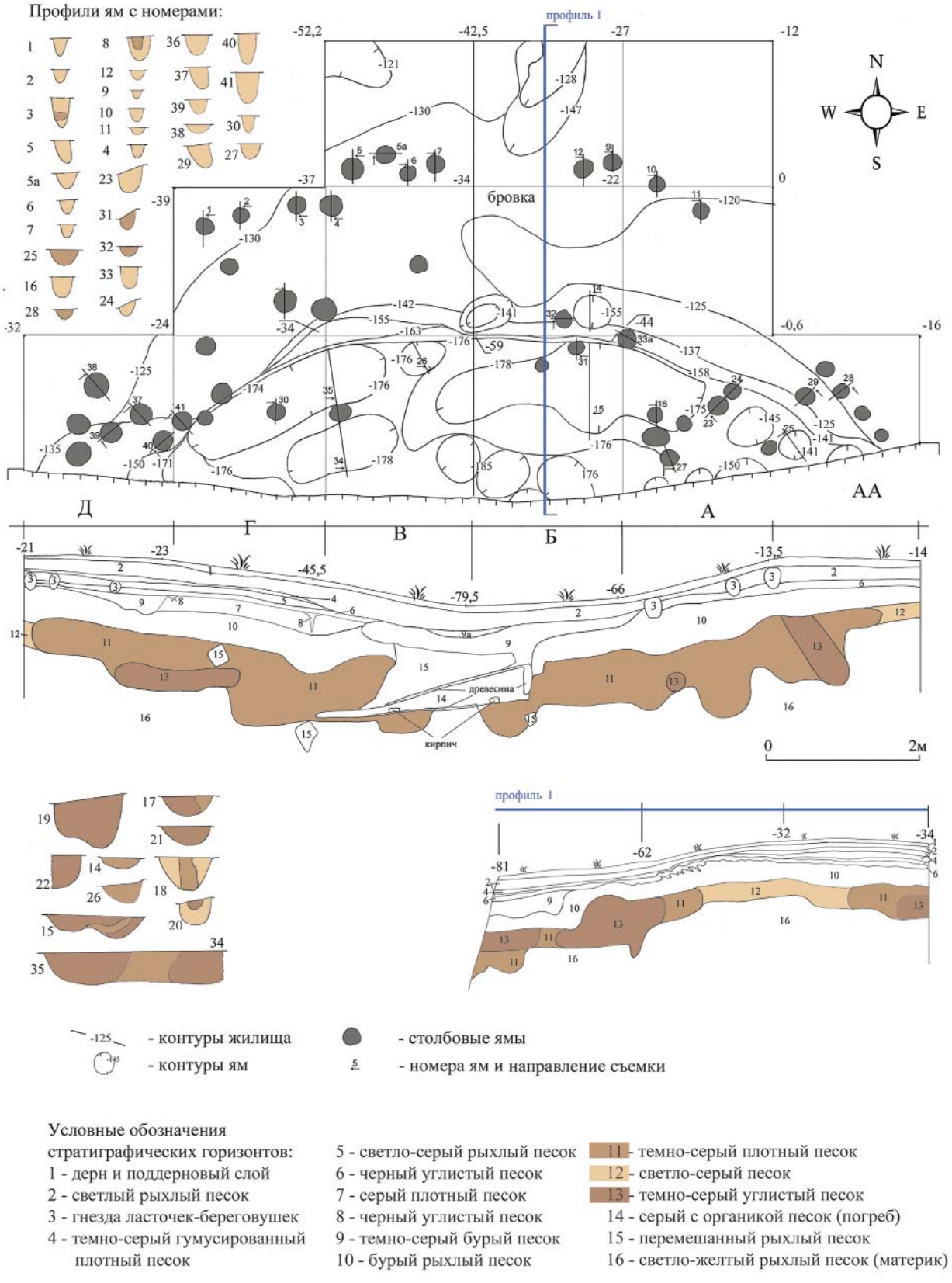


Рис. 43. Мукшумская X стоянка. План раскопанной части жилища с ямами в материке и профилями по линии обрыва и по линии профиля 1.

Fig. 43. Mukshum X site. Layout of an excavated part of a dwelling with pits in bedrock, and profiles along the cliff line and along profile 1 line.

Рис. 44. Мукшумская X стоянка. Фото зачисток профилей: А – по линии обрыва; Б – по линии профиля 1.
Fig. 44. Mukshum X site. Photos of profile clearings: A – along the cliff line; B – along the profile 1 line.

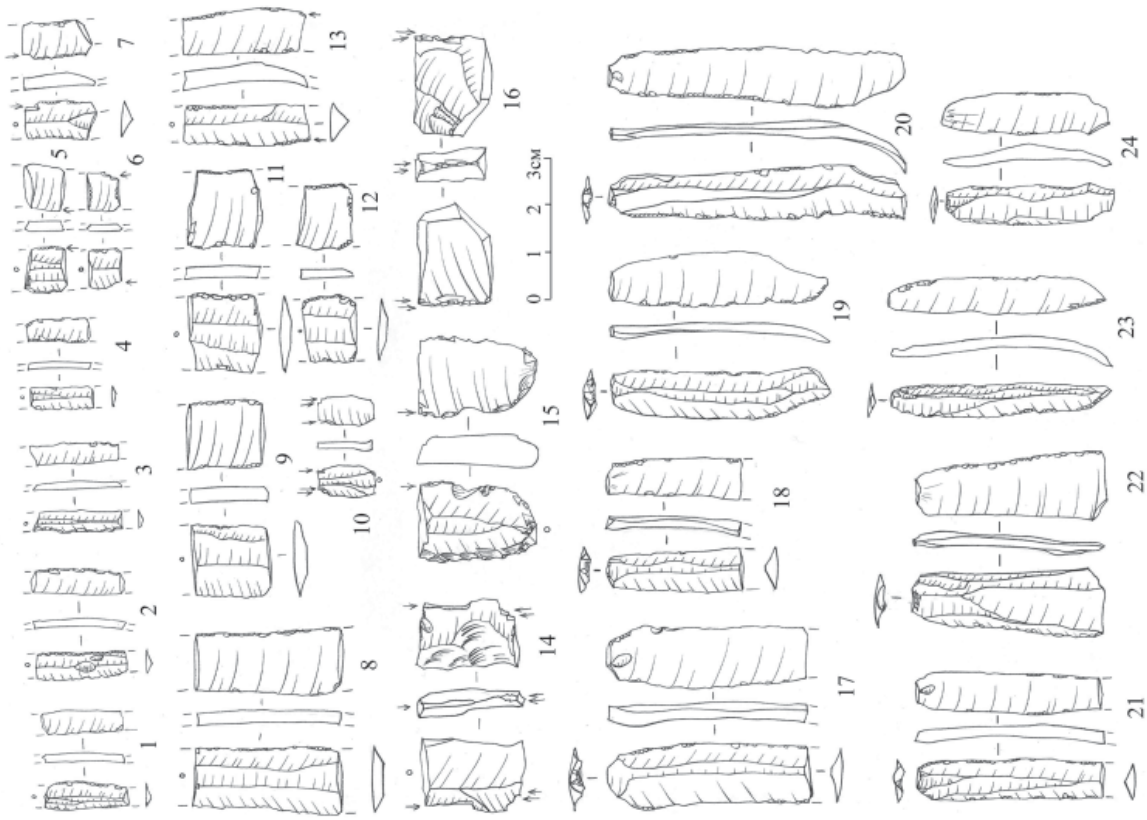


Рис. 45. Мукшумская X стоянка. Кремневые орудия: вкладыши на пластинах, угловые резцы, ножи.

Fig. 45. Mukshum X site. Flint tools: blade inserts, angle burins, knives.

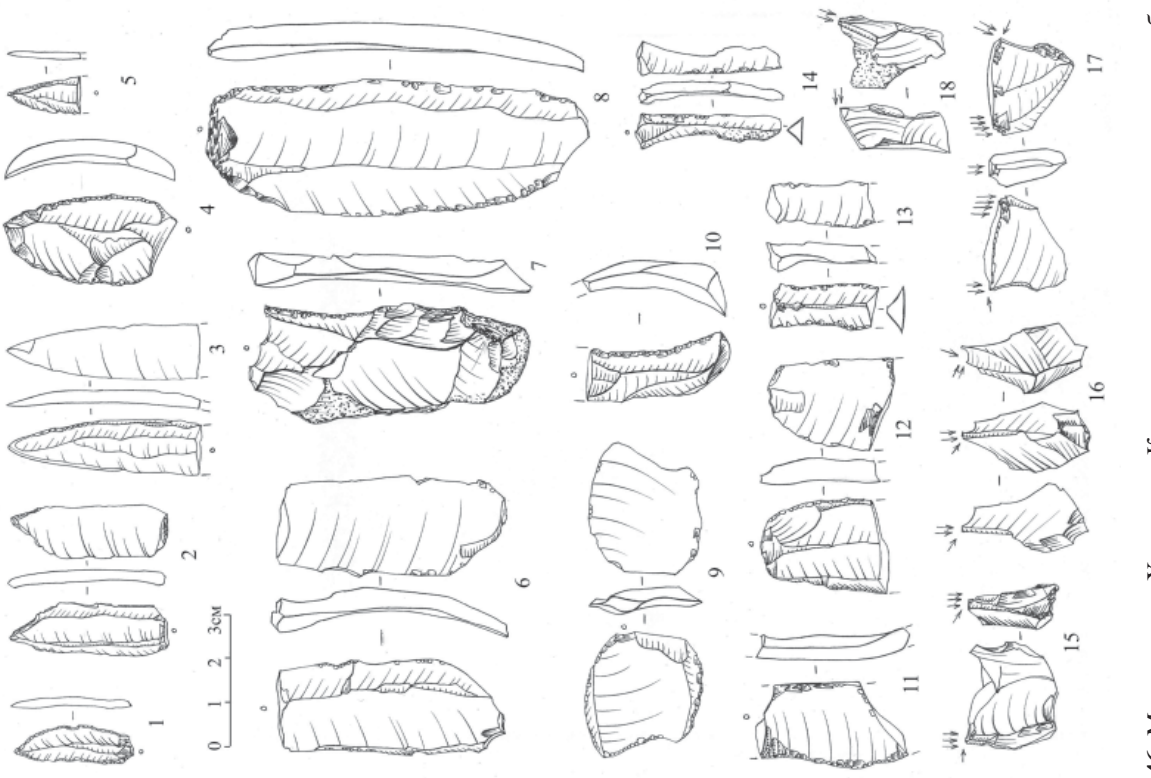


Рис. 46. Мукшумская X стоянка. Кремневые орудия: острия, ножи, скобели, угловые резцы.

Fig. 46. Mukshum X site. Flint tools: points, knives, scrapers, angle burins.

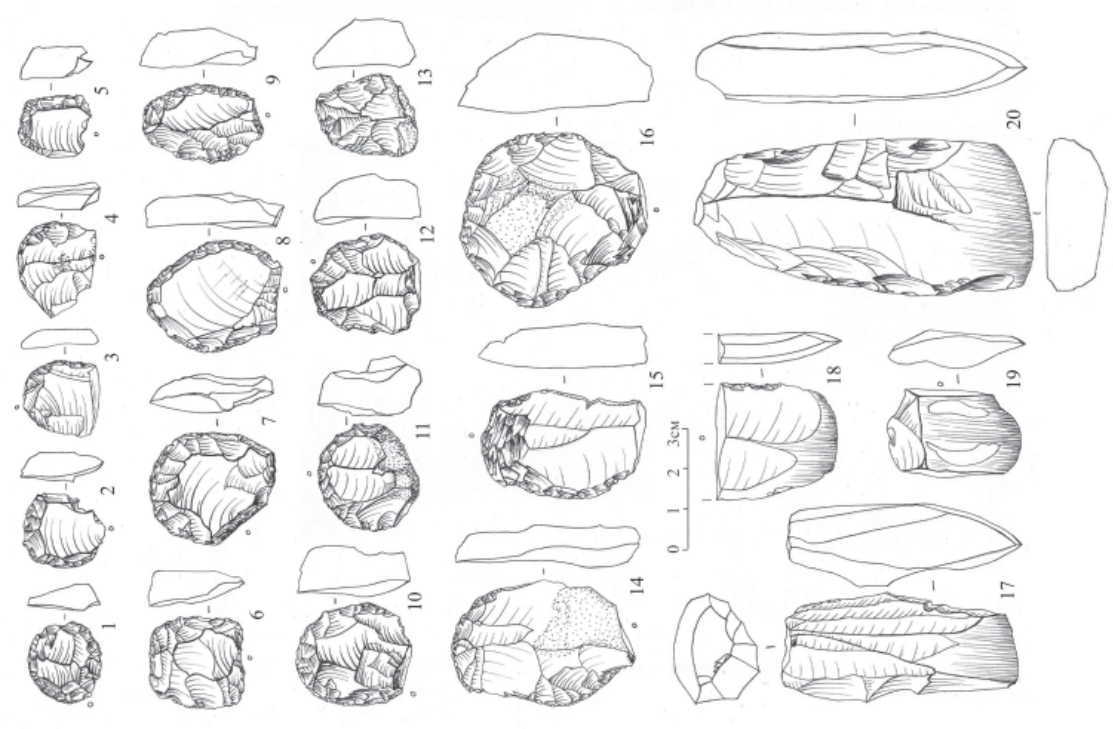


Рис. 47. Мукшумская X стоянка. Кремневые орудия: скребки, тесла и стамески.
Fig. 47. Mukshum X site. Flint tools: scrapers, adzes and chisels.

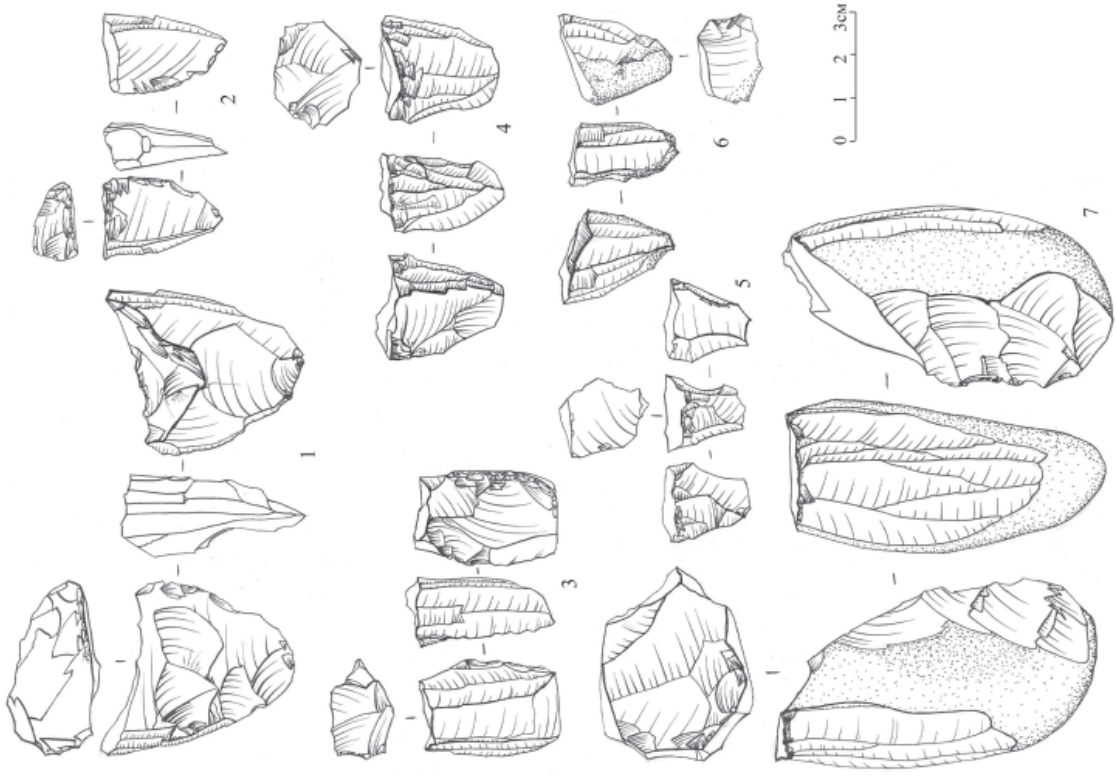


Рис. 48. Мукшумская X стоянка. Кремневые орудия: нуклеусы.
Fig. 48. Mukshum X site. Flint tools: nuclei.

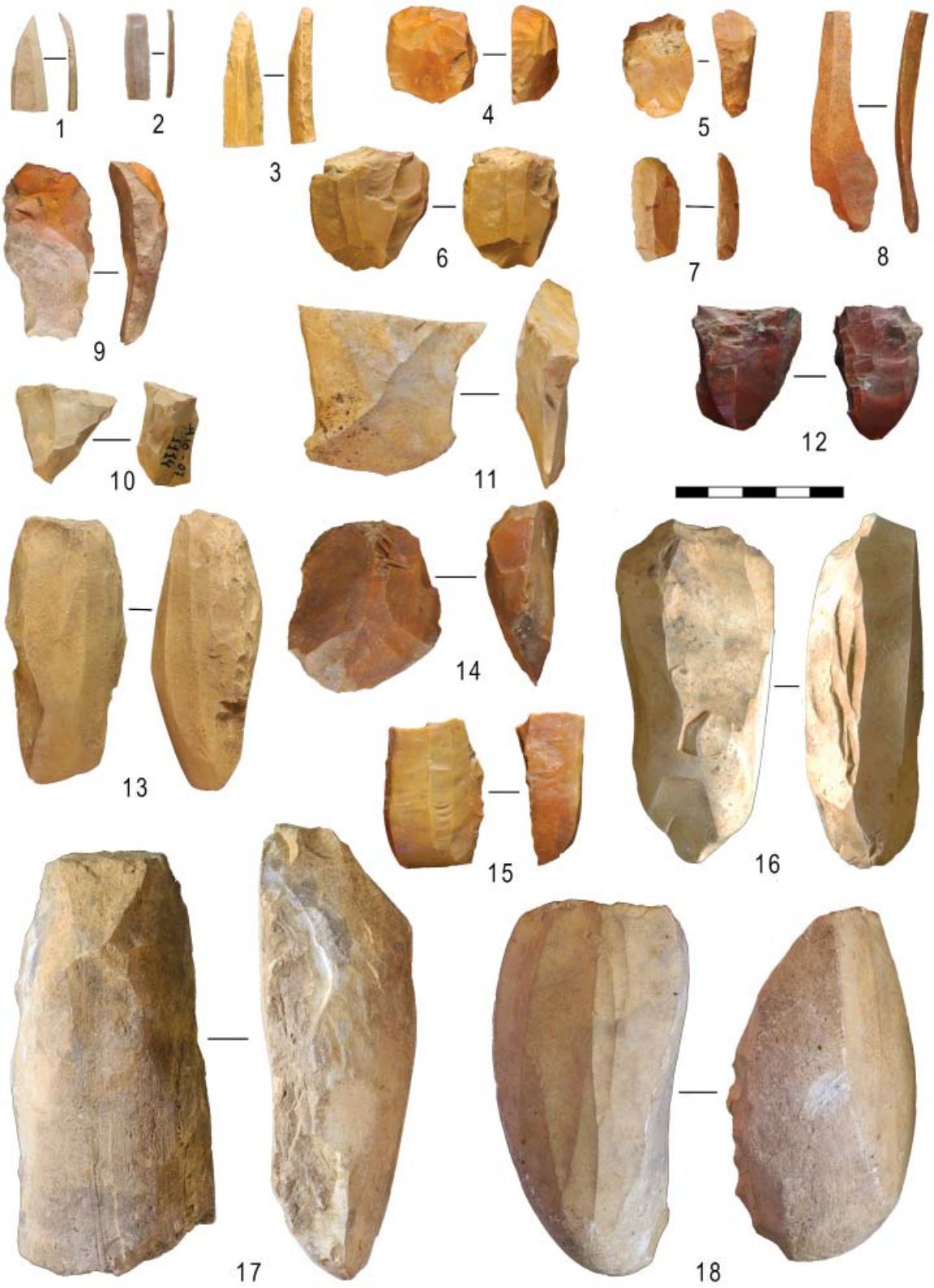


Рис. 49. Мукшумская X стоянка. Фото кремневых орудий: острия, скребки, угловые резцы, тесла, нуклеусы.
Fig. 49. Mukshum X site. Photos of flint tools: points, scrapers, angle burins, adzes, nuclei.

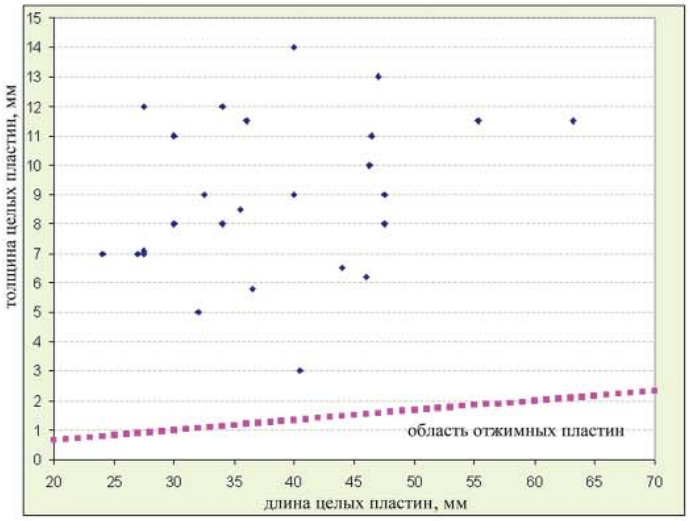


График распределения пластин разной длины относительно их толщины.

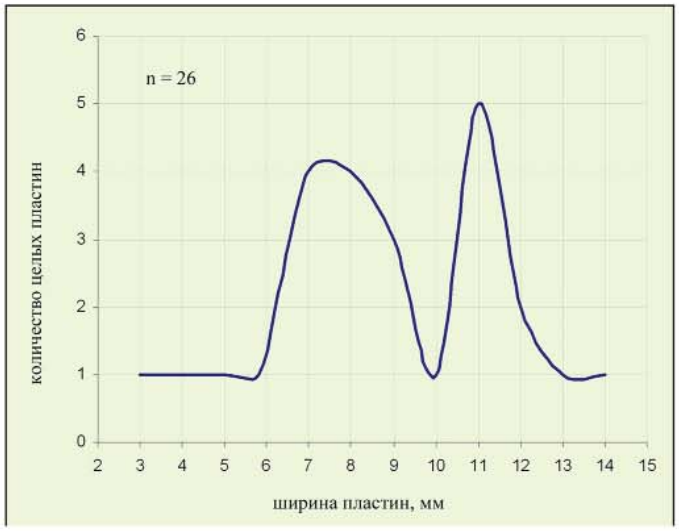


График распределения целых пластин по ширине.

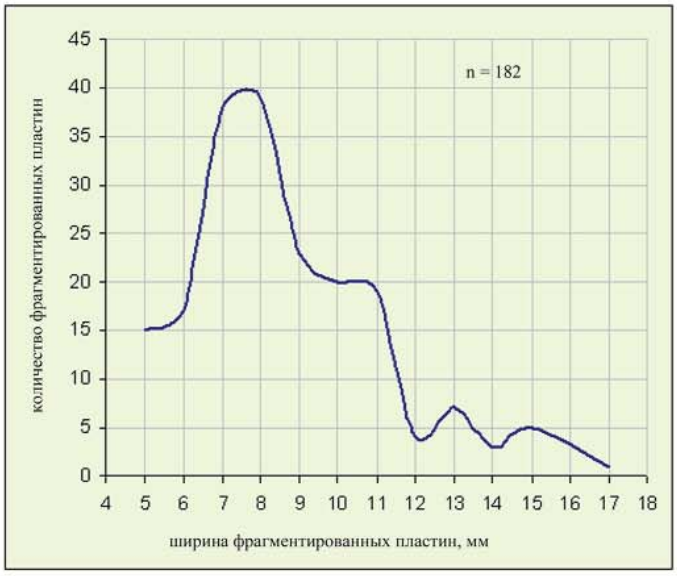


График распределения фрагментированных пластин по ширине.

Рис. 50. Мукшумская X стоянка. Графики распределения исследованных целых и фрагментированных пластин по длине, толщине и ширине.

Fig. 50. Mukshum X site. Distribution graphs of the studied intact and fragmented blades by length, thickness and width.

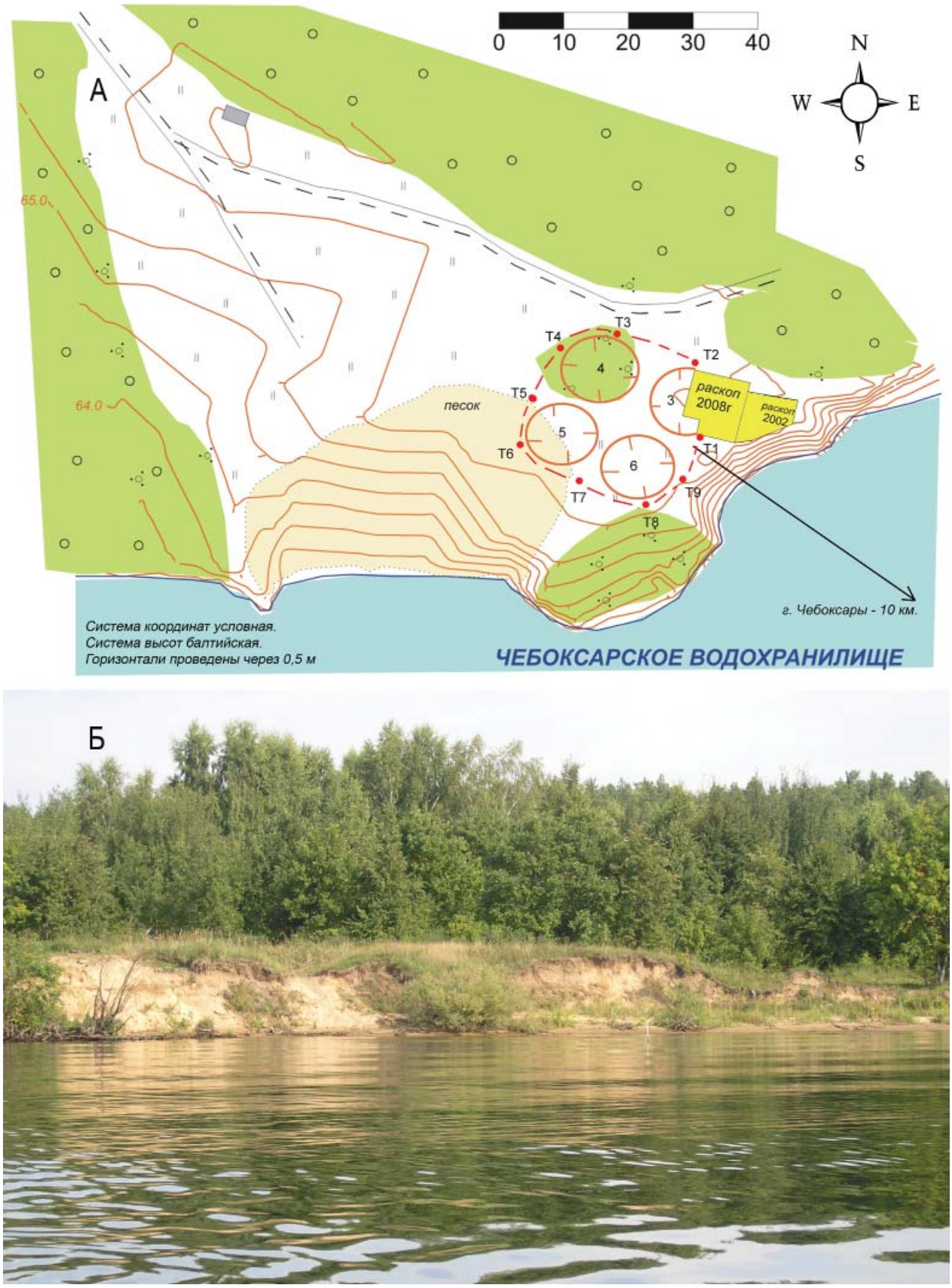


Рис. 51. Мукшумская XIV стоянка: А – топоплан расположения стоянки (съемка 2011 г., экспедиция совместно с ИА РАН); Б – фото общего вида на памятник с юго-востока.

Fig. 51. Mukshum XIV site: A – topographic layout of the site (survey of 2011, joint expedition with the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences); Б – general view photo of the site from the south-east.

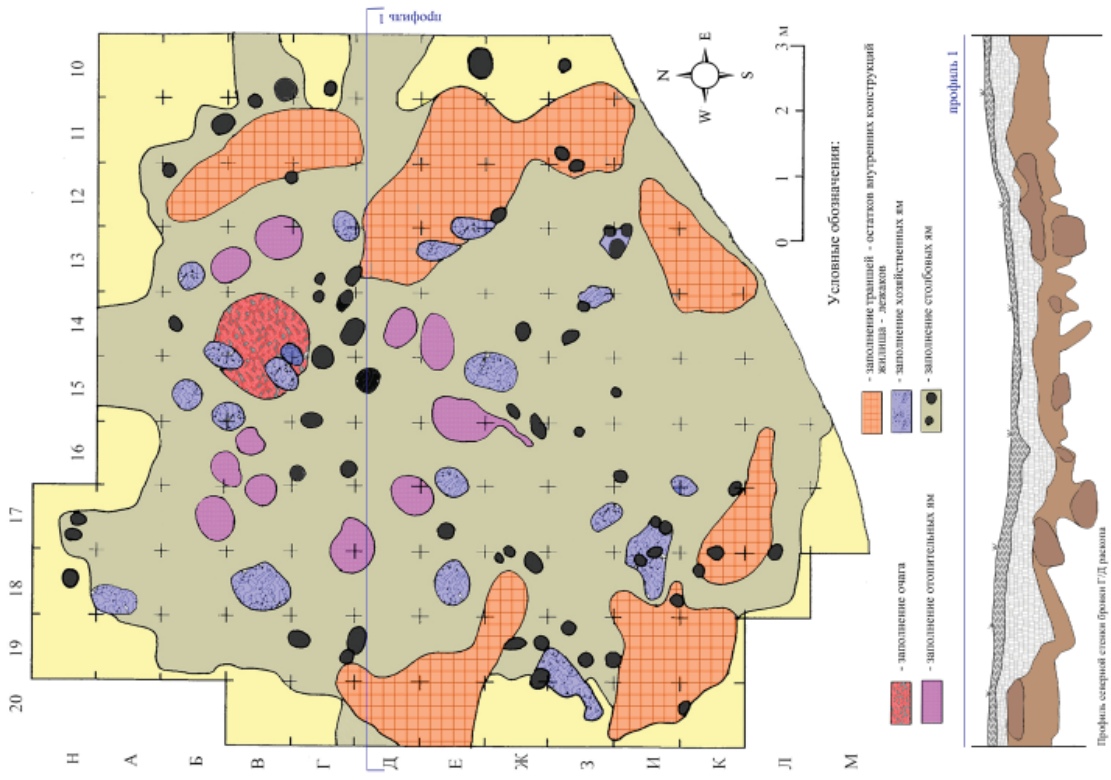


Рис. 52. Мукшумская XIV стоянка. План жилища с ямами в материке и профиль.
Fig. 52. Mukshum XIV site. Layout of a dwelling with pits in bedrock, and profile.

Рис. 53. Мукшумская XIV стоянка. Аэрофотосъемка жилища с выбранными ямами по материку.
Fig. 53. Mukshum XIV site. Aerial photo of a dwelling with excavated pits along the bedrock.

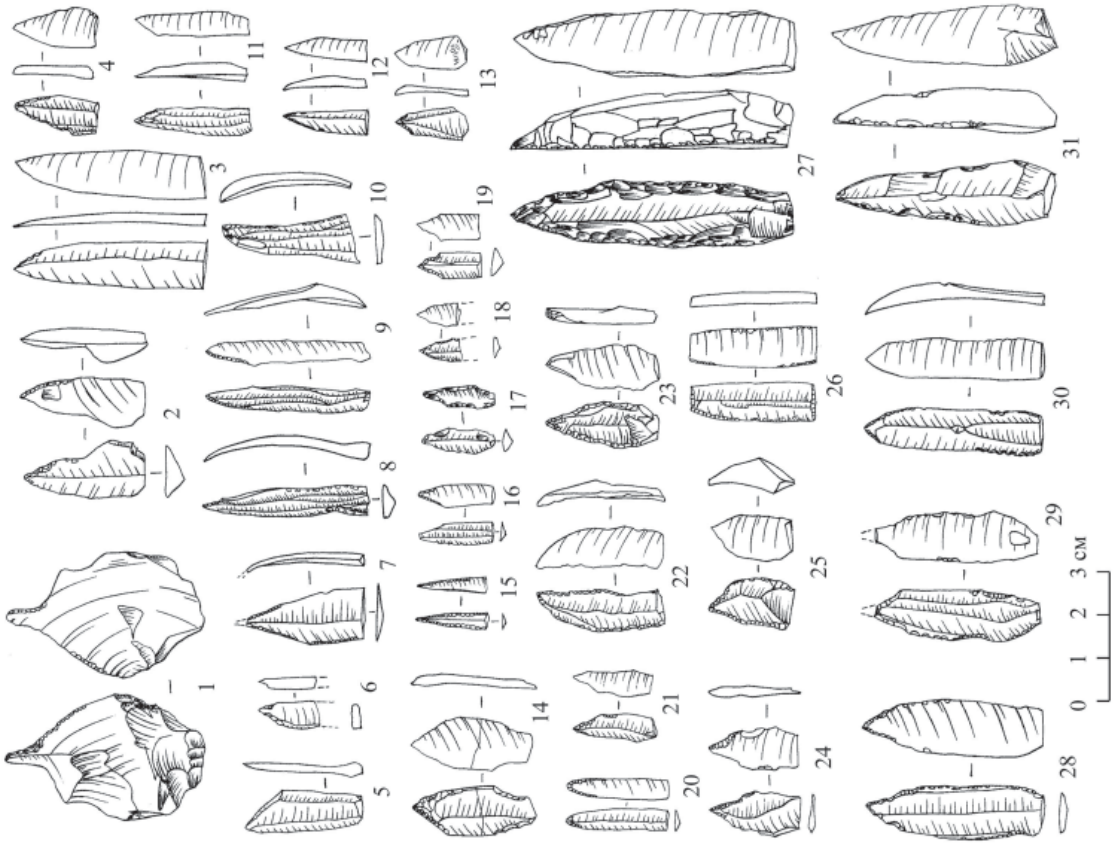


Рис. 54. Мукшумская XIV стоянка. Кремневые орудия: острия.
Fig. 54. Mukshum XIV site. Flint tools: points.

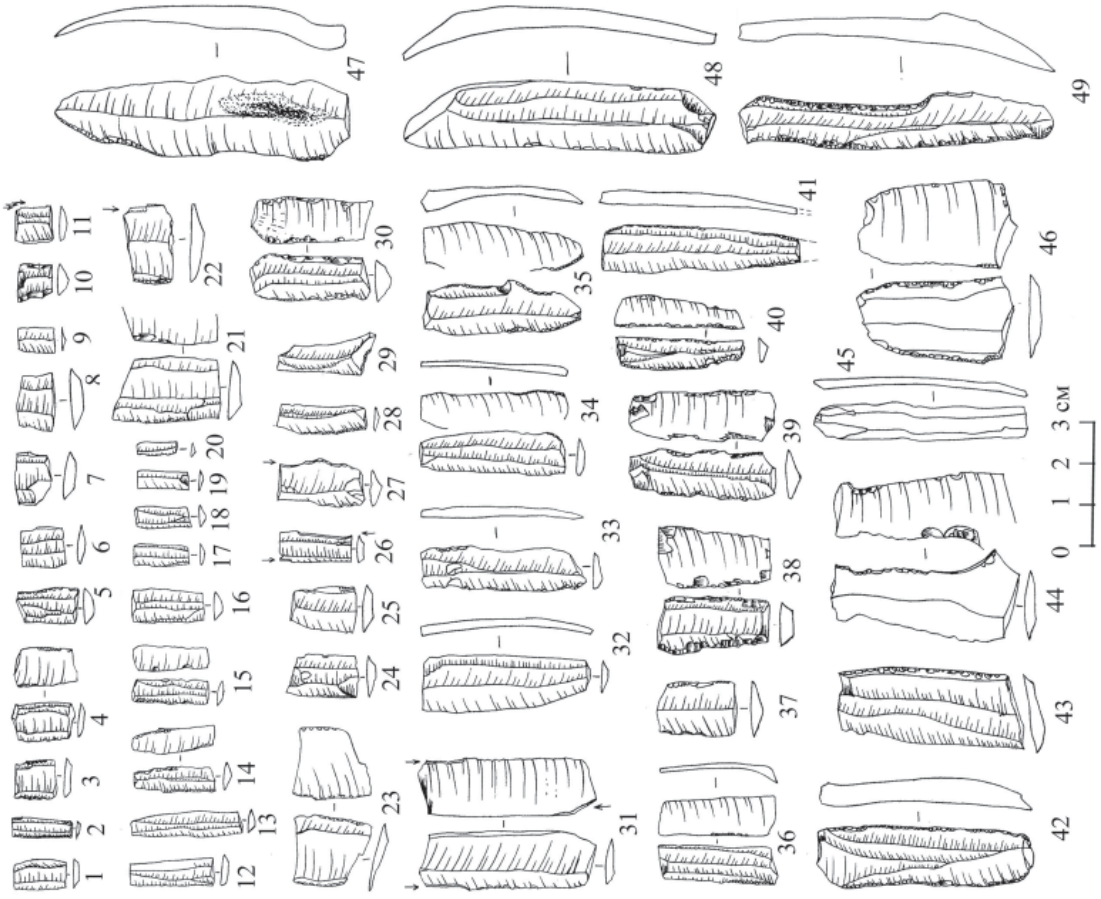


Рис. 55. Мукшумская XIV стоянка. Кремневые орудия: вкладыши на пластинах, ножи, скобели.
Fig. 55. Mukshum XIV site. Flint tools: blade inserts, knives, scrapers.

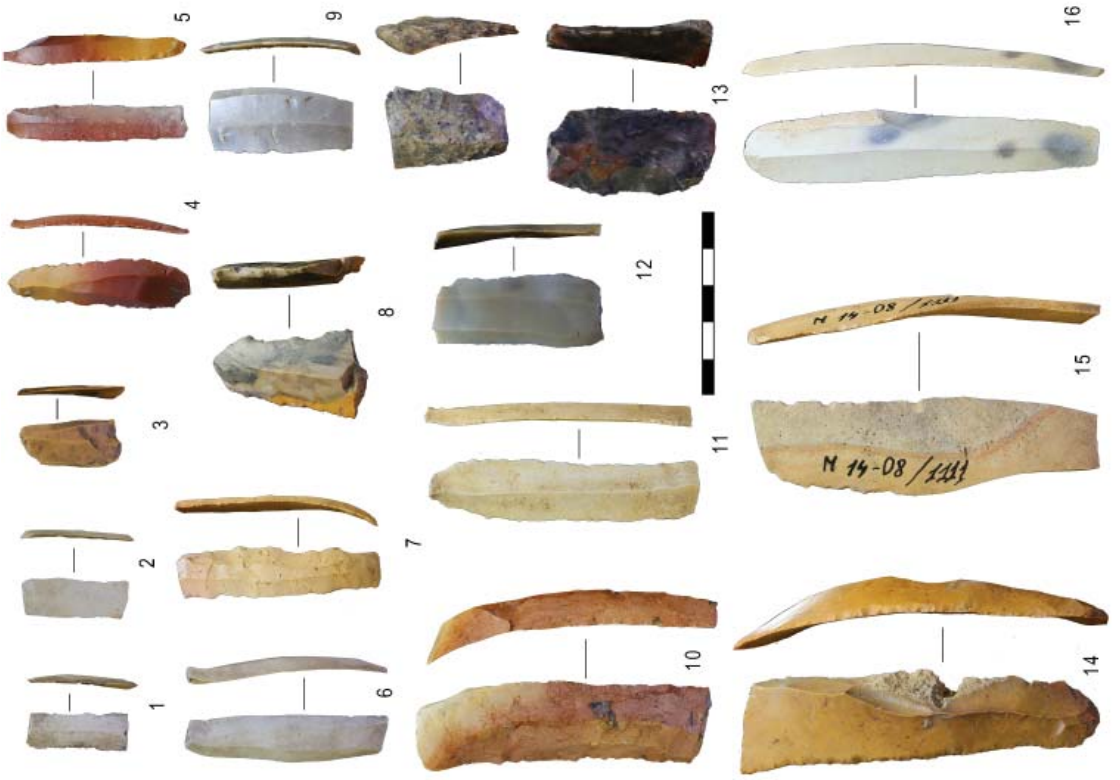


Рис. 56. Мукшумская XIV стоянка. Фото кремневых орудий: вкладыши на пластинах, ножи, скобели.

Fig. 56. Mukshum XIV site. Photos of flint tools: blade inserts, knives, scrapers.

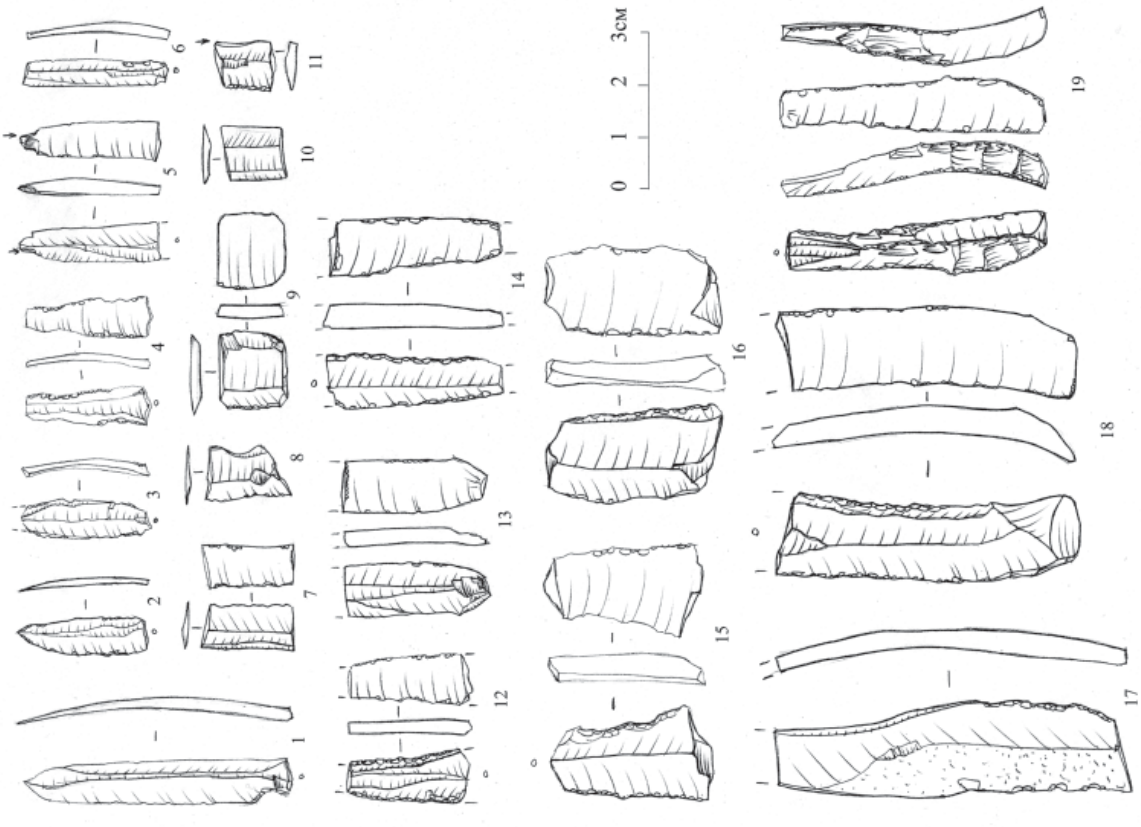


Рис. 57. Мукшумская XIV стоянка. Кремневые орудия: острия, вкладыши на пластинах, скобели, ножи, скребки.

Fig. 57. Mukshum XIV site. Flint tools: points, blade inserts, knives, scrapers.

Рис. 59. Мукшумская XIV стоянка. Кремневые орудия: скребки, скобели.
Fig. 59. Mukshum XIV site. Flint tools: scrapers.

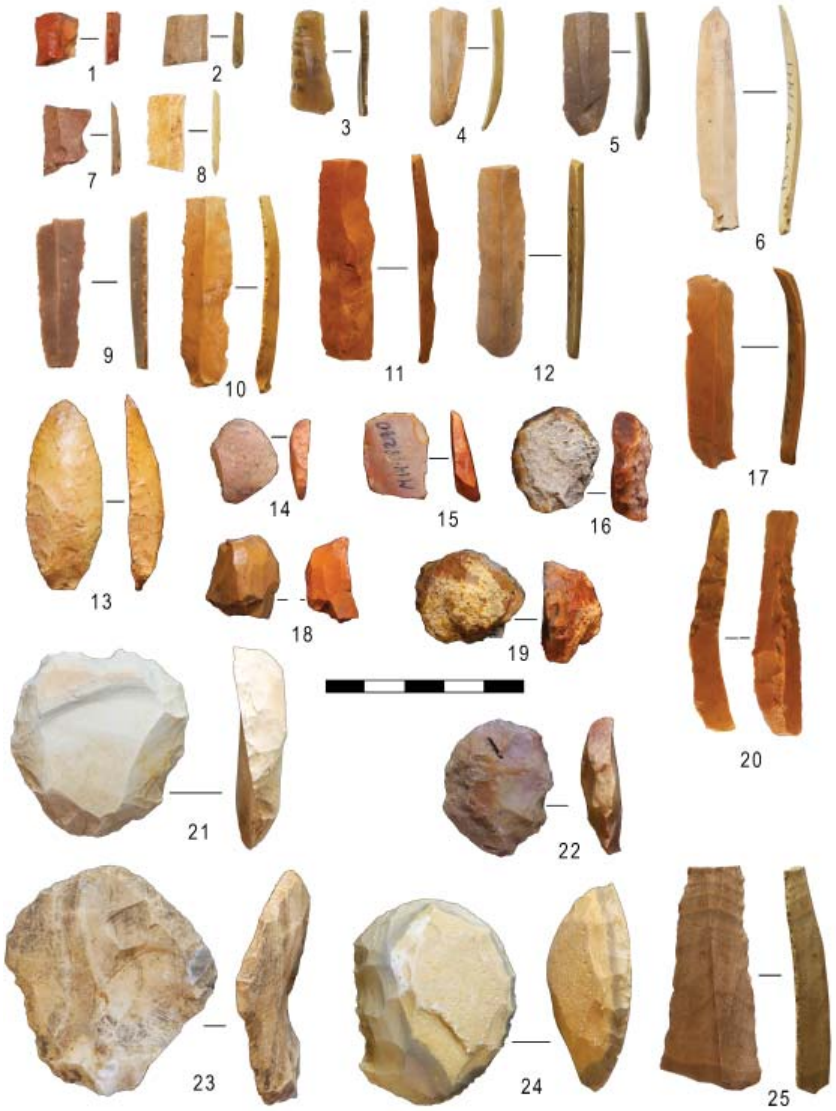


Рис. 58. Мукшумская XIV стоянка. Фото кремневых орудий: вкладыши на пластинах, скребки.
Fig. 58. Mukshum XIV site. Photos of flint tools: blade inserts, scrapers.

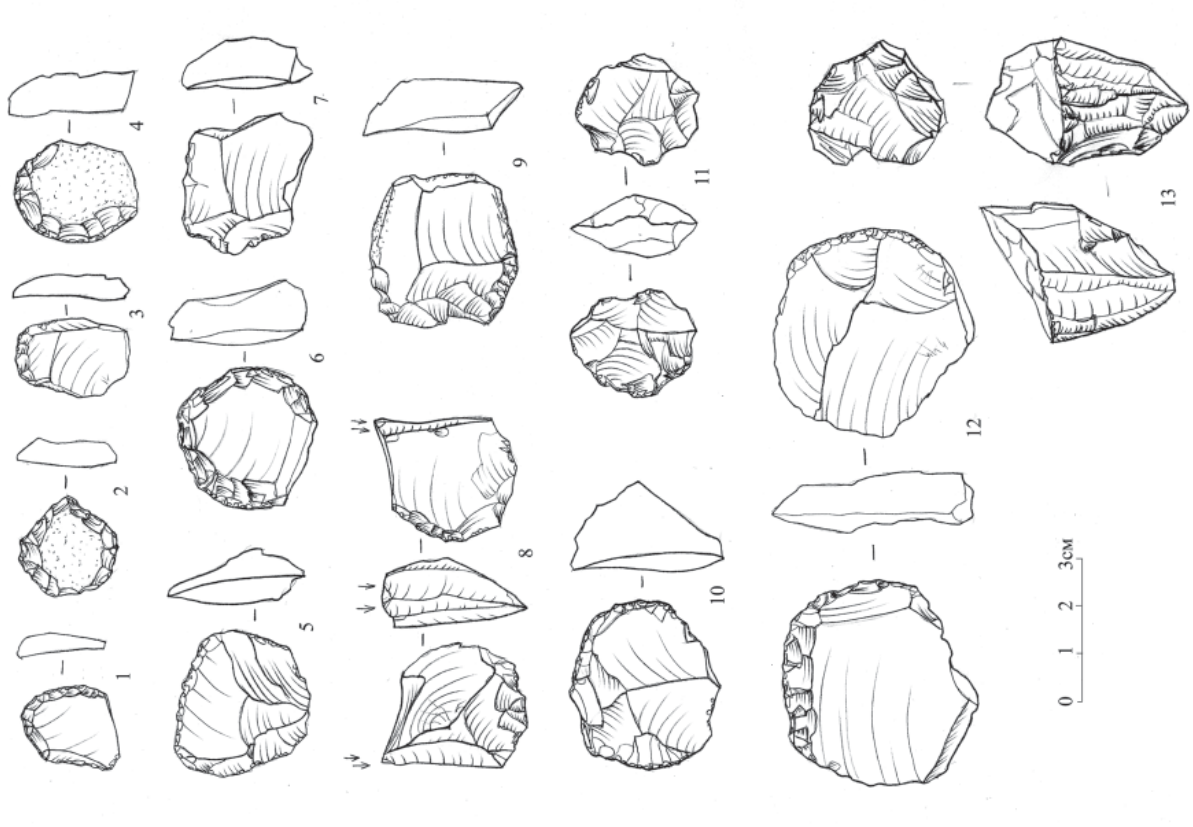


Рис. 60. Мукшумская XIV стоянка. Кремневые орудия: скребки, нуклеус.
Fig. 60. Mukshum XIV site. Flint tools: scrapers, nucleus.

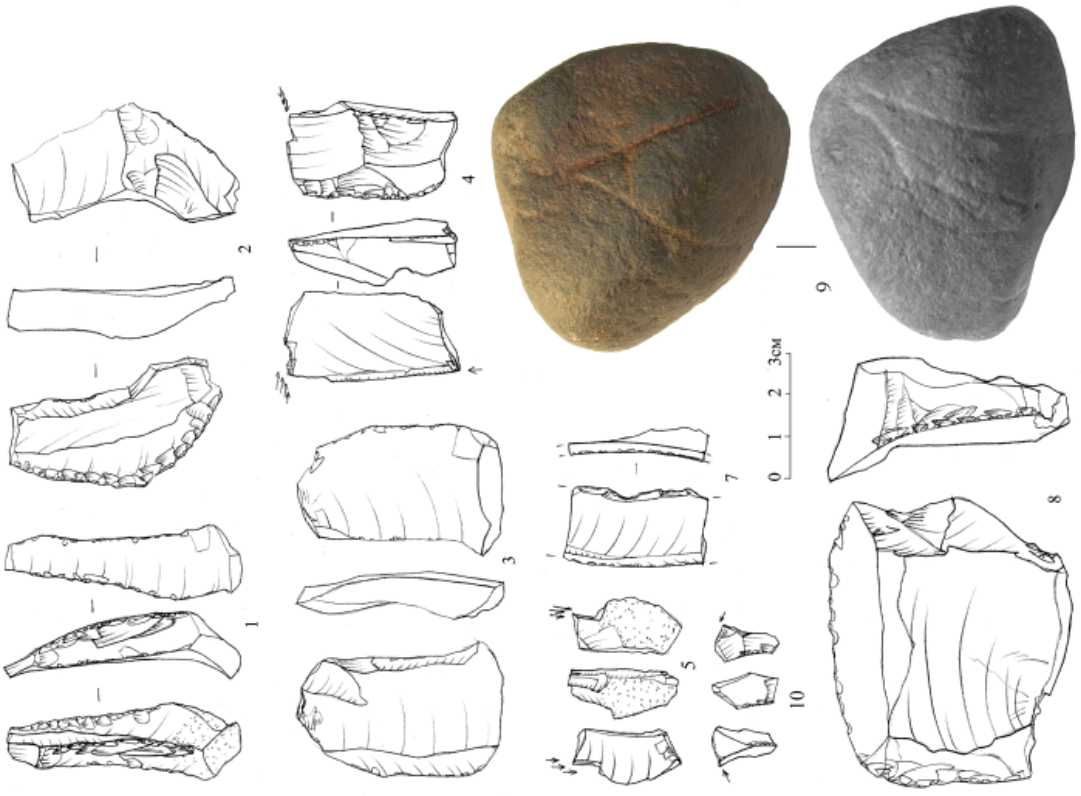


Рис. 61. Мукшумская XIV стоянка. Кремневые орудия: скребки, скобели, угловые резцы.9 – галька из кристаллической породы с гравировкой.**Fig. 61.** Mukshum XIV site. Flint tools: scrapers, angle burins. 9 - engraved crystalline rock pebble.

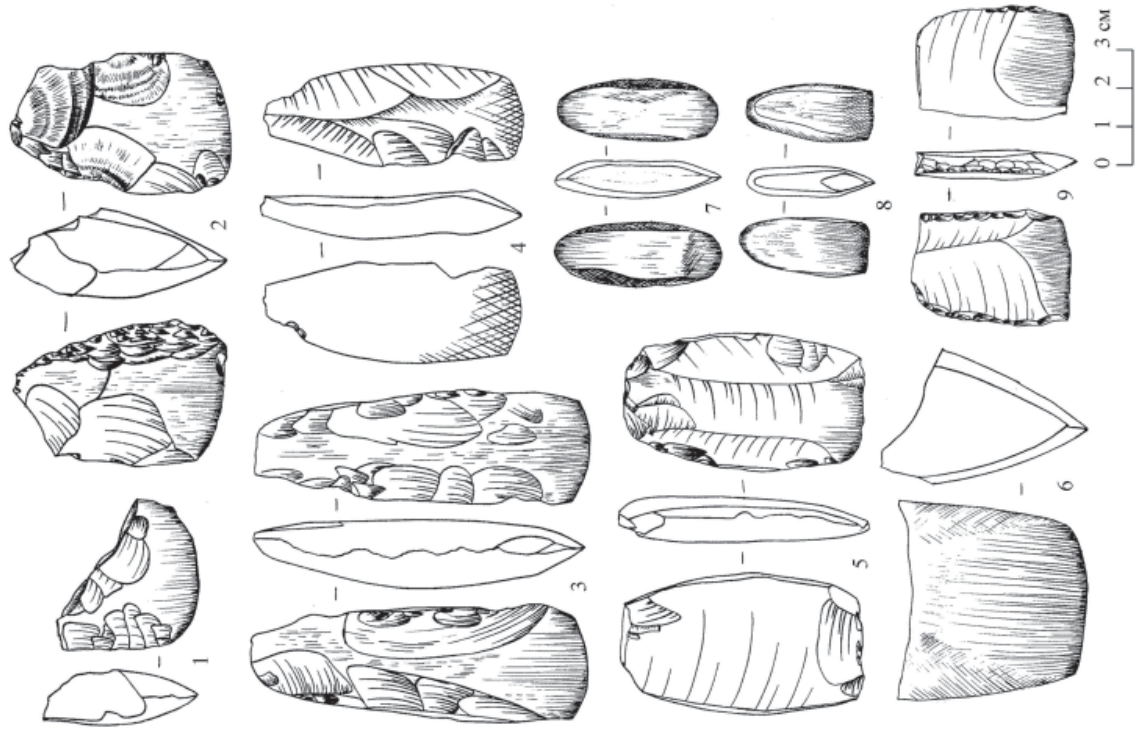


Рис. 62. Мукшумская XIV стоянка. Каменные орудия: тесла и стамески.
Fig. 62. Mukshum XIV site. Stone tools: adzes and chisels.

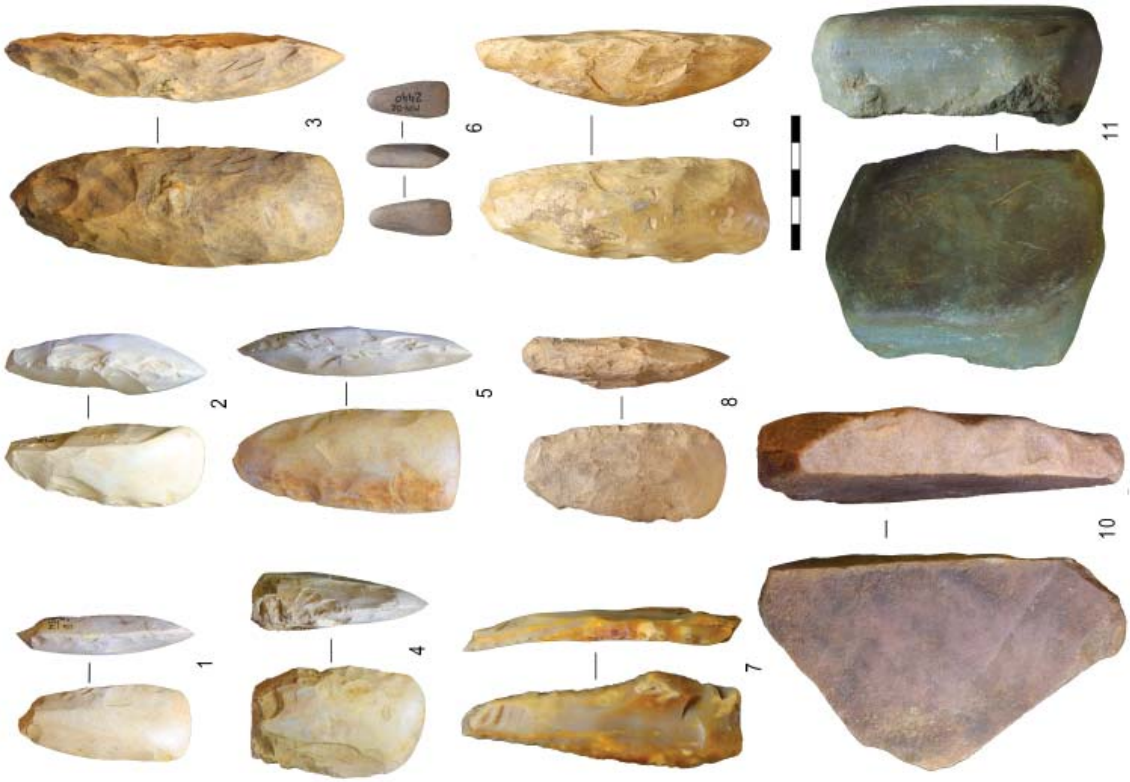


Рис. 63. Мукшумская XIV стоянка. Фото каменных орудий: тесла, стамески, шлифовальные плитки.
Fig. 63. Mukshum XIV site. Photos of stone tools: adzes, chisels, grinding blades.

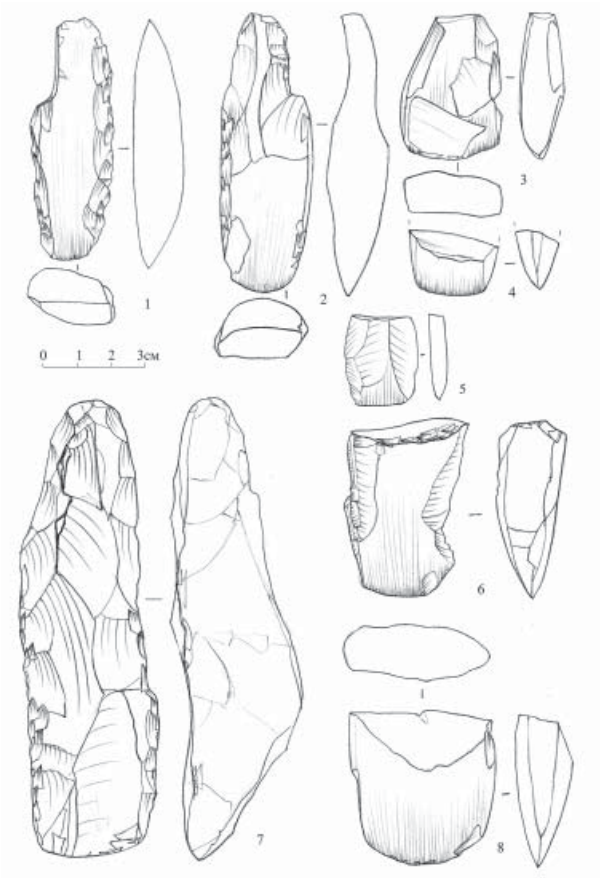


Рис. 64. Мукшумская XIV стоянка. Каменные орудия: тесла и стамески.
Fig. 64. Mukshum XIV site. Stone tools: adzes and chisels.

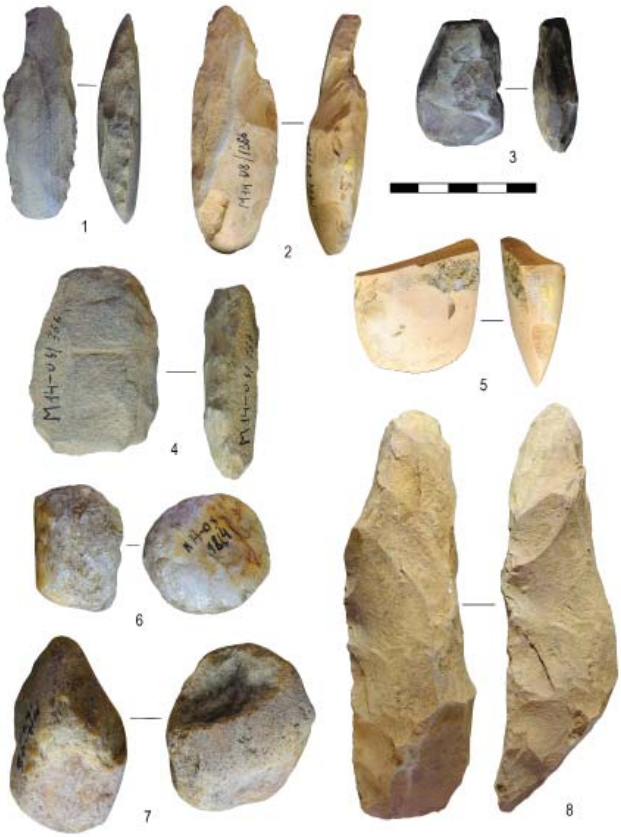


Рис. 65. Мукшумская XIV стоянка. Фото каменных орудий: тесла, стамески, отбойники.
Fig. 65. Mukshum XIV site. Photos of stone tools: adzes, chisels, chippers.

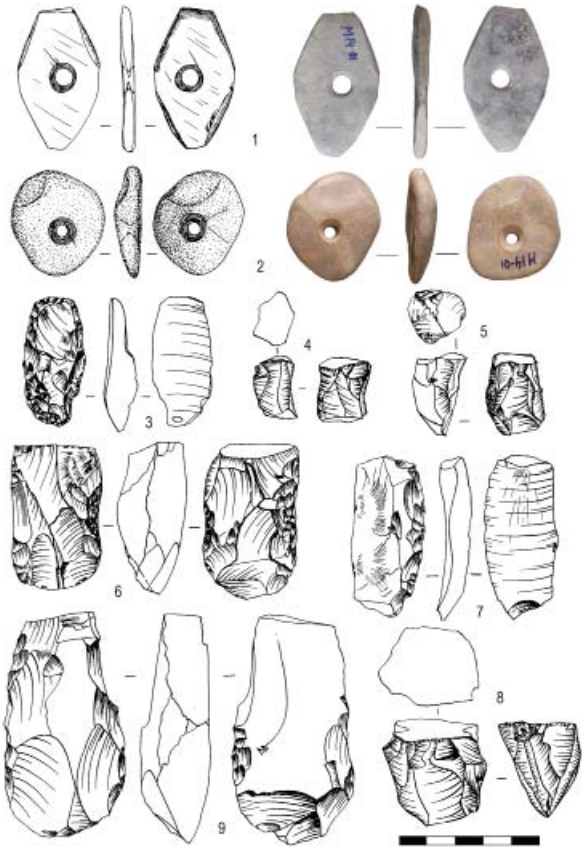


Рис. 66. Мукшумская XIV стоянка. Каменные изделия и орудия: 1 – алеврит, 2 – кварцитовая галька, 3-8 – кремень; амулеты, скребки, нуклеусы, заготовки.
Fig. 66. Mukshum XIV site. Stone items and tools: 1 – silt-stone, 2 – quartzite pebbles, 3-8 – flint; amulets, scrapers, nuclei, blanks.

Рис. 67. Мукшумская XVIII стоянка. А – топоплан расположения стоянки (съемка 2011 г., экспедиция совместно с ИА РАН); Б – фото общего вида на памятник с юга.

Fig. 67. Mukshum XVIII site. A – topographic layout of the site (survey of 2011, joint expedition with the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences); B – general view photo of the site from the south.

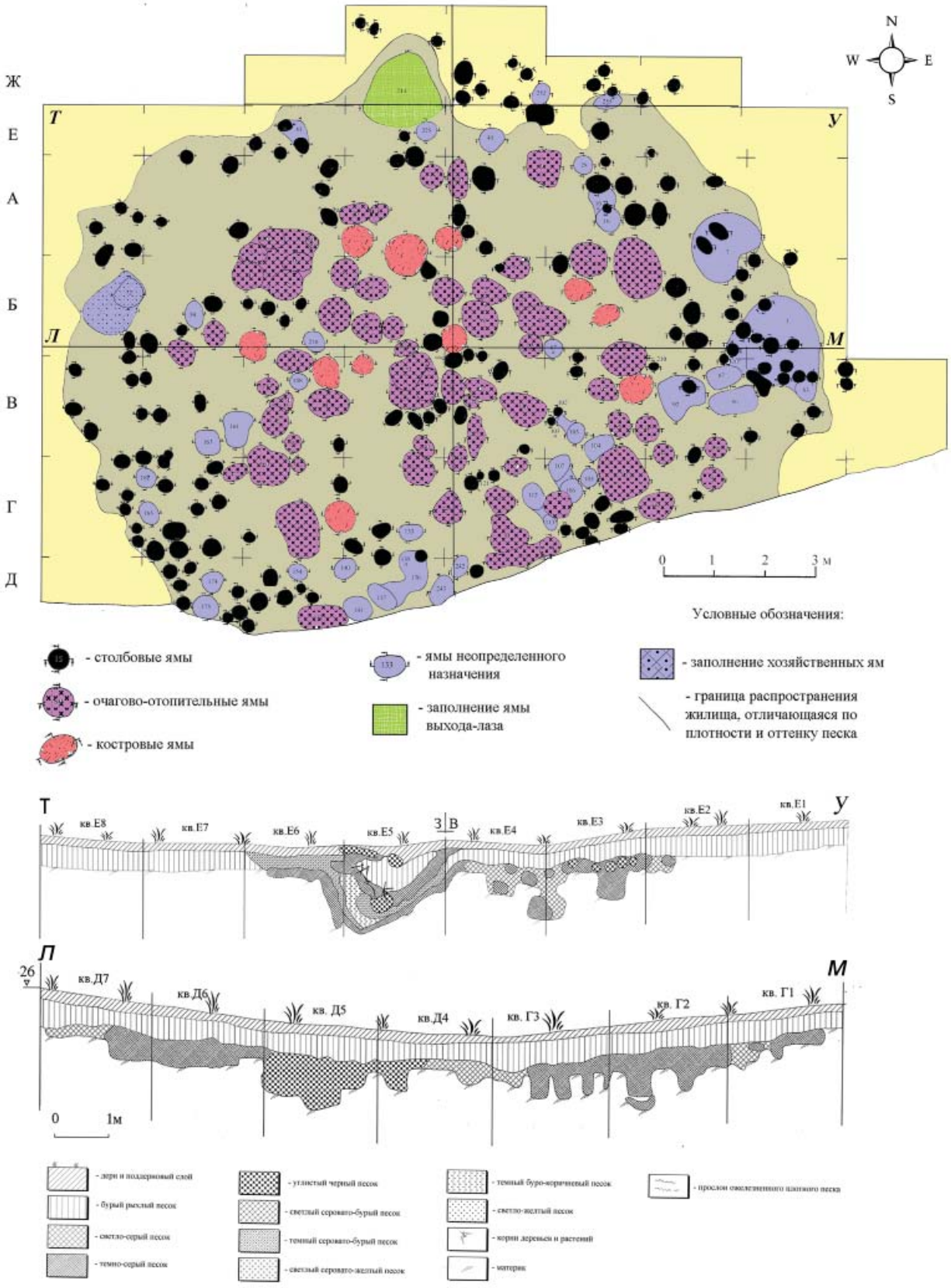


Рис. 68. Мукшумская XVIII стоянка. План жилища с ямами в материке и профилями по линиям Т–У, Л–М.
Fig. 68. Mukshum XVIII site. Layout of a dwelling with pits in bedrock, and profiles along the Т–У and Л–М lines.

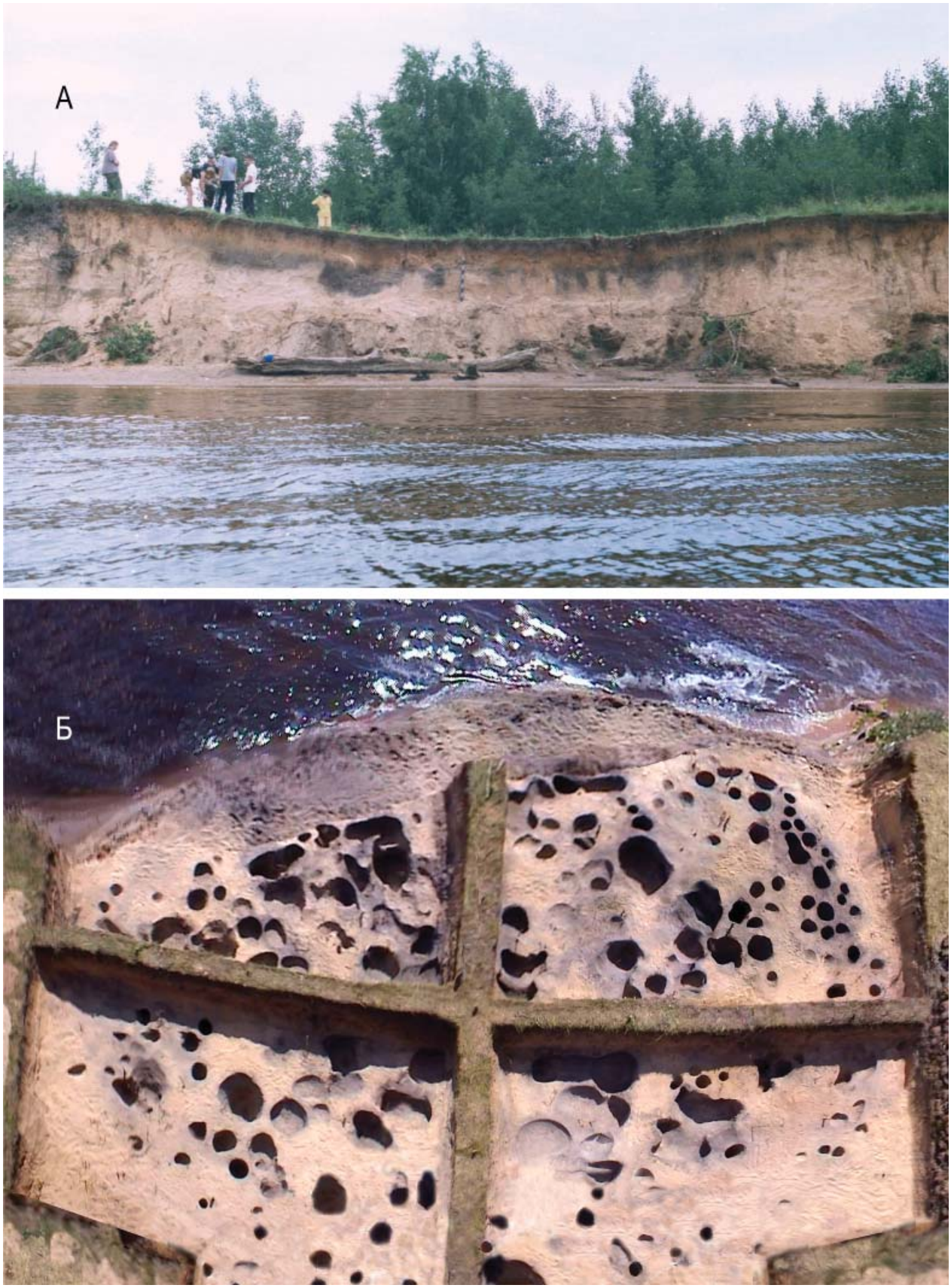


Рис. 69. Мукшумская XVIII стоянка.
А – фото профиля по линии обрыва, Б – аэрофотосъемка жилища с выбранными ямами по материку.
Fig. 69. Mukshum XVIII site.
А – photo of a profile along the cliff line, Б – aerial photo of a dwelling with excavated pits along the bedrock.

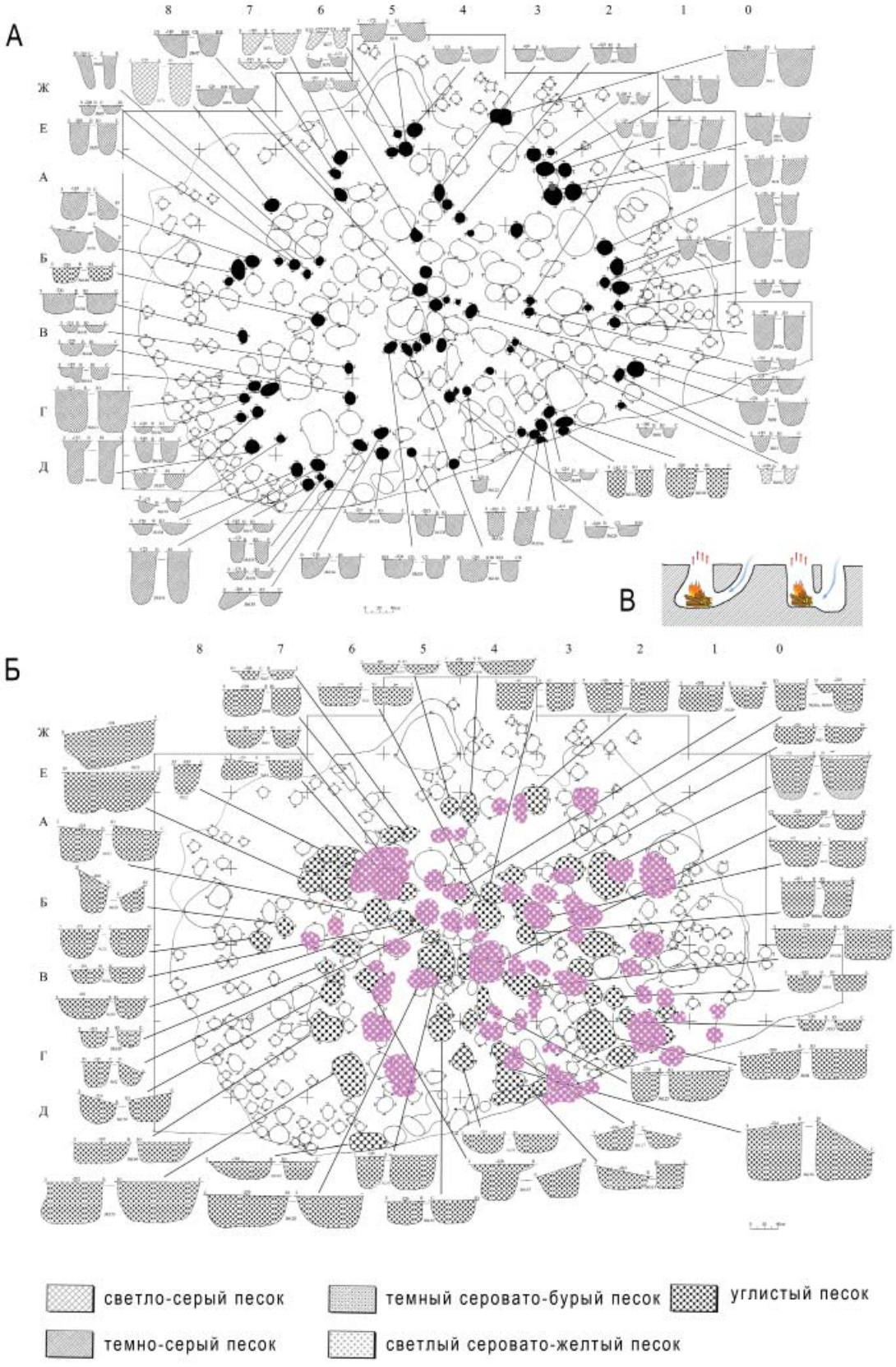


Рис. 70. Мукшумская XVIII стоянка. План жилища с отмеченными ямами ниже уровня пола, в материке: А – столбовыми ямами их профилями; Б – очагово-отопительными ямами и их профилями.
Fig. 70. Mukshum XVIII site. Plan of a dwelling with marked pits below the floor level, in the bedrock: А – pillar pits with profiles; Б – heating pits with profiles.

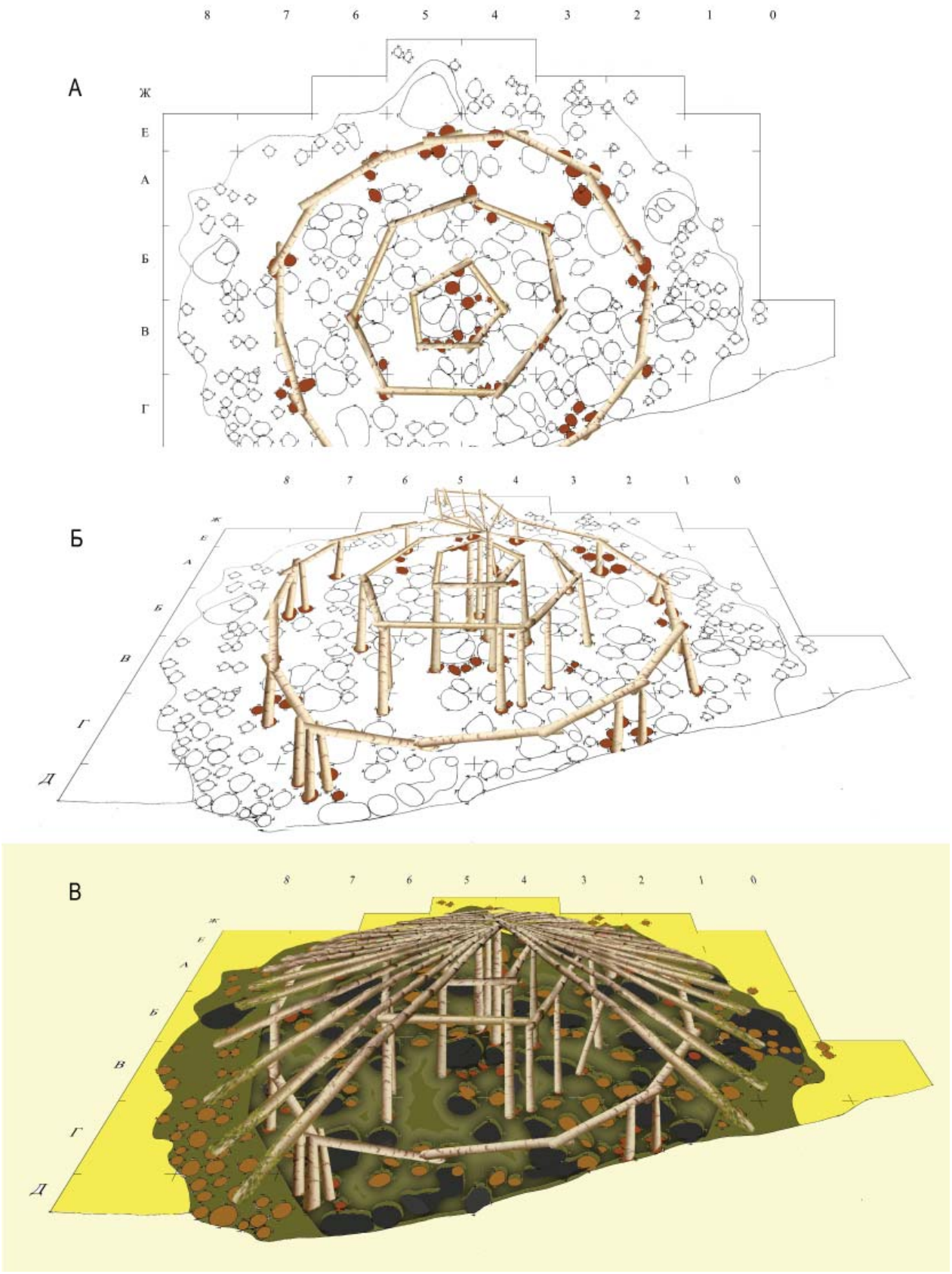


Рис. 71. Мукшумская XVIII стоянка. Возможная реконструкция устройства жилища: А, Б – система вертикальных и горизонтальных опор, В – система наклонных опор шалашевидного перекрытия углубленного в земле жилища.

Fig. 71. Mukshum XVIII site. Possible reconstruction of a dwelling: А, Б – a system of vertical and horizontal supports, В – a system of inclined supports of a hut-shaped frame of a dwelling embedded in the ground.

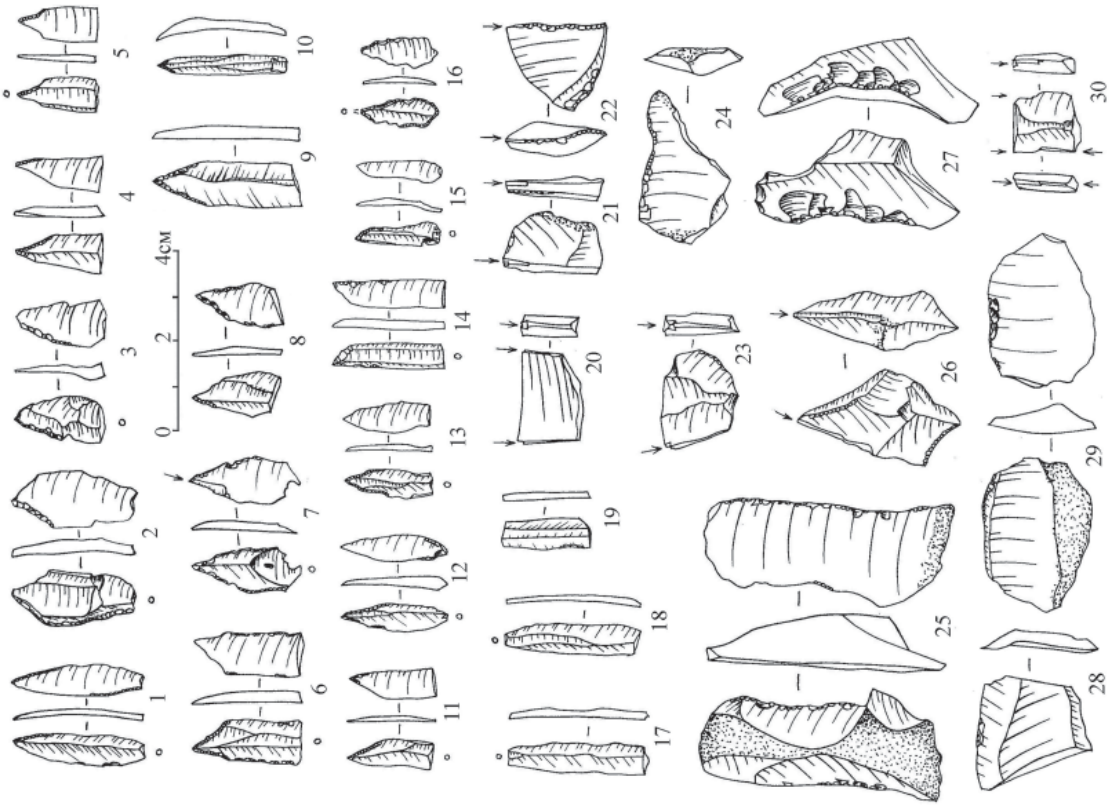


Рис. 72. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: острия, вкладыши на пластинах, угловые резцы, ножи и скобели.

Fig. 72. Mukshum XVIII site. Flint tools: points, blade inserts, angle burins, knives and scrapers.

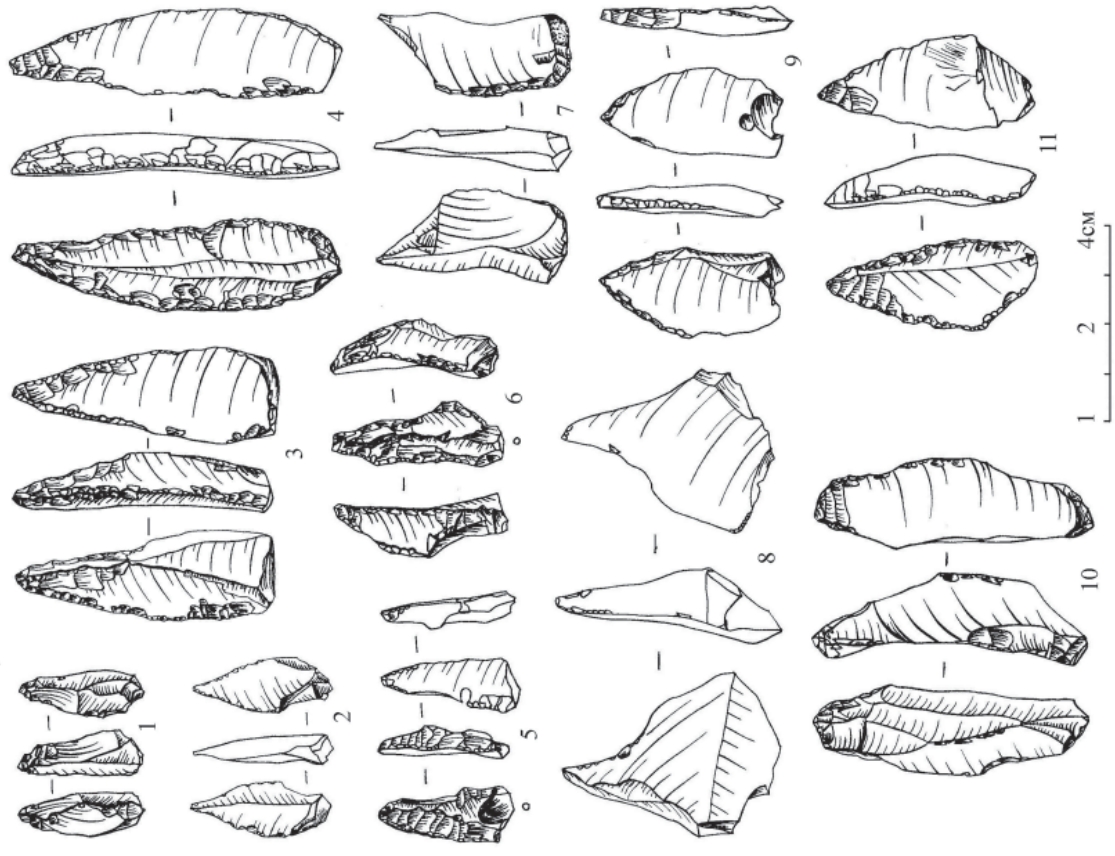


Рис. 73. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: проверки, проколки, дублированные орудия.

Fig. 73. Mukshum XVIII site. Flint tools: perforators, punches, duplicate tools.

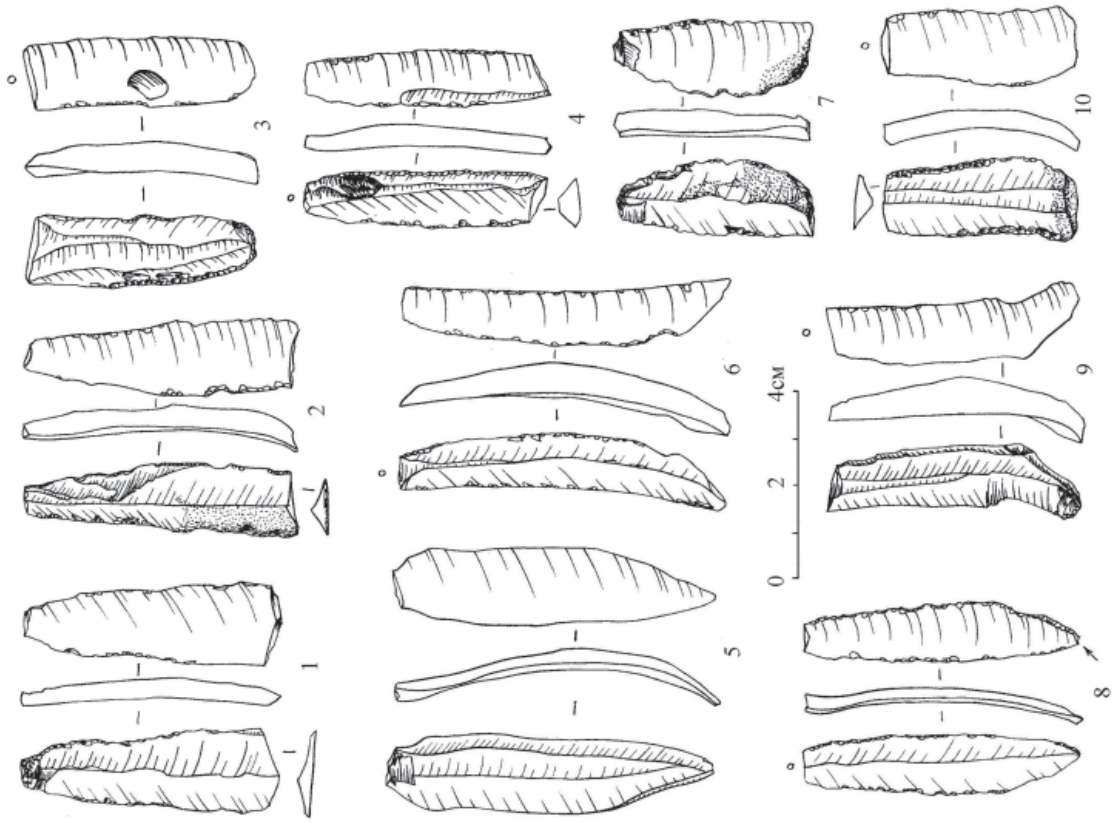


Рис. 74. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: вкладыши на пластинах, ножи.

Fig. 74. Mukshum XVIII site. Flint tools: blade inserts, knives.

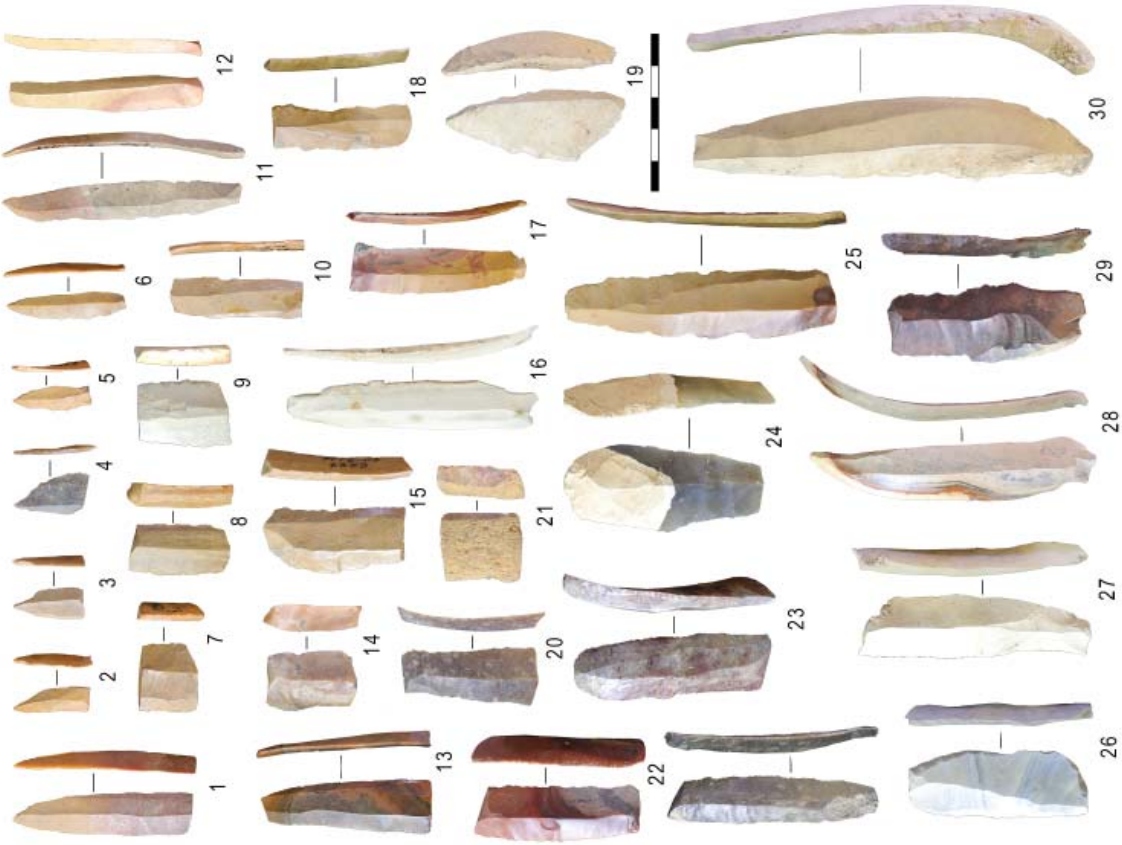


Рис. 75. Мукшумская XVIII стоянка. Фото кремневых орудий: острия, вкладыши на пластинах, ножи, скобели, скребки.

Fig. 75. Mukshum XVIII site. Photos of flint tools: points, blade inserts, knives, scrapers.

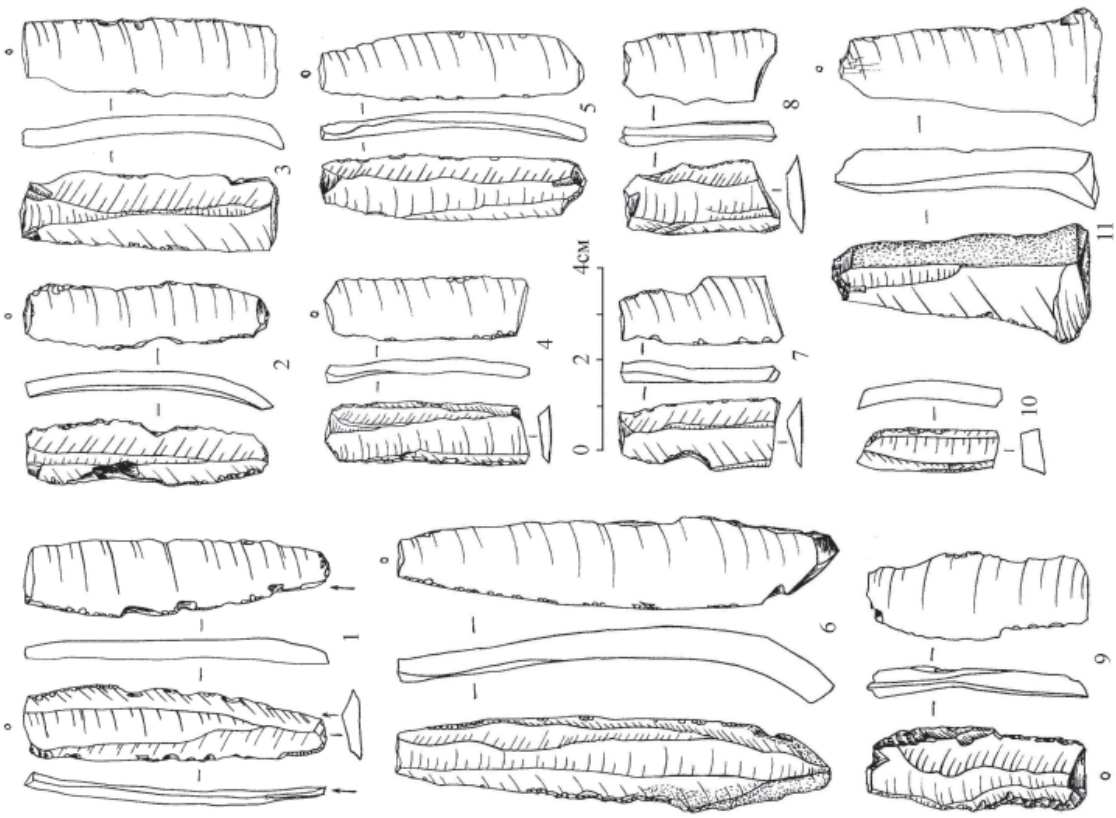


Рис. 76. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: острия, вкладыши на пластинах, угловые резцы, ножи и скобели.
Fig. 76. Mukshum XVIII site. Flint tools: points, blade inserts, angle burins, knives and scrapers.

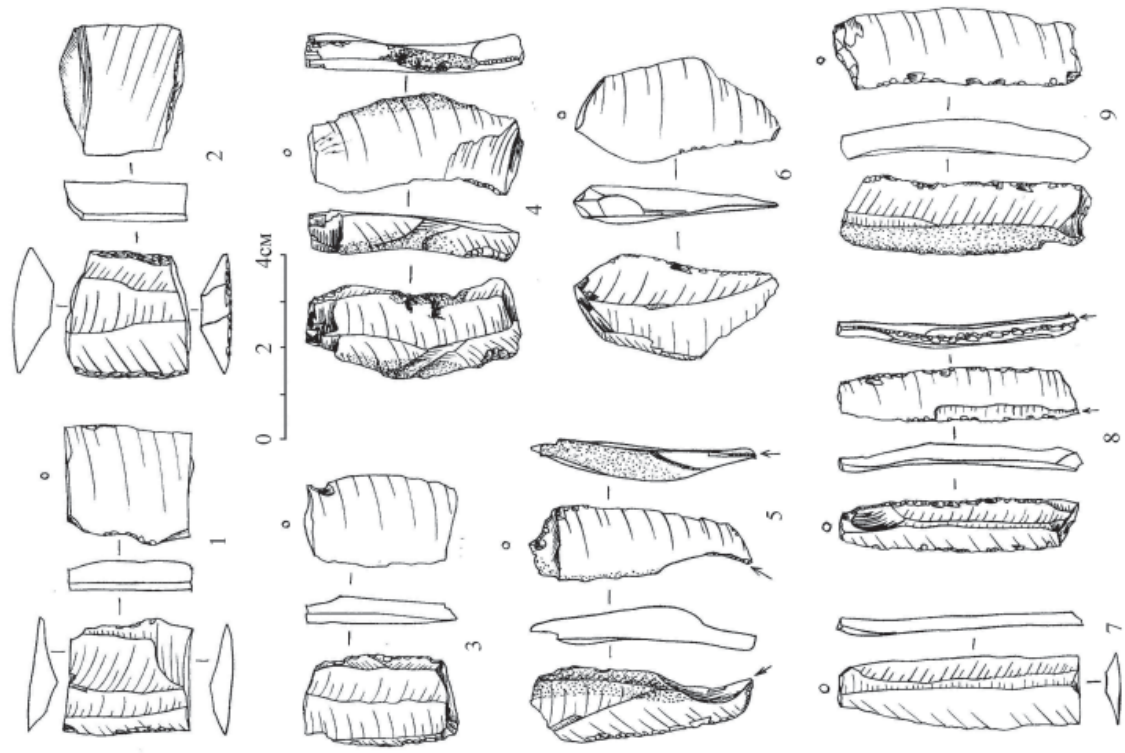


Рис. 77. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: вкладыши на пластинах, угловые резцы, ножи и скобели.
Fig. 77. Mukshum XVIII site. Flint tools: blade inserts, angle burins, knives and scrapers.

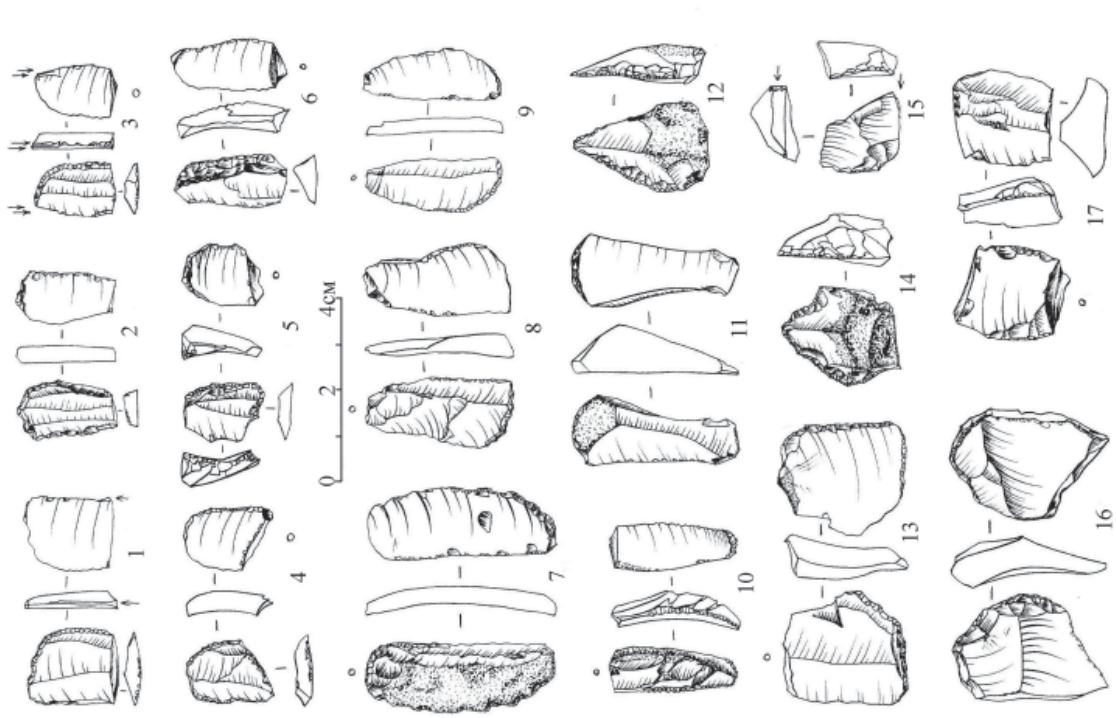


Рис. 78. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: скребки, ножи, резцы угловые, дублированные орудия.
Fig. 78. Mukshum XVIII site. Flint tools: scrapers, knives, angle burins, duplicated tools.

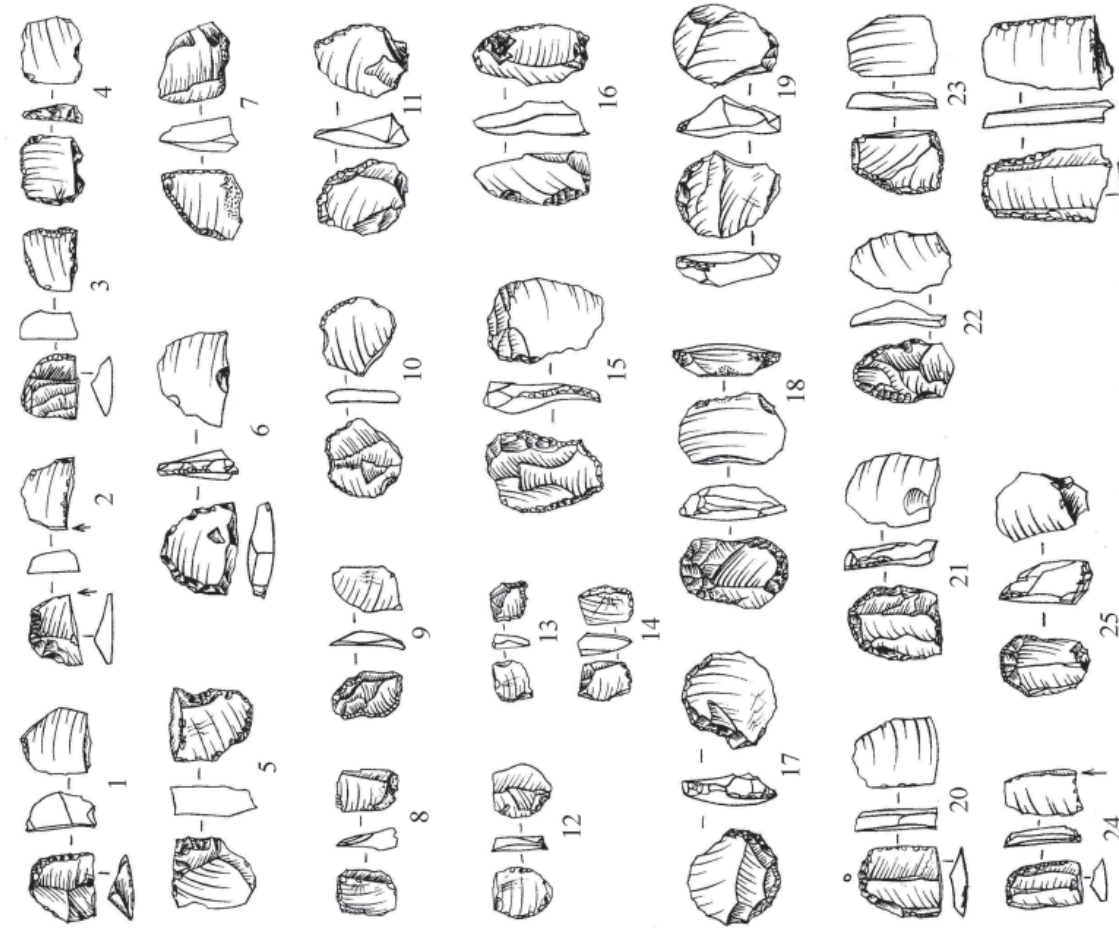


Рис. 79. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: скребки.
Fig. 79. Mukshum XVIII site. Flint tools: scrapers.

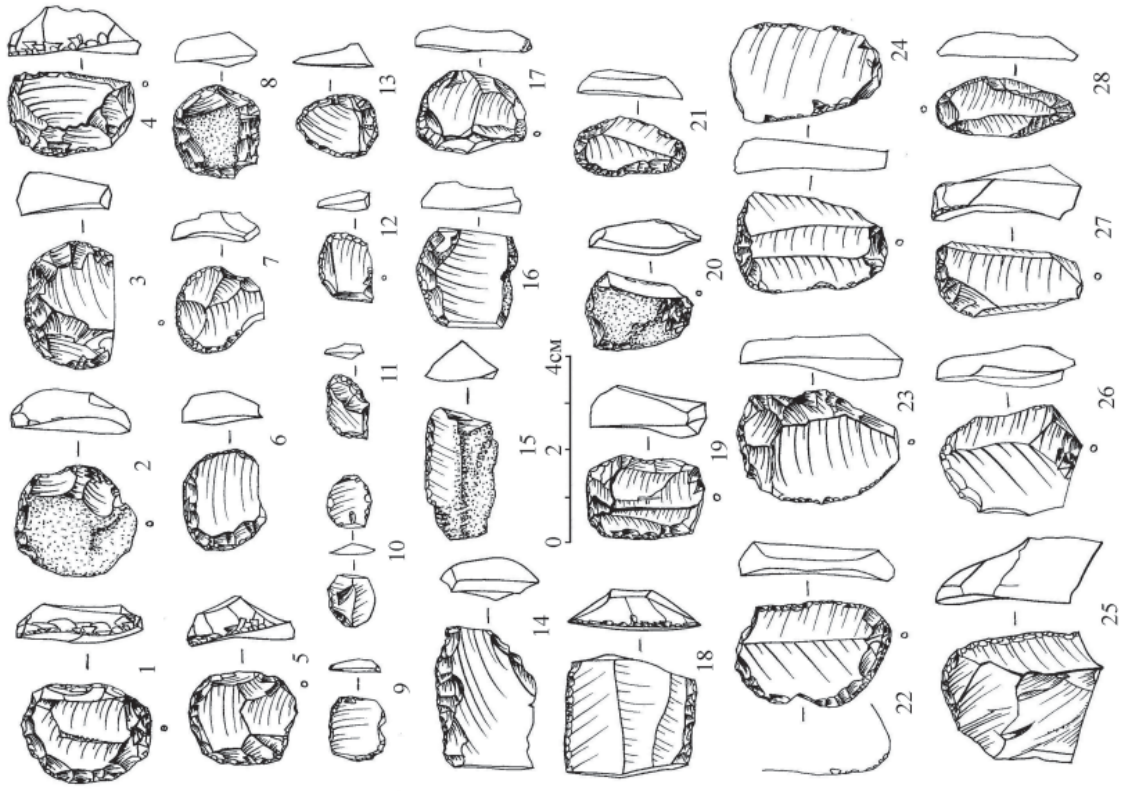


Рис. 80. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: скребки.
Fig. 80. Mukshum XVIII site. Flint tools: scrapers.

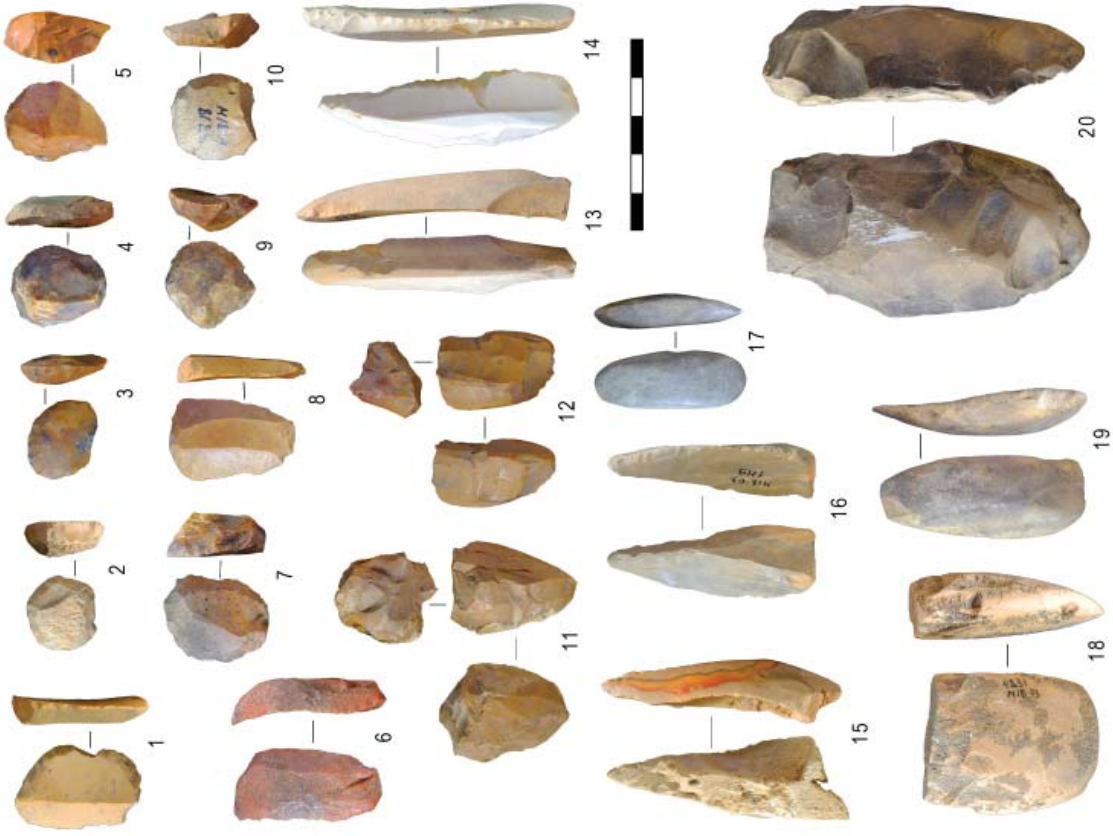


Рис. 81. Мукшумская XVIII стоянка. Фото кремневых орудий: скребки, нуклеусы, проверткы, стамески, тесла.
Fig. 81. Mukshum XVIII site. Photos of flint tools: scrapers, nuclei, perforators, chisels, adzes.

Рис. 82. Мукшумская XVIII стоянка. Каменные орудия: тесла, стамески.
Fig. 82. Mukshum XVIII site. Stone tools: adzes, chisels.

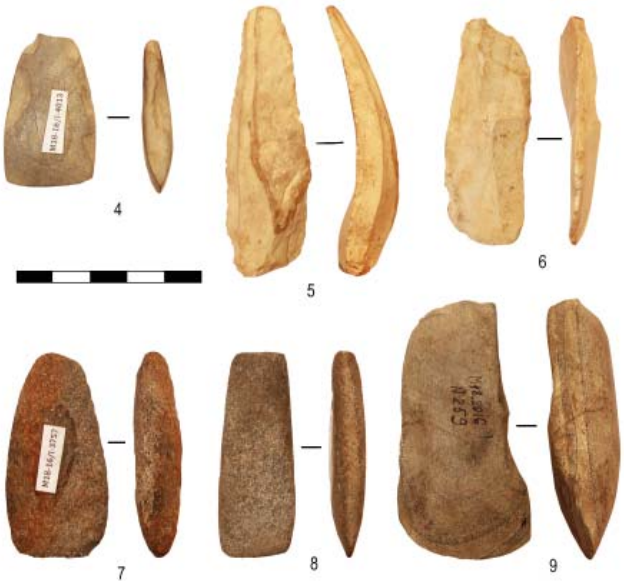
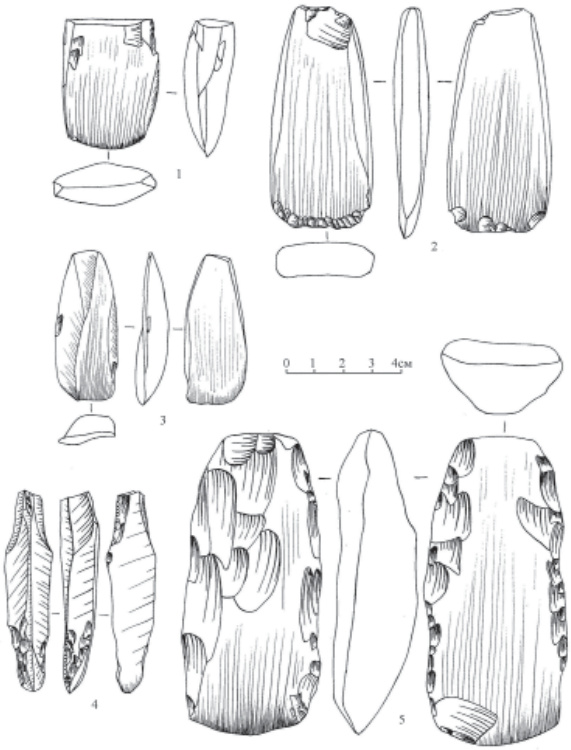


Рис. 83. Мукшумская XVIII стоянка. Каменные орудия: тесла, стамески.
Fig. 83. Mukshum XVIII site. Stone tools: adzes, chisels.



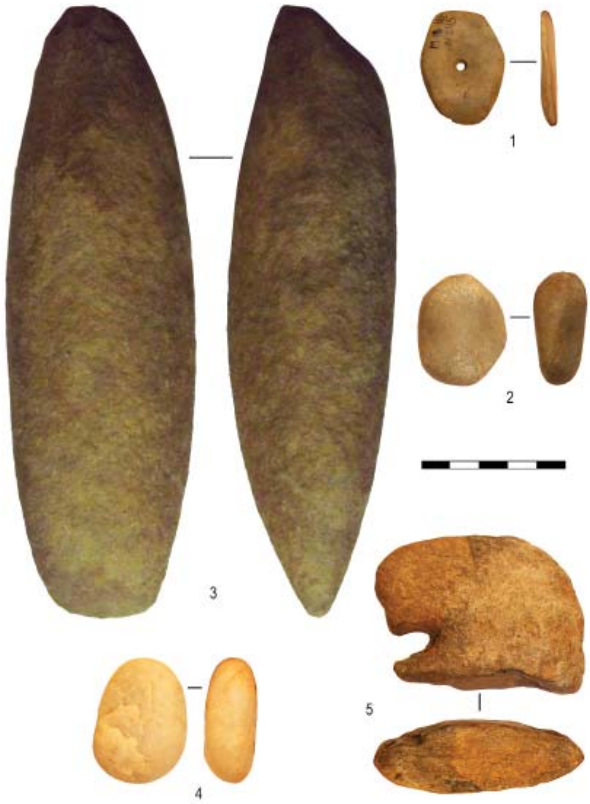


Рис. 84. Мукшумская XVIII стоянка. Каменные орудия: 1 – амулет с сверлиной из алевролита, 2, 4 – кварцитовый отбойник, 3 – пешня, 5 – фрагмент изделия из кварцита.
Fig. 84. Mukshum XVIII site. Stone tools: 1 – siltstone amulet with a drilled hole, 2, 4 – a quartzite chipper, 3 – icepick, 5 – fragment of a quartzite item.

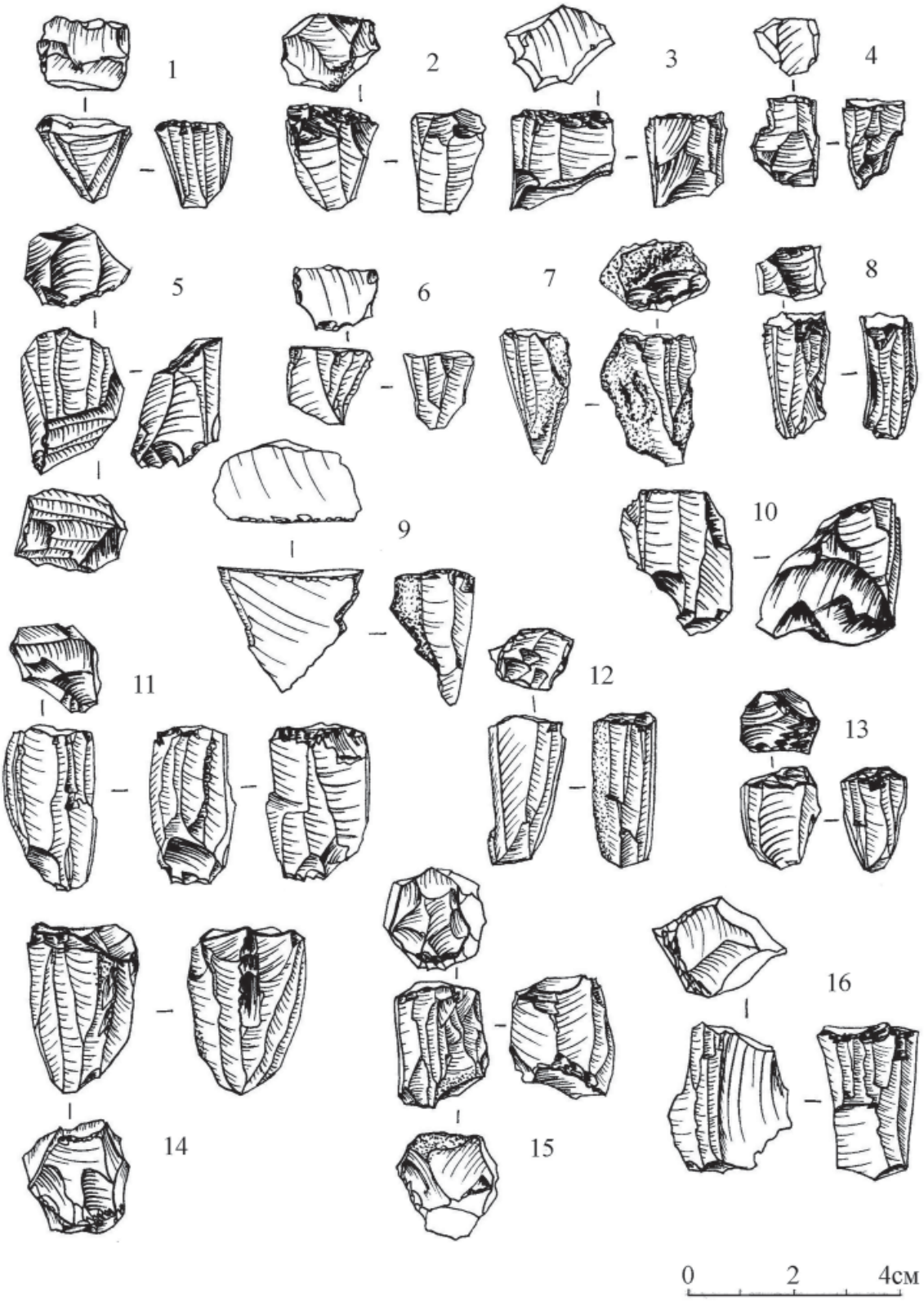


Рис. 85. Мукшумская XVIII стоянка. Кремневые орудия: нуклеусы.
Fig. 85. Mukshum XVIII site. Flint tools: nuclei.

Рис. 86. А – аэрофотоснимок островом и левого берега, где расположены Мукшумские стоянки.
Б – фото общего вида с юга на место сбора подъемного материала Мукшумской I стоянки.
Fig. 86. A – aerial photo of the island and the left bank where the Mukshum sites are located.
B – general view photo from the south of the area of collection from the surface at the Mukshum I site.

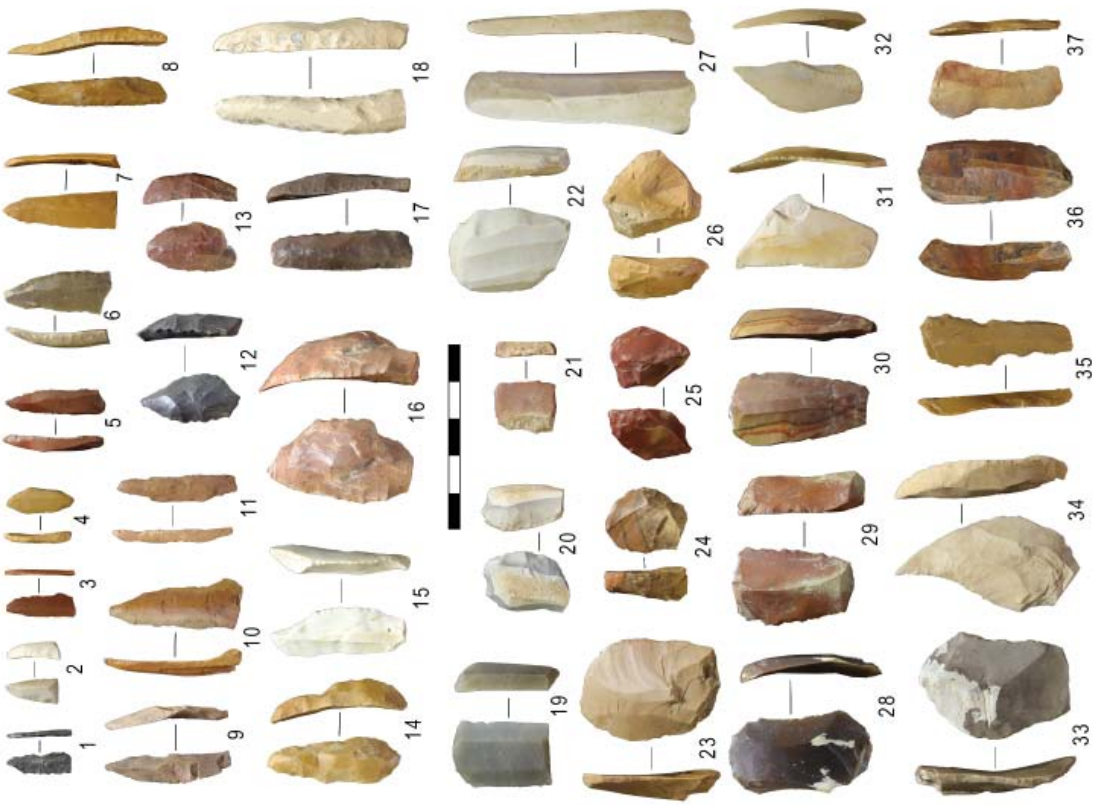


Рис. 87. Мукшумская I стоянка. Фото кремневых орудий: острия, скребки, скобели.

Fig. 87. Mukshum I site. Photos of flint tools: points, scrapers.

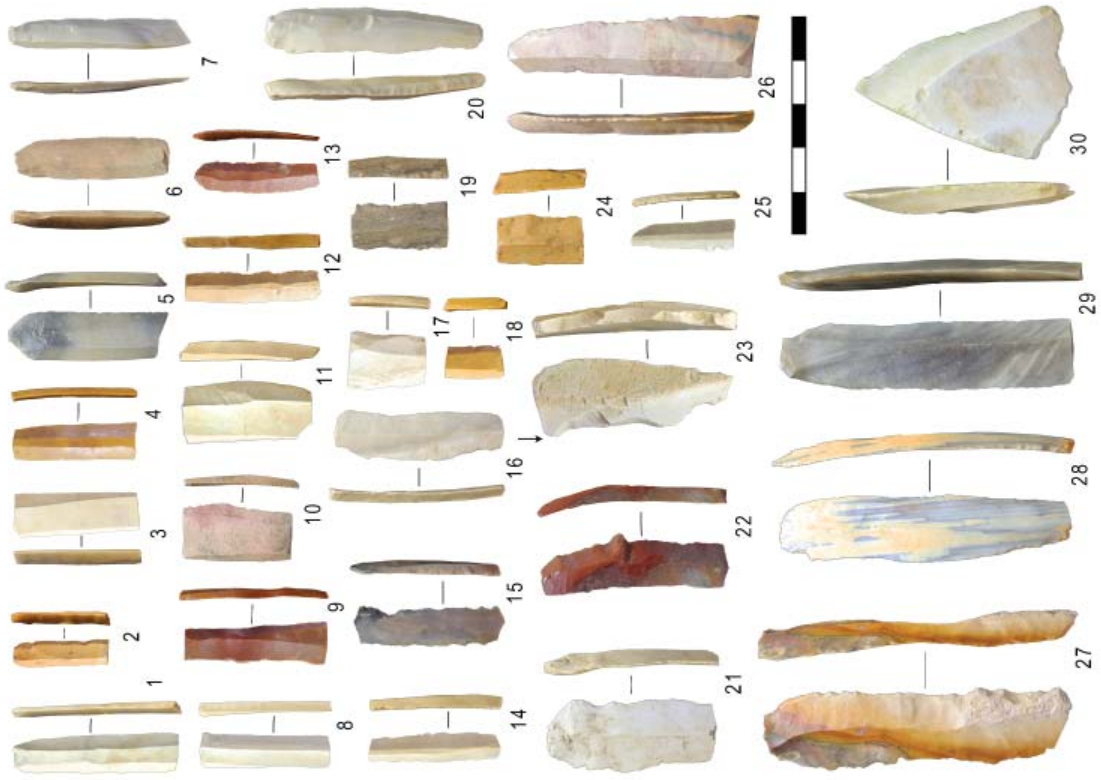


Рис. 88. Мукшумская I стоянка. Фото кремневых орудий: вкладыши на пластинах, ножи.

Fig. 88. Mukshum I site. Photos of flint tools: blade inserts, knives.

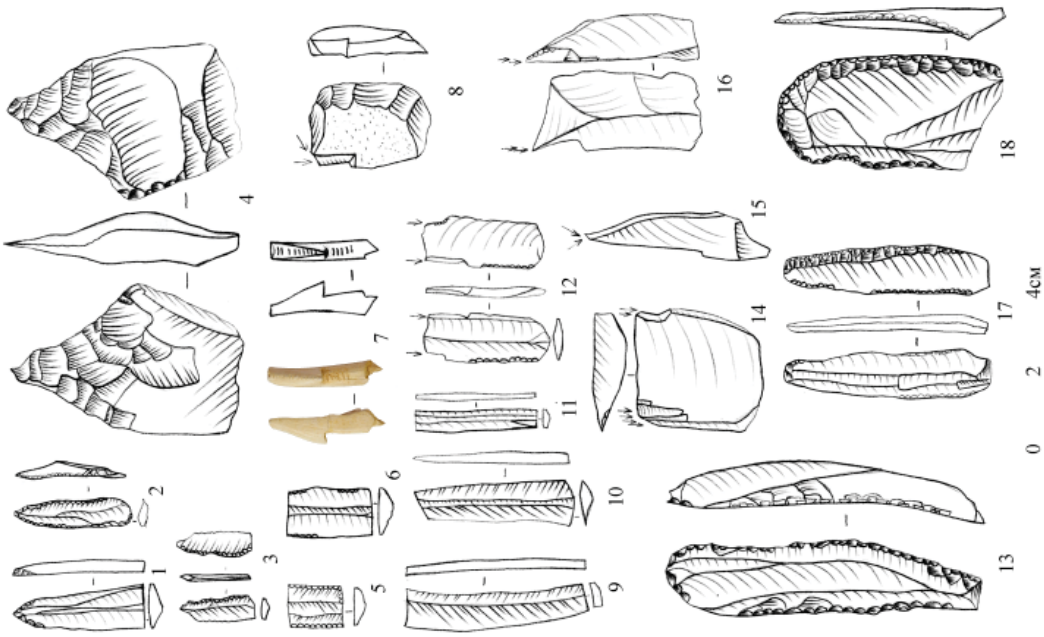


Рис. 89. Мукшумская I стоянка. Кремневые орудия: 1-6, 8-18 – острия, вкладыши на пластинах, угловые резцы, ножи; 7 – фрагмент костяного гарпуна с одним зубцом и рисунком.

Fig. 89. Mukshum I site. Flint tools: 1-6, 8-18 – points, blade inserts, angle burins, knives; 7– fragment of a bone harpoon with a single tooth and drawing.

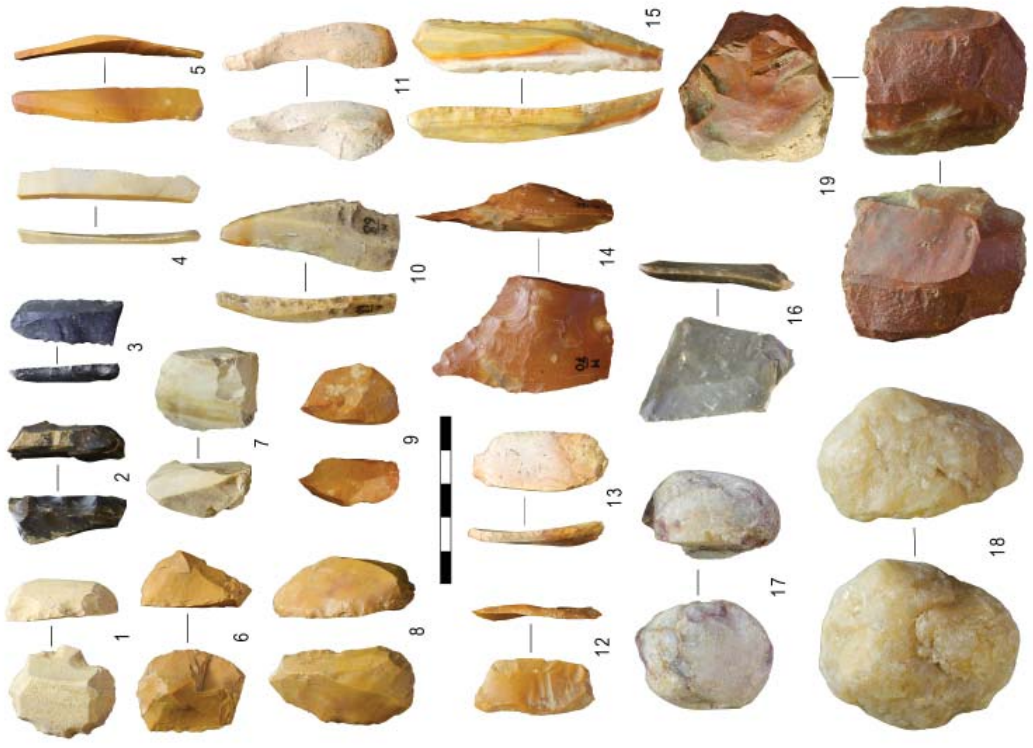


Рис. 90. Мукшумская I стоянка. Фото орудий: 1-16, 19 – скребки, ножи, нуклеус; 17, 18 – отбойники из кварцитовых галек.

Fig. 90. Mukshum I site. Photos of tools: 1-16, 19 – scrapers, knives, nucleus; 17, 18 – chippers made of quartzite pebbles.

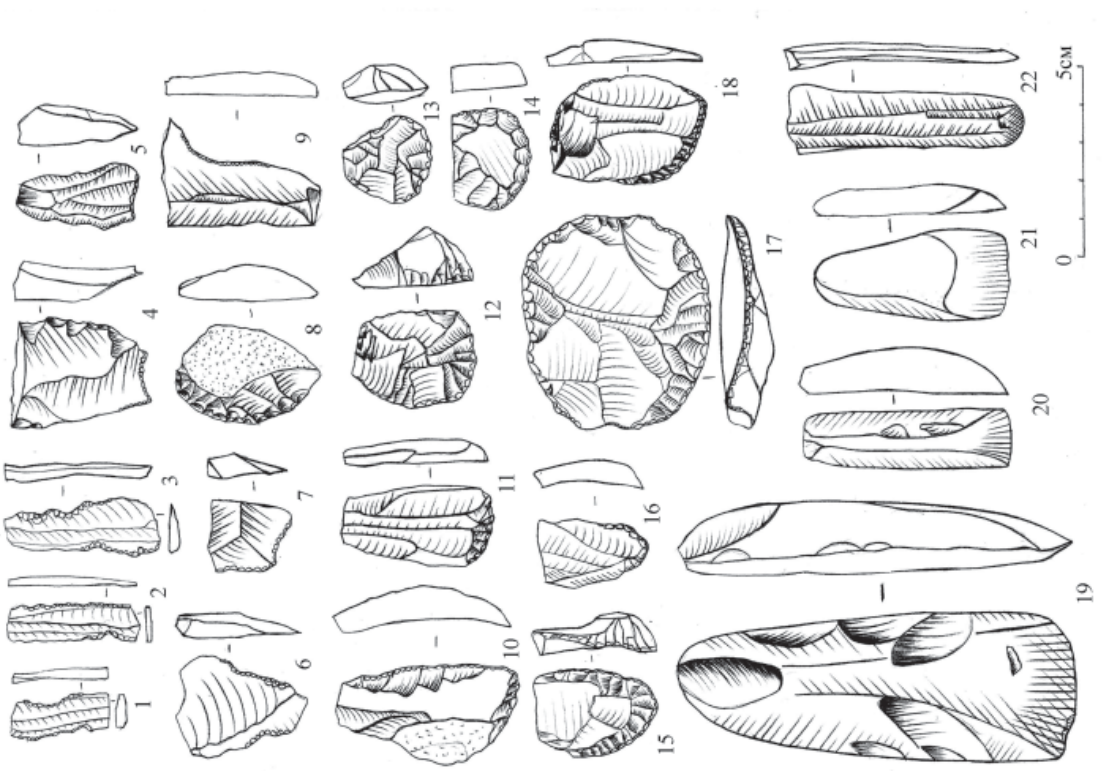


Рис. 91. Мукшумская I стоянка. Кремневые орудия: вкладыши на пластинах, ножи, скребки, тесла и стамески.

Fig. 91. Mukshum I site. Flint tools: blade inserts, knives, scrapers, adzes and chisels.

Рис. 92. Мукшумская I стоянка. Фото кремневых орудий: скребки, скобели, ножи, стамеска.

Fig. 92. Mukshum I site. Photos of flint tools: scrapers, knives, a chisel.

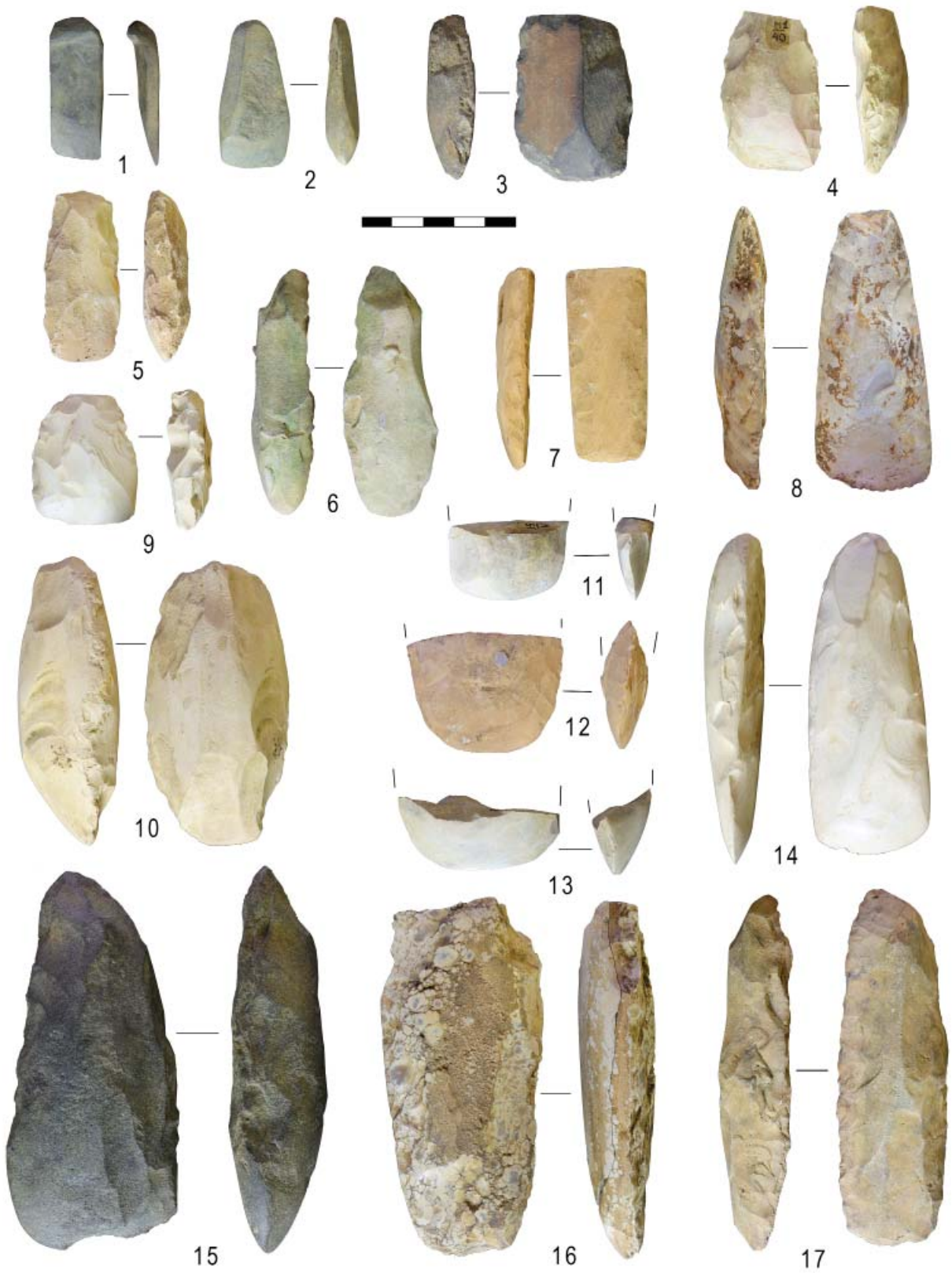


Рис. 93. Мукшумская I стоянка. Фото каменных орудий: стамески, тесла, топоры: 4-5, 7-14, 16-17 – кремень, 1-3, 6, 15 – алевролит, метаморфический сланец, габбро.

Fig. 93. Mukshum I site. Photos of stone tools: chisels, adzes, axes: 4-5, 7-14, 16-17 – flint, 1-3, 6, 15 – siltstone, metamorphic slate, gabbro.

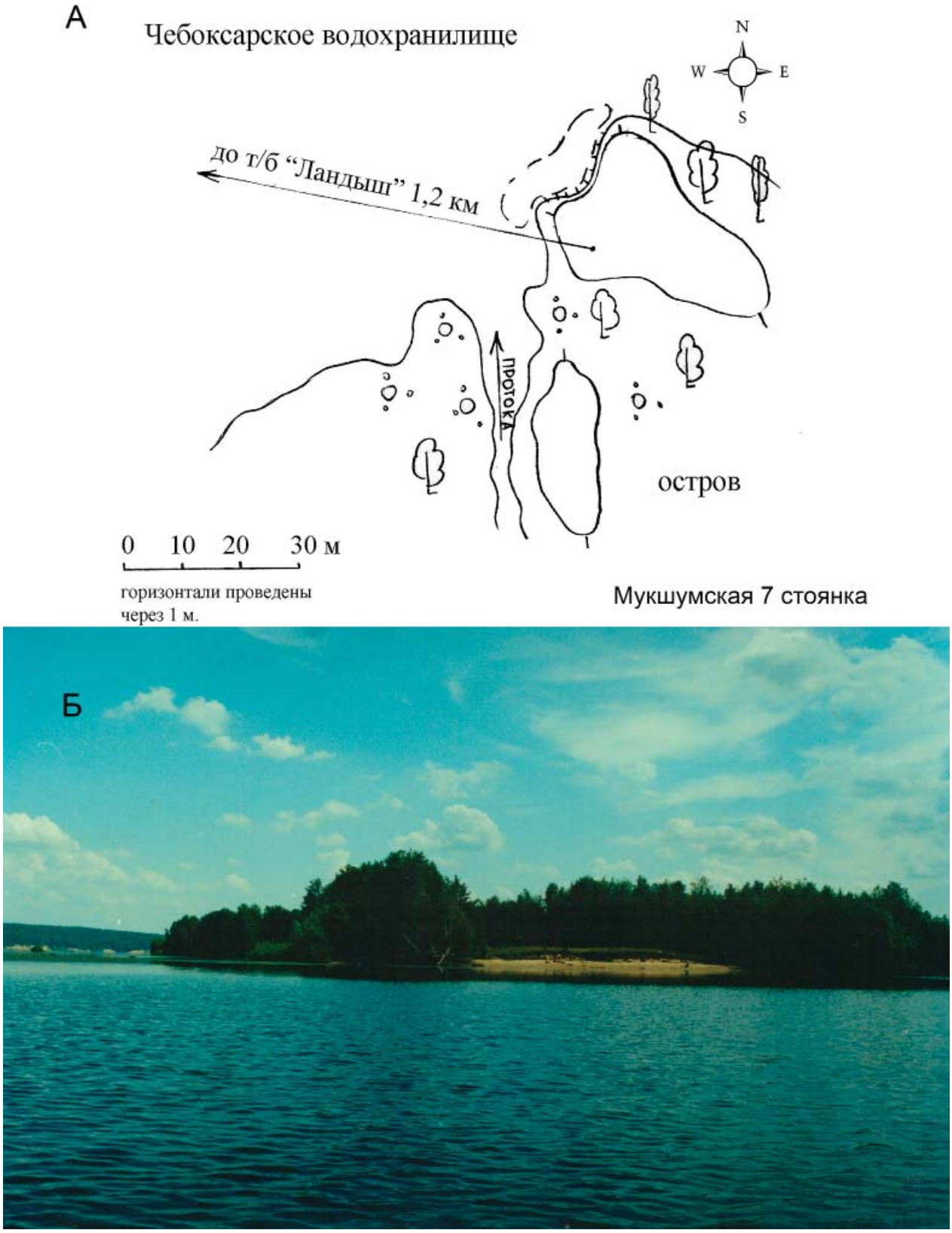


Рис. 94. Мукшумская VII стоянка. А – план расположения, Б – фото общего вида с северо-запада.
Fig. 94. Mukshum VII site. A – layout, B – general view from the north-west.

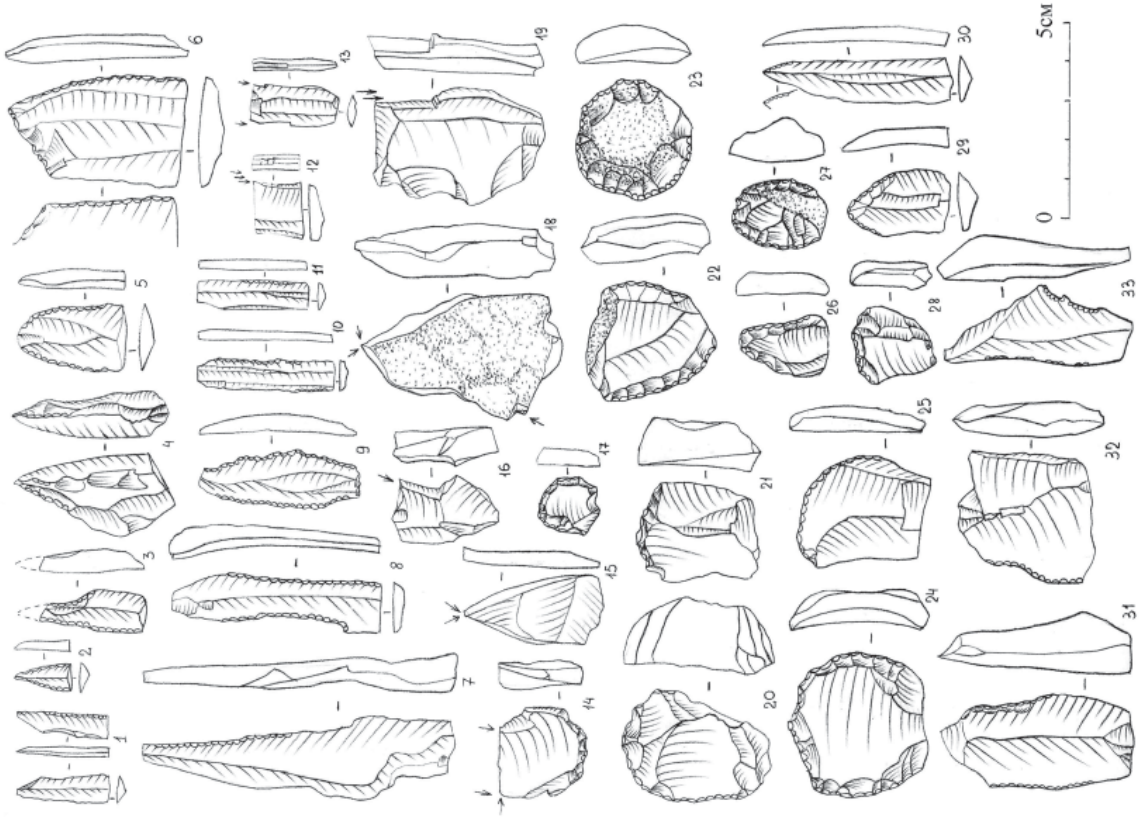


Рис. 95. Мукшумская VII стоянка. Кремневые орудия: острия, ножи, вкладыши на пластинах, угловые резцы, скребки, скобели.

Fig. 95. Mukshum VII site. Flint tools: points, knives, inserts on blades, angle burins, scrapers.

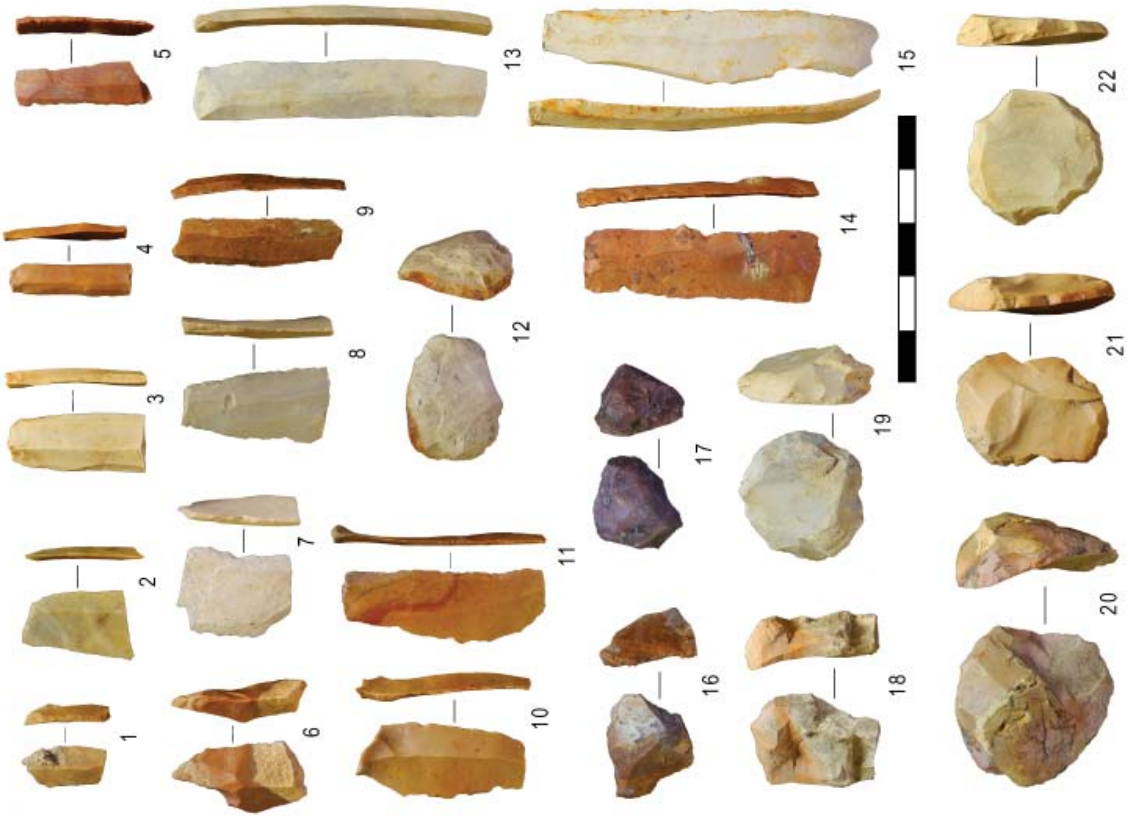


Рис. 96. Мукшумская VII стоянка. Фото кремневых орудий: острия, ножи, вкладыши на пластинах, скребки, скобели.

Fig. 96. Mukshum VII site. Photos of flint tools: points, knives, blade inserts, scrapers.

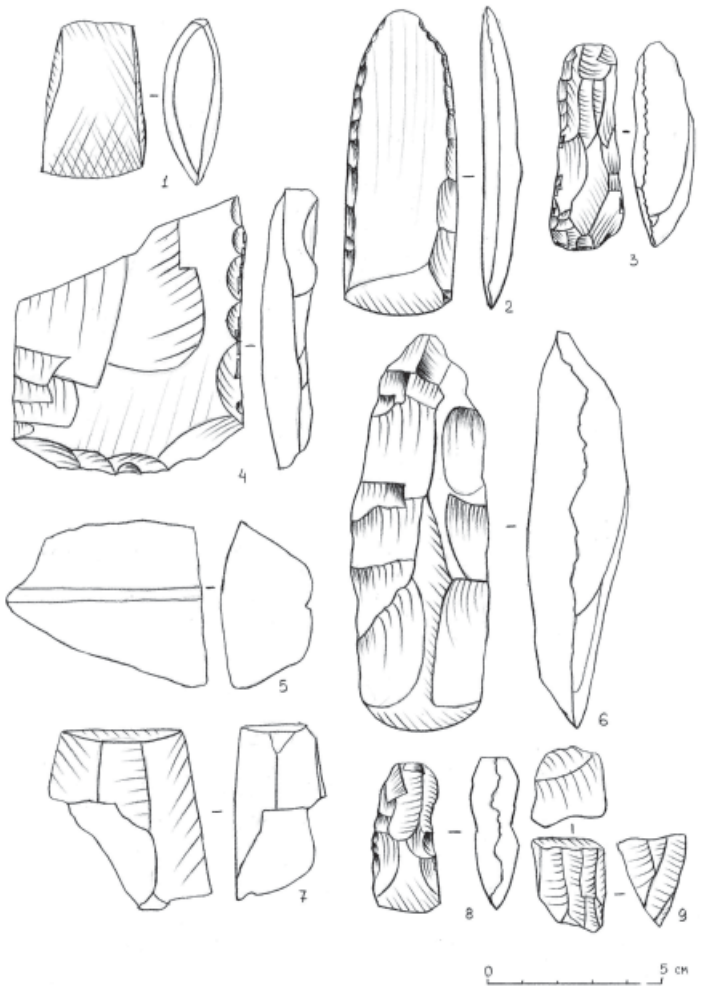


Рис. 97. Мукшумская VII стоянка. Каменные орудия: стамески, тесла, нуклеус.
Fig. 97. Mukshum VII site. Stone tools: chisels, adzes, a nucleus.

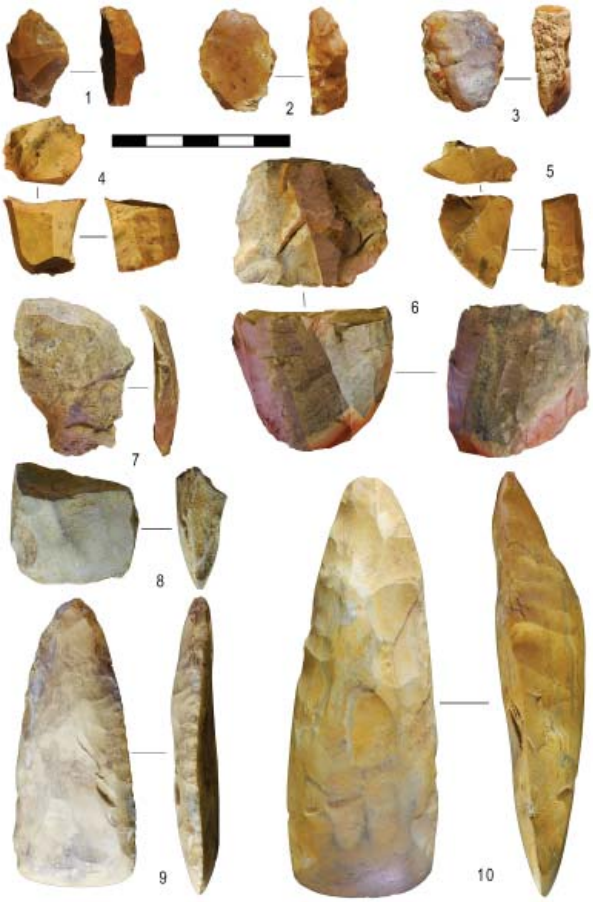


Рис. 98. Фото каменных орудий скребки, нуклеусы, тесла: 1-6, 9-10 – кремень, 8 – алевролит.
1-9 – Мукшумская VII стоянка, 10 – Мукшумская XIII стоянка.
Fig. 98. Photos of stone tools: scrapers, nuclei, adzes:
1-6, 9-10 – flint, 8 – siltstone.
1-9 – Mukshum VII site, 10 – Mukshum XIII site.

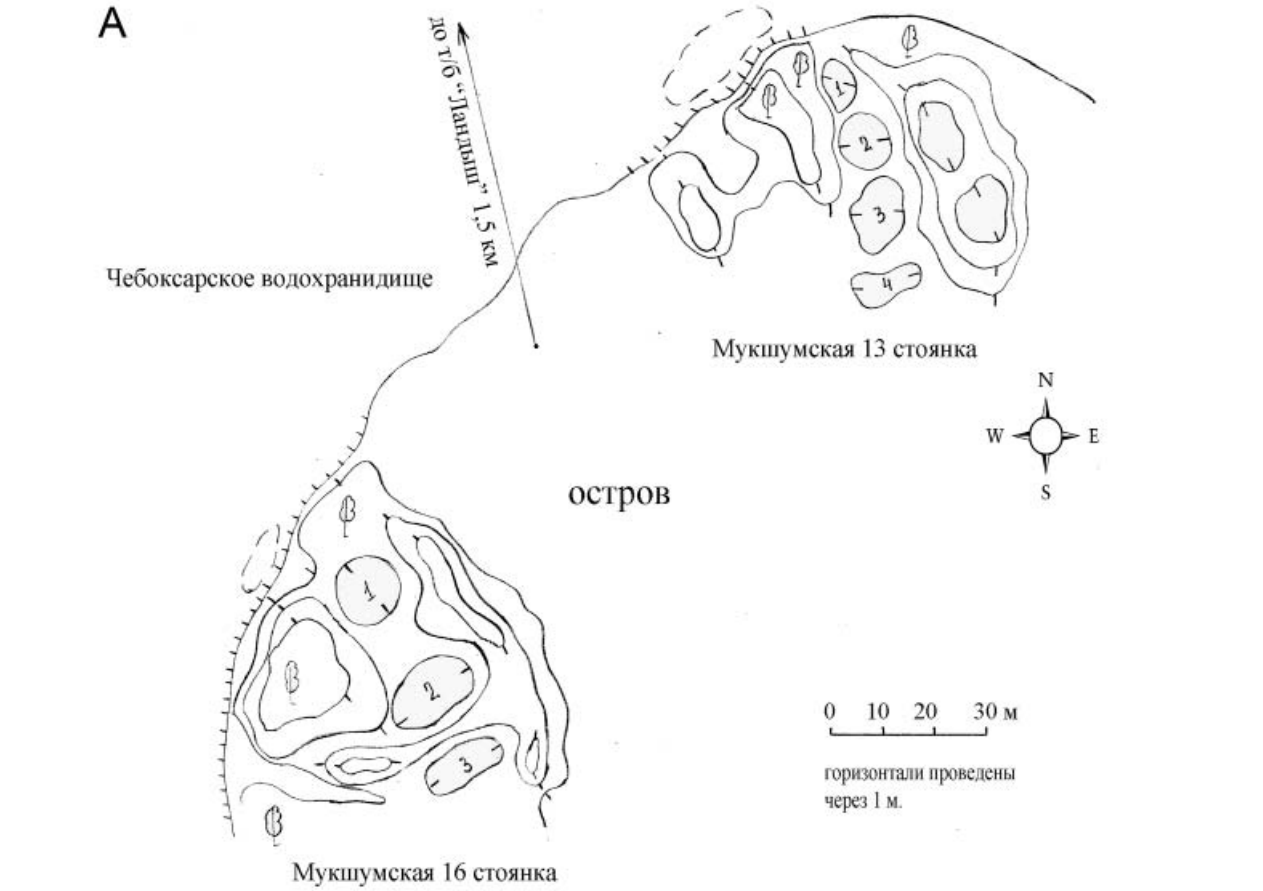


Рис. 99. А – Тополлан расположения Мукшумской XIII и XVI стоянок. Б – фото общего вида с юго-востока Мукшумской XIII стоянки.

Fig. 99. A – Topographic layout of the Mukshum XIII and XVI sites. B – general view photo of Mukshum XIII site from the south-east.

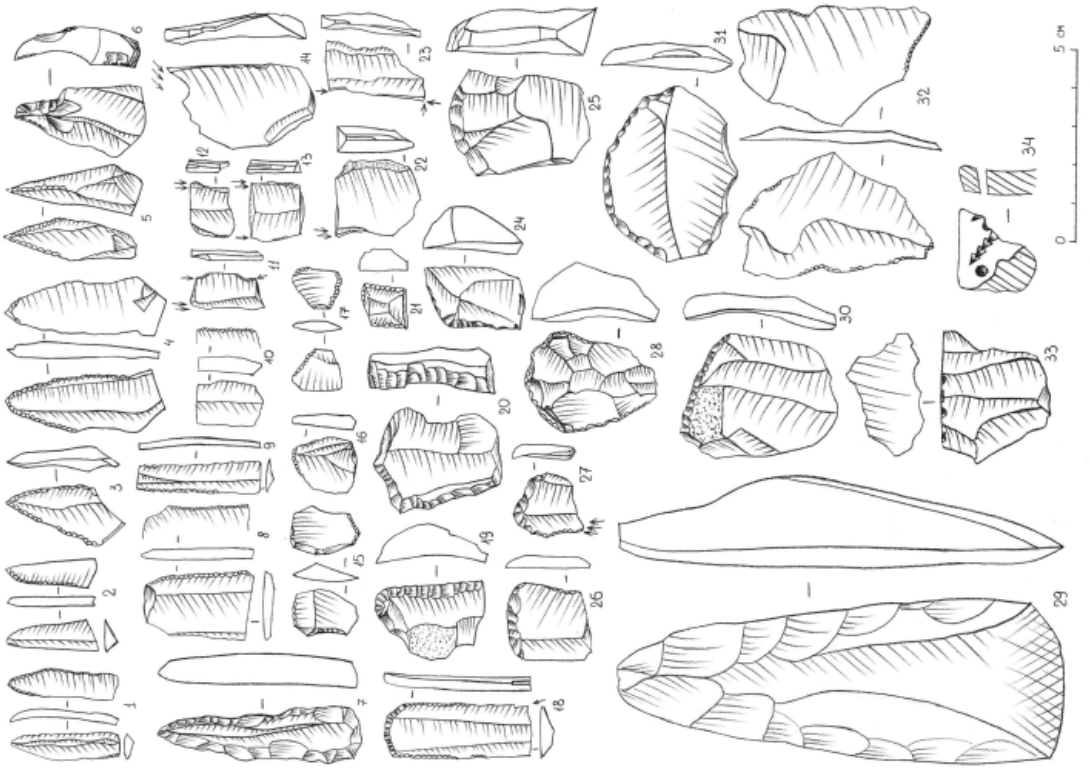


Рис. 100. Мукшумская XIII стоянка. Кремневые орудия: 1-33 – острия, вкладыши на пластинах, проверки, скребки, скобели, ножи, тесло, нуклеус. 34 – фрагмент керамики с накольчатым орнаментом.

Fig. 100. Mukshum XIII site. Flint tools: 1-33 – points, blade inserts, perforators, scrapers, knives, an adze, a nucleus. 34 – a fragment of ceramics with punctured ornament.

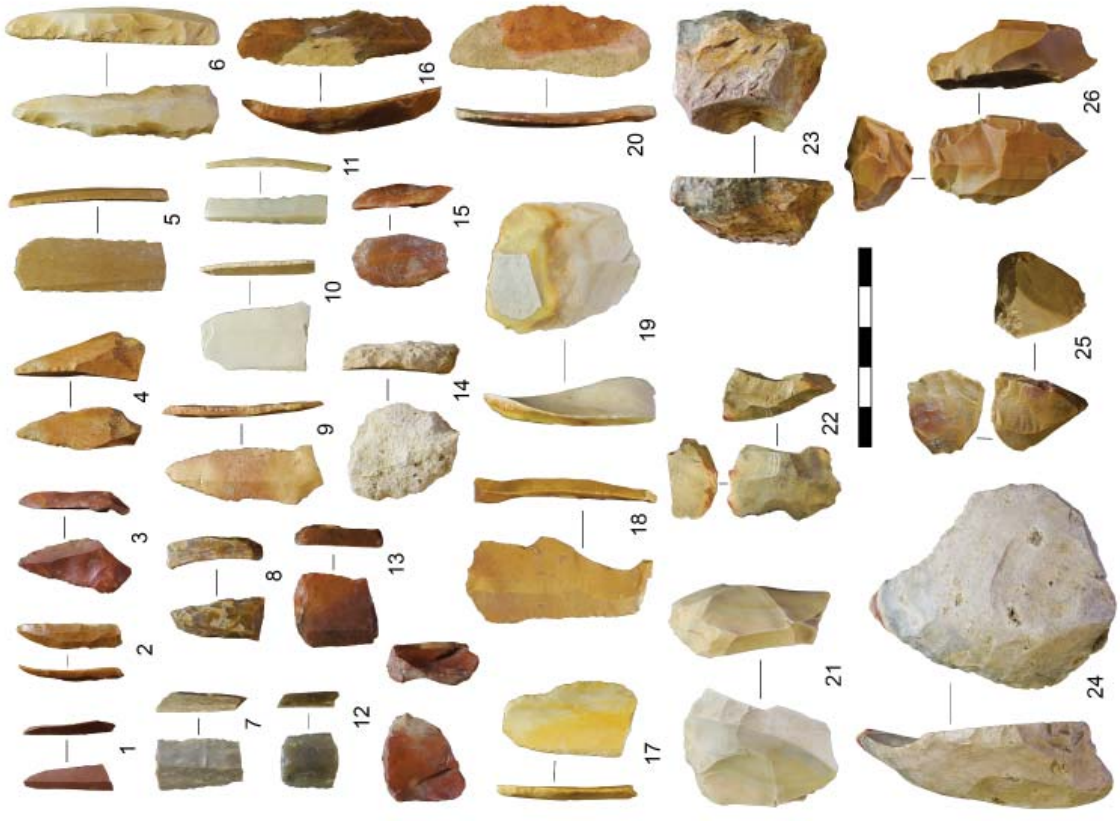


Рис. 101. Мукшумская XIII стоянка. Кремневые орудия: острия, вкладыши на пластинах, проверки, скребки, скобели, ножи, нуклеус.

Fig. 101. Mukshum XIII site. Flint tools: points, blade inserts, perforators, scrapers, knives, a nucleus.

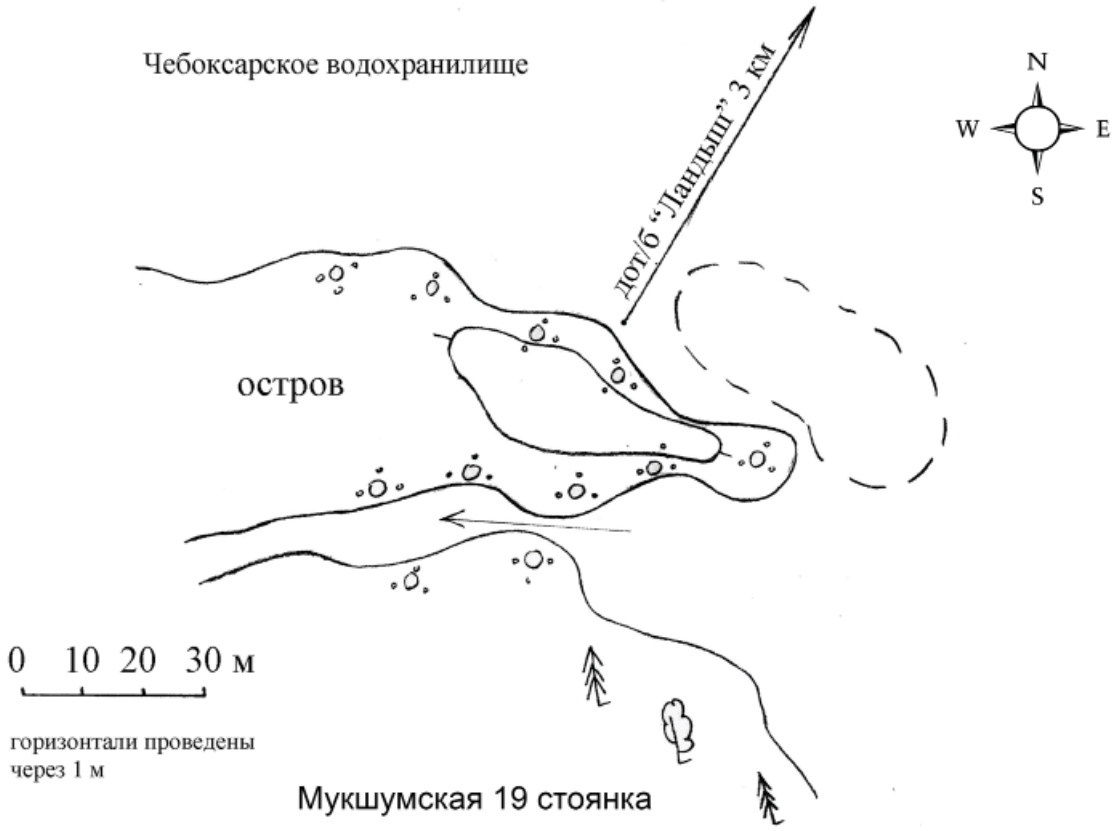


Рис. 102. Мукшумская XIX стоянка. А – план расположения, Б – фото общего вида с северо-востока.
Fig. 102. Mukshum XIX site. A – layout, B – general view photo from the north-east.

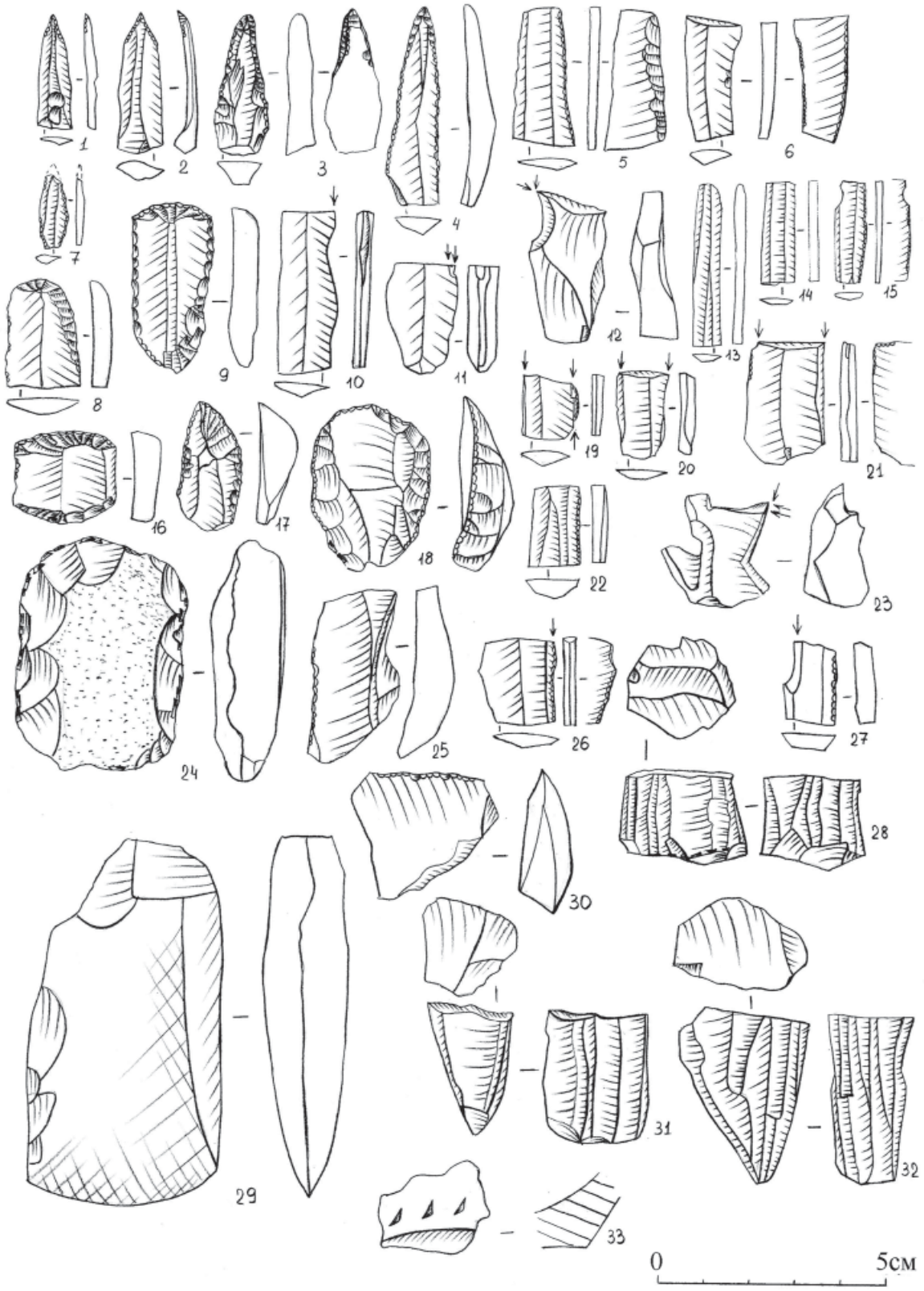


Рис. 103. Мукшумская XIX стоянка. Кремневые орудия: 1-32 – острия, вкладыши на пластинах, провертки, скребки, скобели, ножи, тесло, нуклеусы. 33 – фрагмент керамики с накольчатым орнаментом.
Fig. 103. Mukshum XIX site. Flint tools: 1-32 – points, blade inserts, perforators, scrapers, knives, an adze, nuclei. 33 – a fragment of ceramics with punctured ornament.

Рис. 105. Мукшумская XIX стоянка. Фото кремневых орудий: острия, провертки, скребки, тесла, нуклеусы.

Fig. 105. Mukshum XIX site. Photos of flint tools: points, perforators, scrapers, adzes, nuclei.

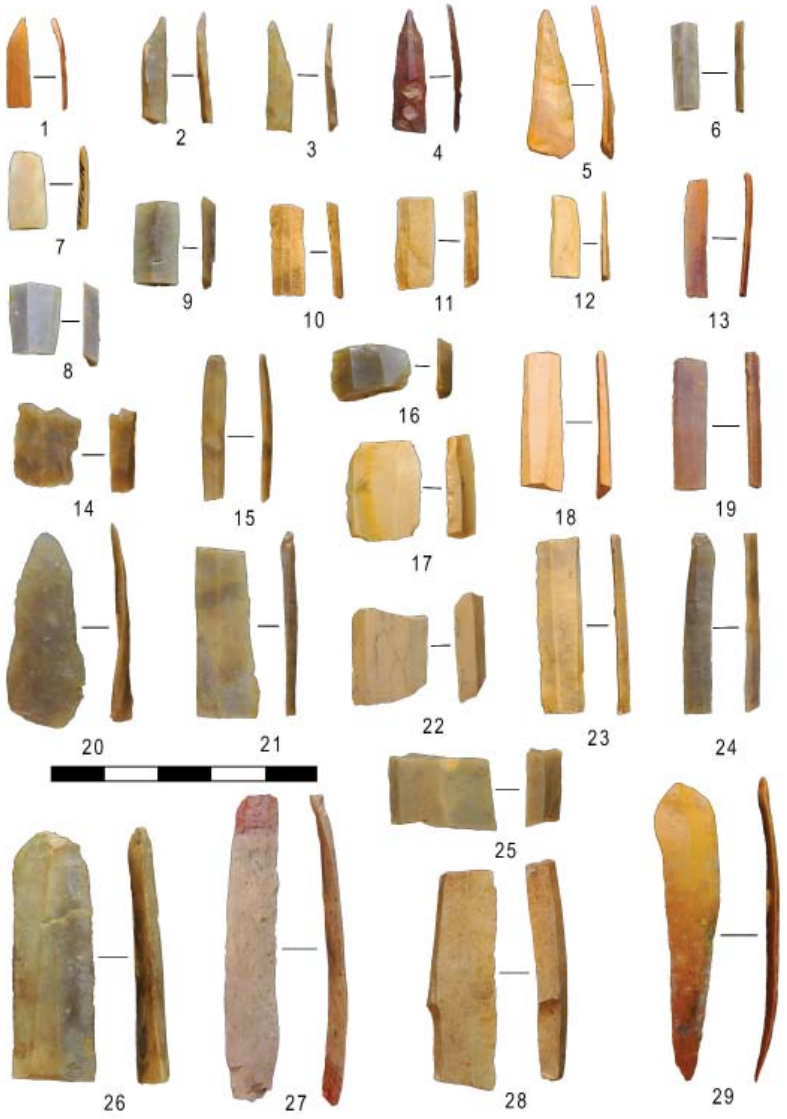


Рис. 104. Мукшумская XIX стоянка. Фото кремневых орудий: острия, вкладыши на пластинах, скребки, ножи.

Fig. 104. Mukshum XIX site. Photos of flint tools: points, blade inserts, scrapers, knives.

ГЛАВА 4. ПАМЯТНИКИ РАННЕГО НЕОЛИТА СО СЛАБООРНАМЕНТИРОВАННОЙ КЕРАМИКОЙ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Самыми ранними памятниками неолита Чувашского Поволжья следует признать стоянки со слабоорнаментированными керамическими комплексами Алатырского Присурья, находящие аналогии в ранненеолитической елшанской культуре. Археологическими исследованиями 2006-2012 гг. большой совместной археологической экспедицией (участники: К.М. Андреев, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, С.А. Кондратьев, А.И. Королев, О.В. Лоцманова, Е.П. Михайлов, В.В. Сидоров, В.В. Ставицкий, А.А. Шалапинин) в Алатырском Присурье были впервые обнаружены памятники с керамикой елшанского типа (рис. 106). Елшанские комплексы обнаружены на стоянке Молебное Озеро I, где выделены типологически, на многослойном поселении Утюж I были собраны отдельные фрагменты керамики и найдены участки культурного слоя с развалом сосуда, на стоянке Вьюново Озеро I выявлен сохранившийся культурный слой с остатками жилого сооружения, развалом сосуда на его полу и с кремневыми орудиями. Эти находки позволили впервые описать и изучить материалы елшанской культуры в регионе. Кроме того, были получены радиоуглеродные даты, которые дали возможность уточнить хронологические позиции вновь открытых памятников.

Стоянка Вьюново Озеро I

Памятник расположен в Среднем Посурье, в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на краю I надпойменной террасы правобережья Суры, на северо-восточном берегу старичного озера Вьюново (рис. 107, 108, 109). Стоянка открыта в 2006 г. в ходе археологической разведки совместной археологической экспедиции (см. главу 1) в Алатырском районе Чувашской Республики. В 2006–2007 гг. на стоянке Вьюново Озеро I были заложены разведочные шурфы, в которых найдены немногочисленные, но выразительные фрагменты елшанской посуды.

В 2010 г. на памятнике был заложен раскоп общей площадью 132 кв.м (Березина, Выборнов, Ставицкий, Березин, 2013). Раскопками выявлены следы небольшого жилища, сохранившегося в материке, с характерными глиняными неорнаментированными заглаженными сосудами и кремневыми изделиями. Жилище имело подквадратную форму, размером, примерно, 5×4 м (рис. 110: А). Оно было слегка углублено в материке на 15–20 см, с очагом в юго-восточном углу. Пол имел характерный прогиб к центру жилища. Прослежены столбовые ямки, вероятно, от каркасной конструкции. Выход из жилища был ориентирован на северо-запад, вдоль края террасы. Внутри жилища были зафиксированы два больших углистых пятна, возможно, связанные с очагом. Одно пятно располагалось у южной стены жилища, второе – в северо-западной части, перед выходом. Юго-западный край выхода был обозначен углистой полосой. 1230

Керамика

На полу жилища юго-западной стены был обнаружен неполный развал тонкостенного биконического сосуда с мелкими округлыми сквозными отверстиями по краю профилированного венчика (рис. 110: Б; 111: 1). В верхней 1/3 высоты сосуда имеется выраженное ребро. Дно сосуда, видимо, было конусовидным. Толщина стенок сосуда во всех частях варьиирует от 5,5 до 7,5 мм, ребро сосуда в некоторых местах имеет утолщение до 8 мм, горловина же, напротив, утоньшается до 4 мм. Срез венчика округлый или слегка уплощен, с небольшим наплывом снаружи. Диаметр сосуда по венчику – около 18 см, максимальный диаметр по ребру – 22,5–23 см. Внешняя поверхность сосуда хорошо заглажена, залощена, внутренняя – с видимыми следами от заглаживания. Также на стоянке были найдены несколько профилированных венчиков со сквозными отверстиями под плоским срезом и неорнаментированные фрагменты (рис. 112: 2, 3; 113: 1–3). Цвет черепков варьирует от серого, до желтоватого, на свежем сломе – однородно-черный. Пластическим сырьем служили илы либо илистые глины. Заметны включения мелких красных шариков – оолитов бурого железняка. Имеющийся в коллекции фрагмент конусовидного дна с небольшим уплощением донца диаметром 4 см, говорит о существовании на памятнике форм сосудов с приостренным днищем, а также приостренных с небольшим уплощением донца (рис. 111: 2). Кроме этого в перемешанных слоях были найдены фрагменты сосудов с накольчатым орнаментом (рис. 113: 4–7, 9).

Каменный инвентарь

С определенной долей уверенности с елшанским жилищем можно связать несколько кремневых изделий (22 шт.) из мелового черного прозрачного и белого кремня не

очень хорошего качества. В процессе раскопок грунт стоянки просеивался, в результате было найдено несколько мелких сколов и практически не найдено чешуек. Это говорит о том, что кремень на стоянке обрабатывался мало, орудия не изготавливались. Кремень, из которого были сделаны орудия, в Присурье и окрестностях не известен. Судя по малочисленности каменных изделий на стоянке, отсутствию мелких сколов и чешуек, и большой степени утилизации орудий, кремень не местного происхождения и был принесен сюда елшанским населением с юга или с юго-востока.

В коллекции имеется один нуклеус небольшого размера, имеющий несколько фронтов скалывания. Он служил для снятия небольших отщепов (рис. 114: 16). Целых пластин в коллекции нет, но имеются два обломка орудия, выполненных на пластинах. Первый – обломок ножа, края которого оформлены мелкой краевой ретушью со спинки (рис. 114: 15). Второй – выполнен на массивной пластине, один край оформлен пологой высокой ретушью на спинке с дорсального конца, а по краю имеются следы утилизации в качестве строгального ножа или стамески (рис. 114: 17). Здесь же следует упомянуть фрагмент пластины с участком вогнутого лезвия, приостренного невысокой ретушью, и со следами работы в качестве строгального ножа.

Одно изделие, выполненное на мелком осколке и имеющее два окончания, оформленные мелкой ретушью по краям, со следами утилизации, вероятно, служило проколкой (рис. 114: 4).

Выделяется серия концевых скребков на небольших продольных сколах с сохранившимися участками корки. Рабочие края оформлены крутой, переходящей на один край ретушью с проксимального конца и имеют небольшой скос влево. Ретушью со спинки были снесены ударные площадки. Все скребки имеют следы утилизации (рис. 114: 1–3).

Остальные скребки (6 шт.) не образуют серии. Первый скребок выполнен на небольшом дисковидном нуклевидном куске. Рабочий край округлый, оформлен мелкими сколами и имеет следы утилизации в качестве, вероятно, стамески (рис. 114: 18). Второе изделие выполнено на отщепе, с минимальными следами вторичной обработки, но со следами утилизации в качестве скребка-скобеля (рис. 114: 6). Дублированный скребок имеет два противоположных конца, а один край был скобелем с участком вогнутого лезвия, оформленного ретушью (рис. 114: 14). Третье изделие – боковой скребок, он выполнен на отщепе. Один край оформлен с брюшка пологой ретушью с клювовидным окончанием (рис. 114: 13). Четвертый скребок выполнен на осколке с участком корки и округлым лезвием, оформленным пологой невысокой ретушью с двух сторон (рис. 114: 11). Два остальных орудия – обломки отщепов с участками скребковых лезвий, оформленных крутой и полукрутой невысокой ретушью со спинки.

Остальные изделия – это небольшие сколы и осколки со следами утилизации (7 шт.), за исключением одного большого скола (рис. 114: 19).

Таким образом, ограниченность кремневого сырья, в данных условиях диктовала технологические приемы его утилизации. Расщепление, преимущественно, носило отщеповый характер, хотя мы отмечаем обломки орудий на пластинах и орудия на продольных сколах, спинки которых несут следы пластинчатых снятий. Поэтому характеризовать данный комплекс как отщеповый или пластинчатый невозможно. Очевидно, что население стоянки владело приемами снятия пластин с нуклеусов. Приемы вторичной обработки кремня представлены крутой и пологой невысокой ретушью.

Стоянка Вьюново Озеро I занимает особое место среди елшанских древностей в связи с обнаружением жилища и комплекса керамики и кремневых изделий, с ним связанных. Это – редкое сочетание, так как елшанское население, как представляется на сегодняшний момент, вело подвижный образ жизни (сезонные перекочевки) и достоверных жилищ с непотревоженным культурным слоем известны единицы (Андреев, 2015). Вьюново Озеро I – самый северный известный памятник этой культуры.

Поселение Утюж I

Поселение расположено в Среднем Присурье, в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на невысоком дюнном всхолмлении I надпойменной террасы правобережья Суры. Здесь под террасой протекает небольшая речка Утюж, впадающая в Суру (рис. 107, 108). Памятник был открыт алатырским краеведом Ю.Б. Новиковым в начале 70–х гг. XX столетия (Березина, Березин, Коноваленко, 2010). В 1974 г. его, возможно, посетил В.Ф. Каховский, возглавлявший Чувашскую археологическую экспедицию в окрестностях г. Алатыря (Каховский, 1978).

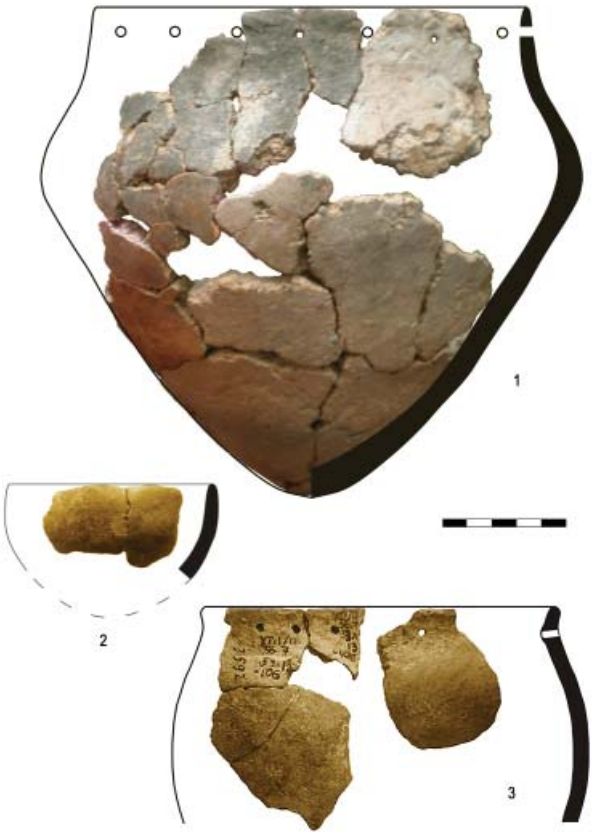


Рис. 115. Поселение Утюж I. Керамика: реконструкции сосудов.
Fig. 115. Utiuzh I settlement. Ceramics: reconstructed vessels.

В 2006–2012 гг. в результате раскопок многослойного поселения Утюж I совместной археологической экспедицией (см. главу 1) был выявлен участок непотревоженного культурного слоя ранненеолитического времени, вероятно, связанный с жилищем. В нем обнаружен развал и около 120 фрагментов керамики, примерно, от 22 сосудов (Андреев, и др., 2015). Кремневый комплекс памятника выделить не удалось. Кроме этого в перемешанных слоях был типологически выделен немногочисленный комплекс тонкостенной подлощенной неорнаментированной посуды (Березина и др., 2007; Вискалин и др., 2009; Выборнов, 2008; Андреев, 2015).

Пластическим сырьем для изготовления слабоорнаментированных сосудов служили илы или илистые глины. Обнаруженные венчики и стенки позволяют реконструировать форму сосудов. Сосуд, обнаруженный в развале (рис. 115: 1), имеет биконическую форму с приостренным дном и максимальным расширением тулова в верхней 1/3, образуя сглаженное ребро. Горло сосуда имеет тенденцию к выпрямлению. Срез венчика – округлый, под срезом проходит ряд сквозных округлых отверстий. Стенки относительно толстые 7–10 мм, диаметр по венчику – 17 см, по наибольшему расширению – 21 см, общая высота сосуда – 20 см. По другим фрагментам восстанавливаются сосуды с прямыми и S-видными горловинами и округлыми, и, возможно, прямыми донцами. Под венчиками с плоским срезом проходит ряд ямочных вдавлений (рис. 112: 5). Найдена небольшая неорнаментированная миска диаметром около 8 см (рис. 115: 2). Интересна находка фрагмента венчика, слегка отогнутого наружу, с округлым срезом, рядом сквозных ямок под ним и разреженным орнаментом по плечику. Орнамент в виде диагональных гладких полос и рядов ямочных вдавлений между ними, видимо, образовывал треугольник из встречных диагональных линий (рис. 113: 10). Кроме того были найдены фрагменты венчиков подлощенных сосудов с плоским срезом и рядом сквозных ямок под ним (рис. 112: 5).

Коллекция ранненеолитической слабоорнаментированной керамики этого многослойного поселения отличается от керамического комплекса стоянки Вьюново Озеро I и занимает более поздние хронологическую позицию и, вероятно, демонстрирует момент контактов с населением с накольчатой керамической традицией.

Стоянка Молебное Озеро I

Памятник расположен в Среднем Посурье, в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на высоком дюнном всхолмлении – западном берегу большого старичного озера Молебное правобережной поймы Суры. Стоянка открыта 2006 г. совместной археологической экспедицией (см. главу 1). В разведочном шурфе на стоянке Молебное Озеро I среди прочих неолитических керамических находок были найдены немногочисленные, но выразительные фрагменты прямостенной остро- и плоскодонной подлощенной слабоорнаментированной посуды. Формы сосудов полностью не восстанавливаются. Венчики – прямые и с небольшим отгибом наружу. Срез венчика – прямой и округлый, под срезом венчика проходит ряд ямочных вдавлений. Имеются фрагменты приостренного и плоского днищ (рис. 112: 3, 4, 6–9).

Коллекция этой стоянки дополняет наши представления о елшанских древностях Среднего Присурья.

4.1 Вопросы хронологии и культурных особенностей памятников в рамках елшанских древностей

Елшанская археологическая культура выделена сравнительно недавно (Мамонов, 1995; 1999). В 1970-х годах в бассейне р. Самары в Оренбургской и Куйбышевской (Самарской) областях были исследованы Елшанские, Максимовская, Ивановская и Виловатовская стоянки и др., которые позволили исследователям выделить елшанский тип ранненеолитической слабо орнаментированной керамики. В обобщающей работе И.Б. Васильева и А.А. Выборнова елшанские древности рассматриваются как самый ранний тип керамики неолита лесостепного Поволжья, имеющий свою самостоятельную линию развития (Васильев, Выборнов, 1988). Н.Л. Моргунова рассматривает елшанский тип керамики как один из этапов в развитии волго-уральской культуры, хронологически охватывающей весь неолитический период (Моргунова, 1995). А.Е. Мамонов в своих работах обосновал необходимость выделения елшанских древностей в самостоятельную археологическую культуру, существовавшую в раннем неолите лесостепного Волго-Уралья (Мамонов, 1999).

И.Н. Васильева, изучая возникновение и развитие гончарной технологии, пришла к выводу об эволюционном характере развития представления о пластическом сырье раннего гончарства: от илов – к илистой глине, а затем – к глине (Васильева, 2010, с. 97–118). Специальное изучение керамики раннего неолита елшанской культуры стоянок Оренбуржья и Самарского Поволжья и сравнение их со стоянками Примокшанья, Ульяновского и Чувашского Поволжья привело ее к выводу о большом сходстве технологий гончарства этих стоянок, основанных на использовании илов и илистых глин. Однако памятники правобережья Волги все же имеют отличия, которые выразились в большем применении шамота в пластическом сырье и большей хрупкости керамики, что, возможно, было вызвано, по мнению исследователя, утерей технических знаний о термической обработке. В целом, в развитии елшанской гончарной традиции И.Н. Васильева выделила две группы керамики: в первой – в изготовлении использовалось моносырье – илистая глина; во второй – к илистой глине добавлялся шамот (Васильева, 2010, с. 111–113). Первая группа керамики была распространена, в основном, в Самарском Поволжье, вторая – в Оренбуржье,

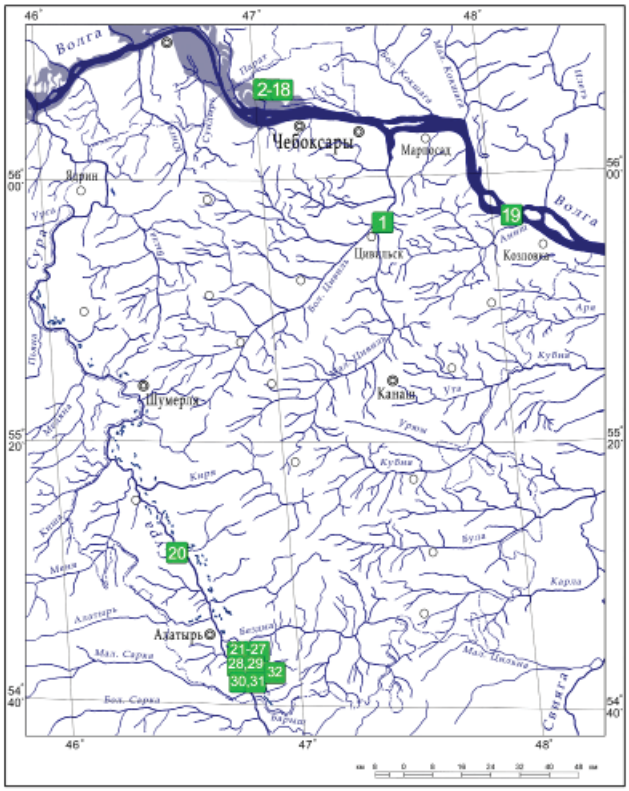


Рис. 106. Карта-схема памятников неолита Чувашского Поволжья.
Fig. 106. Schematic map of the Neolithic sites in the Chuvash Volga region.

Ульяновском и Чувашском Поволжье. Хронологическая и относительная позиция этих двух групп керамики пока не ясна. Однако, появление шамота исследователями считается относительно поздним признаком, поэтому нам кажется обоснованным предположение о том, что елшанские комплексы с шамотом в пластическом сырье являются поздними по отношению к комплексам из илистой глины.

Проведенное И.Н. Васильевой исследование гончарных технологий елшанских комплексов Чувашского Поволжья позволило ей выявить общие и особенные их черты. Исследованные фрагменты со стоянки Вьюново Озеро I были изготовлены из запесоченной илистой глины с примесью мелкого шамота и органического раствора. Эти фрагменты имели очевидную слабую механическую прочность. Исследование одного венчика профилированного сосуда с поселения Утюж I также выявило использования запесоченной илистой глины с примесью мелкого шамота и органического раствора. Несколько отличаются фрагменты сосудов со стоянки Молебное Озеро I, изготовленные из запесоченной

илистой глины. В трех из четырех фрагментов был использован в небольшом количестве очень мелкий шамот (Васильева, 2010, с. 110–113).

Елшанские керамические комплексы Алатырского Присурья имеют общие для елшанской культуры черты, такие как: использование илов и илистых глин в качестве пластического сырья для изготовления сосудов, тонкостенность сосудов, хорошая заглаженность, порой залощенность внешней поверхности, наличие остро- и плоскодонных форм, s-видная профилировка венчика, орнамент представлен ямочными оттисками или сквозными отверстиями по горловине.

Самые близкие территориально с елшанскими комплексами памятники располагаются в Ульяновском Поволжье, это стоянки Лебяжье I, Луговое III (Буров, 1980), Усть-Ташелка (Елшанка 10) и Елшанка XI (Вискалин, 2003, Вискалин, 2004). По мнению А.Е. Мамонова, елшанские комплексы Ульяновского Поволжья «безусловно, должны быть включены в состав елшанской культуры» при наличии определенных отличий (Мамонов, 2007, с. 72). На стоянках Луговое III, Усть-Ташелка, Елшанка XI обнаружены фрагменты стенок биконических сосудов и небольших плоских донышек, что сближает эти памятники с комплексами Алатырского Присурья.

Развал сосуда со стоянки Вьюново Озеро I имеет четко выраженное ребро в верней трети сосуда. По мнению А.В. Вискалина, эти признаки, а также состав пластического сырья, лощение поверхности, профилированность венчиков, наплывы-утолщения на венчиках и узоры из прочерченных зигзагов и треугольников характеризуют особую культурную традицию раннего неолита Среднего Поволжья, имеющую юго-западные истоки, и датируются началом V тыс. до н.э. (Вискалин, 2002, с. 274–283). Наряду с этим мы наблюдаем отличия керамических материалов Алатырского Присурья от комплексов как Ульяновского Поволжья, так и степного Заволжья, где в орнаменте встречаются ряды «жемчужин», орнаментированные наколами или насечками края венчиков, а также сверленые отверстия на стенках уже обожженных сосудов и наплывы-утолщения на венчиках сосудов. Практически полное отсутствие орнаментальных мотивов из прочерченных линий и наколов также отличает эти комплексы. Однако, на стоянке Утюж I найден фрагмент венчика с прочерченными наклонными линиями и округлыми вдавлениями между ними, образующими треугольник (рис. 113: 10). Этот венчик находит аналогии в елшанских материалах стоянки Чеклино IV (Мамонов, 1995) и сурской культуры раннего неолита степного днепро-донского региона (Котова, 2002). Возможно, данная находка указывает на контакты елшанского населения с носителями юго-западных степных традиций.

По мнению В.В. Ставицкого, А.А. Выборнова и А.И. Королева, к елшанскому кругу памятников относятся и неорнаментированные керамические комплексы стоянок Примокшанья, таких как стоянки Имерка 7, Ковыляй 1 и Озименки II (Ставицкий, 1999, с. 34–46; Выборнов, Королев Ставицкий, 2006, с. 114). Сочетание таких признаков керамики, как профилированные сосуды с коническим приостренными дном и рядом сквозных ямок под венчиком, сближают эти памятники со стоянками Вьюново Озеро I и Молебное Озеро I в Среднем Присурье. Такое сочетание в целом характерно для елшанской культуры. В материалах стоянки Озименки II, расположенной в междуречье Мокши (Выборнов, Королев, Ставицкий, 2006), найден аналогичный комплекс керамики, по фрагментам сосудов которого получена дата BP 6950±100[2] (Ki–12168) (Выборнов и др., 2008, с. 244).

По двум фрагментам из развала биконического сосуда, найденных на дне елшанского жилища стоянки Вьюново Озеро I, в AMC в лаборатории г. Тусон (Аризонский университет, США) получена дата BP 7220±58 (AA–96017), и в лаборатории г. Познани (Польша) получена дата BP 7160±40 (Poz–47870) (Березина, Выборнов, Ставицкий, Березин, 2013). Эти даты хорошо согласуются с датой елшанских материалов стоянки Чекалино IV, полученной по угольку с острого днища сосуда BP 7250±60 (Poz–42051) (Андреев и др., 2012).

Таким образом, самые ранние неолитические стоянки Чувашского Поволжья относятся к концу раннего этапа елшанской культуры и датируются последней четвертью VI тыс. до н.э. Это самые северо-западные памятники данной культуры, и именно с ее носителями следует связывать процесс неолитизации названной территории. Неорнаментированная керамика с плоскими и приостренными днищами стоянок Молебное Озеро I и Утюж I датируется V тыс. до н.э. и находит аналогии в неорнаментированных комплексах Примокшанья, таких как стоянки Имерка 7, Ковыляй 1 и Озименки II, и Ульяновского Поволжья –

[2] Использованы некалиброванные данные

стоянки Луговое III на правобережье и Лебяжье I на левом берегу Волги, а также Лебяжинка IV и Ильинка Самарском Поволжье (Выборнов, 2008, с. 75–82).

Данные, полученные по стоянкам Вьюново Озеро I, Утюж I и Молебное Озеро I, показывают, что в последней четверти VI тыс. до н.э. происходит процесс миграции носителей елшанской керамической традиции в регионы, расположенные к северо-западу от Самарского Поволжья. Экологический кризис, связанный с аридизацией климата в третьей четверти VI тыс. до н.э., вероятно, способствовал оттоку части елшанского населения в Чувашское Поволжье. Возможно, елшанская культура на территории Среднего Присурья сохранялась на протяжении всей первой половины V тыс. до н.э. Вместе с тем, очевидно, что изменения, произошедшие в технологии, форме и орнаментации елшанской керамики, указывают на контакты ее носителей с другими группами неолитического населения. На сегодняшний день недостаточно материалов для более конкретных выводов. Вероятно, елшанская культурная традиция, выраженная в остродонной форме сосудов и наличию только ряда ямочных вдавлений под венчиком, в Чувашском Поволжье сохраняются и во второй половине V тыс. до н.э.

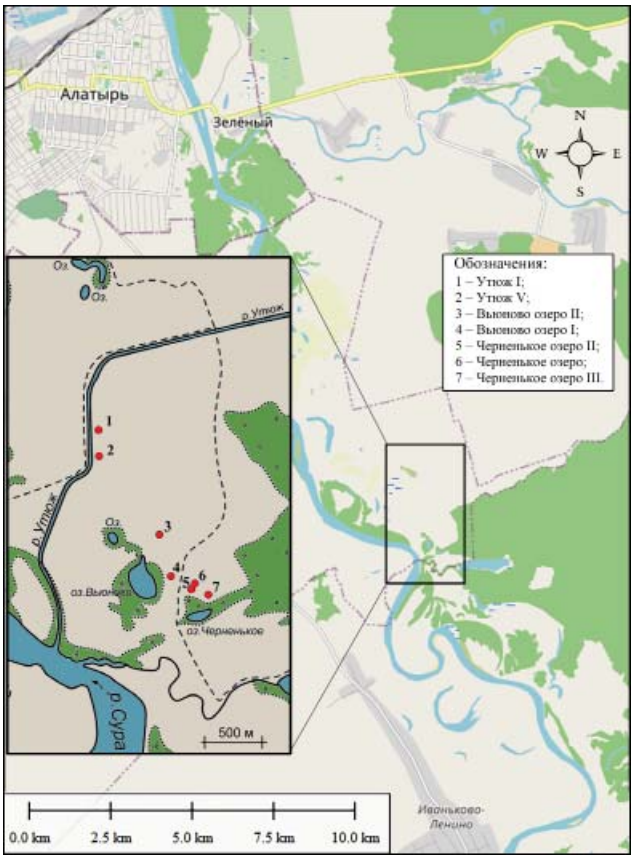


Рис. 107. Ситуационный план расположения Утюжского комплекса памятников в Среднем Присурье.
Fig. 107. General layout of the Utiuzh complex of sites in the Middle Sura River region.

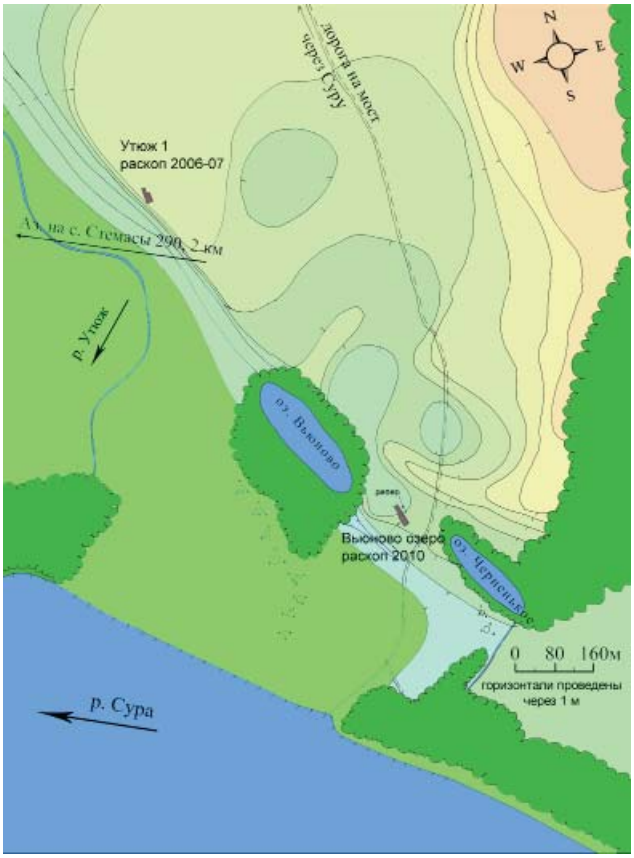


Рис. 108. Стиуационный план расположения Утюжского комплекса памятников в Среднем Присурье на топооснове.
Fig. 108. General layout of the Utiuzh complex of sites in the Middle Sura River region on a topographic base.

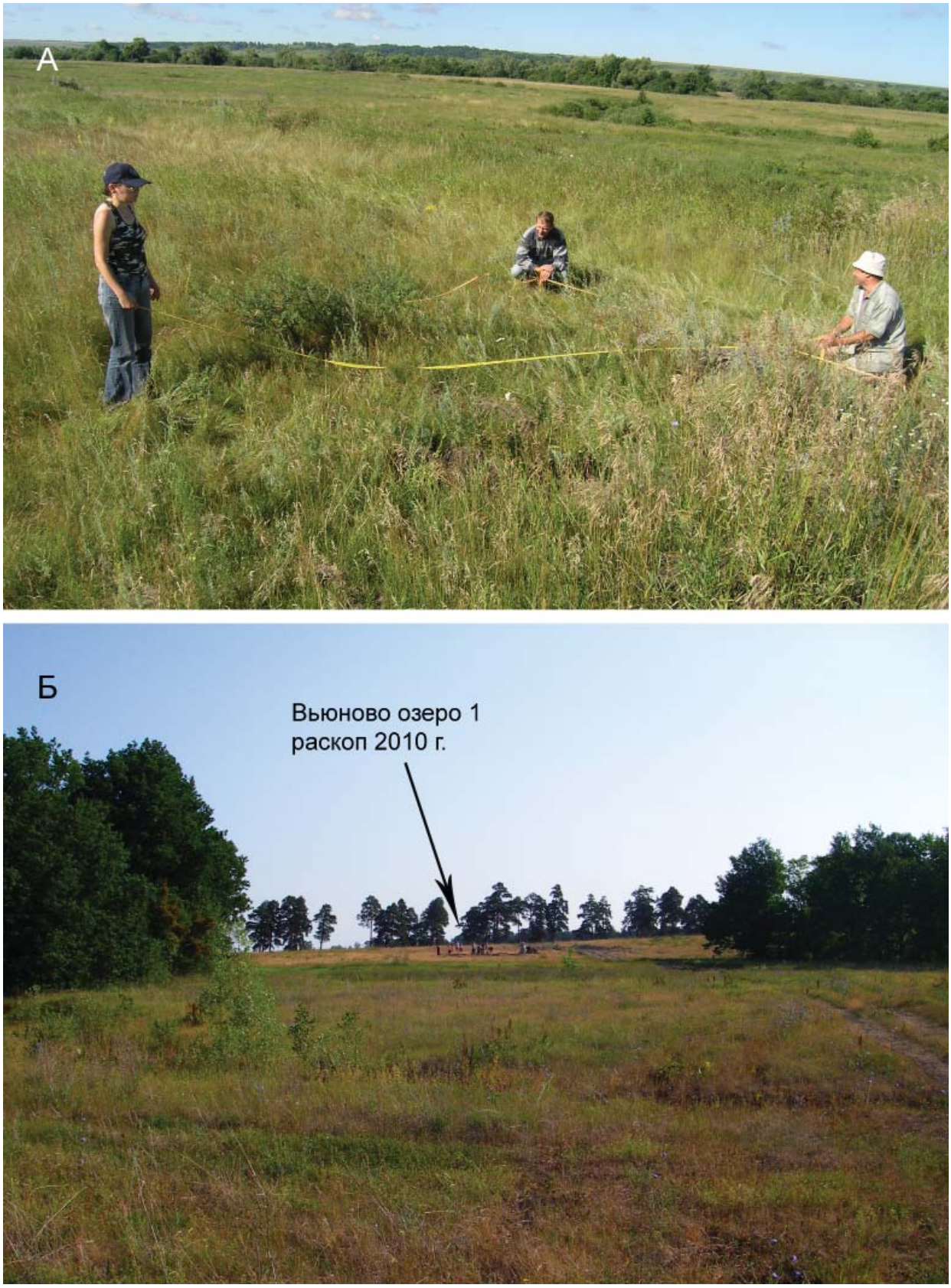


Рис. 109. А – поселение Утюж I. Фото общего вида с севера на заложение раскопа в 2006 г. На фото (справа налево): А.В. Вискалин, А.И. Королев и Н.С. Березина. Б – стоянка Вьюново Озеро I. Фото общего вида с юга на раскоп 2010 г.

Fig. 109. A – Utiuzh I settlement. General view photo of the excavation in 2006 from the north. On the photo (right to left): A.V. Viskalin, A.I. Korolev and N.S. Berezina. Б – Viunovo Ozero I site. General view photo of the excavation of 2010 from the south.

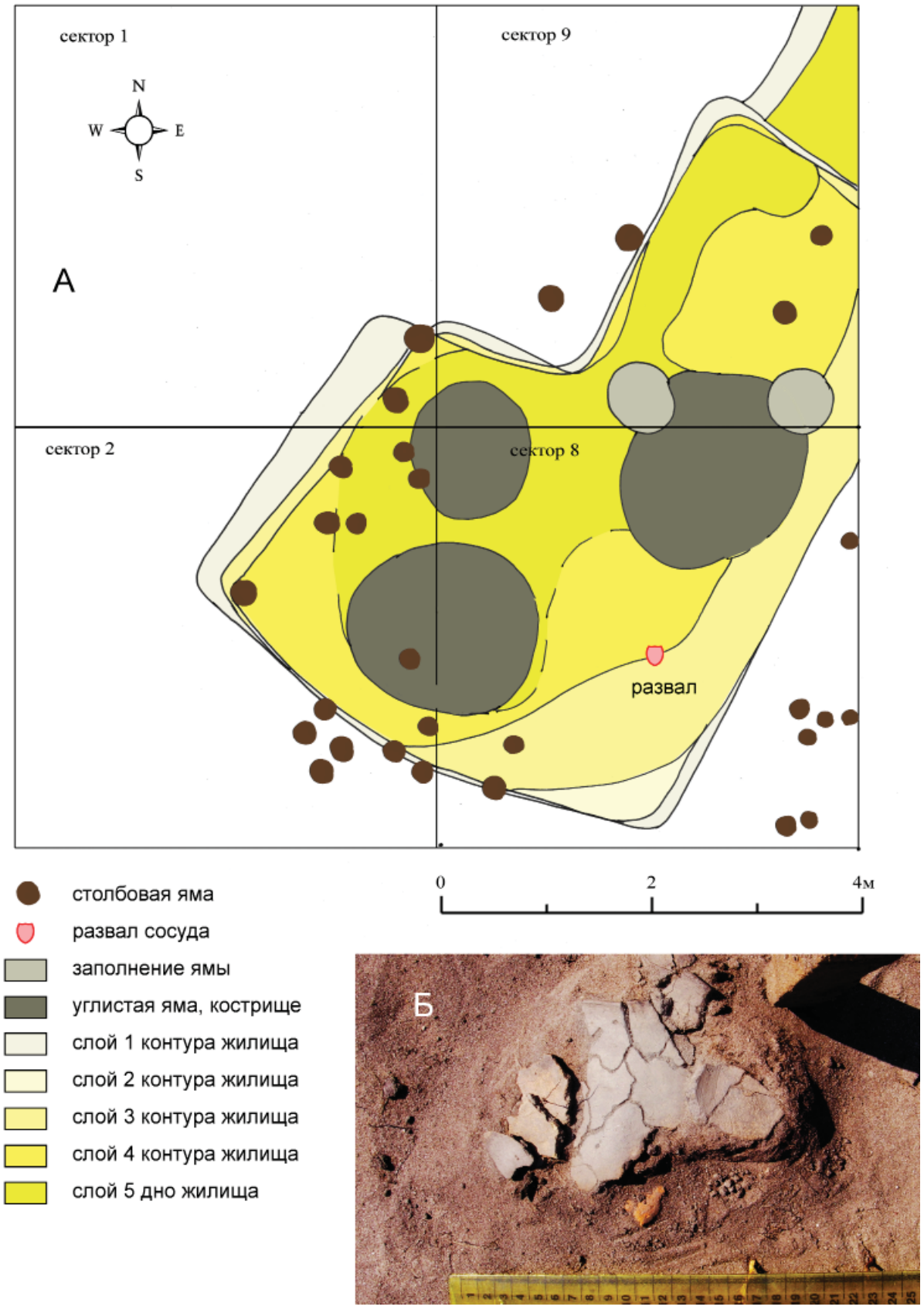


Рис. 110. Стоянка Вьюново Озеро I. А – план жилища елшанской культуры со столбовыми, очаговыми ямами и развалом сосуда. Б – фото развала сосуда на дне жилища.

Fig. 110. Viunovo Ozero I site. А – layout of a dwelling of the Elshanka culture with pillar and hearth pits, and broken vessel. Б – photo of broken vessel at the bottom of a dwelling.

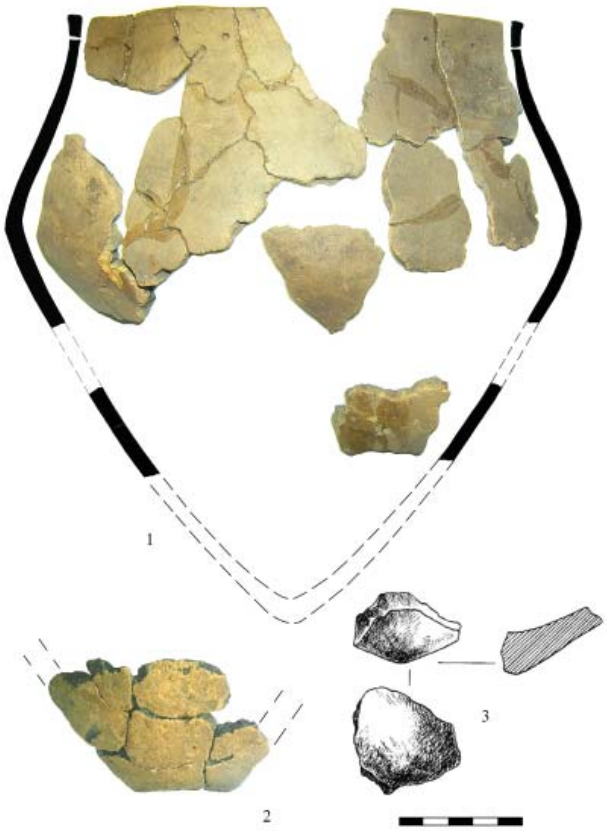


Рис. 111. Стоянка Вьюново Озеро I. Керамика: 1 – реконструкция развала сосуда, 2-3 – фрагменты донцев сосудов.
Fig. 111. Viunovo Ozero I site. Ceramics: 1 – reconstruction of broken vessel, 2-3 – fragments of vessel bottoms.

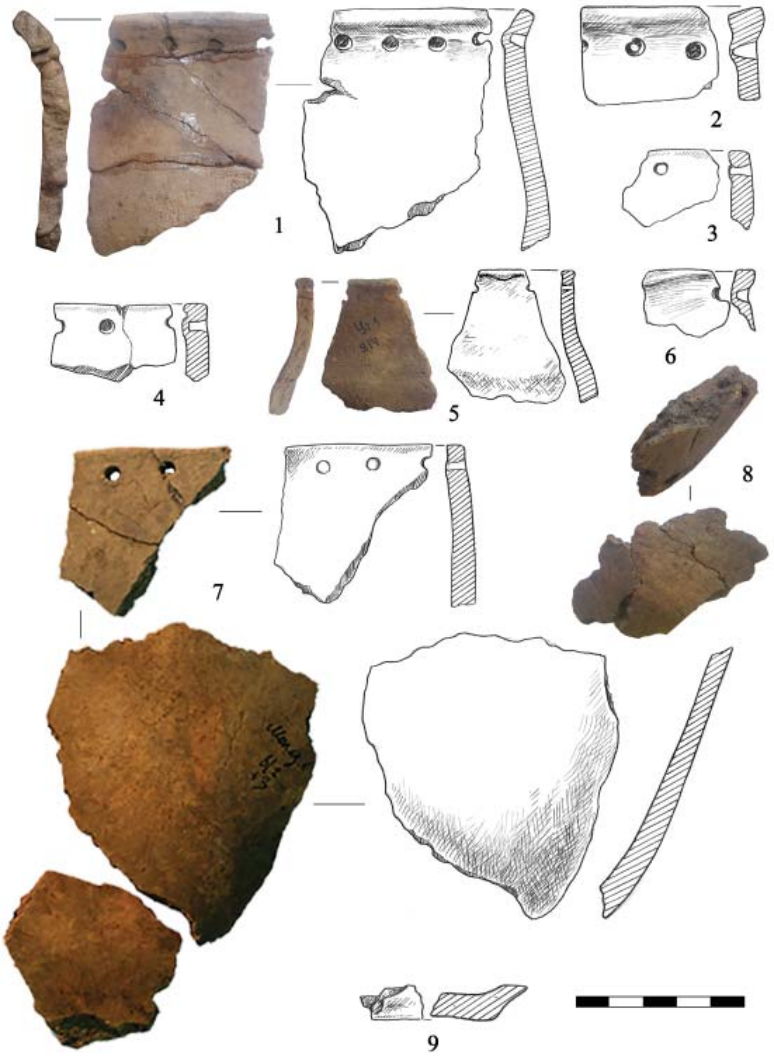


Рис. 112. Фрагменты керамических сосудов: 1-2 – стоянка Вьюново Озеро I, 3, 4, 6-9 – стоянка Молебное Озеро, 5 – поселение Утюж I.
Fig. 112. Fragments of ceramic vessels: 1-2 – Viunovo Ozero I site, 3, 4, 6-9 – Molebnoe Ozero site,
5 – Utiuzh I settlement.

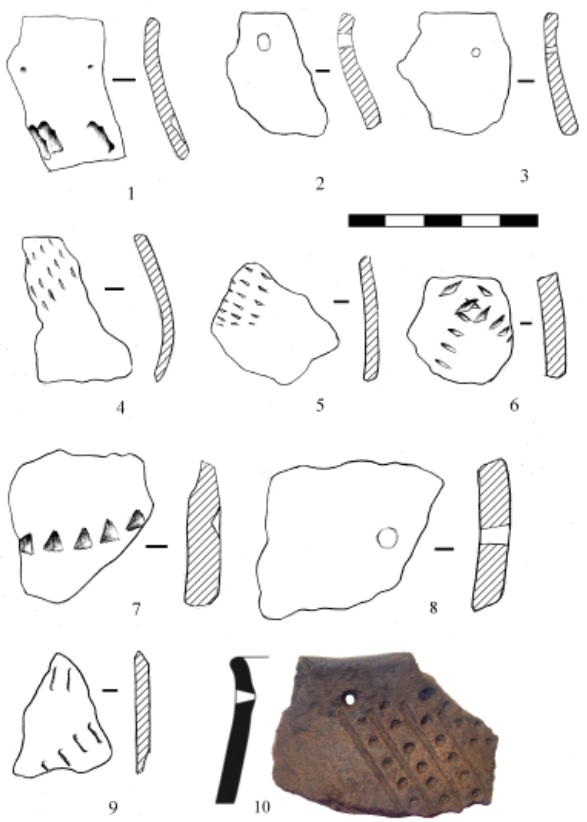


Рис. 113. Фрагменты керамических сосудов: 1-9 – стоянка Вьюново Озеро I, 10 – поселение Утюж I.
Fig. 113. Fragments of ceramic vessels: 1-9 – Viunovo Ozero I site, 10 – Utiuzh I settlement.

Рис. 114. Стоянка Вьюново Озеро I. Кремневые орудия.
Fig. 114. Viunovo Ozero I site. Flint tools.

ГЛАВА 5. ПАМЯТНИКИ РАННЕГО НЕОЛИТА С НАКОЛЬЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ КЕРАМИКИ

Памятники с накольчатой орнаментацией на посуде, несмотря на определенные различия, имеют генетическую связь и преемственность друг с другом. Основными хронологическими и этапными признаками данной керамики являются форма сосудов, орнаментация и технология изготовления. На территории Чувашского Поволжья памятники с накольчатой орнаментацией известны в Среднем Присурье, это материалы раскопок многослойного поселения Утюж I и стоянок Чёрненькое озеро и Вьюново Озеро I (рис. 116); а также на территории Чувашского Заволжья из подъемных сборов на стоянках Мукшумского комплекса. Следует отметить, что на большинстве исследованных нами памятников проблематично связывать накольчатые комплексы с определенным каменным инвентарем, поэтому основу исследований составляют описания керамики. Однако, каменный инвентарь, безусловно, может играть важную роль в вопросах происхождения и развития как отдельных памятников, так и в целом культур. Ниже приведено описание памятников.

5.1 Памятники неолита с накольчатым орнаментом на керамике Среднего Присурья

Поселение Утюж I

Поселение расположено в Среднем Присурье, в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на невысоком дюнном всхолмлении I надпойменной террасы правобережья Суры (см. главу 4). При раскопках 2006–2007 гг. многослойного поселения Утюж I совместной археологической экспедицией (см. главу 1) были выявлены следы ранненеолитического жилища с углубленным котлованом, размером, примерно 10×5 м, ориентированного по длинной стороне вдоль края террасы (Березина, Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2007). Пол жилища был относительно ровным. На нем прослежено несколько ям и неполных развалов ранненеолитических сосудов. Эта полуземляная конструкция жилища отличается от исследованного елшанского жилища на стоянке Вьюново Озеро I. Последнее имело легкую наземную каркасную конструкцию и отличалось меньшей площадью. Эти особенности указывают на разные жизненные стратегии населения данных стоянок: углубленные полуземляные жилища служили для более долгого, возможно, зимнего проживания, а легкие наземные жилища свидетельствуют о непродолжительном проживании и мобильном образе жизни.

Керамика

На полу жилища и в ямах было обнаружено около 25 фрагментов лепных сосудов, изготовленных из илистой глины с примесью песка, судя по венчикам, примерно от 14 сосудов. Реконструированные сосуды имеют слабо прикрытую горловину и прямые с плоским или слега округлым срезом венчики, с коническим, округлым или плоским дном, с заглаженной, иногда залощенной поверхностью с видимой примесью охристых включений (рис. 117, 118, 119, 120: 3). В качестве пластического сырья были использованы ил или запесоченная илистая глина. Под горловиной у большей части сосудов проходит одинарный поясок цилиндрических ямок и жемчужин, у трех – срез горловины был гофрирован наколами. Сосуды украшены треугольным наколом, треугольным наколом в сочетании с широкой проглаженной полосой, треугольным наколом в сочетании с ногтевидными насечками, скобковидным наколом, торцом тонкой цилиндрической палочки, насечками и гладким штампом. Орнамент носит зональный характер и покрывает преимущественно верх и низ сосуда, а средняя часть часто остается гладкой. Орнаментальные композиции расположены в верхней и нижней частях сосуда и образуют геометрические композиции из горизонтальных и наклонных линий наколов, косой решетки, наколов с жемчужным пояском под венчиком (рис. 119: 1).

Обнаруженные на полу ранненеолитического жилища каменные изделия малочисленны. Они изготовлены из белого, желтого и красновато-коричневого кремня, характерного в равной мере для кремневых комплексов льяловской и волосовсвкой культур.

Отметим находки особой категории орудий – наконечники стрел, выполненные в кельтеминарской традиции. Это наконечники на пластинах с обработкой односторонней ретушью по краям, образующей ассиметричное острие с боковой выемкой, а также с усечен-

ным массивным проксимальным концом (рис. 120: 10). Причем один наконечник находится в стадии неоконченного изготовления, что говорит об их местном производстве. Кельтеминарские наконечники характерны для неолита Северного Прикаспия и были связаны с миграциями населения в раннем неолите на Нижнюю и Среднюю Волгу (Выборнов, 2008; Андреев, 2017). Так как эти находки происходят из перемешанного слоя, то они могут быть связаны как с елшанским ранненеолитическим керамическим комплексом, так и накольчатым, который несет следы контактов с елшанским населением.

Выразительные материалы поселения Утюж I с накольчатой орнаментацией посуды позволяют исследовать вопрос неолитизации региона, проследить культурные контакты данного населения, хронологическое развитие его материальной культуры. По нескольким фрагментам керамики с накольчатым орнаментом получены радиоуглеродные даты – ВР 6330±90 (Ki-14448) и 5890±80 (Ki-14458) (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, Березина, Вискалин, Ставицкий, 2008; Выборнов, 2008).

Стоянка Чёрненькое озеро

Памятник находится на правом берегу Суры, в удалении от реки на 700 м и расположен на развеянном склоне второй надпойменной террасы восточного берега старичного озера Чёрненькое. Стоянка открыта в 2006 г. в ходе работы совместной экспедиции, проводившейся в Алатырском районе (см. главу 1). В 2007–2010 гг. здесь проводились разведочные раскопки, было заложено несколько разведочных шурфов (Березина, Выборнов, Кондратьев, Шалапинин, Сидоров, 2010). Памятник оказался многослойным. Под дерном залегал песчанистый культурный слой, мощностью около 50 см, вмещающий находки неолита–энеолита. Находки неолита отмечены в нижних горизонтах. Среди них типологически выделены фрагменты с накольчатой орнаментацией, а также найден развал крупного сосуда.

Керамика

По фрагментам венчиков насчитывается 17 сосудов. Развал крупного сосуда позволяет реконструировать его приблизительную форму – сосуд с слегка прикрытым горлом и конусовидным дном. Поверхность его заглажена, имеет серый цвет и толщину 0,7–0,8 см. Под округлым срезом венчика проходит ряд ямочных вдавлений, (рис. 120: 1). Вся внешняя поверхность сосуда украшена горизонтальными рядами, состоящими из крупных треугольных наколов в отступающей технике. Сосуд изготовлен из запесоченной ожелезненной илистой глины с добавкой органического раствора и шамота. На остальных фрагментах керамики орнамент состоит из треугольных и каплевидных наколов, а также гладких штампов и ногтевидных насечек, образующих горизонтальные ряды и зигзаги (рис. 120-121). Венчики с округлым и уплощенным срезом, иногда имеют пояс из округлых вдавлений.

Несколько фрагментов от трех или четырех сосудов с округлым дном украшены наклонными рядами прямых оттисков гладкого штампа, иногда разделенных короткими ногтевидными насечками. У одного сосуда сохранился венчик с округлым срезом покрытый узором гладкого штампа и пояском округлых ямок поверх (рис. 120: 1, 4–9). Среди изученного керамического материала выделяются группы фрагментов сосудов, изготовленных из слабозапесоченной глины и из запесоченной глины с органическим раствором и небольшой примесью шамота.

Следует отметить несколько мелких фрагментов, вероятно, от трех сосудов, залегавших на одном уровне и изготовленных из запесоченной глины (рис. 121: 8,10–14). Они украшены овальными наколами, образующими композиции из нескольких рядов изогнутых линий, создающих сложный геометрический орнамент. Это не характерно для культур лесных и лесостепных территорий и указывает на южные связи.

Помимо керамики на стоянке обнаружен и кремневый инвентарь, но достоверно связать с накольчатым комплексом кремневые изделия на данном этапе исследований практически невозможно.

В целом, керамический комплекс с накольчатой керамикой многослойной стоянки Черненькое Озеро представляется неоднородным, где присутствуют, как минимум, две технологии изготовления глиняной посуды – с добавлением песка, а также песка, органического раствора и шамота. Кроме того, в орнаментации также отмечаются различия. Возможно, это указывает на разные импульсы в продвижении групп носителей накольчатой керамики на север, и мы отмечаем здесь несколько этапов заселения территории стоянки. Возможно, это свидетельствует, в целом, о разнокультурном составе коллективов носителей этой керамики.

Стоянка Вьюново Озеро I

Памятник расположен на краю I надпойменной террасы, на северо-восточном бере-

гу старичного озера Вьюново правобережной поймы Суры, в 8 км юго-юго-восточнее г. Алатырь (см. главу 4). Во время раскопок стоянки в 2006–2010 гг. совместной археологической экспедицией (см. главу 1) среди керамики были обнаружены немногочисленные фрагменты с накольчатым орнаментом (рис. 113: 1, 4–7, 9).

Фрагменты можно разделить на две группы. Первая группа – это фрагменты небольших тонкостенных сосудов с прямыми венчиками, поверхность их заглажена, орнамент в виде наклонных линий нанесен мелкими треугольными наколами и насечками в отступающей манере (рис. 113: 1, 4–6, 9). Пластическим сырьем, вероятно, служили илистые глины с видимыми включениями охристых оолитов. К этой же группе, вероятно, принадлежат 25 небольших фрагментов от одного сосуда. Форма сосуда не восстанавливается, но судя по нескольким фрагментам, дно его было конусовидным. Вся поверхность сосуда покрыта косой решеткой из двойных тонких прочерченных линий, местами ритм линий сбивается и они беспорядочно находят друг на друга. Вторая группа – это сосуды как небольшие, так и относительно более крупных размеров, сделанные, вероятно, из запесоченной глины также с включениями охристых оолитов. Орнамент – крупные, разреженные наколы разных форм. Форма сосудов не восстанавливается (рис. 113: 7, 8) (Березина, 2011в).

Немногочисленная коллекция этой стоянки, на данном этапе исследований представляется неоднородной. Природу этой неоднородности возможно будет решить при более масштабных работах и обнаружении закрытых комплексов.

При разведочных работах на утюжском комплексе в 2006 г. совместной археологической экспедицией (см. главу 1) были заложены разведочные шурфы на стоянках Молёбное Озеро I и Вьюново Озеро II, в которых обнаружены немногочисленные фрагменты с накольчатой орнаментацией (Березина, 2011в). Эти находки дополняют и расширяют наши представления как о распространении памятников с накольчатой орнаментацией керамики, так и об их культурных характеристиках.

5.2 Памятники неолита с накольчатым орнаментом на керамике левобережья Волги

На стоянках Чувашского Заволжья, на разрушающихся памятниках Мукшумского археологического комплекса (рис. 41) в подъемном материале также были обнаружены фрагменты с накольчатой орнаментацией.

Мукшумская I стоянка

Стоянка находится на левом берегу устья западной протоки полуострова Мукшум. Памятник открыт Н.С Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Очевидно, что памятники с накольчатой орнаментацией имели более низкое высотное расположение и оказались затоплены Чебоксарским водохранилищем. Среди многочисленного подъемного материала, в основном принадлежащего мезолитической эпохе, найдены несколько фрагментов с накольчатым орнаментом и неорнаментированные части стенок сосудов. Они отличаются небольшой толщиной – 0,5–0,8 см, хорошей заглаженностью и залощенностью стенок, примесью песка в тесте. Орнамент выполнен в виде коротких насечек, расположенных горизонтальными рядами (рис. 122: 5, 6). Форма сосудов не восстанавливается (Березина, Березин, 2003).

Мукшумская II стоянка

Стоянка находится на правом берегу устья протоки, расположенной в центре полуострова Мукшум. Памятник открыт Н.С Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). У берега в воде собран аналогичный материал, где среди керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом было обнаружено несколько фрагментов накольчатой керамики. Фрагменты керамики с накольчатым орнаментом тонкостенные, с прямыми стенками, поверхность хорошо заглажена, имеется примесь песка. Один фрагмент венчика с плоским, слегка скошенным наружу срезом был украшен горизонтальным рядом мелких цилиндрических отверстий. Орнаментированные фрагменты украшены наколами треугольной и овальной форм (рис. 122: 1, 7). Форму сосудов восстановить не удалось.

Мукшумская V стоянка

Находится на правом берегу восточной протоки полуострова Мукшум, в 40–50 м восточнее устья. Памятник открыт Н.С Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Среди большого количества собранного подъемного материала обнаружено несколько фрагментов с накольчатым

орнаментом. Фрагменты тонкостенные, хорошо заглаженные. Орнамент выполнен в виде треугольных наколов и тонких ногтевидных оттисков. Один фрагмент венчика имеет слегка прикрытую форму, нанесенные по плоскому срезу венчика насечки образуют гофрированный край (рис. 122: 3, 9). Здесь же был найден «утюжок» – изделие, выполненное на гальке с округлым в сечении приполированным желобком (рис. 123: 3). Вероятно, это изделие нагревали на огне, вследствие чего оно растрескалось. Утюжки, большинство исследователей рассматривают как выпрямители деревянных древков стрел и связывают с культурой керамики с накольчатым орнаментом (Березина, Березин, Мясников, 2010).

Мукшумская XII стоянка

Находится в восточной части полуострова Мукшум, на второй надпойменной террасе, у подножья высокой коренной террасы, в небольшом понижении. Памятник открыт Н.С Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Среди большого количества подъемного материала было обнаружено несколько фрагментов с накольчатым орнаментом. Орнамент выполнен в виде треугольных наколов и тонких ногтевидных оттисков. Фрагменты стенок тонкостенные, хорошо заглаженные (рис. 122: 8). На этой стоянке также были найдены три «утюжка» с приполированными округлыми желобками, выполненные на гальках и куске кристаллической породы (рис. 123: 1, 2, 5).

Мукшумская XIII стоянка

Памятник расположен на песчаном острове – останце дюнного всхолмления второй надпойменной террасы, западнее в 200 метрах от Мукшумской VII стоянки (рис. 75). Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Среди подъемного материала преимущественно мезолитического облика было обнаружено два фрагмента лепной керамики с накольчатым орнаментом. Фрагменты – тонкостенные, заглаженные. Один фрагмент прямого венчика с плоским срезом, чуть скошенным внутрь, имеет орнамент. Вдоль края венчика расположен ряд мелких сквозных отверстий, разделенных наклонными рядами линий из плотнопоставленных треугольных наколов в технике отступающей палочки (рис. 122: 2).

Мукшумская XVII стоянка

Памятник расположен в 100 м восточнее устья восточной протоки полуострова, в понижении между двумя дюнными всхолмлениями. Открыт Н.С Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). На стоянке среди подавляющего большинства фрагментов с ямочно-гребенчатым орнаментом собраны немногочисленные небольшие фрагменты с накольчатым рисунком. Фрагменты, в основном, тонкие 0,6–0,7 см, но есть и толстостенные. Поверхность сосудов заглажена, реже заполирована. В тесте наблюдается примесь песка. Орнамент состоит из наколов треугольной и каплевидной форм и насечек. Три венчика принадлежат двум небольшим сосудам. Один сосуд – с прямыми стенками и овальным срезом венчика. Орнамент – плотный, треугольные зоны заполнены линиями из треугольных наколов, поставленных в отступающей манере. Под краем венчика проходят мелкие сквозные цилиндрические отверстия, нанесенные поверх накольчатого узора (рис. 122: 4). Второй сосуд имеет слегка прикрытую форму. Венчик прямой, с округлым краем. Сосуд полностью украшен тонкими наклонными насечками, расположенными горизонтальными рядами (рис. 122: 13–15). В коллекции имеется один фрагмент плоского дна сосуда, украшенный рядами каплевидных наколов (рис. 122: 12).

В коллекции также имеется утюжок из большой гальки с плоским основанием, размером 10×10×5 см., по середине проходит отполированный, круглый в профиле желобок диаметром 12 мм (рис. 123: 4). Большинство исследователей связывают утюжки с культурами с носителями керамики с накольчатым орнаментом.

Мукшумская XIX стоянка

Памятник располагается на песчаном острове – останце дюнного всхолмления пойменной террасы р. Волги, размываемого Чебоксарским водохранилищем к югу от п-ва Мукшум. Открыт Н.С Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Среди подъемного материала, собранного у берега в воде, было найдено два мелких фрагмента лепной керамики с накольчатым орнаментом, один из которых – фрагмент плоского дна горшка с орнаментом из разреженных треугольных наколов (рис. 122: 11).

Эти небольшие коллекции керамики с накольчатой орнаментацией, собранные на разрушенных стоянках левобережья Волги, представляют интерес в связи с затоплением большей части памятников этого периода в

регионе. Они позволяют сформировать представление о культурной группе памятников в левобережье Волги и сравнить ее с материалами Марийского Поволжья и устья Камы.

5.3 Вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников с накольчатым орнаментом керамики

Проблема изучения памятников с накольчатой орнаментацией в Поволжье – одна из интереснейших и сложных проблем неолита, разработка которой на современном этапе ведется многими специалистами по неолиту региона. Впервые эти памятники были исследованы в Среднем Поволжье А.Х. Халиковым. Он отнес их ко второму раннекерамическому этапу выделенной им волго-камской археологической культуры, западную границу которой, исследователь довел до р. Мокши, таким образом включив Чувашское Поволжье в ареал волго-камской культуры. Начало ее (накольчатый этап) А.Х. Халиков видел в местной мезолитической среде. Продолжение развития этой линии он обозначил в появлении гребенчатой орнаментации на посуде, а в последствии в ее полном преобладании (Халиков, 1969, с. 49–92). В.П. Третьяков выделил линию развития накольчатой посуды в самостоятельную, и связал ее с проникновением в Среднее Поволжье южных степных культур (Третьяков, 1972, с. 52). Позднее исследователи неолита Среднего Поволжья пришли к мнению о различном происхождения керамики с накольчатой и гребенчатой орнаментацией (Бадер, 1973; Габяшев, 1976; 1978; Моргунова, 1984; Никитин, 1986; 1996; Васильев, Выборнов, 1988; Крижевская, 1996 и др.). Различие вышеотмеченных трактовок заключается в разных подходах к решению вопросов происхождения и дальнейшего развития накольчатой керамической традиции.

А.Х. Халиков датировал накольчатую керамику первой половиной и серединой IV тыс. до н.э. и видел истоки этой традиции в днепро-донецких древностях, синхронизировав их с первым этапом развития днепродонецкой культуры. Исследователь подразделял ее на две группы: первая – посуда с примесью в тесте песка, шамота и реже охристой крошки, вторая – керамика с органической примесью в тесте – рубленной травой (Халиков, 1973, с. 109–113).

О.Н. Бадер принимал в целом выделение волго-камской культуры, но пути заимствования керамической традиции вел из Средней Азии, с территории кельтеминарской культуры (Бадер, 1973, с. 99–105).

Р.С. Габяшев, изучая памятники неолита Волго-Камья, пришел к выводу о необоснованности объединения накольчатой и гребенчатой традиций в одну культуру, исследователь отрицал их генетическую связь. Памятники с накольчатой орнаментацией, по его мнению, составляют самостоятельные группы, входившие в огромный Евразийский круг культур с накольчатой керамикой (Габяшев, 1978, с. 7). Происхождение этой традиции Р.С. Габяшев связывал с восточноевропейскими (днепродонецкими) древностями, отмечая при этом преемственность традиций в камнеобработке от позднемезолитических памятников типа стоянки IV Татарско-Азибейской. Он отнес их ко второму и третьему этапам развития днепро-донецкой культуры, датировав второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н.э. (Габяшев, 1978, с. 6). Позднее, Р.С. Габяшев пришел к выводу, что накольчато-прочерченная керамика Волго-Камья имеет не только восточноевропейские, но и азиатские корни. Опираясь на относительно позднее появление накольчато-прочерченной керамики в днепродонецкой культуре, исследователь пришел к выводу о ее среднедонских истоках. Появление же самых ранних накольчатых комплексов типа Щербетьской II стоянки, расположенной в устье Камы, он синхронизировал их с ранним этапом камской (гребенчатой) культуры.

Более ранние этапы существования памятников с накольчатой керамикой Р.С. Габяшев усматривал в Ульяновском Поволжье в таких стоянках, как, например, Дмитровоградские и Самарском Поволжье (стоянки Максимовская и Ивановская). Он выделил шесть локальных культурно-хронологических групп волго-камской (накольчатой) культуры: 1) памятники бассейна Самары с отчетливо выраженными южными элементами; 2) ульяновскую группу памятников с высоким процентом слабо орнаментированных сосудов; 3) усть-камскую группу; 4) марийскую; 5) икско-бельскую и 6) вятскую (Габяшев, 2003, с. 58–60). О.Н. Бадер, отметив различия гребенчатой керамики Прикамья и накольчатой Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, предложил для последней название – средневолжская (Бадер, 1981).

В Марийском Поволжье памятники с накольчатой керамикой изучены относительно полно. Большими площадями были исследованы 54 памятника с накольчатой керамикой. Так, только на Отарском VI поселении В.В. Никитиным раскопано 14 построек на общей площади более чем 1100 кв. м (Никитин, 2010, с. 68–80). Истоки культуры с накольчатым орнаментом посуды В.В. Никитин связывал с районами Подонья (Никитин, 1985, с. 79). Позднее, проанализировав накольчатые комплексы, он пришел к выводу о близости их к верхневолжским ранненеолитическим памятникам (Никитин, 1996, с. 107–112). Исследователь отмечает генетическое родство верхневолжских и средневолжских, а также волго-окских групп ранненеолитических накольчатых памятников. Учитывая общую экологическую нишу, сходство материальной культуры и хозяйственно-экономического уклада он предлагает объединить их в одну культурную общность – волжскую (Никитин, 2002, с. 293–303).

В последствии, с накоплением новых данных, В.В. Никитин указал на возможность многонаправленного процесса неолитизации Марийского Поволжья. С одной стороны, в среде позднемезолитического населения начались процессы неолитизации экономики, с другой – в регион проникали племена как с запада (верхневолжские), так и юго-востока (из Самарского Поволжья) носители елшанских традиций изготовления керамики. В.В. Никитин указывает, как наиболее вероятную, главную причину таких движений населения степи и лесостепи на север – экологическую (Никитин, 2006, с. 258). Исследователь указывает на единство ранненеолитических культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы и предполагает их генетическую связь. По его предположению, вероятной была подвижка населения из районов Приаралья и Восточного Прикаспия, которая происходила многократно и по разным направлениям (Никитин, 2008, с. 309–311).

И.Б. Васильев и А.А. Выборнов, основываясь на раскопанных материалах 1970–80-х годов в южной части лесостепного Поволжья, обосновывают существование синкретической средневолжской культуры, сочетающей в себе накольчато-прочерченные и гребенчатые орнаменты. По мнению исследователей, эта культура сложилась в результате постоянных контактов накольчатой и гребенчатой культур на юге лесостепной зоны Поволжья, при участии елшанского и степного ранненеолитического компонентов. Однако, на памятниках северной части Среднего Поволжья такой процесс взаимовлияния не отмечен (Васильев, Выборнов, 1988, с. 19–36). Территория Верхнего Посурья, по мнению В.В. Ставицкого, на протяжении неолита входила в зону влияния лесостепных культур, в т.ч. средневолжской и среднедонской, сохраняя при этом свою специфику контактной области лесных и лесостепных групп (Ставицкий, 1999, с. 185–186).

Следует отметить, что ранее памятники с накольчатым орнаментом в Чувашском Поволжье исследователями не отмечались. Накольчатые керамические материалы лесного левобережья Волги Мукшумских памятников немногочисленны и известны лишь из подъемного материала, но они дают представление о характере накольчатых памятников левобережья Волги. Все эти памятники имеют низкое высотное расположение и в настоящее время затоплены Чебоксарским водохранилищем. Накольчатые керамические фрагменты хорошо отличаются от других неолитических материалов и имеют следующие характеристики. Это плоскодонные горшки небольшого размера, тонкостенные, плоскодонные, с хорошо заглаженной, иногда залощенной поверхностью. В пластическом сырье заметна примесь песка. Орнамент расположен в верхней и нижней частях сосудов, редко по всему тулову, иногда днища также орнаментированы. Орнамент нанесен треугольными и каплевидными наколами, иногда ногтевидными насечками, прочерченными линиями. Орнаментальные композиции простые – сплошные и пунктирные линии, отдельные наколы. Зафиксированы геометрические фигуры – треугольники и ромбы, а также перекрещивающиеся прочерченные линии. Венчики – прямые, редко с наплывом изнутри, с плоским и округлым срезом, иногда с ямочными вдавлениями или сквозными отверстиями под венчиком.

Все находки посуды с накольчатым орнаментом Мукшумского комплекса памятников находят прямые аналогии в материалах Марийского Поволжья, в таких памятниках как Дубовская III, Дубовская VIII, Сутырская V и Отарское VI (Никитин, 1996, с. 82–114). Это баночные прямостенные или слегка прикрытые формы небольших сосудов с плоским дном, рядом сквозных отверстий по краю венчика (при отсутствии «жемчужин»), с сочетанием разреженного треугольного и каплевидного наколов и орнаментацией плоских (слегка вогнутых) днищ. В.В. Ники-

тин, автор раскопок этих стоянок, отмечал их большое сходство с сурско-мокшанской группой (Никитин, 1996, с. 111) и, проводя аналогии с верхневолжской культурой, предположил, что накольчатые комплексы существовали в Марийском Поволжье не позднее конца IV тыс. до н.э. (Никитин, 2002, с. 302). Для ранненеолитических накольчатых памятников Марийского Поволжья получены даты: по углю из очага жилища Отарского VI поселения 6700±40[3] (ЛЕ–5998) (Никитин, 2002а, с. 182), по керамике – ВР 6020±90 (Ki–14424); Дубовская III – ВР 6130±100 (Ki–14534); Дубовская VII – ВР 5950±90 (Ki–14532); Сутырская V – ВР 5710±90 (Ki–14540); Щербетьская II, ВР 6620±90 (Ki–14134), ВР 6530±90 (Ki–14098) (Выборнов, 2008), т.е. время их существования определяется как конец V – первая четверть IV тыс. до н.э.

Среди подъемного материала на памятниках мукшумского комплекса были обнаружены так называемые «утюжки» – крупные гальки из зернистых или однородных кристаллических пород с поперечным желобком округлого сечения (Березина, Березин, Мясников, 2010, с. 87–96). Дно желобка, как правило, хорошо заполировано, на стенках отчетливо видны продольные микроцарапины. Утюжки, собранные в Чувашском Заволжье, схожи с шлифовальниками Марийского Заволжья. Всего было найдено пять утюжков, по одному на стоянках Мукшумская V, Мукшумская XVII и три – на Мукшумской XII. На памятниках с накольчатой неолитической керамикой Марийского Заволжья было найдено семь экземпляров «утюжков», названных В.В. Никитиным «шлифовальниками». Все они – с поперечными пазами, овальной и только в одном случае треугольной формы, изготовленные на плотных мелкозернистых или сланцевых породах, найденные по одному «утюжку» на поселениях Нижняя Стрелка и Отарское VI, и по два «утюжка» на Дубовском III, VII и VIII поселениях (Никитин, 1996). Эти изделия, по мнению большинства исследователей, проникают в лесостепную полосу с носителями накольчатой керамики и являются маркером новой технологии. Районы наибольшего распространения «утюжков» – лесостепная часть Восточной Европы и Зауралье, также очерчивают области с наибольшим распространением неолитической накольчатой керамики. Носителями традиций изготовления древков стрел с помощью «утюжков» является часть общности носителей накольчатой керамики, в свою очередь в процессе расселения на рубеже мезолита и неолита они переняли эти технологические традиции у более южных общностей Казахстана, Средней Азии и Ближнего Востока.

Ранненеолитические накольчатые комплексы керамики в Чувашском Поволжье изучены и в Среднем Присурье. Накольчатый комплекс посуды многослойного поселения Утюж I выделен на дне ранненеолитического жилища. Остро- и плоскодонные слегка прикрытые сосуды украшены наколами треугольной формы, различными скобковидными и подцилиндрическими оттисками и прочерченными линиями. На сосудах присутствуют неорнаментированные поля. Под срезом венчика имеется, как правило, ряд ямочных вдавлений. Найденные здесь фрагменты венчиков закрытого сосуда с утолщением –наплывом изнутри и орнаментом из ногтевидных насечек под венчиком, находят аналогии в материалах Отарской VI, Дубовской III и некоторых других стоянок Марийского Поволжья (Никитин, 1996, с. 92).

Керамика стоянки Черненькое Озеро с накольчатым орнаментом и слабоорнаментированная посуда были изготовлены из запесоченной илистой глины с большой добавкой органического раствора и немного шамота. Орнамент выполнен мелкими треугольными наколами в отступающей манере. Реконструирован сосуд прикрытой формы, с прямым срезом венчика и конусовидным дном. Эта группа керамики находит параллели с аналогичной керамикой со стоянки Молёбное Озеро I, которая имеет дату ВР 6290±90[4] (Ki–14441), и с поселения Утюж I – ВР 6330±90 (Ki–14448) (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, Березина, Вискалин, Ставицкий, 2008).

Вся совокупность вышеописанных признаков сближает данную группу посуды с керамикой стоянок района слияния Камы и Волги Щербетьская II и Тетюшская IV (Габяшев, 2003). По органике из фрагмента керамики стоянки Черненькое Озеро была получена радиоуглеродная дата ВР 6190±80 (Ki–15198). Для аналогичной посуды с Тетюшской IV стоянки имеется дата ВР 6170±90 (Ki–14452), а для Щербетьской II – ВР 6270±90 л.н. (Ki–14531) (Выборнов, Габяшев, Галимова, Денисов, Ковалюх, Лычагина, Мельничук, Скрипкин, 2008). С этой группой керамики связаны фрагменты с ногтевидными насечками, которые по примесям, цвету и характеру обработки поверхностей, примыкают к

[3] Использованы некалиброванные даты

[4] Использованы некалиброванные даты

вышеописанной группе. Посуда с ногтевидными насечками является органичной составляющей в комплексах с накольчатой керамикой Ульяновского Поволжья (Буров, 1980), Самарского Поволжья (Выборнов, Королев, Мамонов, 2002) и Примокшанья (Ставицкий, 2008). Аналогичная керамика обнаружена на Мукшумских стоянках в Чувашском Поволжье (Березина, Березин, 2003, с. 158. рис. 41, 15). Такие же сосуды известны на стоянке Сауз I в устье р. Белой (Бадер, Калинина, 2003, с. 27, рис. 7). Следует отметить несколько фрагментов сосудов, изготовленных по единой технологии из запесоченной глины. Их декор выполнен овальными наколами в отступающей манере, он образует сложные геометрические узоры, характерные для южных территорий.

Единичные фрагменты керамики с накольчатой орнаментацией были обнаружены и на других присурских памятниках – Молёбное Озеро I, Вьюново Озеро I и II, которые находят аналогии с керамикой поселения Утюж I и Черненькое Озеро.

Поиск аналогий памятникам с накольчатой керамикой Чувашского Поволжья с соседними территориями выявляет широкие параллели с ранненеолитическими накольчатыми комплексами лесостепи и степи. Но наибольшее сходство аналогии имеют в памятниках Примокшанья и Марийского Поволжья. Так, на Средней Мокше, на стоянке Ковыляй I присутствуют остро- и плоскодонные прикрытые сосуды, украшенные простыми композициями из наколов. Орнаментация одного сосуда практически повторяет утюжский: под срезом венчика проходят ряд ямочных вдавлений, несколько рядов наколов по краю и наклонные ряды двойных линий из наколов, а по наиболее широкой части тулова, располагающейся в верхней трети сосуда – два горизонтальных ряда овальных оттисков (наколов) (Ставицкий, 1999, с. 41). На поселениях Марийского Поволжья, как отмечалось выше, также присутствуют прикрытые плоскодонные горшки и чашки, орнаментированные треугольными и овальными наколами, образующими нехитрые геометрические узоры из горизонтальных и наклонных линий (Никитин, 1996, с. 84–86). Однако, на памятниках Марийского Поволжья отсутствуют остродонные формы сосудов, что говорит, по нашему мнению, об их более поздней позиции по отношению к сурским памятникам. С памятниками Подонья утюжскую ранненеолитическую керамику сближают остродонность посуды, использование ямочно-жемчужных поясков и состав глиняного теста.

Яркой деталью неолита утюжского комплекса является нахождение четырех наконечников стрел, выполненных в кельтеминарских традициях – на пластине с боковой выемкой на 2/3 длины. Наконечники стрел с боковой выемкой – достаточно часто встречающаяся находка в археологических комплексах на территории от Северного Прикаспия до предгорий Алтая и Тоболо-Иртышья (Храмцов, 2020). На памятниках Среднего Присурья эти находки маркируют миграции носителей этих традиций, вероятно, связанные с процессами неолитизации региона.

Таким образом, на данном этапе исследований можно отметить, что памятники с накольчатой керамикой в Чувашском Поволжье, выявленные в Среднем Присурье и Чувашском Заволжье, датируются второй половиной V – началом IV тыс. до н.э. Они имеют близкие параллели в ранненеолитических комплексах Марийского Поволжья и Примокшанья, причем присурские комплексы, вероятно, имеют более раннюю позицию по отношению к заволжским.

Рис. 116. А – Утюжский комплекс памятников на космоснимке. Б – фото стоянки Черненькое Озеро с запада, во время раскопок 2010 г.

Fig. 116. A – Utiuzh complex of sites on a space image. B – photo of the Chernenkoe Ozero site from the west, taken during the excavations of 2010.

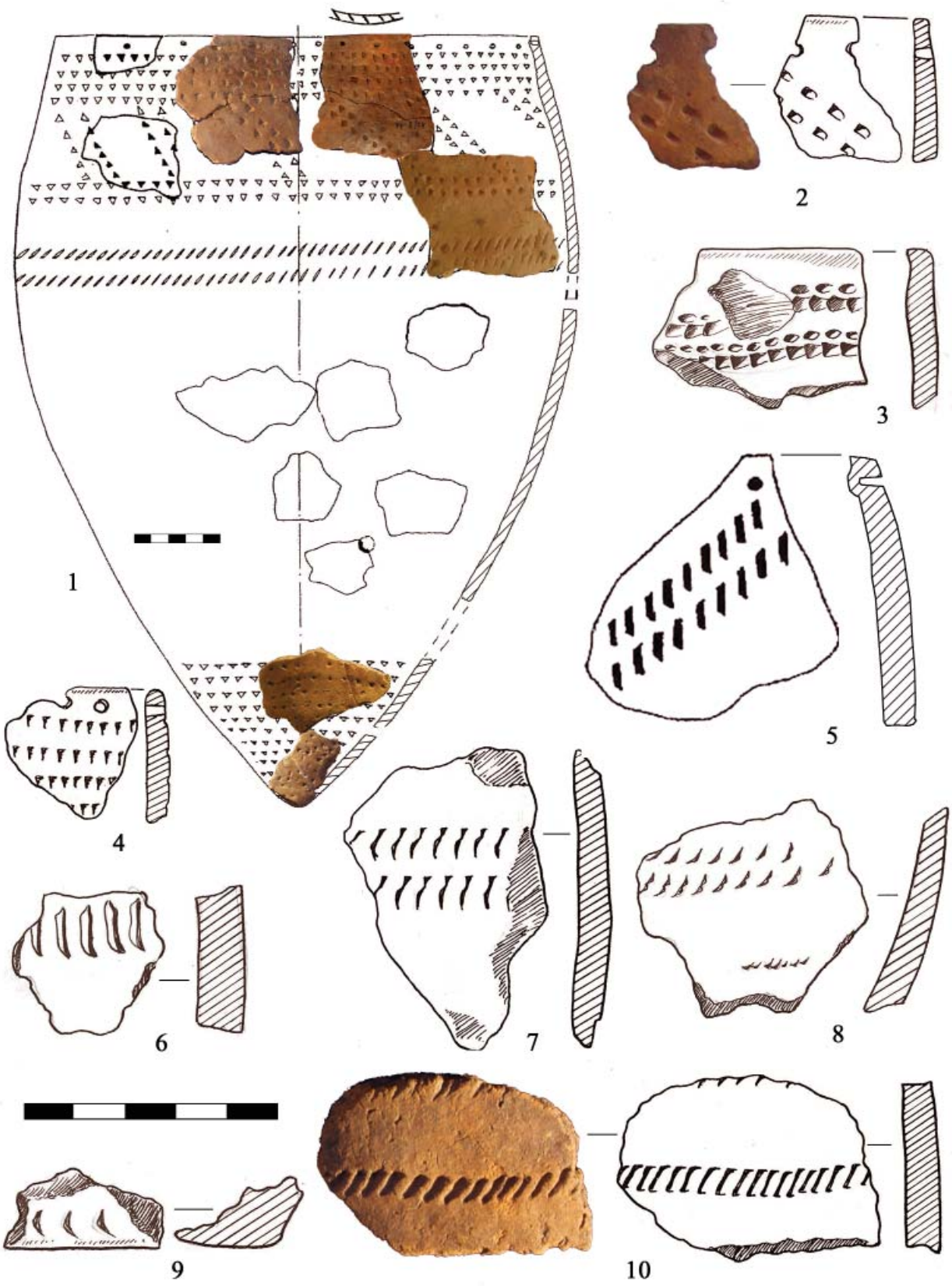


Рис. 117. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 117. Utiuzh I settlement. Ceramics.

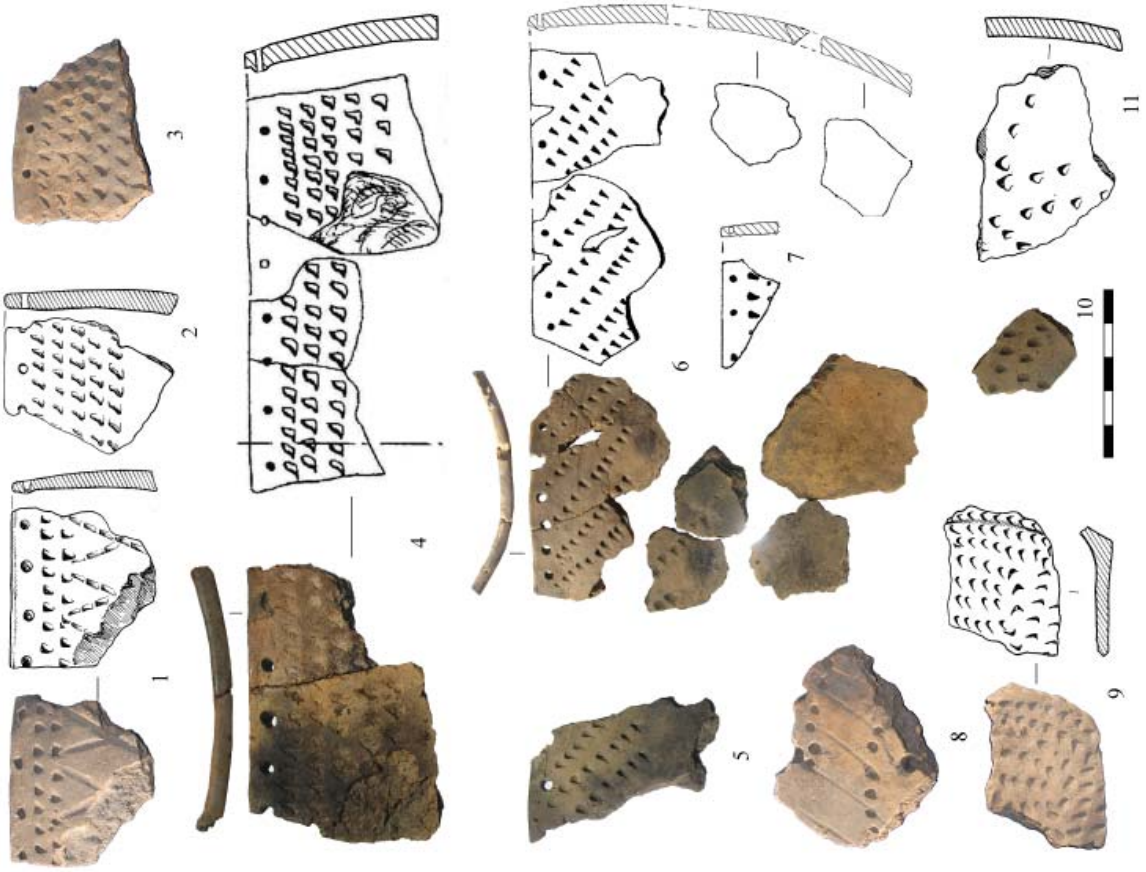


Рис. 118. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 118. Utiuzh I settlement. Ceramics.

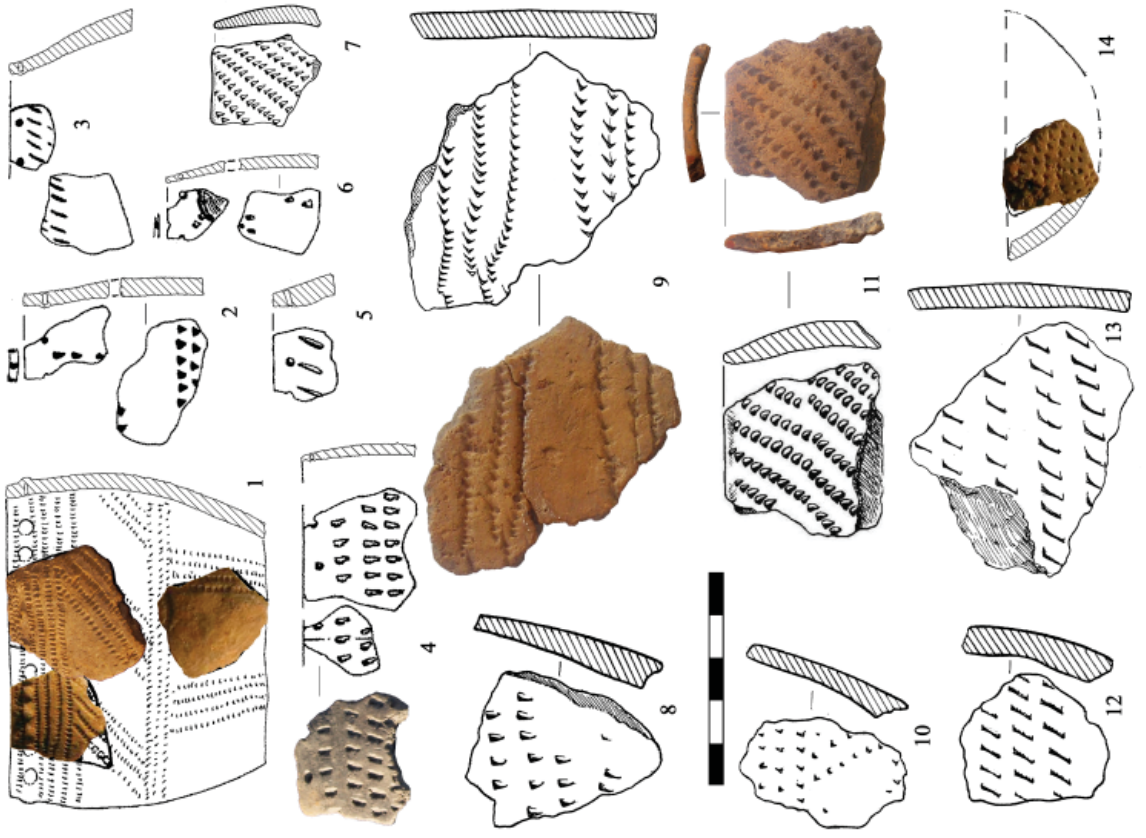


Рис. 119. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 119. Utiuzh I settlement. Ceramics.

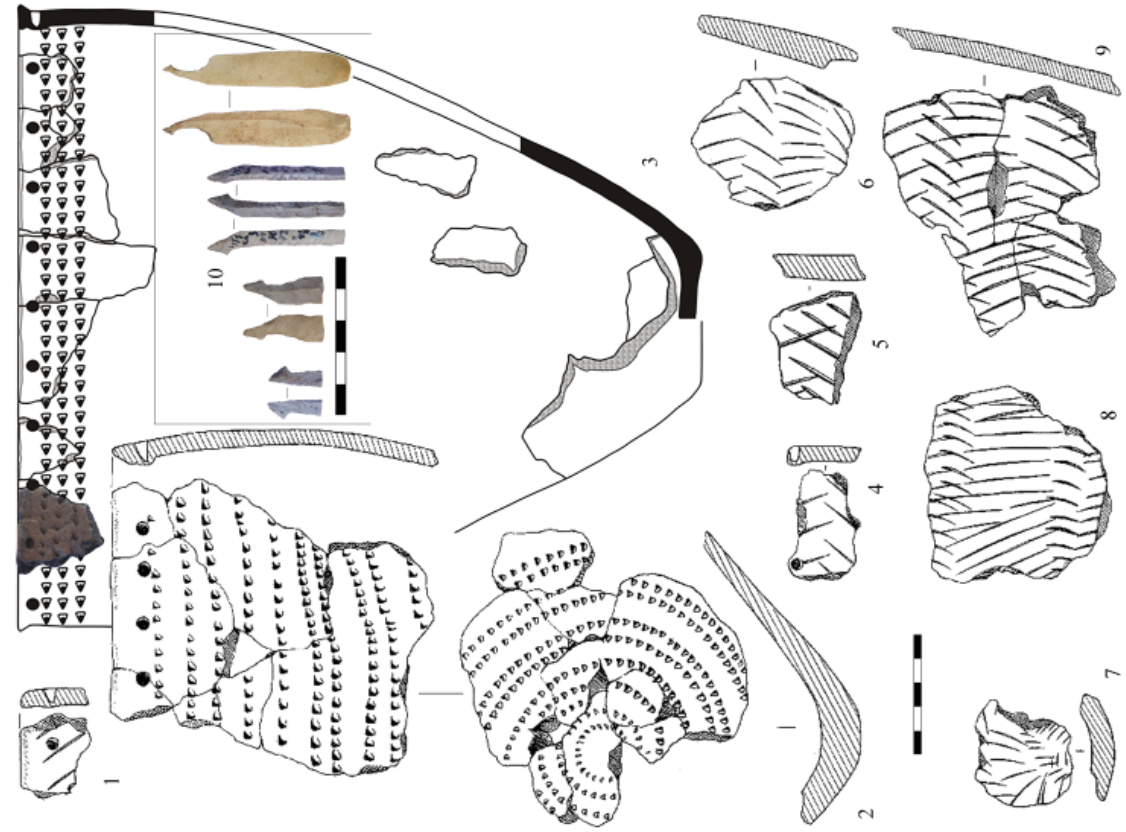


Рис. 120. Поселение Утюж I: 3 – керамика, 10 – кремневые наконечники стрел. Стоянка Черненькое Озеро: 1, 2, 4-9 – керамика.

Fig. 120. Utiuzh I settlement: 3 – ceramics, 10 – flint arrowheads. Chernenkoe Ozero site: 1, 2, 4-9 – ceramics.

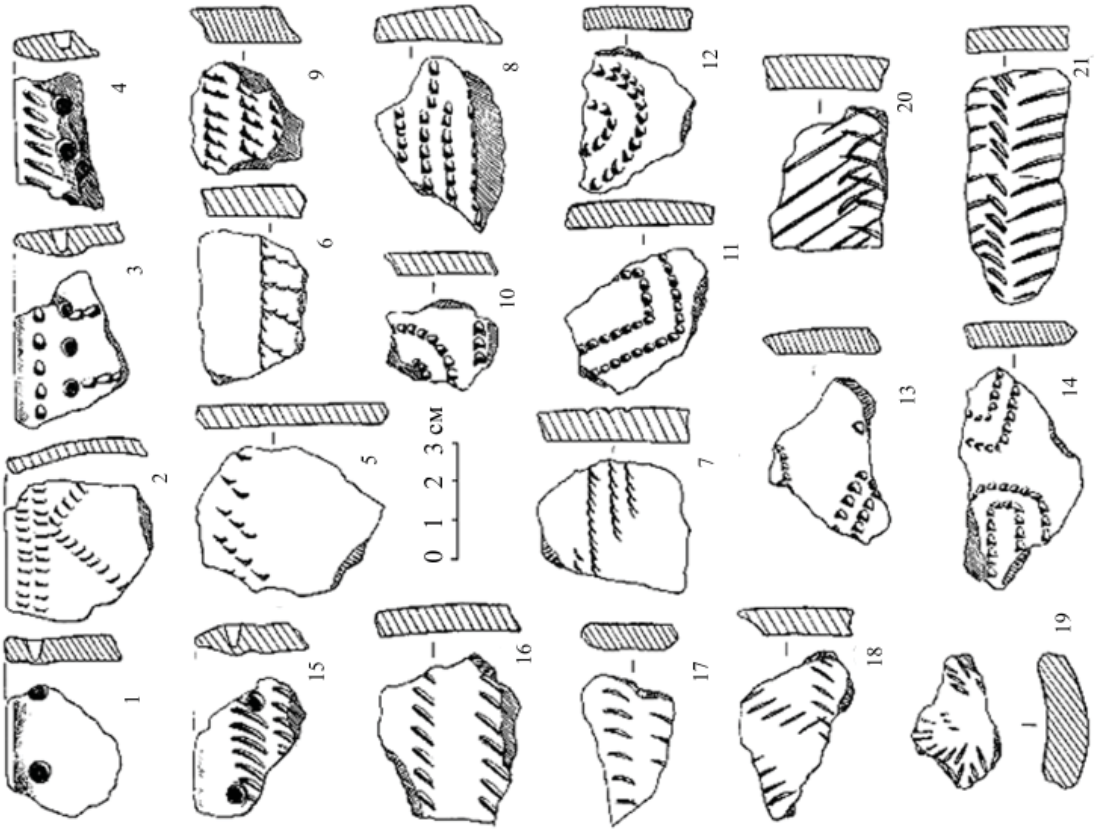


Рис. 121. Стоянка Черненькое Озеро. Керамика.

Fig. 121. Chernenkoe Ozero site. Ceramics.

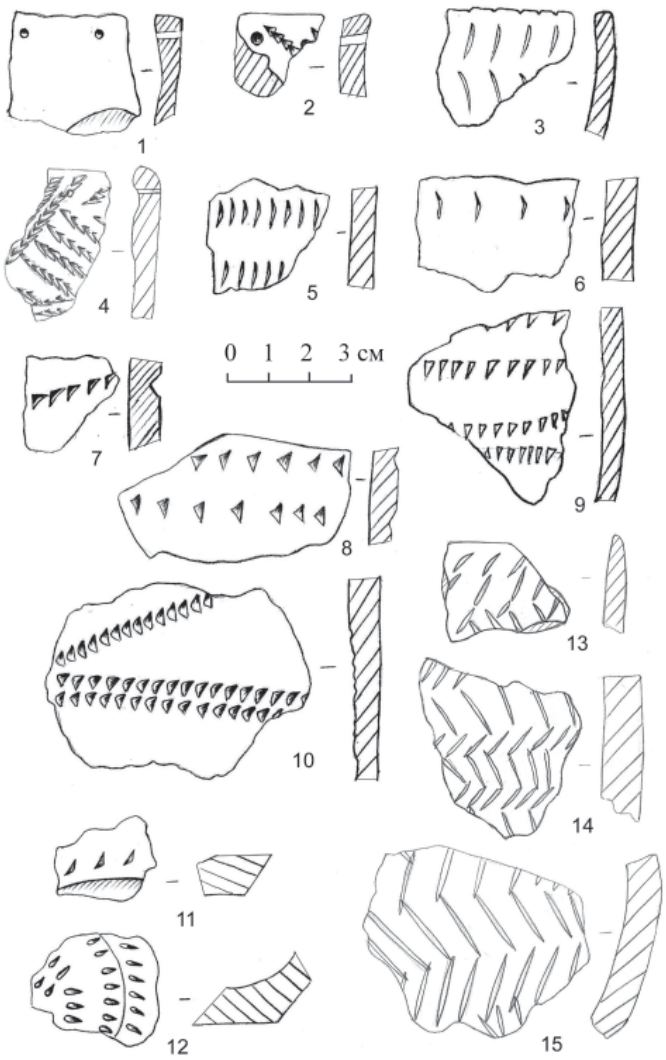


Рис. 122. Керамика стоянок: 1,7 – Мукшумская II; 2 – Мукшумская XIII; 3, 9 – Мукшумская V; 5 , 6 – Мукшумская I; 8 – Мукшумская XII; 11 – Мукшумская XIX; 4, 12-15 – Мукшумская XVII.
Fig. 122. Ceramics from the following sites: 1, 7 – Mukshum II; 2 – Mukshum XIII; 3, 9 – Mukshum V; 5, 6 – Mukshum I; 8 – Mukshum XII; 11 – Mukshum XIX; 4, 12-15 – Mukshum XVII.

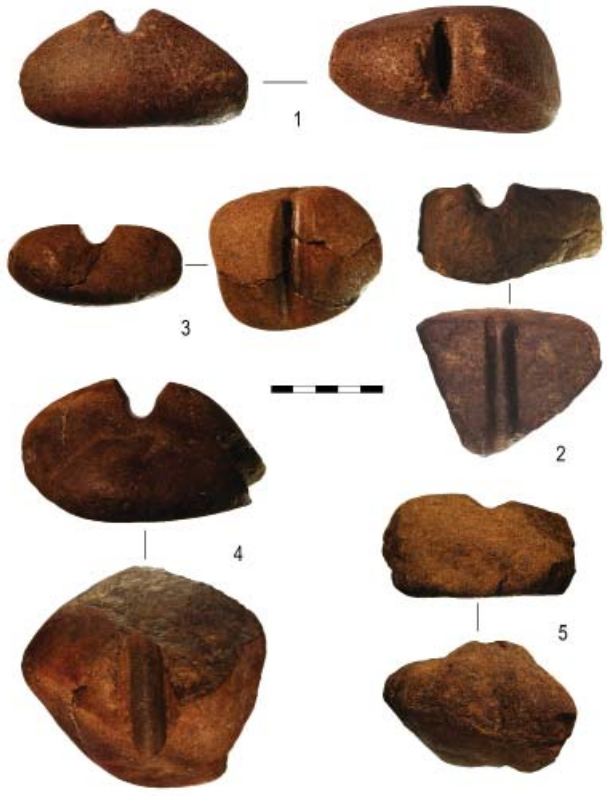


Рис. 123. Находки «утюжков» на стоянках: 1, 2, 5 – Мукшумская XII; 3 – Мукшумская V; 4 – Мукшумская XVII.
Fig. 123. "Irons" discovered at the following sites: 1, 2, 5 – Mukshum XII; 3 – Mukshum V; 4 – Mukshum XVII.

ГЛАВА 6. ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА С ГРЕБЕНЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ КЕРАМИКИ

Наряду с накольчатой орнаментальной традицией, ранненеолитические памятники Чувашского Поволжья характеризуются присутствием и гребенчатой традиции. При раскопках многослойного поселения Утюж I и стоянок Молёбное Озеро I и Вьюново Озеро I в Среднем Присурье были обнаружены немногочисленные фрагменты сосудов, которые были украшены оттисками гребенчатого штампа в традиции камской археологической культуры. В Алатырском краеведческом музее хранится подъемный материал, собранный в 1970-х гг. Ю.Н. Новиковым в Алатырском Присурье, характеризующий неолитическую традицию изготовления посуды с гребенчатым орнаментом. Керамические комплексы с гребенчатой орнаментацией также были найдены при исследовании памятников и в Чувашском Заволжье. Несмотря на малочисленность археологических памятников с посудой с гребенчатой орнаментацией и отсутствию керамических комплексов, привязанных к непереотложенному культурному слою, эти материалы достаточно яркие и позволяют дать характеристику этому культурному явлению неолита Чувашского Поволжья. Ниже приведены описания гребенчатых керамических комплексов Чувашского Поволжья.

6.1 Памятники неолита с гребенчатым орнаментом керамики Среднего Присурья

Стоянка Чёрненькое озеро

Памятник находится на правом берегу Суры, в удалении от реки на 700 м и расположен на развеянном склоне второй надпойменной террасы восточного берега старичного озера Чёрненького. Стоянка открыта в 2006 г. в ходе работы совместной экспедиции, проводившейся в Алатырском районе (см. главу 1). В 2007–2010 гг. здесь проводились разведочные раскопки, было заложено несколько разведочных шурфов (Березина, Выборнов, Кондратьев, Шалапинин, Сидоров, 2010). Памятник многослойный.

Группа керамики с гребенчатым штампом представлена фрагментами примерно от четырех сосудов, обнаруженных на данном памятнике. Фрагменты серого цвета, толщиной 0,6–0,8 см, были изготовлены из запесоченной илистой глины или из среднезапесоченной глины с обильной примесью шамота и органического раствора. Данная технология отличает группу с гребенчатой орнаментацией от других групп посуды этой стоянки.

Среди находок выделяется округлое днище, украшенное сочетанием горизонтальных рядов длинных оттисков гребенчатого штампа, чередующихся с отпечатками короткого зубчатого оттиска, вероятно, сделанного углом того же штампа (рис. 124: 8). Поверхность сосуда подлощена, стенки относительно тонкие (у края толщиной около 6 мм), что отличает его от более толстостенной классической посуды камской культуры. Присутствуют сосуды, украшенные оттисками длинной гребенки, расположенной горизонтально или рядами наклонно поставленных гребенчатых отпечатков, разделённых рядом наклонных коротких зубчатых оттисков (124: 6, 11).

К гребенчатому комплексу стоянки можно отнести сосуды, обладающими сходством как по составу пластического сырья, так и по общим орнаментальным мотивам – наклонным рядам оттисков гладкого длинного штампа, иногда разделенным короткими насечками (рис. 124: 1–3, 7, 9–10). Полная форма этих сосудов не восстанавливается, но имеются фрагменты округлого дна (рис. 124: 9) и венчика с округлым срезом, покрытого узором гладкого штампа и пояском округлых ямок поверх (рис. 124: 1, 2). Ближайшей аналогией этой керамике могут служить фрагменты из этого же микрорайона – со стоянки Утюж I (Березина, Вискалин, Выборнов, Королев, Ставицкий, 2007). Узор почти идентичен декору, присущему культурам с гребенчатой орнаментацией сосудов. Связать каменный инвентарь с керамическим комплексом с гребенчатой орнаментацией на посуде сложно, так как памятник многослойный.

Несмотря на немногочисленность фрагментов с гребенчатой керамикой, на этой стоянке были выявлены технологические отличия его от накольчатого комплекса, с которым они часто встречаются совместно. Характерные для камской культуры орнаментальные композиции, позволяют проследить аналогии с другими памятниками.

Поселение Утюж I

Поселение расположено в Среднем Присурье, в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на невысоком дюнном всхолмлении I надпойменной террасы правобережья Суры (см. главу 4).

Во время раскопок 2006–2007 на многослойном поселении Утюж I совместной археологической экспедицией (см. главу 1) был выделен небольшой комплекс керамики с гребенчатым орнаментом (Березина и др., 2007; Вискалин и др., 2009; Выборнов, 2008; Андреев, 2015). Горизонтальные ряды длинных тонких оттисков гребенки разделены рядом коротких широких оттисков (рис. 127: 4). Кроме этого широкие короткие оттиски выступают и самостоятельным элементом, иногда образуя сплошной узор (рис. 127: 2), порой образуя плотные горизонтальные ряды наклонных оттисков (рис. 127: 7) или разреженные зигзаги (рис. 127: 8). Венчики – прямые с округлым краем, и пояском из округлых ямок под ним (рис. 127: 1, 3). Один имеет нанесенные по краю два ряда округлых наколов. Целые формы не восстанавливаются, но имеются прямые венчики и округлые донца. К этой группе керамики примыкает большой фрагмент сосуда с оттисками гладкого штампа, расположенного горизонтальными рядами, где ряды длинных оттисков, чередуются с короткими (рис. 127: 5, 6, 9). В глиняном сырье содержатся видные невооруженным глазом охристые естественные включения и, возможно, шамот. Глина плохо промешана, поверхность сосудов иногда заглажена и залощена.

Небольшой комплекс керамики с гребенчатой орнаментацией этой стоянки дополняют наши представления о раннем неолите региона и развитии камской культуры.

Стоянка Молебное Озеро

Памятник расположен в Среднем Посурье, в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на высоком дюнном всхолмлении – западном берегу большого старичного озера Молебное правобережной поймы Суры, открыт в 2006 г. совместной археологической экспедицией (см. главу 1). В ходе разведочных раскопок в 2006–2007 гг. на многослойной стоянке были найдены немногочисленные фрагменты керамики (Выборнов, 2008; Березина, 2011в). Несколько фрагментов, вероятно, от одного сосуда орнаментированы длинным слегка изогнутым тонким штампом, по всей видимости, сделанным из створки раковины. Орнамент покрывал весь сосуд горизонтальными рядами наклонного штамма. Сосуд имел округлое дно, которое также покрывал узор. Эти фрагменты позволяют реконструировать яйцевидную форму сосуда со слегка прикрытым верхом, округлыми боками и дном (рис. 126: 1). Второй сосуд (один фрагмент) также имеет горизонтальную зональность орнамента и украшен рядами оттисков, наклонно поставленного длинного и короткого штампов. Один мелкий фрагмент венчика с прямым срезом и наплывом изнутри имеет ряд ямочных вдавлений по краю, ниже него – ряд наклонных оттисков тонкого гребенчатого штампа. Связать с этим керамическим комплексом достоверно определенный каменный инвентарь стоянки не удалось.

Комплекс керамики с гребенчатой орнаментацией этой стоянки представляется достаточно однородным и, вероятно, маркирует непродолжительную стоянку населения камской культуры.

Стоянка Вьюново Озеро I

Памятник расположен на краю I надпойменной террасы, на северо-восточном берегу старичного озера Вьюново правобережной поймы Суры, в 8 км юго-юго-восточнее г. Алатырь, открыт в 2006 г. в ходе археологической разведки совместной археологической экспедицией (см. главу 1). Во время раскопок 2006–2010 гг. на многослойном памятнике были выявлены немногочисленные фрагменты с гребенчатым штампом (Выборнов, 2008; Березина, 2011в).

Состав пластического сырья, определенного визуально, содержит глину и большое количество мелкого шамота. Поверхность сосудов заглажена. Один крупный сосуд, представленный фрагментом венчика (толщиной 10 мм), имел хорошо заглаженную внешнюю поверхность. Венчик – прямой с плоским скошенным наружу краем, под ним проходит ряд ямочных вдавлений, ниже – ряд горизонтальных длинных прямых оттисков тонкого штампа (рис. 126: 5). От второго сосуда имеются четыре фрагмента стенок толщиной 9 мм. Орнамент покрывал, вероятно, всю поверхность и состоял из зон вертикально и горизонтально поставленных оттисков штампов длинных тонких гребенчатых штампов (рис. 126: 4, 6, 7). У третьего сосуда (1 фрагмент) толщина стенок составляла 8–9 мм. Орнамент состоял из горизонтальных рядов косо поставленных длинного и короткого штампов (рис. 125: 6). Связать с этим керамическим комплексом определенный каменный инвентарь стоянки сложно, так как памятник многослойный.

Комплекс керамики с гребенчатым орнаментом этой стоянки немногочисленен, но

он дополняет наши представления о камской культуре региона.

Местонахождения из окрестностей г. Алатырь

В фондах Алатырского краеведческого музея хранятся несколько фрагментов одного сосуда из местонахождения Борки, и из окрестностей г. Алатырь, которые украшены гребенчатым (камским) орнаментом (рис. 125: 1, 2, 4, 5). Форма сосуда, вероятно, была с округлым дном и со слабо прикрытым горлом. Венчик был с округлым краем и с небольшим наплывом изнутри. По краю венчика проходит ряд округлых ямочных вдавлений, нанесенных поверх гребенчатого штампа. Сосуд украшен горизонтальными рядами длинного мелкозубого косопоставленного штампа, покрывавшего всю поверхность сосуда. Найден один венчик с выраженным «воротничком», украшенным гребенчатым штампом.

Эти находки вписываются в круг памятников с гребенчатой орнаментацией посуды, изученной на Утюжском комплексе памятников.

6.2 Памятники неолита с гребенчатым орнаментом керамики левобережья Волги

В материалах Мукшумского комплекса памятников левобережья Волги также встречаются фрагменты сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом в камской традиции.

Мукшумская IV стоянка

Стоянка расположена на второй надпойменной террасе левобережья Волги, у подножья высокой коренной террасы, на восточном конце полуострова Мукшум, образовавшегося после затопления Чебоксарского водохранилища. Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Был обнаружен культурный слой в обнажении берега и собран подъемный материал.

Среди преобладающих находок керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом было найдено несколько фрагментов с гребенчатым. Найден один большой фрагмент венчика довольно крупного сосуда, его венчик – прямой с округлым срезом, толщиной 11 мм, поверхность хорошо заглажена. Орнамент состоит из горизонтальных зон, сочетающих несколько штампов. По краю венчика проходит два ряда наклонных оттисков коротких штампов, один – тонкого, другой толстого и поверх них проходит ряд разреженных наколов, вероятно, имитирующий ряд ямочных вдавлений. Ниже расположены ряды вертикально- и косопоставленного длинного штампа, разделенные двумя рядами горизонтальных оттисков толстого короткого штампа. Поверх ряда длинного штампа в одном месте нанесен двойной оттиск такого штампа. На фрагменте есть сверленое отверстие, сделанное после обжига (рис. 128: 6). Второй сосуд представлен одним фрагментом стенки толщиной 7–8 мм, сочетающий оттиски длинного и короткого штампов, нанесенных поверх друг друга (рис. 128: 9).

Комплекс керамики с гребенчатым орнаментом, найденный на стоянке, вписывается в круг памятников камской культуры и находит аналогии в материалах памятников этой культуры.

Мукшумская XIV стоянка

Стоянка расположена на песчаной дюне – останце второй надпойменной террасы, в восточной части полуострова Мукшум. Открыта Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе проведения археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). В 2002 и 2008 гг. на стоянке были проведены раскопки под руководством Н.С. Березиной и М.Ш. Галимовой (Березина, 2006а; Галимова, 2008). Основной материал памятника составляет комплекс каменных изделий мезолитического возраста. Он приурочен к выраженному цветом и структурой культурному слою – углистому заполнению котлованов жилищ, которые хорошо были видны на поверхности в виде западин. В слое, перекрывающем жилище, были найдены немногочисленные фрагменты неолитической керамики, всего около 30 штук. Наряду с ямочно-гребенчатым льяловским орнаментом имелись фрагменты с гребенчатыми оттисками. Два фрагмента стенок одного сосуда были украшены «шахматным» узором, где зона, украшенная длинным узким, вертикально поставленным штампом, сменялась зоной, заполненной коротким штампом, поставленным наискось, вероятно, оттиском угла того же длинного штампа (рис. 129: 4). Фрагмент венчика другого сосуда прямой формы, имеет округлый край, украшен оттисками короткого прямого штампа, образующего горизонтальны и наклонные ряды (рис. 128: 3).

Единичные фрагменты, найденные здесь, заслуживают внимания, т.к. они имеют яркий

характерный орнамент, в т.ч. «шахматный» узор, имеющий аналогии на других стоянках камской археологической культуры.

Мукшумская XVII стоянка

Стоянка расположена у подножия дюнного всхолмления второй надпойменной террасы левобережья Волги, на восточном берегу восточной протоки полуострова Мукшум, образовавшегося после затопления Чебоксарского водохранилища. Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Берзиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Среди преобладающего материала с ямочно-гребенчатым орнаментом были найдены фрагменты с гребенчатым. Четыре венчика от разных сосудов – прямые, с округлым срезом, на всех имеется горизонтальный ряд ямочных вдавлений по краю (рис. 128: 1, 2, 5, 7, 8). Два сосуда украшены горизонтальной «елочкой» из длинных и коротких оттисков тонкого штампа (рис. 128: 2, 8). На втором сосуде мы видим по краю венчика ряд наколов и ряд ямочных вдавлений, ниже горизонтальный ряд косопоставленных оттисков длинного штампа. Здесь мы наблюдаем сочетание гребенчатых и накольчатых элементов (рис. 128: 1). Четвертый венчик украшен горизонтальным рядом вертикально поставленных оттисков длинного тонкого штампа, поверх него проходит ряд ямочных вдавлений (рис. 128: 5). Кроме венчиков найден небольшой фрагмент стенки сосуда, где поверх оттисков вертикальных длинных штампов проходит ряд коротких (рис. 128: 7). К этой же группе керамики относятся три фрагмента одного сосуда. Небольшой сосуд с округлым дном, прямым венчиком с округлым срезом, причем венчик утончается. Вся поверхность покрыта орнаментом горизонтальной «елочки» из оттисков гладкого штампа (рис. 122: 13–15).

Материалы керамических комплексов с гребенчатым орнаментом левобережья Волги, представленные единичными находками, позволяют представить общий облик керамических традиций неолитического населения, этой территории, изготавливавшего эту посуду.

6.3 Вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников неолита с гребенчатым орнаментом керамики

Памятники неолита Поволжья с керамикой, украшенной гребенчатым орнаментом, впервые были выделены О.Н. Бадером (Бадер, 1963) на материалах Среднего Прикамья и отнесены им к камской этнокультурной области. Позднее А.Х. Халиков расширил область распространения волго-камской культуры до Примокшанья, отметив, что в Поволжье и Нижнем Прикамье находятся самые ранние памятники (Халиков, 1969, с. 64). Он выдвинул предположение о распространении традиции мелкозубчатой гребенчатой орнаментации с территории раннего этапа днепро-донецкой культуры (Халиков, 1966, с. 193–194). В 1970–80 гг. большая часть исследователей неолита Волго-Камья отмечала необходимость разделения гребенчатых и накольчатых памятников.

В.П. Третьяков проанализировал ранненеолитические комплексы Среднего Поволжья и отделил накольчатые комплексы от гребенчатых (Третьяков, 1972). Р.С. Габяшев выделил памятники с гребенчатой орнаментацией из волго-камской культуры и отнес их к развитому этапу неолита и внутри него определил два этапа – ранний (типа II Лебединской стоянки) и поздний (типа стоянки II Русско-Азибейской) (Габяшев, 1978).

И.В. Калинина провела комплексный анализ неолитической керамики Прикамья (технология, форма и орнамент) и убедительно доказала различие гребенчатых и накольчатых комплексов, и что, ни один из этих комплексов не может быть фазой развития другого, отметив при этом, что на одном поселении могут сосуществовать носители разных культур (Калинина, 1979, с. 5–27).

С появлением новых археологических памятников происходит уточнение соотношения гребенчатых комплексов в Поволжье и Прикамье. И.Б. Васильев и А.А. Выборнов отмечают отличия гребенчатых комплексов северной и южной лесостепи (Васильев, Выборнов, 1988, с. 33). Формирование гребенчатой традиции они связывали с северными районами лесостепи Сурско-Мокшанского междуречья (Васильев, Выборнов, 1988, с. 41). В.В. Ставицкий, проведя анализ гребенчато-накольчатой неолитической керамики Верхнего Посурья и Примокшанья, отмечает значительное количественное преобладание на памятниках посуды с гребенчатой орнаментацией и их различный генезис. Но, по его мнению, преобладание орнаментации длинным зубчатым штампом на посуде поселений типа Подлесное 3, видимо, не является автох-

тонным явлением гребенчатой традиции в Посурье. В Сурско-Мокшанском междуречье, по мнению исследователя, отсутствует ранний пласт гребенчатой традиции, а наибольшее сходство с камской керамикой достигается на развитом хуторском этапе (Ставицкий, 1999, с. 119–123).

Исследованиями 1980–90 гг. под руководством В.В. Никитина были изучены гребенчатые керамические комплексы неолита в Марийском Поволжье. Исследовано более 40 памятников, но все они носят смешанный характер и гребенчатые комплексы встречаются вместе с ямочно-гребенчатыми, соотношение между которыми установить не удалось (Никитин, 1996, с. 42–43).

Неолитические памятники с гребенчатой орнаментаций керамики в Чувашском Поволжье отмечены и изучены впервые. Все известные гребенчатые комплексы Чувашского Заволжья имеют прямые венчики с округлым срезом, редко с наплывом внутрь. Реконструируется форма сосудов с открытым или со слабо прикрытым горлом. Орнамент нанесен, как правило, мелкозубчатым и среднезубчатым штампом. Мотивы, по большей части простые: горизонтальные пояса вертикально или наклонно поставленных длинных оттисков штампа, разделенные линиями из коротких оттисков угла того же штампа, также присутствует «шахматный» узор. На части венчиков отмечается такой элемент, как ряд ямок под срезом венчика. Отсутствуют вертикальное зонирование и сложные мотивы типа шагающей гребенки и решетки, а также отсутствуют узоры из короткого изогнутого штампа, что объединяет данные комплексы с памятниками Сурско-Мокшанского междуречья и Нижнего Прикамья.

Особенностью среднесурской (утюжской) гребенчатой керамики является редкое, но показательное явление – воротничок на венчике. Эта особенность, а также проявление симбиотических признаков в гребенчатой керамике поселения Утюж I, где сочетаются камские и воротничковые традиции, наряду с С-14 датой, полученной по фрагменту с гребенчатым штампом с Молёбного озера I – ВР 5980±90 (Ki-14442) (Выборнов и др., 2008, с. 20–25), позволяют говорить о бытовании гребенчатой традиции с начала IV тыс. до н.э. до более позднего времени. Фрагменты с гребенчатой системой орнаментации керамики стоянки Черненькое Озеро находят аналогии в материалах стоянки Озимёнки II на р. Мокше (Выборнов, Королёв, Ставицкий, 2006, с. 117, рис. 8), где исследователи выделяют два более ранних токостенных сосуда с заглаженными и подлощенными поверхностями, с плотно поставленными оттисками гребенки.

Орнаментальный «шахматный» мотив, отмеченный на Мукшумской XIV стоянке Заволжья, стоянке Черненькое Озеро и поселении Утюж I Среднего Присурья, уже известен в литературе. Прямые аналогии ему имеются в материалах стоянки Лебединская II (Халиков, 1969, с. 17, 63), расположенной в устье Камы, стоянки Кыйлуд III, расположенной в Камско-Вятском междуречье (Гусенцова, 1993, с. 85), стоянки Чекалино IV, расположенной в Самарском Заволжье, в верховьях р. Сок, а также стоянки Подлесное IV (Выборнов, 2008, с. 403, рис. 155), расположенной в верховьях Суры. Столь яркий и узнаваемый элемент орнамента наряду с другими признаками маркирует сложные процессы продвижения групп носителей гребенчатых традиций на восток и северо-восток. По мнению А.А. Выборнова, сурско-мокшанские гребенчатые комплексы имеют более ранние датировки, чем комплексы Нижнего Прикамья, что свидетельствует об инфильтрации населения в восточном направлении (Выборнов, 2008, с. 136–137).

На Заволжских памятниках найдены два сосуда с симбиотической гребенчато-накольчатой орнаментацией, что говорит о сосуществовании на каком-то этапе гребенчатой и накольчатой керамических традиций. Однако современные знания позволяют предположить, что, в отличие от южных территорий Среднего Поволжья, Примокшанья и Верхнего Посурья, в Чувашском Поволжье, также как и в Марийском Поволжье и Нижнем Прикамье, в эпоху неолита не складывается устойчивой накольчато-гребенчатой культурной традиции, хотя отдельные памятники устья Камы, такие как Старомазиковская III, дали находки синкретичных сосудов, на которых сочетаются накольчатые и гребенчатые элементы. Полученные датировки гребенчатых комплексов Верхнего Посурья (Подлесное III и IV) (Выборнов, 2008), Среднего Посурья (Молебное Озеро I) и Марийского Поволжья (Отарская VI) подтверждают бытование гребенчатых комплексов в последней четверти V – начале IV тыс. до н.э.

В группе гребенчатой посуды неолитических памятников региона присутствуют сосуды также и с гладким штампом. Орнаментальные композиции этой группы

сходны с гребенчатыми, где присутствуют прямопрочерченные отпечатки и гребенчатые оттиски. Такая керамика обнаружена в Среднем Присурье на поселении Утюж I и стоянке Чёрненькое озеро, а также в левобережье Волги на Мукшумской XVIII стоянке в Чувашском Заволжье, хотя здесь она малочисленна. Аналогичная керамика с насечками была обнаружена на стоянке Сауз I в устье р. Белой, где залегала совместно с гребенчатой посудой (Бадер, Калинина, 2003, с. 27, рис. 7).

Безусловно, данных по гребенчатой керамике в Чувашском Поволжье пока слишком мало. Недостаточными площадями исследованы памятники с выявленным культурным слоем, большая часть материалов носит подъемный характер. Однако можно попытаться сделать предварительные выводы. Вышеописанные особенности керамического декора соответствуют первой группе усть-камских гребенчатых комплексов, выделенных Р.С. Габяшевым (Габяшев, 2003). По комплексу признаков (форме сосудов, венчиков, орнаментальным композициям) гребенчатые комплексы Чувашского Поволжья близки к сосудам памятников хуторского этапа камской культуры, таким, как Лебединская II, Заират, а также к гребенчатым памятникам Сурско-Мокшанского междуречья. Эти аналогии, а также абсолютные датировки, полученные в недавнее время по вышеназванным памятникам (Выборнов, 2008), позволяют высказать предположение о том, что большая часть изученных гребенчатых керамических комплексов Чувашского Поволжья относится к раннему и развитому этапу развития камской неолитической культуры. Территория Чувашского Поволжья, также как и Марийского, представляла собой западную окраину камского (гребенчатого) мира.

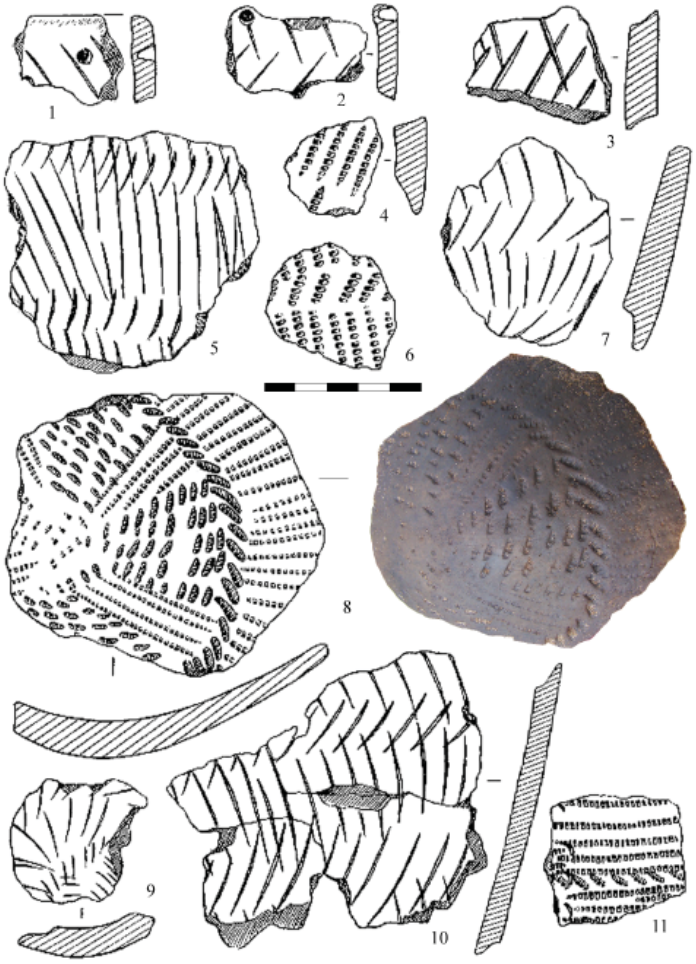


Рис. 124. Стоянка Черненькое Озеро. Керамика.
Fig. 124. Chernenkoe Ozero site. Ceramics.

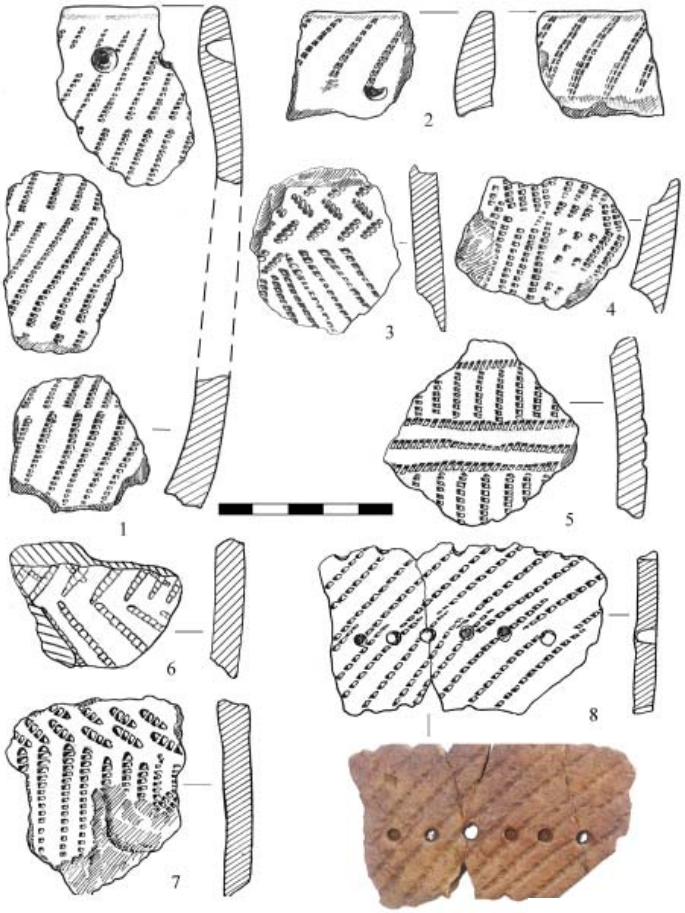


Рис. 125. Керамика: 1, 2, 4, 5 – из окрестности г. Алатырь; 3 – стоянка Молебное Озеро; 6 – стоянка Вьюново Озеро I; 7, 8 – поселение Утюж I.
Fig. 125. Ceramics: 1, 2, 4, 5 – from the vicinity of Alatyr; 3 – Molebnoye Ozero site; 6 – Viunovo Ozero I site; 7, 8 - Utiuzh I settlement.

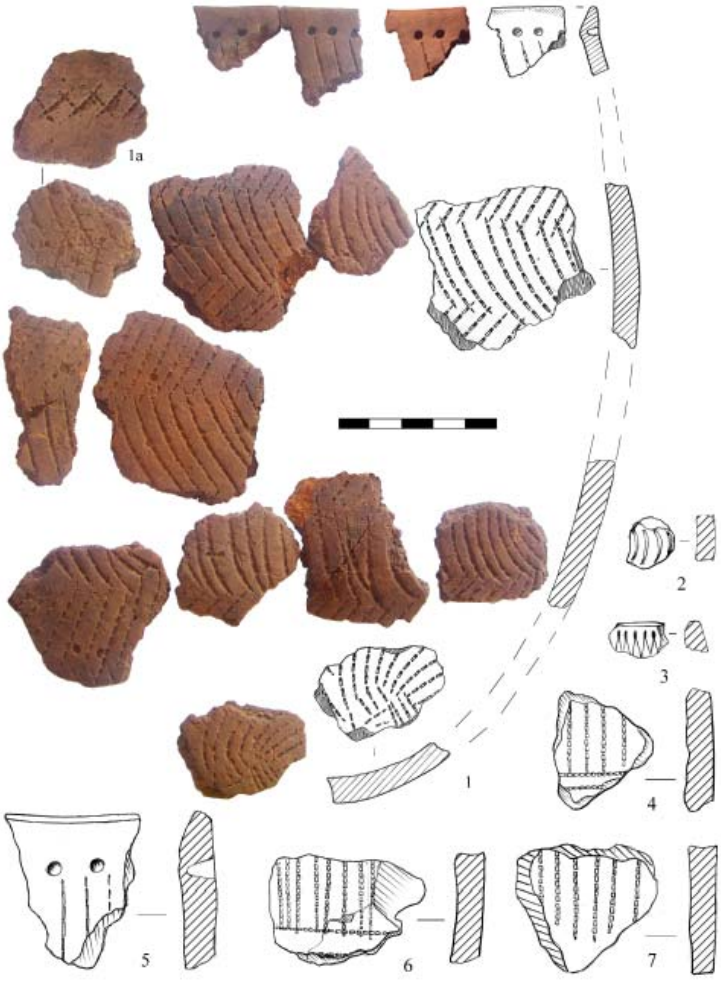


Рис. 126. Керамика: 1 – стоянка Молебное Озеро; 2-7 – стоянка Вьюново Озеро I.
Fig. 126. Ceramics: 1 – Molebnoye Ozero site; 2-7 – Vyunovo Ozero I site.

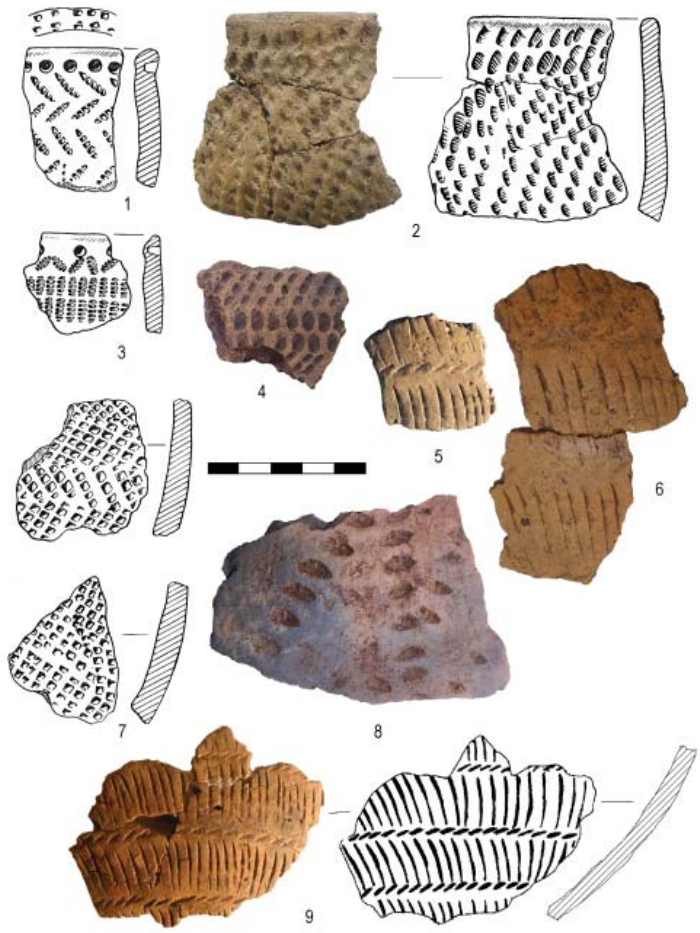


Рис. 127. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 127. Utiuzh I settlement. Ceramics.

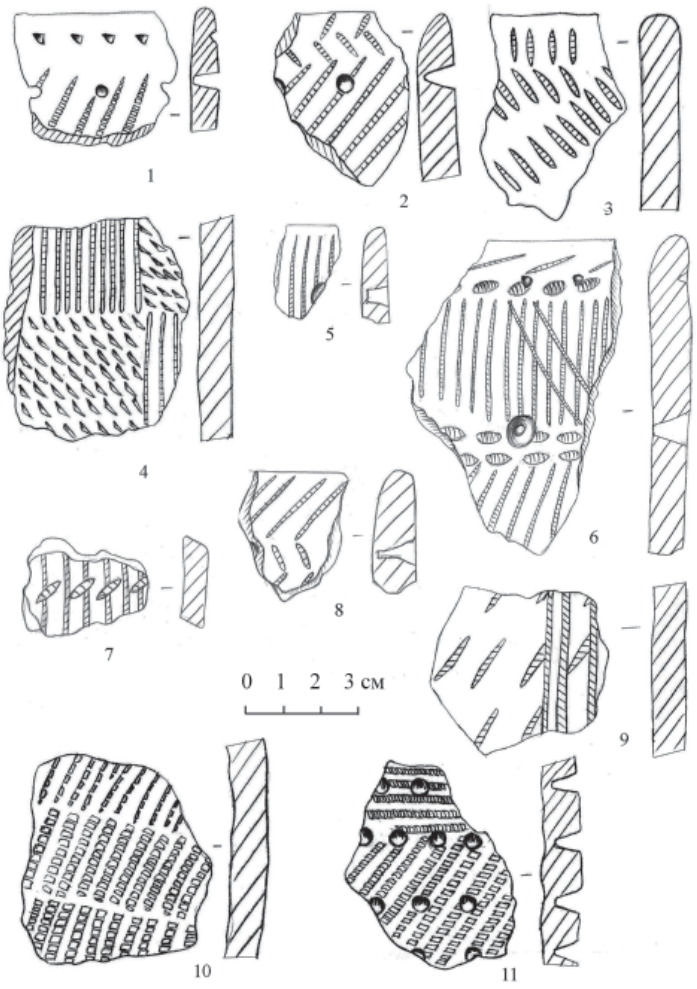


Рис. 128. Керамика стоянок: 1,2, 5, 7, 8 – Мукшумская XVII; 3, 4 – Мукшумская XIV; 6, 9 – Мукшумская IV; 10, 11 – Мукшумская V.
Fig. 128. Ceramics from the following sites: 1, 2, 5, 7, 8 – Mukshum XVII; 3, 4 – Mukshum XIV; 6, 9 – Mukshum IV; 10, 11 – Mukshum V.

ГЛАВА 7. ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ НА ПОСУДЕ

Самыми многочисленными памятниками неолита в Чувашском Поволжье, пожалуй, являются стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой. Но большая их часть представлена подъемным материалом. В Заволжье исследованные разведочными работами стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, распола-гаясь низко, оказались полностью затоплены или подтоплены Чебоксарским водохранилищем. Стационарными и разведочными раскопками исследованы многослойная стоянка Новая Деревня на р. Цивиль и памятники из Среднего Присурья – многослойные поселения Утюж I и V, стоянки Вьюново Озеро I и II, Чёрненькое озеро и Молёбное Озеро. Все памятники являются многослойными, где ямочно-гребенчатая керамика либо выделяется типологически, либо исследованы небольшие сохранившиеся участки культурного слоя, иногда со следами жилищ. Достоверно связать кремневый комплекс с керамическим в большинстве случаев сложно. Ниже приводятся описания памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, исследованных в Чувашском Поволжье.

7.1 Памятники неолита с ямочно-гребенчатым орнаментом посуды правобережья Волги и Среднего Посурья

Стоянка Новая Деревня

Стоянка была открыта в 1966 г. П.Н. Старостиным. Было отмечено шесть жилищных западин и заложен разведочный шурф. В нем были обнаружены отщепы, сколы, обломки ножевидных пластин, а также кремневая провертка и обломки кремневых орудий с ретушью. Здесь же были найдены фрагменты толстостенной лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, отнесенной П.Н. Старостиным к эпохе неолита (Старостин, 1966).

В июне–июле 2005 г. были проведены раскопки стоянки под руководством Н.С. Березиной, М.Ш. Галимовой и А.Ю. Березина (Березина и др., 2007; Березина, 2009). Памятник расположен на песчаном останце древней аллювиальной террасы правобережной поймы Большого Цивиля, на юго-восточной окраине д. Новая Деревня Цивильского района. Геоморфология этого места интересна – здесь сливаются Большой и Малый Цивили в единую реку, которая имеет мощную разработанную долину, до 3 км шириной. Вдоль песчаной террасы, на которой располагается памятник, сохранились следы древнего русла в виде старичных озер. Был заложен раскоп общей площадью 172 кв. м.

Зафиксирована общая стратиграфия:

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	до 15 см	дерн и поддерновый слой
2	до 30 см	слой серой плотной супеси, современного происхождения, содержащий различный мусор
3	10-20 см	слой оторфованного песка
4	до 55 см	бурый рыхлый песок
5	до 130 см	углистый песок, от светло-серого до черного цвета
6	ниже	желтый рыхлый песок (материк).

Характер стратиграфических горизонтов отражает геологические процессы данной местности и антропогенное влияние, вызванное нахождением памятника на территории деревни и разрушениями автомобильной грунтовой дорогой, проходящей по памятнику. В квадратах, где сохранился дерн и поддерновый слой, под ними лежит слой серой плотной супеси, образовавшийся, в современное время: он содержит различный мусор. Ниже пролегает тонкий горизонт оторфованного слоя шириной 10-20 см. Культурный слой на памятнике окрашен от светло-серого до черного углистого цвета и выделялся на фоне материка более плотной фактурой. Материк – светло-желтый, иногда белесый рыхлый песок. Строение самой дюны таково, что песок пронизан прослойками ортзандов, чем глубже, тем они становятся толще. На глубине около 1 м эти прослойки переходят в один

сплошной горизонт ожелезненной глины. Еще глубже, на глубине около 1,5 м, находится мощный горизонт серой глины, видимая мощность 30 см.

В раскопе зафиксированы следы двух жилищ эпохи энеолита, которые, видимо разрушили культурный слой с ямочно-гребенчатой керамикой льяловской культуры.

Керамика

Фрагменты с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 129: 1–11) отмечены преимущественно локально, в секторах 1, 2, 3. Фрагменты в большинстве своем мелкие, размерами около 1 см (разбитые грунтовой дорогой) и разрозненные, от разных сосудов. Имеются два фрагмента округлых донцев. Тесто – плотное, без видимых примесей, цвет фрагментов светло-коричневый, толщина стенок составляет 7–10 мм. Орнаментальные мотивы просты: горизонтальные ряды прямо- или косопоставленных гребенчатых оттисков, разделенные одним, реже двумя рядами конических ямок. Гребенчатые штампы использовались прямые: как короткие овальные трех–четырехзубые, так и длинные многозубые.

Каменный инвентарь стоянки, насчитывающий 2004 предмета, относится преимущественно к жилищам, связанным с эпохой энеолита. Сырье, использовавшееся обитателями неолитической и энеолитическх стоянок, было одной природы и из одного источника, поэтому по сырью комплексы не различаются. Рядом располагаются естественные выходы пермских известняков, содержащих кремень. На стоянке достаточно широко применялся и кварцит, что также характерно для волосовской культуры.

В целом керамический комплекс керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом представляется единым и имеет параллели как с заволжскими, так и среднесурскими материалами льяловской культуры. Пока это единственный памятник данной культуры, изученный в бассейне р. Цивиль.

Изучение памятников Среднего Присурья Чувашского Поволжья позволило получить интересные и представительные комплексы ямочно–гребенчатой керамики, которые представляют единую линию развития льяловской культуры на этой территории.

Поселение Утюж I

Раскопками 2006–2007 гг. совместной археологической экспедиции (см. главу 1) на многослойном поселении (рис. 139) были выявлены следы двух льяловских жилищ. Первое было сооружено в западине, оставшейся от ранненеолитического жилища. Жилище было прямоугольной формы, размером, примерно, 8,5×5 м, его глубина не превышала 0,7 м. Заполнение пола льяловского жилища было более углистым и гумусированным, содержало сравнительно большее количество находок, что, возможно, указывает на его продолжительное существование. Выходом из жилища служила направленная в сторону реки и углубленная на 1 м в землю траншея. Ее ширина по верху составляет около 100 см, а по низу – 70 см, стенки имели вертикальный профиль, что указывает на наличие в прошлом укрепления стенок. С полом этого льяловского жилища связано несколько ям и скоплений льяловской керамики. Второе жилище было раскопано не полностью, но судя по всему оно было прямоугольной или подквадратной формы, ориентировано с СЗ на ЮВ, длина по одной стенке составила чуть более 7,5 м. Вход не был зафиксирован. Это жилище прорезало существовавшее до него хвалынское жилище.

Керамика

Льяловский комплекс керамики является наиболее многочисленным на этом многослойном поселении (рис. 130–138). В пахотном слое было найдено несколько сильно измельченных фрагментов льяловской керамики. Основные же крупные фрагменты и развалы сосудов и отдельные их фрагменты были обнаружены на дне жилищ и в заполнении ям. Всего было получено более 1650 фрагментов, которые, судя по венчикам, происходят примерно от 66 сосудов. В глиняном тесте визуально заметна примесь шамота. Сосуды имеют круглое дно, прямой и прикрытый верх, скругленные или имеющие прямой срез венчики. У двух сосудов венчики за счет выделяющих бордюрную зону горизонтальных вдавлений зубчатого штампа приобретают сходство с воротничковыми венчиками керамики энеолитических культур степи и лесостепи (рис. 135: 1; 136: 3). Орнаментация большинства сосудов однотипна и покрывает всю их внешнюю поверхность. Она построена на чередовании одинарных, реже – двойных рядов конических ямок и горизонтальных зон, заполненных рядами вертикальных, наклонных, горизонтальных, редко шагающих оттисков зубчатого и гладкого штампа. Специфической чертой данного комплекса является широкое использование наряду с зубчатыми оттисками овальных наколов, полученных углом зубчатого штампа (рис. 131: 3; 132: 2,

5, 7, 8, 10,11; 133: 3; 136: 7-12; 137: 4, 9, 10). Переход зубчатых оттисков в наколы часто прослеживается на поверхности одних и тех же фрагментов. На некоторых сосудах имеются свободные зоны без орнамента (рис. 134: 6). Более развитый облик имеет лишь небольшой тонкостенный сосудик, украшенный исключительно ямками, выполненными белемнитом, без сочетания с зубчатым штампом и наколами (рис. 135: 7). Сосудик найден за пределами заполнения льяловского жилища и его связь с остальным комплексом нуждается в уточнении.

В целом комплекс льяловской посуды на этом памятнике выглядит однородным. Одновременность большинства выделенных сосудов доказывается залеганием их развалов на дне жилищ и в ямах. Выделение чистого льяловского комплекса каменных изделий оказывается столь же затруднительным.

Поселение Утюж V

Раскопками 2008–2009 гг. (рис. 139) археологической экспедицией (см. главу 1) была получена коллекция каменных орудий и фрагментов керамики преимущественно волосовской и в меньшей степени льяловской археологических культур. К льяловской было отнесено более 300 фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 140–142). Форма венчиков прямая или с небольшим отгибом наружу, срез – прямой или круглый. Форма сосудов, вероятно, слегка прикрытая с округлым дном. Орнамент имел горизонтальную зональность. Полоса из оттисков зубчатого штампа, поставленного вертикально, наклонно или горизонтально, редко зигзагом и решеткой, разделенных одним, редко двумя рядами конических ямок. На керамике памятника распространены ряды из оттисков овальных вдавлений, которые также разделены коническими ямками (рис. 140: 8, 13; 141: 2, 4–6, 10, 15; 142: 4). На нескольких фрагментах присутствует плюсневый оттиск «собачий нос». Зубчатые оттиски, в основном, длинные мелко- и среднезубые, но присутствуют также и короткие овальные зубчатые штампы. Есть один венчик и фрагмент стенки сосуда, орнаментированные только коническими ямками, причем на фрагменте стенки есть неорнаментированная полоса (рис. 141: 12).

В целом керамический комплекс этого поселения представляется единым и имеет много общего с комплексом поселения Утюж I. Каменный инвентарь соотнести с керамическим комплексом достоверно не удалось.

Стоянка Вьюново Озеро I

Раскопками 2010 г. совместной археологической экспедицией (см. главу 1) на многослойной стоянке в потревоженном более поздними отложениями слое были найдены немногочисленные фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, примерно, от пяти сосудов. Первый сосуд имеет прикрытую форму. Толщина стенок составляет 7–8 мм, диаметр по венчику – около 20 см, а в центральной части сосуда – 30 см. Дно округлое. Венчик с плоским срезом слегка отогнут наружу. Орнамент – плотный, состоит из горизонтальных рядов вертикально поставленного оттиска зубчатого штампа, разделенного одним рядом ямок, выполненных белемнитом (рис. 143: 2). Второй сосуд также имеет прикрытую форму, он округлодонный. Толщина стенок составляет 8–9 мм. Венчик прямой, с плоским срезом. Орнамент состоит из горизонтальных рядов наклонно поставленных и горизонтальных оттисков зубчатого штампа, разделенных рядом белемнитных ямок, а в придонной части – двумя рядами таких ямок (рис. 143: 1). Фрагменты других сосудов позволяют реконструировать прикрытые формы с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком и плоским или округлым срезом (рис. 143: 3–8). В орнаментальных композициях появляются косая решетка и оттиски овальных вдавлений.

Небольшой комплекс керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом стоянки Вьюново Озеро I по своим характеристикам вписывается в круг памятников льяловской культуры утюжских стоянок.

Стоянка Вьюново Озеро II

Разведочными работами 2006–2007 гг. совместной археологической экспедицией (см. главу 1) была обнаружена стоянка с небольшим культурным слоем неолита. Культурный слой был слабо выражен, его большая часть была уничтожена и перемещена многолетней распашкой, сохранились лишь небольшие участки в виде отдельных пятен культурного слоя. Раскопом 32 кв. м были изучены отдельны пятна, возможно, сооружения, содержащие преимущественно ямочно-гребенчатую керамику. Вероятно, на полу сооружения, возможно, жилища был обнаружен развал небольшого сосудика (рис. 144: 13) высотой около 17 см и диаметром около 12 см. Сосуд имел форму со слегка прикрытым венчиком и округлым, чуть приостренным дном. Цвет стенок сосуда – светло-коричневый, местами серый. Орнамент имеет гори-

зонтальную зональность и плотно покрывает всю поверхность сосуда, ряд косопоставленного зубчатого штампа разделен одним рядом конических ямок (рис. 144: 13). Кроме этого, были обнаружены немногочисленные фрагменты других сосудов с ямочно-гребенчатой керамикой. Присутствуют сосуды с горизонтальной зональностью – чередованием ряда косопоставленного зубчатого штампа и ямки (рис. 144: 7, 11, 12), а также с орнаментом из хаотично поставленных белемнитных ямок (рис. 144: 10). Кроме этого отмечены овальные вдавления в сочетании с гребенчатым штампом и белемнитными ямками (рис. 144: 5, 6, 8, 9), а также прочерченные линии, образующие косую решетку с белемнитными ямками (рис. 144: 3, 4) .

В целом это небольшой комплекс керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом позволяет расширить наши представления о льяловской культуре этого региона. Описанные признаки глиняной посуды находят аналогии в материалах памятников Утюжского комплекса и в целом памятников раннего этапа льяловской культуры.

Черненькое Озеро

Раскопками 2006–2010 гг. совместной археологической экспедицией (см. главу 1) была открыта и изучена многослойная стоянка, содержащая в том числе и керамические комплексы с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 145–149). В 2007 г. на памятнике было заложено два разведочных раскопа общей площадью 32 кв.м. В первом раскопе, площадью 16 кв. м. в нечетко выраженном культурном слое светло–серого цвета, располагавшемся под дерном, было обнаружено несколько фрагментов, по всей видимости, одного лепного сосуда. Цвет фрагментов варьирует от светло–коричневого до сероватого. Черепки – плотные, без видимых примесей. Орнамент имеет горизонтальную зональность, где чередуются ряды овальных ямочных вдавлений и ряды косой решетки из оттисков гребенчатого штампа, разделенные одним рядом конических ямок (рис. 145). Фрагмент дна округлой формы также покрыт орнаментом (рис. 145: 11).

Во втором раскопе площадью 16 кв. м., культурный слой светло-серого цвета располагался также сразу под дерном и не имел четких структурных пятен. Здесь были обнаружены неполный развал крупного сосуда с ямочно–гребенчатой орнаментацией и несколько фрагментов от других сосудов. Поверхность стенок развала хорошо заглажена, на внутренней поверхности заметны горизонтально расположенные полосы от расчесов зубчатым штампом. Орнамент имеет горизонтальную зональность, он покрывал всю поверхность сосуда. Ряды вертикально- и косопоставленного зубчатого штампа, а также овальных ямочных вдавлений разделены одним, а в центральной части сосуда – двумя рядами конических ямок. По срезу венчика нанесены зубчатые оттиски, что делает его слегка гофрированным (рис. 147). Здесь были обнаружены фрагменты венчика и стенок второго сосуда, украшенного горизонтальными рядами оттисков плюсневого штампа «собачий нос», разделенных одним рядом конических ямок (рис. 148: 8). Третий сосуд, представленный одним фрагментом венчика, украшен рядами горизонтально поставленного оттиска штампа, разделенного одним рядом конических ямок (рис. 148: 1). Были найдены и другие мелкие фрагменты с ямочно-гребенчатым орнаментом.

В 2010 гг. на памятнике был заложен раскоп общей площадью 48 кв.м. Под дерном залегал песчанистый культурный слой мощностью около 60 см, вмещающий находки, которые по технико-типологическим признакам можно отнести к неолиту и энеолиту. Группа ямочно-гребенчатой керамики представлена приблизительно 100 фрагментами, среди которых – девять верхних частей (рис. 146: 1–6, 8, 9) и одно донышко (рис. 146: 20). По причине сильной фрагментированности и плохой сохранности фрагментов, точное количество сосудов установить не удалось. Предположительно их было около 10.

Толщина фрагментов варьирует от 0,5 до 0,8 см и в среднем составляет 0,7 см. Венчики – прямые или слабоотогнутые, в основном, с округлым краем, реже – с прямо срезанным. У одного сосуда венчик имеет приостренный край. Единственное обнаруженное донышко имеет округлую форму (рис. 146: 20). Один венчик орнаментирован по срезу, а еще один с обратной стороны – оттисками короткого зубчатого штампа. Кроме того, один фрагмент стенки сосуда также имеет орнамент с обратной стороны. Орнамент выполнен оттисками среднего (около 10 зубцов) гребенчатого штампа (рис. 146: 10).

Орнамент сосудов представлен поясками глубоких конических ямок в сочетании с оттисками гребенчатых штампов разной длины и количеством зубцов от 4 до 14 (возможно и более) и неглубокими наколами овальной формы, нанесенными под углом.

Пояски ямок чаще всего нанесены в один ряд, они разделяют зоны, орнаментированные штампом и наколами. В единичном случае ямки были нанесены в три ряда (рис. 146: 5). Кроме того, в орнаментации некоторых сосудов ямочный поясок нанесен прямо поверх оттисков гребенки (рис. 146: 14). Оттиски гребенчатого штампа нанесены вертикально, горизонтально и наклонно, иногда образуя вертикальный зигзаг. Имеются фрагменты, в орнаменте которых наклонные и горизонтальные оттиски сочетаются. Крупные и мелкие овальные наколы, нанесенные под углом к поверхности сосуда, образуют четкие горизонтальные пояски, не более двух подряд (рис. 146: 18–20). На некоторых фрагментах подобные пояски сочетаются с рядами наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа. Один фрагмент орнаментирован рядами оттисков короткого овального зубчатого штампа (рис. 146: 17). Имеется венчик, украшенный орнаментом в виде косой решетки из прочерченных линий или оттисков гребенчатого штампа (рис. 146: 8).

И.Н. Васильевой был проведен технологический анализ всех типов керамики из раскопа 2010 г. (Березина и др., 2010). По рецепту исходного пластического сырья ямочно-гребенчатая керамика делится на две группы: с органическим раствором и с органическим раствором и шамотом. Определенный интерес представляет посуда первой группы (рис. 146: 10, 12, 14, 18–20), так как, в отличие от рецептуры с шамотом, рецепт лишь с органическим раствором в тесте не является характерным для керамики ямочно-гребенчатого типа. Однако, в материалах Черненького озера, соотношение количества сосудов, изготовленных по этим двум рецептам, приблизительно одинаково.

В целом льяловский керамический комплекс стоянки, сопоставимый с комплексами архаичного и раннего этапов льяловской культуры, выглядит неоднородным. Выявленные технологические различия в производстве керамики, возможно, свидетельствуют, о разных этапах существования здесь льяловского населения, а также о его культурных контактах.

7.2 Памятники неолита с ямочно-гребенчатым орнаментом посуды левобережья Волги

На территории левобережья Волги также были изучены памятники с ямочно-гребенчатой орнаментацией на посуде (рис. 41). Все они исследованы лишь разведочными работами. Коллекции, собранные на разрушающихся памятниках, достаточно представительны и позволяют составить представление об этих археологических комплексах.

Мукшумская II стоянка

Стоянка находится на правом берегу устья протоки, расположенной в центре полуострова Мукшум. Памятник открыт Н.С Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). На берегу, в обрыве невысокого дюнного всхолмления просматриваются остатки культурного слоя, но большая часть стоянки уже разрушена (рис. 150). Стратиграфия выглядит следующим образом (сверху вниз):

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	12- 27 см	слабый дерн с поддерновым слоем
2	12 - 60 см	бурый песок с углистыми включениями
3	20 – 50 см	серый углистый песок с угольками
4	ниже	светлый песок (материк)

В обрыве берега в слоях бурого и серого гумусированного песка отмечены отдельные фрагменты керамики и кремня. Разрез культурного слоя частично скрыт осыпью, наблюдаемая часть представляла собой углубление котлована, свидетельствующее о почти полностью разрушенной постройке. Под обрывом берега собрана коллекция каменных предметов и керамики, которые выпали непосредственно из слоя. У берега в воде собран аналогичный подъемный материал, где он был сконцентрирован на двух участках, сливающихся вместе, общей площадью примерно 65×10 м. Подъемный материал состоит из 1386 предметов: фрагментов керамики, каменных и кремневых орудий и отходов производства.

Керамика

Лепная керамика представлена 42 фрагментами мелких и средних размеров. Боль-

шая часть керамики представлена фрагментами с ямочно-гребенчатым орнаментом. Структура этих черепков плотная, визуально заметна примесь песка и шамота. Орнаментальные узоры состоят, в основном, из трех элементов: гребенчатого, ямочного и овальных вдавлений. Орнаментальные композиции представлены горизонтальными зонами, состоящими из косо- или прямопоставленных крупнозубых штампов, разделенных рядами правильных глубоких округлых конических и неглубоких овальных ямочных вдавлений, орнамент нанесен по всей поверхности (рис. 151: 22–23). Полная форма сосудов не восстанавливается.

Каменный инвентарь

В связи со значительным преобладанием ямочно-гребенчатой керамики, большую часть каменных орудий можно связать с ней. Собрано 1311 кремневых предметов. Из них 838 – это технологические отходы: отщепы, осколки, желвачные корки, нуклевидные куски. Нуклеусы и нуклевидные кремни представлены 39 экземплярами небольших и сильно сработанных изделий, они служили, в основном, для скалывания отщепов и не имеют устойчивой формы. Из хорошо выраженных нуклеусов следует отметить три конусовидных нуклеуса. Они использовались для скалывания небольших удлиненных сколов. Боковые грани и выступающие участки многих нуклеусов и нуклевидных кремней имеют следы сработанности - многочисленные выбоины, вероятно, их использовали в качестве отбойников и ретушеров.

Отбойники и ретушеры представлены 32 экземплярами и выполнены из кусков цветного кремня и галек кристаллических пород. Следует отметить одну большую шлифовальную плитку, размером 90×80×42 мм, выполненную из плотного мелкозернистого песчаника беловато-желтого цвета. Обе ее плоские поверхности хорошо заглажены, а боковые стороны несут на себе следы от ударов. Вероятно, плиткой пользовались и как отбойником.

Пластины насчитывают 109 экземпляра, 78 из них – призматические, с четкими гранями. Среди ножевидных пластин преимущественно преобладают средние и большие экземпляры. На ножевидных пластинах, в основном, были изготовлены ножи (рис. 151: 4–7, 12, 17), скребки (рис. 151: 21) и скобели (рис. 151: 7–10). Пластин неправильной формы насчитывается 31 экземпляр, из них с ретушью – 10 изделий. В целом в технике первичного расщепления преобладает отщеп. Большинство орудий изготовлены из отщепов.

Скребков в коллекции насчитывается 63 экземпляра, по форме и по характеру обработки рабочего края их можно разделить на несколько групп: скребки на отщепах случайной формы (20 экз.), концевые на удлиненных отщепах (6 экз.), концевые со скошенным краем (2 экз.), боковые (17 экз.) (рис. 151: 15), с высокой спинкой (9 экз.) (рис. 151: 16), дисковидные (с ретушью на 2/3 периметра) (7 экз.).

Группа скобелей представлена 18 изделиями, они выполнены на плоских и граненных отщепах с небольшими «провислыми» лезвиями, оформленными мелкой ретушью (рис. 151: 13, 14). Ножей, выполненных на отщепах, в коллекции имеется четыре экземпляра. Они обладают прямым или слегка округлым рабочим краем, оформленным, как правило, тщательной заостряющей или пологой односторонней ретушью.

Представляют интерес дублированные орудия. Выделяются два ножа-ложкаря, противоположные концы и боковые края которых обработаны невысокой крутой и пологой ретушью (рис. 151: 4, 17). На одном ложкаре заметны следы заполировки, возникшей во время работы по мягкому предмету, возможно, дереву, у другого такого орудия один конец заострен.

Острия представлены шестью орудиями, в том числе и сломанными. Один целый наконечник стрелы имеет листовидную форму с усеченным основанием, размером 29×12 мм, он выполнен из белого кремня и обработан тщательной двухсторонней отжимной ретушью (рис. 151: 1). Два сверла выполнены на удлиненных трехгранных отщепах.из цветного кремня. Жало их оформлено односторонней ретушью по граням.

Представительная группа деревообрабатывающих орудий состоит из 28 предметов, в том числе 10 целых форм и 18 обломков. Они выполнены из кремня, окремнелого известняка и глинистого сланца. Лезвия их слегка закруглены и пришлифованы (рис. 151: 18 –20).

В целом комплекс керамической посуды и каменных орудий стоянки характерен для памятников льяловской культуры. В особенности это относится к листовидным и иволистным наконечникам стрел с высокой двусторонней ретушью, а также ножам-ложкарям на крупных пластинах и сколах. Сочетание в технике орнаментации гребенчатого штампа,

конической белемнитной ямки и овальных вдавлений характерно для памятников волжского и среднесурского регионов льяловской культуры.

Мукшумская III стоянка

Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Располагается на левом берегу устья восточной протоки полуострова Мукшум. На небольшом останце дюны в обрыве берега просматриваются остатки культурного слоя в виде небольших серых пятен. Основная часть памятника уже разрушена водохранилищем. С площади 30×5 м из-под воды собран подъемный материал. Возможно, на памятнике присутствует и кремневый комплекс мезолитического облика, но т.к. источник кремня один, то разделить их по сырью сложно. Однако, двусторонне обработанные орудия с высокой ретушью явно соотносятся с ямочно-гребенчатым керамическим комплексом.

Находки и изделия из кости

Найдены пять фрагментов жженых костей животных: два небольших позвонка и три обломка трубчатых костей. Кости белого цвета, сильно выщелоченные. Один обломок – длиной 27 мм, круглый в сечении, имеет полированный участок с вырезанным рисунком косой лестницы (рис. 153: 7).

Керамика

Здесь найдено 17 фрагментов лепной керамики. Визуально просматривается примесь дресвы, шамота, песка. Орнаментальные композиции состоят из конических ямочных вдавлений и оттисков гребенки, расположенных горизонтальными зонами (рис. 153: 16, 17). Имеющийся фрагмент венчика отогнут наружу, с плоским краем, под которым проходят два ряда глубоких округлых ямок.

Каменный инвентарь

Собрано 911 кремневых и каменных предметов, из них 687 отнесены к отходам производства: отщепы, желвачные корки, нуклевидные кремни, в т.ч. мелкие чешуйки (65 экз.). Нуклевидных кусков выделено 75 экземпляров, в основном они мелкие, сильно сработанные. Негативы скалывания указывают на отщепление от них как отщепов, так и пластин. В коллекции имеются призматические и конические нуклеусы. Выделяется большой призматический нуклеус из белого кремня, длина скалываемых пластин которого доходила до 65 мм (рис. 153: 13). Основную группу нуклеусов (7 экз.) можно назвать призматическими, т.к. они имеют две противоположные ударные площадки, но только у трех нуклеусов они подработаны поперечными сколами. Из них шесть ядрищ имеют как сторону, с которой скалывались аккуратные, микропластинки размерами от 23×3 мм до 20×4 мм, так и другую сторону, с которой скалывались широкие отщепы с неровными краями (рис. 153: 14).

Пластин в коллекции насчитывается 37 экземпляров, из них 29 призматических с четкими гранями, в том числе с ретушью – 20 экземпляров. Преобладают небольшие изделия (рис. 153: 1, 4, 6, 9, 10).

Скребков выделено 84 экземпляра. По форме и характеру обработки рабочего края их можно разделить на восемь групп: скребки, выполненные на отщепах случайной формы (18 экз.), концевые на удлиненных отщепах (11 экз.), боковые (16 экз.), с высокой спинкой (4 экз.), дисковидные, рабочий край которых обработан на 2/3 периметра (10 экз.), концевые со скошенным рабочим краем (4 экз.), выполненные на сегментах пластин скребки (3 экз.), скребки с заостренным рабочим краем (18 экз.) (рис. 153: 5, 8, 12).

Группа скобелей состоит из 15 орудий. Они выполнены на плоских отщепах, с вогнутым лезвием, обработанным мелкой ретушью (рис. 153: 11).

Ножи и близкие к ним по своим функциям режущие орудия представлены 11 изделиями, выполненными на удлиненных сколах. Эти орудия имеют один или два рабочих края на противоположных сторонах, оформленных мелкой заостряющей ретушью.

Острия в коллекции представлены 10 экземплярами, они изготовлены, в основном, на отщепах. Среди орудий этого типа можно выделить сверла (8 экз.), выполненные на удлиненных отщепах 3-х или 4-х-гранной формы. Боковые грани их оформлены односторонней ретушью и сходятся в острый конец (рис. 153: 2, 3). Выделяется отдельная группа – острия на микропластнах с подретушированным жалом (рис. 153: 10). Морфологически выраженных наконечников стрел на стоянке не встречено.

Деревообрабатывающие орудия представлены группой из 17 изделий, в том числе девятью целыми и восьмью обломками. Это тесла и стамески, выполненные из окремнелого известняка и белого кремня (рис. 153: 15). Их лезвие, а иногда и тулово, обработаны шлифовкой.

Из прочих каменных орудий следует отметить шлифовальную плитку, сделанную из

глинисто-кремнистого сланца, поверхность которой несет следы сильной исчерченности. Десять отбойников, имеющих один или два выступающих конца со следами от ударов, изготовлены из продолговатых галек кристаллического строения. Вызывает интерес тщательно выточенный до почти идеальной шарообразный предмет из кварцита диаметром 38 мм. Возможно, он служил метательным орудием.

В целом комплекс керамической посуды и каменных орудий стоянки характерен для льяловской культуры и находит параллели в среднесурских памятниках и левобережья Волги.

Мукшумская IV стоянка

Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе археологической разведки в 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Расположена у подножья высокой коренной террасы, на восточном конце полуострова Мукшум. В обнажении берега наблюдался культурный слой (рис. 152). Собрано более одной тысячи фрагментов лепной керамики преимущественно с ямочно-гребенчатым орнаментом В последующие годы здесь также собирался подъемный материал, в том числе найдены были почти целые развалы сосудов.

Керамика

Комплекс льяловской керамики представлен пятью почти целыми развалами сосудов и еще около 15 сосудами, форма которых реконструируется. Толщина стенок сосудов колеблется от 7 до 12 мм, причем у большинства сосудов она равняется 8–10 мм. Толщина днища у крупных сосудов доходит до 15 мм, у мелких сосудов дно практически не утолщается. Черепки плотные, исходное пластическое сырье сильно запесочено, с значительной примесью дресвы. Дресва хорошо заметна как на внешней, так и на внутренней стороне черепков.

Орнамент покрывал всю наружную поверхность сосудов, не исключая и дна. Орнаментирами служили белемниты и различные зубчатые штампы. Белеменитная ямка была вдавлена глубоко, оставляя на внутренней стороне заметные выпуклины "жемчужины". Зубчатые штампы, напротив, нанесены неглубокими оттисками. Среди зубчатых штампов отмечены оттиски гребенки с прямыми частыми или редкими зубцами, а также оттиски аммонитов, шишки ольхи и др. На мелких сосудиках вместо белемнитных ямок встречаются округлые подцилиндрические ямки, сделанные, возможно, палочкой.

Орнаментальные композиции имеют горизонтальную зональность и состоят преимущественно из горизонтальных (в 3–6 рядов), вертикальных или косо поставленных отпечатков гребенчатого штампа, разделенного рядом белемнитных ямок. В единичных случаях присутствуют следующие элементы орнамента: горизонтальная "елочка", под венчиком горизонтальный зигзаг с ямкой в вершине, узор косой решетки из губчатых штампов (рис. 155: 3). Кроме это найдены несколько фрагментов от одного сосуда, поверхность которого полностью покрыта в хаотичном порядке белемнитными ямками, по краю прямого венчика проходит ряд зубчатого штампа (рис. 155: 1). Этот сосуд имел округлое дно и прямой венчик.

Для всех сосудов реконструируется яйцевидная форма с округлым днищем. Эти сосуды можно разделить на три группы. Первая группа – крупные сосуды с прямым венчиком, диаметр по венчику превышает 40 см, высота сосуда составляет более 45 см (рис. 154: 1–3). Вторая группа – сосуды средних размеров диаметр по венчику сосаваляет 16–18 см, высота – 12–14 см (рис. 155: 1, 4, 5). Третья группа – мелкие сосуды, реконструировать их формы не удалось.

Каменный инвентарь

На стоянке собрано 590 изделий из кремня и других пород камня. Среди них 453 предмета (отщепы, чешуйки, нуклеусы, куски кремня и т.д.) отнесены к отходам производства. Нуклеусы и нуклевидные куски – мелкие, сильно сработаны (рис. 156: 24).

Пластин насчитывается 61 экземпляр, в том числе призматических с четкими гранями – 33, среди них с ретушью – семь. Пластин неправильной формы, с рваными краями выделено 28 экземпляров, большая часть их (24 экз.) – с ретушью. На пластинах изготовлены ножи (рис. 156: 6, 11, 12), скобели (рис. 114: 7, 8), острия (рис. 156: 1, 3, 4) и скребки.

В группе скребков, выполненных на отщепах, можно выделить следующие типы: концевые (5 экз.), с высокой спинкой (2 экз.), боковые (1 экз.) и аморфные (5 экз.) (рис. 156: 5, 9, 10, 13).

Ножи в коллекции представлены 12 экземплярами. Они выполнены на плоских и удлиненных сколах, а также на отщепах с участками одно- или двусторонней ретуши (рис. 156: 20). Выделяется одно изделие – крупный нож листовидной формой на первичном сколе с коркой, подтесанный с брюшка высокой уплощающей ретушью, а со спинки – краевой

ретушью. Дистальная часть изделия сломана, проксимальная часть имеет утолщение и изгиб. Этот нож, возможно, использовался в рукояти (рис. 156: 21).

Вызывают интерес наконечники стрел без выделенного черешка с двусторонней подработкой мелкой ретушью по краю. Два наконечника подтреугольной и листовидной формы с усеченным основанием, выполненные на отщепах, были обработаны двусторонней мелкой ретушью (рис. 156: 2, 4). Еще один наконечник обработан мелкой ретушью по всему периметру и формально имеет трапециевидную форму или форму с выделеным насадом, но фактически не является ни тем, ни другим. Вероятно, он был оформлен по технологии изготовления наконечника подтреугольной формы с усеченным основанием (рис. 156: 3).

Резцы представлены несколькими типами: на углах отщепов и нуклевидных кусков, реже на углах пластин и их сечений (рис. 156: 14–18).

Деревообрабатывающие орудия представлены тремя целыми экземплярами и двумя обломками. Это тесла, стамески и долота, выполненные из окремнелого известняка с подшлифовкой лезвия и тулова, а также без пришлифовки (рис. 156: 22, 23).

Ретушерами служили небольшие куски кремня, грани которых несут не себе следы сильной сработанности – многочисленные выбоины. Их найдено два экземпляра.

В целом, керамический комплекс этой стоянки представляется однородным и его характеристики имеют параллели с керамикой архаичного этапа льяловской культуры. Комплекс каменных орудий имеет архаичные признаки, сближающие его с мезолитическим инвентарем, например, острия с мелкой краевой ретушью. В то же время в коллекции стоянки имеются орудия с регулярной высокой уплощающей ретушью, что характерно для памятников неолита льяловской культуры.

Мукшумская V стоянка

Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе разведочных работ 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Культурный слой памятника находился ниже современного уровня Чебоксарского водохранилища (рис. 158). Весь подъемный материал собран из-под воды, Собрано большое количество фрагментов лепной керамики – более 3400 экземпляров и 574 изделий из разных пород камня, 260 из которых отнесены к отходам производства.

Керамика

Фрагменты лепной керамики имеют различную сохранность и размеры, многие сильно окатаны водой. Около 500 фрагментов – это мелкие, размером 1–2 см. Керамика типологически неоднородна. Ямочно-гребенчатый керамический комплекс представлен фрагментами венчиков, стенок и донышек сосудов. Среди венчиков выделяются разнотипные экземпляры: с уплощенным срезом, прямые или отогнутые наружу (49 экз.) (рис. 165: 1, 4); со слегка заостренным и скошенным внутрь краем и с небольшим утолщением с внутренней стороны (8 экз.); округлые с небольшим утолщением, иногда чуть отогнутые наружу (6 экз.) (рис. 165: 2, 3). Толщина стенок сосудов колеблется от 5 до 12 мм, но, в основном, она равняется 8–10 мм. Толщина днища обычно на 2–5 мм толще стенок сосуда. В тесте визуально просматриваются примеси песка, шамота и дресвы. Поверхность сосудов заглажена, иногда внутренняя поверхность заглажена штампом. Орнамент сосудов имеет горизонтальную зональность. Мотивы присутствуют как простые – ряды оттисков штампа, разделенные рядом ямки, так и сложные: горизонтальный зигзаг, нанесенный гладким штампом с ямкой в вершинах (рис. 165: 2); двойной ряд белемнитовых ямок, нанесенный поверх ряда наклонно поставленного гребенчатого штампа (рис. 165: 8). Имеются фрагменты с аммонитовым штампом (рис. 165: 5), оттисками овальных ямочных вдавлений (рис. 165: 3). В большинстве случаев орнамент покрывал всю поверхность сосуда, без больших промежутков, не исключая и дна, иногда орнамент распространялся и на верхний срез уплощенных венчиков. Преобладают длинные, узкие и многозубчатые штампы. Наблюдается практика нанесения узора не на полную длину штампа или даже работа его уголком. Разделителем горизонтальных зон оттиском гребенчатого штампа является один, редко два ряда конических ямок.

Каменный инвентарь

Нуклеусы и нуклевидные куски небольшие или мелкие, сильно сработанные и имеют негативы от скалывания пластин и отщепов (рис. 159: 21–23). Следует отметить один конический нуклеус с негативами от пластин, длина которых доходит до 60 мм, а ширина – от 13 до 2 мм (161: 18; 162: 17).

Пластин представлено 65 экземпляров, из них призматических 54 – с четкими гранями, а 24 – с ретушью 4 (рис. 159: 8, 10–12).

Скребков в коллекции насчитывается 61 экземпляр. По форме и характеру обработки рабочего края можно выделить семь типов: скребки с острым рабочим краем (16 экз.), на отщепах случайной формы (12 экз.), концевые на удлиненных сколах (11 экз.), боковые (10 экз.), дисковидные, с обработанным ретушью краем на 2/3 периметра (7 экз.), с высокой спинкой (3 экз.), скребки на пластинах (2 экз.) (рис. 159: 6, 7, 13, 15–18; 161: 4, 6–10, 15).

Группа ножей представлена 37 экземплярами. Они выполнены на отшепах и уплощенных сколах, среди них есть как крупные – 4–8 см, так и более мелкие с уплощающей краевой ретушью по одному или двум краям (рис. 161: 16, 17).

Острия, их всего 20 экземпляров, выполнены на граненных отщепах и пластинах с одно- и двусторонней ретушью (рис. 159: 1–5, 161: 1–3). Выделяются наконечники стрел, имеющие листовидную форму с усеченным основанием. Они оформлены двусторонней уплощающей ретушью или же мелкой краевой, для подправки жала.

Деревообрабатывающих орудий найдено 29 экземпляров, в том числе 20 целых и девять обломков. Выделяются два крупных тесла из окремнелого известняка, найденных вместе. Они имеют трапециевидную форму со слегка округлым лезвием и уплощенными спинкой и брюшком. Орудия сформированы сколами, но имеются следы легкой пришлифовки поверхностей (рис. 159: 19). Также в коллекции имеются два сломанных тесла трапециевидной формы в сечении, с уплощенным брюшком и выделенными продольными гранями на спинке, орудия полностью пришлифованы (рис. 159: 14; 161: 19; 164: 5–9).

В целом, керамический комплекс с ямочно-гребенчатой орнаментацией этой стоянки представляется неоднородным. Здесь присутствуют сосуды с признаками архаичного и развитого этапов льяловской культуры. Для первого характерно обилие дресвы в глиняном тесте и простые орнаментальные мотивы, для последнего – усложненные орнаментальные мотивы, уменьшение роли дресвы в тесте. В комплексе каменных орудий присутствуют изделия в высокой уплощяющей ретушью, в том числе листовидные и иволистные наконечники стрел, скребки, ножи-ложкари, что характерно для памятников неолита льяловской культуры. Возможно, в этом комплексе присутствует небольшая примесь кремневых артефактов мезолитического времени, например, конусовидный нуклеус для ножевидных пластин, т.к. рядом на возвышении дюны располагается мезолитическая Мукшумская XIV стоянка.

Мукшумская VI стоянка

Стоянка открыта Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе разведочных работ 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Памятник находится в самой восточной точке полуострова, у подножья высокой коренной террасы р. Волги (рис. 152). В обрыве береговой линии был отмечен культурный слой темно-серого цвета с включениями каменных и керамических изделий.

Общая стратиграфия (сверху вниз):

№ слоя	Мощность	Характеристика слоя
1	15 – 25 см	слабый дерн с поддерновым слоем
2	15- 55 см	бурый песок
3	25 – 55 см	серый гуммированный песок
4	до 25 см	углистый темный песок
5	ниже	светлый желтый песок (материк)

В слоях бурого, серого гумусированного и углистого песка отмечены отдельные фрагменты керамики и кремни. По профилю обнажения было заметно, что здесь разрушаются две постройки, их размер по линии обрыва составляет 11,5 и 11 метров. Под обрывом в воде собран подъемный материал с площади, примерно, 45×5 метров.

Керамика

На стоянке найдено 24 фрагмента лепной керамики. Среди них есть крупные обломки от больших, толстостенных (толщиной 10–13 мм) сосудов и наряду с ними здесь найдены несколько тонкостенных (5–7 мм) фрагментов от маленьких сосудов (рис. 167). Поверхность сосудов заглажена с внутренней стороны, иногда при помощи штампа. Для изготовления керамики применялось глиняное тесто с примесью шамота, песка и дресвы. Орнамент имеет горизонтальную зональность. Ряды оттисков зубчатого штампа: вертикального, косопоставленного или

в виде косой решетки, разделенного одним, редко двумя рядами круглых конических ямочных вдавлений. Кроме этого используются оттиски гладкого штампа и неглубокие овальные ямочные вдавления. На одном фрагменте орнамент состоит из горизонтально поставленного крупнозубого штампа, поверх которого нанесены глубокие конический ямки (рис. 167: 3). Отличительной чертой этого комплекса является замена конических белемнитовых ямок на ямки неправильной формы, а также присутствие нехарактерных орнаментальных композиций.

Каменный инвентарь

Всего собрано 255 каменных изделий, из них 114 отнесены к отходам производства. Нуклевидных кремней в коллекции насчитывается 26 экземпляров. В основном, они небольших размеров и сильно сработанные (рис. 166: 19). Отбойниками служили крупные нуклевидные кремни. Ретушерами служили куски кремня, грани которых несут на себе следы сильной сработанности – многочисленные выбоины. Таких изделий насчитывается в коллекции шесть экземпляров.

Пластины представлены 65 экземплярами. Среди них 33 изделия – призматические с четкими гранями, из них шесть экземпляров с ретушью. Пластин неправильных очертаний, с «рванными» краями определено 32 экземпляра, причем, два из них – с ретушью. На пластинах были выполнены острия (3 экз.), ножи (2 экз.) и скребки (рис. 166: 1–7; 168).

Интересен листовидный наконечник стрелы на двухгранной пластине с уплощающей подтеской брюшка и спинки в проксимальной части, на проксимале было выполнено жало, а насад был оформлен краевой крутой ретушью (рис. 166: 1). Проколка была выполнена на двухгранной пластине с выделенными плечиками (рис. 166: 3).

Группа скребков на отщепах представлена 25 экземплярами. По их форме и по характеру обработки рабочего края можно выделить пять групп скребков: дисковидные (с ретушью на 2/3 периметра) (2 экз.), боковые (4 экз.), концевые, на удлиненных отщепах (6 экз.), с высокой спинкой (2 экз.), на отщепах случайной формы (12 экз.) (рис. 166: 7–11, 14; 168).

Скобелей в коллекции насчитывается 14 экземпляров, они выполнены на отщепах и ножевидных пластинах. Вогнутые края орудий обработаны мелкой односторонней ретушью (рис. 166: 13).

Резцы представлены двумя типами – срединные и на нуклевидных кремнях. Их в коллекции выделено пять экземпляров (рис. 166: 14–16).

Группа деревообрабатывающих орудий насчитывает семь изделий – это тесла и стамески. Все они выполнены из окремнелого известняка, имеют уплощенное брюшко, высокую подтрапециевидную спинку, слегка округлое лезвие, некоторые с желобчатым рабочим краем, подработаны шлифовкой (рис. 166: 17, 18).

В целом, керамический комплекс этой стоянки представляется однородным и, вероятно, представляет поздний этап развития льяловской культуры, о чем свидетельствуют отсутствие орнаментов, выполненных белемнитными коническими ямками, а также наличие нехарактерных, сложных накрадывающихся друг на друга узоров. Для комплекса каменных орудий характерны орудия с регулярной высокой уплощающей ретушью, в том числе скребки, ножи, нижи-ложкари, что присуще памятникам неолита льяловской культуры.

Мукшумская XII стоянка

Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе разведочных работ 1999 г. (Березина, Березин, 2003). В последующие годы здесь также собирался подъемный материал (рис. 152). С площади 45×3 метра было собрано 5238 предметов. На стоянке было найдено 476 фрагментов лепной керамики различной величины. Преобладающее большинство фрагментов – с ямочно-гребенчатой орнаментацией.

Керамика

Толщина стенок сосудов варьирует от 5 до 12 мм. Края большинства фрагментов окатаны водой. Визуально наблюдаются примеси дресвы, песка и шамота в тесте. Черепки плотные, тяжелые, многие с крупными обильными включениями дресвы, поэтому штамп на многих фрагментах отпечатан плохо. Венчики прямые или слегка отогнутые наружу, иногда с намеченной шейкой. На некоторых венчиках выделяется наружный валик по краю. Гребенчатые элементы наносились при помощи крупнозубых штампов. Орнаментальный узор на сосудах стоянки состоит из горизонтальных зон отпечатков прямо- или косопоставленного штампа, разделенного рядом ямочных вдавлений. На одном фрагменте имеется достаточно широкая зона из шести рядов конических ямок (рис. 175: 1). Имеется фрагмент с сочетанием нескольких горизонтальных рядов оттисков треугольных наколов и неправильных ямок с овальным дном (рис. 175: 6). На

одном сосуде ряд из оттисков гладкого вретикально поставленного штампа разделен рядом неправильных ямок (рис. 175: 2). В целом этот керамический комплекс выглядит достаточно архаично и сближается с материалами Мукшумской IV, расположенной рядом в 50 м восточнее.

Каменный инвентарь

На стоянке найдено 4762 каменных изделий. Их можно соотнести с основным комплексом ямочно-гребенчатой керамики. Из них 3457 предметов отнесены к отходам производства – это отщепы, чешуйки, куски кремня. Нуклеусов и нуклевидных кремней в коллекции стоянки насчитывается 154 экземпляра. Большинство из них сильно сработано, они служили для скалывания отщепов и ножевидных пластин (рис. 123: 21, 22). Небольшие гальки из кристаллических пород и куски кремня служили отбойниками.

На памятнике найдено 70 фрагментов костей животных. Они сильно выщелочены, имеют белый цвет. Вызывает интерес одна находка – обломок рога оленя длиной 18,5 см. Поверхность его приполирована и имеет неглубокие, но частые насечки.

Пластин в коллекции насчитывается 725 экземпляров. Выделено 372 экземпляра призматических пластин с четкими гранями, их размеры варьируют от 10 до 70 мм, ширина –от 3 до 15 мм., среди них – 35 пластин с ретушью. Пластин неправильных, с «рванными» краями выделено 353 экземпляра, из них 19 штук – с ретушью. На пластинах изготавливались ножи (11 экз.), острия (25 экз.), скребки (4 экз.), скобели (16 экз.) (рис. 122: 3, 4, 9, 13, 14–20, 123: 7, 8).

Самая многочисленная группа орудий – это скребки, выполненные на отщепах. Их насчитывается 120 экземпляров. По форме и характеру обработки рабочего края их можно разбить на 9 групп: скребки на отщепах случайной формы (30 экз.), с приостренным рабочим краем (29 экз.), боковые (16 экз.), концевые на удлиненных сколах (17 экз.), с высокой спинкой (3 экз.), дисковидные (9 экз.), на нуклеусе (1 экз.), на сегменте пластины (1 экз.), скребки мелкие на чешуйках (7 экз.) (рис. 171: 1–7, 9, 14).

Скобелей насчитывается 48 изделий. Они выполнены преимущественно на плоских и граненных сколах и отщепах (рис. 171: 8, 9).

Группа ножей представлена 29 орудиями. Они имеют один или два боковых края, оформленных заостряющей односторонней отжимной ретушью (рис. 169: 20, 21). Среди них отмечены ножи-ложкари, сочетающие в себе формы и функции ножей, скребков, проверток (рис. 169: 13, 14).

Многочисленна и разнообразна группа острий. Их насчитывается 39 орудий. Наконечники стрел представлены как экземплярами с двусторонней обработкой высокой уплощающей ретушью, так и с мелкой краевой, также используется прием уплощающей подтески брюшка (рис. 169: 5). Форма наконечников иволистная, листовидная (рис. 169: 1–4, 6, 8), листовидная с намеченным черешком (рис. 169: 5; 170).

Выделяются два крупных бифасиальных дротика длиной до 12 см, выполненных из кремня и окремнелого известняка (рис. 169: 7). Орудия сформированы сколами и ретушью. Одно изделие имеет заполировку по граням острой части, оно, вероятно, вторично служило разверкой (рис. 170: 13–14).

Представительна группа деревообрабатывающих орудий, насчитывающая 62 изделия. Это тесла, стамески и долота, выполненные из окремнелого известняка и кремня. Они имеют прямые, закругленные либо приостренные рабочие края. Практически все орудия имеют пришлифованные лезвия и поверхности тулова. (рис. 171: 10, 13, 15, 18; 172).

Из индивидуальных находок следует отметить штамп, служивший для широких гребенчатых оттисков. Он выполнен из алевролита, имеет прямоугольную форму и размеры 70×50×8 мм. Две плоские поверхности штампа хорошо отшлифованы, они отличаются волнообразными, идущими параллельно, углублениями и следами исчерченности. Боковые края закруглены и демонстрируют равномерные насечками (рис. 171: 16; 174: 9).

В коллекции имеется точильный камень из плотного песчаника с треугольным в сечении пазом и со следами исчерченности на плоских поверхностях (рис. 171: 17).

Здесь же следует описать уникальную находку – топор-клевец с биконической сверлной (рис. 173: 1). Топор симметричный в продольном сечении, вытянутой овальной формы, слегка изогнут, с округлыми боками, в центральной части с боков имеются выпуклины – «цапфы». Размеры топора составляют (в мм): длина – 260, ширина по оси отверстия – 46, диаметр конуса сверления колеблется от 33 до 12. Топор полностью отшлифован и приполирован. Наряду с этим проушина топора выполнена примитивным способом сверления и имеет биконическую форму, что позволяет говорить о более древнем возрас-

те находки, чем другие сверленные орудия культуры боевых топоров. Топор выполнен из сливного песчаника темно-розового цвета, имеющего название "шокшинский" по месту его происхождения из Прионежья Карелии. В Чувашском Поволжье этот сливной песчаник отмечается в ледниковой морене. Он был найден вместе с другим подъемным материалом – керамикой и кремнем, датируемыми эпохой неолита. Форма и пропорции топора, а также овальная форма конуса сверления имеют некоторые аналогии с неолитическими топорами Севера. Основной ареал распространения подобных топоров – юг Финляндии и Карелия.

Здесь же были найдены две крупные шлифовальные плиты, изготовленные из той же породы, что и топор-клевец (рис. 173: 2, 3). Плитки имеют подпрямоугольную характерную форму с вогнутыми заполированными краями и продольными заполированными бороздами на широких плоских гранях. Характерные формы и пропорции заполированных участков позволяют нам с достаточной уверенностью говорить о том, что ими шлифовался именно этот топор-клевец и его изготовление происходило на месте обнаружения.

В целом, керамический комплекс на этой стоянке представляется однородным и отражает архаичный или ранний этап развития льяловской культуры. Здесь присутствуют сосуды с сочетанием конической ямки и треугольного накола в орнаментации, что свидетельствует о контактах людей, оставивших этот памятник, с населением с накольчатой орнаментацией посуды. Выделяется богатый и разнообразный каменный инвентарь стоянки. Здесь представлены листовидные и ромбические наконечники стрел с двусторонней высокой ретушью, а также крупные наконечники дротиков. Отдельной темой является обнаружение топора-клевца, двух шлифовальных плиток и уплощенной галькой со сверлинами с двух сторон.

Мукшумская XVII стоянка

Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе разведочных работ 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Культурный слой стоянки находился под водой. С площади 30×7 м в воде было собрано 3468 предметов (рис. 177–179). Среди каменного инвентаря в большом количестве присутствуют изделия на пластинках мезолитического облика. Вероятно, близость мезолитической Мукшумской XIV стоянки сказалась на его характере.

Керамика

Собрано 1300 фрагментов керамики. Преобладающее большинство фрагментов украшены ямочно-гребенчатым орнаментом. Фрагменты плотные, в тесте визуально просматриваются примеси шамота, дресвы, песка. Стенки керамики сглажены с обеих сторон. Орнамент равномерно и плотно покрывает поверхность черепков. Орнаментальные узоры располагаются горизонтальными зонами, состоящими из чередующихся рядов косо или прямо поставленного штампа, разделенных рядами конических ямок или горизонтальных оттисков штампа. Применяется также орнамент из неглубоких ямочных овальных, каплевидных вдавлений и треугольных наколов. Отмечены треугольные наколы в сочетании с коротким зубчатым штампом и неправильными округлыми ямками по краю венчика небольшого сосуда (рис. 176: 4). Гребенчатый орнамент наносился разнообразными формами штампов. Использовался короткий прямоугольный двузубый штамп, а также короткий овальный зубчатый. Судя по фрагментам днищ, горшки имели округлое дно (рис. 125). Широкое распространение неправильных ямок, наличие наколов треугольной и подовальной форм, разнообразие сложных узоров и штампов сближают этот памятник с Мукшумской VI стоянкой, расположенной в 550 м к востоку.

Керамический комплекс стоянки выделяется сочетанием белемнитных ямок с ямками неправильной формы, а также овальных и треугольных наколов, различных гребенчатых штампов и прочерченных линий, сложных композиций, что указывает на поздний этап развития льяловской культуры.

Кроме этого, на нескольких памятниках левобережья – Мукшумских I, XI, XIV, XX, XXIV, XXV стоянок были обнаружены в подъемном материале единичные фрагменты с ямочно-гребенчатой орнаментацией. В целом, они находят параллели в материале других стоянок Мукшумского комплекса памятников.

7.3 Вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников неолита с ямочно-гребенчатым орнаментом посуды

Памятники с ямочно-гребенчатой орнаментацией в Среднем Поволжье были исследованы А.Х. Халиковым и отнесены им к развитому и позднему этапам балахнинской культуры,

ранние же памятники, по его мнению, располагались выше устья Оки. Распространение гребенчатого штампа на керамике развитого этапа балахнинской культуры он объяснял контактами носителей балахнинской культуры с волго-камским миром и отмечал близкие параллели с памятниками Карелии, Прибалтики и Приладожья. По аналогии с радиоуглеродными датами того времени исследователь отнес развитый этап к первой половине III тыс. до н.э. и связывал более высокое положение памятников этого времени с увеличением влажноовине III тыс. до н.э. (Халиков, 1969, с. 92–114).

В.П. Третьяков, изучив ямочно-гребенчатую керамику Среднего Поволжья, отнес ее к особому средневолжскому варианту ямочно-гребенчатой культуры, не выделяя этапов, и датировал его III – началом II тыс. до н.э. (Третьяков, 1972, с. 71–74).

В последующие годы В.В. Никитиным было исследовано свыше 80 поселений и отдельных местонахождений с ямочно-гребенчатой керамикой в Марийском Поволжье (Никитин, 1996, с. 48). Он предложил трехчленную периодизацию ямочно-гребенчатого неолита, основанную на изучении как «чистых», так и многослойных памятников. Ранний этап характеризуется, по его мнению, низким гипсометрическим положением памятников, в орнаментации посуды отсутствуют зигзаг с ямкой в вершине и косая сетка, а ямочные мотивы играют вспомогательную роль. В общем, посуда раннего этапа близка к керамике второго периода балахнинской культуры. На развитом этапе происходят некоторые изменения в форме сосудов – исчезают приостренные днища, а венчики, в основном, плоские. На позднем этапе происходит разрежение орнамента на посуде, распространяются неглубокие ямки различных форм, венчики сосудов – прямостенные с небольшим отгибом. Основываясь на стратиграфических наблюдениях, время существования наиболее ранних памятников В.В. Никитин отнес к рубежу IV и III тыс. до н.э., (Никитин, 1996, с. 64–75). В последующей работе он, опираясь на абсолютные датировки верхневолжской неолитической культуры, удревнил ранние ямочно-гребенчатые комплексы до начала – первой четверти IV тыс. до н.э. «Воротничковые» элементы в керамических комплексах, по его мнению, относятся к развитому этапу и связаны с влиянием воротничковой керамики ивановского и токского типов, а также с влиянием хвалынской культуры, и датируются третьей четвертью IV тыс. до н.э. Поздний этап синхронизирован В.В. Никитиным с позднельяловским и датирован концом IV тыс. до н.э. (Никитин, 2004, с. 244–245). В последние годы получены значительные серии радиоуглеродных дат по пяти ненеолитическим стоянкам Марийского Поволжья. Они укладываются в хронологический отрезок от рубежа V – IV до середины IV тыс. до .э. (Выборнов, 2008).

Керамические комплексы левобережья Чувашского Поволжья не имеют четкой стратификации и происходят из сборов подъемного материала, однако они позволяют охарактеризовать эти памятники. Среди них отчетливо выделяются две группы керамики: первая, преимущественно с примесью песка и дресвы, вторая – с шамотом. О таком разделении керамических ямочно-гребенчатых комплексов Марийского Поволжья писал В.В. Никитин (Никитин, 1996, с. 55). Первая группа состоит из трех памятников – это Мукшумская IV, VI и XII стоянки, керамика которых отличается обилием дресвы в пластическом сырье и простыми орнаментальными композициями горизонтальной зональности. Реконструированный сосуд с Мукшумской IV стоянки дает представление о форме, размере и динамике орнамента. Наличие наколов в орнаменте отражает контакты населения рассматриваемых Мукшумских стоянок и культуры раннего неолита с накольчатой крамикой, что согласуется с датами архаичного этапа льяловской культуры.

Однако, в изученных керамических комплексах присутствуют фрагменты сосудов с редкоямочным орнаментом и фрагменты с узором в виде ряда косой решетки, разделенного одним рядом конических ямок. Аналогичные комплексы имеются в материалах Дубовской IX и XII стоянок. На хорошо стратифицированной многослойной стоянке Воймежное I расположенной в торфяниках Шатурского района Подмосковья, подобные сочетания признаков отмечены на посуде архаичного этапа льяловской культуры. Это такие признаки, как перенасыщенность дресвой теста, яйцевидная форма сосудов, утоньшенный венчик, иногда орнаментированный по внутренней стороне (Древние охотники.., 1997. С. 56–57). Среди отличий – отсутствие плюсневых штампов «собачий нос», хотя на Дубовской VIII стоянке этот тип штампа отмечен (Никитин, 1988, с. 19–33). Этот комплекс датируется рубежом V–IV тыс. до н.э. Это согласуется с радиоуглеродными датами,

полученными для ямочно-гребенчатой посуды Дубовской III стоянки ВР 5930±80[5] (Ki–14535), Дубовской VIII – 5880±90 (Ki–15735) и 5720±80 (Ki–15736), Дубовской XII – 5970±90 (Ki–15737), Отарской VI – 5810±90 (Ki–14425) и 5930±80 (Ki–14449) (Выборнов, Кондратьев, 2009, с. 282–284).

В керамических ямочно-гребенчатых комплексах Примокшанья керамика раннего этапа часто характеризуется перенасыщенностью дресвой, утонченным и кососрезанным вовнутрь орнаментированным краем венчика. В материалах Клюквенный 4 и Имерка 1-А присутствуют сосуды с большим содержанием дресвы в тесте и схожей орнаментацией. Однако, на памятниках Примокшанья в большом количестве встречаются оттиски плюсневых штампов, а также штампы, не характерные для Чувашского Поволжья – со скошенными зубцами, вдавления полулунной формы и др. (Ставицкий, 1999. С. 124–135).

С материалами Мукшумской XII стоянки связана находка топора-клевца из сливного песчаника с биконической сверлиной и цапфами по бокам. Вместе с ним были обнаружены две шлифовальные плитки из этого же материала, что говорит об изготовлении этого топора на месте обнаружения. Основной ареал распространения подобных топоров связан с территорией юга Финляндии и Карелии. Отдельные находки таких топоров широко известны в Восточной Европе. Похожий топор был найден вместе с другими пятью предметами (кремневыми теслами, ножами и каменным отбойником) на правом берегу р. Мёши, при ее впадении в устье Камы у с. Макаровка Лаишевского уезда Казанской губернии (рис. 173: 4). Он имеет своеобразие – выбитый рисунок из зигзагообразных линий, вытянутых вдоль спинки топора по четыре линии от центра к концам. Биконическое сверление и почти равные размеры объединяют эту находку с первой, а удлиненно овальные пропорции, овальное поперечное сечение, ребро по центру продольного сечения, цапфы по бокам и биконическое сверленое отверстие, ставят все эти находки в один ряд. Финский археолог К. Карпелан считает, что они попали в Восточную Европу с Севера благодаря контактам в неолите в IV тыс. до н.э. во время "типичной гребенчатой керамики" (Carpelan, 1976). Вероятно, в неолите в ареале обитания племен таежной и лесной зоны с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментациями керамики существовали контакты, действовавшие как в северном, так и в южном направлениях.

Вторая группа керамических комплексов Заволжья с ямочно-гребенчатой орнаментацией характеризуется наличием шамота, песка и дресвы в небольшом количестве в пластическом сырье. К этой группе относятся материалы Мукшумской XVII стоянки. Система орнаментации имеет строгую горизонтальную зональность. Наряду с длинными гребенчатыми штампами здесь присутствуют короткие овальные и прямоугольные штампы, также распространены неглубокие ямочные вдавления. Орнаментальные мотивы усложняются, сочетая различные виды штампа на одном сосуде. Конусовидные ямки, сохраняя роль разделителей, применяются в заполнении полей с гребенчатыми оттисками. Здесь также отмечено преобладание гребенчатого штампа.

Ямочно-гребенчатые комплексы Алатырского Присурья включают самую представительную коллекцию с поселения Утюж I. Раскопками 2006–2007 гг. было получено более 1650 фрагментов, судя по венчикам, примерно, от 66 сосудов. В составе исходного пластического сырья визуально отмечаются песок и шамот, дресвы не отмечено. Большая часть керамики связана с жилыми постройками. Венчики прямые, с округлым или плоским срезом. На двух венчиках присутствуют воротничковые утолщения. Орнамент плотно покрывает всю поверхность сосуда и имеет горизонтальную зональность. Орнаментальные мотивы простые – ряд оттисков вертикально- или косопоставленного штампа, иногда в виде горизонтального зигзага, разделен рядом конической ямки. В орнаменте присутствуют неглубокие ямочные вдавления, единичны оттиски плюсневого штампа «собачий нос» и косой решетки. Ямочно-гребенчатая керамика со стоянок Чёрненькое озеро, Вьюново Озеро и Молебное Озеро составляют с утюжской одну культурно-хронологическую группу.

В целом вышеописанная ямочно-гребенчатая керамика наиболее близка материалам Марийского Поволжья. С ними их объединяет простота орнаментальных композиций, горизонтальная зональность, преобладание гребенчатых оттисков над ямочными, наличие неглубоких ямочных вдавлений, единичных плюсневых штампов и отсутствие полулунных вдавлений и косозубых штампов. Описанные признаки находят параллели в комплексах архаичного и раннего этапов льяловской куль-

[5] Использованы некалиброванные даты

туры, хронологические рамки которых определяются периодом от рубежа V–IV до сер. IV тыс. до н.э. (Энговатова, 1998, с. 245). Единичные «воротнички» на сосудах ямочно-гребенчатой керамики Чувашского Поволжья, вероятно, объясняются контактами ее носителей с раннеэнеолитическими степными культурами. В недавнее время получены радиоуглеродные даты по фрагментам ямочно-гребенчатой керамики Алатырского Присурья. Так, материалы поселения Утюж I получили дату по фрагментам с горизонтальными оттисками гребенчатого штампа, разделенного одним рядом конических ямок – 5940±90 (Ki–15641), 6080±90 (Ki–15640), со стоянки Вьюново Озеро II по фрагменту с рядом наклонно-поставленных зубчатых штампов и овальных ямочных вдавлений разделенных одним рядом конической ямки – 5965±90 (Ki–15620) и 6085±90 (Ki–15626), со стоянки Черненькое Озеро по фрагменту с оттисками наклонно-поставленных штампов, разделенных одним рядом конической ямки – 5840±80 (Ki–15195) и 6040±90 (Ki–15200). Таким образом, по радиоуглеродным датам утюжские материалы синхронны архаичному этапу льяловской культуры и датируются рубежом V и IV тыс. до н.э.

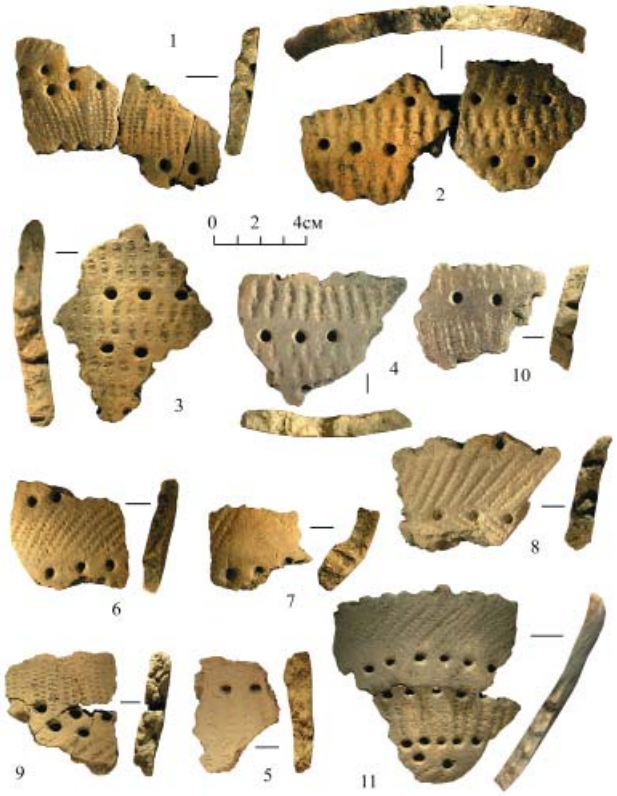


Рис. 129. Стоянка Новая Деревня. Керамика.
Fig. 129. Novaia Derevnia site. Ceramics.

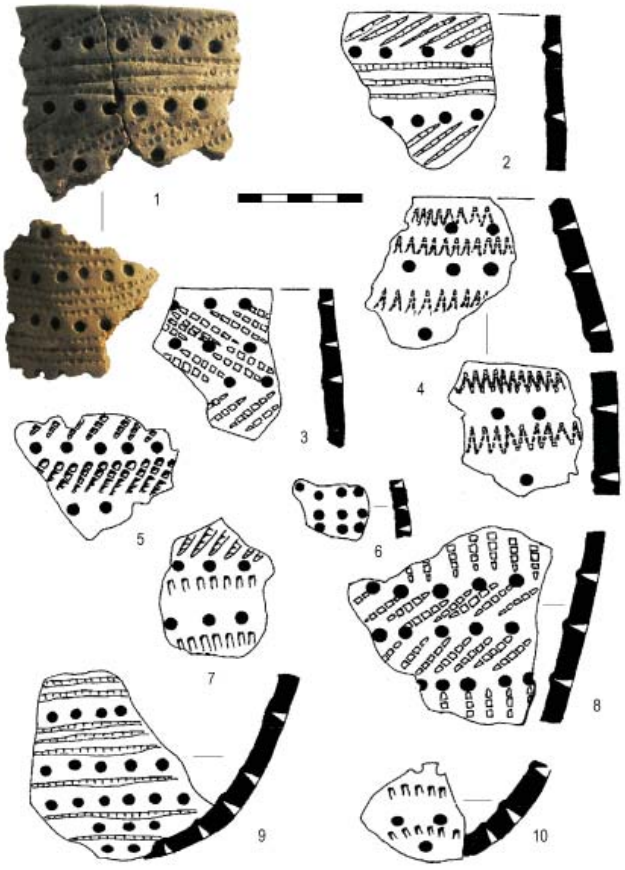


Рис. 130. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 130. Utiuzh I settlement. Ceramics.

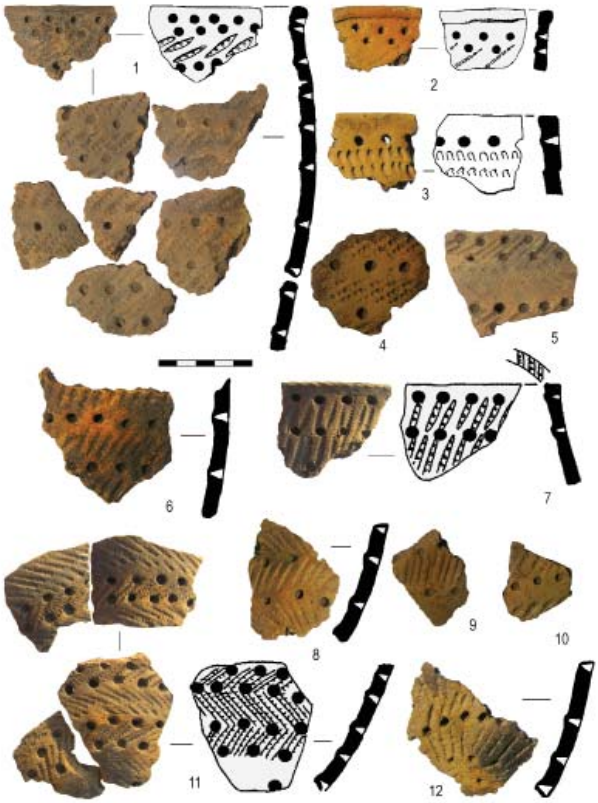


Рис. 132. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 132. Utiuzh I settlement. Ceramics.

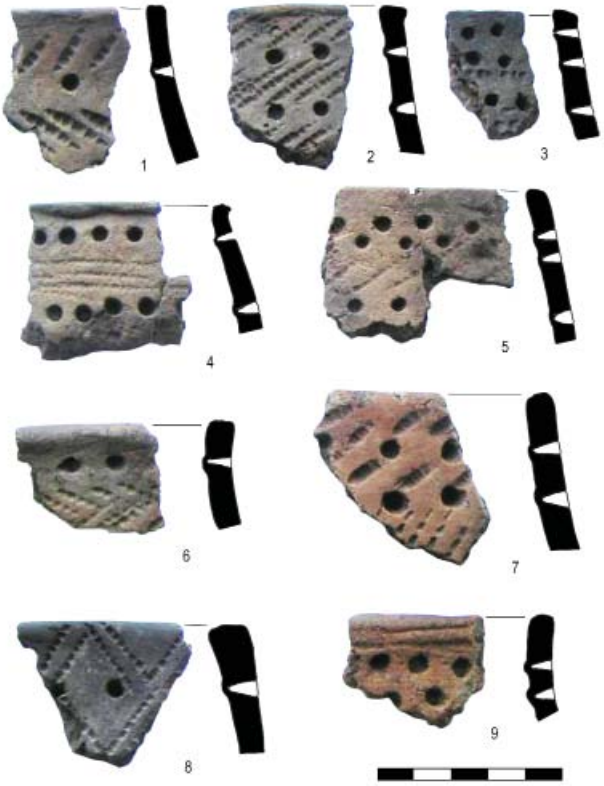
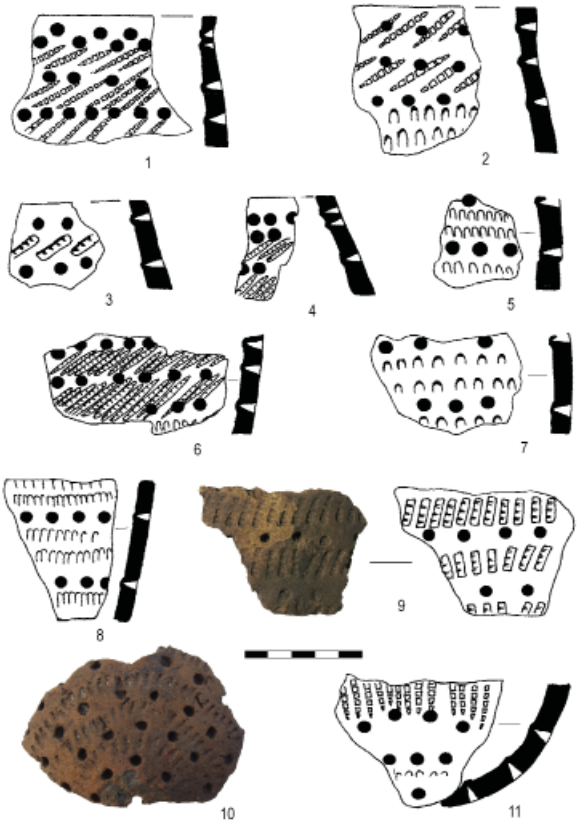


Рис. 133. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 133. Utiuzh I settlement. Ceramics.

Рис. 131. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 131. Utiuzh I settlement. Ceramics.



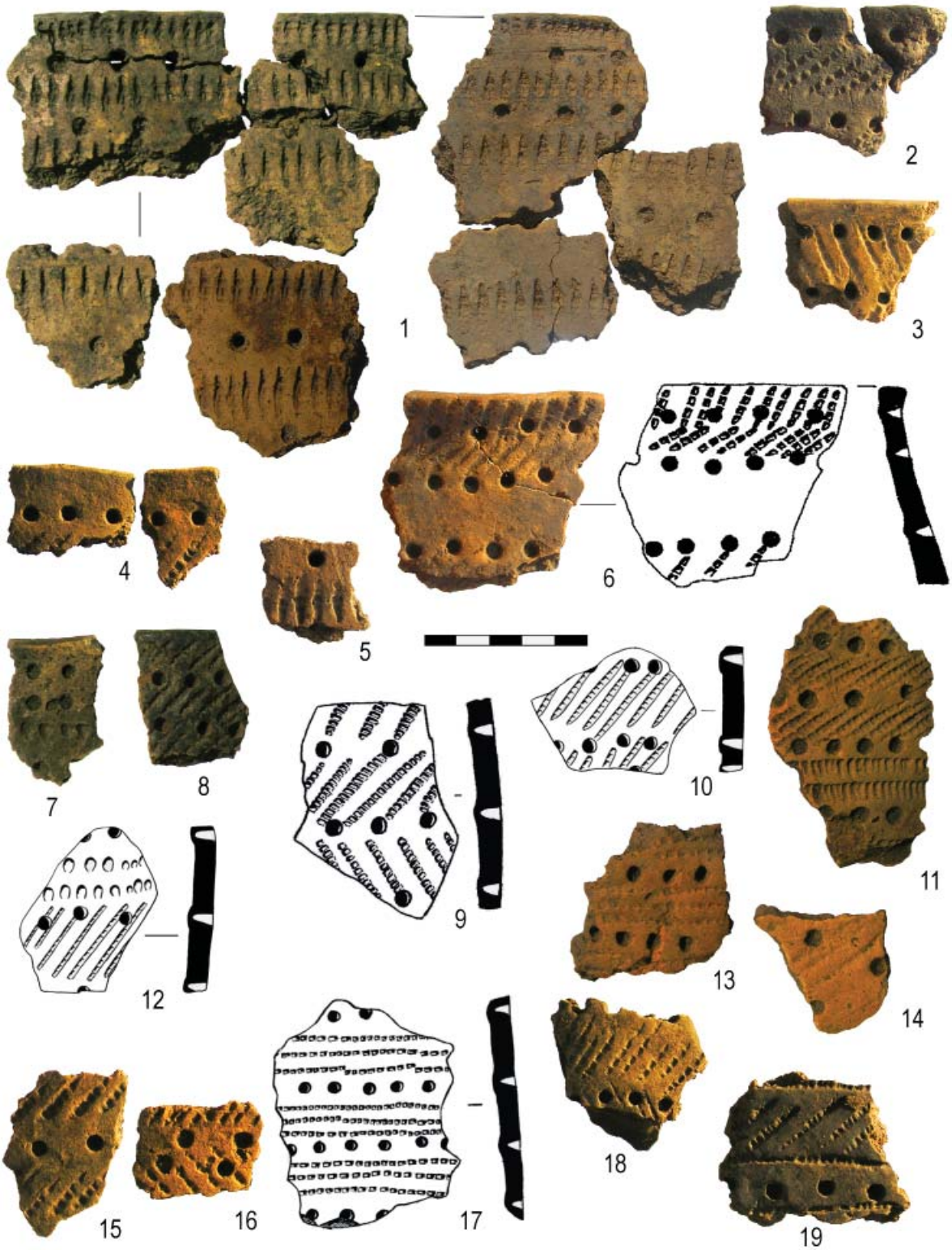


Рис. 134. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 134. Utiuzh I settlement. Ceramics.

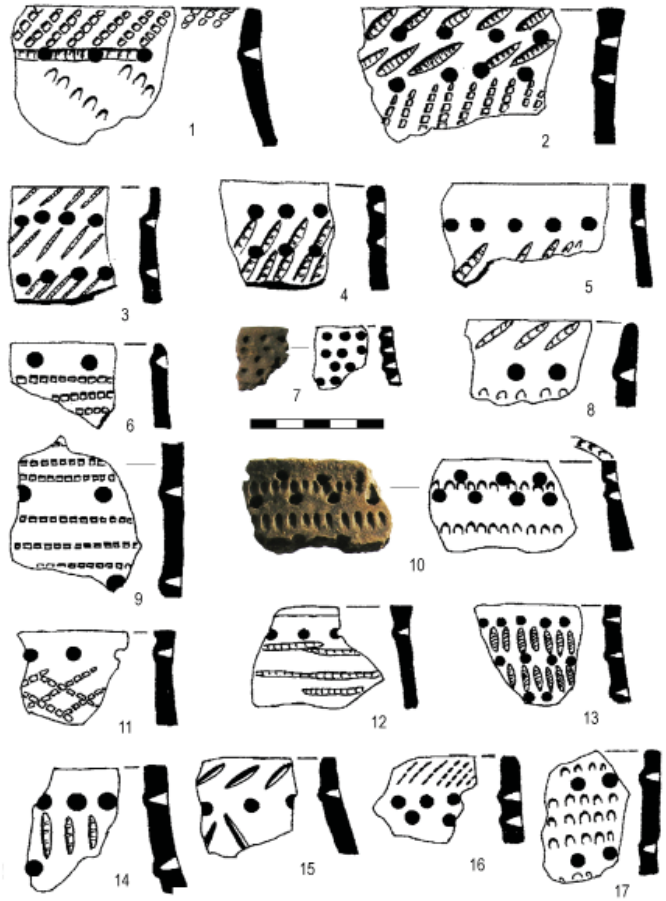


Рис. 135. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 135. Utiuzh I settlement. Ceramics.

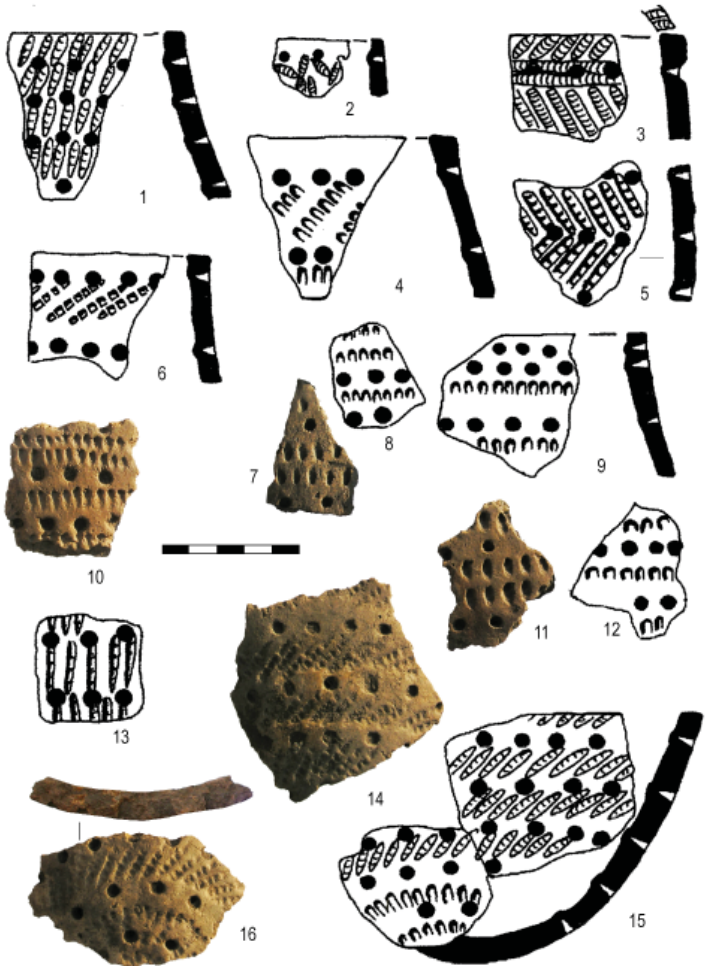


Рис. 136. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 136. Utiuzh I settlement. Ceramics.

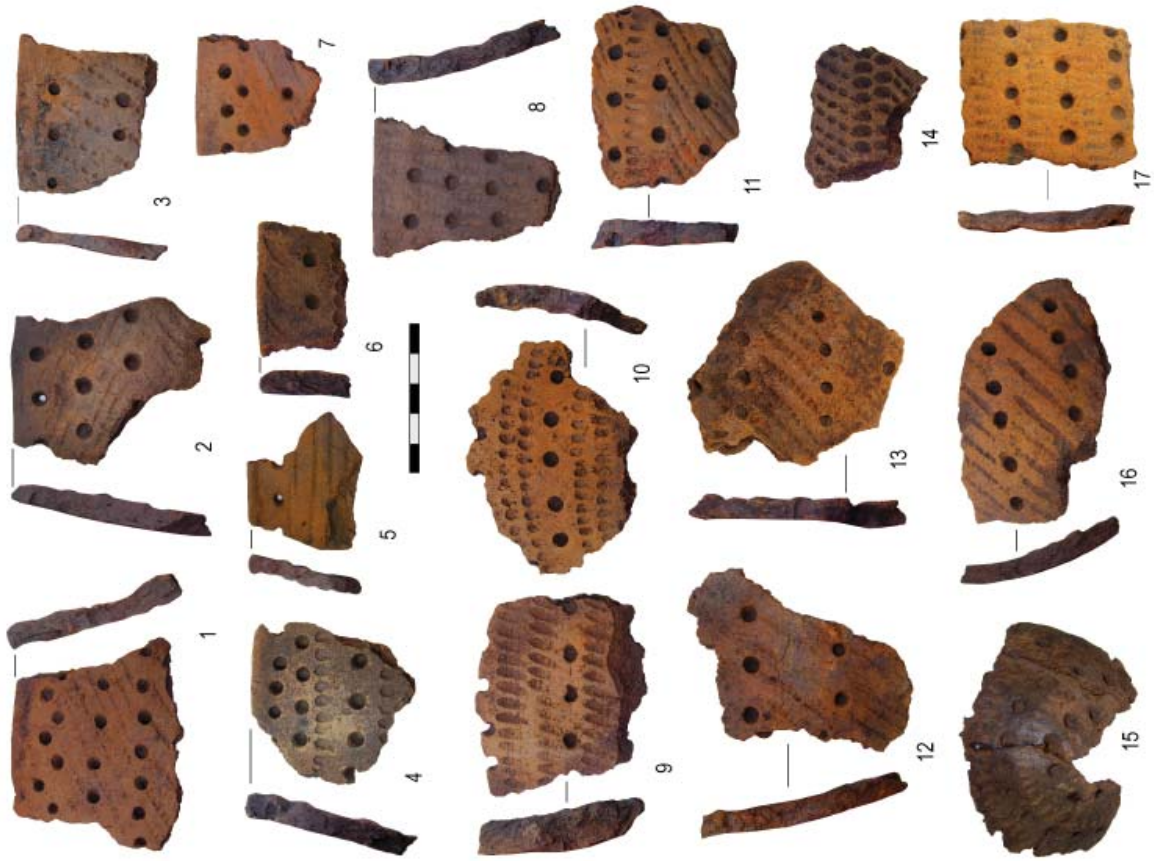


Рис. 137. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 137. Utiuzh I settlement. Ceramics.

Рис. 138. Поселение Утюж I. Керамика.
Fig. 138. Utiuzh I settlement. Ceramics.

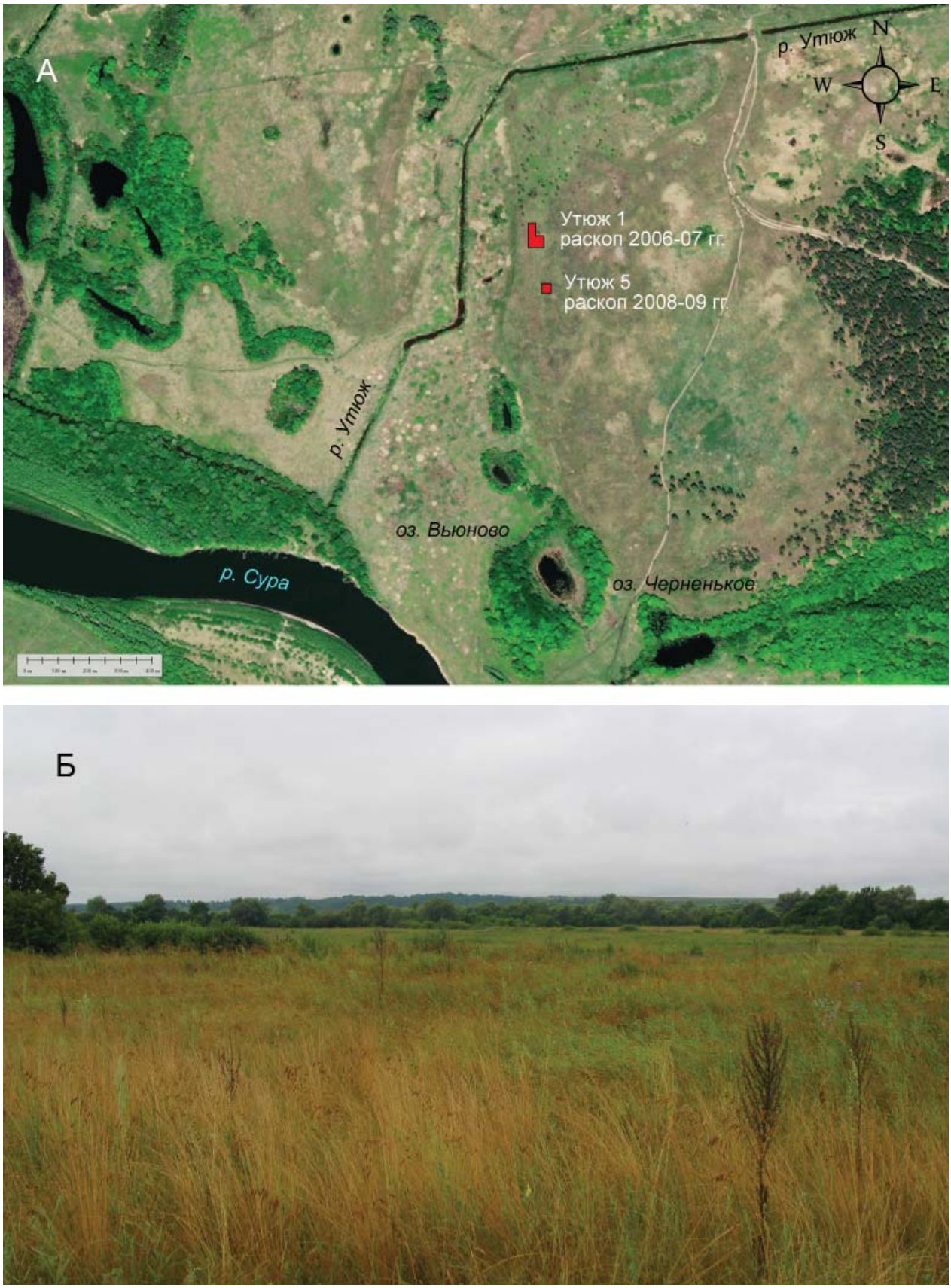


Рис. 139. А – ситуационный план расположения поселений Утюж I и V на космоснимке;
Б – фото общего вида с востока на поселение Утюж V.
Fig. 139. А – general layout of the Utiuzh I and V settlements on a satellite image;
Б – general view photo of Utiuzh V settlement from the east.

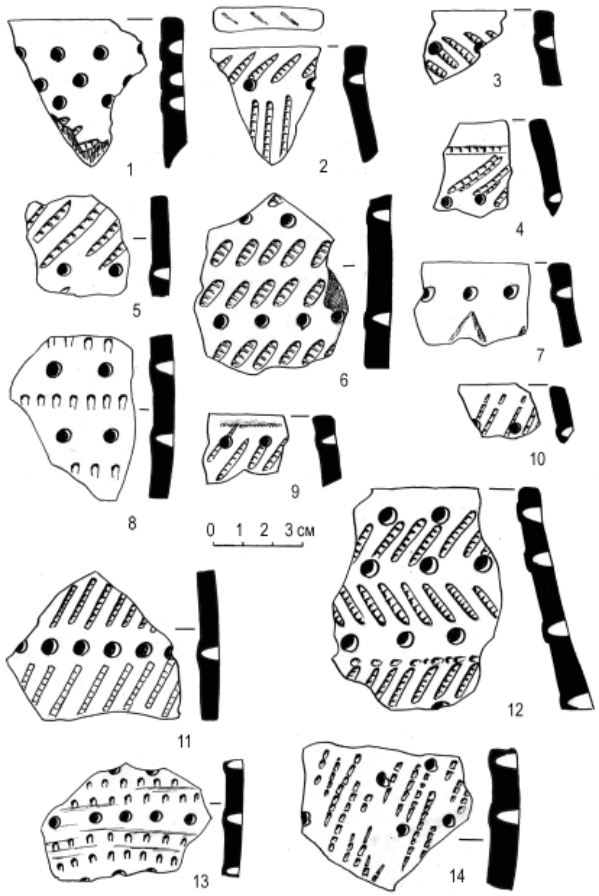


Рис. 140. Поселение Утюж V. Керамика.
Fig. 140. Utiuzh V settlement. Ceramics.

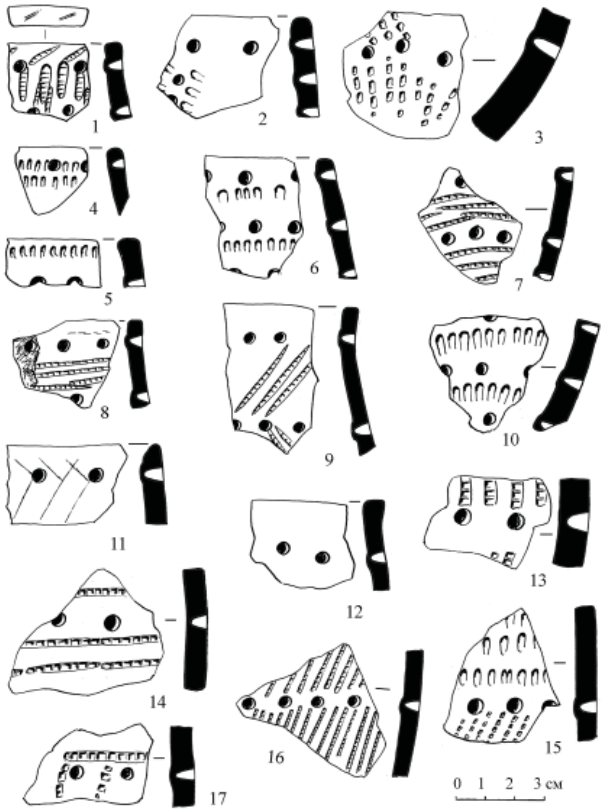


Рис. 141. Поселение Утюж V. Керамика.
Fig. 141. Utiuzh V settlement. Ceramics.

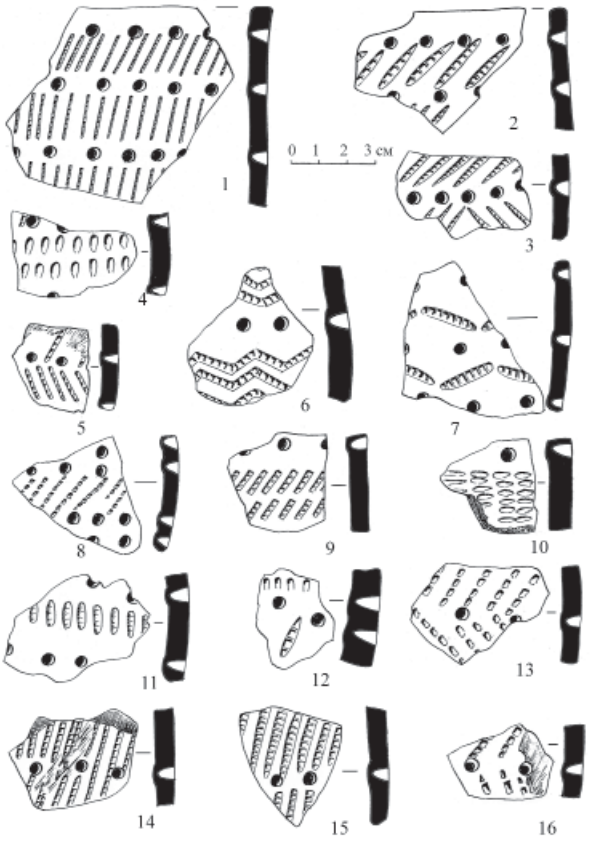


Рис. 142. Поселение Утюж V. Керамика.
Fig. 142. Utiuzh V settlement. Ceramics.

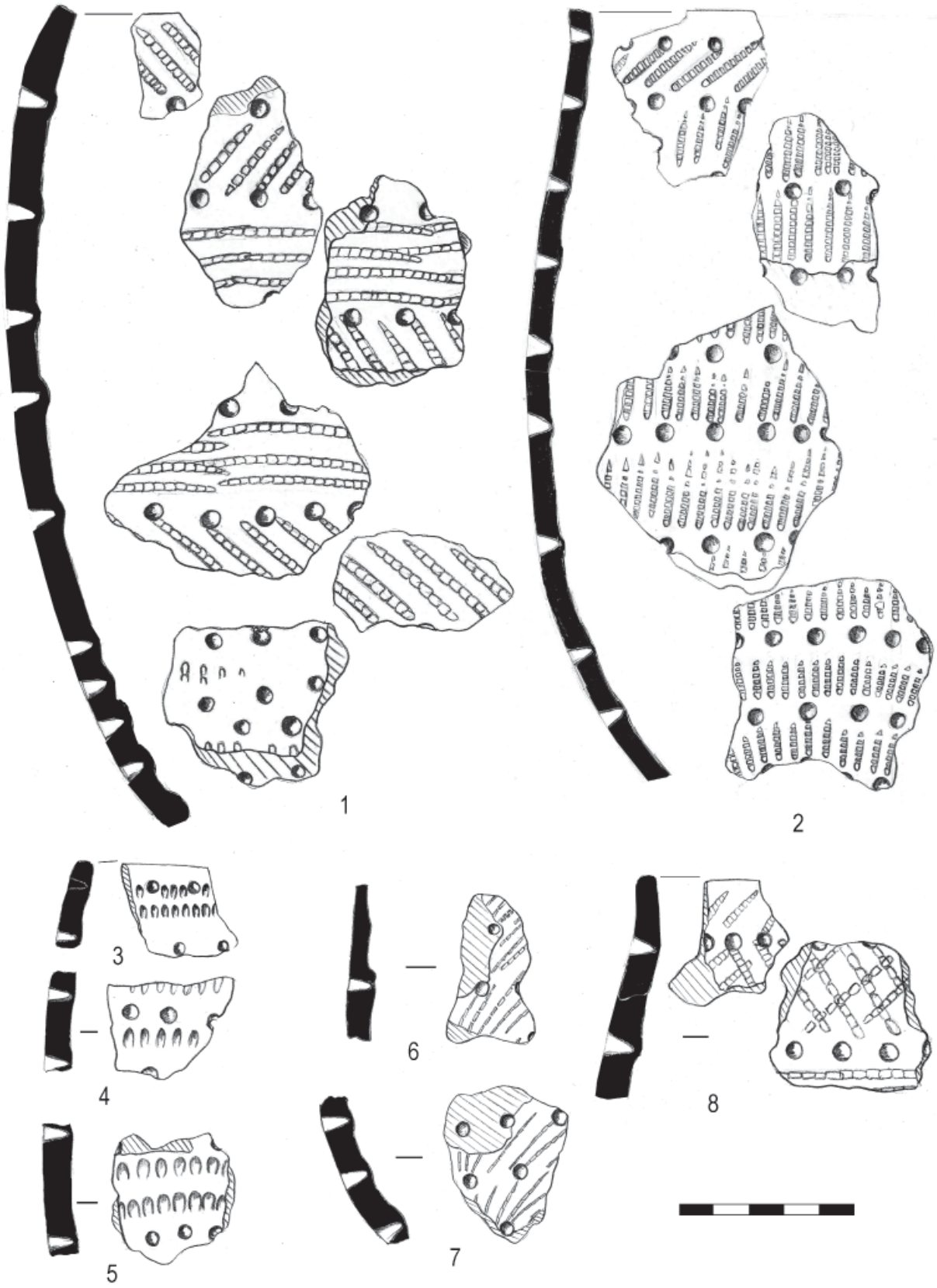


Рис. 143. Стоянка Вьюновj Озеро I. Керамика.
Fig. 143. Viunovo Ozero I site. Ceramics.

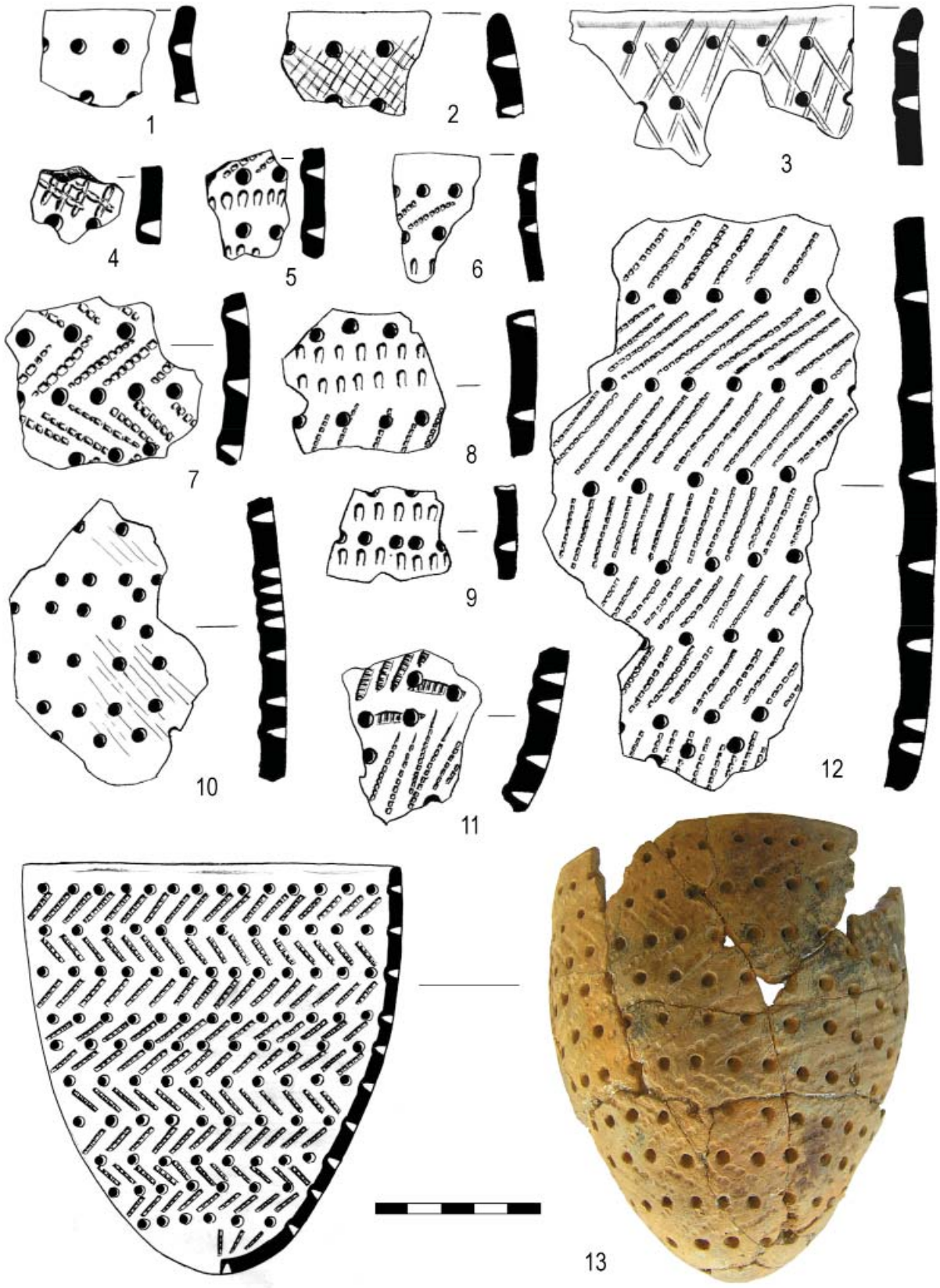


Рис. 144. Стоянка Вьюново Озеро II. Керамика.
Fig. 144. Viunovo Ozero II site. Ceramics.

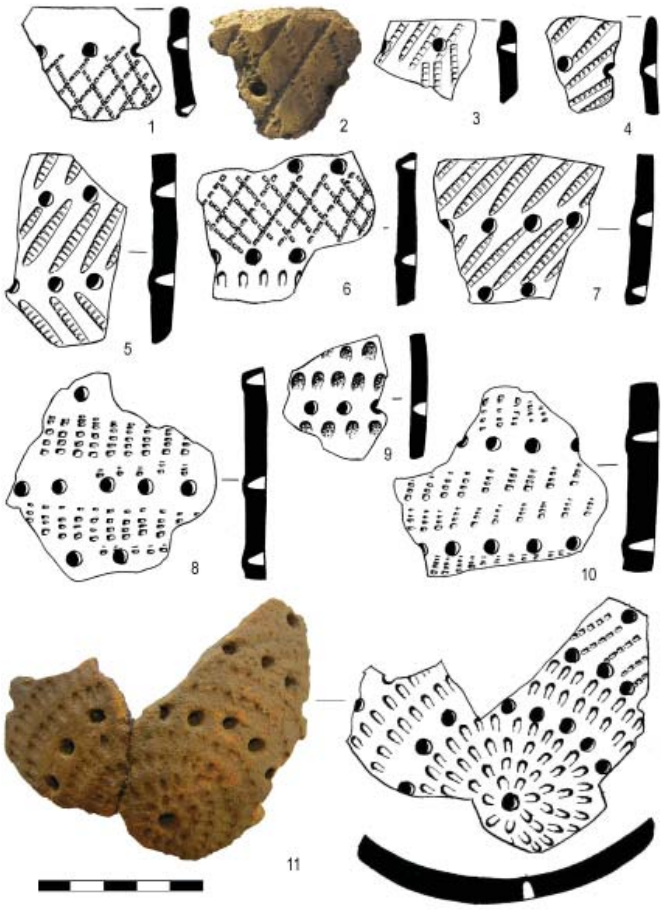


Рис. 145. Стоянка Черненькое Озеро. Керамика.
Fig. 145. Chernenkoe Ozero site. Ceramics.

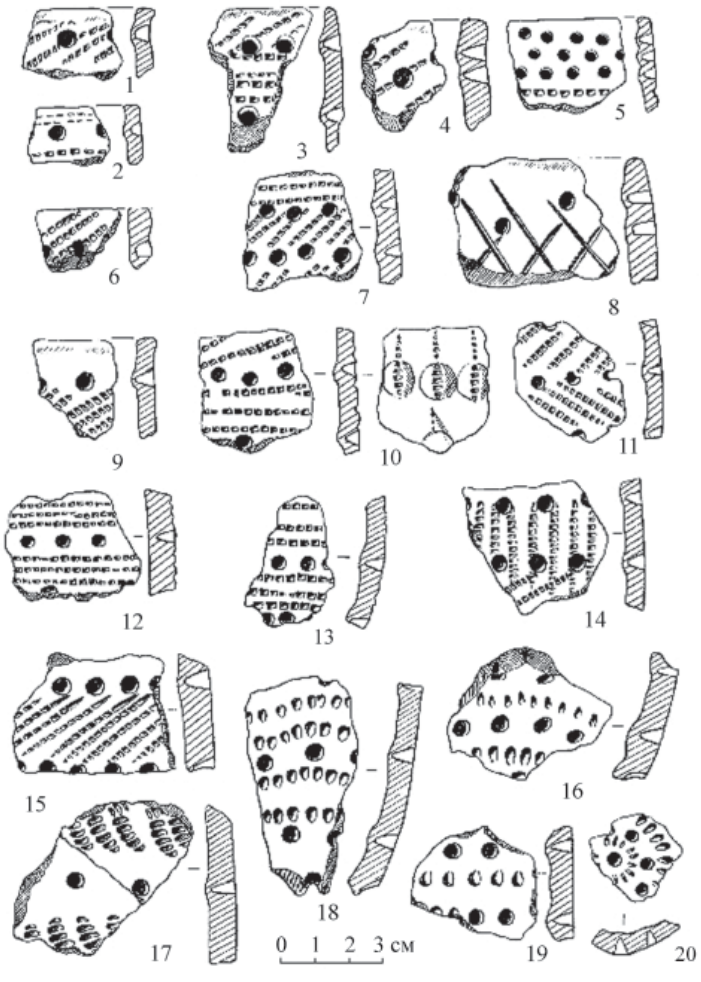


Рис. 146. Стоянка Черненькое Озеро. Керамика.
Fig. 146. Chernenkoe Ozero site. Ceramics.

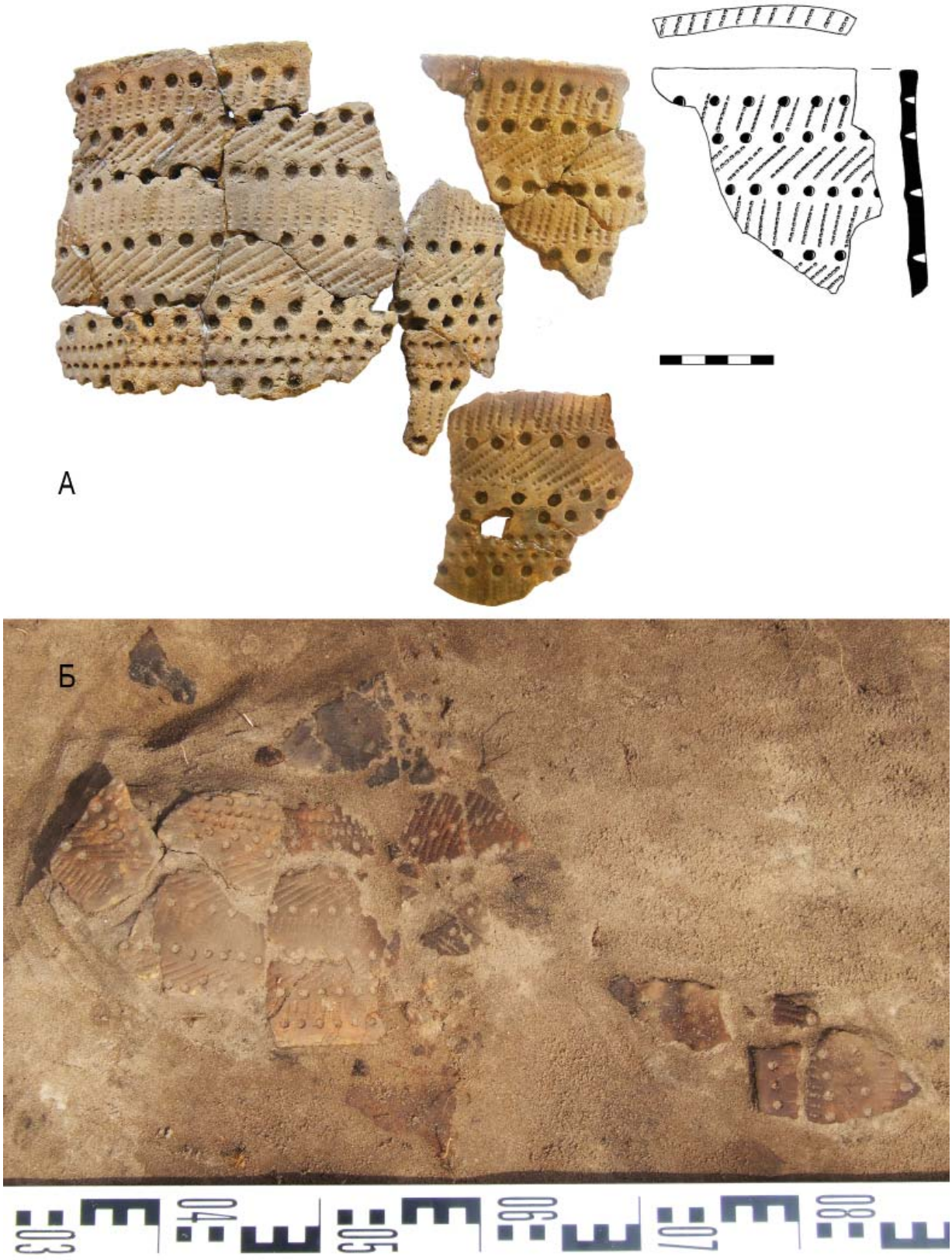


Рис. 147. Стоянка Черненькое Озеро.
А – керамика, крупный фрагмент стенки сосуда. Б – расчистка в культурном слое крупного фрагмента стенки сосуда.
Fig. 147. Chernenkoe Ozero site.
A – ceramics, a large fragment of a vessel wall. B – clearing of a large fragment of a vessel wall in the cultural layer.

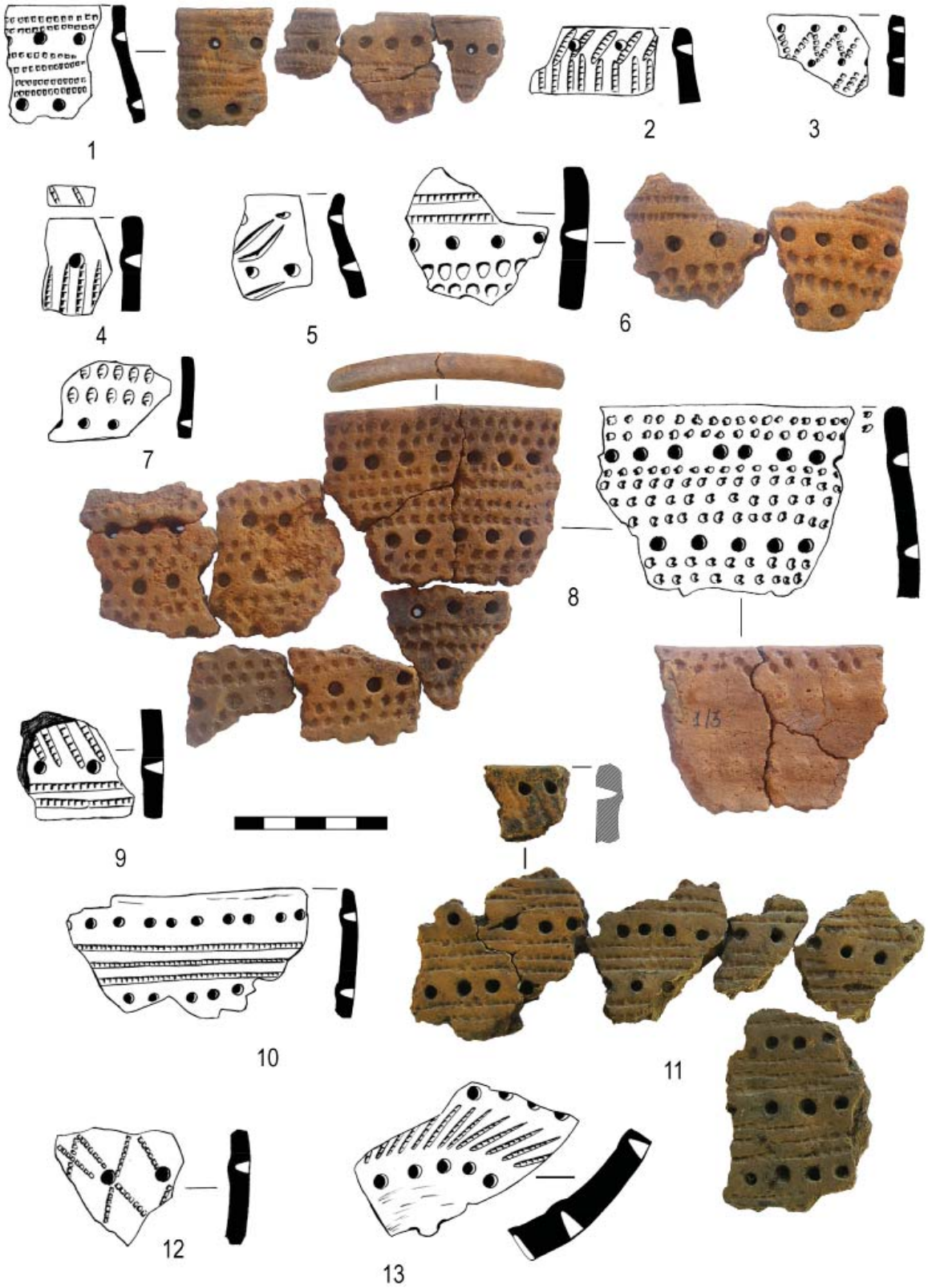


Рис. 148. Стоянка Черненькое Озеро. Керамика.
Fig. 148. Chernenkoe Ozero site. Ceramics.

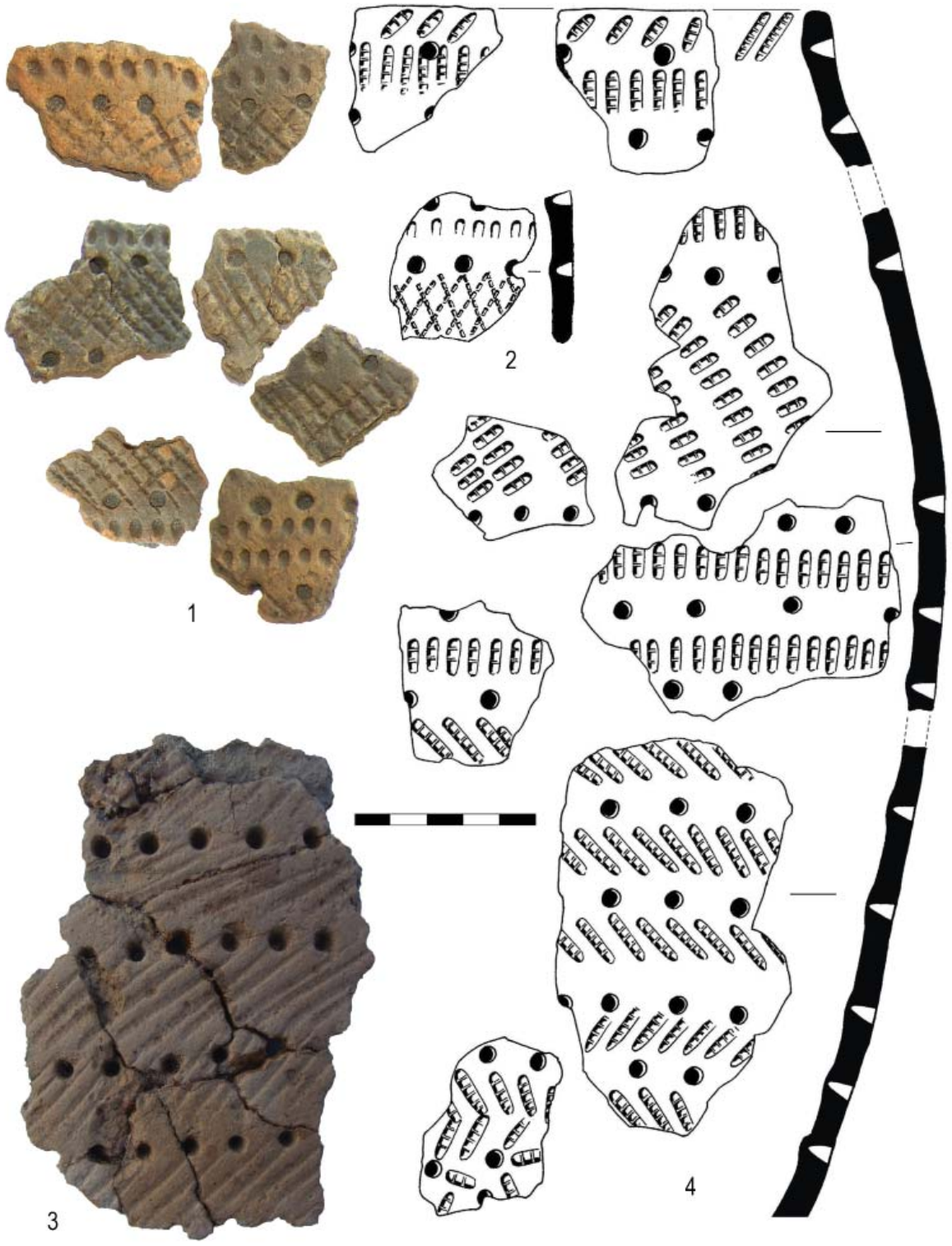


Рис. 149. Стоянка Черненькое Озеро. Керамика.
Fig. 149. Chernenkoe Ozero site. Ceramics.

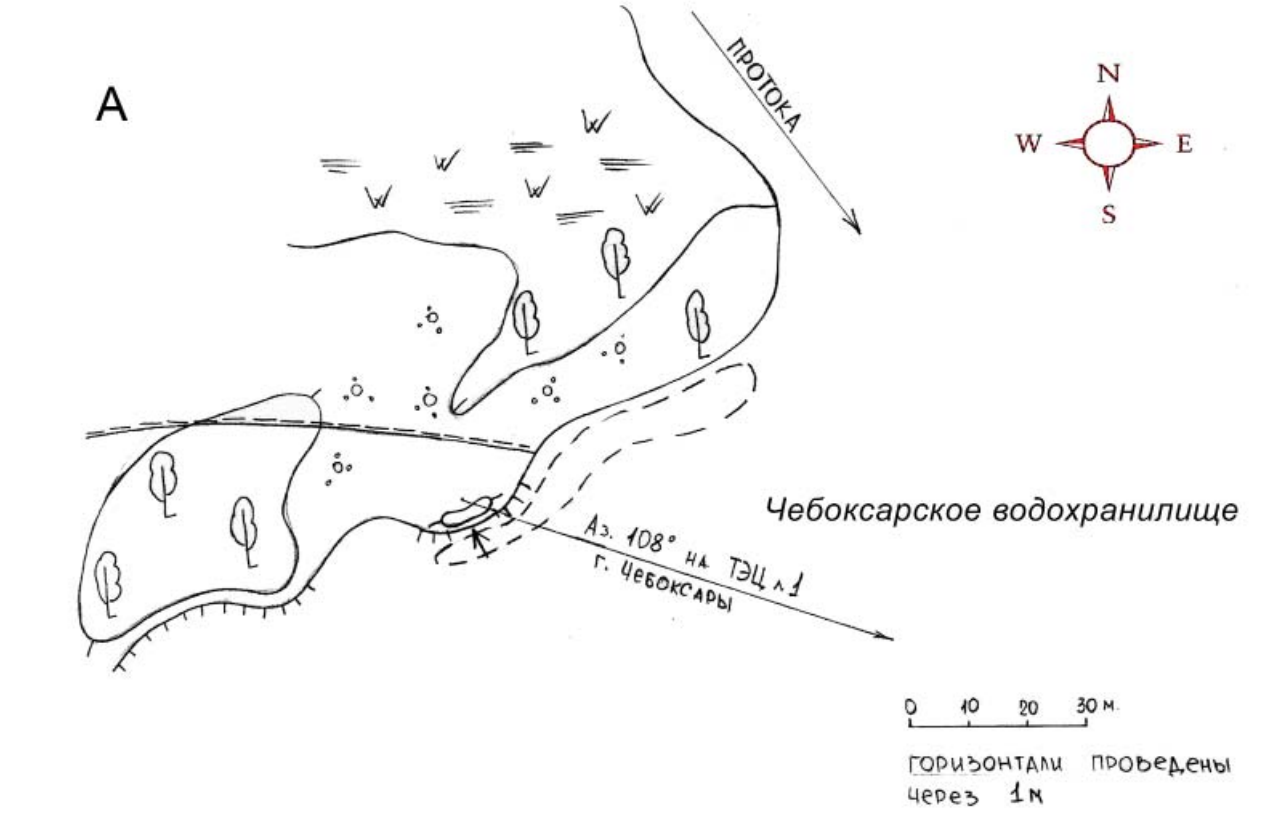


Рис. 150. А – ситуационный план Мукшумской II стоянки.
Б – фото общего вида с юга на место расположения памятника.
Fig. 150. A – general layout of the Mukshum II site.
B – general view photo of the site from the south.

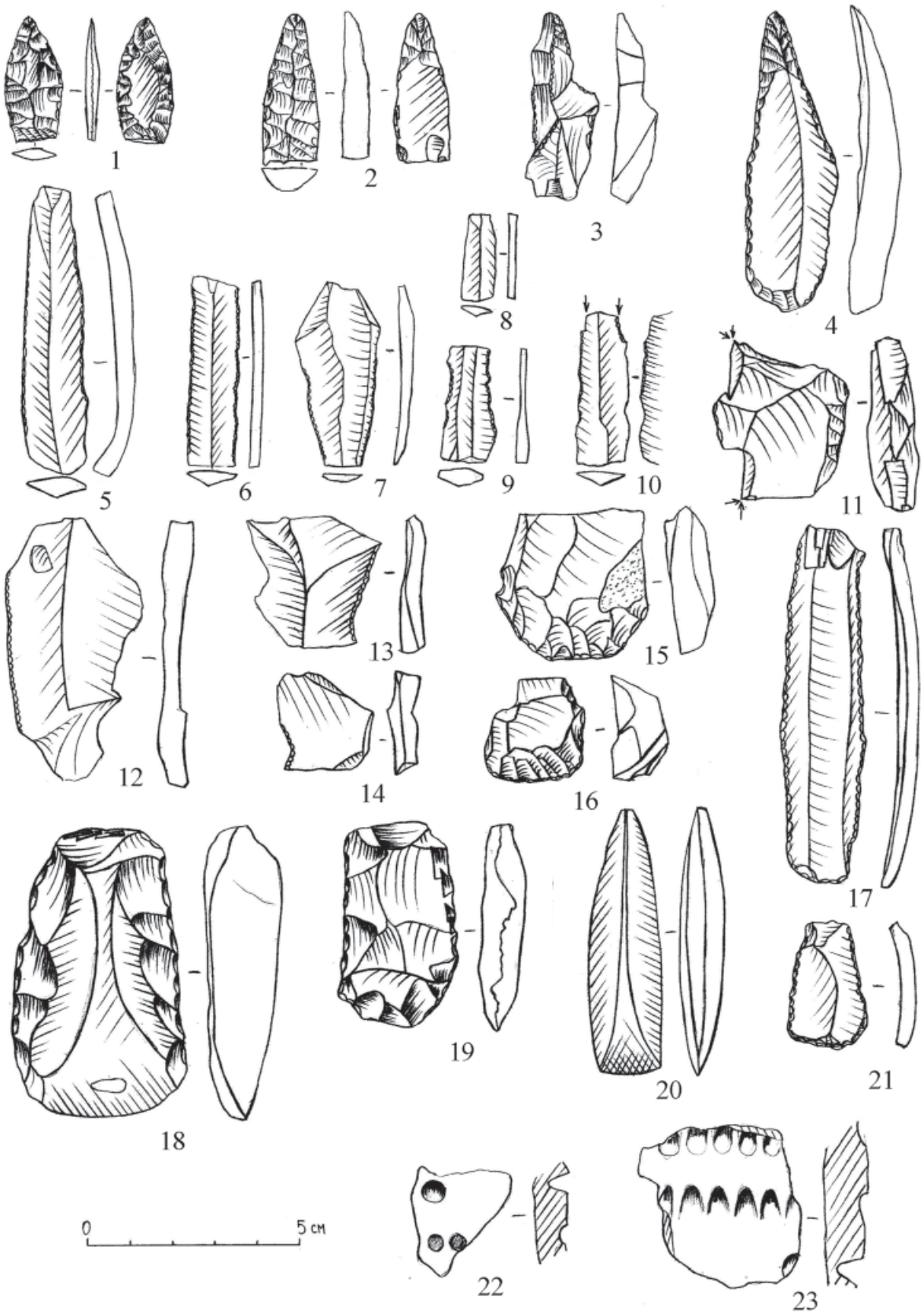


Рис. 151. Мукшумская II стоянка. 1-21 – кремневые орудия, 22-23 – фрагменты керамики.
Fig. 151. Mukshum II site. 1-21 – flint tools, 22-23 – fragments of ceramics.

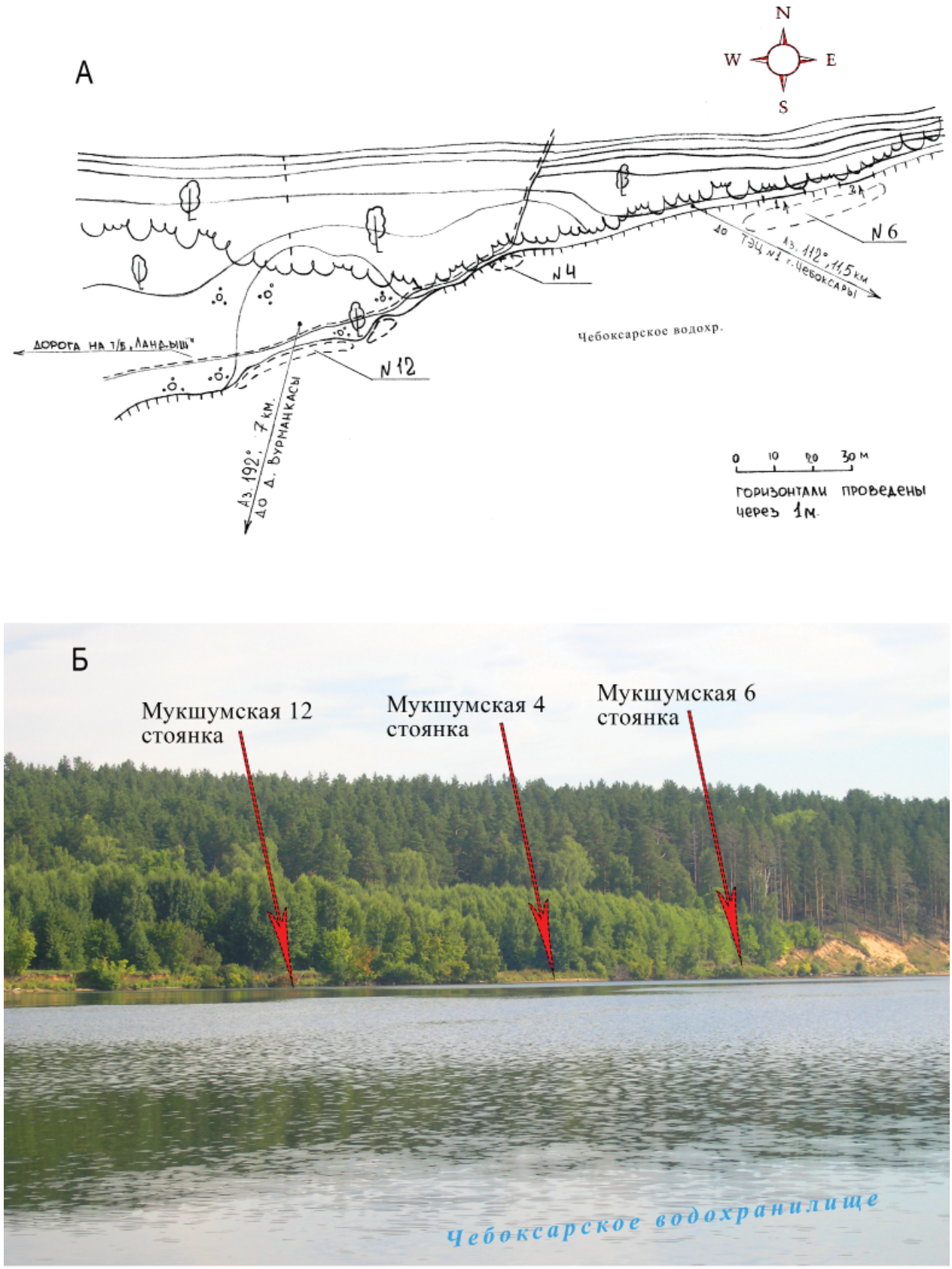


Рис. 152. А – ситуационный план Мукшумской IV, VI и XII стоянок.
Б – фото общего вида с юга на место расположения памятников.
Fig. 152. A – general layout of the Mukshum IV, VI and XII sites.
B – general view photo of the sites from the south.

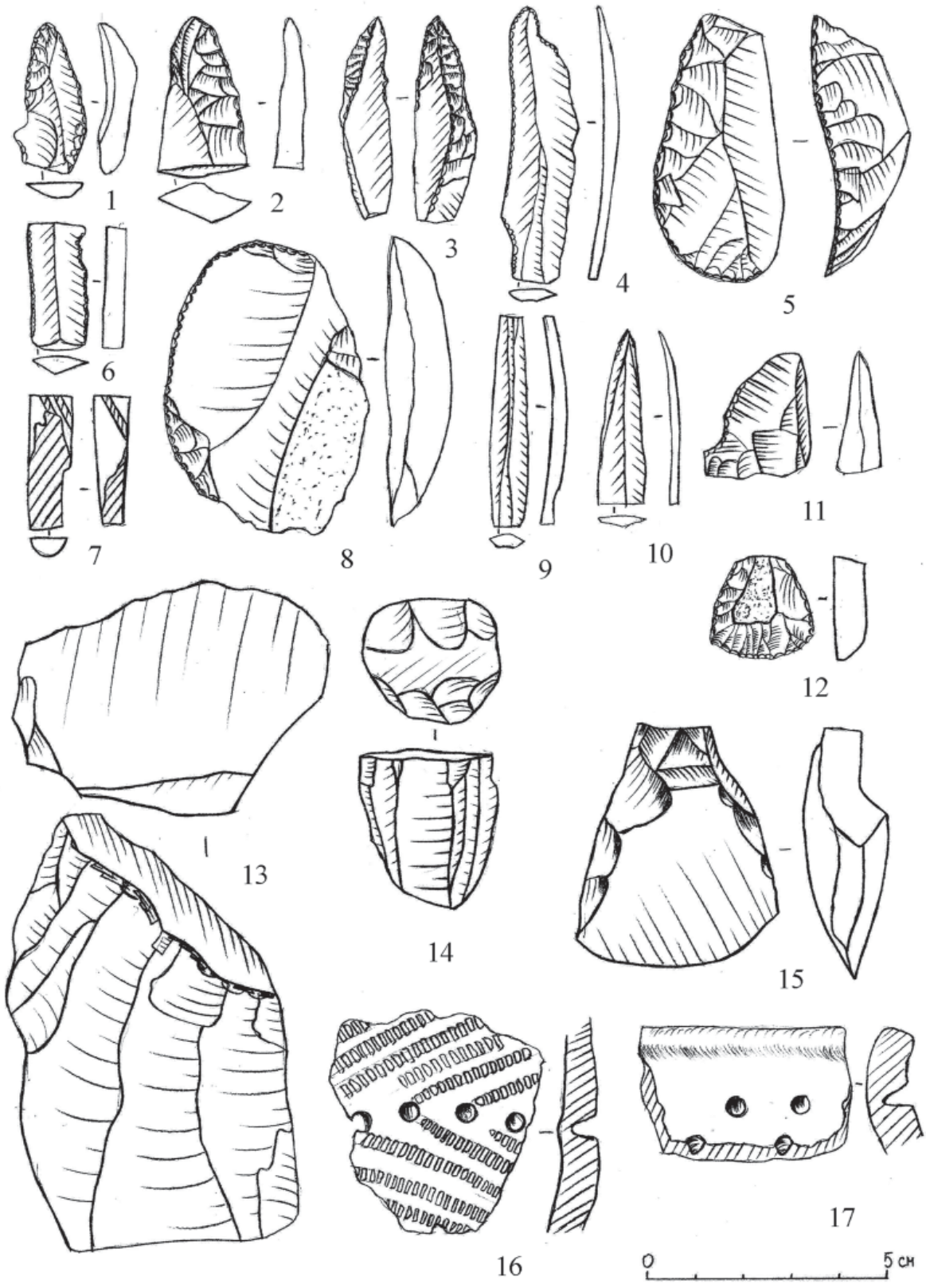


Рис. 153. Мукшумская III стоянка. 1-15 – кремневые орудия; 16-17 – фрагменты керамики.
Fig. 153. Mukshum III site. 1-15 – flint tools; 16-17 – fragments of ceramics.

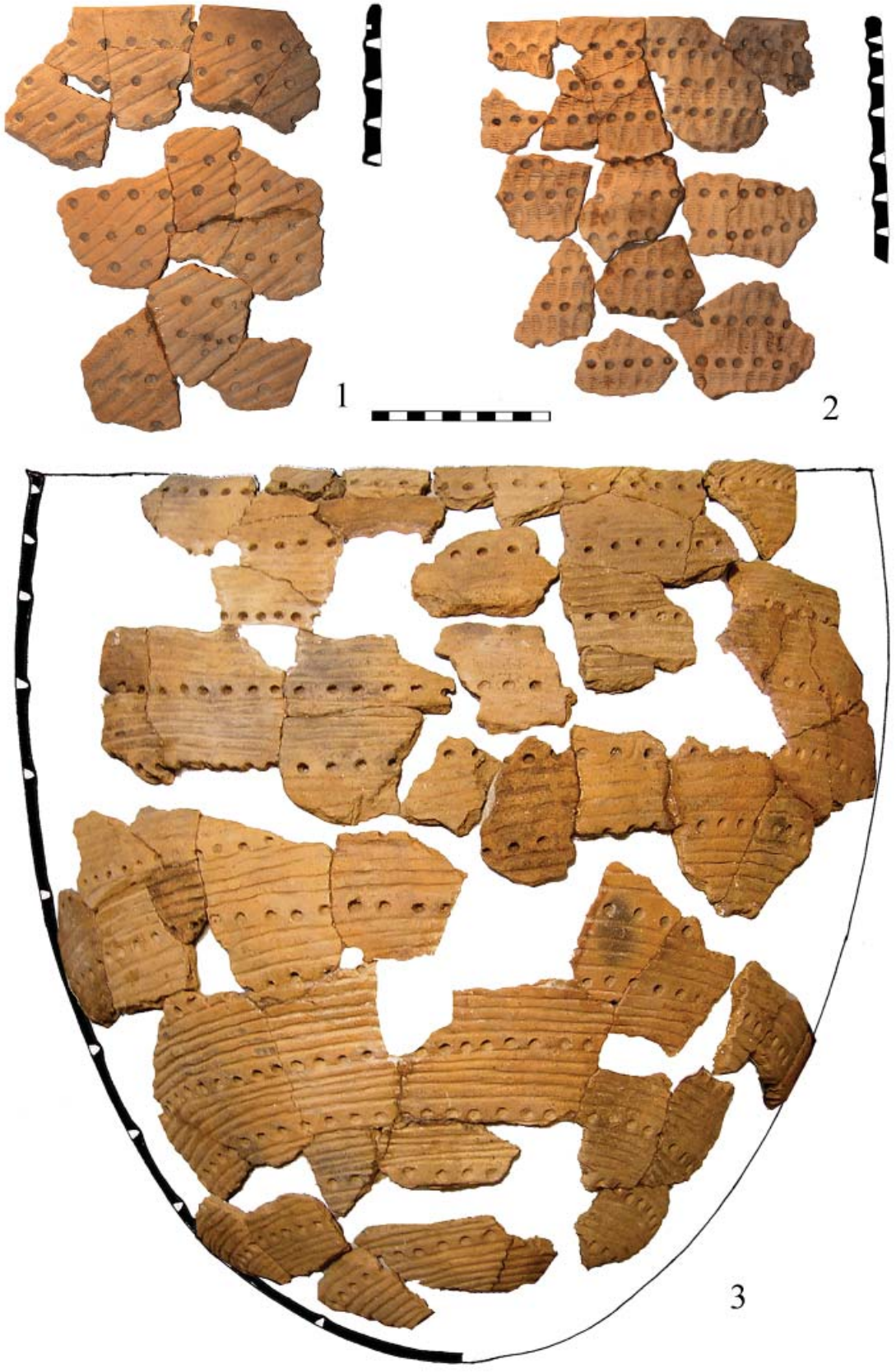


Рис. 154. Мукшумская IV стоянка. Керамика.
Fig. 154. Mukshum IV site. Ceramics.

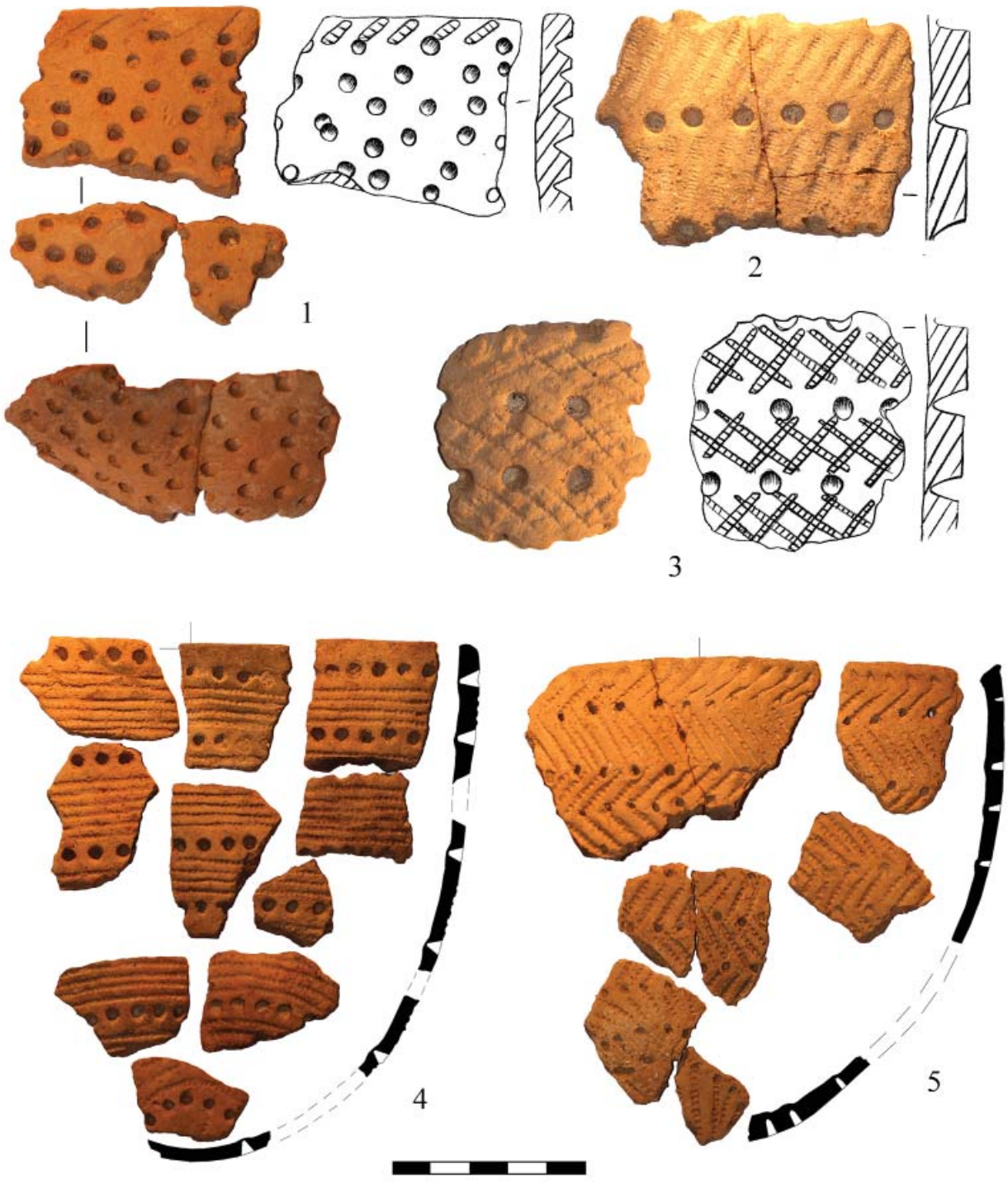


Рис. 155. Мукшумская IV стоянка. Керамика.
Fig. 155. Mukshum IV site. Ceramics.

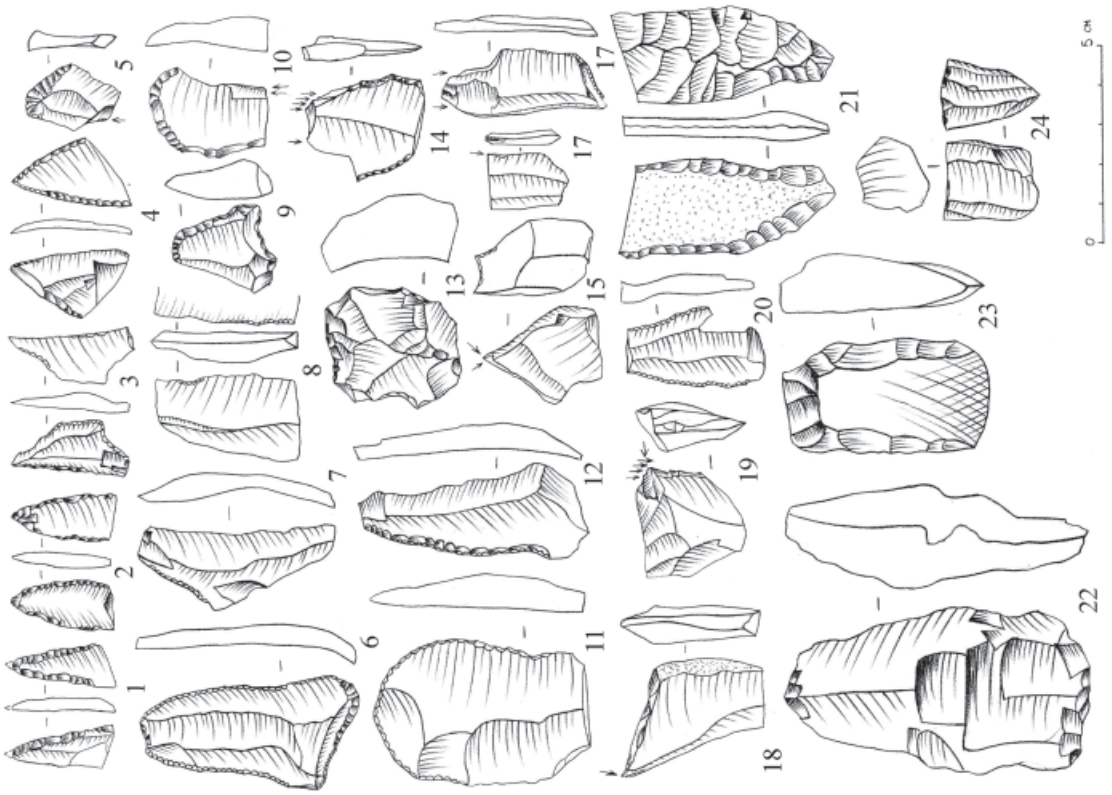


Рис. 156. Мукшумская IV стоянка. Кремневые орудия.
Fig. 156. Mukshum IV site. Flint tools.

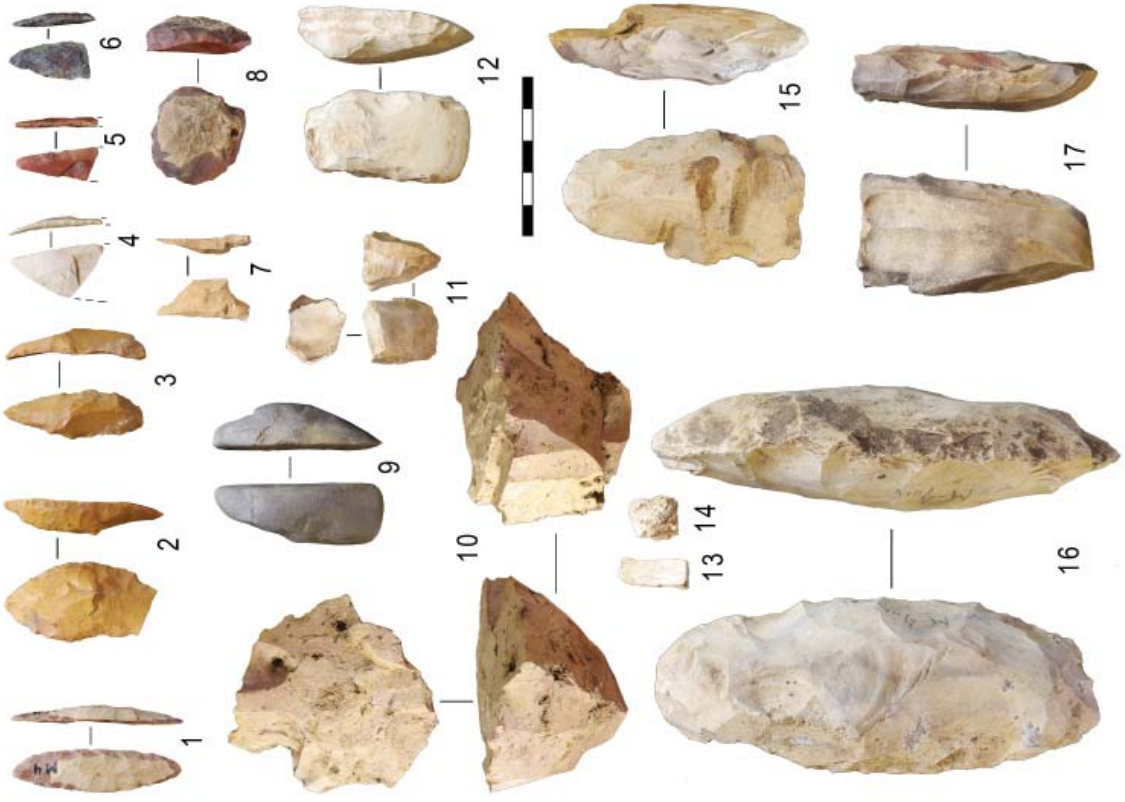


Рис. 157. Мукшумская IV стоянка. Фото орудий: 1-8, 10-12, 15-17 – кремень; 9 – алевролит; 13-14 – фрагменты изделий из кости.
Fig. 157. Mukshum IV site. Photos of tools: 1-8, 10-12, 15-17 – flint; 9 – siltstone; 13-14 – fragments of bone items.

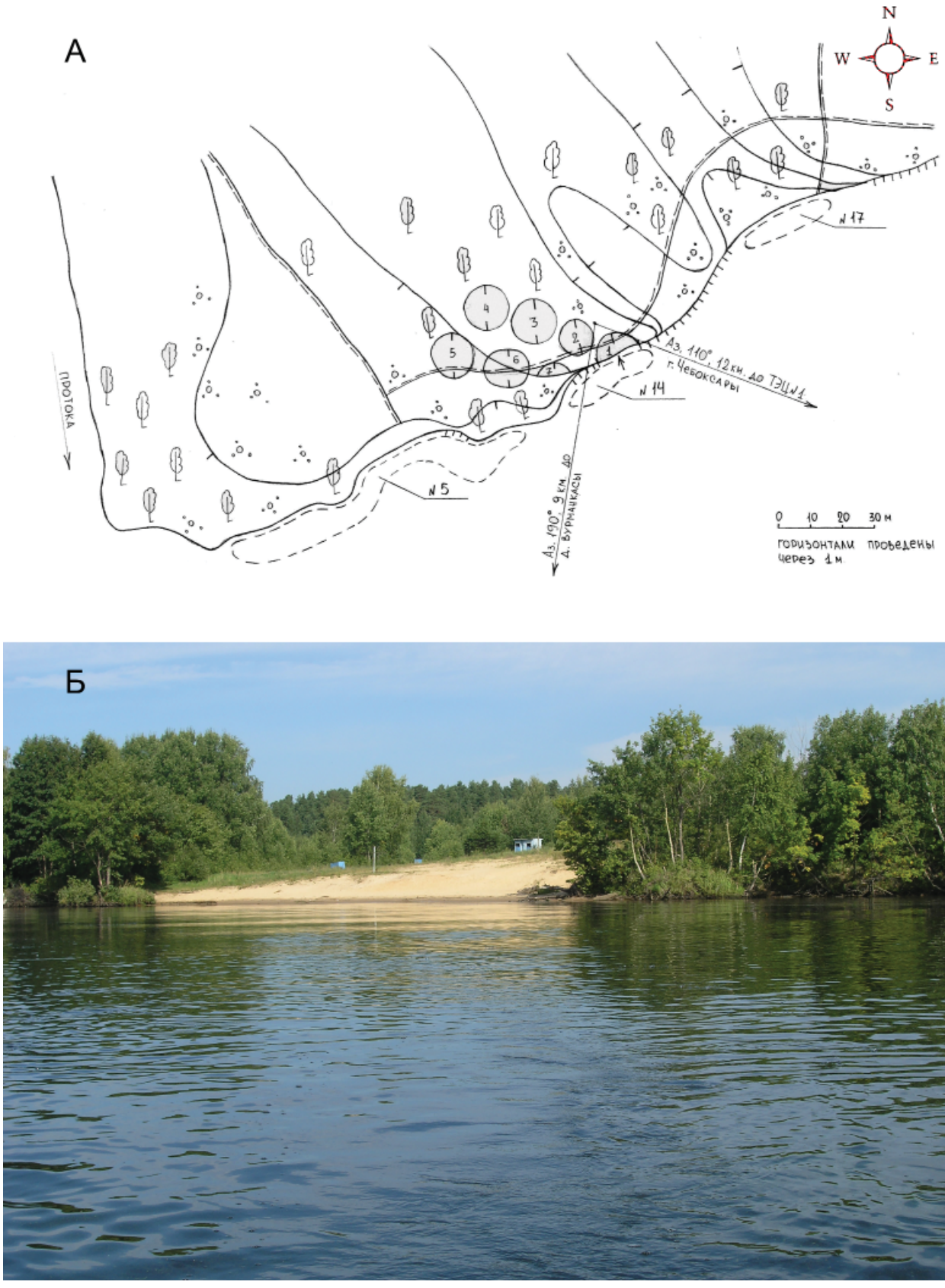


Рис. 158. А – ситуационный план Мукшумской V, XIV и XVII стоянок.
Б – фото общего вида с юго-востока на место расположения Мукшумской V стоянки.
Fig. 158. A – general layout of the Mukshum V, XIV and XVII sites.
B – general view photo of Mukshum V site from the south-east.

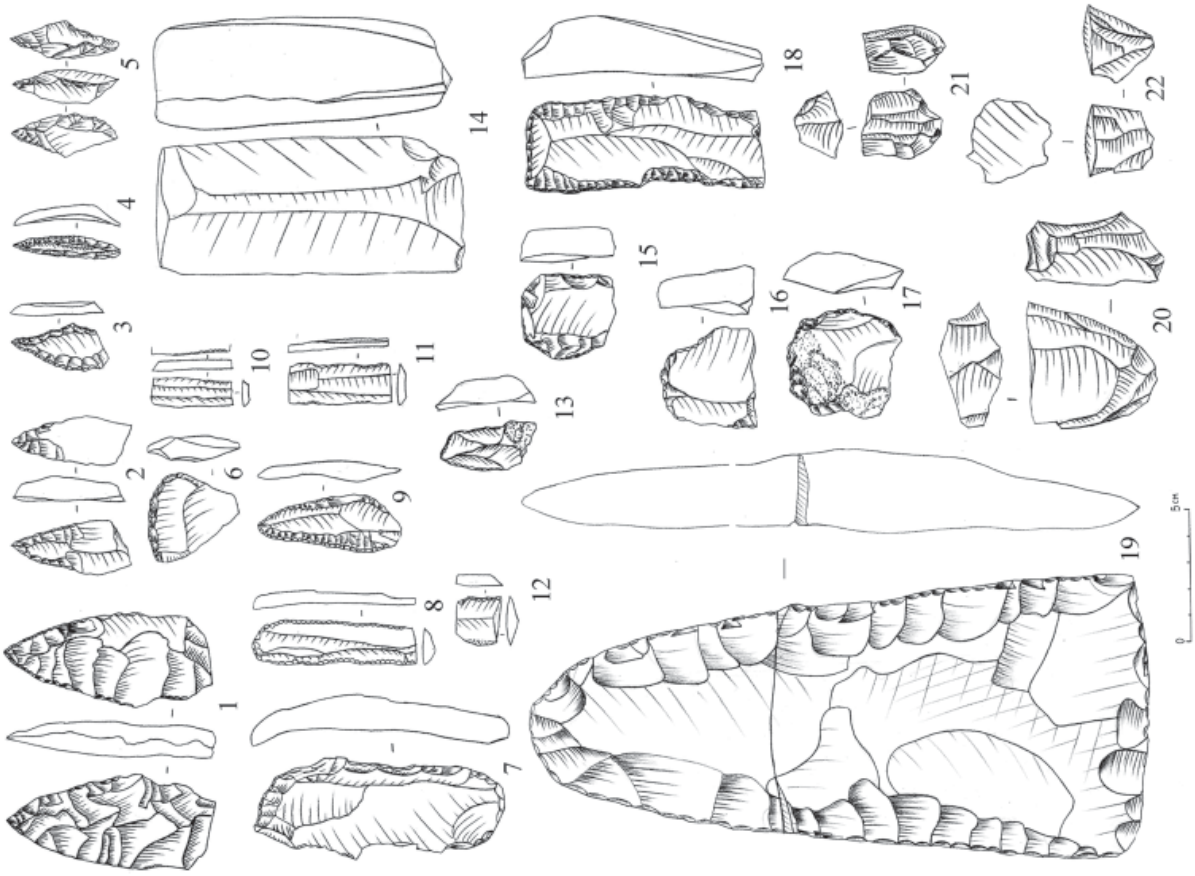


Рис. 159. Мукшумская V стоянка. Кремневые орудия.
Fig. 159. Mukshum V site. Flint tools.

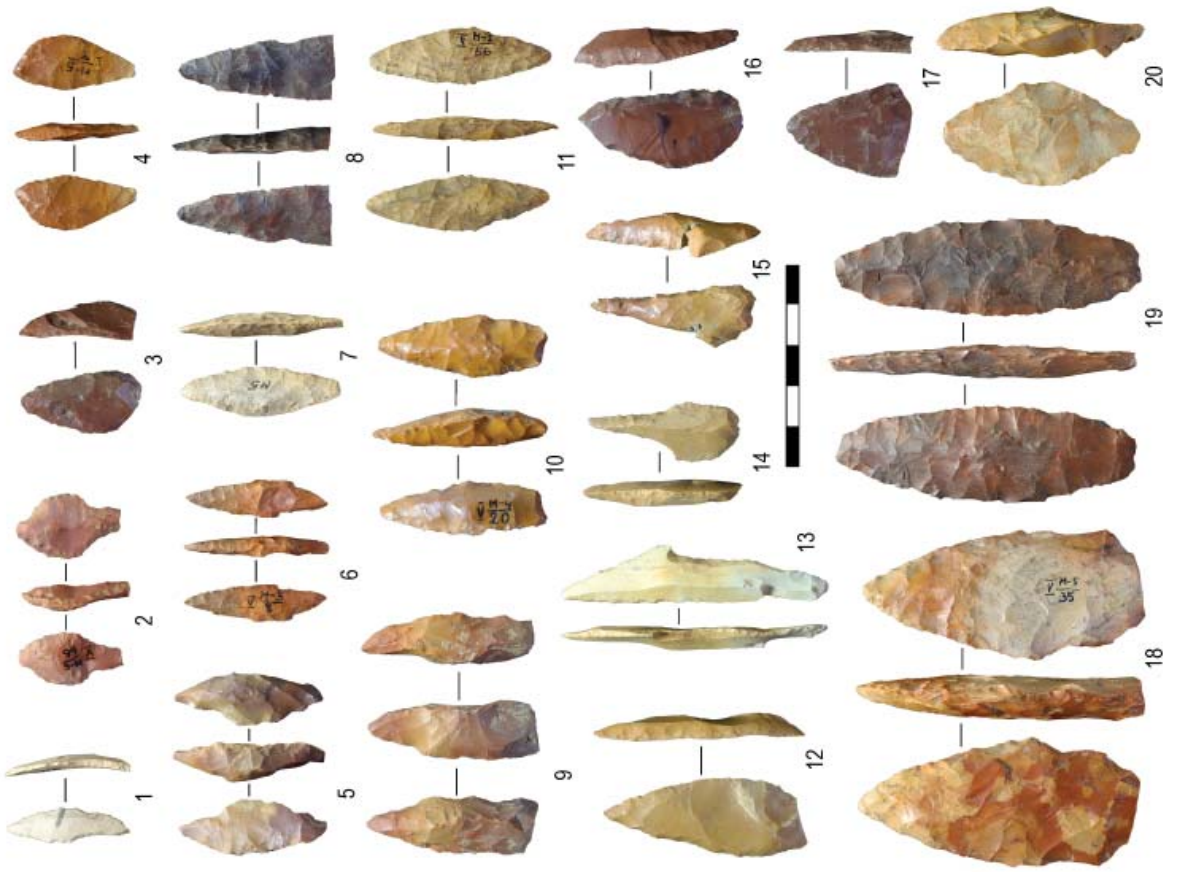


Рис. 160. Мукшумская V стоянка. Фото кремневых орудий: острия и ножи.
Fig. 160. Mukshum V site. Photos of flint tools: points and knives.

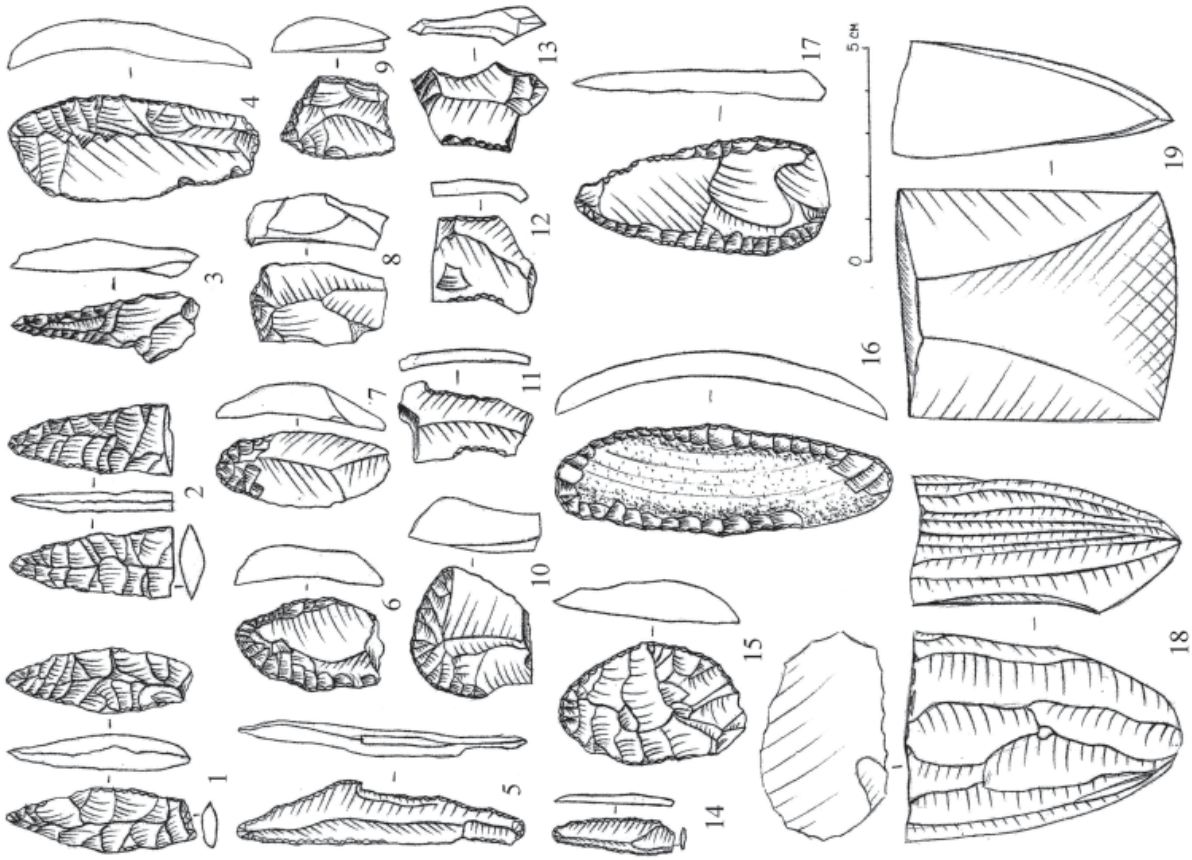


Рис. 161. Мукшумская V стоянка. Кремневые орудия.
Fig. 161. Mukshum V site. Flint tools.

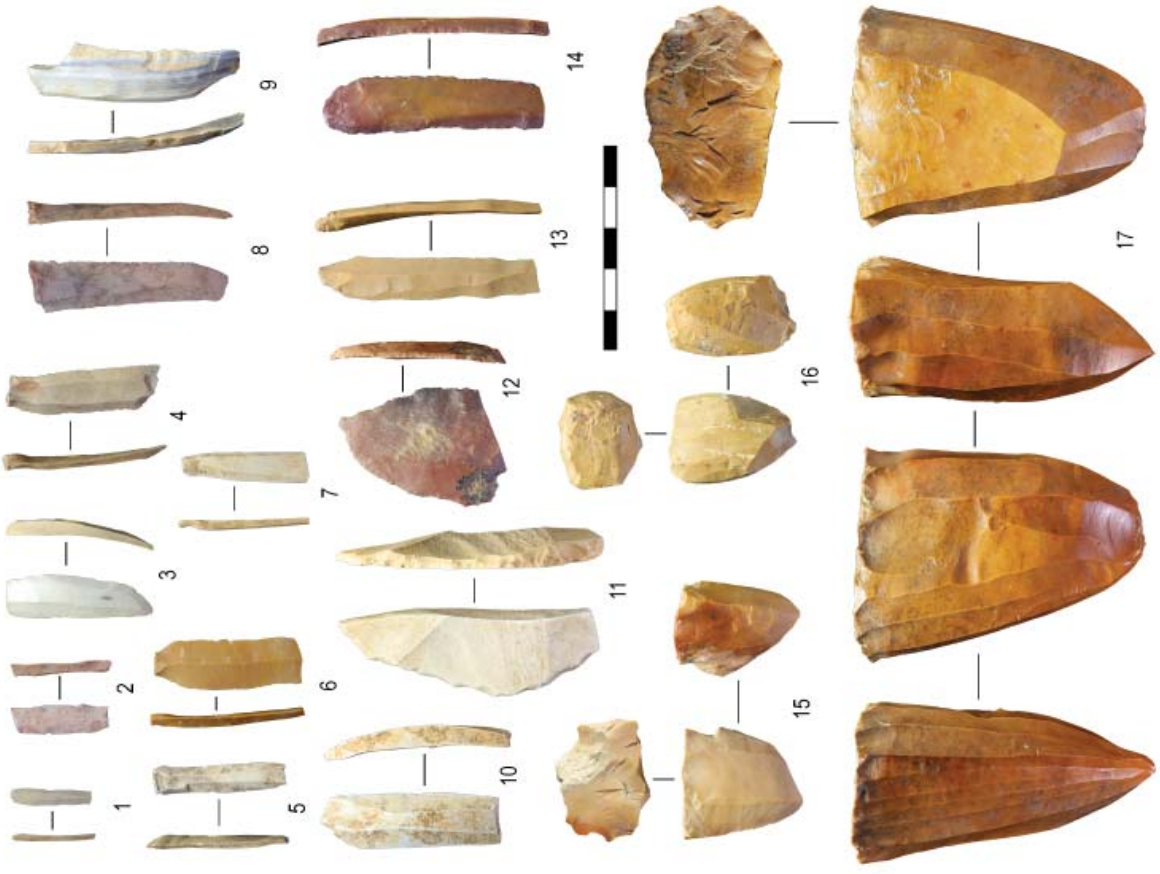


Рис. 162. Мукшумская V стоянка. Фото кремневых орудий: пластины со следами утилизации и нуклеусы.
Fig. 162. Mukshum V site. Photos of flint tools: blades with use wear and nuclei.

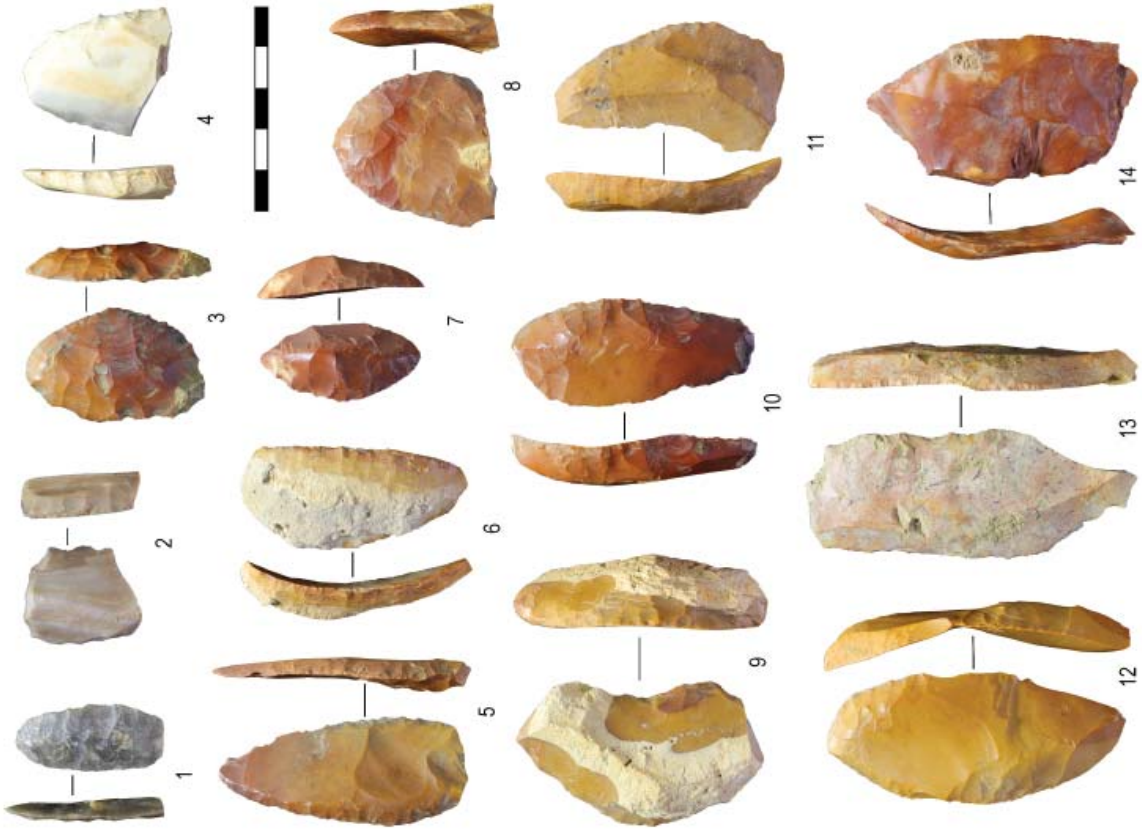


Рис. 163. Мукшумская V стоянка. Фото кремневых орудий: ножи, ножи-ложкари, скребки, скобели.
Fig. 163. Mukshum V site. Photos of flint tools: knives, knives-“spoon makers”, scrapers.

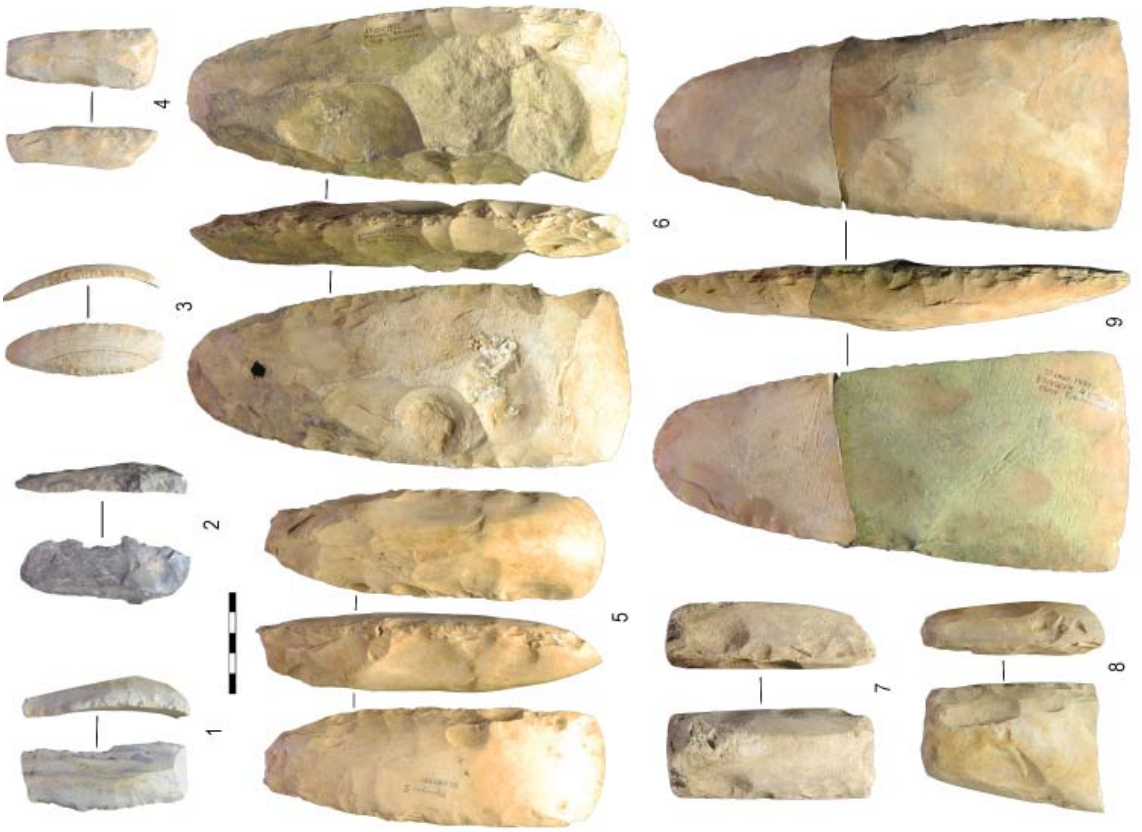


Рис. 164. Мукшумская V стоянка. Фото деревообрабатывающих орудий: стамески и тесла из кремня и окремнелого известняка.
Fig. 164. Mukshum V site. Photos of woodworking tools: chisels and adzes made of flint and silicified limestone.

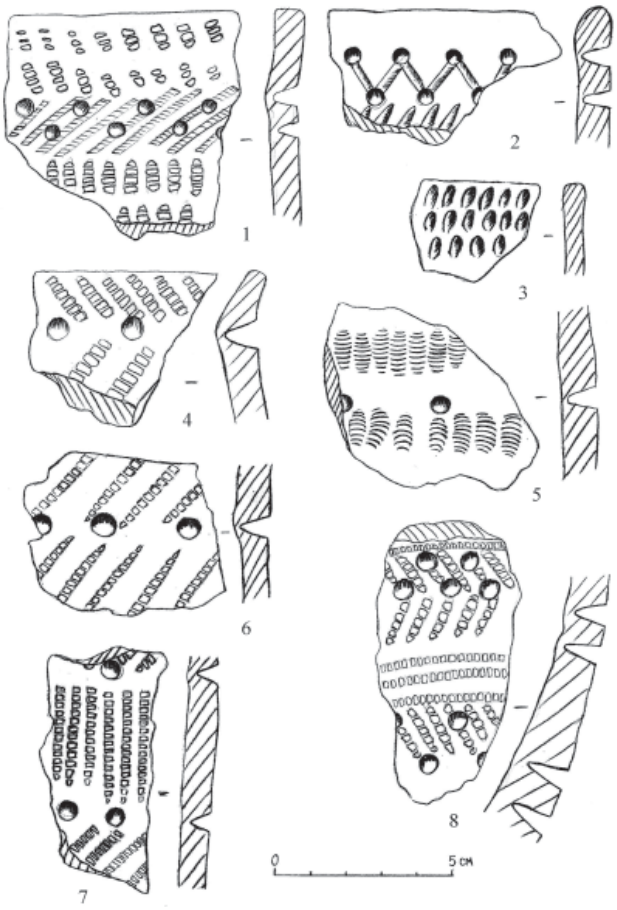


Рис. 165. Мукшумская V стоянка. Керамика.
Fig. 165. Mukshum V site. Ceramics.

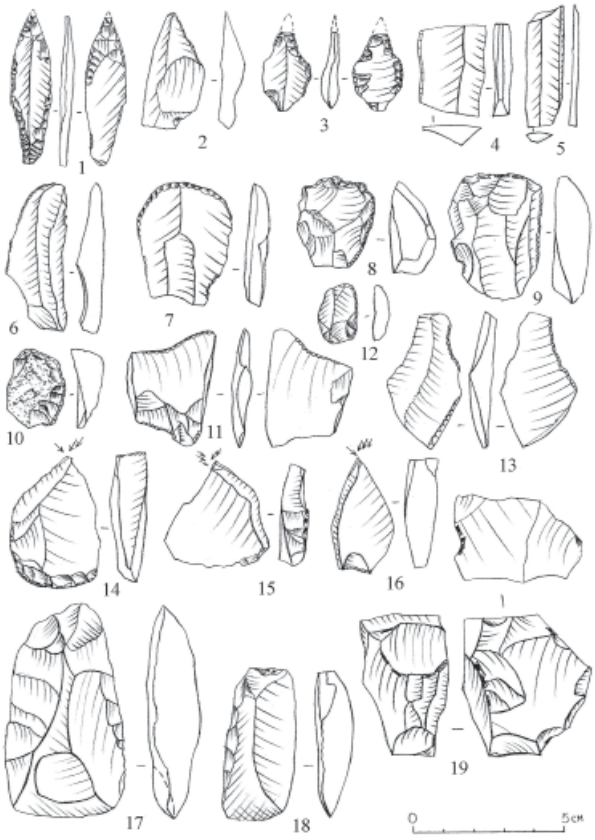


Рис. 166. Мукшумская VI стоянка. Кремневые орудия.
Fig. 166. Mukshum VI site. Flint tools.

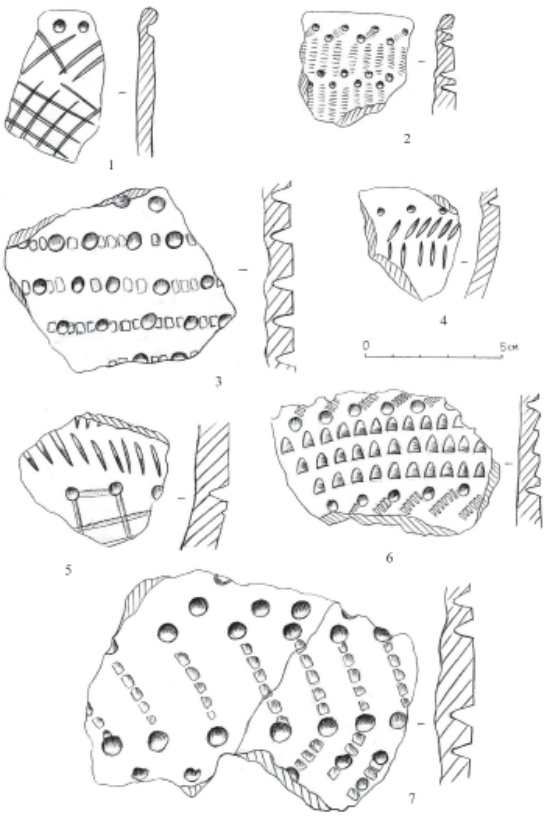


Рис. 167. Мукшумская VI стоянка. Керамика.
Fig. 167. Mukshum VI site. Ceramics.

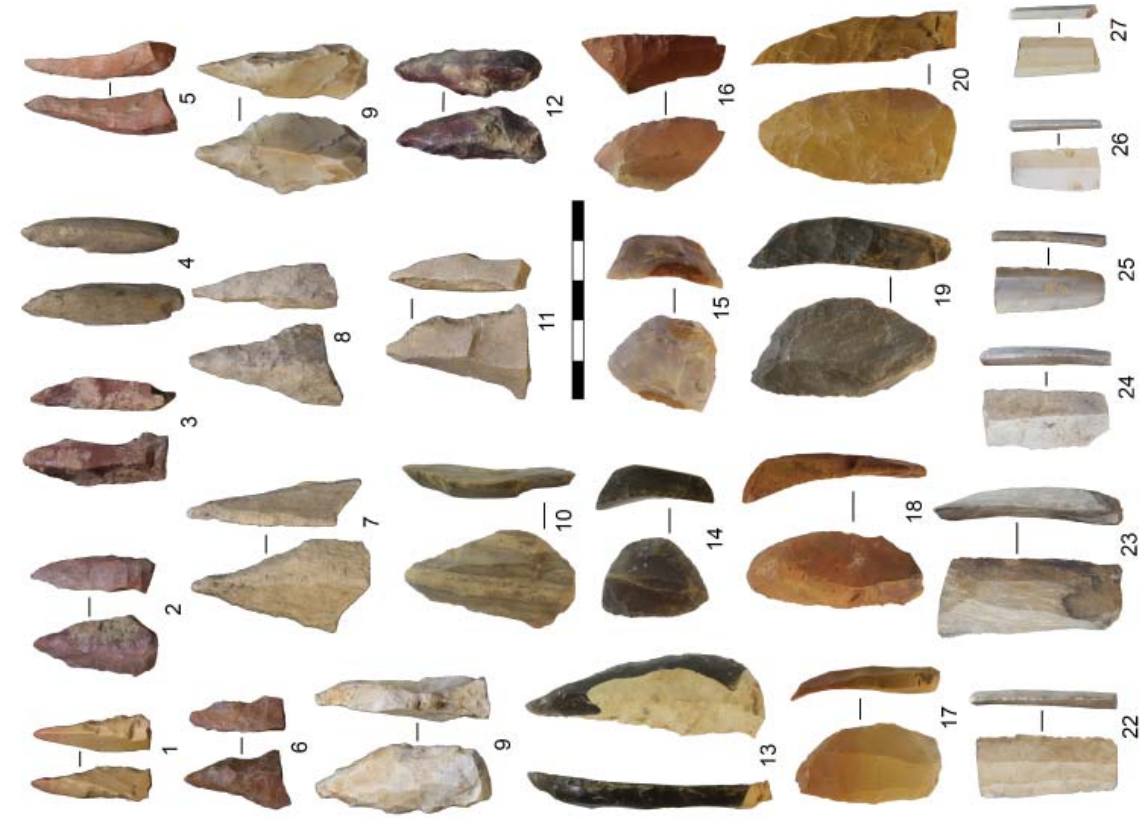


Рис. 168. Мукшумская VI стоянка. Фото кремневых орудий.
Fig. 168. Mukshum VI site. Photos of flint tools.

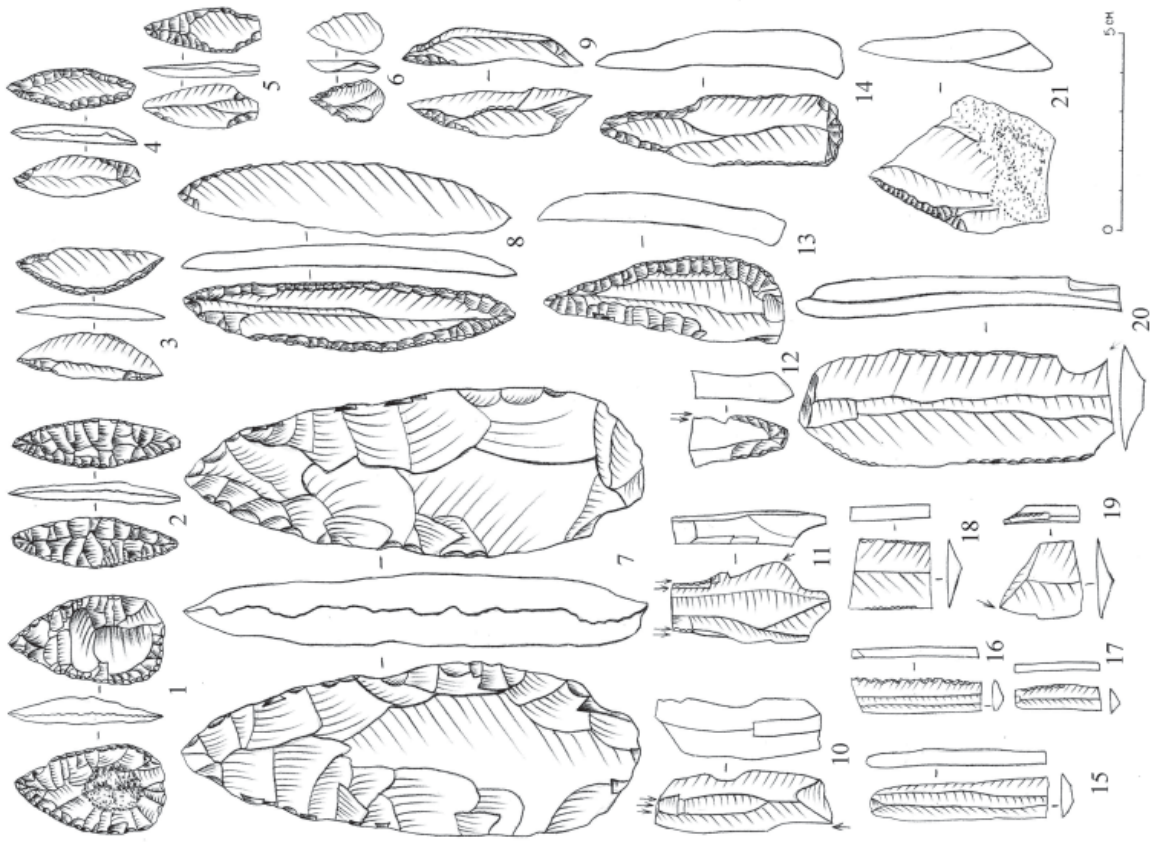


Рис. 169. Мукшумская XII стоянка. Кремневые орудия.
Fig. 169. Mukshum XII site. Flint tools.

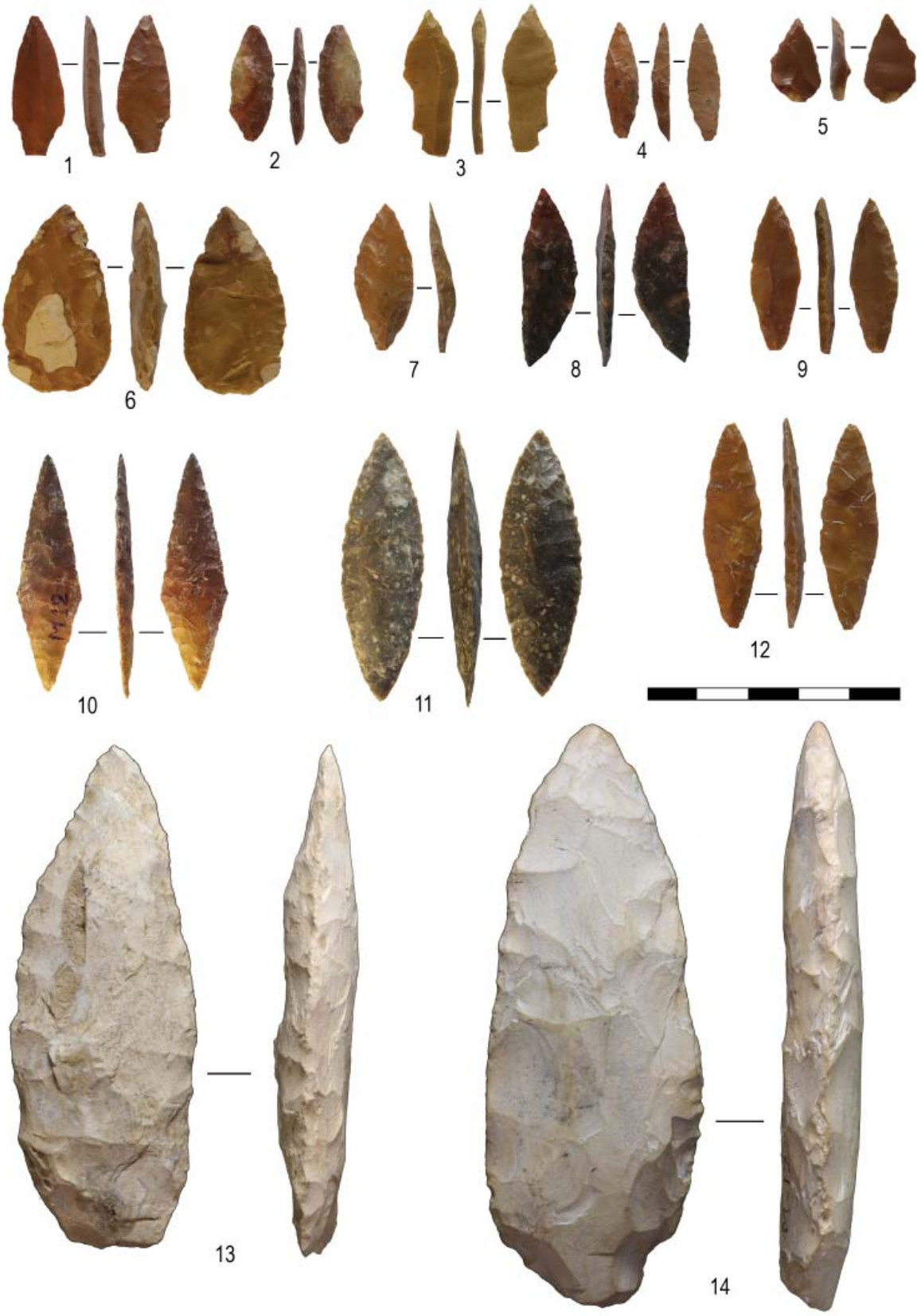


Рис. 170. Мукшумская XII стоянка. Фото кремневых орудий.
Fig. 170. Mukshum XII site. Photos of flint tools.

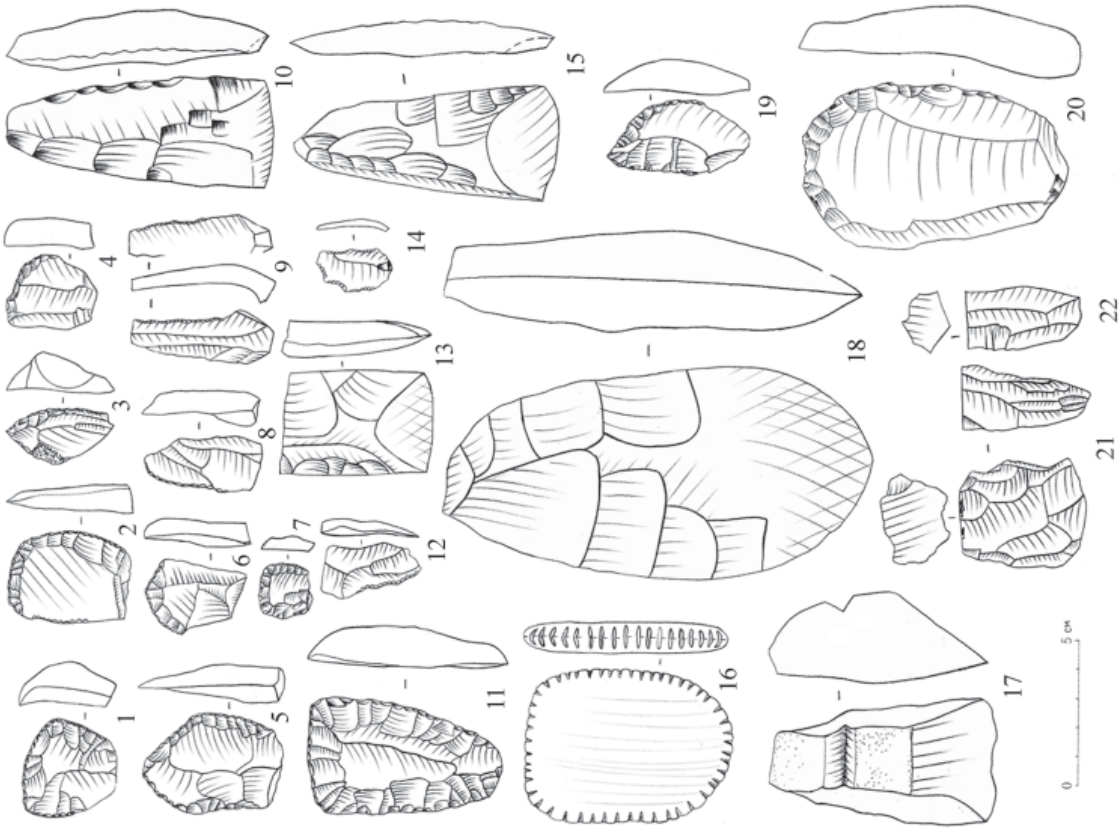


Рис. 171. Мукшумская XII стоянка. Орудия: 1-15, 19-22 – кремень; 16 – алевролит; 17 – песчаник; 18 – окремнелый известняк.
Fig. 171. Mukshum XII site. Tools: 1-15, 19-22 – flint; 16 – siltstone; 17 – sandstone; 18 – silicified limestone.

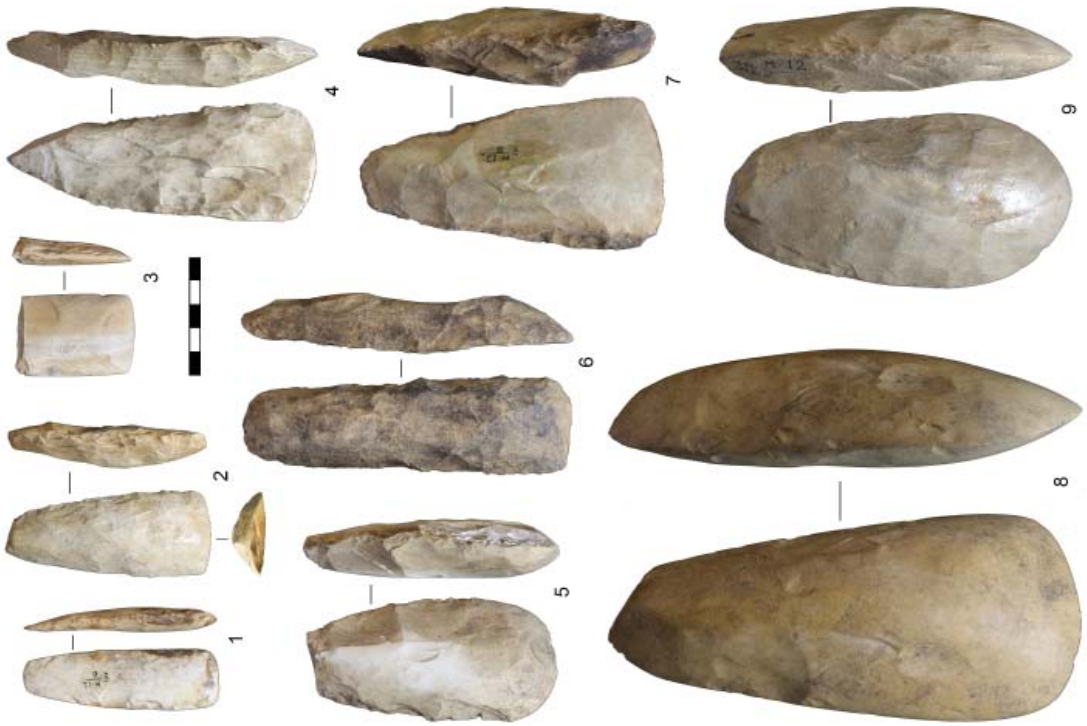


Рис. 172. Мукшумская XII стоянка. Фото деревообрабатывающих орудий: стамески и тесла из кремня и окремнелого известняка.
Fig. 172. Mukshum XII site. Photos of woodworking tools: chisels and adzes made of flint and silicified limestone.

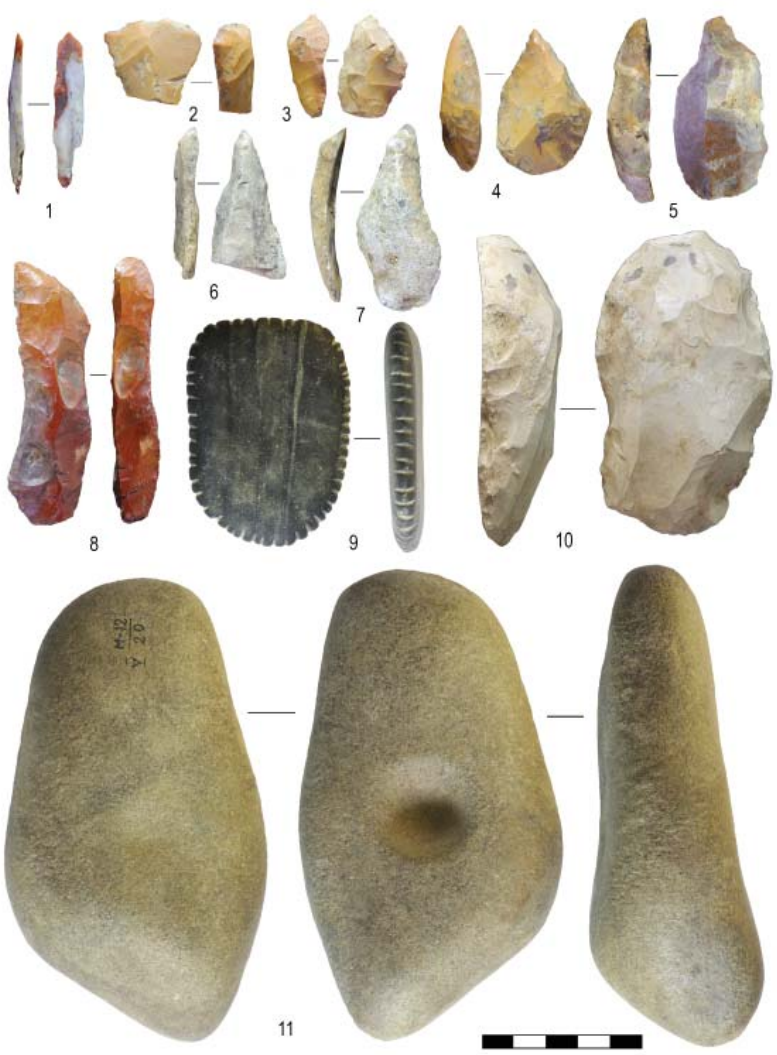


Рис. 174. Мукшумская XII стоянка. Фото орудий: 1-8, 10 – кремень; 9 – алевролит; 11 – габбро.
Fig. 174. Mukshum XII site. Photos of tools: 1-8, 10 – flint; 9 – siltstone; 11 – gabbro.

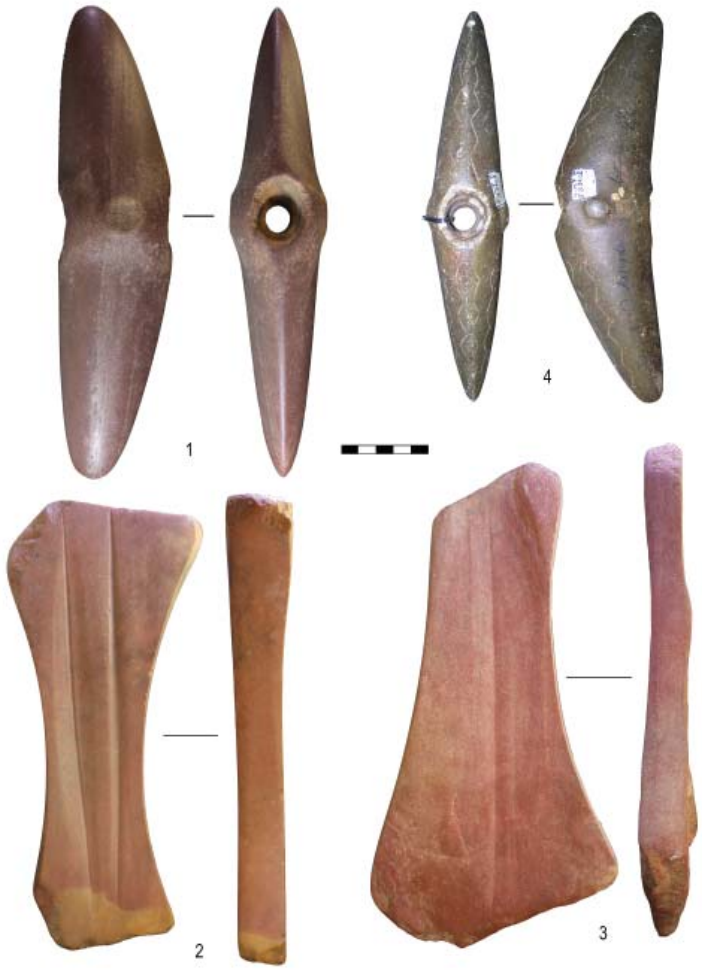


Рис. 173. Топоры-клевцы с цапфами и биконической сверлиной и шлифовальные плитки: 1-3 – из сливного шокшинского песчаника с Мукшумской XII стоянки; 4 – нахождение в устье Камы у с. Макаровка РТ, фото из экспозиции НМРТ.
Fig. 173. Spike hammers with trunnions and biconical bores, and grinding blades: 1-3 – from the homogenous Shoksha sandstone from the Mukshum XII site; 4 – finding at the mouth of the Kama river near Makarovka village of the Tatarstan Republic, photo from the National Museum of the Republic of Tatarstan exposition.

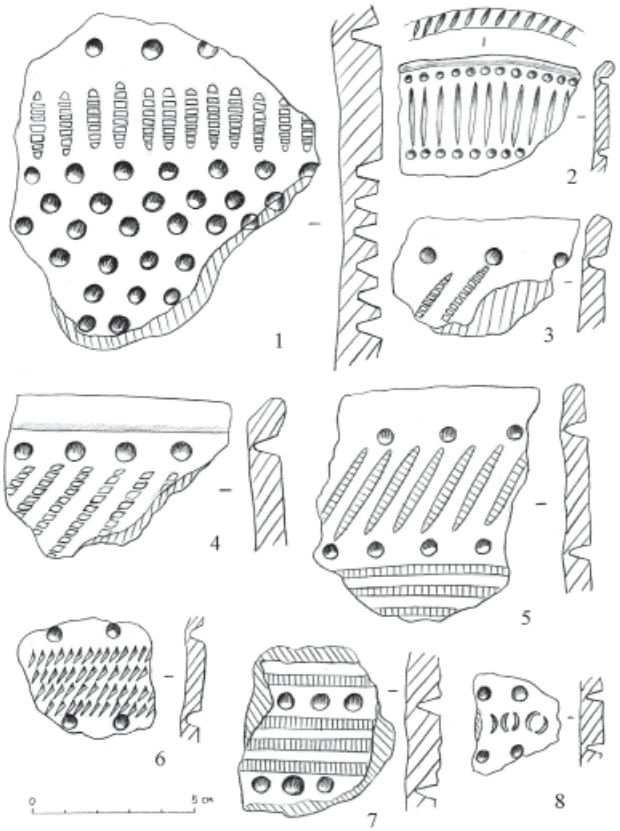


Рис. 175. Мукшумская XII стоянка. Керамика.
Fig. 175. Mukshum XII site. Ceramics.

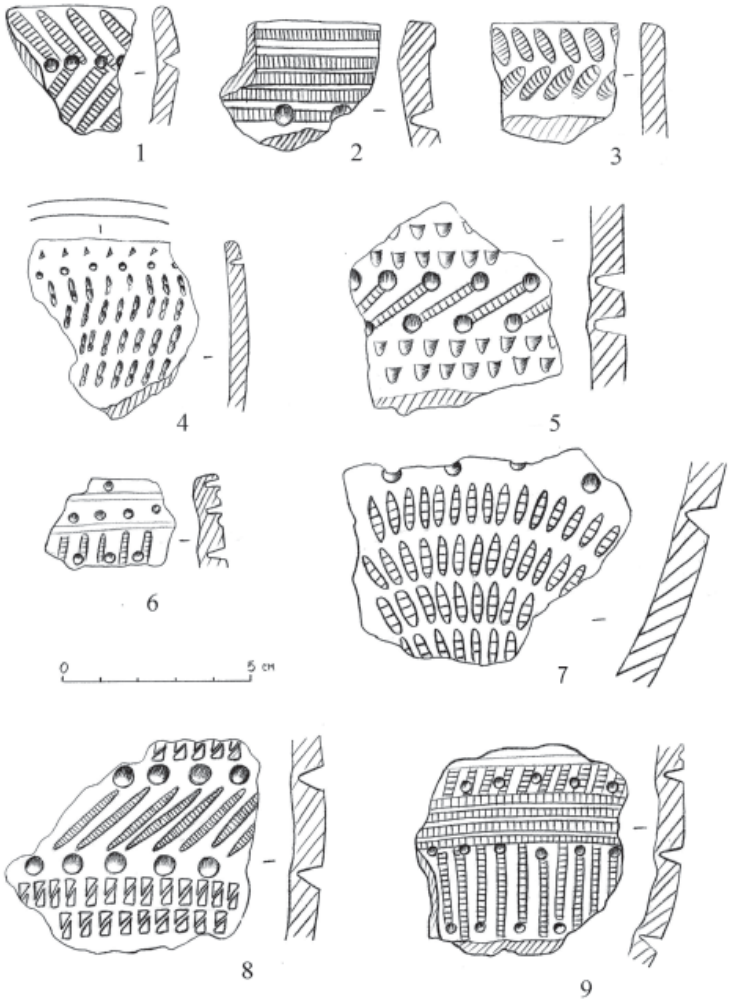


Рис. 176. Мукшумская XVII стоянка. Керамика.
Fig. 176. Mukshum XVII site. Ceramics.

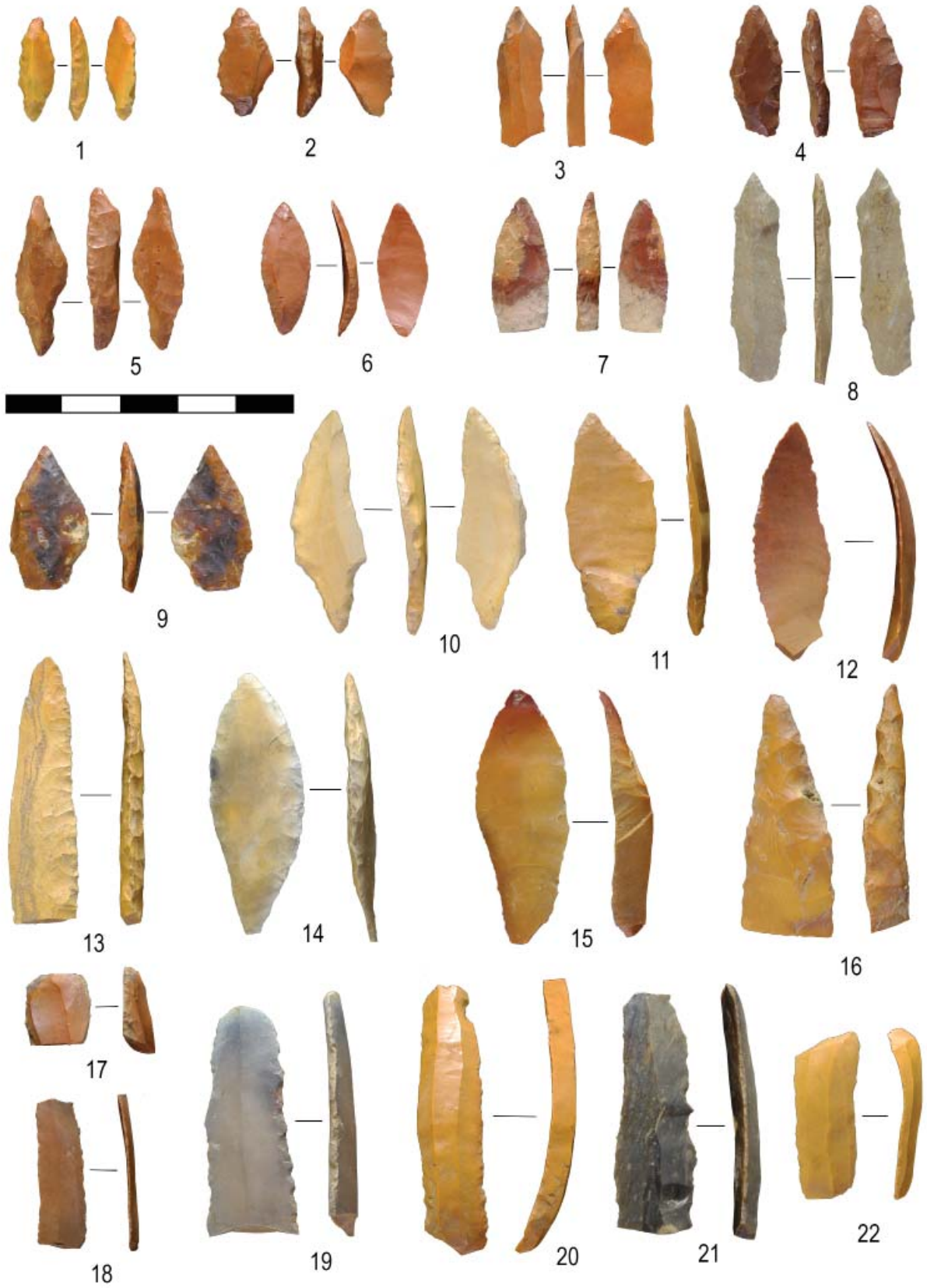


Рис. 177. Мукшумская XVII стоянка. Фото кремневых орудий: острия, ножи, вкладыши на пластинах.
Fig. 177. Mukshum XVII site. Photos of flint tools: points, knives, blade inserts.

Рис. 178. Мукшумская XVII стоянка. Фото орудий: 1-12, 14-16 – кремень: скребки, скобели, ножи, ножи-ложкари; 13 – фрагмент костяного орудия с пазом.

Fig. 178. Mukshum XVII site. Photos of tools: 1-12, 14-16 – flint: scrapers, knives, knives-“spoon makers”; 13 – fragment of a bone tool with a groove.

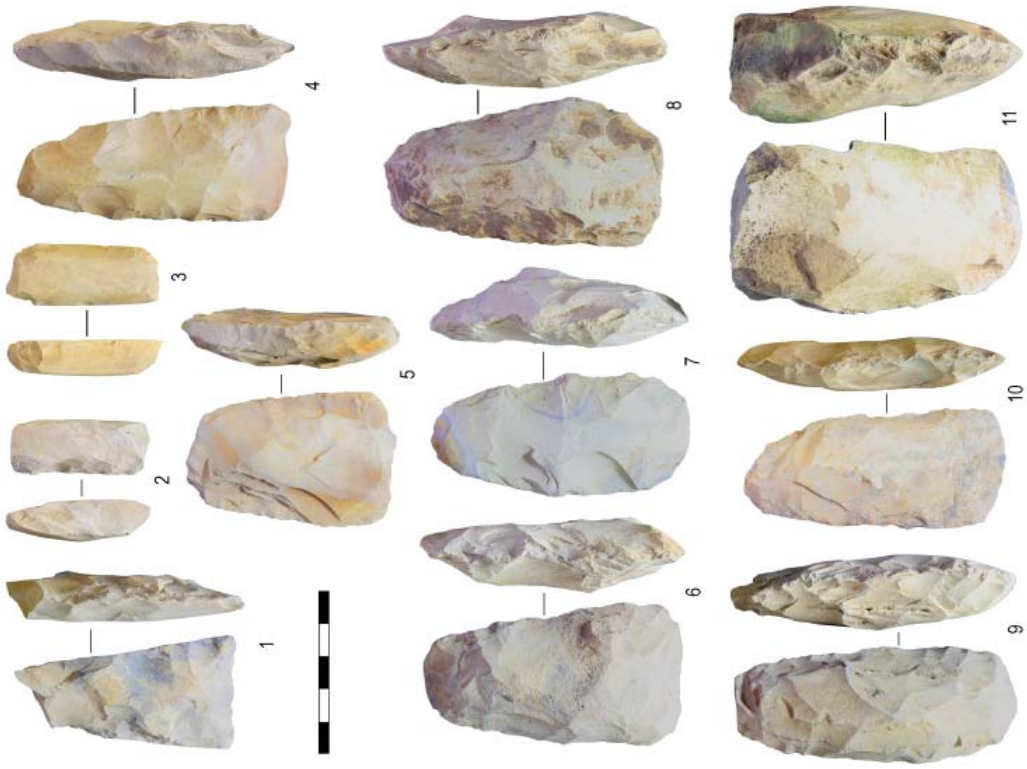


Рис. 179. Мукшумская XVII стоянка. Фото деревообрабатывающих орудий: тесла и стамески из кремня и окремнелого известняка.

Fig. 179. Mukshum XVII site. Photos of woodworking tools: adzes and chisels made of flint and silicified limestone.

ГЛАВА 8. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Впервые материалы энеолита на территории Чувашского Поволжья были отмечены в 1966 г. В.Ф. Каховским на многослойном памятнике – стоянке Челкасы I и II и были отнесены им к волосовской археологической культуре. Позднее памятники энеолита были исследованы раскопками: в 2005 г. – стоянка Новая Деревня, в 2006–2007 гг. – поселение Утюж I, в 2008–2009 гг. – поселение Утюж V. Ниже приведены описания памятников энеолита, известных по результатам раскопок (рис. 180).

8.1. Памятники эпохи энеолита правобережья Волги и Среднего Посурья

Стоянка Новая Деревня

Раскопками 2005 г. (см. главу 7) на памятнике был заложен раскоп общей площадью 172 кв. м (Березина, Березин, Галимова, 2007) (рис. 181, 182). Удалось зафиксировать следы двух жилищ энеолитического времени, которые разрушили жилище льяловской культуры неолита (рис. 183). Жилище №1 было большей частью разрушено дорогой. Сохранившийся западный угол позволил реконструировать сооружение подквадратной формы. Котлован с вертикальными стенками был углублен, примерно, на 0,5 м. С этим жилищем связаны находки волосовской керамики. Это жилище перекрыло и большей частью разрушило предшествовавшее ему жилище №2. Раскопом был исследован северо-западный угол жилища № 2. Был отмечен углубленный на 0,7 м жилищный котлован. В слое пола жилища были обнаружены фрагменты плоскодонных сосудов выжумского типа. Далее рассмотрим материалы, связанные с энеолитическим временем.

Керамика

Группа керамики эпохи энеолита – пористая, с содержанием органики: пуха, скорлупы и растительной трухи (рис. 186). Эта группа неоднородна, в ней выделяется керамика развитого этапа волосовской культуры и позднеэнеолитическая посуда выжумского типа.

По имеющимся фрагментам керамики, связанным с жилищем № 1 развитого этапа волосовской культуры, можно судить о формах сосудов: это открытые сосуды с округлым донцем (плоских донцев не найдено), венчики прямые или с незначительным отгибом наружу, срез венчиков плоский или округлый. Тесто керамики рыхлое с большой примесью органики (скорлупа, пух и др.). Толщина стенок сосудов варьирует от 8 до 18 мм. Обжиг костровой, неравномерный, цвет фрагментов варьирует от светло-коричневого и красноватого до серого. Орнамент покрывал всю или большую часть поверхности сосудов, иногда орнаментировался срез венчиков. Орнамент состоял их оттисков гребенчатого штампа, реже – ямочных вдавлений и прочерченных линий. На большинстве сосудов наблюдается горизонтальная зональность орнамента (рис. 184). Возможно, также были неорнаментированные или слабо орнаментированные сосуды, так как имеются фрагменты стенок без орнамента.

Керамика позднеэнеолитического этапа связана с жилищем №2. Она отличается относительной тонкостенностью, большей пористостью. Большая часть фрагментов не орнаментирована. Тесто в своем составе имеет растительную примесь (пух, скорлупу и др.), но в большем количестве, чем вышеописанная керамика. Обжиг костровой, цвет фрагментов, в основном серый, на изломе черный. Толщина стенок колеблется в пределах 5–7 мм. Полных развалов не встречено, но имеются несколько фрагментов, позволяющих реконструировать форму сосудов. Это – банки и горшки с плоским донцем (донце, примерно, такой же толщины, что и стенки) и с прямыми боками. Венчики – прямые или плавно отогнутые наружу, также имеются венчики г-образной формы. Найден один фрагмент прямого венчика сосуда с налепом в виде тонкого изогнутого валика (рис. 185: 1). Редкий орнамент располагается в верхней или нижней части сосудов, состоит из зубчатых оттисков и небольших прямоугольных и треугольных вдавлений, образующих разреженные бедные композиции двойного горизонтального ряда крупных зигзагов, оттисков косопоставленного штампа, двойных и тройных рядов вдавлений (рис. 185).

Каменный инвентарь

В связи с тем, что большая часть керамики, обнаруженная на стоянке энеолитического времени, то вероятно, основная часть кремневого инвентаря связана с ней. Разделить его на волосовский и выжумский комплексы затруднительно из-за перемешанности слоев.

Поэтому приведем описание кремня консолидировано.

Коллекция насчитывает 2004 каменных изделий, в том числе 436 орудий. Каменное сырье, расщеплявшееся обитателями стоянки, представляет собой желвачный красно-коричневый и пестроцветный пластовой кремень, встречающийся в пермских известняках, обнажения которых расположены рядом. Единичны в коллекции предметы из сливного песчаника, выходы которого в виде окатанных галек палеогенового возраста распространены на водоразделах, а также в волжских обрывах. Все найденные нуклеусы не имели стандартных форм, обладали одним или несколькими фронтами скалывания, и использовались для снятия коротких сколов и отщепов.

Технология расщепления кремня обитателями стоянки не имела своей целью получение пластинчатых заготовок и крупных пластин. Было найдено 46 нерегулярных пластин. Большинство их (как целых, так и сечений) использовалось в виде вкладышей в составных ножах, резчиках и резцах.

Наиболее выразительную и типологически однородную категорию находок образуют наконечники стрел (25 экз.) и их обломки (рис. 186: 1–5; 188: 1–8; 189: 1–4; 190: 1–3, 5, 6; 191: 1–10), среди которых есть экземпляры, оформленные при помощи рогового и металлического отжимников. Часть наконечников выполнена из кварцита. Среди наконечников можно выделить несколько типов. Большая часть наконечников – ромбической формы (рис: 187: 4; 188: 6; 189: 3, 6; 191: 2–4, 6–7). Наконечники небольшого размера имеют короткие пропорции: четыре из них – с зауженным основанием, один – с усеченным основанием, его длина чуть больше ширины. Ромбические наконечники стрел средних размеров также имеют зауженное основание (6 экз.). Треугольно-черешковые короткие наконечники стрел, представленные пятью экземплярами, изготовлены на отщепах (рис. 187: 5; 191: 4, 6, 8). Листовидные наконечники с зауженным основанием (5 экз.), оформлены уплощающей невысокой ретушью, заходящей высоко на спинку (рис 187: 1; 188: 3; 189: 2, 4; 191: 10). Следует упомянуть об одном небольшом наконечнике, который имеет законченную форму усеченного сегмента, края его оформлены полукрутой ретушью (рис. 191: 1).

Группа перфораторов представлена восемью экземплярами, среди которых: сверла, развертки и проколки. Выделяются небольшие асимметричные сверла (3 экз.), выполненные на отщепах с одним плечиком. Их жало и прилегающие грани оформлены односторонней противолежащей крутой ретушью. Боковые грани отретушированы и использовались как скребок, нож или/и скобель. Вторая группа – сверла на крупных трехгранных продольных сколах (4 экз.). Их жало оформлено двусторонней ретушью, также оформлялись и боковые грани, которые выполняли дублирующие функции скребков (рис. 187: 7, 8; 189: 8, 11).

В коллекции отмечено десять экземпляров ножей. Они выполнены на пластинах, длинных сколах и отщепах (рис. 187: 10). Один нож имеет следы дублированной функции – нож-ложкарь. Он выполнен на крупном отщепе, рабочие края обработаны односторонней полукрутой короткой ретушью (рис. 187: 9). Второй нож с обушком выполнен на крупном кварцитовом длинном треугольном сколе, рабочий край которого обработан односторонней полукрутой ретушью, острый конец орудия использовался в качестве сверла. На остальных ножах вторичной обработки нет, присутствуют лишь следы сработанности.

Скребки представляют самую многочисленную группу орудий, насчитывающую 28 экземпляров. Они выполнены на массивных первичных длинных сколах (3 экз.), на коротком сколе (1 экз.), а также на нуклевидных кремнях (2 экз.). Кроме того найдены скребки следующих видов: прямоугольных очертаний на коротких сколах с полукрутой и крутой ретушью на рабочем лезвии и боковых гранях (6 экз.) (рис. 189: 9; 191: 11); концевые на длинных сколах (2 экз.); боковые на коротких сколах (8 экз.) с крутой, полукрутой и уплощающей ретушью, а также скребки прямоугольной формы с ретушью по всем граням (2 экз.), на одном из которых имеется подтеска с брюшка. Один скребок выполнен на широкой пластине из серого кремня хорошего качества, конец и боковые грани оформлены полукрутой и уплощающей ретушью, заходящей на спинку.

Скобели представлены 12 экземплярами, выполненными на коротких сколах и отщепах. Они имеют рабочий край с вогнутым лезвием со следами сработанности без вторичной обработки ретушью.

Имеется небольшая группа угловых резцов, состоящая из четырех изделий, выполненных на углу сломанных пластин и сколов.

Большая часть орудий выполнена на отщепах, сколах и кусках кремня случайной формы

без вторичной обработки, но со следами износа. Преимущественно они использовались в качестве режущих и скоблящих орудий.

Деревообрабатывающие орудия представлены несколькими экземплярами. Среди них целая маленькая стамеска (рис. 188: 17), выполненная из окремнелого известняка, ее лезвие и спинка пришлифованы. Рабочий край стамески округлый, лезвие острое, брюшко плоское, спинка высокая, в поперечном сечении – треугольная. Интересен обломок обуха тесла (рис. 191: 12), выполненный из окремнелого известняка и полностью отшлифованный, его брюшко почти плоское или слегка линзовидное, спинка высокая, в сечении треугольная или трапециевидная, обух заужен. В коллекции также присутствуют стамески, выполненные на сколах, с рабочим краем, оформленным полукрутой ретушью.

Найдены пять бифасиальных заготовок небольшого размера из кремня и кварцита (рис. 189: 10).

Индивидуальные находки

Среди индивидуальных находок отметим лунницу. Она небольшого размера, с обоих концов обломана, сделана из белого кварцита с помощью полукрутой и уплощающей ретуши (рис. 189: 5; 190: 4). Каменная пластика и, в частности, лунницы характерны для волосовской культуры.

Кроме этого была найдена янтарная подвеска, сломанная еще в древности по сверлине, расположенной в верхней части подвески. Подвеска имеет уплощенную подовальную форму с округлой сверлиной в верхней, более узкой части (рис. 187: 6). Появление янтаря в лесной зоне Восточной Европы исследователи связывают с распространением здесь племен волосовской культуры (Крайнов, 1987).

Изделия из металла (меди)

Были найдены изделия из металла. Прежде всего, это медное (бронзовое) шило, длиной около 2 см, сломанное и Г-образно изогнутое. Сохранившийся фрагмент позволяет реконструировать четырехгранное квадратное сечение этого шила. Фрагмент другого изделия длиной 13 мм, шириной 1,5–4 мм, прямоугольного в сечении, в широком конце имеет закругление и две параллельные бороздки, опоясывающие изделие. Третье изделие – пластина прямоугольной формы размером 23×12×2,5 мм. Также были найдены несколько мелких круглых капель меди (бронзы) диаметром около 5 мм и крупных каплевидных лепешек размером до 26 мм. Также имеются небольшие (2–3 см) фрагменты глиняных тиглей со следами медных вкраплений.

Многослойная стоянка Новая Деревня позволила изучить два культурно-хронологических комплекса эпохи энеолита связанных с периодами развитого этапа волосовской культуры и позднего энеолита выжумского типа.

Поселение Утюж I

Раскопками 2006–2010 гг. совместной археологической экспедиции (см. главу 1) на многослойном поселении Утюж I было изучено несколько культурно-хронологических комплексов энеолита (Березина и др., 2007). Самый ранний комплекс принадлежит хвалынской культуре. Были обнаружены следы крупного жилища хвалынской культуры с характерным набором орудий на крупных и средних пластинах из белого и дымчатого кремня. Жилище имело подквадратную форму, размером, примерно, 7 х 8 м. Большая его часть была разрушена постройкой льяловской культуры.

Комплекс находок, связанный с хвалынской культурой

Керамика

Обнаруженные фрагменты от нескольких сосудов позволили реконструировать форму – округлодонные сосуды с высокой отогнутой шейкой, с внутренним ребром. Сосуды тонкостенные, пористые, что, видимо, было обусловлено примесью раковины в тесте, которая впоследствии выщелачилась. Орнамент покрывал верхнюю часть сосуда и состоял из рядов горизонтальных и наклонных оттисков веревочного штампа и округлых вдавлений, выполненных полой трубкой (рис. 192). Несколько фрагментов от других сосудов встречены в переотложенном виде, в слое волосовского жилища. Среди них – фрагмент венчика, резко отгибающегося наружу, с плоским срезом и фрагмент стенки, украшенные плотными рядами зубчатого (веревочного?) штампа.

Каменный инвентарь

Кремневый комплекс выделен типологически – это орудия, изготовленные из дымчатого, черного и белого молочного кремня, преимущественно на пластинах, а также на отщепах, и распространенный в нижних слоях, соотносящихся с жилищем.

Выделяется серия ножей на крупных длинных правильных пластинах, вероятно, полученных усиленным отжимом (рис. 194: 1–3, 12, 14). Наряду с крупными пластинами присутствуют средние и мелкие пластины, что отражает разные этапы утилизации нукле-

усов. Два небольших нуклеуса для снятия микропластин призматической (рис. 194: 15) и карандашевидной (рис. 194: 20) форм подтверждают это. Микропластинки служили для изготовления вкладышей в составном оружии (рис. 194: 6). В коллекции есть и один очень крупный нуклеус на начальной стадии утилизации призматический формы с негативами от пластин размерами, примерно, 15 см длиной и 2–3 см шириной (рис. 193). Пластины были сняты ударным способом. Источник кремневого сырья пока остается не выясненным, т.к. в Среднем Присурье нам не известно кремневых месторождений. Вероятно, кремень на Утюжских энеолитических стоянках был принесенным.

В коллекция присутствует серия скребков, изготовленных на отщепах и пластинчатых сколах. Как правило, это изделия прямоугольной формы с концевыми и боковыми рабочими краями, обработанными крутой ретушью (194: 10, 11, 16–19).

В орудийном комплексе представлены различные острия. Иволистный наконечник выполнен на пластине с двусторонней ретушью (рис. 194: 8). Одна массивная развертка (рис. 194: 4) изготовлена на продольном сколе, она обладает выделенным ретушью острием и намеченными плечиками. Вероятно, она использовалось в рукояти, т.к. края «насада» развертки также подправлены ретушью. Проколка выполнена на средней пластине с длинным жалом, выделенным краевой ретушью, и намеченными плечиками (рис. 194: 9).

Кроме того, найдено небольшое тесло, почти симметричное в продольном и поперечном сечениях, его прямое лезвие было пришлифовано, а обух заужен и закруглен (рис. 194: 13).

Комплекс находок, связанный с волосовской культурой

На этом поселении были изучены следы жилища волосовской культуры с комплексом керамических и каменных изделий. Большая часть жилища вскрыта раскопом. Сооружение имело подпрямоугольную форму, размером, примерно, 7 х 8 м. В нижних слоях его заполнения хорошо выделялся пол сооружения своим более насыщенным углистым цветом и утрамбованностью. Ниже уровня пола, в материке были прослежены столбовые и хозяйственные ямы.

Керамика

Керамика отличается рыхлостью, она была изготовлена из плохо промешанной глины, имеет пористую структуру от вышелаченных включений раковины и органики. С внутренней стороны сосудов заметны следы от заглаживания зубчатым штампом. По форме венчиков и особенностям орнамента выделено семь сосудов. Развалы трех из них обнаружены на дне крупной хозяйственной ямы №5, прорезающей край льяловского жилища. Два сосуда имеют плавно отогнутые наружу венчики с округлым срезом, украшенные горизонтальными рядами вертикально- и косопоставленных коротких зубчатых овальных штампов (рис. 196: 1, 7). Отмечены венчики от двух сосудов, отличающиеся более отогнутым наружу, Г-образным краем, образующим на внутренней поверхности ребро. Они украшены оттисками штампа (рис. 196: 2). В коллекции также присутствует небольшая округлодонная чаша без орнамента (рис. 196: 6).

Каменный инвентарь

Среди орудий из камня волосовский комплекс можно выделить условно, лишь типологически. К ним можно отнести бифасиальные наконечники стрел с черешками и высокой струйчатой ретушью, а также ножи и скребки на крупных пластинах и отщепах, орудия с высокой ретушью, выемчатые долота и небольшие тесла из окремненного известняка (рис. 195).

Наконечники стрел представлены следующими формами: иволистными с чуть намеченными плечиками (рис 194: 8; 195: 6, 12), листовидными с усеченным основанием (рис. 195: 5), ромбическими высокими с намеченными плечиками (195: 7, 8, 20) и ромбическими короткими (рис. 196: 4), а также треугольно-черешковыми (рис 196: 2, 3). Выделяется крупный наконечник дротика ромбической формы с выделенными плечиками (рис. 195: 1).

В коллекции представлены две бифасиальные заготовки орудий (рис. 195: 18, 19).

Ножи выполнены также высокой уплощающей ретушью с двух сторон. Один нож – крупный, овальной формы, а второй – с выделенным с двух сторон обушком (рис. 195: 11, 17).

Деревообрабатывающие орудия оформлены пришлифовкой и представлены тремя экземплярами. Одно целое орудие имеет округлое желобчатое лезвие, второе – прямое (рис. 195: 10, 16).

Материалы многослойного поселения Утюж I позволили изучить несколько культурно-хронологических комплексов энеолита. Впервые в регионе были исследованы следы жилища хвалынской культуры с характер-

ным набором орудий на крупных и средних пластинах. Кроме этого изучены следы жилища волосовской культуры с комплексом керамических и каменных изделий.

Поселение Утюж V

В результате раскопок 2008–2009 гг. совместной археологической экспедиции (см. главу 1) были выявлены следы трех жилищ энеолитического времени со столбовыми и хозяйственными ямами (рис. 197).

Жилище №1 раннеэнеолитического времени на большей части раскопа оказалось практически разрушено более поздними постройками, однако, в северо-восточном углу раскопа сохранилась небольшая его часть. Прослеженный край жилищного котлована показывает, что он был углублен в материке. Второе жилище было имело подпрямоугольную форму с длинным узким выходом. Можно предположить, что это жилище также относится к позднеэнеолитическому времени и, вероятно, существовало незадолго до постройки жилища №3, которым было частично разрушено. Третье жилище имело подпрямоугольную форму размером 5,5×7 м и площадью 38,5 м. Заполнение его из углистого плотного песка имело цвет, варьрующий от темно-серого до черного. Возможно, это жилище сгорело, о чем может свидетельствовать черная углистая полоса, идущая вдоль северной стенки. В его заполнении встречены как мелкие, так и крупные фрагменты глиняных лепных горшков и изделия из кремня и кварцита позднеэнеолитического времени. Жилище функционировало в позднем энеолите, разрушив культурные слои предыдущих поселений. В заполнении жилища были отмечены фрагменты неолитической льяловской и раннеэнеолитической волосовской керамики. В придонной части жилища, возле северной стены зафиксирован развал позднеэнеолитической сосуда, в юго-западном углу были обнаружены крупные фрагменты энеолитического сосуда.

Керамика

Наиболее массовым материалом, полученным в ходе раскопок на этом многослойном поселении, являются фрагменты лепных глиняных сосудов, насчитывающие 1849 штук, большинство их которых сильно фрагментированы и покрыты ожелезненной коркой. Наибольшее количество определимых фрагментов керамики относится к энеолитическому времени - 213 экземпляров.

Выделяется немногочисленный комплекс керамики протоволосовского красномостовского типа, вероятно, связанного с жилищем №1. Судя по венчикам, это фрагменты от шести прямостенных сосудов с округлым срезом, орнаментированных коротким широким зубчатым штампом. Форма сосудов целиком не восстанавливается. Черепки – плотные, серого цвета, в исходном пластическом сырье, вероятно, присутствует небольшая примесь органики. Один сосуд украшен оттисками короткой крупнозубой гребенки. Орнамент плотный, имеет горизонтальную зональность, по верхней части сосуда проходит горизонтальный зигзаг, ниже – ряд вертикально поставленных оттисков гребенчатого штампа (рис. 198: 1, 2). Второй сосуд также орнаментирован крупнозубой гребенкой. Однако, его орнамент разреженный, имеет вертикальную зональность и украшен узором вертикальной «елочки» макушкой вниз (рис. 198: 6). Другие фрагменты – мелкие, но также украшены оттисками зубчатого штампа. На одном фрагменте имеется сверлина поверх узора, сделанная после обжига (рис. 198: 10).

Второй комплекс керамики – позднеэнеолитического времени, вероятно, связан с жилищами №2 и №3, существовавших последовательно, с минимальным разрывом во времени, представляющий, по нашему мнению, один культурный пласт (рис. 199, 200). Это пористая керамика серого цвета, с большой примесью органики в исходном пластическом сырье. Сосуды относительно тонкостенные, с округлыми боками и, вероятно, с округлым дном. Венчики – с округлым краем, с высокой и сильно отогнутой наружу шейкой, образующей иногда внутреннее слабое ребро, на части сосудов выражены плечики. Орнамент состоит из сильно разреженных оттисков вдавлений и зубчатого штампа, но на большей части сосудов он отсутствует. Орнаментальные мотивы простые. На одном крупном фрагменте верхней части сосуда орнамент имеет вид двойных наклонных линий, состоящих из мелких вдавлений (рис. 199: 12), на втором – это горизонтальный зигзаг из двойных линий (рис. 199: 4). Выделяется один фрагмент сосуда с отпечатком сети с узелками на пересечении нитей, который наблюдается на внутренней поверхности сосуда (рис. 199: 8).

Каменный инвентарь

Комплекс каменных орудий на поселении, выполненный из кремня сероватого и желтоватого оттенков и кварцита, представлен достаточно выразительными формами орудий, которые можно связать как с раннеэнеолитической, так и с позднеэнеолитической керамикой.

Выразительна серия крупных бифасиальных наконечников копий и дротиков. Выделяется крупный треугольно-черешковый наконечник из кварцита с выделенными плечиками, с коротким пером и широким черешком (рис. 201: 1). Похожий наконечник, но выполненный из кремня, отмечен на поселении Утюж I. К дротикам можно отнести следующие изделия: крупный, чуть ассиметричный листовидный наконечник (рис. 201: 16; 202: 14), наконечники листовидной формы (рис. 205: 5), листовидной формы с усеченным основанием (рис. 201: 3; 202: 16; 205: 7, 9), а также сломанные наконечники (рис. 205: 8).

Найдено достаточно много небольших наконечников стрел. Самая устойчивая форма наконечников стрел – это треугольно-черешковые наконечники (рис. 201: 4, 9, 10, 14; 202: 1–3, 6; 203: 5, 6, 9). Также в коллекции отмечены наконечники ромбической формы (рис. 201: 7, 8, 11; 203: 1, 2, 7, 16). Имеется группа ассиметричных наконечников с выделенным черешком (рис. 203: 3, 11). Один ассиметричный наконечник выполнен в виде треугольника с вогнутым основанием (рис. 203: 14).

Проколки и сверла, как правило, имеют длинное жало и выделенные плечики (рис. 203: 12; 204: 20).

Скребки подквадратной формы были оформлены на пластинах и отщепах с прямым и округлым лезвием (рис. 201: 17–21; 204). К этой же категории орудий можно отнести изделие, выполненное на массивном отщепе подквадратной формы, с прямым лезвием, оформленным пильчатой ретушью. Возможно, это были не только скребки, но и зубчатые штампы (рис. 203: 13; 204: 12). Такие формы скребков-штампов хорошо известны на волосовских памятниках.

Ножи были выполнены на пластинах, продольных сколах и отщепах с помощью приостряющей одно- и двусторонней ретуши (рис. 203: 18–22)

К индивидуальным находкам можно отнести фигурный (антропоморфный?) кремень с выделенными с двух сторон симметричными головками (рис. 202: 7; 203: 10).

Небольшим раскопом на многослойном поселении Утюж V были выявлены и изучены следы трех жилищ энеолитического времени, которые последовательно располагались друг на друге, относившиеся к раннему протоволосовскому и поздневолосовскому времени. Изучены крупные фрагменты и развалы сосудов из слоев данных жилищ. Эти яркие материалы расширяют наши представления об этой эпохе энеолита среднесурского региона.

Стоянка Чёрненькое озеро

Раскопками 2006–2010 гг. совместной археологической экспедиции (см. главу 1) во время раскопок многослойной стоянки Черненькое Озеро была найдена энеолитическая керамика волосовской культуры, которая насчитывает 255 фрагментов (Березина, Выборнов, Кондратьев, Шалапинин, Сидоров, 2010).

Керамика

Керамика делится на две неравные группы. Первая – малочисленная, представленная фрагментами с примесью раковины в тесте, с плотной орнаментацией, выполненной коротким широким гребенчатым штампом (рис. 206: 8, 9). Керамика второй группы – с примесью пуха в тесте, слабо орнаментирована, либо лишена орнамента (рис. 206: 1–7). Вся керамика светло-коричневого, коричневого и серого цветов. Стенки – толщиной 0,5–1,4 см, но преимущественно 0,8–1 см. По венчикам определено около десяти сосудов. Венчики в различной степени отогнуты наружу, имеют плоский и округлый срез, часто с утолщением по внешней стороне, практически без орнамента (рис. 206: 1–5, 7). Один венчик имеет декор, состоящий из ряда вертикально поставленного плоского штампа и округлых неровных вдавлений, при этом украшен и срез венчика, и его внутренний край (рис. 206: 3). Большинство фрагментов не орнаментированы. В целом, встреченная на сосудах орнаментация оказалась очень разреженной. Сосуды были украшены оттисками короткого и длинного гребенчатого штампов, гладкого штампа, веревочки, а также ямочными вдавлениями. Сочетание различных элементов орнамента зафиксировано на одном экземпляре (рис. 206: 3). Отмечены следующие орнаментальные мотивы: наклонные пересекающиеся линии отпечатков веревочки (рис. 206: 1); ряды вертикально поставленого короткого гребенчатого штампа (рис. 206: 9–10); зигзаг, состоящий из двух-трех рядов оттисков длинного гребенчатого штампа (рис. 206: 6); горизонтальные ряды прямо поставленных отпечатков гладкого штампа (рис. 206: 3), горизонтальные ряды ямок (рис. 206: 3, 8). В коллекции имеется неорнаментированное плоское днище (рис. 206: 11).

Каменный инвентарь

Изделия из кремня многослойной стоянки различаются по цвету. Здесь представлены почти все компоненты первичной обработки (нуклевидные куски, вторичные отщепы,

аморфные куски и осколки, и т.д.). С энеолитическим комплексом, вероятно, были связаны, в основном, орудия, выполненные из качественного белого, серого и тёмного полупрозрачного кремня. Из последнего были выполнены большинство ножевидных пластин и часть скребков. Скребки, в основном, имеют подквадратную форму, они оформлены на отщепах, представлены концевыми и боковыми типами, с крутой ретушью рабочего края. Имеющееся сверло выполнено на трехгранном длинном сколе. Ножи изготовлены на отщепах с уплощающей ретушью, в том числе нож-ложкарь. В коллекции представлено изделие из кварцита – обломок рубящего орудия. Использование кварцита характерно для энеолита в целом, и волосовской культуры в частности.

Кроме кремневого инвентаря на памятнике было обнаружено несколько костей животных, которые по определению Н.В. Росляковой, принадлежат лосю, бобру и кабану.

В целом, небольшая коллекция находок энеолитического времени из многослойной стоянки Черненькое Озеро представляется единым комплексом и вписывается в круг волосовских древностей Утюжского комплекса памятников.

Жертвенный комплекс Утюжский Бугор

Памятник располагается в 8 км юго-восточнее г. Алатырь, на правом невысоком берегу р. Утюж, правого притока Суры, в 80 м северо-западнее от поселения Утюж I (рис. 207). Памятник открыт и исследован в 2010–2011 гг. совместной археологической экспедицией (см. главу 1).

Жертвенный комплекс Утюжский Бугор представляет собой сложный памятник, состоящий из: костища – скопления жженых костей медведя размером 5,5×3 м; большого подпрямоугольного строения размером, примерно, 8×8 м и комплекса ям в северо-западной части раскопа (рис. 208). Все эти элементы располагаются рядом, не прорезая друг друга, и имеют согласованное расположение.

Объекты

Строение имело форму котлована, углубленного на 0,3–0,4 м от древней дневной поверхности. Оно являлось нежилым и имело, вероятно, ритуальное предназначение. В центре котлована было отмечено большое пятно прокала диаметром чуть более 2 м, насыщенное мельчайшими частицами жженых костей (рис. 208: Б, В). В северной стенке строения отмечена яма с большим количеством кремневых отщепов и тленом от верхней челюсти лося с разрушенными зубами. Эта яма также имела ритуальное назначение. Подобные элементы ритуальных комплексов – т.н. «клады» отщепов отмечены исследователями на Сахтышских стоянках, изученных в Верхнем Поволжье (Уткин, Костылева, 2002). В юго-восточном углу, у входа отмечено два развала крупных сосудов, при отсутствии фрагментов керамики в заполнении котлована.

В северной части раскопа отмечен ряд ям, по форме это, возможно, погребения, но в них отсутствовали находки. Возможно, в песке органика не сохранилась.

Костище было расположено к западу от строения и почти вплотную примыкало к его стене. Верхняя часть костища была слегка затронута распашкой. Уровень древней дневной поверхности функционирования костища и строения одинаков, что является еще одним аргументом в пользу из синхронности. При разборе костища были заметны отдельные скопления костей, отмеченные пятнами более углистого содержания, а иногда – фрагментами керамических сосудов, располагавшихся по краю, часто скопления костей сохраняли анатомические связки (рис. 212). Суммарно выделено 27 сохранившихся отдельных скоплений (рис. 211). К северу и западу от костища было зафиксировано несколько глубоких столбовых ям. Значение этих столбов, вероятно, носило сакральный смысл, поскольку именно к ним подносились останки медведя.

В стратиграфии костища наблюдается многослойность, что отражает этапы его накопления (рис. 211, 212: Е). Заметно как одни ямы прорезают другие. Первый этап существования костища связан с нижним уровнем прокаленного песка с обожженными костями. Он имел вид большого округлого пятна диаметром около 0,6 м, расположенного в центральной части костища. Вероятно, к нему относятся и несколько более мелких пятен прокала, расположенных севернее и южнее основного пятна. Очевидно, на этом этапе ритуальное сжигание частей туш медведя происходило именно здесь. На следующем этапе накопление костища происходило путем подсыпки сожженных уже на стороне частей туш медведя в небольшие ямки. Сожжение, вероятно, осуществлялось внутри ритуального строения, а обожженные кости выносились и «погребались» на самом костище. Ямы, в которые ссыпались кости, прорезали

пятна прокала, и в последствии сами оказались нарушенными более поздними многочисленными ямами. Границы и профили этих ям хорошо видны и свидетельствуют о многочисленных ритуальных актах. На этом этапе отмечается появление ритуала «погребения» останков медведя в глиняных горшках, остатки которых фиксируются по глиняной крошке и отдельным крупным фрагментам, обозначающим округлые края горшков или ям. Надо отметить, что керамика пористая, с добавлением в формовочную массу органики, она сохраняется плохо. А вот обожженные кальцинированные кости, положенные в горшки, часто имеют хорошую сохранность, иногда сохраняется их анатомическая последовательность. Костище на этом этапе, вероятно, имело вид невысокой уплощенной горки размером 2×2 м, высотой, около 0,25 м. Далее наблюдается перерыв в накоплении костей, отмеченный тонкой прослойкой углистого песка мощностью 2–6 см, который содержал единичные разрозненные кости и мелкие фрагменты керамики. Наблюдается некий эффект «растоптанности» этих находок в слое. На последующем этапе накопление костища происходило менее интенсивно. Изменился и сам ритуал: сожженные на стороне кости медведя клались без горшков, но кучно, образуя скопления, включенные в более темные углистые ямы. Таких ям нами зафиксировано около шести. Само же костище приобрело вид большого расплывчатого углистого пятна, растянутого с севера на юг, размером, примерно 5,5×3 м (рис. 208). Верхняя часть костища была нарушена поздней распашкой и располагалась на глубине около 0,4 м от современной дневной поверхности.

Керамика

В костище нами были обнаружены как отдельные фрагменты керамики, так и скопления мелких и крупных фрагментов, вероятно, фиксирующие развалы глиняных сосудов. Большая их часть относится к волосовской культуре. В составе пластического сырья заметно насыщение органикой (пухом). Сохранившиеся фрагменты орнаментированы вертикальными оттисками средне- и мелкозубого длинного штампа (рис. 213: 1, 9; 9: 1, 2) и короткого зубчатого штампа (рис. 213: 4, 5), а также круглыми и овальными вдавлениями (тычками) (рис. 213: 6, 7). Венчики встречаются разной формы: прямые со слегка утолщенным округлым или уплощенным срезом, отогнутые наружу с округлым срезом, а также слегка профилированные с прямым срезом. Вероятно, на памятнике присутствует разрушенный слой неолита небольшой мощности, с которым связаны несколько фрагментов керамики – плотных, без органики, украшенных по всей поверхности сосуда овальными оттисками.

Выделяется несколько керамических комплексов, относящиеся к раннему, развитому и позднему этапам волосовской культуры. К первому относятся несколько фрагментов с органикой и шамотом в тесте, украшенных овальным штампом. Эти фрагменты сближаются с керамикой красномостовского типа. С развитым периодом можно связать реконструируемые сосуды со слегка прикрытыми прямыми венчиками с небольшим утолщением по наружному краю и, по всей вероятности, с округлым донцем. Поверхность этих сосудов равномерно покрыта орнаментом. На крупных фрагментах можно отметить мотив из горизонтальных рядов оттисков вертикально поставленных длинных мелкозубых штампов, разделенных рядом коротких косых овальных вдавлений (рис. 203: 1, 9–11). Прослеживается наибольшее сходство этих сосудов с посудой Майданских стоянок, расположенных в устье Ветлуги, которые были исследованы В.В. Никитиным (Уткин, Костылева, 1996, с. 15–151). С поздним этапом связаны профилированные сосуды с отогнутым венчиком и разреженным орнаментом, чередующимся с неорнаментированными полями (рис. 213: 3-6).

Кремень

В костище нами были обнаружены каменные изделия, в т. ч. наконечник из желтоватого кремня на отщепе со слегка выделенным черешком (рис. 214: 2), ножи на крупных отщепах из кварца (рис. 214: 1, 4), скребки на кремневых и кварцитовых отшепах (рис. 214: 7, 10, 13), а также подвески с выделенной головкой (рис. 214: 5, 6, 9-11). Для волосовской культуры характерно использование кварцита и наличие фигурного кремня. Интересна находка двух подвесок с выделенной головкой из окаменелого дерева (рис. 214: 12, 13). Эти подвески были найдены возле костища и, вероятно, связаны с культовым характером объекта.

Остеология

Все кости на костище принадлежали, как было определено, бурому медведю. Всего собрано более 11 000 костей и их обломков, а также около 30 кг костяной крошки. Из всего собранного материала были определены 4500 костей и их обломков, из которых целыми

оказалось около 800 костей, принадлежавших более 30 особям медведя (рис. 209–211).

Кости – кальцинированные, большая их часть находится в состоянии белого каления, что указывает на высокие температуры горения, около 1000о С на открытом огне. Есть кости, обожженные при более низких температурах, они серо-бурого цвета с обугленными черными пятнами и заметно более крупные. Таких костей отмечено мало, и они были найдены в отдельном скоплении под номером 25. Целыми сохранялись кости передних и задних лап, грудины и некоторые тела позвонков. Длинные трубчатые кости, ребра и плоские кости переднего и заднего поясов, а также отростки позвонков сохранились фрагментарно. Имеющиеся на костях деформации указывают на сжигание костей на открытом огне, которые сохраняли прижизненный уровень содержания влаги и жировых веществ.

В скоплениях костей есть все кости постраниального скелета: позвонки всех отделов, обломки ребер, фрагменты грудины, обломки плоских костей и суставные поверхности плечевого и тазового поясов, обломки трубчатых костей и их отдельные эпифизы, коленные чашечки и все кости кисти и стопы. Практически не найдены кости черепов и зубов медведей. В коллекции есть только четыре зуба и небольшой обломок нижней челюсти. Вероятно, головы медведей использовались в ритуальных обрядах по-другому. Некоторые кости конечностей медведя были найдены в анатомическом порядке, в основном, это кости лап (рис. 208: А; 212: А, В).

Возрастные характеристики медведей определены для 14 особей (рис. 210: Б, В). Среди этих особей есть медвежонок до одного года, три медвежонка до двух лет и, как минимум, один медведь до трех лет. Остальным медведям было более трех лет. Определенные кости медвежонка до года, принадлежавшие так называемому берложёнку, позволили предположить, что охота могла происходить с февраля по апрель. Сравнительный анализ позволил определить относительный размер медведей: двух крупных медведей, четырех больших, двух среднего роста, пяти относительно небольших особей, одного мелкого медведя и медвежонка (рис. 209: Б).

Материалы этого уникального памятника позволяют нам проникнуть не только в материальный мир энеолитического населения, но и в духовный. Это самый крупный известный на сегодня культовый памятник волосовской культуры, в центре которого, как было распространено у «волосовцев», находился образ медведя.

8.2 Памятники эпохи энеолита левобережья Волги

В левобережье Чебоксарского водохранилища при изучении Мукшумского археологического комплекса, разрушаемого водохранилищем, были собраны представительные археологические коллекции в подъемном материале. Среди них были выделены керамические комплексы энеолитического времени.

Мукшумская V стоянка

Памятник открыт Н.С. Березиной и А.Ю. Березиным в ходе разведочных работ 1999 г. (Березина, Березин, 2003). Все находки были собраны из-под воды (рис. 158). Коллекция содержит фрагменты керамики разных археологических комплексов. Керамика энеолитического времени представлена крупными фрагментами стенок, которые зачастую состыкуются друг с другом, в одном случае удалось собрать почти целый развал сосуда (рис. 215: 10). Находки концентрировались большими скоплениями, возможно, повторяющими контуры жилищ, а развалы сосудов уходили в песок. Было собрано более тысячи фрагментов энеолитической керамики токского типа. Так как в подъемном материале было найдено большое количество керамики эпохи неолита, оказалось невозможным достоверно соотнести каменные орудия с керамическим комплексом энеолита, поэтому рассмотрим только керамику (рис. 215–217).

Керамика

Состав исходного пластического сырья состоял из глины, иногда плохо промешанной, комковатой, часто с включениями оолитов, и примеси толченой раковины, которая присутствует в фрагментах в разной степени интенсивности. Раковина выщелачилась и на сломе стали видны многочисленные щелевидные полости, а на поверхностях – плоские, остроугольные выщербинки. Выделяются разные типы штампов: зубчатый, преимущественно короткий, часто двузубый, в т.ч. из костей птицы и гладкий, которым наносились ногтевидные насечки. Был распространен прием нанесения вдавлений углом зубчатого штампа, в результате формировались ямки различ-

ной формы (округлой, треугольной и др.). Также встречаются устойчивые и повторяющиеся оттиски штампов небольшого размера, сделанные, вероятно, из зубов или костей животных.

Орнаментальные композиции просты – горизонтальные ряды из вертикально или наклонно поставленного плотного штампа, чередующиеся с широкими неорнаментированными горизонтальными полями, изредка заполненными горизонтальным зигзагом или наклонными линиями, состоявшими из оттисков того же или другого штампа. Имеется множество фрагментов без орнамента. Верхняя часть сосудов часто выделяется более плотно расположенными горизонтальными рядами (от двух до шести) оттисков штампа. На верхний срез венчиков сосудов наносился орнамент путем вдавлений различной формы, что создавало гофрированный край. "Воротничков" на сосудах не отмечено. Внутренняя и иногда внешняя поверхности часто несут следы расчесов, оставленных при заглаживании штампом (более многозубым), щепкой или другим предметом.

По венчикам и крупным фрагментам стенок выделено 30 сосудов. В основном, это прикрытые сосуды с округлыми стенками и дном, средних и крупных размеров, с диаметром по венчику 20–44 см. Венчики – прямые с плоским срезом, на котором часто нанесен орнамент, из-за чего появляются небольшие наплывы формируя Т- или Г-образные профили. Толщина стенок колеблется от 6,5 до 12 мм, увеличиваясь в придонной части до 13 мм. Имеются отверстия, просверленные по обожженному сосуду (рис. 215: 6; 216: 11).

Восстановленный сосуд (рис. 215: 10) имеет прикрытую форму с прямым венчиком, с округлыми боками и дном. Диаметр по венчику составляет около 30 см, по наиболее широкой части сосуда в центе – 37 см, а высота сосуда составляет 22 см. Он орнаментирован по всей поверхности композицией из ритмично чередующихся горизонтальных зон, состоящих из одного ряда плотного косопоставленного штампа, разделенного горизонтальным зигзагом. Орнамент нанесен двузубым асимметричным штампом, вероятно, эпифизом метакарпальной кости крыла водоплавающей птицы, так называемой "пряжковой" костью. Этот костяной штамп является самым распространенным в данном комплексе. Срез венчика – прямой, с уклоном вовнутрь, украшен оттисками гладкого штампа. На внутренней поверхности сосуда имеются следы от заглаживания.

В целом, можем отметить гомогенность этого керамического комплекса, ближайшие аналогии которого находятся в позднеэнеолитических материалах самарской археологической культуры, отнесенных к так называемому токскому типу (Моргунова, 1995).

8.3 Вопросы хронологии и культурной принадлежности памятников эпохи энеолита

Памятники энеолита в Поволжье исследуются начиная с середины XX в. и связываются с волосовской археологической культурой. Первые исследования этого периода были проведены в 1950-х гг. под руководством А.Х. Халикова (Халиков, 1960). Тогда же был раскопан Выжумский археологический комплекс памятников. А.Х. Халиковым была предложена четырехчленная периодизация волосовской культуры.

Основной этап в изучении энеолита был связан с работой Марийской археологической экспедиции. Были исследованы большими площадями основные опорные памятники энеолита лесного Поволжья: поселения Уржумкинское (Архипов, Никитин, 1977), Ахмыловское II поселение (Никитин, 1977), Юринское, Сутырское II (Никитин, 1978), Мольбище III и др. Позднее, В.В. Никитин обобщил накопленные данные и выделили этапы в эволюции волосовских древностей: ранний неолитический (первая половина – середина III тыс. до н.э.), развитый, связанный с появлением медных изделий (рубеж III и II тыс. до н.э.), поздний (первая четверть II тыс. до н.э.) и завершающий этап, отмеченный прямыми контактами с балановским населением, в результате чего появились симбиотические комплексы (до сер. II тыс. до н.э.) (Никитин, 1991, с. 54–72). В последующих работах В.В. Никитиным был выделен протоволосовский этап (первая половина III тыс. до н.э.), предшествующий раннему (Никитин, 1996, с. 151). Происхождение волосовской культуры Среднего Поволжья исследователь связывал с поздними балахнинскими племенами при участии волго-камского населения и, возможно, при опосредованном участии носителей накольчатой традиции (Никитин, 1996, с. 147).

С появлением новых памятников и материалов, полученных работами О.Н. Бадера,

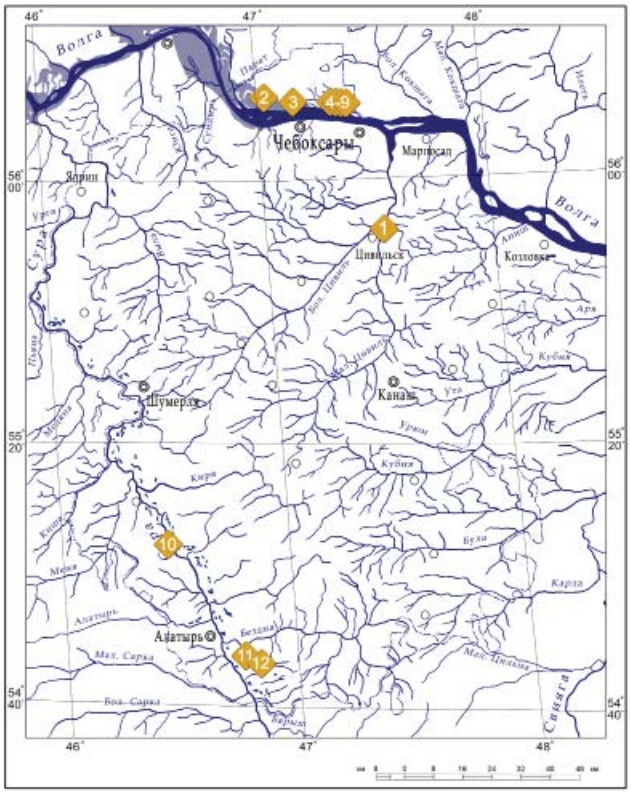


Рис. 180. Карта-схема памятников энеолита Чувашского Поволжья.
Fig. 180. Schematic map of the Eneolithic sites in the Chuvash Volga region.

В.П. Третьякова, А.Х. Халикова, Д.А. Крайнова, И.К. Цветковой, В.В. Никитина и др., в лесной полосе Восточной Европы стала вырисовываться обширная историко-культурная общность эпохи энеолита. Она имеет свои локальные варианты. По мнению В.В. Никитина, памятники Волго-Вятского междуречья образуют особую этнокультурную группу (Никитин, 1996, с. 151).

Чувашское Поволжье, располагаясь на стыке природно-географических зон, оказалось в «сфере влияния» лесных (волосовских) и лесостепных (хвалынских, среднестоговских) энеолитических культур. В Среднем Присурье изучено жилище хвалынской культуры с характерным набором орудий на крупных и средних пластинах. Это самый северо-восточный памятник хвалынской культуры, известный на сегодня. Данное жилище было прорезано льяловским. По аналогии с хвалынскими материалами Самарского Поволжья, хвалынский комплекс поселения Утюж I можно датировать началом IV тыс. до н.э.

Со степным Поволжьем связан и керамический комплекс токского типа, отмеченный на стоянке Мукшумская V левобережья Волги. Он отражает миграционные процессы группы населения самарской археологической культуры, которые проистекали, вероятнее всего, из бассейна р. Сок, в северную часть Среднего Поволжья. Даты, имеющиеся по токским комплексам Ивановской стоянки и Чекалино IV, указывают на последнюю треть IV тыс. до н.э (Королев, 2008). Исследователи этих памятников отмечают синкретический характер комплекса посуды токского типа (Королев, 2008). В гончарстве токского населения прослежена неоднородность и смешанность культурных традиций (Васильева, Салугина, 2010). Токская группа керамики, по мнению исследователей, была синхронна "воротничковой" посуде ивановского типа и продолжала линию развития керамики Съезжинского могильника (Моргунова, 1989). Сходство энеолитической керамики Мукшумской V стоянки в общих характеристиках и отдельных элементах отмечается с посудой с других стоянок позднего энеолита токского типа Волго-Уралья, таких как Турганикская, Елшанская, Виловатовская, а также с материалами стоянки Чесноковка на р. Сок, где выделяются несколько керамических комплексов позднего энеолита, в том числе третья группа с прямым горлом и округло-уплощенными днищами с обильной раковинной примесью, с округлыми и уплощенными венчиками и разреженным зональным орнаментом. В целом, отмечая сходство керамики токского типа с материалами самарской энеолитической культуры, исследователи отмечают ее связь с волосовскими материалами (Бахарев, Овчинникова, 1991).

В результате исследований многослойных поселениях Утюж I и V Среднего Посурья получены немногочисленные керамические комплексы ранневолосовского облика. На поселении Утюж V найдено несколько прямостенных фрагментов венчиков от двух сосудов с округлым срезом, орнаментированных коротким широким зубчатым штампом. На стоянке Черненькое Озеро также зафиксировано несколько керамических фрагментов с коротким широким гребенчатым штампом, плотным орнаментом и примесью раковины в тесте. Эти материалы находят параллели в керамике красномостовского типа в Марийском Поволжье, в таких стоянках, как Красный мост II, III, Майданская (Никитин, 1996), датированных В.В. Никитиным концом IV – серединой III тыс. до н.э., что подтвердилось радиоуглеродными датами (Королев, Шалапини, 2010).

Основной массив утюжской керамики энеолита на поселениях Утюж I, V и Чёрнень-

кое озеро относится к поздневолосовскому горизонту. Однако, энеолитические древности Среднего Посурья до сих пор слабо изучены и их культурная атрибуция часто затруднительна. Одной из актуальных проблем является определение их места среди позднеэнеолитических материалов Среднего Поволжья (Ставицкий, 2006, с. 192–195). Горшки имеют уплощенное или округлое дно, высокую и сильно отогнутую шейку. Стенки, горловина и иногда срез венчика орнаментированы сильно разреженными оттисками зубчатого штампа. Большая часть фрагментов не была орнаментирована. Часть сосудов имеет массивные Г-образные венчики. Фрагменты сильно пористые от большого содержания органики, цвет черепков серый, темно-серый иногда коричневатый.

На стоянке Чёрненькое озеро определяется около десяти сосудов с отогнутыми венчиками, с плоским и округлым срезом. Большая часть фрагментов лишена орнамента. Орнаментация сильно разрежена, орнаментальные мотивы состоят из наклонных пересекающихся линий отпечатков веревочки, рядов прямопоставленного короткого гребенчатого штампа, зигзагов из двух–трех рядов оттисков длинного гребенчатого штампа, горизонтальных рядов прямопоставленных отпечатков гладкого штампа и ямок. Данный комплекс находит ряд параллелей (фактура, штампы, мотивы орнамента) в материалах волосовской культуры Примокшанья (Королев, Ставицкий, 2006, с. 31–60) и Марийского Поволжья (Никитин, 1991, с. 22–30). Но есть и отличия, заключающиеся в отсутствии Т- и Г-образных венчиков, рамчатого штампа, сложных орнаментальных композиций.

Открытие и исследование жертвенного комплекса Утюжский Бугор является важным в понимании духовного мира энеолитического населения лесной полосы. Это крупнейший на сегодня известный культовый памятник эпохи энеолита Восточной Европы. По мнению исследователей волосовских древностей, духовная культура их носителей качественно отличалась от духовной культуры неолитического населения (Уткин, Костылева, 2002, с. 342). Все исследованные волосовские “святилища” имеют схожие конструкции: наземная постройка с ямой внутри, перекрытой деревянным накатом, и хронологически распадаются на два типа. Наземная часть ранних святилищ имела вид капитального строения, а у поздних – она была шалашевидной. “Святилища” располагались непосредственно на территории волосовских кладбищ и составляли с ними единое целое, были связаны с культом предков, а ямы могли имитировать могилы предков (Уткин, Костылева, 2002). Найденная на святилище Утюжский Бугор керамика волосовской культуры, представленная ранним и развитым этапами ее существования, позволяет предположить существование жертвенного комплекса на протяжении нескольких столетий. Это также подтверждается стратиграфией памятника и косвенно – достаточно большим количеством особей медведей в жертвеннике.

Вероятно, данный жертвенный комплекс являлся культовым центром большой группы родственных племен восточной части ареала волосовской культуры. Дальнейшее изучение уже раскопанного материала позволит раскрыть все информационные пласты этого уникального памятника.

В правобережье Волги, на р. Цивиль изучена стоянка Новая Деревня с остатками двух жилищ и материалами энеолитического облика. Керамика представлена двумя группами. Первая группа развитого этапа волосовской культуры – открытые сосуды с округлым донцем, венчики их прямые или с незначительным отгибом наружу. Тесто отличается большой примесью органики (скорлупа, пух и др.) Орнамент имеет горизонтальную зональность и состоит из оттисков гребенчатого штампа, реже ямочных вдавлений и прочерченных линий и покрывает всю или большую часть поверхности сосудов. Иногда орнаментировался срез венчиков. Вторая группа керамики относится к позднеэнеолитическому выжумскому типу, она отличается относительной тонкостенностью, большей пористостью и в большинстве своем не орнаментирована. Эта керамика имеет в тесте растительную примесь (пух, скорлупу и др.), но в большем количестве, чем вышеописанная керамика первой группы . Найден фрагмент прямого венчика сосуда с налепом в виде тонкого изогнутого валика. Редкий орнамент состоит из зубчатых оттисков и небольших прямоугольных и треугольных вдавлений. Кроме этого на памятнике найдены янтарная каплевидная подвеска, обломки медного шила, а также капли меди и обломки тиглей или льячек. В составе каменного инвентаря присутствуют орудия из кварцита (сливного песчаника).

Высокие и отогнутые горловины, выделенное внутреннее ребро у сосудов, а также пористое тесто второй группы керамики стоянки Новая Деревня имеют, вероятно, южные

– позднесреднестоговские истоки (Телегин, 1973; Котова, 2006; Васильев, Синюк, 1985). Развитие линии керамической традиции среднестоговской культуры в лесной зоне на протяжении более длительного времени отмечается некоторыми исследователями (Скоробогатов, Смольянинов, 2013). В Примокшанье на поселениях Имерка VIII (Королев, 1996) и Подлесное V и IV (Ставицкий, 2004; Королев, 2008) вместе с волосовскими материалами был выявлен комплекс среднестоговской керамики (Королев, 2008). Влияние среднестоговской культуры на развитие энеолита Среднего Поволжья через алтатинские и алексеевские типы керамики отмечает В.В. Ставицкий. Исследователь допускает появление профилированной посуды на развитом этапе волосовской культуре в результате воздействия среднестоговского населения и датирует поздний энеолит Посурья рубежом IV-III тыс. до н.э. (Ставицкий, 2002, 2006, 2008). Но в тоже время в комплексе второй группы энеолитической керамики на стоянке Новая Деревня имеются признаки (плоское дно, налепы в виде валиков, резко отогнутый венчик), характерные для позднеэнеолитической керамики выжумского типа. Выжумский тип памятников позднего энеолита был выделен на материалах Марийского Поволжья и датирован первой третью II тыс. до н.э. (Соловьев, 2000). В составе каменного инвентаря смешанного комплекса стоянки Новая Деревня имеются кварцевые орудия, характерные для этих энеолитических традиций. Эта черта также присуща стреднестоговским традициям обработки камня, что также отражает южные связи.

По позднеэнеолитическим материалам Присурья получены радиоуглеродные даты, в частности: по сосуду и почве из-под него из поселения Утюж V ВР 3310 ± 80 (Ki–16403)[6], 3930 ± 90 (Ki–16423), 3840 ± 100 (Ki–16402),

Рис. 193. Поселение Утюж I. Н.С. Березина показывает обнаруженный в ходе раскопок крупный нуклеус для снятия пластин.

Fig. 193. Utiuzh I settlement. N.S. Berezina demonstrating a large nucleus for blades production discovered in the course of excavations.

а также по сосуду из разведочного шурфа на поселении Утюж III 4730 ± 90 (Ki–15197), 4620 ± 80 (Ki–15626) (Шалапинин, 2011). То есть, в некалиброванном значении поздний энеолит Присурья может быть отнесен ко второй четверти III – первой четверти II тыс. до н.э. Вероятно, на Утюжских памятниках и на стоянке Новая Деревня в позднем энеолите мы фиксируем развитие волосовской традиции с чертами южных лесостепных культур, происходившее в III – начале II тыс. до н.э. Археологические материалы, включающие свидетельства зачатков металлообработки, характеризуют завершение энеолитической эпохи в Чувашском Поволжье в начале II тыс. до н.э.

[6] Используются некалиброванные даты

Рис. 181. Стоянка Новая Деревня: А – общий вид на старичное озеро и край террасы, на котором расположена стоянка; Б – общий вид с востока на размеченный раскоп 2005 г.
Fig. 181. Novaia Derevnia site: A – general view of the oxbow lake and the edge of the terrace where the site is located; Б – general view of the marked excavation site of 2005 from the east.

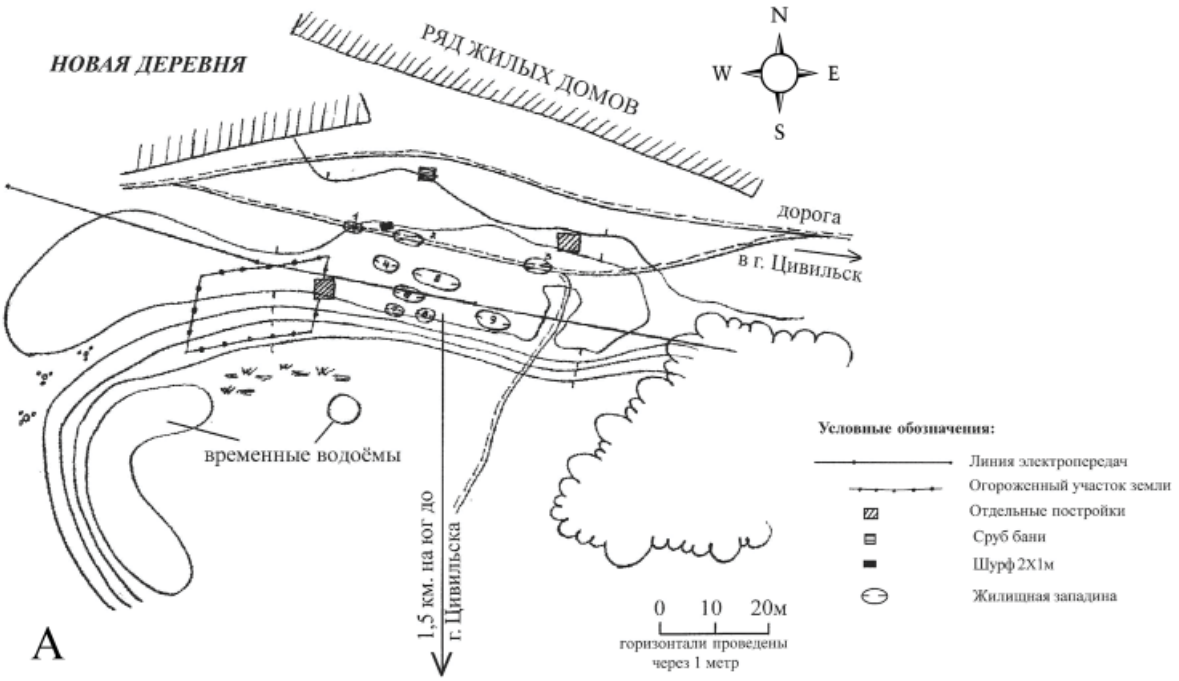
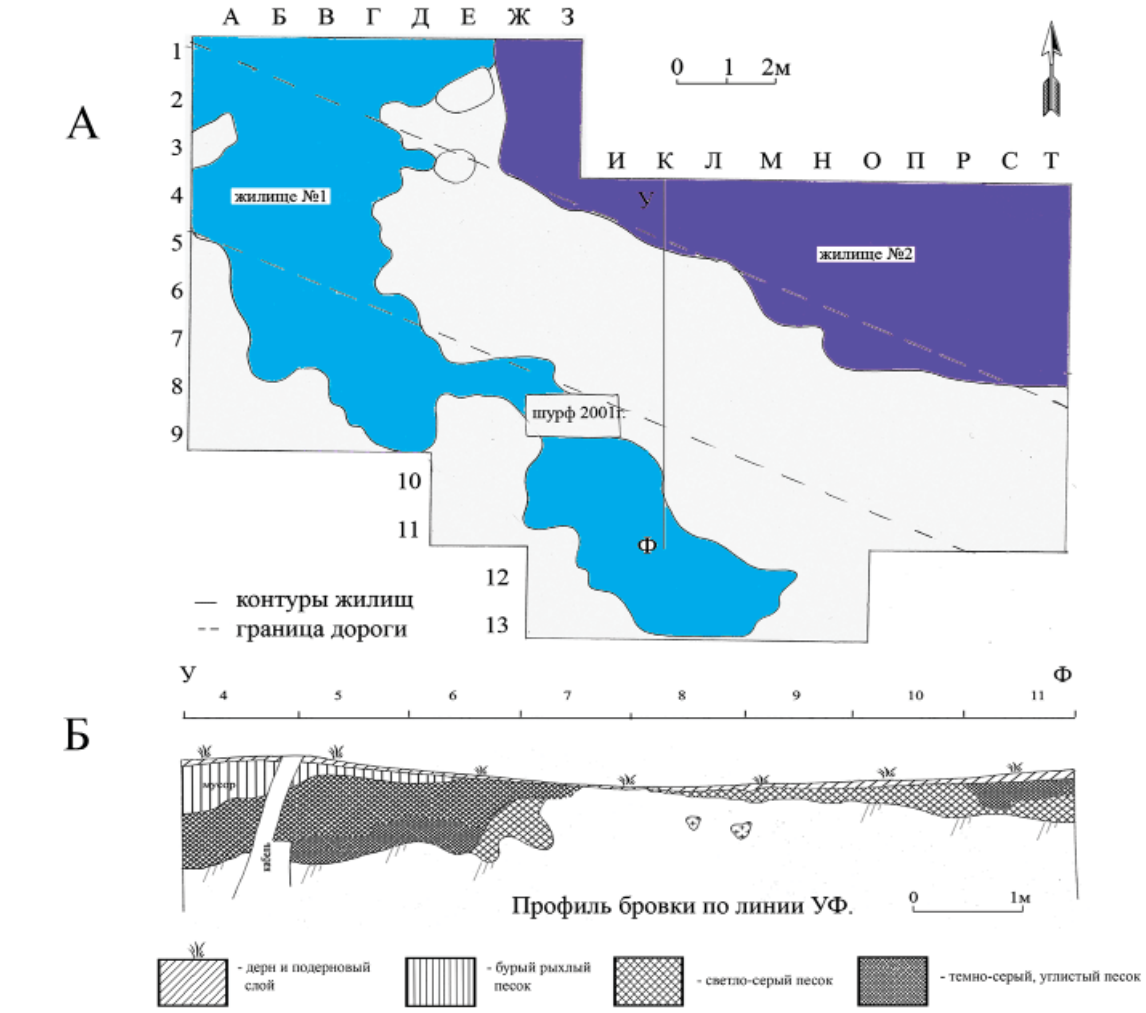


Рис. 182. Стоянка Новая Деревня: А – ситуационный план расположения стоянки; Б – фото раскопок 2005 г.
Fig. 182. Novaia Derevnia site: A – general layout of the site; Б – photos of 2005 excavations.



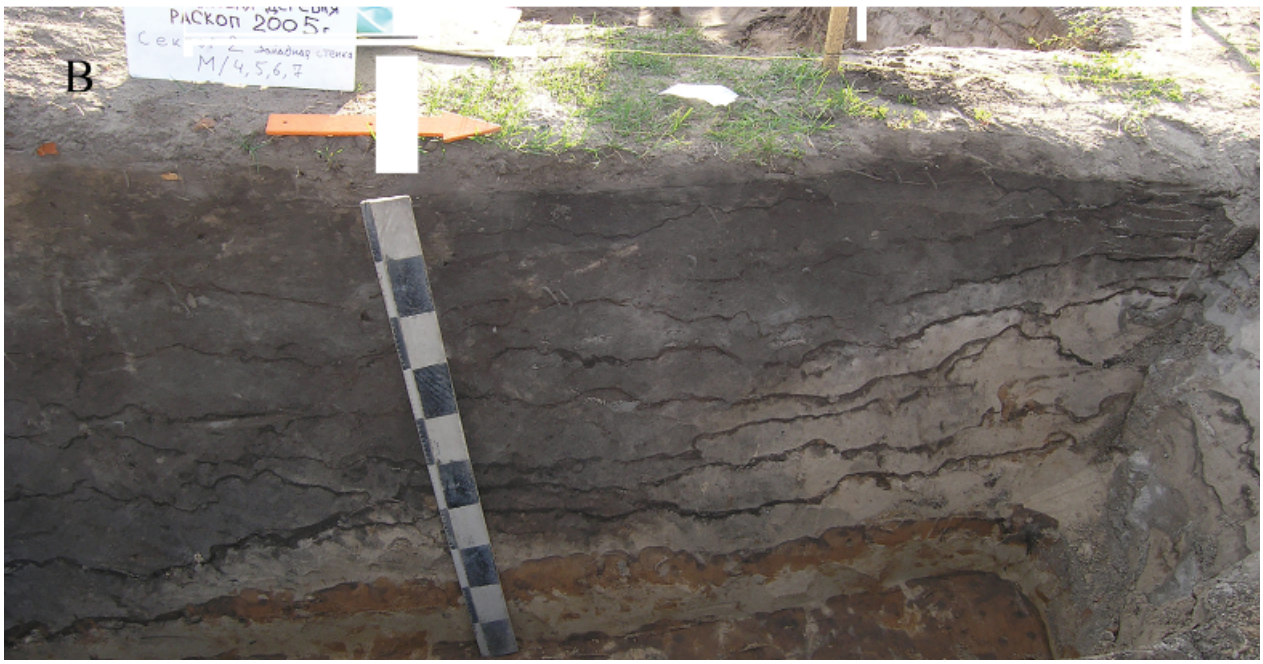


Рис. 183. Стоянка Новая Деревня: А – план раскопа 2005 г.; Б – профиль восточной стенки бровки по линии У–Ф; В – фото зачистки северной стенки бровки по линии У–Ф, квадраты 4–6.

Fig. 183. Novaia Derevnia site: A – layout of the excavation of 2005; B – profile of the eastern wall of the edge along the У–Ф; line; B – photo of northern edge wall clearing along the У–Ф line, squares 4–6.

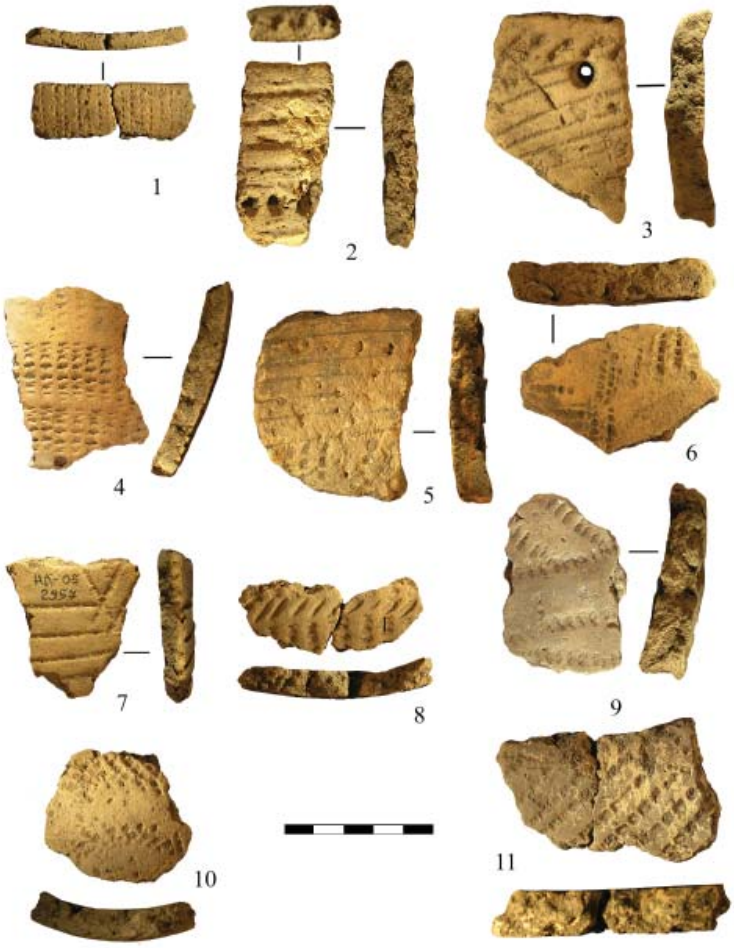


Рис. 184. Стоянка Новая Деревня. Керамика волосовского комплекса.
Fig. 184. Novaia Derevnia site. Ceramics of the Volosovo culture complex.

Рис. 185. Стоянка Новая Деревня. Керамика позднеэнеолитического комплекса выжумского типа.
Fig. 185. Novaia Derevnia site. Ceramics from the Late Neolithic complex of the Vyzhum type.

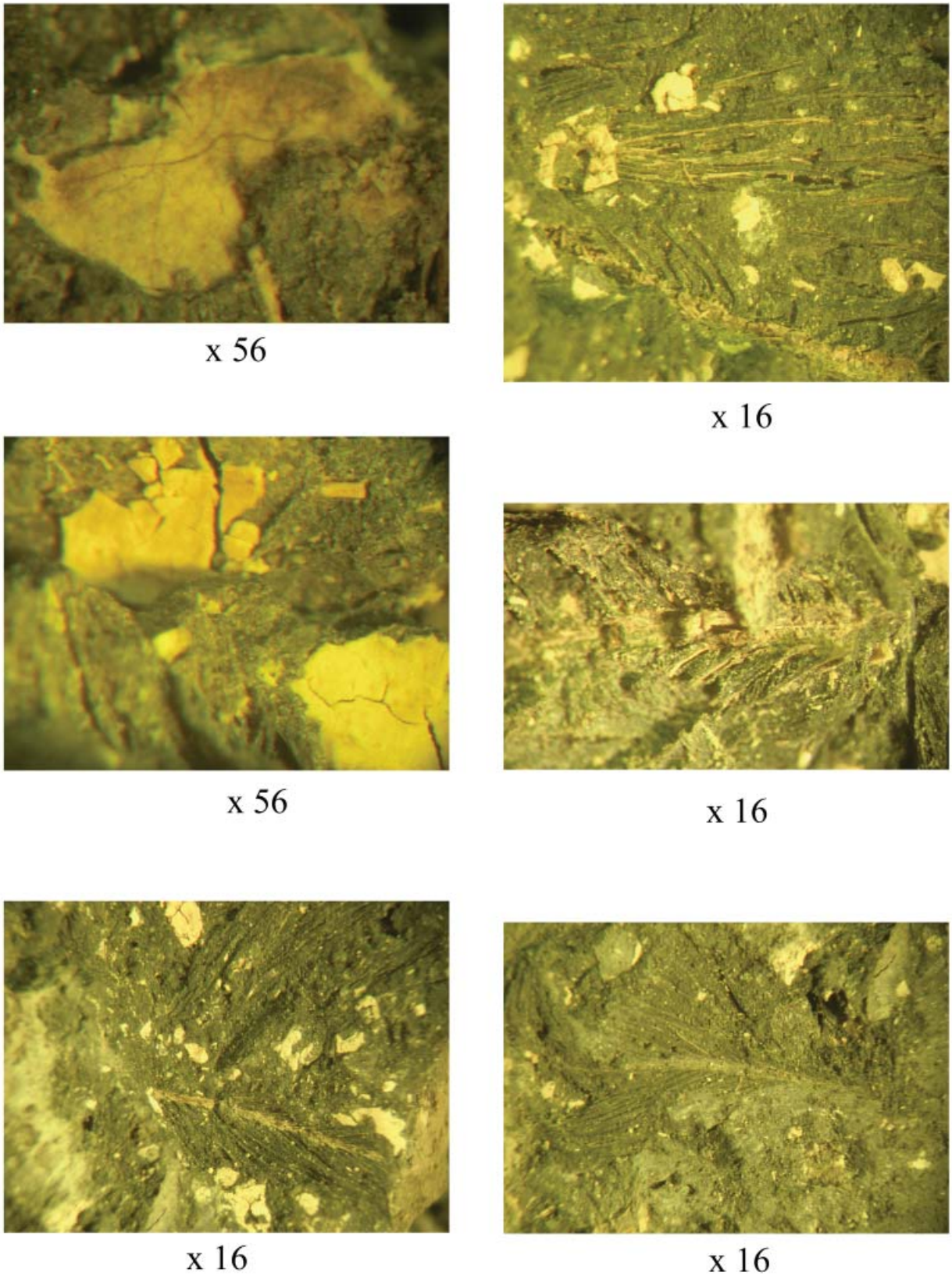


Рис. 186. Стоянка Новая Деревня. Фотографии включений в глиняном тесте пуха и скорлупы под увеличением.
Fig. 186. Novaia Derevnia site. Magnified photos of inclusions in lint and shell clay dough.

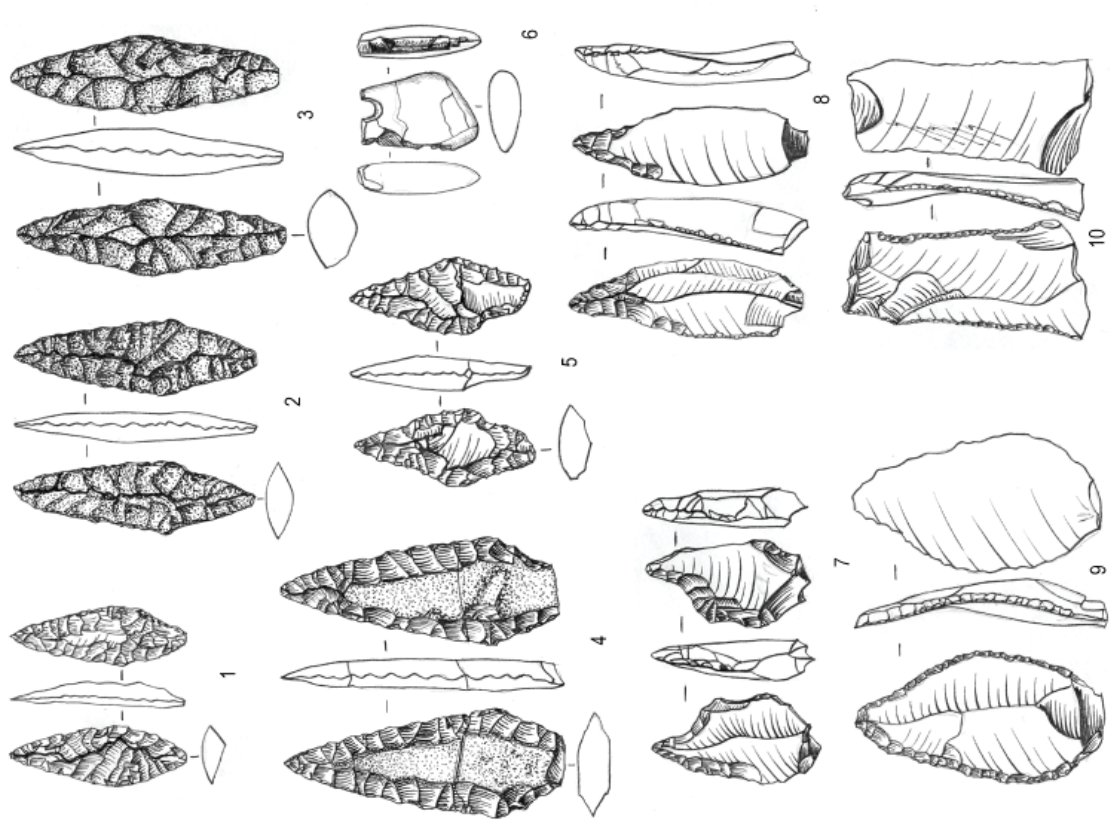


Рис. 187. Стоянка Новая Деревня. Жилище № 1. Орудия: 1, 4-5, 7-10 – кремень; 1, 3 – кварцит, 6 – янтарь.

Fig. 187. Novaia Derevnia site. Dwelling No. 1. Tools: 1, 4-5, 7-10 – flint; 1, 3 – quartzite, 6 – amber.

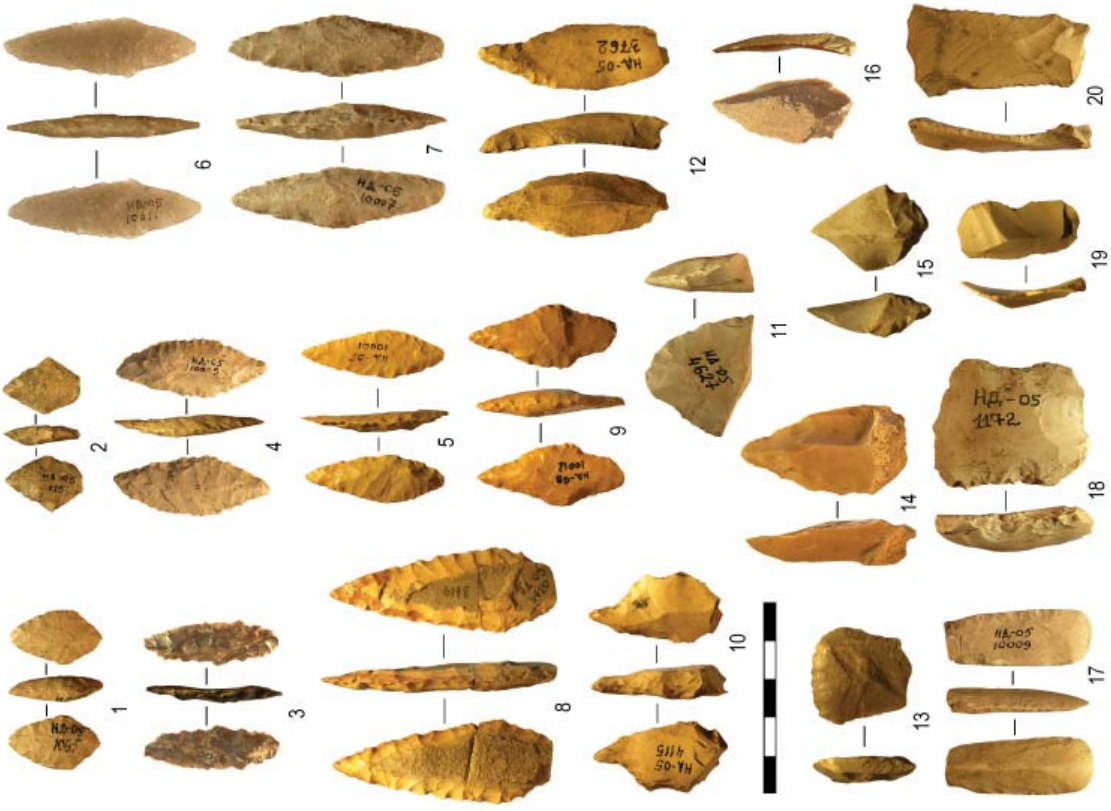


Рис. 188. Стоянка Новая Деревня. Жилище № 1. Фото орудий: 1-5, 8-20 – кремень; 6, 7 – кварцит.

Fig. 188. Novaia Derevnia site. Dwelling No. 1. Photos of tools: 1-5, 8-20 – flint; 6, 7 – quartzite.

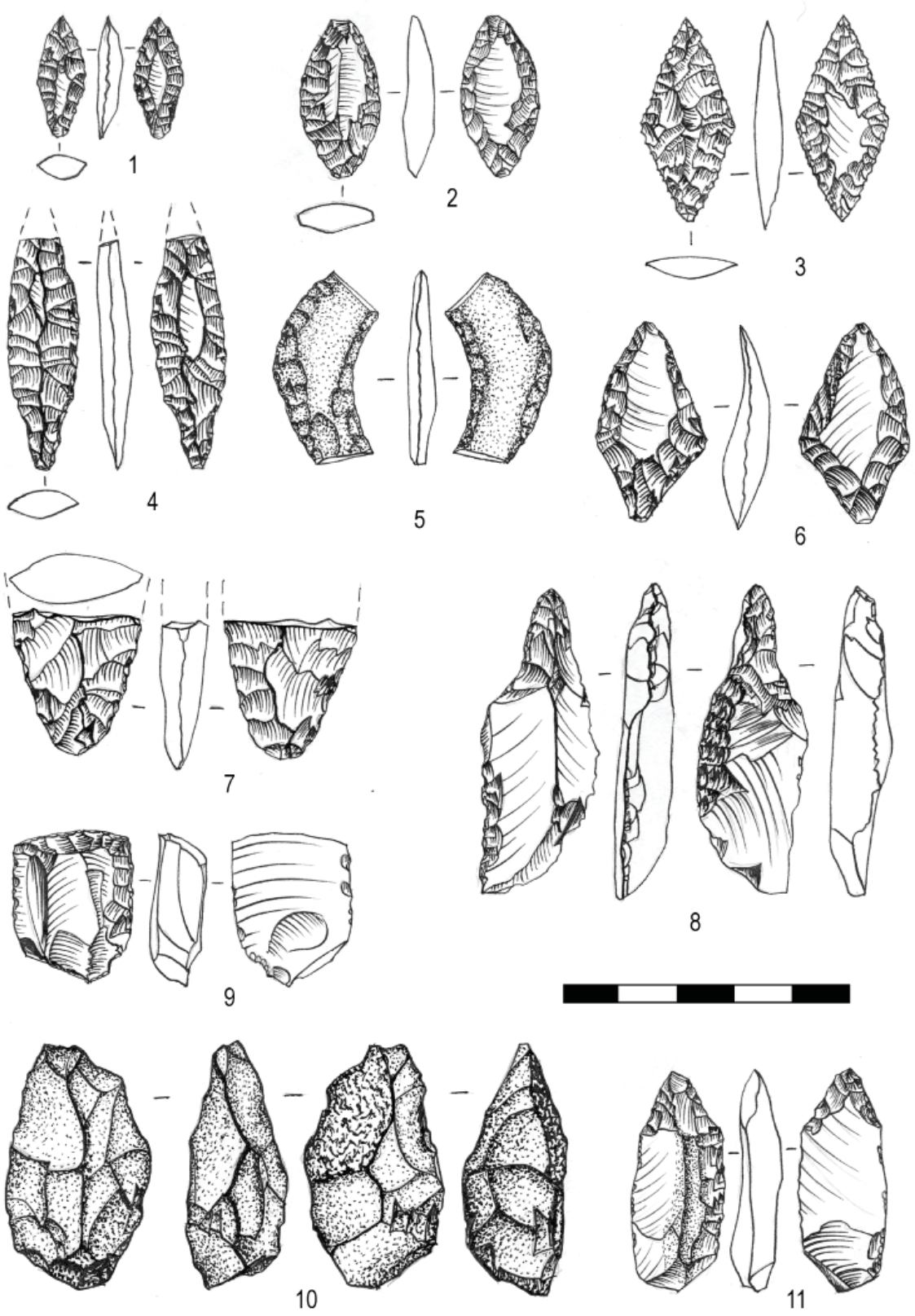


Рис. 189. Стоянка Новая Деревня. Жилище № 2. Орудия: 1-4, 6-9, 11 – кремень; 5, 10 – кварцит.
Fig. 189. Novaia Derevnia site. Dwelling No. 2. Tools: 1-4, 6-9, 11 – flint; 5, 10 – quartzite.

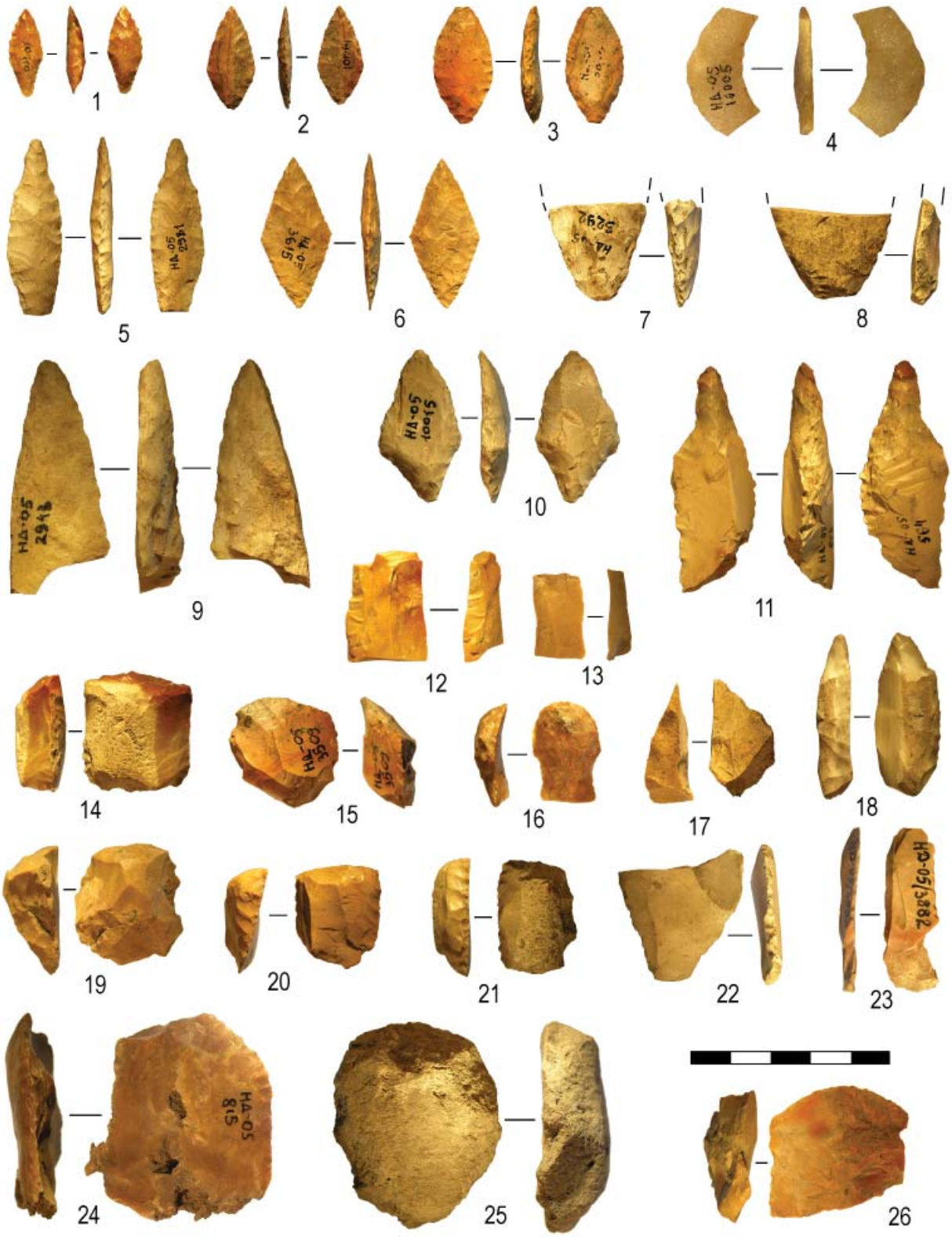


Рис. 190. Стоянка Новая Деревня. Жилище № 2. Фото орудий: 1-3, 5-26 – кремень, 4 – кварцит.
Fig. 190. Novaia Derevnia site. Dwelling No. 2. Photos of tools: 1-3, 5-26 – flint, 4 – quartzite.

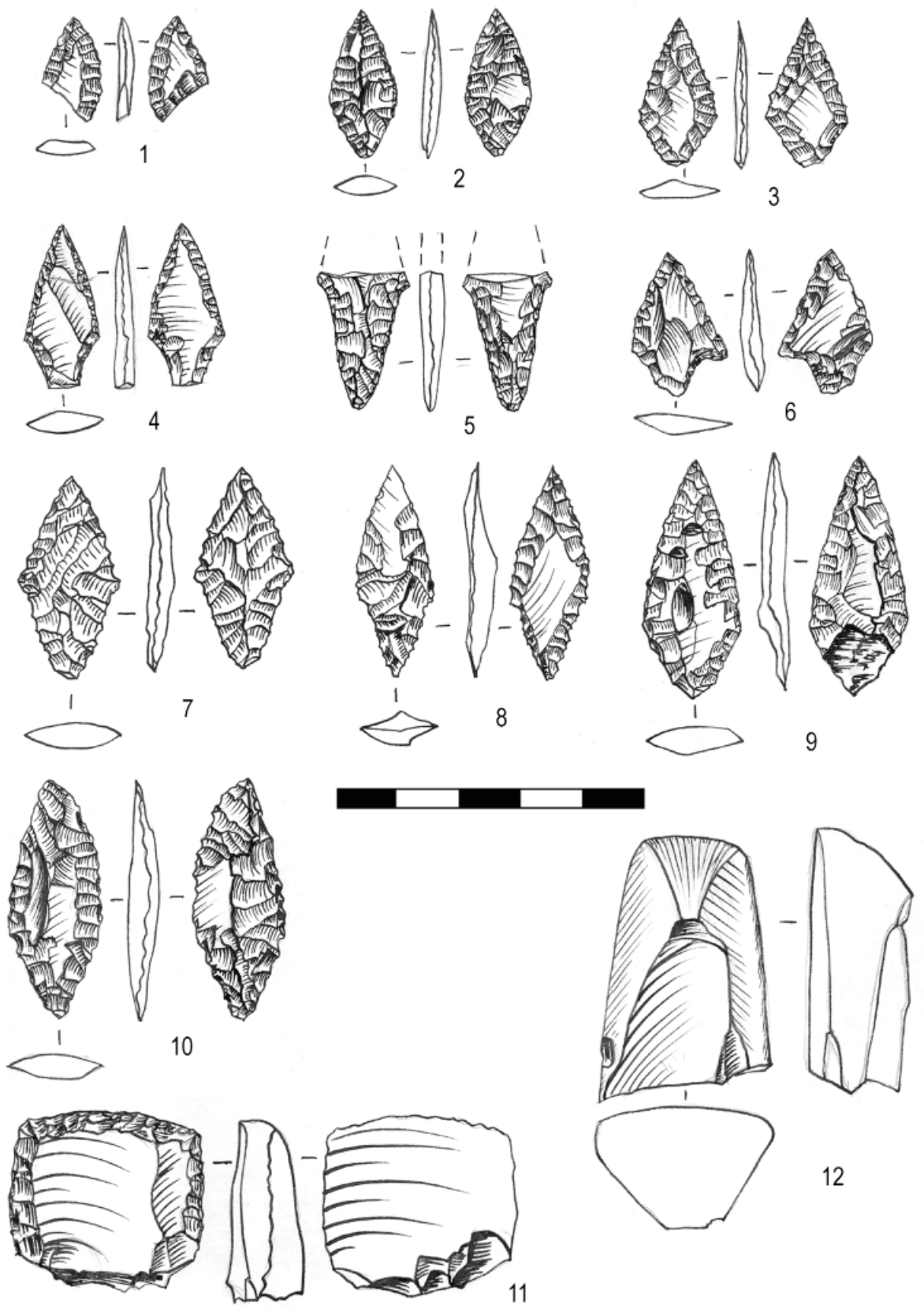


Рис. 191. Стоянка Новая Деревня. Кремневые орудия из перемешанных отложений.
Fig. 191. Novaia Derevnia site. Flint tools from mixed sediments.

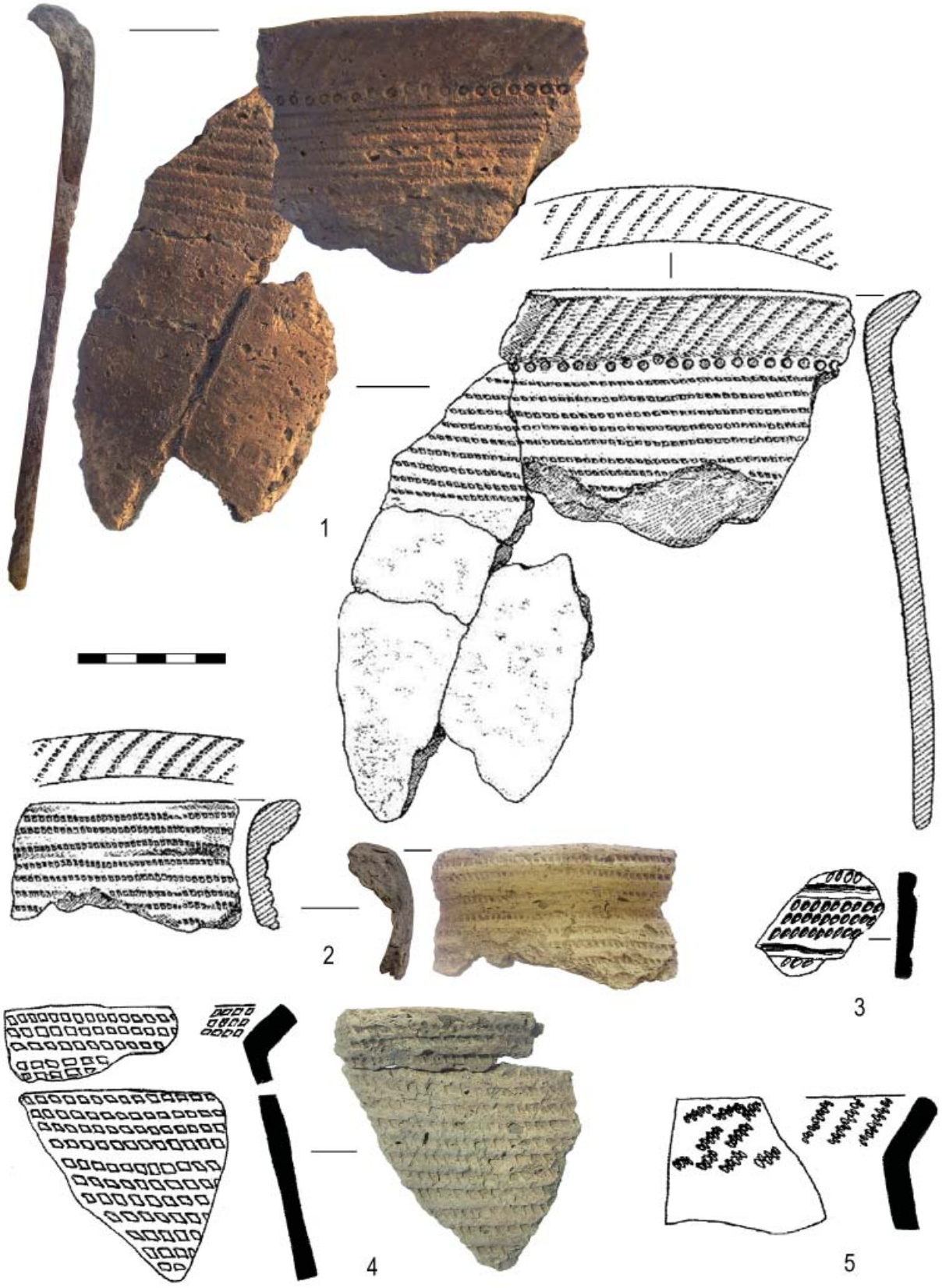


Рис. 192. Поселение Утюж I. Керамика хвалынского энеолитического комплекса.
Fig. 192. Utiuzh I settlement. Ceramics of the Khvalynsk Eneolithic culture complex.

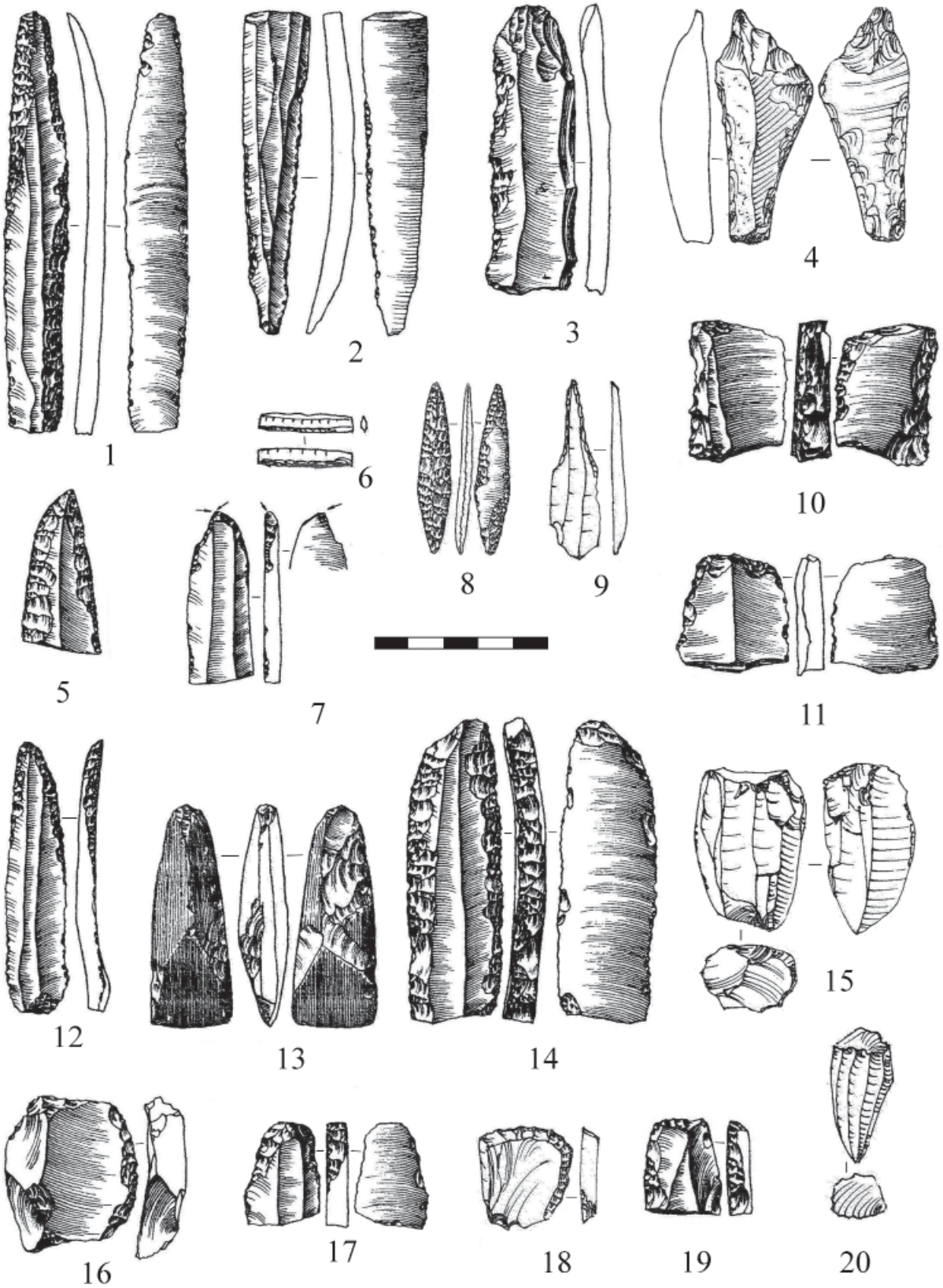


Рис. 194. Поселение Утюж I. Кремневые орудия.
Fig. 194. Utiuzh I settlement. Flint tools.

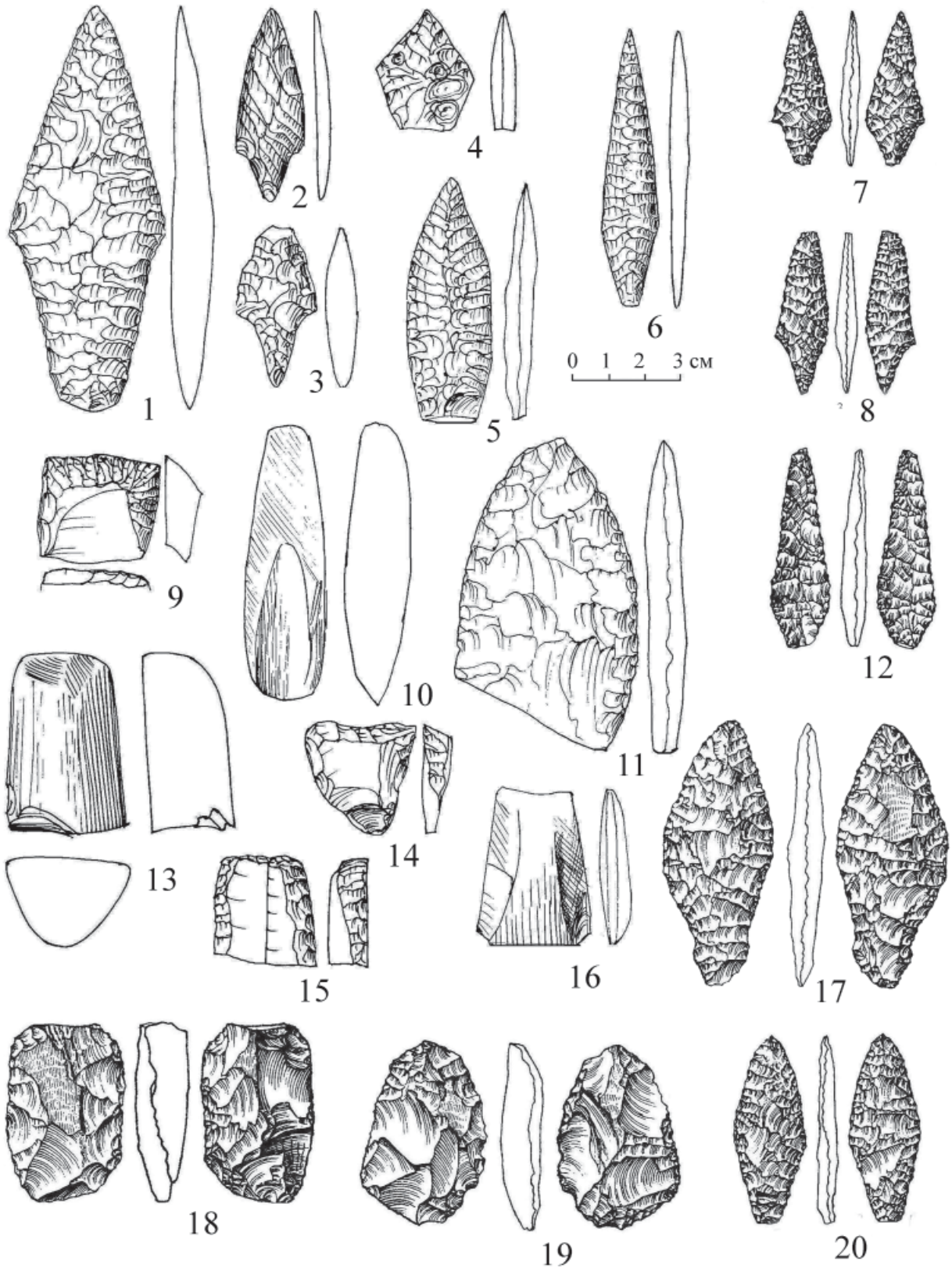


Рис. 195. Поселение Утюж I. Кремневые орудия.
Fig. 195. Utiuzh I settlement. Flint tools.

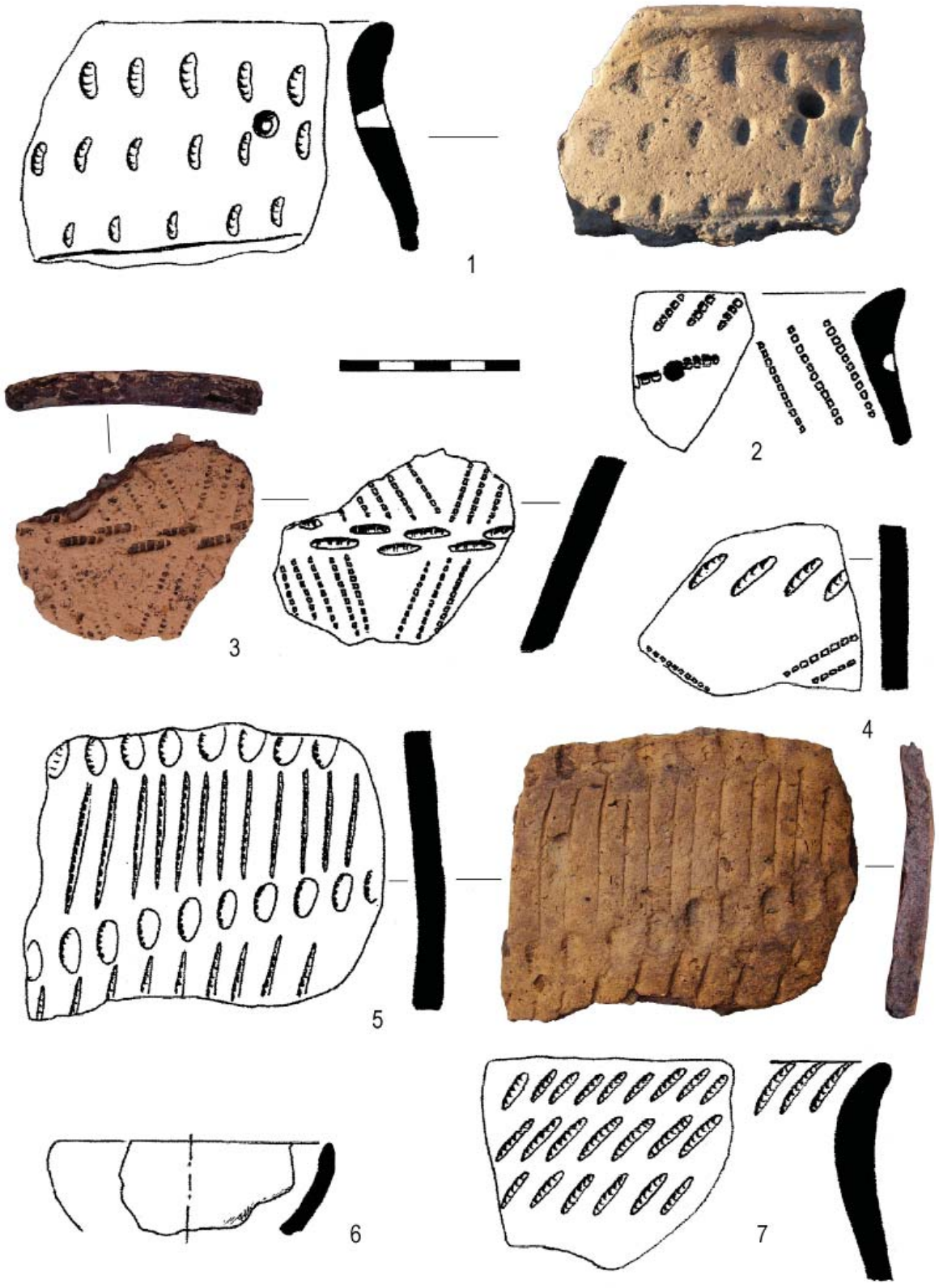


Рис. 196. Поселение Утюж I. Керамика волосовского энеолитического комплекса.
Fig. 196. Utiuzh I settlement. Ceramics of the Volosovo Eneolithic culture complex.

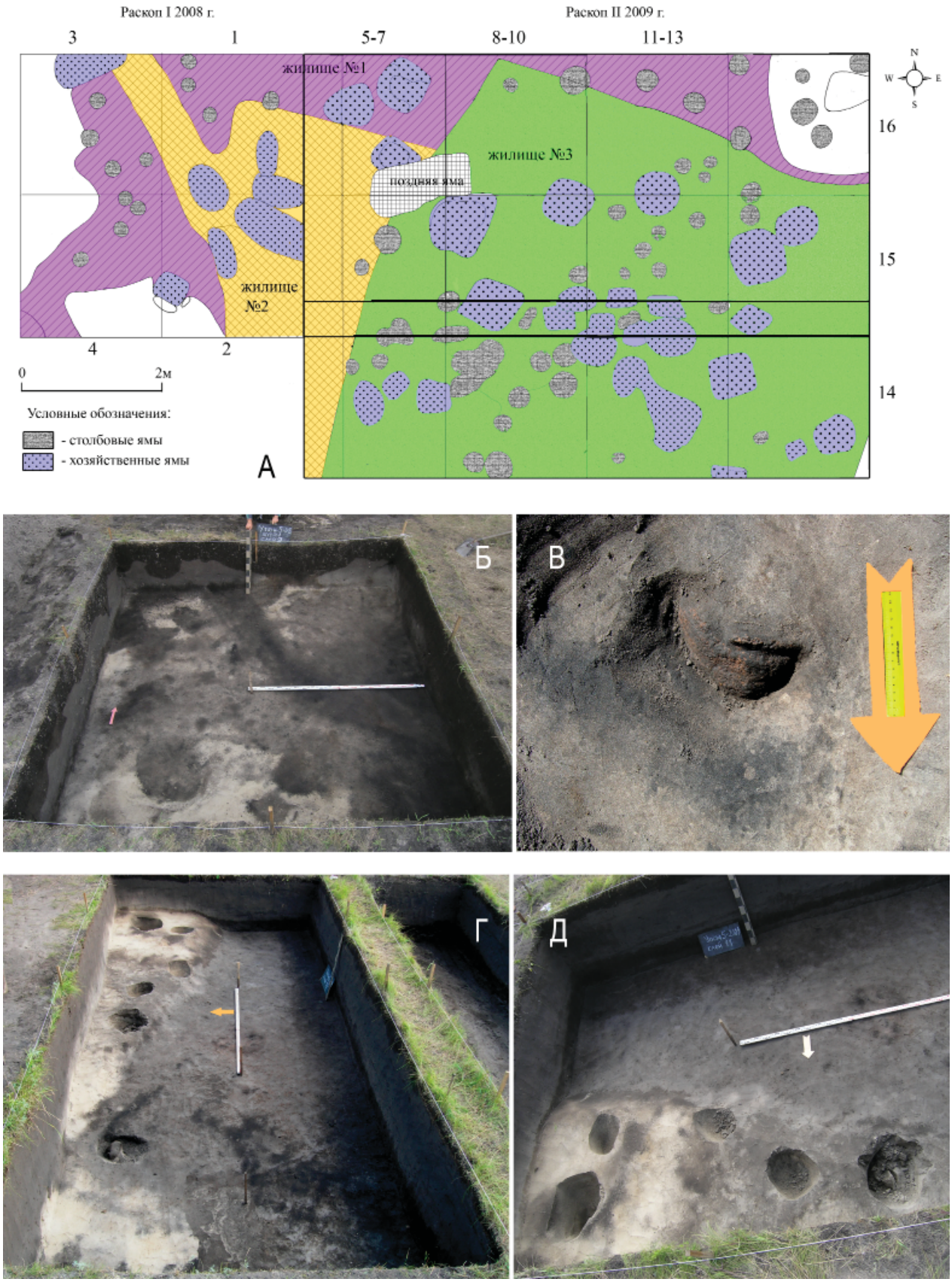


Рис. 197. Поселение Утюж V: А – план раскопа 2008–2009 гг.; Б – фото зачистки культурного слоя в квадратах 1–4; В – расчистка крупного фрагмента глиняного сосуда волосовской культуры; Г – зачистка культурного слоя в квадратах 5–15; Д – зачистка культурного слоя в квадратах 11–15.

Fig. 197. Utiuzh V settlement: A – layout of the excavation of 2008–2009; Б – photo of cultural layer clearing in squares 1–4; B – clearing of a large fragment of a clay vessel of the Volosovo culture; Г – cultural layer clearing in squares 5 – 15; Д – cultural layer clearing in squares 11 – 15.

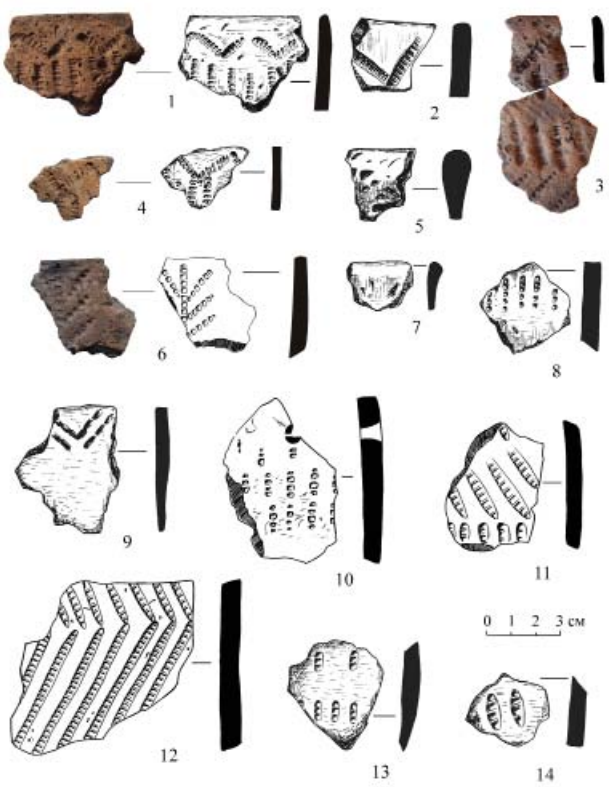


Рис. 199. Поселение Утюж V. Керамика волосовского комплекса.
Fig. 199. Utiuzh V settlement. Ceramics of the Volosovo culture complex.

Рис. 198. Поселение Утюж V. Керамика протоволосовского комплекса красномостовского типа.
Fig. 198. Utiuzh V settlement. Ceramics of the proto-Volosovo complex of the Krasny Most type.

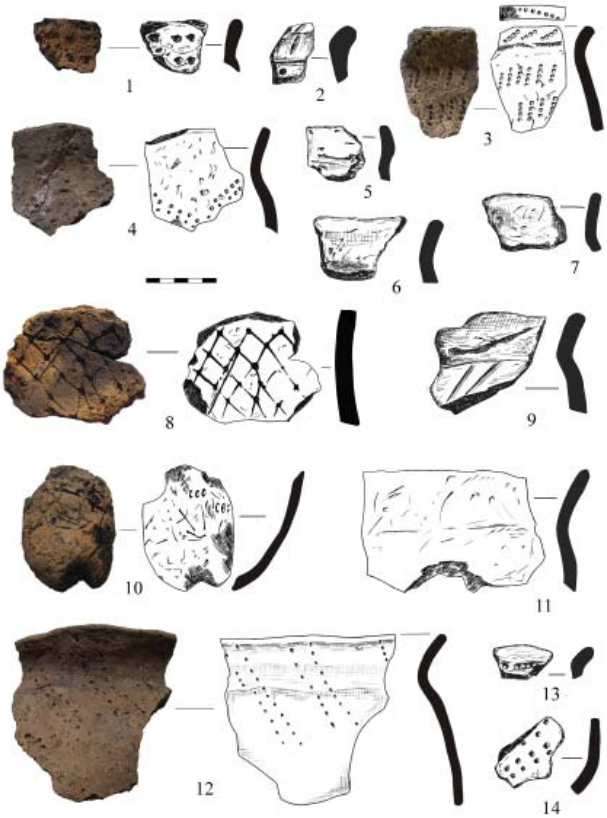


Рис. 200. Поселение Утюж V. Керамика волосовского комплекса.
Fig. 200. Utiuzh V settlement. Ceramics of the Volosovo culture complex.

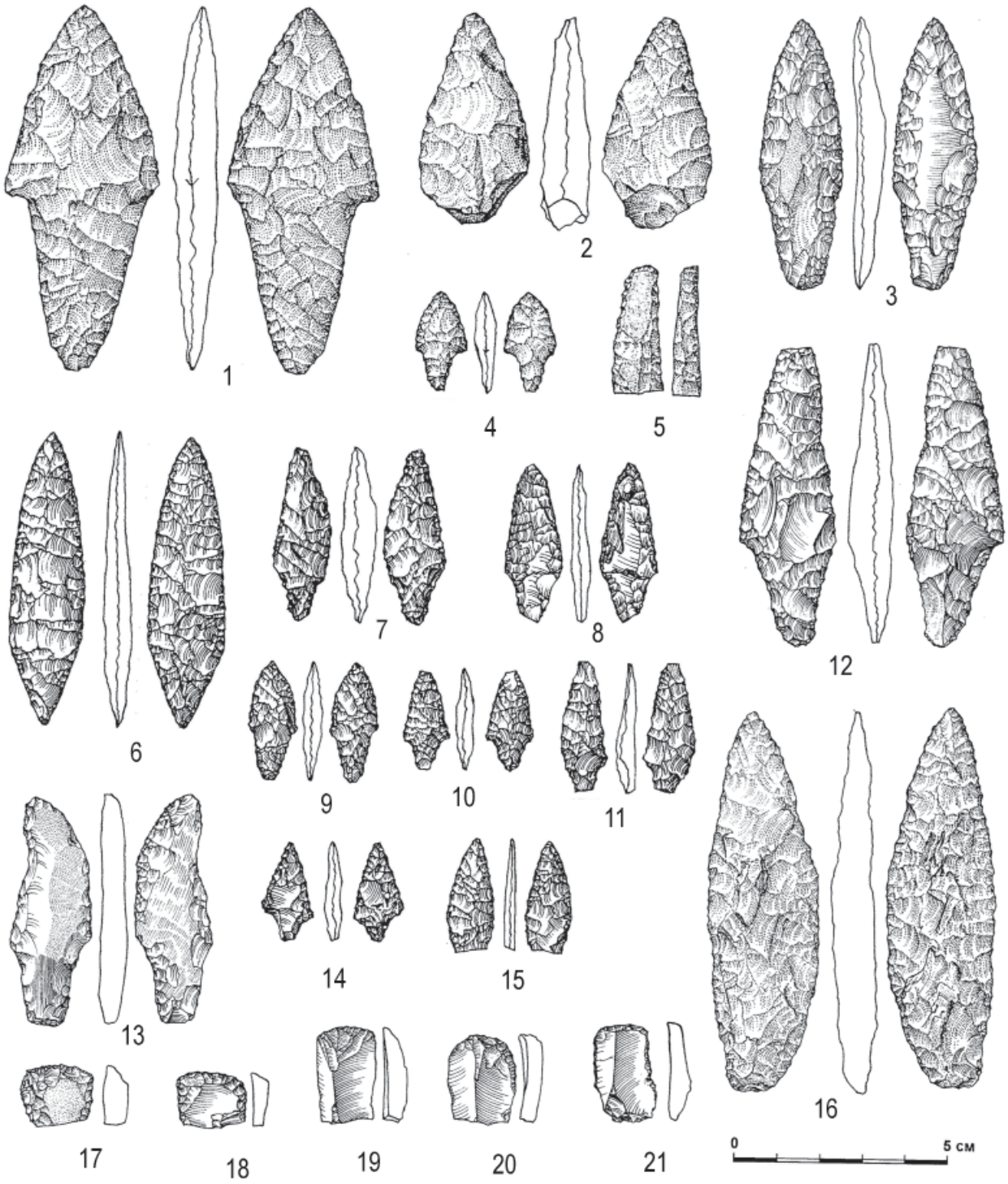


Рис. 201. Поселение Утюж V. Орудия: 1-2, 4-5, 16 – кварцит; 3, 6-21 – кремень.
Fig. 201. Utiuzh V settlement. Tools: 1-2, 4-5, 16 – quartzite; 3, 6-21 – flint.

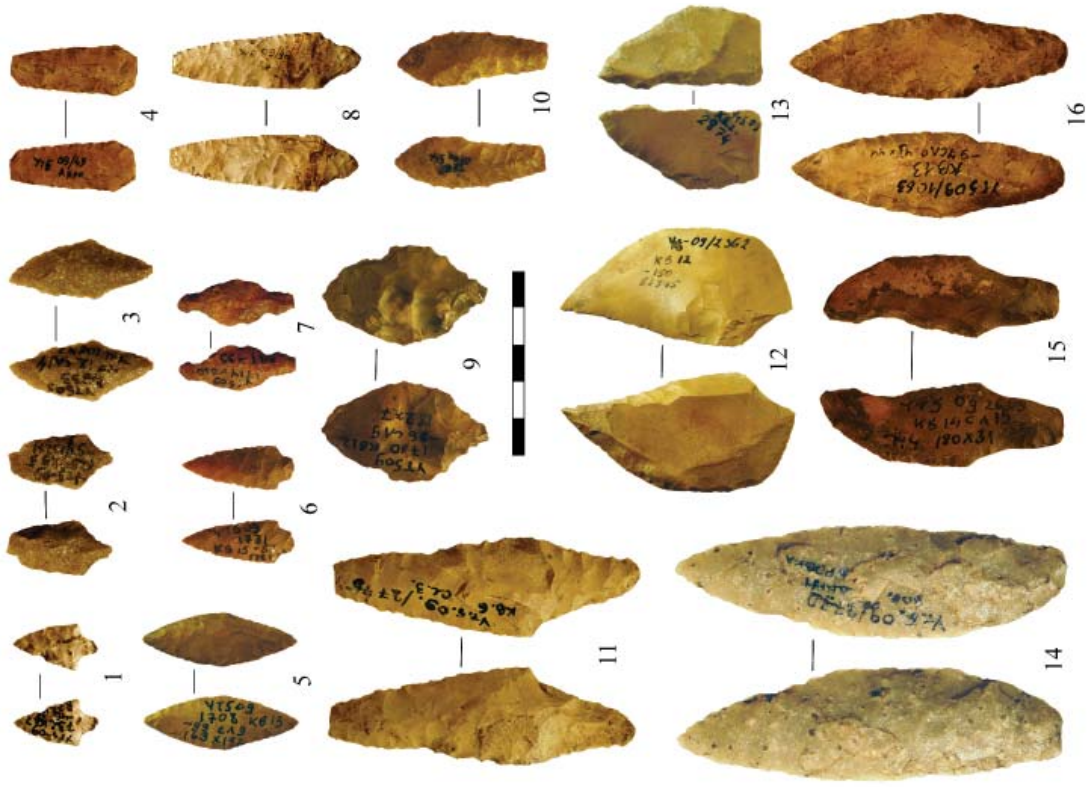


Рис. 202. Поселение Утюж V. Фото орудий: 2, 3, 7, 14 – кварцит; 1, 4-6, 8-13, 15-16 – кремень.

Fig. 202. Utiuzh V settlement. Photos of tools: 2, 3, 7, 14 – quartzite; 1, 4-6, 8-13, 15-16 – flint.

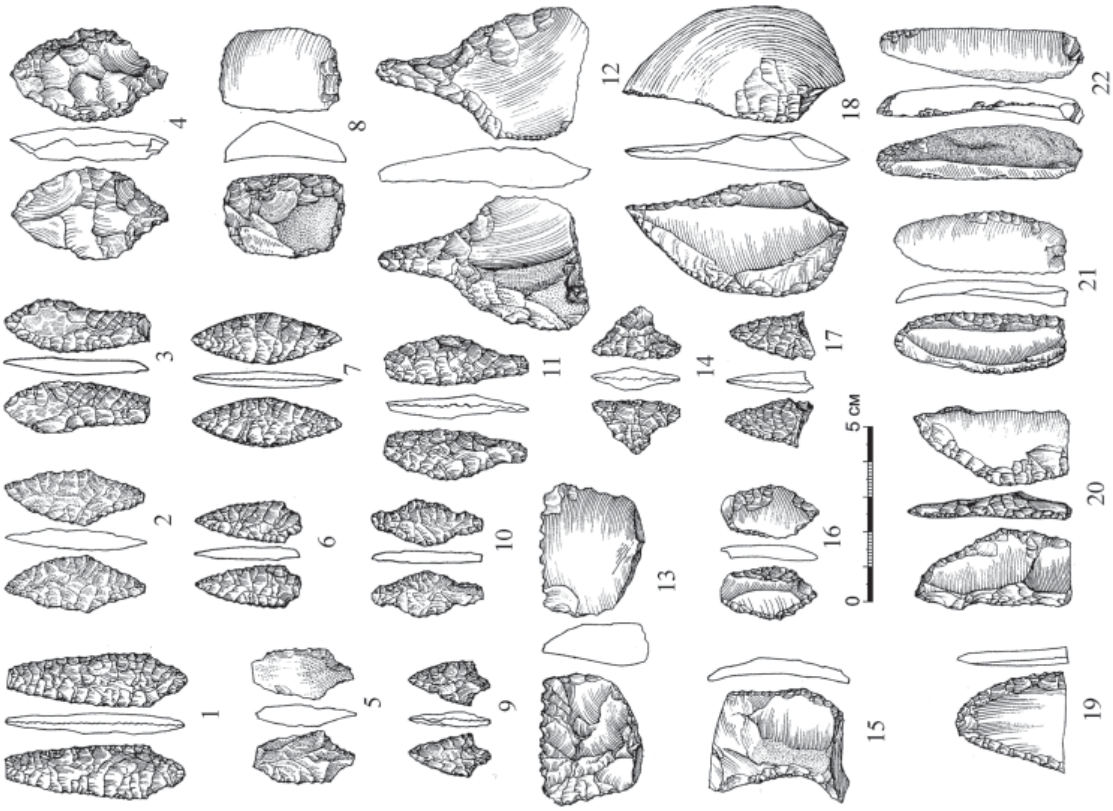


Рис. 203. Поселение Утюж V. Орудия: 2, 5, 10 – кварцит, 1, 3-4, 6-9, 11-22 – кремень.

Fig. 203. Utiuzh V settlement. Tools: 2, 5, 10 – quartzite, 1, 3-4, 6-9, 11-22 – flint.

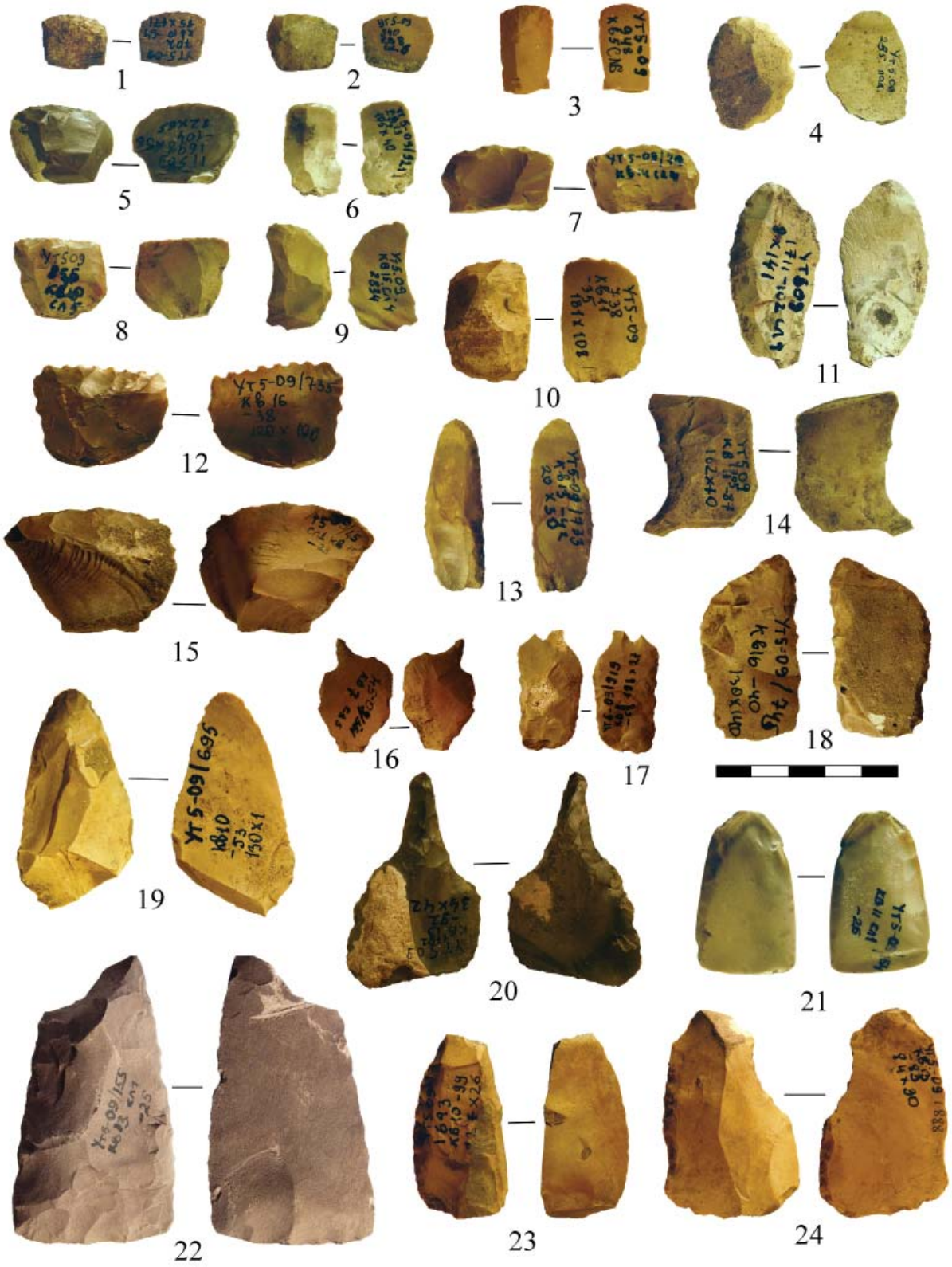


Рис. 204. Поселение Утюж V. Фото орудий: 1-21, 23-24 – кремень; 22 – окремнелый известняк.
Fig. 204. Utiuzh V settlement. Photos of tools: 1-21, 23-24 – flint; 22 – silicified limestone.

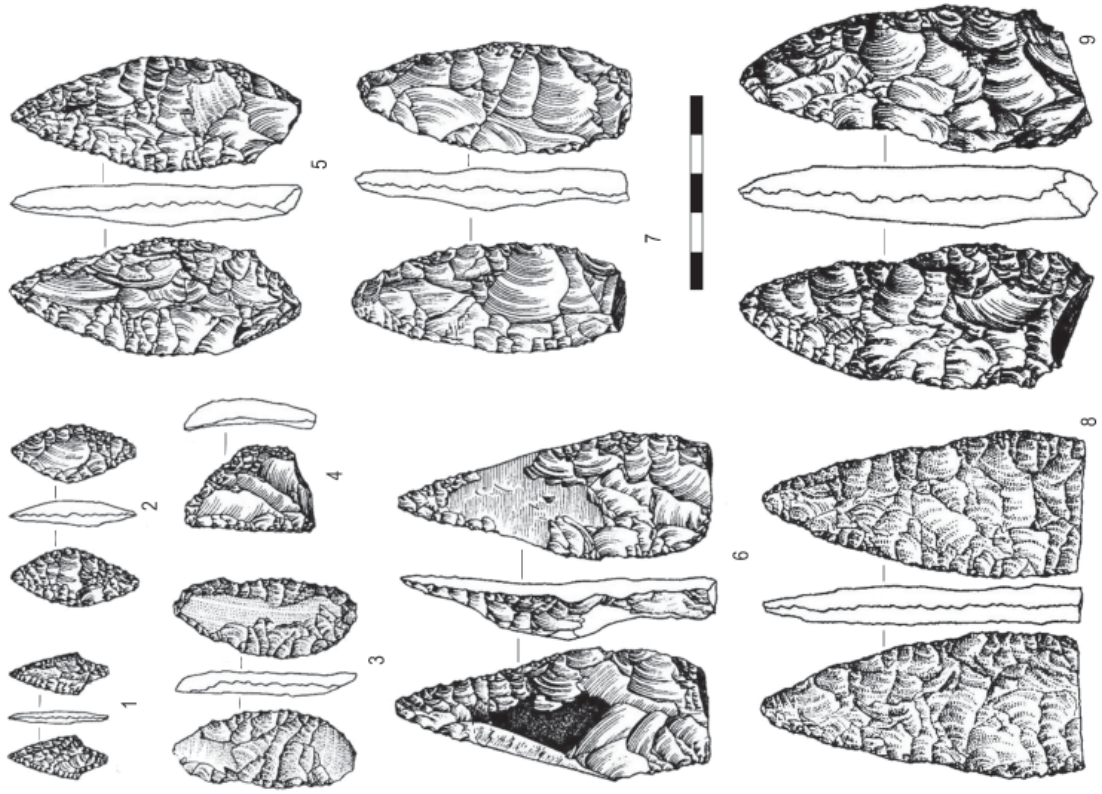


Рис. 205. Поселение Утюж V. Орудия: 1-2, 4-7, 9 – кремень; 3, 8 – кварцит.

Fig. 205. Utiuzh V settlement. Tools: 1-2, 4-7, 9 – flint; 3, 8 – quartzite.

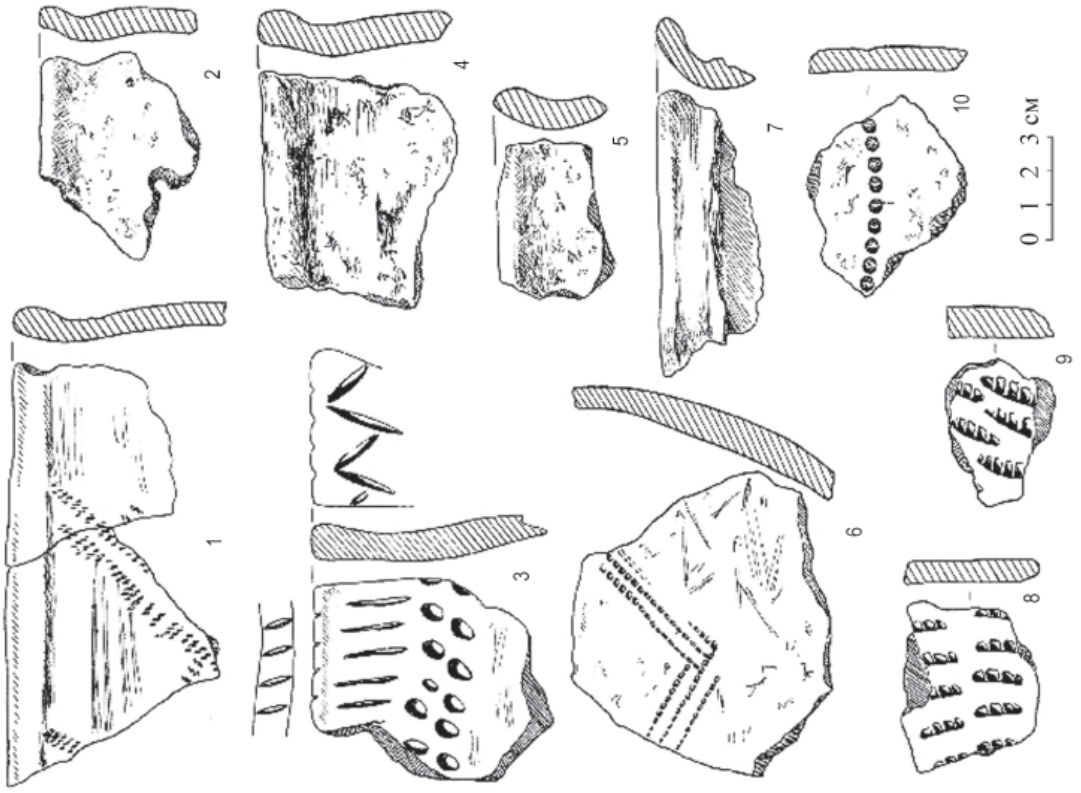


Рис. 206. Стоянка Черненькое Озеро. Керамика волосовского комплекса.

Fig. 206. Chernenkoe Ozero site. Ceramics of the Volosovo culture complex.

Рис. 207. А – ситуационный план поселений Утюж I, V и жертвенного комплекса Утюжский Бугор.
Б – фото общего вида с юга на раскоп 2010 г. жертвенного комплекса Утюжский Бугор.
Fig. 207. А – general layout of the Utiuzh I, V settlements and the Utiuzhsky Bugor sacrificial complex.
Б – general view photo from the south of the 2010 excavation of Utiuzhsky Bugor sacrificial complex.

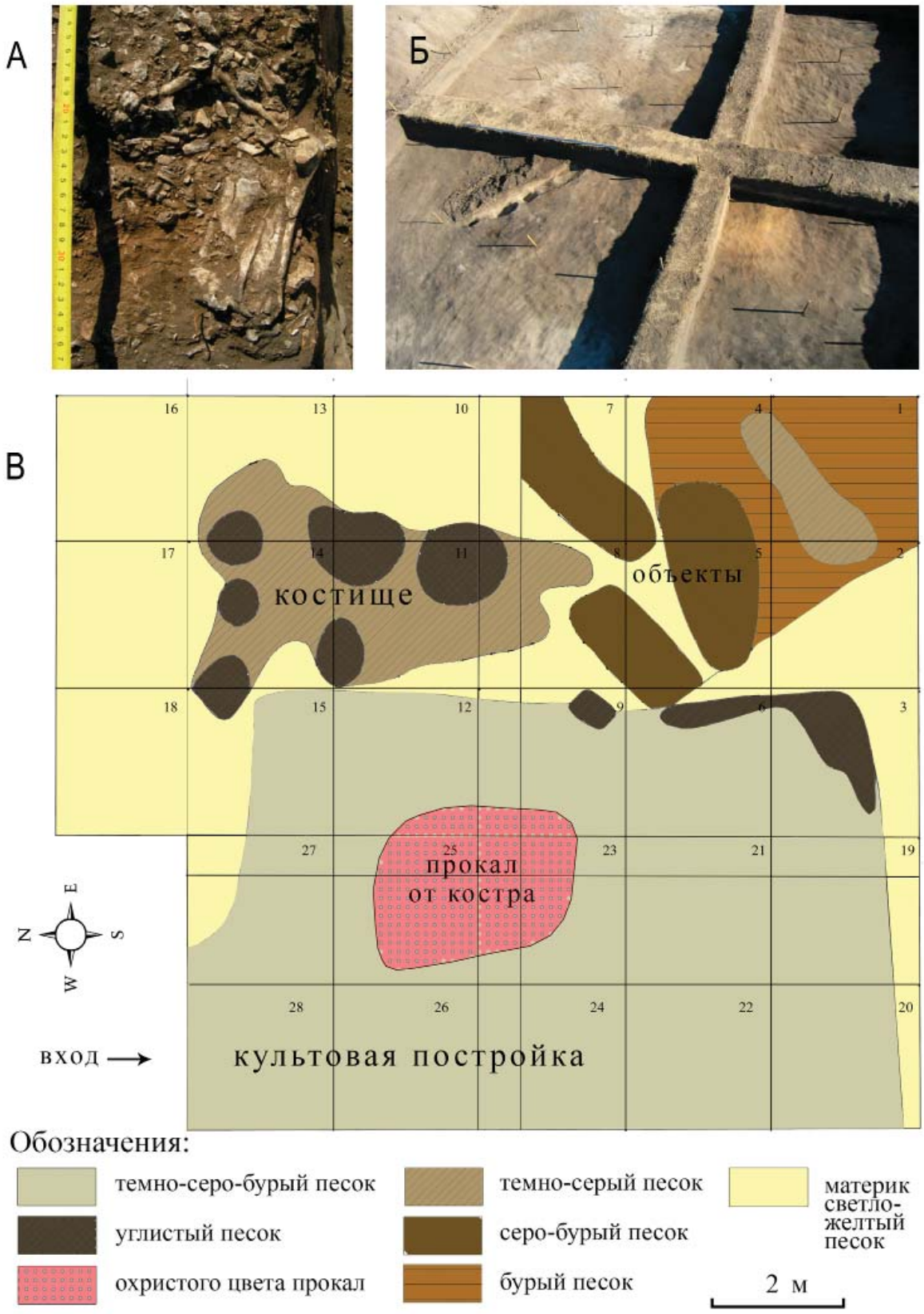


Рис. 208. Жертвенный комплекс Утюжский Бугор: А – фото расчистки обожженных костей лапы медведя в анатомической связке в костище; Б – фото зачистки культурного слоя костища и культовой постройки с прокалом в центре; В – план раскопа 2010 г.

Fig. 208. Utiuzhsky Bugor sacrificial complex: A – photo of cleared burnt bones of a bear paw in an anatomical ligament in a bone bed; Б – photo of a cleared cultural layer of the bone bed and a cult building with a burnt spot in the center; B – layout of 2010 excavation.

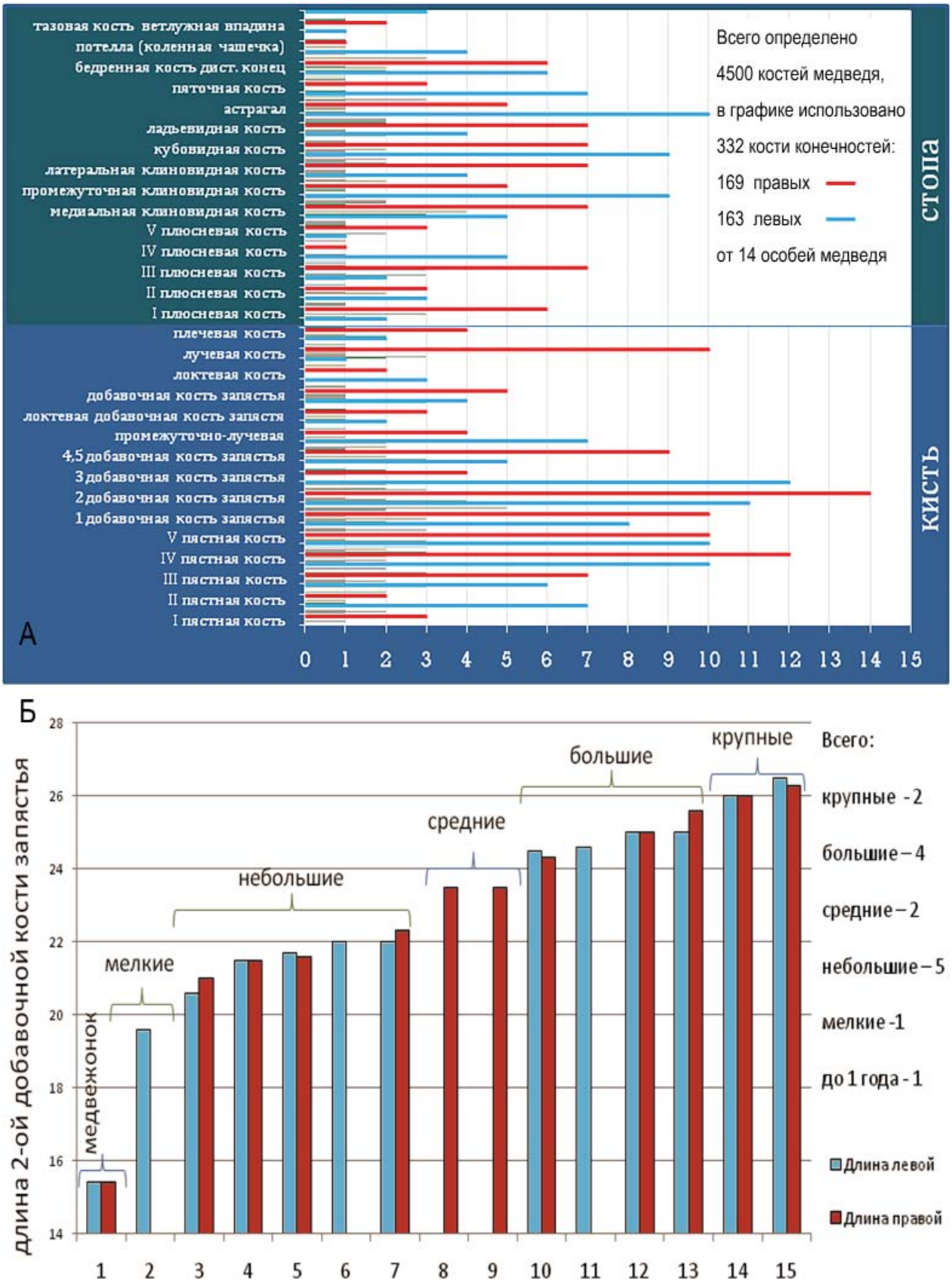
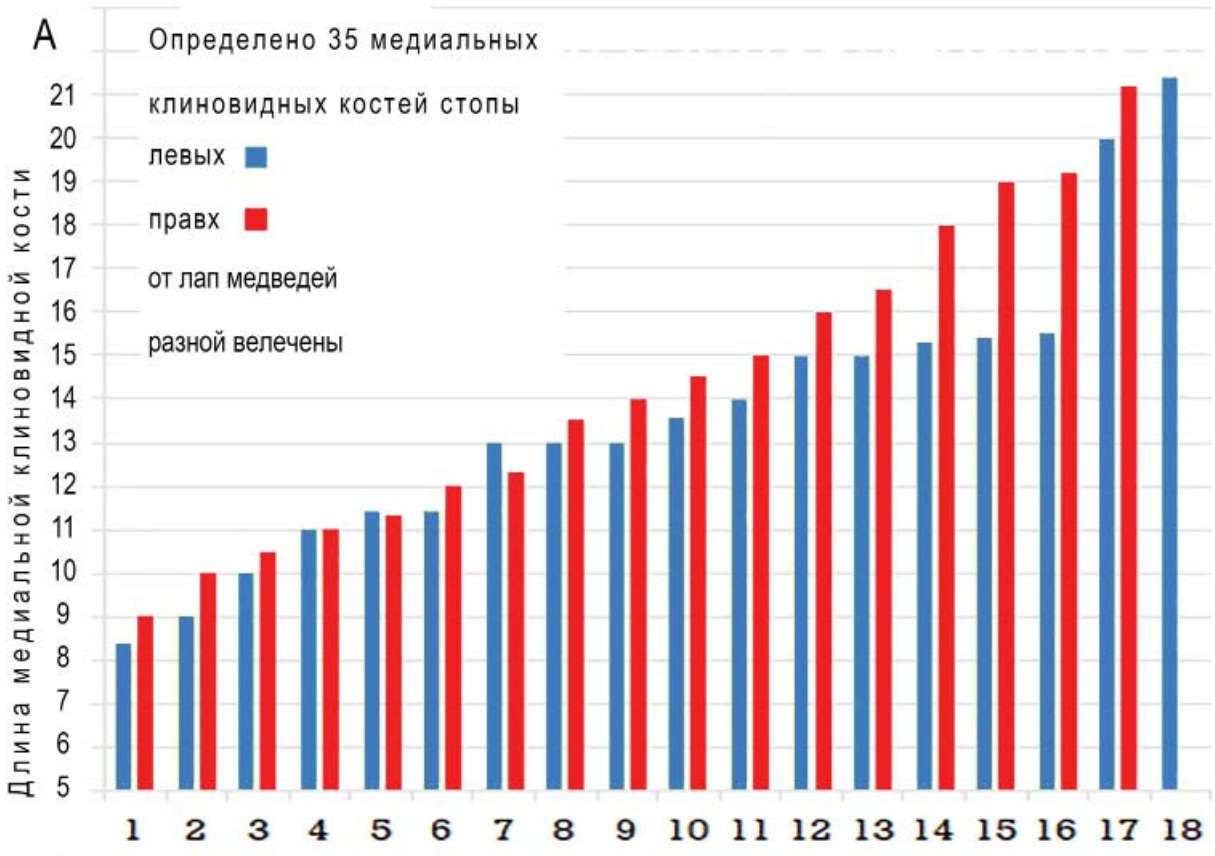


Рис. 209. Жертвенный комплекс Утюжский Бугор: А – график количества особей медведя, определенных по разным костям конечностей из костища; Б – график относительных размеров 15 особей медведя, определенных по второй добавочной кости запястья из костища.

Fig. 209. Utiuzhsky Bugor sacrificial complex: A – graph of the number of individual bears identified by different limb bones from the bone bed; Б – graph of the relative sizes of 15 individual bear determined by the second accessory carpal bone from the bone bed.



Б

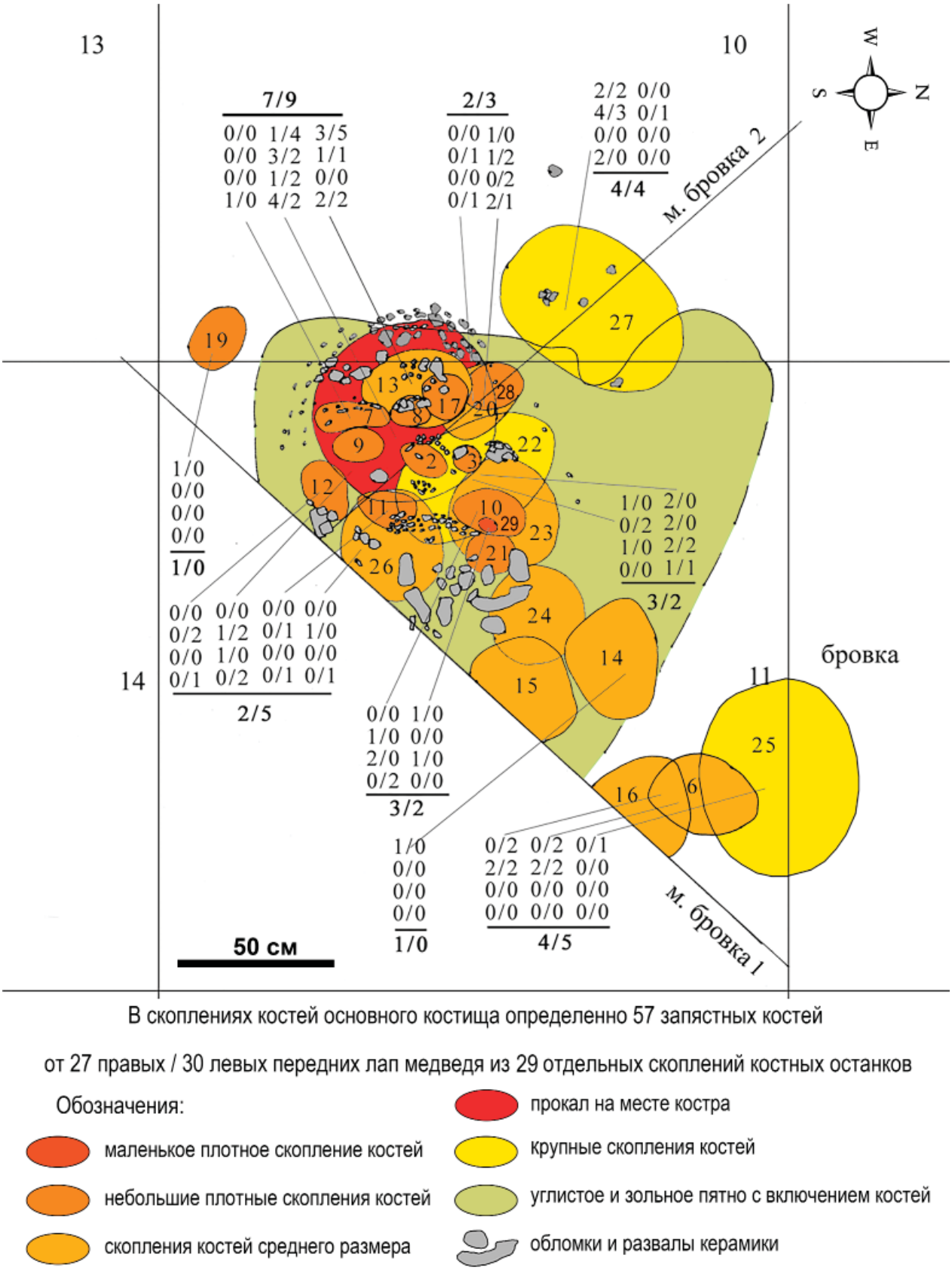
Не приросшие эпифизы передних и задних конечностей	Количество использованных костей/особей с не приросшими (Н) и приросшими (П) эпифизами.			
нижний эпифиз 2 фаланги	Н -1/1	П - 131/9		
верхний эпифиз 2 фаланги	Н - 27/3		П - 131/9	
нижний эпифиз 1 фаланги	Н - 1/1	П - 152/8		
верхний эпифиз 1 фаланги	Н -31/3		П -152/8	
нижний эпифиз метаподий	Н - 49/3			П - 147/8
Возраст	до 1 года	до 2 лет	до 3 лет	более 3 лет

Возраст 14 медведей: 1 медвежонок до 1 года;
подростки - 3 особи до 2 лет и 1 особь до 3 лет;
взрослые возрастом больше 3 лет - 9 медведей

В

Рис. 210. Жертвенный комплекс Утюжский Бугор: А – график количества особей медведя, определенных по числу костей левых и правых конечностей стопы; Б – таблица определения возраста медведей по степени прирастания эпифизов; В – кости медвежонка возрастом, примерно, 3 месяца.

Fig. 210. Utiuzhsky Bugor sacrificial complex: A – graph of the number of bear individuals determined by the number of bones in the left and right limbs of the foot; B – table for determining the age of bears by the growth degree of pineal glands; B – bones of a bear cub approximately 3 months old.



В скоплениях костей основного костища определенно 57 запястных костей

от 27 правых / 30 левых передних лап медведя из 29 отдельных скоплений костных останков

Обозначения:

маленькое плотное скопление костей

небольшие плотные скопления костей

скопления костей среднего размера

прокал на месте костра

крупные скопления костей

углистое и зольное пятно с включением костей

обломки и развалы керамики

Рис. 211. Жертвенный комплекс Утюжский Бугор. План костища с отмеченными скоплениями костей, фрагментами и развалами керамики, пятном прокала и количеством особей медведя в отдельных скоплениях, определенных по левым и правым костям запястья.

Fig. 211. Utiuzhsky Bugor sacrificial complex. Layout of a bone bed with marked bone accumulations, fragments and debris of ceramics, a burnt spot, and the number of individual bears in separate clusters identified by the left and right wrist bones.

Рис. 212. Жертвенный комплекс Утюжский Бугор: А, В – расчистки плотных скоплений костей – лап медведя в анатомических связках, Б – сохранившиеся кальцинированная пяточная кость и дистальные эпифизы бедренных костей медведя; Г, Д – расчистки крупных фрагментов сосудов в костище; Е – фото зачистки микроброки 2 костища.

Fig. 212. Utiuzhsky Bugor Sacrificial complex: A, B – cleared dense bone accumulations – bear paws in anatomical ligaments, B – preserved calcified calcaneus and distal epiphyses of the bear's femur; Г, Д – cleared large fragments of vessels in a bone bed; E – photo of a cleared micro-edge of bone bed 2.

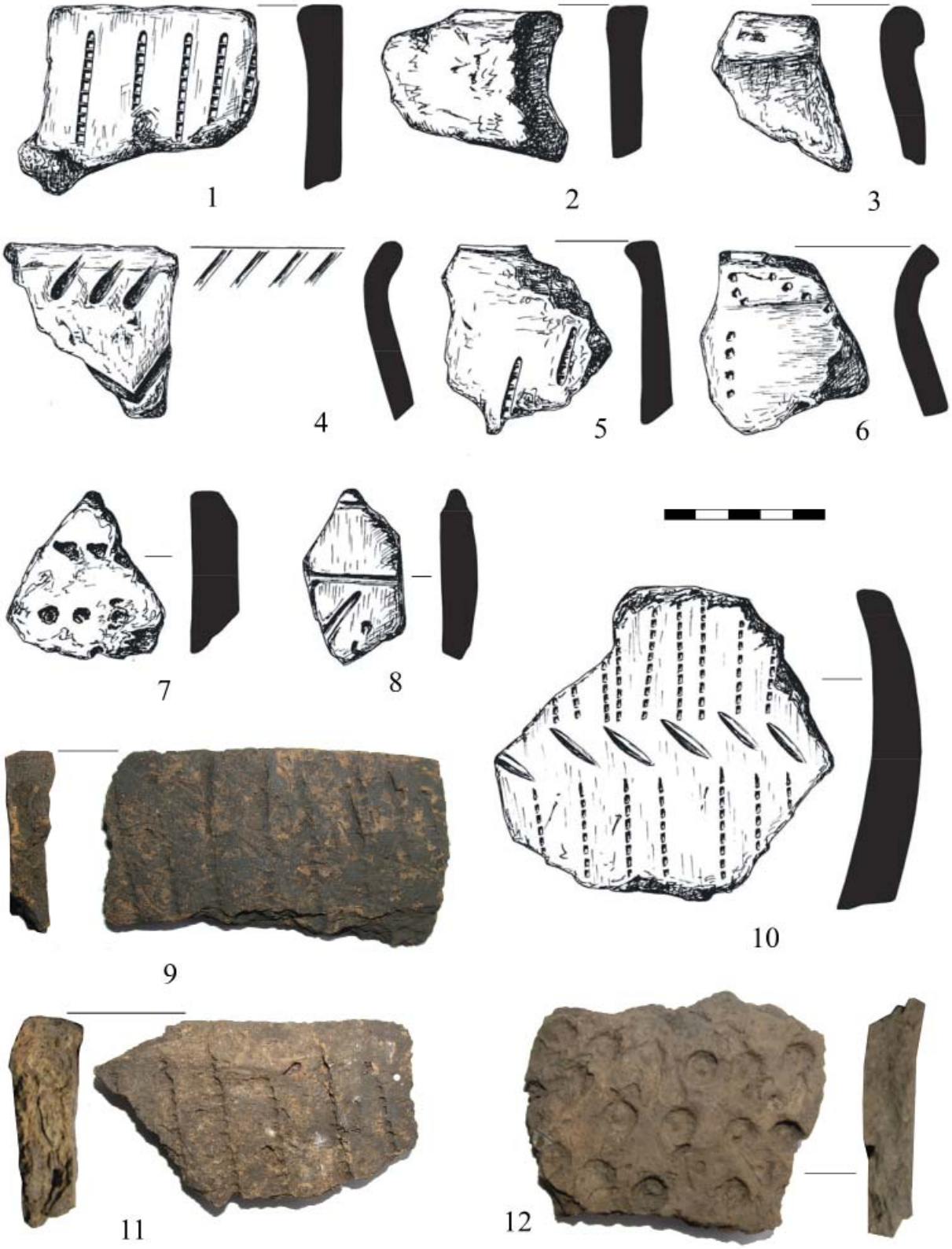


Рис. 213. Жертвенный комплекс Утюжский Бугор. Керамика.
Fig. 213. Utiuzhsky Bugor sacrificial complex. Ceramics.

Рис. 214. Жертвенный комплекс Утюжский Бугор. Фото орудий: 1-6, 9-11, 13 – кремень; 7-8 – кварцит, 12 – окаменевшее дерево.

Fig. 214. Utiuzhsky Bugor sacrificial complex. Photos of tools: 1-6, 9-11, 13 – flint; 7-8 – quartzite, 12 – petrified wood.

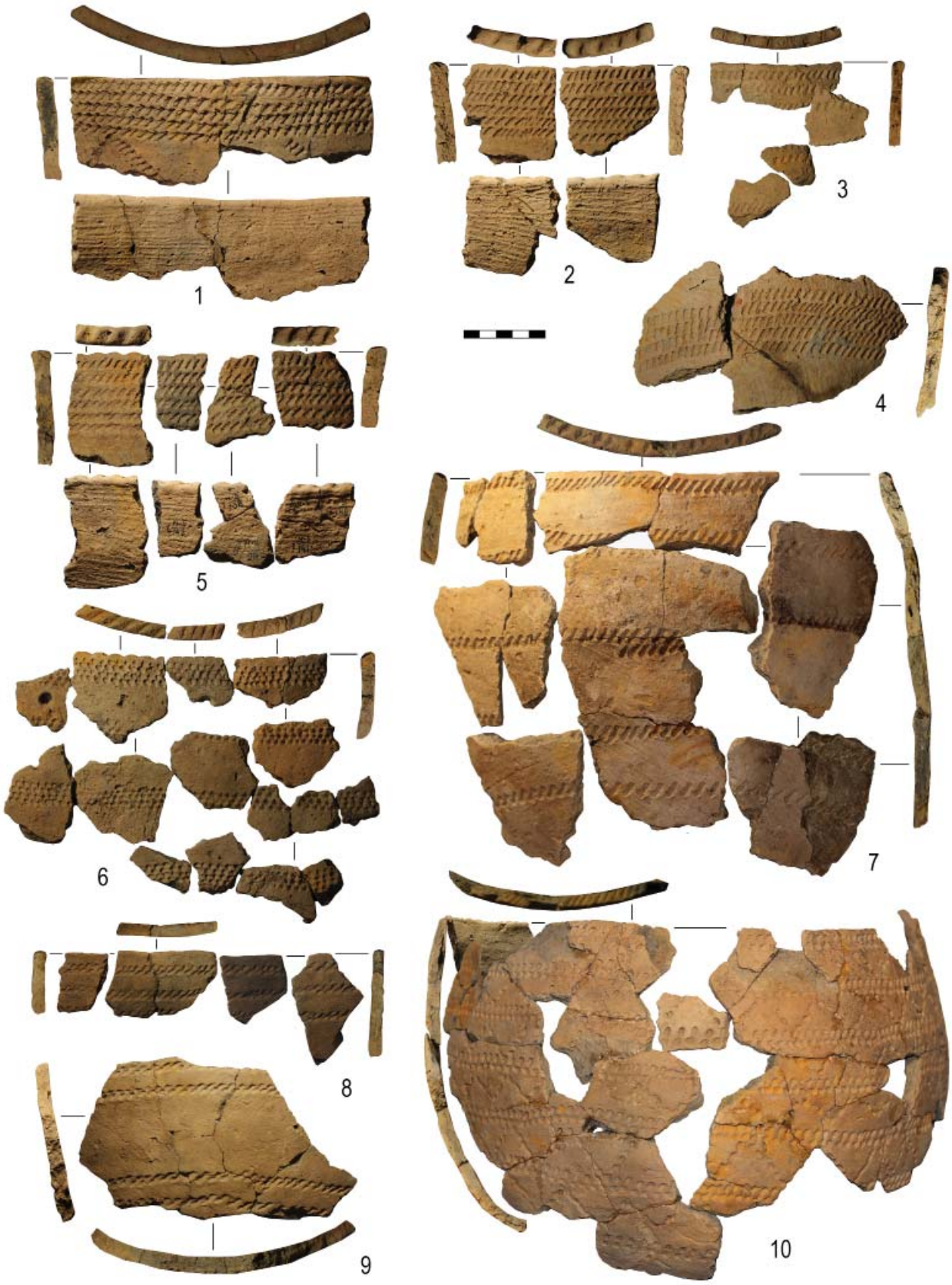


Рис. 215. Мукшумская V стоянка. Керамика энеолитического комплекса токского типа.
Fig. 215. Mukshum V site. Ceramics of the Tok cultural type from the Eneolithic complex.

Рис. 216. Мукшумская V стоянка. Керамика энеолитического комплекса токского типа.
Fig. 216. Mukshum V site. Ceramics of the Tok cultural type from the Eneolithic complex.

Рис. 217. Мукшумская V стоянка. Керамика энеолитического комплекса токского типа.
Fig. 217. Mukshum V site. Ceramics of the Tok cultural type from the Eneolithic complex.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целенаправленное исследование памятников каменного века в последние два десятилетия внесло существенный вклад в представления о культурно-исторических процессах, происходивших на территории Чувашского Поволжья начиная с финального палеолита до энеолита включительно.

Наложение ряда факторов (географических, геоморфологических и природно-климатических) способствовало сложению здесь на протяжении всех периодов каменного века контактной историко-культурной области.

На территории Чувашии до недавнего времени были известны лишь две палеолитические стоянки, которые, к сожалению, не содержали каменный инвентарь (Брюсов А.Я. 1937, Каховский В.Ф. 1964). Эти памятники представляют интерес лишь в плане перспективности поиска новых стонок. Чувашское Поволжье давно приковало к себе взгляды специалистов по палеолиту (Смолин, 1921; Ефименко, 1929; Бадер, 1957; Гарутт 1992), т.к. здесь имелись благоприятные палеогеографические условия для обитания древнего человека. Даже в самые суровые перигляциальные этапы позднеледниковья и древнего голоцена здесь сохранялись островки леса. Многочисленные находки костей четвертичных животных подтверждают эти выводы и свидетельствуют о перспективности поиска следов палеолитического человека в регионе. Одна из причин слабой изученности палеолита, видимо, состоит в том, что памятники этой эпохи скрыты от нас большими толщами глин и лессовидных суглинков и и их обнаружение является, зачастую, делом случая.

Вероятно, в межстадиальное потепление бёллинг–аллерёд (14–11 тыс. л.н.) в Чувашское Поволжье проникают группы специализированных охотников на лошадь вслед за объектом охоты из юго-восточных районов Украины. Границей между поздним бореальным периодом и началом атлантического (конец VIII – начало VII тыс. л.н.), вероятно, датируются памятники мезолита Чувашского Поволжья, имеющие развитый облик, которые вместе с памятниками Марийского Поволжья, образуют одну культурную группу – русско-луговскую археологическую культуру.

Самые ранние неолитические стоянки отмечены в Алатырском Присурье и относятся к концу раннего этапа елшанской культуры, они датируются началом последней четвертью VI тыс. до н.э. Это самые северо-западные памятники данной культуры, и именно с ее носителями следует связывать процесс неолитизации названной территории. Вероятно, елшанская культурная традиция, выраженная в остродонности сосудов и наличие только ряда ямочных вдавлений под венчиком, в Чувашском Поволжье сохраняется до второй половины V тыс. до н.э. Елшанская культурная традиция при участии южных компонентов в дальнейшем приводит к появлению в Чувашском Поволжье во второй половине V тыс. до н.э. памятников с накольчатой керамикой. Видимо, присурские комплексы с острыми донцами имеют более раннюю позицию по отношению к заволжским, где фиксируются сосуды с накольчатым оранаментом только с плоскими днищами.

В конце V тыс. до н.э. в Чувашском Поволжье появляются носители неолитической гребенчатой керамической традиции, которые на определенном этапе сосуществуют с племенами, изготавливавшими посуду с накольчатой орнаментацией. По совокупности признаков (форме сосудов, венчиков, орнаментальным композициям) гребенчатые комплексы Чувашского Поволжья близки к керамике с гребенчатым орнаментом памятников Сурско-Мокшанского междуречья, а также памятников раннего и развитого этапов камской культуры, таких, как Заират и Лебединская II. Территория Чувашского Поволжья, видимо, представляла в этот период западную окраину камского (гребенчатого) мира.

На рубеже V и IV тысячелетий до н.э. из Волго-Окского междуречья в регионе появляются носители архаичных традиций льяловской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Их контакты с исходной территорией сохраняются и на протяжении последующего раннего этапа. В дальнейшем носители льяловской керамики в Чувашском Поволжье имеют свою линию развития, и наиболее близкие параллели которой обнаруживаются в памятниках Марийского Поволжья. О кратковременных контактах с родственными группами Волго-Окского междуречья на более поздних этапах могут говорить малочисленные находки с редкоямочным орнаментом на посуде в Чувашском Поволжье. Единичные «воротнички» на сосудах ямочно-гребенчатой керамики Чувашского Поволжья, вероятно, объясняют-

ся контактами с энеолитическими степными культурами.

Эпоха энеолита отмечена появлением в регионе памятников хвалынской степной энеолитической культуры, датируемой по аналогии с материалами Самарского Поволжья началом VI тыс. до н.э. Носители хвалынской культуры, по всей видимости, не оставили заметных следов в неолитической среде местных племен. Миграции южных степных племен отмечены появлением в материалах левобережья Волги памятников с керамикой токского типа, датируемых последней третью VI тыс. до н.э., которые также не оказали заметного влияния на развитие археологических культур. Волосовская археологическая культура энеолита представлена в Чувашском Поволжье комплексами керамики красномостовского (протоволосовского) типа и памятниками волосовской культуры с заметным влиянием южных постсреднестоговских традиций с кварцитовым инвентарем, а также поздними энеолитическими комплексами выжумского типа, в материальной культуре которых отмечены первые признаки металлообработки в конце III тыс. до н.э.

SUMMARY

The monograph is dedicated to the study of the Stone Age sites of the Chuvash Volga region carried out under the supervision or with the participation of the author in the 1990s – early 2000s. Over 50 sites dating back to the period from the final Paleolithic to the Eneolithic are introduced into scientific discourse. The author provides a description of the reference Stone Age sites and suggests a scheme of the region's historical and cultural development. The book consists of an introduction, eight main chapters, a conclusion, a bibliography, a list of abbreviations. The sites are described in chronological order.

The introduction features a justification for the chronological framework of the studies, reveals the sources, and the main methodological approaches to the description of complex multilayer sites and collections of excavated material from deteriorating sites. The suggested primary cultural and chronological unit is a complex (ceramic and/or stone) obtained at a single site and belonging to a single cultural group or type. Reference sites of the region are separately indicated for each period. In the end section the author expresses his gratitude to teachers, colleagues, students, and editors.

The first chapter features a description of the history of field studies of the Stone Age sites located in the territory of the Chuvash Volga region, starting with stone tools accidentally collected at the end of the 19th century and the first scientific archaeological studies of the region in the 1220s, and ending with the studies of the early 21st century. It is proposed to distinguish four stages in its study: initial stage (mid-19th century – 1921), second stage – starting with the first scientifically established archaeological works (1921 – 1956), third period – from the foundation of the Chuvash archaeological expedition (1956 – late 1990s), and fourth – the period of purposeful studies of the Stone Age sites (starting with the early 21st century).

The second chapter presents an analysis of the natural–geographic and paleo–climatic conditions of the region in question. The chapter outlines the geographic location of the Chuvash Volga region and its main geomorphological, hydrological and landscape characteristics. The author notes the presence of various natural–climatic and forest areas, which influenced the colonization of the territory and the formation of a contact historical and cultural area. The characteristics of the dynamics of climate and landscapes in the region are provided for a period of 24 – 2.5 thousand years AD, starting with the Late Valdai glacial maximum and ending with the Subboreal period of Holocene. A total of 14 deposits of flint raw materials are described, and the potential sources of its import to the sites of the Middle Sura River region are outlined. Information on the locations of the bones of the mammoth quaternary fauna in the region is provided in relation to the prospect of searching for Paleolithic sites.

The third chapter includes a description of the results of the study of final Paleolithic and Mesolithic sites of the region. The final Paleolithic site – the Sholma I camp–workshop with stone and bone tools – was studied by excavations. The available Mesolithic sites have various representation degrees – some of the Mesolithic settlements have been explored by excavations, such as the Yandashevo, Mukshum X, XIV and XVIII sites and the Utiuzh I settlement, while others are characterized by fairly representative collections of excavated material collected at deteriorating sites. The Sholma I camp–workshop site was probably associated with a group of specialized horse hunters who advanced from the area of the Middle Don – Seversky Donets Rivers in the late Allerod warming period. Perhaps, the further fate of these hunters was associated with the Ust-Kama archaeological culture studied in the confluence of Kama and Volga territory. The Mesolithic sites studied in the region correspond to the Russian-Lugovaya culture of the Late Mesolithic, which existed in the Boreal – early Atlantic periods.

The fourth chapter is dedicated to Early Neolithic sites with poorly ornamented ceramics. Sites of the Elshanka culture were identified and investigated for the first time in the Middle Sura region. The Elshanka complexes have been identified at two sites – the multilayer settlement of Utiuzh I and the Molebnoe Ozero site, and the remains of residential constructions with broken vessels have been studied. A well-preserved cultural layer was investigated at the Viunovo Ozero site, which allowed to reconstruct a residential construction where a broken vessel and flint tools were discovered. These sites indicate that the carriers of Elshanka ceramic tradition migrated northwest of the Samara Volga region in the last quarter of the 6th Millennium BC. This tradition was developed in the Middle Sura region in the second half of the 5th millennium BC, and obviously influenced the other cultures of the Early Neolithic.

The next chapter characterizes the sites of the early Neolithic with punctured ornaments on vessels. In the territory of the Chuvash Volga region, they were discovered for the first time, and are represented by the finds from the Alatyr Sura region, which include materials from the excavations of the Utiuzh I multilayer settlement, Chernenkoe Ozero and Viunovo

Ozero sites. Besides ceramic finds with punctured ornament were discovered at the sites of the Mukshum complex in the area of Chuvash trans–Volga. These materials date back to the second half of the 5th – the beginning of the 4th millennium BC and have broad parallels with the early Neolithic punctured ceramics complexes of the forest–steppe and steppe regions, showing greatest similarity with the sites of the Moksha River and Mari Volga regions.

The sixth chapter is dedicated to the early Neolithic sites of the Chuvash Volga region with comb ornamentation of ceramics of the Kama archaeological culture. These few but vivid ceramic complexes have been obtained at the multilayered sites of the Middle Sura – Utiuzh I, Molebnoe Ozero, Viunovo Ozero, Chernenkoe Ozero, and excavated materials from the destroyed sites of the Mukshum complex in the Chuvash trans–Volga region. These materials belong to the early and developed stages of the Kama culture and have broad analogies in the forest and forest–steppe zones of the Kama–Vyatka interfluve, the Lower Kama region, the Mari Volga region and the Moksha River region, dating back to the last quarter of the 5th – the early 4th Millennia BC.

The seventh chapter describes the Neolithic sites with pit-and-comb ornaments on the vessels. Stationary and exploratory excavations have allowed to investigate the multilayer sites on the Tsivil River – the Novaia Derevnia settlement and Utyuzh complex of sites in the Middle Sura River region. On the left bank of the Volga River, sites with pit-and-comb ceramics were flooded by the Cheboksary reservoir due to their low altitude location and are represented by collections of excavated material. The investigated materials reveal parallels in the complexes of the archaic and early stages of the Lialovo culture, the chronological framework of which is determined as the period from the turn of the 5th – 4th Millennium BC to the mid–4th Millennium BC, whereas the Middle Sura complexes are more largely attributed to the northern trans-Volga sites.

The Eneolithic sites represented by several cultural groups are discussed in the eight chapter. During the excavations of the Utyuzh complex in the Middle Sura region, traces of a settlement of the Khvalynsk culture were discovered, characterized by a set of tools on large and medium-sized blades, which can be dated to the beginning of the 4th Millennium BC. Ceramic complexes of the Krasny Most type of proto–Volosovo culture of the late 4th – mid-3rd millennium BC were also discovered at the site, including the materials of the Volosovo culture, some of which were probably influenced by their southern neighbors – representatives of the Khvalynsk–Sredny Stog cultural tradition. The Tok cultural type ceramic complex discovered on the left bank of the Volga River and dated the last third of the 4th Millennium BC is associated with the steppe Volga region. Materials of the Late Neolithic Vyzhum cultural type with the first evidence of the origin of metalworking, indicating the end of the Eneolithic era at the end of the 3rd Millennium BC, were studied during the excavations of the Novaia Derevnia site on the Tsivil River.

Every chapter is provided with representative illustrative material – drawings and photographs of stone tools and pottery, including maps and diagrams.

All chapters have a conclusion briefly summarizing the main provisions and findings concerning the dynamics of cultural and chronological processes which took place in the Chuvash Volga region in the period from the final Paleolithic to the Eneolithic.

The monograph contains a detailed list of used archival and literary sources, and a list of abbreviations.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абатуров А.М. Полесья Русской равнины в связи с проблемой их освоения. М.: Мысль, 1968. 246 с.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 159 с.

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 112 с.

Андреев К.М. Некоторые дискуссионные вопросы изучения раннего неолита лесостепного Поволжья // Самарский научный вестник. 2017. № 2 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-diskussionnye-voprosy-izucheniya-rannego-neolita-lesostepnogo-povolzhya (дата обращения: 28.01.2021).

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. №3. С. 193–199.

Андреев К.М., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королев А.И., Сидоров В.В. Ранненеолитический керамический комплекс стоянки Утюж I (по материалам раскопок 2011-2012 годов) // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 267–274.

Андреев С.И. Почвы Чувашской АССР. Т. I. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1971. 358 с.

Архангельский Н.А. Курганы в Туруновском и Мало-Шатьминском приходах Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. 1896. Т. 13. Вып. 4. С. 287–289.

Архангельский Н.А. Из археологической экскурсии в 1898 году по Ядринскому уезду // ИОАИЭ. 1900. Т. 16. Вып. 1. С. 72–78.

Архангельский Н.А. Археологические достопримечательности Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. 1900а. Т. 16. Вып. 2. С. 213–225.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2. / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 5–40.

Атлас земель сельскохозяйственного назначения Чувашской Республики: Атлас–монография / Гл. ред. С.Э. Дринев. Чебоксары: Мин-во природных ресурсов и экологии Чувашской Респ., 2007. 184 с.

Бадер Н.О. Отчет о работах палеолитического отряда Куйбышевской экспедиции, проведенных в июле 1957 г. Н. Бадером и В. Пушкарским / НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хран. 558. Инв. № 1574.

Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. № 172. М.: Наука, 1973. С. 99–106.

Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 44–51.

Бадер О.Н., Калинина И.В. Саузовская I стоянка // Тр. КАЭЭ ПГПУ. Вып. 3. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2003. С. 11–30.

Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 77–80.

Березин А.Ю., Березина Н.С. Результаты изучения остеологического материала стоянки-мастерской Шолма I (по итогам раскопок 2007 г.) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 113–127.

Березин А.Ю., Березина Н.С., Бессуднов А.Н. Предварительное сравнение краниологии лошади из верхнепалеолитического памятника Дивногорье-9 (Воронежская обл.) с кабалоидными лошадьми Евразии // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 12–24.

Березин А.Ю., Петрова Е.А., Березина Н.С. Находка мамонта (Mammuthus primigenius) в Красночетайском Присурье у д. Хвадукасы // Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский» Т. 7. / Отв. ред. Л.В. Егоров. Чебоксары–Атрат: Гос. заповедник «Присурский», 2001. С. 112–118.

Березина Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского, Чебоксарского и Цивильского районов Чувашской Республики в 2001 г. Чебоксары, 2002 / Архив ИА РАН. Р-1. № 26401

Березина Н.С. О некоторых итогах изучения мезолита Чувашского Поволжья // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь: ПГУ, 2003. С. 35–39.

Березина Н.С. К вопросу о контактах племен леса и лесостепи в конце мезолита и неолите // Археология Восточноевропейской лесостепи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции,

посвященной 100-летию со дня рождения видного российского археолога А.Е. Алиховой (11-14 ноября 2002) / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2003а. С. 26–33.

Березина Н.С. Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Заволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 22–59.

Березина Н.С. Раскопки мезолитической Мукшумской XIV стоянки в Чувашском Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006а. С. 233–240.

Березина Н.С. Исследование стоянки Новая Деревня в Цивильском районе Чувашской Республики // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. 19-20 декабря 2006 г. Кн. 2 / Ред.-сост. Е.П. Михайлов, Т.Н. Иванова. Чебоксары: ЧГИГН. Чебоксары, 2009. С. 140–161.

Березина Н.С. Новые археологические памятники Чувашии (по итогам археологических разведок 2000-2003 гг.) // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. 19-20 декабря 2006 г. Кн. 2 / Ред.-сост. Е.П. Михайлов, Т.Н. Иванова. Чебоксары: ЧГИГН Чебоксары, 2009а. С. 223–273.

Березина Н.С. Ранний неолит Чувашского Поволжья // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 42–52.

Березина Н.С. К вопросу о технике скола пластин в мезолите Чувашского Поволжья (на примере Мукшумской XVIII стоянки) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 4(26). С. 98–106.

Березина Н.С. Ранний неолит Чувашского Поволжья и проблемы неолитизации / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Научные доклады. Вып. 3. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 28 с.

Березина Н.С. Новые памятники каменного века Среднего Присурья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.–М.–Великий Новгород: ИА РАН, 2011в. С. 105–106.

Березина Н.С. Ранний неолит Чувашского Поволжья // Тверской археологический сборник (Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Вып. 8. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 184–192.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья. Дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2011а. 343 с.

Березина Н.С. Итоги исследования Мукшумской X стоянки эпохи мезолита на территории Чувашского Заволжья // Чувашская Археология. Вып. 1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 136–146.

Березина Н.С. К вопросу о мезолите Чувашского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / АЭМК. Вып. 31 / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2016. С. 50–56.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Новые данные об археологических памятниках Государственного природного заповедника «Присурский» // Научные труды государственного заповедника «Присурский». Т. 7 / Отв. ред. Л.В. Егоров. Чебоксары–Атрат: Гос. заповедник «Присурский», 2001. С. 155–159.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Новые археологические памятники эпохи камня в Чувашском Заволжье // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Gumanitarya, 2002. С. 131–138.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Интересная находка боевого топора // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Gumanitarya, 2002а. С. 129–130.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья (по материалам археологических разведок 1999–2001 гг.) // Новые археологические исследования в Поволжье / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 89–171.

Березина Н.С., Березин А.Ю. Результаты исследования стоянки Новая Деревня на р. Цивиль в Чувашской Республике // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 27–37.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Палеолитическая стоянка-мастерская Шолма 1 // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар. 27–30 мая 2004 г.) / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006. С. 54–62.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Предварительные итоги изучения каменного инвентаря стоянки Новая Деревня на р. Цивиль // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 62–69.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Верхнепалеолитическая стоянка-мастерская Шолма I в Чувашии: палеогеография, промысловая фауна и жизнеобеспечение // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 108–110.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А. Опыт комплексного изучения верхнепалеолитической стоянки Шолма-I в Среднем Поволжье: материальная культура и среда обитания // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлГУ, 2009. С. 253–256.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш. Хисяметдинова А.А., Чурбанов А.А. Промежуточные итоги исследования стоянки Шолма I // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фән, 2009а. С. 251–308.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Коноваленко А.В. Вклад краеведа Юрия Борисовича Новикова в изучение археологических памятников Присурья // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 31–67.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Мясников Н.С. «Утюжки» с Мукшумских неолитических стоянок Заволжья // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 87–96.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Эльмобарак Джафар О.В., Выборнов А.А., Сидоров В.В., Шалапинин А.А. Многослойный памятник неолита–энеолита Утюж V в Алатырском Присурье (работы 2009 года) // Чувашская Археология. Вып. 1 / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 156–182.

Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России: мат-лы межрег. науч. конф., посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Вып. 3. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2007. С. 14–23.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Кондратьев С.А., Шалапинин А.А. Сидоров В.В. Черненькое Озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье // Материалы по истории и археологии России. Т. 1 / Отв. ред. В.М. Буланкин. Рязань: Александрия, 2010. С. 61–75.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Березин А.Ю. Ранненеолитическая стоянка Вьюново Озеро I в Среднем Посуре // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2013. С. 195–201.

Борисова О.К. Палеогеографическая реконструкции для зоны перигляциальных лесостепей Восточной Европы в позднем дриасе // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. / отв. ред. А.А. Величко. М.: Институт географии РАН, 1994. С. 125–149.

Брюсов А.Я. Палеолитическая стоянка у с. Улянк в Чувашской АССР (1937 г.) / Фонды Чувашского национального музея. Д. 25. № ВМ 4495.

Буров Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Путеводитель по археологическим памятникам. Ульяновск: Приволжское книжное изд-во, 1980. 120 с.

Бутаков Г.П. Плейстоценовый перигляциал на востоке Русской равнины. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986, 144 с.

Бутаков Г.П., Глейзер И.В. Ритмичность лессово-почвенных образований и последовательность событий в цикле перигляциал–межледниковье на востоке Русской равнины // Тезисы докладов Международного симпозиума «Четвертичная стратиграфия и события Евразии и Тихоокеанского региона» / Отв. ред. И.И. Спасская. Якутск: Якутский науч. центр СО РАН, 1990. С. 35–37.

Васильев И.Б. К проблеме взаимодействия индо-европейских и финно-угорских культур // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПИ, 1994. С. 205–218.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 112 с.

Васильева И.Н. К вопросу о развитии гончарных традиций в Поволжье в эпоху неолита // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 97–118.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 216–229.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.

Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. М.: Наука, 1973. 256 с.

Величко А.А. Устойчивость ландшафтной оболочки и ее био- и георазнообразие в свете динамики широтной зональности // Известия АН СССР. Серия Географическая. №5. 1983. С. 7–21.

Величко А.А., *Гричук В.П., Гуртовая Е.Е., Зелексон Э.М.* Палеоклимат территории СССР в оптимум последнего (микулинского) межледниковья // Известия АН СССР. Серия Географическая. 1983. № 6. С. 30–45.

Величко А.А., *Дренова А.Н., Климанов В.А., Кременецкий К.Л.* Изменение климата в Восточной Европе и Сибири на рубеже позднеледниковья и голоцена // Пути эволюционной географии (итоги и перспективы). К семидесятилетию А.А. Величко / Отв. ред. И.И. Спасская. М.: Ин-т географии РАН, 2002. С. 186–206.

Величко А.А., *Морозова Т.Д.* Брянская ископаемая почва, ее стратиграфическое значение и природные условия формирования // Лёсс, погребенные почвы и криогенные явления на Русской равнине / Отв. ред. А.А. Величко. М.: Ин-т географии АН СССР, 1972. С. 71–114.

Величко А.А., *Старкель Л.* Палеогеографическая основа современных ландшафтов. М.: Наука, 1994. 205 с.

Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2002. С. 274–283.

Вискалин А.В. Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка) // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: Пензенский гос. краеведческий музей, 2003. С. 41–57.

Вискалин А.В. Елшанка XI – новая стоянка средневолжской неолитической культуры на Верхней Свияге // Исторические исследования. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГПУ, 2004. С. 144–154.

Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: материалы научно-практической конференции. Чебоксары. 19–20 декабря 2006 г. Кн. 2 / Ред.-сост. Е.П. Михайлов, Т.Н. Иванова. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 41–72.

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Ставицкий В.В. Мезолитический комплекс Ховринского поселения на р. Барыш // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2000. С. 12–22.

Восточноевропейские широколиственные леса / Под ред. О.В. Смирнова. М.: Наука, 1994. 364 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Гослар Т., Джалл Т., Посснерт Г., Пиецонка Х., Филиппсен Б. Новые данные о раннем неолите Среднего Посурья // Чувашская Археология. Вып. 2 / Науч. ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 26–31.

Выборнов, А.А. Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 36–45.

Выборнов, А.А. Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., Березина Н.С., Вискалин А.В., Ставицкий В.В. Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья // Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский ун-т, 2008. С. 20–25.

Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Изв. СНЦ РАН. Т. 11. Вып. 6. Самара, 2009. С. 282–284.

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Самарский научно-технический центр, 2006. С. 113–120.

Выборнов А.А. Королев А.И., Мамонов А.Е. Комплекс каменного века поселения Лебяжинка V // Исторические исследования. Вып. 4 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 2002. С. 163–176.

Габяшев Р.С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 35–46.

Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дисс…канд. ист. наук. Казань, 1978. 20 с.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.

Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском взвозе в 1989–1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ, 1992. С. 5–16.

Галимова М.Ш. О территории усть-камской культуры // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимова АНТ, 1994. С. 6–16.

Галимова М.Ш. Тетюшская 3 стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья / Науч. ред. П.Н. Старостин. Казань: Фест, 1996. С. 23–77.

Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.–Казань: Янус-К, 2001. 272 с.

Галимова М.Ш. Проблемы интерпретации результатов функционального анализа позднепалеолитических – ранненеолитических каменных индустрий Среднего Поволжья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 65–132.

Галимова М.Ш. Отчет об охранных раскопках Мукшумской 14 стоянки в Чебоксарском районе Чувашской Республики в 2008 году. Казань, 2009 / Архив ИА РАН.

Гарутт Н.В. Морфология, эволюция и стратиграфия носорогов рода Coelodonta antiquitatis (Blumenbach, 1799) из коллекции геолого-минералогического музея Казанского университета // Волжская фауна плейстоценовых млекопитающих в геолого-минералогическом музее Казанского университета / Науч. ред. И.С. Муравьев, И.Г. Солодухо. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1992. 76–107.

Геологическая карта Российской Федерации. Карта четвертичных образований. Лист О-(38), 39. Карта составлена в Волжском ГГП «Волгагеология». Автор Чумаков О.Е. Утверждена НРС Роскомнедра при ВСЕГЕИ в 1995 г.

Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев–Луганск, 2001. 351 с.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Литолого-фациальные особенности культурных слоев некоторых долговременных поселений позднего палеолита Восточной Европы // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика / ред. С.А. Сычева, А.А. Узянов. М.: НИА Природа, 2006. С. 160–180.

Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Роль циклов рельефообразования в расселении позднепалеолитических сообществ на Восточно-Европейской равнине // Вестник антропологии. Вып 15. Ч. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2007. С. 120–127.

Гричук В.П. Растительность Европы в позднем плейстоцене // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет / Отв. ред. И. П. Герасимов, А. А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 92–109.

Гугалинская Л.А., Алифанов В.М., Березина Н.С., Березин А.Ю., Хисяметдинова А.А., Попов Д.А., Вагапов И.М., Овчинников А.Ю., Кондрашин А.Г., Рапацкая К.М. Палеоэкология почвообразования на финальнопалеолитическом поселении Шолма I (Приволжская возвышенность, Чувашское плато) // Изв. СНЦ РАН. 2010. №1(4). Т. 12. С. 1006–1010.

Гугалинская Л.А., Алифанов В.М. Ископаемые почвы позднего плейстоцена и особенности почвообразовательного процесса по материалам поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Отв. ред. Н.О. Бадер. М.: Научный мир, 1998. С. 240–257.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 237 с.

Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. Атлас–монография. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Величко. М. ГЕОС, 2002. 232 с.

Об охране окружающей среды Чувашской Республики в 2006 году: доклад / Министерство природных ресурсов и экологии Чувашской Республики. Чебоксары, 2007. 127 с.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное I / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 1997. 158 с.

Ефименко П.П. Материалы Средневолжской экспедиции 1926 г. / Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 239, 240.

Ефименко П.П. Средне-Волжская экспедиция 1926–1927 гг. Работы палеоэтнологического отряда в Чувашской Республике // СГАИМК. Т. II. Л., 1929. С. 171–172.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. 1968. № 2. С. 126–134.

Износков И.А. Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии // ИОАИЭ. 1884. Т. 3. С. 73−84.

Иконникова Л.С. Отчет о геолого-структурной съемке Чебоксарского Поволжья в пределах планшетов О–38–142–Г и О–38–143–В и Г. Горьковское геологическое управление. г. Горький в 1946 г. / Архив ФГУ «Территориальной геологический фонд» по ПФО в г. Чебоксары. Д. 34.

Калинина И.В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. Вып. 20 Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: изд-во Гос. Эрмитажа, 1979. С. 5–27.

Капустин А.П. Молдавская А.К. Результаты структурно-картировочного бурения на Марпосадском поднятии Чувашской АССР в 1948 / Архив ФГУ «Территориальной геологический фонд» по ПФ в г. Чебоксары. Д. 56.

Каховский В.Ф. Итоги работ 4 (3) отряда Чувашской археологической экспедиции за 1958 и 1959 годы // УЗ ЧНИИ. Вып. 25. Чебоксары, 1964. С. 29–72.

Каховский В.Ф. Итоги работ Чувашского отряда Поволжской археологической экспедиции в 1968 г. // УЗ ЧНИИ. Вып 47. Чебоксары, 1969. С. 3–24.

Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // УЗ ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978. С. 8–55.

Каховский Б.В. Археологическая разведка в бассейне р. Цивиль в 1978 г. Чебоксары, 1979 / Архив ИА РАН. Р-1. № 7198.

Климанов В.А. Климат Восточной Европы в климатический оптимум голоцена (по данным палинологии) // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А. А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 251–258.

Климанов В.А. Климат Северной Евразии в позднеледниковье (последний климатический ритм) // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет / отв. ред. А.А. Величко. М.: Ин-т географии РАН, 1994. С. 61–73.

Климанов В.А. Связь современных спорово-пыльцевых спектров из северной половины Европейской части России с климатическими характеристиками // Палинология в биостратиграфии, палеоэкологии и палеогеографии. Тезисы докладов VIII Всероссийской палинологической конференции. М: Геологический ин-т и Ин-т географии РАН, 1996. С. 63–192.

Коломыц Э.Г. Бореальный экотон и географическая зональность: атлас–монография. М.: Наука, 2005. 390 с.

Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 87–92.

Королев А.И. Многослойное поселение Имерка VIII на р. Вад // Историко-археологические изыскания. Вып. 1 / Отв. ред. С.Г. Басин. Самара: СГПИ. 1996. С. 113–147.

Королев А.И. Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. 2008. Т. 10. № 4. С. 1256–1264.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья // Изв. СНЦ РАН. 2010. №2 (34). Т. 12. С. 256–259.

Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1971. 18 с.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. К.: Изд-во ИА НАН Украины, 2002. 268 с.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СНУ им. В. Даля, 2006. 327 с.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М. / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 10–28.

Кременецкий К.В., Беттгер Т., Климанов В.А., Тарасов А.Г., Юнге Ф. История растительности и климата Бузулукского бора в позднеледниковье и голоцене и их палеогеографическое значение // Изв. РАН. Серия Геогр. 1998. № 4. С. 62–74.

Крижевская Л.Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 243–252.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геолого-палеоэкологические события и обстановка позднего плейстоцена в районе палеолитического поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Отв. ред. Н.О. Бадер. М.: Научный мир, 1998. С. 189–218.

Лозовский В.М. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит − энеолит юга и неолит севера Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 231–236.

Лоцманова О.В., Березина Н.С. Археологические разведки 2006 года в Чувашском Заволжье // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. 19–20 декабря 2006 г. Кн. 2 / Ред.-сост. Е.П. Михайлов, Т.Н. Иванова. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 172–187.

Магницкий В.К. Два «хола-сече» в Ядринском уезде // ИОАИЭ. 1891. Т. 14. Вып. 1.

Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 3–25.

Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГПУ, 1999. С. 15–43.

Мамонов А.Е. Об "елшанских" комплексах за пределами ареала елшанской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 71–75.

Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР. Учебное пособие для университетов М.: Географгиз, 1962. 475 с.

Михайлов Е.П. Из истории изучения археологических памятников Алатырского района // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности/ Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов.. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 26–28.

Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 58–78.

Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1989. С. 118–135.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ИИА УрО РАН; ОГПИ, 1995. 222 с.

Москвитин А.И. Четвертичные отложения и история формирования долины р. Волги в ее среднем течении / Труды Геологического института АН СССР. Вып. 12. М.: изд-во АН СССР, 1958. 210 с.

Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: изд-во АН СССР, 1957. 404 с.

Никитин В.В. Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 41–87.

Никитин В.В. Сутырское поселение (к вопросу о волосовско–ямочно–гребенчатых контактах) // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско–турбинское время / АЭМК. Вып. 3. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 193–206.

Никитин В.В. Ранненеолитическое поселения у поселка Дубовский // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 5–19.

Никитин В.В. Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9. / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1985. С. 57–86.

Никитин В.В. Население с накольчатой посудой на Средней Волге // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова Оренбург: ОГПИ, 1986. С. 50–52.

Никитин В.В. Культура населения с гребенчато-ямочной керамикой на Средней Волге (по материалам Дубовского VIII поселения) // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1988. С. 19–34.

Никитин В.В. Культура позднемезолитического населения левобережья Средней Волги // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. / АЭМК. Вып. 15. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 7–40.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начала II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991. 152 с.

Никитин В.В. Материалы к атласу археологических памятников Марийской ССР // Архипов А.Г., Никитина Т.Е. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. С. 101–131.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения) // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.В. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 293–303.

Никитин В.В. Ранний неолит Волго-Камья. К вопросу о месте накольчатой керамики // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья Материалы международной научной конференции (Ижевск, 29–31 октября 2002 г.). / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: изд-во УдГУ, 2002а. С. 58–64.

Никитин В.В. Культура носителей ямочно-гребенчатой посуды Средней Волги в системе Волго-Окского неолита // Проблема хронологии этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 244–245.

Никитин В.В. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006. С. 224–232.

Никитин В.В. Проблемные вопросы неолитизации Волжского бассейна // Человек, адаптация, культура / Ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 307–313.

Никитин В.В. Культурная ситуация в позднем мезолите раннем неолите на Средней Волге // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 68–80.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.

Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет: Атлас–монография / под ред. А.А. Величко. М.: Наука, 1982. 156 с.

Папченков В.Г., Димитриев А.В. О природном районировании ЧР // Экологический вестник Чувашии / Гл. ред. М.С. Сидоров. Чебоксары, 1993. С. 112–119.

Петрова Е.А. Мамонт (Mammuthus primigenius) из позднего плейстоцена Чувашии, Европейская Россия // Труды Зоологического института РАН. 2009. Т. 313. № 1. С. 58–67.

Порфирьев С.И.. Древности Казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. 1904. Т. 20. Вып. 1–3. С. 1–16.

Пъявченко Н.И. К познанию истории некоторых сфагновых торфяников лесостепи // Труды лаборатории сапропелевых отложений Института леса АН СССР. Вып. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Сидоров В.В. Васильево 1 – мезолитическая стоянка–мастерская // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 111–123.

Симакова А.Н. Развитие растительного покрова Русской равнины и Западной Европы в позднем неоплейстоцене – среднем голоцене (33–4,8 тыс. л.н.) (по палинологическим данным). Автореф. дисс. ... канд. геол.-минер. наук. М., 2008. 31 с.

Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В. Среднестоговские материалы в бассейне Верхнего и Среднего Дона // РА. 2013. № 2. С. 96–106.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской области в 1921 году / НА ЧНИИ. Отд.2. Ед. хр. 81.

Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской Республике в 1926 году // ИОАИЭ. 1927. Т. 23. Вып. 4. С. 15−32.

Соколов А.И. Археологическая разведка Чувашского республиканского краеведческого музея в 1991 г. / Научный архив ИА РАН. Р-1. № 16167, 16168.

Соколов А.И. Памятники эпохи неолита в акватории Чебоксарского водохранилища // Исследования П.Б. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию П.Д. Степанова / Отв.ред. Н. М. Арсентьев. Саранск: Красный октябрь, 1999. С. 56–58.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-та, 1999. 196 с.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево II на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Вып. 2 / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2002. С. 91–103.

Ставицкий В.В. Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождении вольско-лбищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.VI / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2004. С. 16–30.

Ставицкий В.В. Позднеэнеолитические древности лесостепного Посурья // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2006. С. 192–195.

Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ижевск, 2006. 46 с.

Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. II / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: типография «Копи-Ризо», 2008. С. 49–58.

Ставицкий В.В. Неолит // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / под общ. ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 78–106.

Ставицкий В.В. Мезолит // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / под общ. ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2008а. С. 67–77.

Ставицкий В.В., Ставицкий А.В. Поздние погребения древнемордовского Абрамовского могильника // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12. Доступно по URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/12/43002

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2003. 168 с.

Старостин П.Н. Результаты археологических разведок левобережья Волги от пос. Дубовский до с. Кокшамары // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Вып. 16. / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1961. С. 165–180.

Старостин П.Н. Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. Казань, 1967 / НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2314.

Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мега-фауны // РА. 2004. №3. С. 103–112.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э. Челябинск: Рифей, 2003. 68 с.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 136 с.

Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // УЗ ЧНИИ. Вып. 16. Чебоксары, 1958. С. 227–262.

Трубникова Н.В. Отчет о разведочных археологических работах, проведенных в 1955 г. у д. Криуши Чувашской АССР // УЗ ЧНИИ. Вып. 14. 1956. С. 162–195.

Телегін Д.Я. Средньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка, 1973. 172 с.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. К вопросу о волосовских коллективных погребениях // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1996. С. 305–309.

Уткин А.В. Костылева Е.Л. Погребальные «святилища» эпохи энеолита в лесах Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 342–347.

Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М: АН СССР, 1959. 124 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. 185 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Халиков А.Х. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172. Л.: Наука, 1973. С. 107–121.

Хайрутдинов Ф.Г., Малышева О.Н., Стрелков Г.Л., Хайрутдинова Р.Х. Геологическое и гидрогеологическое строение левобережья р. Волги в бассейне рек Мал. и Бол. Кокшаги и правобережья р. Волги на Участке Козмодемьянск – Мар. Посад // Территориальный геологический фонд в г. Чебоксары. Т. 1-5.

Хисяметдинова А.А. Новая интерпретация стратиграфической схемы антропогеновых отложений востока Русской равнины Г.П. Бутакова // Развитие рельефа равнин: геоморфологические и геоэкологические проблемы (Казань, 02 ноября 2007) / Науч. ред. А.Н. Шарифуллин. Казань: Отечество, 2007. С. 142–150.

Хисяметдинова А.А. Проблемы реконструкции палеогеографических условий бытования первобытных памятников Волго-Камья по результатам геолого-геоморфологических исследований // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит; Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 160–179.

Хисяметдинова А.А., Галимова М.Ш., Березина Н.С., Березин А.Ю. Влияние человека на локальные природные процессы на примере верхнепалеолитической стоянки Шолма I (Приволжская возвышенность, Чувашия) // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 120-летию образования кафедры физической географии и этнографии в Казанском университете. Ч. 1. ./ Науч. ред. А.Н. Трофимов. Казань: Казанский гос. ун-т, 2008. С. 165–169.

Хомяков М. Материалы к антропологии востока России // ИОАИЭ. 1909. Т. 24. Вып. 6.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 198 с.

Храмцов М.В. Наконечники кельтеминарского типа: специфика источника // Археология Евразийских степей. 2020. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nakonechniki-kelteminarskogo-tipa-spetsifika-istochnika (дата обращения: 28.01.2021).

Шаландина В.Т. Основные этапы истории растительного покрова в Закамской лесостепи Татарии в голоцене // Ботанический журнал. 1981. Т. 66. № 1. С. 52–63.

Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья: Дисс. … канд. ист. наук. Самара, 2011. 262 с.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Штукенберг А.А. Материалы для археологии Казанской губернии // ИОАИЭ. 1901. Т. 17. Вып. 1.

Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24-8 тыс. л.н.) / Отв. ред. А.К. Маркова, Т. ван Кольфсхотен. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 556 с.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 238–246.

Amirkhanov H. Adaptation and some aspects of the genesis of archaeological cultures. Evidence from the Caucasian sites of Early Holocene // Prehistoria Alpina. Vol. 28 (1992). Museo Tridentino di Scienze Naturali. Trento, 1994. P. 199 –206

Carpelan C. Über Ursprung, Alter und Verbreitung der steinernen Zapfenhauen // Suomen Museo. 1976. T. 83. P. 5–29.

Информация об авторе:

Березина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

REFERENCES

Abaturov, A. M. 1968. *Poles'ia Russkoi ravniny v cviazi s problemoi ikh osvoeniia (Forest Areas of the Russian Plain in Relation to the Issue of Their Development)*. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian)

Agapov, S. A., Vasil'ev, I. B., Pestrikova, V. I. 1990. *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik (Khvalynsky Eneolithic Burial Ground*) Saratov: Saratov State University (in Russian).

Amirkhanov, Kh. A. 1986. *Verkhnii paleolit Prikuban'ia (The Upper Paleolithic of the Kuban Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Andreev, K. M. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 19 (2), Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-diskussionnye-voprosy-izucheniya-rannego-neolita-lesostepnogo-povolzhya (accessed 28.01.2021) (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A. 2012. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 14, no. 3, 193–199 (in Russian).

Andreev, K. M., Berezina, N. S., Berezin A. Yu., Vybornov, A. A. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10. Tver: Tver State United Museum, 267–274 (in Russian).

Andreev, S. I. 1971. *Pochvy Chuvashskoi ASSR (Soils of the Chuvash ASSR)* 1. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Arkhangel'sky, N. A. 1896. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XIII (4), 287–289 (in Russian).

Arkhangel'sky, N. A. 1900. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XVI (1), 72–78 (in Russian).

Arkhangel'sky, N. A. 1900a. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University*) XVI (2), 213–225 (in Russian).

Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii i kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzh'ia (Concerning the History and Culture of Volosovo and Ananyino Tribes from the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 5–40 (in Russian).

Drinev, S. E. (ed.-in-chief). 2007. *Atlas zemel sel'skokhoziaistvennogo naznacheniia Chuavshskoi Respuliki Atlas of Agricultural Lands of the Chuvash Republic)*. Cheboksary: Ministry of Natural Resources and Ecology of the Chuvash Republic (in Russian).

Bader, N. O. *Otchet o rabotakh paleoliticheskogo otriada Kuibyshevskoi ekspeditsii, provedennykh v iiule 1957 g. N. Baderom i V. Pushkarskim (Report on works of the Paleolithic Group of Kuibyshev Expedition conducted by N. Bader and V. Pushkarsky in July 1957)*. Research Archive of Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. Inv. II. Unit 558. Inv. No. 1574 (in Russian).

Bader, O. N. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: "Nauka" Publ., 99–106 (in Russian).

Bader, O. N. 1981. In Stoyanov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 15. Sverdlovsk: Ural State University, 44–51 (in Russian).

Bader, O. N., Kalinina, I. V. 2003. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* 3. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 11–30 (in Russian).

Bakharev, S. S., Ovchinnikova, N. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 77–80 (in Russian).

Berezin A. Yu., Berezina, N. S. 2009. In Galimova, M.Sh. (ed.). S*rednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 113–127 (in Russian).

Berezin A. Yu., Berezina, N. S., Bessudnov, A. N. 2011. In Fediunin, I. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 14. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 12–24 (in Russian).

Berezin A. Yu., Petrova, E. A., Berezina, N. S. 2001. In Egorov, L. V. (ed.). *Nauchnye Trudy Gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika "Prisurskii" (Scientific Papers of Prisursky Nature State Reserve)*. 7. Cheboksary – Atrat: Prisursky Nature State Reserve, 112–118 (in Russian).

Berezina, N. S. 2002. *Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskoi razvedki na territorii Alatyrskogo, Cheboksarskogo i Tsivil'skogo rayonov Chuvashskoi Respubliki v 2001 g. (Report on the Results of Archaeological Exploration in Alatyrsky, Cheboksarsky and Tsivilsky Districts of the Chuvash Republic in 2001)*. Cheboksary. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 26401 (in Russian).

Berezina, N. S. 2003. In Melnichyuk, A. F. (ed.). *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie (International (16th Ural) Archaeological Session)*. Perm: Perm State University, 35–39 (in Russian).

Berezina, N. S. 2003a. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone*). Penza: Penza State Pedagogical University, 26–33 (in Russian).

Berezina, N. S. 2006. In Mikhailov, E.P. (ed.). *Issledovaniia po drevnei i srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia (Studies of Mukshum XVIII Settlement in the Chuvash Trans-Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 22–59 (in Russian).

Berezina, N. S. 2006a. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6. Tver: Tver State United Museum, 233–240 (in Russian).

Berezina, N. S. 2009. In Mikhailov, E. P., Ivanova T. N. (eds.). *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie V.F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii. Kn. 2 (Scientific and Pedagogical Heritage of V. F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology. Book 2)*. Cheboksary: Chuvashia State Institute for Humanities, 140–161 (in Russian).

Berezina, N. S. 2009a. In Mikhailov, E. P., Ivanova T. N. (eds.). N*auchno-pedagogicheskoe nasledie V.F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii. Kn. 2 (Scientific and Pedagogical Heritage of V. F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology. Book 2)*. Cheboksary: Chuvashia State Institute for Humanities, 223–273 (in Russian).

Berezina, N. S. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 152. Book 3. part 1. Kazan: Kazan State University, 42–52 (in Russian).

Berezina, N. S. 2011. In *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University)* 26(4), 98–106 (in Russian).

Berezina, N. S. 2011. *Ranniy neolit Chuvashskogo Povolzh'ia i problemy neolitizatsii (PEarly Neolithic of the Chuvash Volga Region and the Issues of Neolithization)*. Series: Chuvashskiy gosudarstvennyi institute gumanitarnykh nauk. Nauchnye doklady (Chuvash State Institute for the Humanities. Scientific Papers) 3. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities (in Russian).

Berezina, N. S.. 2011v. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). T*rudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)* 2. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 105–106. (in Russian).

Berezina, N. S. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 8 (1). Tver: "Triada", 184–192 (in Russian).

Berezina, N. S. 2011a. *Kamennyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Chuvash Volga Region)*. Diss. of doctor of of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Berezina, N. S. 2012. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (ed.). *Chuvashskaia arkheologiia (Chuvash Archaeology)* 1. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 136–146 (in Russian).

Berezina, N. S. 2016. In Solov'ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkheologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 50–56 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2001. In Egorov, L. V. (ed.).*Nauchnye Trudy gosudarstvennogo zapovednika "Prisurskiy" (Scientific Papers of Prisursky Nature State Reserve)* 7. Cheboksary –Atrat: Гос. заповедник "Присурский", 155–159 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2002. In Burkanov, A. A. (ed.). *Problemy istorii, kul'tury i razvitiia iazykov narodov Tatarstana i Volgo-Ural'skogo regiona (Issues of History, Culture and Development of Languages of the Peoples of Tatarstan and the Volga-Ural Region)*. Kazan: "Gumanitarya" Publ., 131–138 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2002a. In Burkanov, A. A. (ed.). *Problemy istorii, kul'tury i razvitiia iazykov narodov Tatarstana i Volgo-Ural'skogo regiona (Issues of History, Culture and Development of Languages of the Peoples of Tatarstan and the Volga-Ural Region)*. Kazan: "Gumanitarya" Publ., 129–130 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2003. In Mikhailov, E.P. (ed.). *Novye arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Recent Archaeological Studies in the Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 89–171 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 27–31 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala. Materialy III Khalikovskikh chtenii (g. Bolgar. 27–30 maia 2004 g.) (Historical and Culturel Investigations in the Volga Region and the Urals. Proceedings of III Khalikov Readings (Bolgar, May 27–30, 2004))*. Kazan: "Shkola" Publ., 54–62 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 62–69 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh., Khisiametdinova, A. A., Churbanov, A. A. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* I. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 108–110 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh., Khisiametdinova, A. A. 2009. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniiakh (The Role of Natural Scientific Methods in Archaeological Studies)*. Barnaul: Altai State University, 253–256 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh., Khisiametdinova, A. A., Churbanov, A. A. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 251–308 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Konovalenko, A. V. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specifics of the Volga-Sura Region in the Primeval Period)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 31–67 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Myasnikov, N. S. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specifics of the Volga-Sura Region in the Primeval Period)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 87–96 (in Russian).

Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Elmobarak Dzhafar O. V., Vybornov, A. A., Sidorov, V. V., Shalapinin, A. A. 2012. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (ed.). *Chuvashskaia arkheologiia (Chuvash Archaeology)* 1. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 156–182 (in Russian).

Berezina, N. S., Viskalin, A. V., et al. 2007. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii krai v istorii Rossii: mat-ly mezhreg. nauch. konf., posviashchennoi 120-letiiu so dnia osnovaniia Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia im. P. V. Alabina (Samara Region in the History of Russia: Proceedings of an Interregional Research Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin)* 3. Samara: Regional Museum of Local Lore, 14–23 (in Russian).

Berezina, N. S., Vybornov, A. A., Kondrat'ev, S. A., Shalapinin, A. A. 2010. In Bulankin, V. M. (ed.). *Materialy po istorii i arkheologii Rossii. Ryazan' (Materials on the History and Archaeology of Russia. Ryazan)* 1. Ryazan: "Aleksandriya" Publ., 61–75 (in Russian).

Berezina, N. S., Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V., Berezin A. Yu. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 9. Tver: Tver State United Museum, 195–201 (in Russian).

Borisova, O. K. 1994. In Velichko, A. A. (ed.). *Korotkoperiodnye i rezkie landshaftno-klimaticheskie izmeneniia za poslednie 15000 let (Short-Term and Abrupt Landscape and Climatic Changes Over the Last 15,000 Years)*. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 61–73 (in Russian).

Briusov, A. Ya. *Paleoliticheskaia stoianka u s. Uliank v Chuvashskoi ASSR (1937 g.) (Paleolithic Settlement near Ulyank Village in the Chuvash ASSR (1937))*. Cheboksary: Chuvash National Museum. Dossier 25. Inv. no. 4495 (in Russian).

Burov, G. M. 1980. *Kamennyi vek Ulyanovskogo Povolzh'ia. Putevoditel' po arkheologicheskim pamiatnikam (Stone Age of Ulyanovsk Volga Region. Guide to Archaeological Sites)*. Ulyanovsk: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Butakov, G. P. 1986. *Pleystotsenoviy periglyatsial na vostoke Russkoy ravniny (Pleistocene Periglacial in the Eastern Area of the Russian Plain)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Butakov, G. P., Gleizer, I. V. 1990. In Spasskya, I. I. (ed.). C*hetvertichnaia stratigrafiia i sobytiia Evrazii i Tikhookeanskogo regiona (Quaternary Stratigraphy and Events in Eurasia and the Pacific Region)*. Yakutsk: Yakut Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 35–37 (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1994. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 205–218 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural specifics of the Volga-Sura Region in the Primeval Period)* Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 97–118 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 216–229 (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Siniuk, A. T. 1985. *Eneolit Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (voprosy proiskhozhdeniia i periodizatsii kul'tur) (Eneolithic of the East European Forest-Steppe (Issues of the Origin and Periodization of Cultures))*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Velichko, A. A. 1973. *Prirodnyi protsess v pleistotsene (Natural Process in the Pleistocene)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Velichko, A. A. 1983. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya (Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Geographical Series)* 5. 7–21 (in Russian).

Velichko, A. A., Grichuk, V. P., Gurtovaya, E. E., Zelekson, E. M. 1983. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya (Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Geographical Series)* 6. 30–45 (in Russian).

Velichko, A. A., Drenova, A. N., Klimanov, V. A., Kremenetsky, K. L. 2002. In Spasskaya, I. I. (ed.). *Puti evoliutsionnoi geografii (itogi i perspektivy). K 70-letiiu A.A. Velichko (Trends of Evolutionary Geography (Results and Perspectives). Dedicated to the Seventieth Anniversary of A.A. Velichko)*. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 186–206.

Velichko, A. A., Morozova, T. D. 1972. In Velichko, A. A. (ed.). *Lioss, pogrebennye pochvy i kriogennye iavleniia na Russkoi ravnine (Loess Soil, Buried Soils and Cryogenic Phenomena in the Russian Plain)*. Moscow: Institute of Geography, Academy of Sciences of the USSR, 71–114 (in Russian).

Velichko, A. A., Starkel', L. 1994. *Paleogeograficheskaia osnova sovremennykh landshaphtov (Paleogeographic Framework of Modern Landscapes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Viskalin, A. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 274–283 (in Russian).

Viskalin, A. V. 2003. In Stavitsky, V. V. (ed.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza, 41–57 (in Russian).

Viskalin, A. V. 2004. In Vybornov, A. A. (ed.). I*storicheskie issledovaniya (History Studies)* 5. Samara: Samara State Pedagogical University, 144–154 (in Russian).

Viskalin, A. V., Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Stavitsky, V. V., Konovalenko, A. V. 2009. In Mikhailov, E. P., Ivanova T. N. (eds.). N*auchno-pedagogicheskoe nasledie V.F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii. Kn. 2 (Scientific and Pedagogical Heritage of V. F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology. Book 2)*. Cheboksary: Chuvashia State Institute for Humanities, 41–72 (in Russian).

Viskalin, A. V., Vybornov, A. A., Stavitsky, V. V. 2000. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfl uves Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 12–22 (in Russian).

Smirnov, O. V. (ed.). 1994. *Vostochnoevropeiskie shirokolistvennye lesa (Eastern European Broadleaf Forests)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kul'kova, M. A., Vasil'eva, I. N., Goslar, T., Dzhall, T., Possnert, G., Philippsen, B. 2015. In Berezina, N. S. (ed.). *Chuvashskaia arkheologiia (Chuvash Archaeology)* 2. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 26–31 (in Russian).

Vybornov, A. A., Gabiashev, R. S., Galimova, M. Sh., Denisov, V. P., Kovalyukh, N. N., Lychagina, E. L., Melnichuk, A. F., Skripkin, V. V. 2008. In Krylasova, N. B. (ed.). *Vestnik muzeia arkheologii i ethnografii Permskogo Predural'ia ((Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 36–45 (in Russian).

Vybornov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V., Berezina, N. S., Stavitsky, V. V. 2008. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Current Issues of Archaeology of the Urals and Volga Region)*. Samara: Samara State University, 20–25 (in Russian).

Vybornov, A. A., Kondrat'ev, S. A. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences).* Vol. 11, no. 6, 282–284 (in Russian).

Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Stavitsky, V. V. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 113–120 (in Russian).

Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Mamonov, A. E. 2002. In Vybornov, A. A. (ed.). *Istoricheskie issledovaniya (History Studies)* 4. 163–176 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology).* Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–46 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolitic Age of the Lower Kama).* Thesis of Diss. of Candidate of of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.).* Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; "Fän" Publ. (in Russian).

Galimova, M. Sh. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade).* Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 5–16 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Monuments of the Ancient History of the Volga-Kama Region).* Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 6–16 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Novye materialy po mezolitu Volgo-Ural'ia (New Materials on the Mesolithic of the Volga-Urals)*. Kazan: "Fest" Publ., 23–77 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Monuments of Late Paleolithic and Mesolithic in the Mouth of the Kama River*). Moscow: "Ianus-K" Publ. (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2004. In Petrenko, A.G. (ed.). *Arkheologiia i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan*) 2. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 65–132 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2009. O*tchet ob okhrannykh raskopkakh Mukshumskoi 14 stoianki v Cheboksarskom raione Chuvashskoi Respubliki v 2008 godu (Report on Salvage Excavations of Mukshum 14 Settlement conducted in Cheboksarsky District of the Chuvash Republic in 2008)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Garutt, N. V. 1992. In Murav'ev, I. S., Solodukho, I. G. (eds.). *Volzhskaia fauna pleistotsenovykh mlekopitaiushchikh v geologo-mineralogicheskommuzee KAzanskogo universiteta (Volga Fauna of Pleistocene Mammals in the Museum of Geology and Mineralogy of Kazan University).* Kazan: Kazan State University, 76–107 (in Russian).

Chumakov, O. E. 1995. *Geologicheskaia karta Rossiiskoi Federatsii. Karta chenvertichnykh obrazovanii. List O-(38), 39 (Geological Map of the Russian Federation. Map of Quaternary Formations. Sheet O-(38), 39)* (in Russian).

Gorelik, A. F. 2001. *Pamiatniki Rogaliksko-Peredel'skogo raiona. Problemy final'nogo paleolita Yugo-Vostochnoi Ukrainy (Rogaliksko-Peredelskoye local region site complex. Problems of the final paleolithik of South-Eastern Ukraine).* Kiev; Luhansk: Editorial and Publishing Unit of Luhansk State University of Internal Affairs (in Russian).

Gribchenko, Yu. N., Kurenkova, E. I. 2006. In Sycheva, S. A., Uzyanov, A. A. (eds.). *Kul'turnye sloi arkheologicheskikh pamiatnikov. Teoriia i metody i praktika (Cultural Layers of Archaeological Sites. Theory, Methods and Practice).* Moscow: "Priroda" Publ., 160–180 (in Russian).

Gribchenko, Yu. N., Kurenkova, E. I. 2007. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 15, 120–127 (in Russian).

Grichuk, V. P. 1982. In Gerasimov, I. P., Velichko, A. A. (eds.). *Paleogeografiia Evropy za poslednie sto tysiach let (Palaeogeography of Europe Over the Last Hundred Thousand Years).* Moscow: "Nauka" Publ., 92–109 (in Russian).

Gugalinskaya, L. A., Alifanov, V. M., Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Khisyametdinova, A. A., Popov, D. A., Vagapov, I. M., Ovchinnikov, A. Yu.,Kondrashin, A. G., Rapatskaya, K. M.. 2010. In I*zvestiia Samarskogo*

nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences). Vol. 12, no. 1, 1006–1010 (in Russian).

Gugalinskaya, L. A., Alifanov, V. M. 1998. In Bader, N. O. (ed.). *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir (pogrebeniia i okruzhaiushchaia sreda) (The Sungir Late Paleolithic Settlement (Burials and Environment))*. Moscow: "Nauchnyi mir" Publ., 240–257 (in Russian).

Gusentsova, T. M. 1993. *Mezolit i neolit Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Mesolithic and Neolithic of the Kama-Viatka Interfluve)*. Izhevsk: Udmurt University (in Russian).

Velichko, A. A. (ed.). 2002. *Dinamika landshaftnykh komponentov i vnutrennikh basseinov Severnoi Evrazii za poslednie 130 000 let (Dynamics of Landscape Components and Inland Sea Basins of Northern Eurasia Over the Past 130,000 Years)*. 2. Moscow: "Geos" Publ. (in Russian).

2007. *Ob okhrane okruzhaiushchei sredy Chuvashskoi Respubliki v 2006 godu (On Environmental Protection of the Chuvash Republic in 2006: report / Ministry of Natural Resources and Ecology of the Chuvash Republic)*. Cheboksary. (in Russian).

Engovatova, A. V. (ed.). 1997. *Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ia (po materialam mnogosloinogo poseleniia epokhi kamnia i bronzy Voimezhnoe I) (Ancient Hunters and Fishermen of the Moscow Region (on the Materials of Voimezhny I Multilayer Settlement of the Stone and Bronze Period))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Efimenko, P. P. 1926. *Materialy Srednevolzhskoi ekspeditsii 1926 g. (Materials of the Middle Volga Expedition of 1926)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 2, inv. 1 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1929. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy of the Institute of Material Culture)* II. Leningrad, 171–172 (in Russian).

Efimenko, P. P., Tret'yakov, P. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 126–134 (in Russian).

Iznoskov, I. A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III, 73−84. (in Russian).

Ikonnikova, L. S. *Otchet o geologo-strukturnoi siemke Cheboksarskogo Povolzh'ia v predelakh planshetov O–38–142–G i O–38–143–V i G. Gor'kovskoe geologicheskoe upravlenie g. Gorky v 1946 g. (Report on Geological and Structural Surveying of the Cheboksary Volga Region in Quadrangles O-38-142-G and O-38-143-V and G. Gorky Geological Department. Gorky, 1946.)*. Archive of the Federal State Institution Territorial Geological Fund of the Volga Federal District in Cheboksary. dossier. 34. (in Russian).

Kalinina, I. V. 1979. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20. Leningrad: State Hermitage Museum, 5–27 (in Russian).

Kapustin, A. P., Moldavskaya, A. K. *Rezul'taty strukturno-kartirovochnogo bureniia na Marposadskom podniatii Chuvashkoi ASSR v 1948 (Results of Structural Mapping Drilling on the Marposad Elevation in the Chuvash ASSR in 1948)*. Archive of the Federal State Institution Territorial Geological Fund for the Volga Federal District in Cheboksary. dossier. 56. (in Russian).

Kakhovskii, V. F. 1964. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo istituta. (Scientific notes of the Chuvash Research Institute)*. 25 Cheboksary: Chuvashgosizdat, 29–72 (in Russian).

Kakhovskii, V. F. 1969. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo istituta. (Scientific notes of the Chuvash Research Institute*). 47 Cheboksary: Chuvashgosizdat, 3–24 (in Russian).

Kakhovskii, V. F. 1978. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo istituta. (Scientific notes of the Chuvash Research Institute)*. 80 Cheboksary: Chuvashgosizdat, 8–55 (in Russian).

Kakhovskii, B. V. 1979. *Arkheologicheskaia razvedka v baseline r. Tsivil' v 1978 g.(Archaeological Exploration in the Basin of the Tsivil River in 1978.)* Cheboksary. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 7198 (in Russian).

Klimanov, V. A. 1982. In Velichko, A. A. (ed.). *Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleistotsene i golotsene (Evolution of the environment at the USSR territory during late pleistocene and holocene)*. Moscow: "Nauka" Publ., 251–258 (in Russian).

Klimanov, V. A. 1994. In Velichko, A. A. (ed.). *Korotkoperiodnye i rezkie landshaftno-klimaticheskie izmeneniia za poslednie 15000 let (Short-Term and Abrupt Landscape and Climatic Changes Over the Past 15,000 Years*). Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 61–73 (in Russian).

Klimanov, V. A. 1996. In *Palinologiia v biostratigrafii, paleoekologii i paleogeografii (Palynology in Biostratigraphy, Paleoecology and Paleogeography)*. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 63–192 (in Russian).

Kolomyts, E. G. 2005. *Borealnyi ekoton i geograficheskaia zonalnost' (Boreal Ecotone and Geographic Zoning)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Koltsov, L. V. 1989. In Koltsov, L. V. (ed.). *Arkheologiia SSSR. Mezolit SSSR (USSR Archaeology. USSR Mesolithic)*. Moscow: "Nauka" Publ., 87–92 (in Russian).

Korolev, A. I. 1996. In Basin, S. G. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia (Historical and Archaeological Investigations)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 113–147 (in Russian).

Korolev, A. I. 2008. In I*zvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 10, no. 4, 1256–1264 (in Russian).

Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2006. *Primokshan'e v epokhu rannego metalla (The Moksha Region in the Early Metal Period)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2010. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 12, no. 2, 256–259 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1971. Mezolit Srednego Povolzh'ia (Mesolithic of the Middle Volga Region). Thesis of Diss. of Candidate of of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Kotova, N. S. 2006. *Ranniy eneolit stepnogo Podneprov'ya i Priazov'ya (Early Eneolithic Period of the Steppe Dnieper and Azov Sea Regions)*. Lugansk: Volodymyr Dahl East Ukrainian National University (in Russian).

Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR*). Series: Archaeology of the USSR . Moscow: "Nauka" Publ., 10–28 (in Russian).

Kremnetsky, K. V., Bettger, T., Klimanov, V. A., Tarasov, A. G., Yunge, F. 1998. In I*zvestiia Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Russian Academy of Sciences)*. 4, 62–74 (in Russian).

Krizhevskaya, L. A.. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 243–252 (in Russian).

Lavrushkin, Yu. A., Spiridonova, E. A. 1998. In Bader, N. O. (ed.). *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungur (pogrebeniia i okruzhaiushchaia sreda) (Sungir Late Paleolithic Settlement (Burials and Environment)*. Moscow: "Nauka" Publ., 189–218 (in Russian).

Lozovsky, V. M. 2003. In Timofeev, V. I. (ed.). *Neolit – eneolit yuga i neolit severa Vostochnoi Evropy (Neolithic - Eneolithic of the South and Neolithic of the North of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 231–236 (in Russian).

Lotsmanova, O. V., Berezina, N. S. 2009. In Mikhailov, E. P., Ivanova T. N. (eds.). *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie V.F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii. Kn. 2 (Scientific and Pedagogical Heritage of V. F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology. Book 2)*. Cheboksary: Chuvashia State Institute for Humanities, 172–187 (in Russian).

Magnitsky, V. K. 1891. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XIV (1) (in Russian).

Mamonov, A. E. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 3–25 (in Russian).

Mamonov, A. E. 1999. In Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 15–43 (in Russian).

Mamonov, A. E. 2007. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 8. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 71–75 (in Russian).

Mil'kov, F. N., Gvozdetsky, N. A. 1962. *Fizicheskaia geografiia SSSR (Physical Geography of the USSR)*. Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Mikhailov, E. P. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specifics of the Volga-Sura Region in the Primeval Period)* Chuvash State Institute for the Humanities Sciences, 26–28 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy (Copper Age in Southern Part of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 58–78 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 118–135 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1995. *Neolit i eneolit yuga lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia (Neolithic and Eneolithic in the South of the Forest-Steppe Area of the Volga-Ural Interfluve)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute (in Russian).

Moskvitin, A. I. 1958. *Chetvertichnye otlozheniia i istoriia formirovaniia doliny r. Volgu v ee srednem techenii (Quaternary Deposits and the History of the Formation of the Volga River Valley in Its Middle Reaches)*. Series: Trudy Geologicheskogo instituta AN SSSR (Proceedings of the Geological Institute of the USSR Academy of Sciences) 12. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Neishtadt, M. I. 1957. *Istoriia lesov i paleogeografiia SSSR v golotsene (History of Forests and Palaeogeography of the USSR in the Holocene)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Nikitin, V. V. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen (History of the Culture of Ananyino and Volosovo Tribes)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 41–87 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1978. In Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. (ed.). *Lesnaia polosa Vostochnoi Evropy v volosovsko-turbinskoe vremia (Forest Belt of Eastern Europe in the Volosovo-Turbino Period)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 3. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 193–206 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 5–19, (in Russian).

Nikitin, V. V. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 9. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 57–86 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1986. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy epokhi neolita stepnoi i lesostepnoi zony Vostochnoi Evropy (Issues of Neolithic in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 50–52 (in Russian)

Nikitin, V. V. 1988. In Starostin, P. N. (ed.). *Pamiatniki pervobytnoi epokhi v Volgo-Kam'e ((Sites of the Primeval Period in the Volga-Kama Region)* Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 19–34 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1989. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie raboty 1980–1986 godov v zone Cheboksarskogo vodokhranilishcha (Archaeological Activities of 1980–1986 in the Area of Cheboksary Reservoir)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 15. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 7–40 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (seredina III – nachalo II tysiacheletiia do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari Region (Middle of 3rd – Early 2nd Millennia BC))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 1993. *Materialy k atlasu arkheologicheskikh pamiatnikov Mariiskoi SSR (Materials for the Atlas of Archaeological Sites of the Mari SSR)* In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. Atlas arkheologicheskikh pamiatnikov Respubliki Marii El (Atlas of Archaeological Sites of the Republic of Mari El) 2. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Early Iron Age and Middle Ages). Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 101–131 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 293–303 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2002a. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodeistviia i tolerantnosti narodov Priural'ia (Historical Origins, an Experience of Interaction and Tolerance of Peoples in the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Institute of Economics and Public Administration of Udmurt State University, 58–64 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problema khronologii etnokul'turnykh vzaimodeistviy v neolite Evrazii (Issue of the Chronology of Ethnocultural Interactions in the Neolithic of*

Eurasia). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 244–245 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2006. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6. Tver: Tver State United Museum, 224–232 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 307–313 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specifics of the Volga-Sura Region in the Primeval Period)* Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, 68–80 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1983. *Mezolit basseina Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ia (Mesolithic of the Sukhona Basin and the Eastern Onega Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Velichko, A. A. (ed.). 1982. *Paleogeografiia Evropy za poslednie 100 tysiach let (Palaeogeography of Europe Over the Last 100 Thousand Years)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Papchenkov, V. G., Dimitriev, A. V. 1993. In Sidorov, M. S. (ed.-in-chief). *Ekologicheskiy vestnik Chuvashii (Ecological Bulletin of Chuvashia)*. Cheboksary, 112–119 (in Russian).

Petrova, E. A. 2009. In T*rudy Zoologicheskogo institute RAN (Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences)* Vol. 313, no. 1., 58–67 (in Russian).

Porfir'ev, S. I. 1904. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XX (1–3), 1–16. (in Russian).

Pyavchenko, N. I. 1950. In *Trudy laboratotii sapropelevykh otlozhenii Istituta lesa AN SSSR (Proceedings of the Laboratory of Sapropel Deposits of the Institute of Forest, the USSR Academy of Sciences)* 4. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sidorov, V. V. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4 (I). Tver: Tver State United Museum, 111–123 (in Russian).

Simkova, A. N. 2008. *Razvitie rastitel'nogo pokrova Russkoi ravniny i Zapadnoi Evropy v pozdnem neopleistotsene – srednem golotsene (33 -4,8 tys. l.n.) (po palinologicheskim dannym) (Development of the Vegetation Cover of the Russian Plain and Western Europe in the Late Neopleistocene - Middle Holocene (33–4.8 Thousand Years Ago) (Based on Palynological Data)).)*. Thesis of Diss. of Candidate of of Geological and Mineralogical Sciences. Moscow (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Smol'yaninov, R. V. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 96–106 (in Russian).

Smolin, V. F. 1921. *Arkheologicheskie razvedki v Chuvashdkoi oblasti v 1921 godu (Archaeological Surveying in the Chuvash Region in 1921)*. National Archive of the Chuvash Research Institute. Inv. 2. Inv. no. 81 (in Russian).

Smolin, V. F. 1927. In Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University) XXIII (4), 15−32 (in Russian).

Sokolov, A. I. 1991. *Arkheologicheskaia razvedka Chuvashskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia v 1991 g. (Archaeological Surveying of the Chuvash Republican Museum of Local Lore in 1991)*. Moscow. Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Inventory 1. Dossier 16167, 16168 (in Russian).

Sokolov, A. I. 1999. In Arsent'ev, N. M. (ed.). *Issledovaniia P.D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti i sovremennosti (Studies by P.D. Stepanov and Ethnocultural Processes of Antiquity and Contemporaneity)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ., 56–58 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Stavitsky, V. V. 1999.Kamennyi vek Primokshan'ia i Posur'ia (Stone Age of the Moksha and Upper Sura Rivers Regions). Penza (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2002. In In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 2. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 91–103 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2004. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 6. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 16–30 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2006. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities).* Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 192–195 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2006. *Neolit, eneolit i rannii bronzovyi vek Sursko-Okskogo mezhdurech'ia i Verkhnego Prikhoper'ia: dinamika vzaimodeistviia kul'tur severa i iuga v lesostepnoi zone (Neolithic, Chalcolithic and Early Bronze Age in the Sura and Oka Interfluves Area and the Upper Khoper River Basin: dynamics of interactions of the cultures of the North and the South in the forest-steppe belt).* Thesis of Diss. of doctor of of Historical Sciences. Izhevsk (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2006. In Stavitsky, V. V. (ed.). *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 49–58 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2008. *Neolit (The Neolithic)* In Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). 2008. Arkheologiia Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period). Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 78–106 (in Russian).

Stavitskii, V. V. 2008a. *Mezolit (The Mesolithic)* In Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). 2008. A*rkheologiia Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 67–77 (in Russian).

Stavitskii, V. V., Stavitskii, A. V. 2014. In *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii (Recent Scientific Investigations and Innovations)* 12. Available at: http://web.snauka.ru/issues/2014/12/43002 (in Russian).

Stavitskii, V. V., Khrekov, A. A. 2003. *Neolit – rannii enelit lesostepnogo Posur'ia i Prikhoper'ia (Neolithic - Early Eneolithic of the Forest-Steppe Sura and Khopyor Rivers Regions)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Starostin, P. N. 1961. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Voprosy istorii, arkheologii i etnografii mari (Issues of History, Archaeology and Ethnography of the Mari).* 16. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 165–180 (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskoi razvedki na territorii Chuvashskoi ASSR, provedennykh letom 1966 g. (Report on the Results of Archaeological Surveying in the Territory of the Chuvash ASSR in Summer of 1966).* Research Archive of Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. Inv. II. Unit 2314 (in Russian).

Sulerzhitsky, L. D. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 103–112 (in Russian).

Tairov, A. D. 2003. *Izmeneniia klimata stepei i lesostepei Tsentral'noi Evrazii vo II–I tys. do n.e. (Changes in the Climate of the Steppes and Forest–Steppes of Central Eurasia in the 2nd - 1st Millennia BC.).* Chelyabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).

Tret'iakov, V. P. 1972. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki v lesnoi polose Evropeiskoi chasti SSSR. (Culture of Pit-combed ceramics in the Forest Belt of the European Area of the USSR).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1956. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo istituta. (Scientific Notes of the Chuvash Research Institute).* 14 Cheboksary: Chuvashgosizdat, 162–195 (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1958. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo istituta. (Scientific Notes of the Chuvash Research Institute).* 16 Cheboksary: Chuvashgosizdat, 227–262 (in Russian).

Telegin, D. Ya. 1973. *Sredn'ostogivs'ka kultura epokhi midi (The Sredny Stog Culture of the Copper Age).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Utkin, A. V., Kostyleva, E. L. 1996. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 2. Tver: Tver State United Museum, 305–309 (in Russian).

Utkin, A. V., Kostyleva, E. L. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 342–347 (in Russian).

Formozov, A. A. 1959. *Etnokul'turnye oblasti na territorii Evropeiskoi chasti SSSR v kamennom veke (Ethnic–cultural Regions in the Territory of the European part of the USSR in the Stone Age).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii

(Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh’ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1973. In Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 172. Leningrad: “Nauka” Publ., 107–121 (in Russian).

Khairutdinov, F. G., Malysheva, O. N., Strelkov, G. L., Khairutdinova, R. Kh. *Geologicheskoe i gidrogeologicheskoe stroenie levoberezh'ia r. Volgi v basseine rek Mal. i Bol. Kokshagi i pravoberezh'ia r. Volgi na Uchastke Kozmodem'iansk – Mar. Posad (Geological and Hydrogeological Structure of the Left Bank of the Volga River in the Malya and Bolshaya Kokshaga River Basins and the Right Bank of the Volga River in the Kozmodemyansk - Mariinsky Posad Regions)*. In Territorial'nyi geologicheskii fond v g. Cheboksary. (*Territorial Geological Fund in Cheboksary*) 1-5. (in Russian).

Khisyametdinova, A. A. 2007. In Sharifullin, A. N. (ed.). *Razvitie rel’efa ravnin: geomorfologichesie i geoekologicheskie problemy (Development of Plain Relief: Geomorphological and Geoecological Issues)*. Kazan: “Otechestvo” Publ., 142–150 (in Russian).

Khisyametdinova, A. A. 2007. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Arkheologiia i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan: “Alma-Lit” Publ., 160–179 (in Russian).

Khisyametdinova, A. A., Galimova, M. Sh., Berezina, N. S., Berezin, A. Yu. 2008. In Trofimov, A. N. (ed.). *Prirodnye, sotsial’no-ekonomicheskie i etnokul’turnie protsessy v Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashhennoi 120-letiiu obrazovaniia kafedry fizicheskoi geografii i etnografii v Kazanskom universitete (Natural, Social–Economic and Ethnocultural Processes in Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 120th Anniversary of the Establishment of the Department of Physical Geography and Ethnography at Kazan University)* 1. Kazan: Kazan State University, 165–169 (in Russian).

Khomyakov, M. 1909. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXIV (6). (in Russian).

Khotinsky, N. A. 1977. *Golotsen Severnoi Evrazii (Holocene of Northern Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khramtsov, M. V. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/nakonechniki-kelteminarskogo-tipa-spetsifika-istochnika (accessed 28.01.2021) (in Russian).

Shalandina, V. T. 1981. In *Botanicheskiy zhurnal (Botanicheskii Zhurnal)* 1. Vol. 66. 52–63 (in Russian).

Shalapinin, A. A. 2011. *Kul'turno-khronologicheskoe sootnoshenie pozdneeneoliticheskikh kompleksov Srednego Povolzh'ia (Cultural and Chronological Correlation between Late Eneolithic Complexes of the Middle Volga Region)*. PhD Diss. Samara (in Russian).

Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoi gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

Shtukenberg, A. A. 1901. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XVII (1). (in Russian).

Markova, A. K., van Kolfschoten, T. 2008. *Evoliutsiia tkosistem Evropy pri perekhode ot pleistotsena k golotsenu (24-8 tys. l.n.) (Evolution of European Ecosystems During the Transition from the Pleistocene to the Holocene (24-8 Thousand Years Ago)*. Moscow: “KMK Scientific Press Ltd” (in Russian).

Engovatova, A. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 3. Tver: Tver State United Museum, 238–246 (in Russian).

Amirkhanov H. 1994. In *Prehistoria Alpina*. Vol. 28 (1992), 199 –206.

Carpelan, C. 1976 In *Suomen Museo*. 83, 5–29 (in German).

About the Author:

Berezina Natalia S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru